

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПРОБЛЕМЫ
ЛИТЕРАТУРНОГО
РАЗВИТИЯ
В РОССИИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ
XVIII ВЕКА

1938к
500_б

ИРЛИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII

В Е К

СБОРНИК

9

ПРОБЛЕМЫ
ЛИТЕРАТУРНОГО
РАЗВИТИЯ
В РОССИИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ
XVIII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1974

Под редакцией
Г. П. МАКОГОНЕНКО, Г. Н. МОИСЕЕВОЙ

П $\frac{0722-1036}{042(01)-74}$ 289-73.

© Издательство «Наука» 1974

О Т Р Е Д А К Ц И И

Настоящий сборник «XVIII век» является тематическим. Он посвящен разработке некоторых существенных проблем литературно-общественного движения первых трех десятилетий XVIII века, той эпохи, которая в новейшей научной литературе называется обычно переходной, а традиционно обозначалась как петровская.

По замыслу П. Н. Беркова, которому принадлежит идея создания данного сборника, Группа «XVIII век» приступила к систематическому и планомерному изучению литературно-общественного движения на рубеже XVII—XVIII веков, когда особенно сложно переплетаются старое и новое, традиции, уходящие своими корнями в древнерусскую литературу, и новые явления, связанные с европеизацией и перестройкой политической и духовной жизни нации в эпоху реформ.

Данный сборник составлен из работ сотрудников Пушкинского Дома и многочисленного круга исследователей из других научных учреждений Ленинграда, Москвы, других городов нашей страны, а также ученых Польши и Югославии.

В сборнике участвуют известные ученые и молодые исследователи, только недавно обратившиеся к изучению XVIII века; естественно, что в работах, включенных в данный сборник, представлены различные точки зрения и по основным проблемам литературного движения эпохи, и по некоторым частным вопросам, касающимся характеристики отдельных жанров или произведений.

Первые десятилетия XVIII века в меньшей степени привлекали внимание советских исследователей, чем середина или, особенно, вторая половина этого столетия. Именно поэтому Группа «XVIII век» считала необходимым и своевременным посвятить особый сборник этой эпохе, выделив при этом ряд спорных и требующих неотложного исследования проблем.

По нашему мнению, такими первоочередными вопросами являются, во-первых, проблема формирования новой идеологии, сло-

жившейся в эту эпоху и оказавшей огромное влияние на все последующее развитие общественного сознания, и, во-вторых, проблема судеб различных литературных жанров, в эту эпоху созданных или получивших заметное развитие.

Поэтому и структура данного сборника посвящена общему заданию — выделить первоочередные задачи, привлечь к ним внимание научной общественности; в первом разделе («Статьи») помещены статьи проблемно-тематического и, как правило, дискуссионного характера — статьи, авторы которых предлагают новые решения старых проблем или ставят новые вопросы идейно-литературной борьбы и художественной жизни этого времени; во втором разделе («Материалы и сообщения») помещены исследования более частного характера и содержания.

Однако Группа «XVIII век» подходила к отбору материала в обоих отделах под одним общим углом зрения: мы хотели показать, что изучение так называемой переходной или петровской эпохи представляет собой одну из важнейших задач нашей науки и что решение этой задачи возможно только при помощи усилий широкого круга ученых. И данный сборник мы рассматриваем как первый опыт коллективного изучения одной из самых сложных, интересных и драматических эпох в истории духовного развития России в XVIII столетии.

СТАТЬИ

И. Э. СЕРМАН

ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I

1

Петр I не был литератором ни по профессии, ни по призванию, он не был пишущим и сочиняющим просвещенным властелином, каким в Германии стал Фридрих II, а в России Екатерина II. Не был Петр и меценатствующим покровителем наук и искусств, каких во множестве знает европейская история и какими уже в некоторой степени были и его отец и его старший брат. Меньше всего похож Петр на очень им нелюбимого современника, Людовика XIV, слово которого было последним и окончательным законом художественного вкуса для французского общества 1660—1690-х годов.

Петр формировался как человек и практический деятель в такую эпоху умственного развития Европы, когда уже завершился — в теории, во всяком случае, — поворот от гуманитарной по преимуществу культуры Возрождения к эмпиризму и практическому освоению материального мира.

Роль передового борца за прогресс социальный переходит к опытной науке, опирающейся на математику и ее, как тогда казалось, абсолютную свободу от необходимости поисков конечных причин и целей развития. Искусству начинают отводить подчиненное, второстепенное место в системе человеческих интересов и потребностей. И Лейбниц и Локк, мыслители во всем прочем совершенно друг другу чуждые, сходятся в признании бесполезности или, во всяком случае, очень сомнительной полезности искусства и неопределенности его общественной функции. Гильберт и Кун приводят очень характерные для XVII в., для антиэстетической направленности его философской мысли, следующие слова Лейбница: «Я в самом деле рад, что Драйден получил тысячу фунтов за своего Вергилия, но хотел бы, чтобы Галлей мог

иметь в четыре раза больше, а Ньютон — в десять раз»¹ — и дают к ним следующий вполне убедительный комментарий: «Иными словами, ценность поэзии по отношению к науке составляет пропорцию примерно 1 : 7».²

Локк, философия которого в целом есть итог рационализма и принципиального эмпиризма философской и научной мысли XVII в., считал, что искусство не может познать истину, ибо оно обращается к чувству, а не к разуму: «Я согласен, что в беседах, от которых мы ждем удовольствия и улады, а не научных знаний и моральных поучений ... словесные украшения ... вряд ли можно осуждать. И все же, если говорить откровенно, то следует признать, что все искусство риторики, кроме вопросов порядка и ясности, вся деланность и вычурность речи, придуманная во имя красноречия, направлены лишь к тому, чтобы внушать людям ложные понятия, разжигать страсти и тем самым создавать неправильное мнение, и что поэтому они действительно ведут к обману».³

Как и почему возникает такое противоречие между наукой и искусством, между познанием и художественной фантазией? В XVII в. естествознание впервые в истории человечества становится не запасом случайных сведений и разрозненных наблюдений: «Вместо спорадических частных блестящих догадок, — пишет Ю. Б. Виппер, — и смелых прозрений теперь преобладает последовательное и подчиненное определенной системе накопление знаний в сфере отдельных отраслей науки... Основой научного познания делается эксперимент, его конечной целью — выведение из опытов и установление путем обобщения частных наблюдений объективных и точных закономерностей. Этот качественный скачок был не только естественным шагом вперед в общем поступательном движении научного познания. Он был к тому же неразрывно связан с развитием производительных сил и с выдвиганием тех запросов и нужд, которые были обусловлены ростом капиталистических отношений, расцветом мануфактуры, стремительным расширением торговых связей и морских путей».⁴

Полной перестройке подверглась в XVII столетии и политическая мысль Европы. Менялось не столько ее содержание, ее проблематика, сколько методология, которая также стремилась к синтезу общих рационалистических идей и исторической эмпирии.

Сознательная секуляризация русской общественной мысли, ее вхождение в мир политических категорий и понятий, выработанных европейской наукой в течение XVII столетия под влиянием

¹ К. Гильберт и Г. Кун. История эстетики. М., 1960, стр. 221—222.

² Там же.

³ Там же, стр. 221.

⁴ Ю. Б. Виппер. О «семинадцатом веке» как особой эпохе в истории западноевропейских литератур. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, стр. 22.

таких всемирно-исторических по своему значению процессов, как победа абсолютизма во Франции и Английская революция, происходили не сразу, потребовали времени и меньше всего походили на школьное усвоение затверженных истин. Каждое новое представление, каждое новое понятие, созданное рационализмом XVII в. в области политической науки, воспринималось настороженно, с сопротивлением, и порождало различное к себе отношение — в зависимости от реальных интересов, которые должно было данное понятие выразить.

Необходимость строжайшей регламентации политических обязанностей каждого сословия отразилась почти во всех законодательных актах петровского царствования; особое, принципиальное значение в этом смысле имел «Духовный регламент» (1721), написанный Феофаном и отредактированный царем. В «Духовном регламенте» проводилась последовательно идея строжайшего разделения светской и духовной власти в государстве и полного подчинения церкви государству: «От соборного правления не опасатися отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовного. Ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от самодержавной, но великою высочайшего пастыря честью и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство».⁵

Новизна политической концепции, созданной Петром и его соратниками, заключалась не столько в ее содержании, сколько в самой методике обоснований и доказательств, в логике мысли и, может быть, самое главное, в утверждении этой логики как необходимого условия истинности данной политической идеи.

Ближайшим поводом для демонстрации новой методологии политической мысли оказалось очень важное событие политической борьбы эпохи — суд над царевичем Алексеем и связанное с этим событием установление нового порядка престолонаследия в России.

Принцип неограниченной самодержавной власти в связи с политической ситуацией, возникшей из дела Алексея, распространился отныне и на самый принцип престолонаследия, который совсем недавно тот же Прокопович объявлял одним из самых больших достоинств и преимуществ неограниченного монархического строя по сравнению со всеми другими видами государственного устройства. Наиболее значительное произведение Прокоповича, чисто политический трактат «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей» (1722), был посвящен историко-теоретическому обоснованию этого принципа полной свободы выбора наследника. Феофан и в «Правде воли монаршей» пользуется в равной степени историческими, философскими и бого-

⁵ Регламент, или Устав Духовной коллегии. СПб., 1721, стр. 18—19.

словскими, от историй Священного писания, доводами, однако место, которое отводится аргументам нецерковным, гораздо значительнее. С точки зрения автора, они гораздо весомее и убедительнее. Поэтому характерен даже порядок, в котором приводятся доводы разного происхождения: «Узрев бо толикую доводов силу и толикий свидетель облак, от естественного разума, от законов народных, от примеров исторических, еще же и от неложного слова божия, не токмо видит (ропатель, — И. С.), что трудно ему аки против рожна прати, но и устами зенути отнюд не может».⁶

Как указывает один из видных русских исследователей истории политической мысли Б. Н. Чичерин, «человечество вышло из средневекового, более или менее анархического состояния: оно отрешилось от теократии и феодализма. Надобно было воздвигать новое здание, для которого не годился прежний материал. В этой работе невозможно было идти путем опыта, отправляясь от факта, от существующего, ибо существующим было именно старое, то, что отвергалось как несостоятельное. Оставалось, следовательно, искать в теоретических указаниях разума начал для нового порядка вещей; надобно было исследовать, в чем состоят рациональные основы человеческих обществ и каково должно быть их устройство».⁷

Верно определив предпосылки появления нового метода — изучения теории государства и нового подхода к политической теории вообще, Чичерин исходит при этом из абстрактно взятого политического состояния Европы в новое время, и у него получается так, что с «теократией» и «феодализмом» было совершенно покончено. На самом же деле все обстояло иначе, гораздо сложнее, и учения Гроция и Пуфендорфа в гораздо большей мере являлись программой общественного устройства, чем характеристикой действительного политического состояния Европы середины XVII в. Учение естественного права было по отношению ко многому, и особенно ко всем теократическим идеям, учением революционным, ниспровергающим. Ключевский считал, что самый ход преобразований потребовал от Петра дать им «нравственно-политическое определение»: «Петру принадлежит, — писал он, — важная заслуга первой попытки дать своей бесформенной и беспредельной власти нравственно-политическое определение. До него в ходячем политическом сознании народа идея государства сливалась с лицом государя, как в частном общежитии домохозяин юридически сливается со своим домом. Петр разделил эти понятия, узаконив присягать раздельно государю и государству. Настойчиво твердя

⁶ Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. СПб., 1722, стр. 57; см.: Т. Гурвич. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича. Юрьев, 1915.

⁷ Б. Н. Чичерин. История политических учений. СПб., 1872, ч. 2, стр. 5.

в своих указах о государственном интересе как о высшей и безусловной норме государственного порядка, он даже ставил государя в подчиненное отношение к государству как к верховному носителю права и блюстителю общего блага... Самые эти выражения *государственный интерес, добро общее, польза всенародная* едва ли не впервые являются в нашем законодательстве при Петре».⁸

Стремление подчинить всю жизнь страны идее надсословного, общенационального государства определило и культурную политику Петра и его эстетические вкусы в их государственном проявлении.⁹

По-видимому, мы можем согласиться с Ключевским, тонко заметившим, что Петр «несомненно был одарен здоровым чувством изящного... Он обладал сильным эстетическим чутьем; только оно развилось у Петра несколько односторонне, сообразно с общим направлением его характера и образа жизни».¹⁰

«Образ жизни» Петра, о котором говорит историк, включает в себя всю разностороннюю государственно-политическую деятельность Петра, в которой искусству была отведена, как правило, второстепенная и всегда подчиненная роль одного из средств пропаганды и разъяснения правительственных мероприятий, своей непомерной тяжестью ложившихся на плечи народа.

В известных ему формах искусства — в театрах, театрализованных зрелищах, фейерверках и иллюминациях, в церковной молитве и проповеди, сатирико-нравоучительной литературе, в историческом повествовании — всюду Петр искал действенных средств убеждения и пропаганды, поощряя то, что казалось ему полезным и действенным.

Искусство во всех видах и проявлениях должно было служить государству, благу нации, *res publica*.

2

Путь, по которому Петр I пришел к такому практически последовательному подчинению искусства и литературы интересам общего блага, воплощенным в его государственной политике, до сих пор еще не исследован, не изучены те эстетические впечатления, которые могли воздействовать на него в детстве, и что сменило их позже, в эпоху разрыва с домашними преданиями и традиционными формами быта.

---

⁸ В. О. Ключевский. Собрание сочинений. М., 1958, т. 4, стр. 210—211.

⁹ Во избежание возможных недоразумений следует оговорить, что здесь и далее речь пойдет именно о том, какое место в государственной деятельности Петра I занимало искусство, особенно искусство слова. Его частные интересы и пристрастия могли бы быть темой особой работы.

¹⁰ В. О. Ключевский. Собрание сочинений, т. 4, стр. 42—43.

Мир изобразительного искусства, которым был окружен с младенческих лет Петр, это был мир русского живописно-архитектурного барокко, которое, по мнению Д. С. Лихачева, «там, где оно выступает в творчески переработанном на Руси виде, не переламывает человеческой природы, не пугает контрастами и нечеловеческими усилиями, не сгибает и не перегибает крупные массы; оно жизнерадостно и декоративно, стремится к украшению и простоте».¹¹

Богословский пишет о «царственной роскоши», «в какой проходили младенческие годы всех царевичей XVII века».¹² В его «хоромах» одна комната была «обита серебряными кожами». Когда Петру было два года, то в пристроенных «новых хоромах» полы, лавки и подоконники были обиты «сукном червчатым амбурским». Для четырехлетнего Петра в новых хоромах живописцу Ивану Салтанову поручено было расписать слюдяные окна: написать «в кругу орла, по углам травы по слюде». Для царевича изготовлялись по особому заказу игрушки: годовалому мальчику был сделан «конь деревянный потешный», «два барабанца», «цимбальцы маленькие». Двухлетний царевич получает в подарок «кораблик серебряной сканной с каменья», купленный у иноземца Андрея Миколаева.

Значение этих первоначальных впечатлений от детской и игрушек, к которым следует прибавить еще и «потешные книги» (книги с картинками), очень хорошо определил М. М. Богословский: «С тех мгновений, как пробуждающееся сознание ребенка стало воспринимать окружающие явления, перед ним открывался целый мир ярких, блестящих и звучащих предметов. Детская была полна оживления. Жужжали стрелы, спущенные с посеребренных луков, двигался занимавший, должно быть, среди забав главное место деревянный конь в богатом уборе с позолоченными стременами и уздечкой, сиявшей изумрудами, развевались пестро расписанные знамена, развертывались яркие картинки в потешных книгах, пускался в дело арсенал игрушечного оружия: топорики, шестоперов, обушков и пр., звенели струны цимбальцев и цимбал, должно быть бывших в большом употреблении, потому что часто отдавались в починку, стучали барабаны, раздавался звон маленьких потешных колоколов — набатов и бубенчиков. Вот тот волшебный мир игрушек, в котором безмятежно протекали первые годы беззаботного младенчества».¹³

Особый круг впечатлений царевича был связан с присутствием на церковных службах в кремлевских соборах и монастырях, куда

---

¹¹ Д. С. Лихачев. Барокко в России. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии, стр. 322.

¹² М. М. Богословский. Материалы для биографии Петра I. [М.], 1940, т. I, стр. 17.

¹³ Там же, стр. 20.

его брала с собой Наталья Кирилловна, а также с посещением загородных тогда монастырей: Новодевичьего, Страстного.

Уже подростком, после смерти отца, в правление Софьи, Петр участвует в больших церковных действиях. В вербное воскресенье (имеются записи за три года — 1683—1685), когда совершалось «шествие на осляти», Петр вел под уздцы лошадь, на которой восседал патриарх: «Из участия в юные годы в церковно-придворных церемониях он на всю жизнь хорошо усвоил весь состав богослужебного обихода».¹⁴ И в том числе церковное пение, в котором и сам принимал участие. К началу 1680-х годов относятся первые достоверные сведения о книгах, по которым учился Петр у Никиты Зотова, хотя, как справедливо заключает Богословский, это ученье дало Петру очень мало: «Грамоту, плохое умение писать, выученный наизусть текст нескольких богослужебных книг и кое-какие отрывочные и бессистемные сведения по истории, географии и космографии».¹⁵

И все же, несмотря на искреннюю преданность православию и всему бытовому, художественно очень последовательно оформленному дворцовому укладу, Петр постепенно от него эмансипируется, порывает с бытом и с искусством, этот быт оформлявшим, и с литературно-бытовыми словесными традициями. Резче всего этот разрыв проявляется в личной переписке Петра. Его письма к матери уже содержат в себе некоторое смещение традиционного, положенного по чину, и нового, делового. В отношениях со своими помощниками и собутыльниками, а также в своей переписке с ними Петр все больше и больше отходит от традиционных форм письменной речи. Так, в письме к Ф. М. Апраксину, которое пишется после смерти нежно любимой матери, наряду с цитатами из Писания и стилистикой псалтыри идут слова и выражения иной, деловой речи: «Беду свою и печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце. Обаче вспоминая апостола Павла „яко не скорбети о таковых“, и Ездры, „еже не возвратити день, а же мимо иде“, сия вся. елико возможно, аще и выше ума и живота моего (о чем сам подлинно ведал), еще поелику возможно, рассуждаю, яко всемогущему богу и вся по воле своей творящу (так угодно). Аминь. По сих, яко Ной, от беды мало отдохнув и о невозвратном оставя, о живом пишу. Понеже по обещаанию моему, паче же от безмерной печали, незапно zde присетити хошу, и того для имам некия нужды, которые пишу ниже сего: 1. Посылаю Никласа да Яна для строения малого корабля, и чтоб им лес, и железо, и все к тому было вскоре готово, понеже рано приехать имеем. 2. Полтора ста шапок собачьих и столько же башмаков разных мер сделать, о чем в готовности не

¹⁴ Там же, стр. 53.

¹⁵ Там же, стр. 56.

сомневаюсь. И желаю от бога купно здравии компании вашей. Piter».¹⁶

Постепенно в письмах Петра, касающихся даже очень важных дел, устанавливается особый, фамильный, пародийный стиль.

А. Винусу Петр пишет: «Пожалуй, поклонись всем нашим. Пространнее писать буду в настоящей почте, а ныне, обвеселясь, не удобно пространно писать, паче же и нельзя: понеже при таких случаях всегда Бахус почитается, который своими листьями заслоняет очи хотящим пространно писати».¹⁷ Такой стиль устанавливается в переписке «наших», т. е. близких Петру людей, связанных и общим делом и общим стилем развлечений и веселья. Этим же шутейным стилем написана реляция о кожуховском походе: «Известное описание о бывшей брани и воинских подвиг между изящными господами генералиссимы князем Федором Юрьевичем и Иваном Ивановичем и коих ради причин между ими те брани произошли». По замечанию М. М. Богословского, «Описание» «составлено в стиле какой-то героической поэмы».¹⁸ Точнее было бы сказать — героико-комической. Ибо, как продолжает историк, «кожуховские бои сравниваются с Троянской войной, герой войны князь Ф. Ю. Ромодановский носит шутовский титул „Пресбургского, Парижского и всея Яузы одержателя“, а причинами войны выставляются пограничные столкновения между двумя генералиссимусами — государями, соседние „державства“ которых разделялись только речкой Хопиловкой... — зависть, которой был уязвляем Иван Иванович к князю Федору Юрьевичу во время беломорского плаванья, потому что Федор Юрьевич плыл на лучшем корабле».¹⁹

Снижение высокого стиля в письмах, обыгрывание условной мифологии дружеского кружка поклонников Бахуса — все это было лишь частным проявлением полного разрыва Петра с художественной культурой, с детства его окружавшей.

Как писал с несомненным преувеличением, но все же основываясь на фактическом положении дел, А. Успенский: «Петр I не особенно жаловал искусство, — он разогнал почти всех художников и иконописцев, работавших у нас в Оружейной палате, этой нашей национальной Академии художеств; он поставил крест на развитие русского национального искусства. Лишенные заработка в Оружейной палате, наши русские художники должны были искать себе пропитание на стороне, бывали даже случаи поступления бывших царских иконописцев в придворные истопники».²⁰

Отказываясь с таким легким сердцем от привычного, но немилого ему бытового уклада, а следовательно, и от искусства, ко-

¹⁶ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887, т. I, стр. 18—19.

¹⁷ Там же, стр. 23—24. (Курсив мой, — И. С.).

¹⁸ М. М. Богословский. Материалы..., т. I, стр. 205.

¹⁹ Там же.

²⁰ Старые годы, 1907, март, стр. 85.

торое с этим укладом было связано неразрывно, Петр не порывал с искусством как таковым окончательно и навсегда. Его «здоровое эстетическое чувство» не могло оставаться без всякой пищи, без всякого возбудителя художественных впечатлений.

3

Философская мысль XVIII в. не проводила такого резкого разграничения между художником и нехудожником, как это стали делать в эпоху романтизма, а затем и позитивизма XIX в. Лейбниц, например, видел в каждом человеке потенциального художника: «Поэтическая возбудимость, — писал он, — прирождена человеческой воле подобно тому, как эстетическое представление прирождено воспринимающей способности нашей души; она настолько присуща нашему духовному строю, что в большей или меньшей степени имеет место в душе каждого человека. Нет человека, совершенно неспособного к эстетическому чувству и к поэтическому возбуждению».²¹

У Петра с его острой любознательностью и настойчивым интересом к ремесленным «художествам», ко всем видам современной ему машинной техники живое отношение к искусству могло появиться только тогда, когда искусство само стало бы одновременно отраслью современного ему мира механики и ремесленного умения. Красоты искусства, которые показывали Петру в европейских столицах, оставляли его совершенно равнодушным.

Лейбниц, к которому мы так часто обращаемся потому, что он был хорошо знаком с Петром и имел возможность наблюдать его близко и с ним разговаривать, — Лейбниц, вспоминая одну из своих встреч с Петром, писал: «Я очень сожалею о погибших во время пожара в Уайтхолле картинах Гольбейна. И все же я склонен согласиться с русским царем, сказавшим мне, что он больше восхищается некоторыми хорошими машинами, чем собранием прекрасных картин, которые ему показывали в королевском дворце».²² Пожар, о котором здесь говорится, произошел 4 января 1698 г., перед самым приездом Петра в Англию, следовательно, видеть картины Гольбейна в Уайтхолле Петр не мог, а смотрел он королевскую коллекцию живописи, по-видимому, в Кенсингтоне. Как пишет Маколей, основываясь на донесениях Лермитажа, Петр не обращал никакого внимания на художественные произведения, в этом дворце собранные, но очень заинтересовался прибором, показывающим направление ветра. Преимущественный интерес Петра к «художествам», т. е. к прикладной механике, подтверждает Лейбниц и в письмах, написанных им во время его общения с Петром в Пирмонте и Герренгаузене в июне 1716 г. В письме к Бурге

²¹ Цит. по кн.: К. Фишер. Лейбниц. СПб., 1905, стр. 542.

²² Цит. по кн.: К. Гильберт и Г. Кун. История эстетики, стр. 222.

он суммировал свои впечатления от личности царя: «Я не могу довольно надивиться живости и уму этого великого государя. Он со всех сторон собирает около себя сведущих людей, и когда он с ними говорит, они совершенно поражены: с таким пониманием их дела он ведет с ними речь. Он осведомляется о всех механических искусствах, но главный его интерес сосредоточивается на всем, что относится к мореплаванью, и поэтому он любит также астрономию и географию».²³

Свидетельство Лейбница подтверждает как будто представление об отсутствии у Петра собственно эстетических интересов, о его полной поглощенности «механическими искусствами». На самом же деле именно «главный интерес» Петра — мореплавание — вовлек его в ту отрасль современной ему техники, где искусство в собственном смысле еще не отделилось от «механического искусства».

Его увлеченность мореплаванием в широком смысле включала в себя в первую очередь кораблестроение. Одной из основных целей первой поездки Петра за границу было освоение корабельного дела во всех его тонкостях, от простейших плотницких работ до законов корабельной архитектуры. Именно так объяснял сам Петр в предисловии к «Морскому уставу» (1720), что он хотел узнать на верфях Голландии и Англии.

Закончив в Голландии на верфях Ост-Индской компании обучение, «что подобало доброму плотнику знать», Петр, не удовлетворенный этой собственно ремесленной наукой, «просил той верфи баса Яна Пола, дабы учил его препорции корабельной, который ему через четыре дня показал, но понеже в Голландии нет на сие мастерство совершенства геометрическим образом, но точию некоторые принципы, прочее ж с долговременной практики, о чем и вышереченный бас сказал, и что всего на чертеже показать не умеет, тогда зело ему стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг. И по нескольких днях прилучилось быть е. в. на загородном дворе купца Яна Тесинга в компании, где сидел гораздо не весел, ради вышесказанной причины, но когда между разговоров спрошен был, для чего так печален? Тогда оную причину объявил. В той компании был один англичанин, который, слыша сие, сказал, что у них в Англии сия архитектура так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться можно. Сие слово е. в. зело обрадовало, по которому немедленно в Англию поехал и там чрез четыре месяца оную науку окончал».²⁴

---

²³ Цит. по: В. И. Герье. Отношения Лейбница к Петру Великому. — ЖМНП, 1870, апрель, стр. 377.

²⁴ Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого. СПб., 1858, т. II, стр. 400—401.

Кораблестроение было для Петра не просто суммой ремесленных навыков, а наукой о «корабельных пропорциях», т. е. о том самом свойстве парусного корабля, которое делало его средоточием принципов науки и искусства, механики и красоты, воплощением совершенства целесообразной формы. Дело в том, что в кораблестроении того времени — эпохи высшего расцвета парусного флота — нахождение определенных пропорций в конструкции корабля было одновременно вопросом науки, прикладной и теоретической механики, и проблемой красоты, проблемой эстетической. Эту черту кораблестроения отметил В. Хогарт в своем известном трактате «Анализ красоты». Он писал: «Соответствие частей общему замыслу, ради которого создана каждая отдельная вещь, будь то в искусстве или в природе, должно быть рассмотрено нами прежде всего, так как оно имеет самое большое значение для красоты целого... Объем и пропорции предметов определяются целесообразностью. Именно это обстоятельство установило размеры и пропорции стульев, столов, вообще всякого рода утвари и предметов домашнего обихода. Именно оно определяет размеры колонн, арок, поддерживающих большие тяжести, видоизменяет архитектурные ордера, а также определяет размеры окон, дверей и т. п. Как бы велико ни было здание, ступеньки лестницы и подоконники должны сохранить в нем свою обычную высоту, иначе они, потеряв свою целесообразность, утратят также и свою красоту. В кораблестроении размеры каждой отдельной части ограничены и соотносятся с пригодностью судна для плавания. Если у корабля хороший ход, моряки всегда называют его красавцем — так тесно связаны оба эти понятия!».²⁵

Парусное судно, таким образом, не было продуктом только механического производства, оно было одновременно и произведением искусства и как таковое требовало еще и тщательной декоративной обработки. Так, в ходе постройки одного баркалона для Воронежского флота в 1698 г. «на верху на том баркалоне всякие надлежащие резьбы по подобным местам вырезаны и баласы поставлены и внутри баркалона резчики притолоки дорезывали, и в носу и в корме чуланы и шкапы и решетки сделаны, и в том баркалоне внутри и наверху и окна разными красками выкрашены и в подобных местах живописным письмом расписано и по резьбам вызолочено».²⁶ Все корабли украшались резьбой, и, например, для одной из галер нужно было сделать 120 фигур.²⁷

Таким образом какие-то элементы прежнего искусства, его бесполезная красота, ставились на службу новым потребностям, начинали служить духу нового времени. А он, как мы уже говорили, стремился подчинить искусство внеположным, рационально оп-

²⁵ В. Хогарт. Анализ красоты. М.—Л., 1958, стр. 141—142.

²⁶ М. М. Богословский. Материалы..., т. III, стр. 145.

²⁷ Там же, стр. 149.

ределимым целям. В этом смысле Петр был вполне человеком своего времени, хотя, наверное, не прочел ни одного из трудов мыслителей, создавших основы новой методики понимания искусства. Новые идеи ведь не обязательно должны распространяться через книгу и долговременное ее изучение. Чаще новые идеи распространяются по путям, которые наука обнаружить не может.

В корабле не было разлада между красотой и пользой, в нем счастливо сливались, как позднее для Ломоносова в мозаике, искусство и наука, техника и вдохновение.

Но по отношению к собственно искусству, к отдельным его видам и формам Петр не мог чувствовать себя столь свободно, как в создании кораблей. Он должен был полагаться на мастеров, специалистов своего дела, доверять их умению и их способности понять запросы времени так, как их понимал он сам.

Поэтому отношения с тем или иным видом зрелищного или, как сказали бы сейчас, массового искусства у Петра складывались по-разному, в зависимости от того, в какой степени он мог сам принимать участие в его организации, в его создании, в его «производстве». И если такое прямое участие оказывалось невозможным, то и не получалось необходимых результатов, появлялось охлаждение к данному виду зрелищного искусства. Показательно в этом смысле, как сложились судьбы театра, с одной стороны, и фейерверочно-иллюминационного искусства — с другой, при жизни Петра.

4

Первоначальное знакомство Петра с театром в его простейших формах произошло, вероятно, в немецкой слободе, где время от времени появлялись бродячие кукольники; но с настоящим, профессионально организованным театром и большими масками Петр встретился во время первого заграничного путешествия в Голландию и Англию. 17 августа 1697 г. русское посольство, в составе которого инкогнито находился царь, посетило театр в Амстердаме. Была поставлена пьеса «Очарование Армиды», несколько балетов и комедия «Притворный адвокат». Статейный список сообщает об этом так: «Были в комедиальном доме, в котором великая полата, в ней же отправлялось действие комедии о Купидоне Еллинской богине и притом показываны многие бои, и утешения адская, и дивные танцы, и иные утешные вещи и перспективы».²⁸ К сожалению, у нас пока нет более подробного исследования голландских театральных впечатлений Петра, хотя мы располагаем одним чрезвычайно любопытным и характерным сообщением, на которое как-то до сих пор не обращалось внимания. «Однажды он (Петр, — И. С.) остановился на рыночной площади

²⁸ Цит. по кн.: М. М. Богословский. Материалы..., т. II, стр. 150.

(Botemarkt), чтобы посмотреть знаменитого клоуна Тетье Роен (Tetie Roen). Эта личность была знаменита раньше в качестве паяца у одного из шарлатанов, но в это время он имел собственный балаган, на котором стояла бочка. Здесь-то он и проделывал свои фокусы. Его клоунады пришлись очень по вкусу самым низшим слоям общества. Царь тем не менее показал удовольствие, которое принес ему этот человек; он даже предпринял несколько попыток увезти его с собой в Россию, но хитрая шельма чувствовал себя слишком хорошо в Амстердаме, чтобы пожелать изменить свое положение».²⁹ Это сообщение имеет для нас двойкий смысл. В нем подтверждается интерес Петра к фарсовому театру и содержится первое известие о намерении его пригласить иностранного артиста в Россию. Голландский театр, видимо, понравился Петру, так как язык ему был во всяком случае понятен, и посещение театра повторилось, как видно из записей «Расходной книги» Великого посольства: «... ездили с Остиндского двора все валентеры в декабре месяце в комедию».³⁰

На значение лондонских театральных впечатлений Петра первый обратил внимание М. П. Алексеев. Он разъяснил, какую именно пьесу видел Петр в Лондоне: «Давалась пьеса „Королевы-соперницы, или Смерть Александра Великого“. Это несомненно была трагедия Натаниеля Ли (1635—1692) ... имевшая блестящий успех, очень популярная в Лондоне в конце XVII в. и много раз переиздававшаяся (1677, 1684, 1694). Это был первый опыт трагедии Н. Ли в белых стихах: пьеса написана под заметным влиянием французского романа Ла Кальпренета „Кассандра“ и рассказывает о ревности первой жены македонского царя, Роксаны, ко второй — Статире».³¹ М. П. Алексеев далее оспаривает мнение Богословского о том, что «в смысл пьесы Петр мог вникать, разумеется, только при посредстве переводчика и особой склонности к театру не обнаружил». По мнению М. П. Алексеева, «зорко приглядывавшийся ко всем явлениям иностранной жизни, вникавший во все мелочи ее бытового уклада, умевший давать им острую и верную оценку, Петр, несомненно, вполне ясно представил себе значение театра в английской жизни. Одного или нескольких посещений театра было ему для этого вполне достаточно: он в этом смысле уже мало напоминал тех московских послов, которые за несколько десятилетий перед тем равнодушно и безучастно присутствовали в Париже на представлении мольеровского „Амфитриона“; отношение его к иностранной речи также было уже совершенно иным; свободно говоривший по-голландски

²⁹ J. Scheltema. Anecdotes historiques sur Pierre le Grand et ses voyages en Hollande et à Zaandam dans les années 1697 et 1717. Lausanne, 1842.

³⁰ М. М. Богословский. Материалы... т. II, стр. 276.

³¹ М. П. Алексеев. О связях русского театра с английским в конце XVII—начале XVIII в. — Ученые записки Ленингр. гос. унив., № 87. Серия гуманитарных наук. Саратов, 1943, стр. 130.

Петр, вероятно, неплохо понимал также и английскую речь. Посредство переводчика в театре едва ли было для него необходимо». ³²

Ученый обратил внимание и на то обстоятельство, что вскоре после возвращения Петра и Великого посольства в Россию в Москве происходит нечто вроде «театральной весны».

С начала 1700-х годов, когда Москва еще оставалась хотя и нелюбимой Петром столицей государства, в ней почти одновременно действовали три театра — вещь неслыханная на Руси ранее, да и много позже. Кроме театра иезуитов (1699—1703) с 1701 г. стал действовать театр при реформированной Стефаном Яворским Славяно-греко-латинской академии, а с 1702 г. — «государственный» театр труппы Кунста.

Театр при иезуитской католической школе в Москве давал открытые представления. В сообщениях своему руководству московские иезуиты писали: в 1699 г. «представляемы были мистерии при большом стечении русских», в 1700 г. «представляемы были небольшие драмы при большом стечении народа», в 1701 г. «дано несколько более торжественных представлений при необычайно большом стечении русских». ³³

Возможно, что в борьбе с католически-тенденциозными спектаклями иезуитов Лефорт устроил и у себя театральное зрелище, о котором известно из недоброжелательного сообщения иезуита Франциска Эмилиана, относящегося к тому же 1699 г. Он писал: «Господин генерал Лефорт, после того как представил русским вельможам смешную комедию в насмешку над римским духовенством, вскоре слег, заболел сильной горячкой и на осьмой день представления этой комедии, в день канонизации святых Игнатия и Ксаверия, умер». ³⁴ Лефорт умер 2 марта 1699 г., следовательно, «смешная комедия» была поставлена 23 февраля 1699 г., и, скорей всего, на этом представлении был и Петр. Вероятно, в доме Лефорта были сделаны какие-то приспособления для спектаклей, иначе почему бы именно в нем велено было позднее, в 1702 г., начинать свою работу труппе Кунста? Интересные соображения по поводу того, какую комедию могли поставить у Лефорта, высказал М. П. Алексеев. ³⁵

Академические театральные представления явились большим событием в жизни Москвы 1701 г. По сравнению с театром иезуитов у них было большое преимущество — доступность языка. Во всяком случае иезуиты были очень встревожены конкуренцией академических спектаклей. Иван Берула, руководитель московской

---

³² Там же, стр. 131—132.

³³ Письма и донесения иезуитов в Россию конца XVII—начала XVIII века. СПб., 1904, стр. 181—182.

³⁴ Там же, стр. 181.

³⁵ См.: М. П. Алексеев. О связях русского театра с английским в конце XVII—начале XVIII в., стр. 137—139.

иезуитской школы, с раздражением сообщал Вальтгаузеру в Прагу 15 ноября 1701 г.: «...одну из них (комедий, — И. С.) недавно представляли киевляне и заслужили похвалу»,³⁶ тогда как у иезуитов нет подходящего помещения в своей школе и они не могут ставить пьес, проигрывая поэтому в театральном соревновании. Но позднее положение как будто исправилось, и 10 марта 1702 г. Ф. Эмилиан сообщал, что Иван Берула «уже дал три небольших представления, правда коротких, но по исполнению юношами оказавшихся весьма изящными к великой радости здешнего дворянства, которое присутствовало».³⁷

В какой мере академический театр соответствовал тем требованиям, которые предъявлял Петр к зрелищным искусствам? Эволюция, которую пережил академический репертуар за первые несколько лет своего существования, дает нам косвенные данные для оценки того, насколько руководители театральных предприятий Академии (и в первую очередь сам Стефан Яворский) стремились идти в ногу с временем. Только во второй своей пьесе «Страшное изображение» (1702) Академия обратилась к главному политическому интересу дня — к победам Петра в войне со шведами. И только два явления в этой пьесе (шестое и седьмое) в драматизированной форме излагают события в Польше и торжество «Марса роксалянского» — Петра. Сам «Марс российский» в своей победе видит беду православной церкви в первую очередь:

Аз же, меч изощренный извлеки по бозе,
изсекох окаянных в ревности мнозе.

Где же знамения вознесох в победу,
отмстих благочестия многую обиду.

Сопоставив краткую программу или «перечень» «Страшного изображения» с полным текстом драмы, мы видим между ними существенные различия, которые свидетельствуют, что Марс, который называется то «российским», то «роксалянским», вообще отсутствовал сначала в этой драме, затем появился в печатном «перечне», а уже затем в ее полном тексте.

Не могло вызвать особенных восторгов Петра и «Царство мира, идолослужением прежде разоренное», главными героями которого были церковь, гонимая Нероном, и апостол Петр, а о современных событиях говорилось только в «Епиплоге».

Не поставленное, может быть из-за неактуальности, «Царство мира» было переделано в «Торжество мира православного» и поставлено 1 января 1703 г. в ознаменование взятия русскими войсками Нотебурга. Третье действие новой редакции, за счет сокращения первых двух по сравнению с текстом «Царства мира»,

³⁶ Письма и донесения иезуитов. . . , стр. 76.

³⁷ Там же, стр. 100.

теперь посвящено аллегорическому изображению современности. Основная идея новой редакции изложена в «перечне» первого явления третьего действия: «Злочестие, жалея о погибели Идолослужения и умножении Благочествия, возжигает две кометы, луну таврикийскую, льва шведского, еже вредити Православие, но Благочестие, под крылома орла великороссийского неврежденно, Марсу российскому дает крест и меч, еже Православия борителя побеждати».³⁸

5

«Свобождение Ингерманландии» (1705) от прежних академических пьес отличается тем, что в ней изображены, хотя и в условно-аллегорической форме, события Северной войны, ее начальный этап; вернее, не сама по себе эта война, а ее смысл и результаты в виде борьбы, в которой Благочестие вдохновляет Храбрость русскую на победоносную борьбу с Неправедным хищением.

Решающую роль во всех событиях, ход которых предварительно определяется на небесах, а затем уже осуществляется на земле, играет Благочестие. От него зависит победа Ревности русской, оно просит высшего о помощи, которая и обеспечивает победу русского оружия.

Насколько можно судить по реляциям, составленным самим Петром или им отредактированным, такое объяснение хода борьбы совершенно не отвечало представлениям самого Петра. Так, например, никак нельзя было объяснить благочестием ту воинскую хитрость, которую применили русские войска при взятии Дерпта: из реляций, напечатанных в «Ведомостях» и затем перешедших в «Журнал Петра Великого», видно, что он сам наравне с храбростью своих войск гордился этой воинской хитростью. В «Журнале» она описана в следующих выражениях: «По получении из города некоторых полонников уведано, что комендант Нарвский ожидает вскоре на помощь к себе от Ревеля генерала майора Шлипембаха с войски, и против того вымышлена последующая воинская стратагема (или хитрость), дабы неприятелей из города выманя, от знатных языков о всем ведомость получить; и для того июня в 8 день заведено несколько наших пехотных и драгунских полков скрытно на Кольванскую (или Ревельскую) дорогу... а именно: пехотные, Семеновский, Ингерманландский, которые имели синий мундир, а на драгунские собраны были и надеты синие епанчи и прибраны знамена таких же цветов, подобно как у шведских войск бывают; а с другую сторону наше войско убравшись строем шло, аки бы на отпор оному на сикурс идущему мнимому свейскому войску». Далее «притворные

---

³⁸ Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 годов. СПб., 1874, т. II, стр. 22.

шведы» и другие русские войска разыграли между собой «сражение», и тогда комендант Дерпта, Горн, предполагая, что происходит сражение между отрядом Шлиппенбаха, прибывшим ему на выручку, и русскими, «выслал из Нарвы для проводыванья и провожания в город (мня приход своих войск) подполковника Маркварта с несколькими офицерами и за ними несколько сот пехоты и конницы. И тако те офицеры въехали в самые руки мнимого войска Шлиппембахова, кричучи вельком (то есть — добро пришли), и от них в полон взяты, что увидя прочие шведы из города идущие, в великом страхе назад побежали. Но в залоге поставленные драгуны под командою полковника Рена, тако ж и Преображенского полка солдаты, выскоча, на них напали и до самого контроскарпа их гнали, и несколько сот побили, и несколько десятков в полон взяли... И тако сим изрядным и хитрым воинским умыслом Нарву в великое смятение и отъчаяние привели, и о всем состоянии оной от тех известных офицеров со удовольствием уведомились».³⁹

Трезвый рассказ о действительных условиях и способах борьбы в реляциях и отвлеченно-аллегорическое изображение некоторого, так сказать, душевного аналога этим событиям на небе и в мире мифологии христианской и античной никак не соотносились между собой. Драма явно не отвечала тем требованиям, которые Петр предъявлял к зрелищным искусствам.

Академические драматические представления представляют собой явления театра барокко. Эта драматургия была исполнена глубокого по-своему смысла и содержания. Вне зависимости от конкретного, чаще всего библейского сюжета, который избирался авторами школьных драм, предметом художественной разработки были проблемы духовной жизни, душевного состояния человека. Каждая фигура была олицетворением, как правило, какого-либо душевного свойства человека, его наклонностей, греховных или добродетельных. Борьба бога и дьявола за душу человека — вот тема, за пределы которой школьная драма выйти не могла, не преодолев самое себя и собственные художественные принципы.

Двоемирие барочного искусства в драме получало наглядное олицетворенное выражение, а решение всех земных споров на небесах превращало ее философию истории в фатализм, совершенно не приемлемый для рационалистического эмпиризма Петра.

Известно, что и другой московский театр, Кунста—Фюрста, не вполне удовлетворял пожеланиям царя. Так, 14 ноября 1705 г. Ф. А. Головин писал дьякам Посольского приказа в Москву: «Комедианту прикажите приготовить к пришествию великого государя к Москве добрую комедию и русских выучить играть».⁴⁰

³⁹ Журнал Петра Великого. СПб., 1770, ч. 1, стр. 87—89.

⁴⁰ С. К. Богоявленский. Московский театр при Алексее Михайловиче и Петре. М., 1914, стр. 126.

Из Посольского приказа ему отвечали: «И 30 ноября в день подал он, комедиант, новую комедию на письме — „Историю явную Тамерлана, хана татарского как победил салтана турецкого Баязета“. И та комедия отдана перевести переводчиком, и потом для науки отдана будет комедиантом».⁴¹

Петр пробыл в Москве с 19 декабря 1705 по 13 января 1706 г. По-видимому, в этот промежуток и была сыграна эта «новая комедия». Насколько она была действительно *новой*, судить трудно. От театра Алексея Михайловича сохранился текст «комедии» про Темир-Аксака, представляющий перевод немецкой переделки драмы Марло «Великий Тамерлан». Поскольку представлен был в Посольский приказ немецкий текст, то нужен был новый перевод. Содержание этой пьесы иносказательно могло соотноситься с военно-политической ситуацией 1705 г. только в самых общих чертах. Победа Темир-Аксака над «турским салтаном» Баязетом своим оптимистическим звучанием, может быть, и могла понравиться Петру, озабоченному неудачами русских войск в некоторых сражениях 1705 г., неудачами тем более огорчительными, что они последовали после побед под Нарвой и Дерптом. Но даже если Петру могла импонировать аллюзионность данной пьесы (о чем сведений у нас нет никаких), его общее отношение к обоим театральным вариантам барокко на русской почве стало скоро более чем прохладным. Петр перестал интересоваться театром; для театра уже не находилось места в системе его пропагандистских мероприятий. Уже ни разу более не предпринимал он достаточно активных попыток создать русский государственный театр и спокойно относился к тому, что в новой столице театр возникал только спорадически и по частной инициативе. Так, Петр поощрял, например, театральную инициативу своей сестры, Натальи Алексеевны, и даже посещал представления созданной ею любительской труппы 1715 г.⁴²

6

Существует мнение, что литература, и в частности драма, барокко была художественным выражением петровской эпохи, ее позитивных начал. Так пишет, например, А. А. Морозов: «Русское барокко петровского времени отразило его напряженность и противоречивость, ломку старых и становление новых форм во всех сферах общественной и культурной жизни. Свойственные искусству и поэзии барокко пафосность и стремление к грандиозности нашли позитивное применение, отвечая прогрессивным тенденциям исторического развития России».⁴³ Поскольку общепри-

⁴¹ Там же.

⁴² См.: И. А. Шляпкин. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898.

⁴³ А. Морозов. Ломоносов и барокко. — Русская литература, 1965, № 2, стр. 86.

нятое мнение признает, что именно в деятельности Петра всего полнее отразились «прогрессивные тенденции исторического развития» его времени, то из недолгого увлечения Петра академическим театром и быстрого в нем разочарования можно заключить, что литература барокко в одном из своих ведущих жанров не смогла выразить ни духа, ни пафоса петровской эпохи. Этот театр оказался не способен ни выразить «ломку», ни принять в ней деятельное участие.

Разумеется, мы не считаем судьбу барочного театра результатом его эстетической неполноценности, мы только хотели бы на этом примере показать, что, в частности, такой важнейший жанр искусства барокко, как духовная драма, не нашел себе позитивного применения в системе государственной пропаганды Петра, тогда как другие жанры получили самое полное признание и пользовались его неизменным расположением. Такие зрелища как фейерверки и маскарады при деятельном личном участии Петра стали важнейшими формами художественной жизни эпохи.

При этом между ними с самого начала заметно разделение обязанностей. Фейерверки и иллюминации с триумфальными вратами отражали героически-торжественную сторону жизни, они были своего рода цвето-световым панегириком, похвальной одой из римских свеч и бенгальских огней.

Маскарады имели в основном сатирико-пародийный характер. В этой театрализованной игре соединились формы народно-карнавального святочного действия со скоморошью издевательством над ненавистным Петру «обрядоверием» партии противников реформ.

Ф.-В. Берхгольц так описывает в своем дневнике триумфальный въезд маскарада в Москву по случаю окончания Северной войны: «Впереди всех ехала маска в качестве маршала передовой забавной группы. За ней следовал так называемый князь-папа, глава пьяной коллегии, учрежденной императором для своей забавы. Он сидел в больших санях, на возвышении в виде трона, в папском своем одеянии, т. е. в длинной красной бархатной мантии, подбитой горностаем. В ногах у него, верхом на бочке, сидел Бахус, держа в правой руке большой бокал, а в левой посудину с вином... Потом ехала свита князь-папы, т. е. господа кардиналы в своих кардинальских облачениях. Их было на сей раз только шесть, и они сидели верхом на оседланных волах... Затем следовал Нептун (которого представлял один придворный полшут) в своей короне, с длинной белой бородой и с трезубцем в правой руке. Он сидел в санях, сделанных в виде большой раковины, и имел перед собою, в ногах, двух сирен или морских чудовищ... Большие сани были наполнены всевозможными уморительными масками, как например разного рода драконами, арлекинами, скарамушами, даже людьми, переодетыми

в журавлей, то трудно рассказать, как необыкновенно странно и смешно было это все».⁴⁴

В. П. Адрианова-Перетц, исследовавшая литературные апологии пьянства «Праздник кабацких ярыжек» и «Калязинскую челобитную», пришла к мысли, что «на фоне этих литературных фактов особый интерес приобретает „всепьянейший собор“ Петра Первого. Как мы видим теперь, это не была индивидуальная затея, не имевшая корней в прошлом: задолго до Петра пьяницы оказались героями своеобразного „церковного“ чествования, сближавшего их с мучениками и преподобными. Оставив в стороне политическое значение церемониала посвящения папы всепьянейшим собором, мы не можем не признать, что внешняя форма этого церемониала почти целиком пародирует православные церковные обряды посвящения. Следует отметить при этом, что в петровской затее, несомненно, ощущается известный элемент непосредственной насмешки над самым сложным церковным обрядом: пародирование церковных возгласов и обрядов вряд ли было здесь только средством».⁴⁵

Закономерно будет, если мы вслед за В. П. Адриановой-Перетц будем рассматривать всешутейший собор как одно из самых острых орудий общественно-политической и литературной пародии. О том, как пародировались церковно-культурные тексты, может дать представление «Чин в князь-папы постановления»,⁴⁶ составленный, как и все уставы Всешутейшего собора, при самом деятельном участии Петра:

*О чине в князь-папы постановления и в епископы в неделю по крещении
января 10*

1

Повелено того дни жрецем, и всем прочим, неосвященного собора чинам съехатца на князь-папинский каменный двор, пополудни к 3 часу.

2

Когда все собрались в князь-папин дом, тогда в князь-папинской палате жрецы и другие достойные сели на своих местах. Тогда посланные по новоизбранного от всего собора ключарь старой, да кардинал протодиакон и из уединенной его палаты ввели его почтено в собранную палату. Пред ним несли две флаги, иаполненные вином пьянственнейшим, едина флага позлащенная, другая высеребряна, и два блюда, едино со огурцами, другое с капустою. Поставили перед его кесарским величеством на изрядно посланном аксамитном луховском ковре.

---

⁴⁴ Ф.-В. Берхгольц. Дневник камер-юнкера. М., 1858, ч. II, стр. 47—52.

⁴⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 57—58.

⁴⁶ ЦГАДА, Кабинет Петра, ф. 9, оп. 1, № 67, л. 44—46 об.

3

Архиереи на высоком троне сидели по степенем, с правую и с левую стороны.

4

Тогда новоизбранный поклонился его цесарскому величеству и жрецем сидящим трижды.

И вышеупомянутые дары едино под другим подносил поставляющему говоря краткий комплимент о своем поставлении.

И потом сел на стуле прямо поставляющего.

5

Тогда поставляющий вопрошал его. Что убо брате пришел еси и чегого от наша немерности просиши.

6

Тогда отвечал посвящаемый. Еже быти крайним жрецем и первым сыном отца нашего Бахуса.

7

Поставляющий глаголет: пьянство Бахусово да будет с тобою.

8

Оный поставляющий еще вопрошал: Како содержиши закон Бахусов и во оном подвизаешися.

9

Поставляемый отвечал: Ей орла подражательный и всепьянейший отче, восстав по утру, еще тме сущей, и свету едва являющуся, а иногда, и о полунощи слив две или три чарки испиваю, и продолжающуся времени, нетунь оное, но сим же образом, препровождаю, егда же прыдет время обеда, пью по чашке немалой, такожде переменяющимся брашном, всякой ряд непуста препровождаю, но каждый раз, разными питиями, паче же вином яко лучшим и любезнейшим Бахусовым, чрево свое яко бочку добре наполняю, так что иногда и ядем мимо рта моего носимым, от дрожания моя десницы, и предстоящей в очесах моих мгле, и тако всегда творю, и учити, мне врученных обещаюсь, и якоже мудрствующих отвергаю, и яко чужды и ебиматствую всех пьяноборцев, но якоже выше рех, творити обещаюсь до скончания моя жизни, с помощью отца нашего Бахуса, в нем же живем, а иногда и с места недвижемся, иже пьяны мы или нет не ведаем, еже желаю отцу моему и всему нашему собору получитьи. Аминь.

10

Поставляющий глаголет: пьянство Бахусово да будет с тобою затемневающее, и дражайшее, и валяющее, и безумствующее ты во все дни жизни твоєї.

11

Потом поставляемый кленкнув на колена и лег, и преклонился персями, и руками, и главою, на подлежащую делву, и тогда жрецы пели песнь Бохусову.

Потом поставляемый встав пришел на высокий амвон к поставляющему, где облачали его архиереи во вся одежды его кроме шапки.

Тогда первый жрец, помазывал его крепким вином на главе его, около очей образ круга, глагом, тако да будет крутиться ум твой, и поки круги, разными виды, да предстанут очесам твоим от сего во вся дни живота твоего, також на обе длани, и четыре перста, на няже чарка приемлется образом лученки, глаголя, тако да будут дрожати руце твои, во вся дни жизни твоей.

Потом налагали руки архиереи, и первый читал речь такову: Рукополагаю аз старый, пьяный сего нетрезвого:

Во имя всех пьяниц,	Во имя всех бочек,
Во имя всех склянниц,	Во имя всех ведр,
Во имя всех зернщиков,	Во имя всех кружек,
Во имя всех дураков.	Во имя всех стаканов,
Во имя всех шутов,	Во имя всех чарок,
Во имя всех сумасбродов.	Во имя всех карт,
Во имя всех лотров (?),	Во имя всех костей,
Во имя всех кадок,	Во имя всех бирюлек,
Во имя всех вин,	Во имя всех табаков,
Во имя всех пив,	Во имя всех кабаков,
Во имя всех медов,	Яко жилище отца нашего
Во имя всех каразиннов,	Бахуса, аминь.
Во имя всех сулоев,	
Во имя всех браг,	

Потом наложили на главу его шапку и пели аксиос.

Потом оный новопосвященный сел на свой престол, на великую покрытую бочку, и вкушал вина из великого орла и прочим всем подливал, певцы же в то время пели многолетие кесарю и новопоставленному.

И оное окончав, все распушены в дома свои, князь-папа же разоблачась от своей одежды, пошел в свои покоевы палаты, и остался в том доме.

Следует отметить существенную черту маскарадных шествий: они пародировали не только обрядность церкви, но и литературу, с церковностью так или иначе связанную. В вышеприведенном рассказе Берхгольца мы опустили описание одного из маскарадных эпизодов. За повозкой Бахуса «следовал так называемый беспокойный монастырь, принадлежащий на маскараде собственно к обществу императора. Сани его — громадная машина — были устроены особенным образом, а именно со скамьями, которые сначала,

спереди, шли ровно, потом поднимались все выше и выше, в виде амфитеатра, так что сидевшие вверху были ногами наравне с головами сидевших внизу. Позади этой машины, изображавшей нечто вроде головы дракона, стояло несколько смешных масок». «Амфитеатр», на котором сидели кардиналы — члены всепьянейшего собора, и пасть «дракона», о которой упоминает в не совсем ясном контексте Берхгольц, вместе воссоздают конструкцию сцены украинского школьного театра, воспроизведенную, конечно, при Яворском и на сцене Славяно-греко-латинской академии в Москве. В. П. Адрианова-Перетц так описывает эту сценическую конструкцию: «Небо соединяется с землею ступенями, по которым нисходят на землю и возвращаются обратно небожители. . . Часть сцены была отгорожена для ада. Иногда он изображался аллегорически (змей, испускающий дым), но чаще это была огромная пасть, наполненная декоративным пламенем, в котором показывали грешников».⁴⁷ Как мы видим, пародия во всешутейшем соборе распространялась не только на церковную обрядность как таковую, но и на искусство, с церковью связанное, на школьную драму Московской академии, которая так и не смогла удовлетворить Петра и отразить политическую современность в нужном ему аспекте.

7

Бассевич так характеризует отношение Петра к театру: «Царь находил, что в большом городе зрелища полезны, и потому старался приохотить к ним свой двор».⁴⁸

Петру от зрелищ нужна была прежде всего польза, та польза, которой он так и не добился от театральных предприятий начала века.

Зрелищами, которые Петр особенно любил, сам участвовал в их подготовке и создании и на которые не жалел ни денег, ни сил, были триумфальные торжества и фейерверки.

Однако и здесь, как в театре, необходимо было наладить обратную связь, т. е. убедиться в том, что символика этих зрелищ доходит до всей массы городского населения, на которое они были рассчитаны.

Рассказы современников свидетельствуют, что изображения на триумфальных воротах, воздвигавшихся в начале века в Москве по случаю побед русской армии, воспринимались зрителями в системе привычных средневековых литературных представлений. Желябужский, например, так описывает Нептуна, изображенного на триумфальных воротах в Москве, устроенных после взятия Азова

⁴⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII ст. — В кн.: Старинный спектакль в России. Л., 1928, стр. 23—25.

⁴⁸ См.: И. А. Шляпкин. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени, стр. XVII.

в 1696 г.: «... человек, словущий бог морской, коего называют Нептуном, на звере морском, походит на китовраса, в руках острога да весло».⁴⁹

Трудности освоения смысла этого вида зрелищ возникали из-за новизны и сложности применяемой знаковой системы. В основу этой знаковой системы был положен особый язык символов и эмблем, разработанный в европейском искусстве XVI—XVII вв. От зрителя такого эмблематического искусства иногда требовалась серьезная подготовка и хорошее классическое образование. Как указывает исследователь взаимоотношений барокко и классицизма во французском искусстве, «требовалась настоящая наука, чтобы хорошо разобраться во всех этих системах. А потому в продажу были выпущены книжечки, наподобие оперных либретто, пояснявшие значение декораций и предлагавшие переводы или иногда парафразы латинских надписей».⁵⁰

Потребность в такого рода «либретто» хорошо ощущалась устроителями московских триумфальных сооружений. Поэтому к триумфальным вратам, поставленным в Москве в 1703 г., было издано их печатное описание, составленное преподавателями Славяно-греко-латинской академии, с объяснением смысла символических изображений и их отношения к современным событиям: «Третья картина изобразует преславную победу на жестокой переправе, на ней же свейский генерал Крониорт, по жесткой брани побежден, больше тысячи знатных офицеров и ратных людей уронил и с великим посрамлением убежа июля 8 числа сего 1703 года. Вверху из облаков Аполлон и Диана состреляют сыны прегордые Ниобы, сиречь Свейския земли, яже и множеством, и крепостию сынов своих, ратных людей, гордящаяся множайших и честнейших в сей брани (от Аполлона и Дианы, сиречь денного и ношного прилежания и неустрашимыя крепости его царского пресветлого величества добротов) погуби».⁵¹ Подобные объяснения не удовлетворяли значительное число зрителей, недовольных непонятными и странными новшествами. В 1704 г. Иосиф Туробойский, префект и преподаватель философии Славяно-греко-латинской академии, предпослал описанию торжественных врат, сооруженных в Москве в честь побед при Дерпте и Нарве, подробное объяснение их необходимости и правомерности самой системы образных обозначений: «Мню, удивишися, православный читателю, яко, торжественная сия врата, якоже и в прошлых летех не от божественных писаний, но от мирских историй, не святыми иконами, но или от историков преданными, или от стихотворцев вымышленными лицами и подобиями,

⁴⁹ М. М. Богословский. Материалы..., т. I, стр. 346.

⁵⁰ V.-L. Tardé. Baroque et classicisme. Paris, 1957, p. 171, цит. по кн.: К. В. Пигарев. Русская литература и изобразительное искусство (XVIII—первая четверть XIX в.). М., 1966, стр. 52.

⁵¹ Цит. по кн.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1872, т. II, стр. 75—76.

от зверей, гадов, птиц, деревьев и прочих, вещь намеренную изображаем».⁵² В предисловии к «Преславному торжеству свободителя Ливонии» (1705) давалось такое объяснение, в котором главным мотивом была всеобщность употребления подобной символики: «По всех христианских, от ига варварского свободных странах, преславным победителям, от брани с торжеством возвращающимся, благодарнии подданныи, наипаче же в академиях и всяких школьных собраниях, идеже не токмо духовное, но и политическое учение сияет, от обоих писаний похвальныи венцы составляти обыкоша: от божественных убо писаний в церквах, или на иных на сие прибранных местах, от мирских же историй на торжищах, улицах и прочих местах».⁵³

Но и триумфальные ворота не вполне отвечали тем требованиям, которые предъявлял Петр к художественной пропаганде военных успехов России. Ему нужно было еще более общедоступное искусство, в котором смысл преобладал бы над формой выражения. Таким искусством из всех его зрелищных видов, в наибольшей степени отвечавшим планам и намерениям Петра, была «огненная потеха» — фейерверки. В украшениях триумфальных ворот и в фейерверках отразились знаки и фигуры, собрание которых, по указанию Петра I, было воспроизведено уже в 1705 г. в Амстердаме и переиздано в 1719 г. — «Символы и эмблематы».

Заемствованные из этого издания рисунки широко использовались для аллегорического изображения тех или иных событий. Некоторые из этих заимствований описаны в книге В. Н. Васильева.⁵⁴ Этот же автор указал на серьезное значение, которое Петр придавал сохранению изображений фейерверков. В 1724 г. кабинет-секретарь А. В. Макаров потребовал у В. Д. Корчмина присылки «для вношения в новосочиняющуюся о шведской войне историю» копии с рисунков фейерверков, которые устраивались «с начала государства его императорского величества».⁵⁵

При наглядности и красоте фейерверочных изображений не все в них было широкодоступно. Символы, кроме самых простых (орла российского, шведского льва или турецкого полумесяца), требовали пояснения. На гравюрах, изображающих фейерверки, многие символические изображения сопровождаются довольно подробными пояснениями. Так, например, «главные фонари» фейерверка 1 января 1704 г. на гравюре А. Шхонебека изображены «с толкованием», к статуе Виктории из этого фейерверка дано такое объяснение: «Образ Виктории или побеждения, яко пре-

⁵² Цит. по кн.: К. В. Пигарев. Русская литература и изобразительное искусство. . . , стр. 54.

⁵³ Цит. по кн.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России. . . , т. I, стр. 439.

⁵⁴ В. Н. Васильев. Старинные фейерверки в России (XVII—первая четверть XVIII века). Л., 1960.

⁵⁵ Там же, стр. 26.

красна младая и ласковая жена ей же глава и шуйца украшена лавровыми ветви и венцем. Одета непятнанным белым одеянием. Она же ласковым и веселым лицом обещает счастливое лето, которое Юпитер, Марс и Паллас сотворили».⁵⁶

Еще более пространное объяснение требовалось к декорации фейерверка 1 января 1710 г. в ознаменовании Полтавской победы. В этом объяснении говорилось: «А — гора каменная являющая швецкое государство; В — лев выходящъ из-за оной горы являл армею швецкую, С — столп с короною являл государство польское, к которому приближился Лев и оной нагнул, являя победу над тем государством, изгнания короля их насильная возведения на тыж престол бунтовщика Лещинского; Д — другой столп с короною являющей государство Российское, к которому Лев приближился с намерением таким же как к первому; Е — потом явился орел для защищения оного столпа являющей армею Российскую и оного Льва перуном (или огненными стрелами) расшип с великим громом. Потом и первой столп паки прям стал, являя избавление Польше и возвращение короны королю Августу чрез оружие Российское».⁵⁷ Это объяснение касалось не только статического положения фигур на декорации, но и их перемещений в ходе фейерверочного зрелища.⁵⁸ Дело в том, что сначала были освещены только два «столпа» с коронами, затем появился лев, опрокинувший столп с польской короной и пошатнувший второй столп. Тогда появлялся Орел, бросал огненные стрелы в льва, тот вспыхивал пламенем и разлетался на куски «с великим громом». После этого первый столп поднимался в прежнее положение.

Динамика этого «огненного» представления должна была служить наглядности восприятия эмблем и символов, во многих случаях непонятных. В том же торжестве по поводу Полтавской победы серия картин создана была на основе сюжета басни Эзопа «Осел, одевшийся в львиную кожу». На одной были изображены осел, «во львиной коже гордящийся», и напуганные им звери; под картиной надпись: «Хотяше страшен бити». Рядом нарисованы осел с содранной с него «львиной кожей» и те же звери, над ним насмехающиеся. Подпись гласила: «Достоин быть смеха».⁵⁹

Назидательно-сатирическое содержание занимает все больше места в фейерверочных картинах. В фейерверке 27 июня 1721 г. в годовщину Полтавской победы была освещена декорация, на которой стоял Геркулес под дождем и держал над собой борону. Надпись над ним гласила: «Плохая кровля». Васильев считает, что сюжет этой картины был заимствован из фольклора, где существует

⁵⁶ Там же, рис. 13.

⁵⁷ Там же, рис. 17.

⁵⁸ Там же, стр. 41.

⁵⁹ Там же, стр. 38—39.

анекдот о крестьянине, укрывшемся от дождя на пашне бороной. Когда его спросили, почему он так укрывается, крестьянин ответил: «Все легче станет, не каждая капля канет». Здесь ирония по конкретному поводу — насмешка над безуспешной попыткой английской эскадры помочь Швеции — является лишь частным смысловым мотивом сатирического, басенного по своей природе фейерверочного сюжета.

Как мы увидим дальше, этот же сюжет разработан по указанию и замыслу Петра в форме политического памфлета для «Ведомостей».

Конечно, и для фейерверков использовались уже готовые типы и приемы эмблематики, так широко разработанные в живописи и графике барокко, но при этом происходила очень заметная эволюция фейерверочных декораций и изображений. Схематически можно определить эту эволюцию как движение от символа к аллегории, от овеществленной метафоры — к ироническому назиданию, к сатире и нравовучению.

Недостаточность и ограниченность фейерверочного аллегоризма, по-видимому, рано стали ощущаться Петром, равно как и непробиваемый для актуальной современности отвлеченный символизм духовной драмы.

Все это заставляло Петра обратить внимание на возможности слова как наиболее коммуникабельного из средств прямого идеологического воздействия. Процесс тяжелой политической борьбы, которую вел Петр и вне и внутри страны, заставлял его искать формы словесного выражения нужных и полезных идей. Превращение символа в аллегорию, т. е. в знак («изображение») отвлеченного понятия, — характерный процесс, которым сопровождался переход от барокко к классицизму в искусствах изобразительных.

Тот процесс превращения символа в аллегорию, который произошел в европейском, особенно во французском искусстве в конце XVII в., в эпоху Лессинга снова стал предметом острых эстетических споров, и та эволюция фейерверочного зрелища, которую испытало это самое массовое искусство петровского времени, свидетельствует, как нам кажется, что и здесь потребностям и вкусам самого Петра больше отвечала откровенная и рационально разъяснимая, общедоступная аллегория, чем сложный символ-метафора барочного искусства.

8

В искусстве слова, в тех его жанрах, к которым Петр обратился за содействием в деле пропаганды полезных идей, существовали свои традиции и свои прославленные мастера. В церковном ораторском слове Петр не чувствовал себя свободно и должен был полагаться на чужой опыт.

Петр считал, что живое слово проповедника, обращенное к народу с церковной кафедры, к которой он привык относиться с традиционным уважением, может послужить мощным средством пропаганды новых идей. Его не смущало на первых порах, что не все проповедники принадлежали к беззаветным сторонникам реформ, а в некоторых случаях оказывались их деятельными и убежденными противниками. Нежелательным для Петра образом сложились отношения между ним и Стефаном Яворским, которого Петр сам забрал из Киева, сделал местоблюстителем патриаршего престола и, одобряя «зело изрядные предики господина Яворского», рассчитывал на его проповедническую деятельность, но последний, как известно, довольно скоро стал противником преобразований, особенно тех, которые ущемляли права и привилегии церкви. И даже когда Яворский еще искренне следовал за Петром, самая методология его доказательств и доводов в пользу реформ черпалась из старых церковно-схоластических руководств, стилистически продолжала традиции литературы барокко, а идеологически не выходила за рамки богословско-догматического понимания смысла политики правительства. Проповеди Стефана Яворского были в полном смысле слова попыткой влить в новые мехи старое вино.

Характерна в этом смысле его проповедь «Колесница торжественная», в которой искусное нагромождение метафор и сравнений должно было скрывать отсутствие у оратора действительной веры в необходимость «мучений» и «страданий» народа, или, как называет его Яворский, «четвертого колеса»: «Четвертое и последнее колесо есть чин людей простонародных. Скрыпливое то колесо, никогда же тихо не умеет ходити: всегда скрипит; всегда ропщет. Наложити какое тяжало, то и станет скрипети. Слушай же, мое скрыпливое колесо то! Иныя три колеса бремя носят, а ты едино хощеша жити без бремени? Иныя колеса в непрестанном движении пребывают, а ты хощеша почивати? Иныя на общую пользу работают, а ты хощеша на свою? Для чего так великое на тебе тяжало мнитися быти дань даяти? но большее тяжало кровь изливати. Душу полагати, еже творят воины. Хощеша свободно быти от дани? а где же есть царство и подданство без дани? кая война без податей бывает? .. Правда то есть, нет чего хвалити, аще и бремя такое кладут на колесо, что бедное не только скрипит, но и ломитися. Како бо колесу бедному не скрипети, аще будет обременено тяжалом неудобь носимым? Тамо, колесо, иди, аможет тебе влечет животное, не опирайся, не скрипи, жестоко ти есть противу рожну прати; противитися либо бунтоватися сохрани боже!»⁶⁰

Ортодоксально-церковная точка зрения на деятельность Петра привела Яворского к резкому конфликту с правительством. Забыв

---

⁶⁰ Цит. по кн.: П. О. Морозов. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880, стр. 88.

свои собственные слова о мудром и рачительном хозяине (царе Петре), против которого бунт — это грех, Яворский в другой проповеди выступает в защиту религии и церкви против нарушителей «заповедей божиих», т. е. против Петра: «Того ради не удивляйтесь, что многомятежная Россия наша доселе в кровных бурях волнуется; не удивляйся, что по толиких смятениях доселе не имамы превожденного мира. Мир есть сокровище неоцененное; но тии только сим сокровищем богатыся, которые любят закон господень. Мир мног любящим закон господень и несть им соблазна, и кто закон божий разоряет, от того мир далече отстоит».⁶¹ И далее в проповеди Яворского возникает понятие «правды» как безусловного выполнения всех десяти заповедей: «Где правда, там и мир, правда и мир дело то изочтется, а где несть правды, там мира не найдешя; море, свирепое море — человеке законопреступный! почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши береги? берег есть закон божий воеже любити всем сердцем».⁶²

Характерно для строя мыслей Яворского то, что неподвижной системе его понятий, в центре которой помещается «закон», т. е. религия (вера), соответствует и методика аргументации, построенная на четком разграничении символов добра и зла. При этом любой предмет может стать знаком самого отвлеченного понятия, как в этой речи *море* стало символом человека-отступника от веры, а *берег* — символом религии.

У Прокоповича, убежденного сторонника петровских реформ и самого последовательного их апологета, в его проповедях представлена иная система понятий. Традиционные представления православного богословия соседствуют у Прокоповича с новыми правовыми представлениями о законе как социально-философском понятии, о месте этого «светского» научного понятия над всеми другими социальными институтами.

Отсюда то значение, которое Прокопович придает в своих проповедях правосудию, «правде», равенству граждан перед законом. Именно за соблюдение судебной *правды* Прокопович так восхваляет Петра: «Правосудие толикое есть, яко на престоле российском не человек, но самая правда сидети мнится. Кто ныне боится смерти или раны, защиту имея неподвижную? кто, немощен и убог сый, трепещет сильных крепости или богатых наваждения? Кому, аще и худейшему, страшно есть и ужасно благородие, преуспевание или достоинство?».⁶³

«Правда» как политическое понятие имеет свою долгую и интересную судьбу в русской публицистике XVI—XVII вв.⁶⁴

⁶¹ ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, ед. хр. 31, л. 7 об.

⁶² Там же, л. 15 об.

⁶³ Ф. Прокопович. Слова и речи. СПб., 1760, ч. 1, стр. 7.

⁶⁴ См.: И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова и русская публицистика XVI—XVIII веков. — В кн.: Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. (Ломоносовские чтения). Вып. 2—3. Казань, 1969, стр. 108—115.

Проблема «правды» и ее конкретного выражения — правосудия — чрезвычайно занимала общественную мысль эпохи реформ. Посошков, например, посвятил особую, третью главу своей «Книги о скудости и богатстве» «Правосудию». Он пишет: «Бог — правда, правду он и любит. И еще кто воззоет богу угодили, то подобает ему во всяком деле правда творити... Понеже судья судить именем царским, а суд именуется божий, того ради всячески судье подобает ни о чем тако ни стараться, яко о правде, дабы ни бога, ни царя не прогневити».⁶⁵ Посошков удивляется тому, что «у нас вера святая, благочестивая и на весь свет славная, а судная росправа никуды не годная».⁶⁶

«Правда», которую Посошков хочет видеть в русском общественном строе, и особенно в действиях административной машины — в первую очередь суда, оставалась настоятельным требованием сколько-нибудь прогрессивных деятелей до самой судебной реформы 1865 г. Слова и требования Посошкова представляют своего рода реально-исторический комментарий к речам Прокоповича, к его официозному истолкованию понятия «правды». Ибо нужное Петру публицистическое слово должно было целиком подчиниться его делу, а практическое осуществление идеи регулярного государства происходило в формах и условиях очень далеких от идеального понятия «правды», так подробно обоснованного Прокоповичем.

В поисках словесной формы, наиболее отвечающей интересам его политики, Петр вынужден был сам заниматься вопросами «слога», писать и редактировать обращенную к нации, во всяком случае к ее грамотной части, литературу манифестов, указов, реляций о военных действиях и, уже в 1710-е годы, — литературу военно-политических итогов своего правления.

Стилистика церковной ораторской речи, высокого слога, слишком сильно была скована традициями, ей не хватало гибкости и убедительности. Ораторская речь церковных проповедников больше обращалась к чувству, нежели к разуму, она хотела от слушателей веры более, чем понимания.

9

В представлении Петра слово должно было служить делу, прямо, без ухищрений и красот, вести к цели, объяснять и убеждать самым своим содержанием, внутренней логикой, а не ссылками на авторитеты.

В идеале Петр хотел добиться от слова понятийности и терминологичности. Пекарский приводит записку Петра Синоду от

---

⁶⁵ И. Т. Посошков. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения. Ред. и комментарии Б. Б. Кафенгауза. М., 1951, стр. 54.

⁶⁶ Там же, стр. 91.

19 апреля 1724 г. с соображениями по поводу замышленного им нового катехизиса. Содержание его Петр определял так: «Изьяснить: что непрременный закон божий, и что советы, и что предания отеческая, и что вещи средние, и что только для чину и обряду сделано, и что непрременное, и что ко времени и к случаю прменялось, дабы знать могли, что в какой силе иметь».⁶⁷ Как видно из этой записки, главная цель нового катехизиса — отделить канон от обряда, первоначальное ядро христианского учения от позднейших наслоений и прибавлений, сосредоточиться на его нравственном содержании. Далее он поясняет, как это сделать, т. е. какую стилистику применять: «О первых кажется мне, чтоб просто написать так, чтоб и поселянин знал, или на двое: поселяном простяе, а в городах покрасивее для сладости слышащих, как вам удобнее покажется. . . а особливо Веру, Надежду и Любовь: и о первой, и о последней зело мало знают и не прямо что и знают; а о средней (надежде,— И. С.) и не слышали, понеже всю надежду кладут на пение церковное, пост и поклоны и прочее тому подобное, в них же строение церквей, свеча и ладон».⁶⁸

В этой записке принципы стилистики Петра очевидны. Ему нужно, чтобы верующий разумно и ясно представлял себе основные положения христианского этического учения. Он хочет, чтобы на смену суеверию и обрядам пришло сознательное постижение религии.

Разумеется, что собственно стилевые поиски Петра определялись в первую очередь практическими нуждами государственного управления и ходом различных реформ. По мере того как от частных мероприятий, вызванных сиюминутными потребностями войны, Петр пришел к идее планомерного переустройства всей жизни нации на основах разумно спроектированной модели регулярного правового государства, все большее значение приобретало публицистическое слово, его доступность и действенность. Поэтому, как нам кажется, совершенно прав Ю. С. Сорокин, когда он пишет о необходимости изучения в первую очередь публицистики петровского времени, а не того, что попадает в иногда условно определяемую нами сферу «литературы»: «Все, вероятно, согласится с тем, что судить о языке петровского времени по очень ограниченному набору известных нам памятников повествовательного характера, поэтических и драматических произведений, претендующих на экспрессию и составленных по риторическим предписаниям проповедей и т. д., значит составить себе заведомо смещенное и неправильное представление о книжном языке этого времени, его возможностях, его стилях и его нормах». И далее исследователь предлагает в первую очередь изучать именно те виды публицисти-

⁶⁷ Цит. по кн.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России. . . т. I, стр. 181.

⁶⁸ Там же, стр. 181—182.

ческой и деловой письменности, в разработке которых участвовал Петр: «Складывающиеся нормы и образцы новых стилей этой поры надо скорее искать в документах деловых, хотя часто и не чуждых элемента выразительности, в указах и манифестах, в ое-лядиях, памфлетах и полемических сочинениях, в „Ведомостях“ и регламентах, в сборниках чисто дидактического характера, в первых переводах научных книг и технических руководств и т. д. и т. п.».⁶⁹

Стиль деловых бумаг и писем Петра изучался до сих пор более всего как характерное явление эпохи сшибки различных языковых пластов и неупорядоченности норм словоупотребления, тогда как в нем можно найти систему определенных, скорее всего стихийно выработанных принципов.

Смещение иронической «домашней» мифологии с привычной символикой православного церковно-книжного обихода было только одной из форм выработки нового публицистического стиля. Другим образцом соединения иронии и серьезности, глубокой мысли и шутки были для Петра басни Эзопа. В сущности только басни из собственно художественной литературы входили в круг действительных интересов Петра и по его настоятельным указаниям многократно переиздавались. Только в баснях, по-видимому, Петр находил привлекавшее его сочетание искусства и пользы, образа и наставления, объединенных в шутке, остроте, каламбуре. О том, как басня входила в мир его повседневных дел и забот, дает представление рассказ Вебера, который воспроизведен у Пекарского. Вебер услышал это от посланника одной державы (Австрии), побывшего поздравлять Петра после Прутского похода: «Надежда царя на вспоможение одной державы не осуществилась, русские проиграли кампанию, заключили невыгодный мир, и тогда прибыл посланник той державы с поздравлением от имени своего государя, что Петр, своею мудростью и божеским заступлением, избежал великой опасности. Выслушав хладнокровно речь дипломата, царь, вместо ответа, спросил его, знает ли он по латине? и, получив утвердительный ответ, вынес из кабинета экземпляр басен Эзопа, нашел в них басню „Козел и Лиса“ (которые оба попали в колодезь, но лиса выбралась оттуда по рогам козла и стала над ним смеяться) и, указав это посланнику, покинул его со словами: „Желаю вам покойной ночи!“ Я слышал, — прибавляет Вебер, — этот рассказ от самого посланника, еще и теперь здравствующего и сделавшегося известным министром».⁷⁰

Любовь Петра к Эзопу, к басенному иносказанию и басенной шутке, к ироническому осмыслению бытовых и политических ситуа-

⁶⁹ Ю. С. Сорокин. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка. (От Кантемира до Каоамзина). М.—Л., 1966, стр. 12.

⁷⁰ Цит. по кн.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России. . . т. I, стр. 22—23.

ций шла вразрез с отрицательным, даже враждебным отношением к наследию баснописца со стороны представителей официальной мысли и литературы.

Р. Б. Тарковский считает, что в XVII в., т. е. в пору широкого распространения притч Эзопа в переводах Ф. Гозвинского и А. Винниуса, «отношение московских церковников к Эзопу враждебно и, чем ближе к концу столетия, тем становится нетерпимее. Попытки воспользоваться зооморфическими аналогиями для истолкования теологических категорий встречают жестокое и категорическое осуждение (как это инкриминировалось, например, Лаврентию Зизанию и Аввакуму) и связываются в своем происхождении прежде всего с Эзопом, басни которого выносятся в однородный ряд с «иноверными враками» и «магометанскими рассказами».⁷¹

Еще в начале XVIII столетия Федор Поликарпов в предисловии к своему «Букварю» (1701), имея в виду Эзопа, изданного в Амстердаме Копиевским, писал в похвалу нравственному содержанию своего учебника, что «не Есопа фригийского zde смехотворные узрите басни типографско зримы».⁷²

Басни Эзопа особенно в переводе 1674 г. («Зрелище жития человеческого») на русской почве получили сатирическое наполнение, стали обрастать, так сказать, местными применениями и намеками.

В предисловии к этому переводу говорилось: «Еще же от сих научится может, яко зря на бессловесные достоит нам житие свое и нравы злобные исправляти — иже не многие ли видим свирепейше львов и гневливее медведей, иные же нечестивейше свиней, овых же неблагодарнейше псов, иных же гордейше павлинов».⁷³ Наличие в данном переводе комментариев и объяснений аллегорико-политического характера, по мнению Тарковского, не могло «не порождать ассоциаций с русскими событиями, и почкование его текстологических вариантов, как и количество распространенных списков, свидетельствует о самом живом внимании современников. Почти не видоизменяя текста самих басен, переписчики «Зрелища» остро реагируют на политические и социальные идеи сентенций и исторических прилогов, оттеняя и акцентируя одни, видоизменяя другие и решительно устраняя третьи. Сохранившиеся списки этого перевода... исчисляются многими десятками. Из них более сорока принадлежат концу XVII—началу XVIII в.»⁷⁴

---

⁷¹ Р. Б. Тарковский. Государев толмач Федор Гозвинский и его перевод басен Эзопа. — Вестник ЛГУ, 1966, № 14, вып. 3, стр. 108.

⁷² Ф. Поликарпов. Букварь. М., 1701, л. 1.

⁷³ П. П. Пекарский. Наука и литература в России..., т. I, стр. 200.

⁷⁴ Р. Б. Тарковский. Государев толмач Федор Гозвинский..., стр. 101.

В 1712 г. были переизданы «повелением его царского величества» «Эсоповы притчи» по изданию Копиевского 1700 г. с прибавлением «Жития Эзопа», взятого из рукописного перевода Гозвинского. Одновременно было издано и «Зерцелище жития человеческого». В 1717 г. оно было переиздано в Петербурге.

Такая настойчивость Петра в распространении «Эсоповых притч» продолжала вызывать недоброжелательные полемические замечания. Так, С. Рагузинский в предисловии к одному своему переводу писал: «Понеже не Есоповы фабулы, или магометанские рассказы, или другие какие романшы в ней обрящеши, но самые святополитичные поступки для исправления совести, духа или ума, сердца и страстей да и языка».⁷⁵

Возможно, что непрменная принадлежность петровских карнавалов и триумфальных процессий — сани или повозки, запряженные самыми неожиданными животными, представляют собой театрализацию басен Эзопа с их настойчивым указанием на сходство человеческих и животных свойств. Из «Эсоповых притч» заимствуются и тексты для фейерверков и иллюминаций.

Басни Эзопа с их свободой сопоставления высокого и низкого, серьезного и смешного, с их установкой на то, чтобы из «малых вещей» делать общие, даже общечеловеческого значения выводы, должны были отвечать наклонности самого Петра к каламбуру, шутке, травестийному слогу, рано обозначившейся в его частных письмах.

Ирония была могучим средством преодоления закосневшей и неподвижной системы официально-публицистических стилей русской литературы второй половины XVII в. Ирония нужна была Петру для того, чтобы придать официальной литературе военных реляций в первую очередь убедительность, доходчивость и некоторое ощущение личности того, кем вдохновлялась грандиозная эпическая поэма в действии, какой Петр хотел видеть сам и показать нации, «людям и отечеству» эпоху своих реформ.⁷⁶

10

Деловые письма становятся своего рода лабораторией публицистического стиля Петра. Так, в письме к А. А. Винуису из-под Нотебурга 13 октября 1702 г. появился позднее увековеченный историками каламбур: «Правда, что зело жесток сей орех был, однако, слава богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила».⁷⁷ В другом письме от того же числа

⁷⁵ Цит. по кн.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России... т. I, стр. 253.

⁷⁶ См.: А. И. Кузьмин. Реляции Северной войны как памятник литературы. — Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка, 1967, т. XXVI, вып. 1, январь-февраль, стр. 64—68.

⁷⁷ Письма и бумаги Петра Великого, т. II, стр. 92.

к Андрею Стейльсу эта фраза дана в несколько иной редакции: «Правда, хотя и зело жесток сей орех был, однако, слава богу, разгрызли, но не без тягости, ибо многие наши медные зубы оттого испортились».⁷⁸ В том же духе острота Петра в его ответе на письмо жен офицеров осажденного шведского гарнизона в Нотебурге.⁷⁹ В реляции о взятии Нотебурга этот эпизод рассказан так: «Барабанщик из крепости с письмом от комендантши во имя всех офицерских жен, в той крепости обретающихся, к фелтмаршалку прислан, его моля о позволении зело жалостно, дабы могли из крепости выпущены быть, ради великого беспокойства от огня и дыму, и бедственного состояния, в котором они обретаются. И на то учинено им в ответ от капитана бомбардирского, которой тогда в шанцах на батарее был и не хотел времени пропустить, дабы вотще с сим прошением для ответу к фелтмаршалку во обоз послать, последующим образом: ответственвал, что он с тем к фелтмаршалку не едет, понеже ведает он подлинно, что господин его фелтмаршалк тем разлучением их опечалити не изволит, а, если изволят выехать, изволили б и любезных супружников своих с собой вывести купно. И с тем барабанщика потчивав, отпустил в город».⁸⁰

Этот стиль иронического политического памфлета выработался не сразу. Лабораторией для него послужили реляции, писавшиеся Петром для «Ведомостей».

Иронически звучит в «Журнале Петра Великого» замечание о том, что накануне Полтавской битвы «государь осматривал оную ситуацию и неприятельский лагерь для действия против неприятеля, но оный неприятель по своей обыкновенной запальчивой отваге в том нас упредил».⁸¹

Иронический стиль дружеских писем и реляций получил самое интересное выражение в политических памфлетах, помещавшихся большей частью в «Ведомостях» или в приложениях к ним. Одним из самых интересных образцов такого памфлета является «Книги политические, которые продаются в Гаге», напечатанный в Москве в 1732 г.

Как заметил уже Пекарский, «„Книги политические“ есть не что иное, как перевод заглавий разных, будто бы современных сочинений на иностранных языках, на европейские события в памфлетическом духе и против некоторых западных правительств. Нельзя пропустить без внимания, что заглавия, отрекомендованные русским читателям под № 19, 21 и 22, написаны наверное под наитием русских послов против тогдашних наших врагов».⁸²

⁷⁸ Там же, стр. 94.

⁷⁹ См.: А. И. Кузьмин. Реляции Северной войны..., стр. 64—65.

⁸⁰ Письма и бумаги Петра Великого, т. I, стр. 102.

⁸¹ Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 212. (Курсив мой, — И. С.).

⁸² П. П. Пекарский. Наука и литература в России..., т. II, стр. 604—605.

В новейшей работе С. А. Рейсера⁸³ раскрыто значение намеков «в памфлетическом духе», содержащихся в этих «заглавиях». Петр, по несомненному внушению которого памфлет был сочинен, принял участие в его редакции и в усилении иронической его направленности. Так, заглавие книги о христианских добродетелях, святости и чистоте нравов кардинала Дюбуа (широко известного своим вольным поведением) первоначально оканчивалось следующими словами: «В сей книге ничего не написано»; Петр вставил другую концовку: «Которая книга в зело изрядном переплете, только письма в ней ни строки нет».⁸⁴ Взамен суховатого утверждения первоначального текста новая редакция вводила басенное по духу противопоставление «переплета» — содержанию, придававшее остроту и иронически завершавшее все «заглавие». Заглавие № 16 «Гибралтар и порт Магон, на торг вынесенные для продажи» Петр завершил иронической концовкой: «Кто больше даст».⁸⁵

Среди «заглавий» этого памфлета имеется еще одно, безусловно Петром подсказанное: «Славные действия английского флота на Балтийском море с подробным описанием портов и берегов оного, сочинено и поднесено королю великобританскому чрез адмирала Норриса». Собственно редакция этого «заглавия» имеет чисто стилистический характер, но предыстория его очень характерна для памфлетно-сатирической работы Петра. Имелись в виду неудачные действия в Балтийском море английского флота, пытавшегося поддержать Швецию и помешать заключению мира. В мае 1720 г. Петр писал русскому послу в Голландии князю Куракину: «Объявляю вам, что перед несколькими временем английский и шведский флоты пришли к Ревелю, стояли у Наргина острова и пересылались письмами... а между тем шведы сожгли у нас на Наргене избу да баню, которые были сделаны для работных людей... Потрудитесь посторонним лицом или Меркурием о всем сем напечатать, пониже нигде так не умеют, как у вас, а особливо о избе и бане».⁸⁶

Куракин выполнил приказ Петра и написал следующую статью в памфлетном тоне, напечатанную в «Санктпетербургских ведомостях» 13 августа 1720 г. как перевод письма «некоторой персоны» из Гданьска в Голландию: «Вы кажете мне толико желания ведать о сукцесе (успехе,— И. С.) в восприятиях от соединенных флотов шведского и великобританского, что я не хотел замешкать в учинении вам в том удовольствия. От того времени, как они на море, при-

---

⁸³ С. А. Рейсер. Книги политические, которые продаются в Гаге. — В кн.: Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955, стр. 541—563.

⁸⁴ П. П. Пекарский. Наука и литература в России..., т. II, стр. 606.

⁸⁵ Там же, стр. 607.

⁸⁶ И. Голицков. Деяния Петра Великого. М., 1789, т. VIII, стр. 421—422.

ходили они к Ревелю — *parturiunt montes*, сиречь, что горы родят — отгадаете ли вы экспедицию их? Я вам ее скажу, мой господин, чтоб вам долго в любопытстве не тосковать. Хотели дебарковать несколько людей на пустой остров, именуемой Нарген, и тамо все порубить и пожечь. На счастье россиян не было там ни одной души из людей их, и нашел огонь пожрать только избу и баню».⁸⁷

Не только в текущей злободневной публицистике, но и в сочинениях учебного и делового характера, взамен ровно наставительного и однообразно дидактического тона, Петр предпочитает контрастное сочетание патетики и иронии, деловитости и шутки.

Содержание и словесное его воплощение в военных уставах Петра представляет собой сочетание рационально-эмпирического подхода к предмету, вполне в духе новой науки XVII в., с лаконизмом и обиходно-житейской манерой рассуждения.

Автор не считает себя пророком, вдохновенным высшей наукой, а тем более внушениями религии. Его мысль намеренно держится самых простых, элементарных как будто положений и ситуаций, из которых уже следуют выводы, убедительные именно в силу простоты и повторяемости избранных для рассуждения ситуаций. Такова, например, замечательная по своей логичности и строгости доказательств следующая заметка Петра к воинскому уставу 1722 г.: «Понеже офицеры суть солдатам яко отцы детям, того ради надлежит им равным образом отеческим содержать и понеже дети перед отцами суть бессловны во всяком послушании, полагая надежду свою на отцов во всем, чего ради отцы недреманное попечение о их состоянии имеют, о их учении, пропитании и всяком снабдении, особливо же дабы нужды и недостатка не терпели, тако и офицерам делать надлежит (а особливо наши должны суть понеже не единой народ в свете так послушлив яко российский) в пользу солдат делать, что в их мочи есть (а чего не имеют доносить вышним), и не тяготить их лишними церемониями, караулами и прочим, а особливо во время компаней. Правда, может офицер якобы ко оправданию своему ответствовать, когда в том спрошен будет, что я точно чинил по уставу воинскому, однако ж то его оправдать не может, хотя то и писано, ибо там порядки писаны, а *времен и случаев нет*, того ради ему надлежит рассуждение иметь (*понеже не в числе детей, но в числе отцов обретаются*, как выше писано) о целости солдат (ибо все воинское дело в том состоит)».⁸⁸

Тот же стиль, то же сочетание естественного хода рассуждения со строгостью и при этом неожиданностью выводов характерны и для «Истории свейской войны».

⁸⁷ Цит. по кн.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России... т. II стр. 497.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, ед. хр. 37, л. 109; ср.: Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957, стр. 122—123. (Курсив мой, — И. С.).

По поводу первой Нарвской битвы (1702) и поражения русских войск там говорится: «И тако шведы над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно: но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили? ибо только один старый Лефортовский был... два полка гвардии только были на двух атаках у Азова, а полевых боев, а наипаче с регулярными войски никогда не видали. Прочие ж полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые, сами были рекруты... единым словом сказать все то дело, яко *младенческое играние было*, а искуства ниже вида; то какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над таким неискусным сыскать викторию?»⁸⁹ И далее следует неожиданное заключение, неожиданный вывод, в котором высказывается парадоксальная мысль о положительном значении этого поражения: «Правда, сия победа в то время зело была печально чувственная, и яко отчаянная всякия впредь надежды, и за великий гнев божий почитаемая. Но ныне, когда о том подумать, воистину не гнев, а милость божию исповедати долженствуем; ибо, ежели бы нам тогда над шведами виктория досталась, будучи в таком неискусстве во всех делах, как в воинских, так и в политических, то в какую бы беду после нас оное счастье вринуть могло».⁹⁰

Критическое и презрительное отношение Петра к состоянию военного дела при его предшественниках на русском престоле обусловило и невозможность для него воспользоваться какими-либо традициями военно-исторической прозы XVI—XVII вв. Военное дело Петр понимал как науку, а не как передаваемый по традиции набор привычек и навыков. Война и военное дело во всех его разветвлениях входили в круг его личных и государственных интересов. Опыт войн, которые непрерывно вела Россия в его царствование и под его руководством, должен был быть сохранен для потомства и в его, так сказать, деловой, собственно научной части, и отсюда работа над различными воинскими уставами — и в виде хроники самих военных событий, со всеми переменами воинского счастья, с победами и поражениями, отсюда замысел исторического труда, получивший название «Гистория свейской войны». Во второй ее редакции Петром сделана вставка о совете, который Карл XII безуспешно, но настойчиво внушал командующему турецкими войсками, окружившими русскую армию во время Прутского похода 1711 г.: «Король шведской приехал из Бендер... на отправляющей тогда консилини испрашивал, что он (турецкий командующий, — *И. С.*) хочет делать, которой ему сказал, что он неприятеля, который отходит, хочет атаковать. Король свейский просил, чтоб он того не чинил, но непрестанно кругом велел обеспокоивать и на переправе держать и таким де способом будет сие

⁸⁹ Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 25—26. (Курсив мой, — *И. С.*)

⁹⁰ Там же, стр. 26.

голодное и утомленное войско у тебя в руках».⁹¹ Далее говорится о том, что турки совета Карла не послушались. То, что Петр вставил этот эпизод в «Историю свейской войны», очень показательна для общей установки этого труда. История и наука, опыт и его теоретическое осмысление — вот что хотел Петр оставить в назидание потомству. Столкновение военной науки нового времени в лице Карла XII и средневековых представлений о войне в сознании турецкого командующего привлекает Петра своей наглядностью; этот эпизод, которого как будто могло и не быть в «Истории», так как он на ходе военных действий никак не отразился, все же Петру необходим. Он ему, очевидно, представлялся очень убедительной демонстрацией принципиальной разницы между новым, научным подходом к военному делу и архаическим, прадедовским отношением к войне как делу случая, удачи, судьбы, а не умения и искусства.

11

В «Истории свейской войны» каждое сражение, каждый военный эпизод излагается как определенная задача, требующая логически разумного решения. Неудачи и победы в равной степени освещаются именно с такой точки зрения. И это с железной последовательностью осуществляется при редактировании и доработке «Истории», в которой искореняется всякий, как мы могли бы сказать, элемент стихийности в изложении мельчайших подробностей боевых операций и политических отношений Северной войны. Так, например, в сообщениях об итогах некоторых боев Петр всюду, где говорилось — *найдено* столько-то пушек, систематически заменяет *найдено* на *взято*, т. е. подчеркивает активный характер войны как одновременно логического и динамического процесса. На войне, считает он, пушки *берут* в результате преодоления сопротивления противника, и если их и находят, если они брошены отступившим противником, то это и значит, что они *взяты* у него, а не найдены.

В научной литературе «История свейской войны», или «Журнал Петра Великого», называлась и иногда называется произведением одного автора — самого Петра. Наиболее авторитетный исследователь историографии XVIII в., С. Л. Пештич, убедительно опровергает эту точку зрения, впервые заявленную Н. Г. Устряловым, и предлагает считать «Журнал или поденную записку Петра Великого» результатом «работы целого коллектива».⁹² Как он указывает, «Петру как автору принадлежат десятки страниц, написанных задолго до составления „Истории свейской войны“, и

⁹¹ ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, ед. хр. 20, л. 232.

⁹² С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Л., 1961, ч. I, стр. 173.

свыше 250 поправок в ее тексте, начиная от двух-трех слов до нескольких строк и 2—3 страниц. . . Но если учесть, что основной текст истории составлялся постепенно, а в написании и редактировании ее участвовали многие (Макаров, Шафиров, Прокопович и др.), то правильнее будет признать Петра (применяя нашу терминологию) главным или ответственным редактором и одним из основных авторов этого произведения».⁹³

В текст «Истории» вошла значительная часть реляций о военных действиях, писавшихся в свое время самим Петром или им же редактировавшихся. Большинство из них снова подверглось редакции именно для того, чтобы ввести логический, казуальный момент в изложение хода событий, чтобы объяснить, что победа была добыта в результате правильного, логического решения данной военной задачи. Так, например, текст одной из реляций, включенных в первую редакцию «Истории», Петр зачеркивает и переделывает. В тексте реляции говорилось: «. . . в бой вступили конницею, пехотою так что в самом жестком огне 6 часов были и помощью вышняго сбили одного неприятеля, которой, оставя всю пехоту и артиллерию в лесах с малыми людьми конницы, принужден бежать к городу». Это сообщение, в котором изложен ход боя в самом общем виде, Петр переделывает так, чтобы была ясна и понятна степень участия всех родов войск и их вклад в общую победу: «. . . конницею, пехотою в бой вступили и одного (неприятеля, — И. С.) удержали, пока прочая пехота подоспела и тогда неприятеля, как с фрунта так и от флангов остановили, и одного с помощью божией сбили, и не только у него нашу взятую артиллерию, знамена и обоз тож взяли, и на месте положили так, что неприятель с малыми людьми конницы принужден бежать к городу».⁹⁴

Еще более выразительно и точно объясняется роль артиллерии при редакции другой реляции, в которой не очень вразумительно говорилось о том, что наша пехота, так как «пушки еще назади остались, того для против одного неприятеля фельдмаршал Бестужев действовать ничего не мог».⁹⁵ Петр заменил этот текст следующим строго логическим объяснением последовательности эпизодов боя и его результатов: «Которой (неприятель, — И. С.) тотчас с нашими в бой вступил (и яко новое войско непрактикованное, к тому ж и пушки не приспели) и большую часть наших в конфузию привел и ретироваться принудил. Но когда артиллерия наша прибыла, которую неприятеля одержали и паки немедленно в ордер баталии устроясь неприятеля атаковали, и по четырехчасном бою с поля сбили, которой покинув свою артиллерию бежать принужден, которого несколько миль гнали».⁹⁶

---

⁹³ Там же.

⁹⁴ ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, ед. хр. 2, л. 23.

⁹⁵ Там же, л. 18 об.

⁹⁶ Там же.

По мнению Бескровного, «некоторое влияние на русскую военную мысль XVIII в. имели „Записки о Галльской войне“ и „Записки о гражданской войне“ Юлия Цезаря... Петр восхвалял Цезаря за то, что он одерживал победы „не точию храбростью, но и учением, как во оружии, такожде и в науках“». ⁹⁷

Влияние этой военно-исторической прозы заметно на тех законодательно-практических работах, в которых Петр участвовал и как один из авторов и как редактор.

Как нам кажется, влияние это не в меньшей степени сказалось и на манере изложения исторического материала в «Гистории». Общий ход рассказа о событиях в «Гистории свейской войны», сдержанность тона, уважение к неприятелю, стремление не преуменьшать его силу — все это совершенно непохоже на допетровскую историческую и публицистическую прозу. Здесь явно ощущается ориентация на другую традицию исторической прозы, и прежде всего на «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря, напечатанные по приказу Петра в русском переводе. ⁹⁸

Позволю себе сравнить по их тональности, деловитости и самокритичности два отрывка, один — из «Записок о Галльской войне» Цезаря, другой — из «Гистории».

Цезарь, описывая поражение римлян в Галлии, когда он отправился с экспедиционными войсками в Британию, так изображает внезапное нападение галлов на римлян на марше: «Легаты приказали объявить, чтобы они оставили обоз и образовали каре. Хотя такое распоряжение в подобных случаях вообще не заслуживает порицания, но теперь оно оказалось не пригодным: у наших солдат оно уменьшило шансы на победу, а у врагов подняло боевой дух, так как было очевидно, что эта мера внушена величайшим страхом и отчаянием. Ко всему этому присоединилось и другое неизбежное зло: солдаты стали толпами покидать строй и спешили разыскать в обозе и взять с собой все, что для каждого из них было дорого. Таким образом, всюду раздавался крик и плач». ⁹⁹

А вот отрывок из «Журнала Петра Великого» о неудачном сражении Шереметева со шведами у Мур Мызы 22 июля 1705 г.: «Имел баталию... несчастливую с потеряннием артиллерии... он, фельдмаршал Шереметев с кавалерией, когда приблизился к неприятелю, а пехота и пушки еще не успели, тогда не дождавсь оных, старым обычаем бесстройно ударили на неприятельскую кавалерию, которую так сломили, что некоторые из них явились после в Прусах, но генерал Левенгоупт с пехотою отступил к лесу,

⁹⁷ Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению..., стр. 211.

⁹⁸ Краткое описание о войнах, из книг Цезариевых с некоторыми знатными приметы о тех войнах, со особливим о войне разговором или описанием. Напечатано повелением царского величества в Москве лета господня 1711 в февралье.

⁹⁹ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне. Изд. 2-е. М., 1962, стр. 17.

а наши вместо того, чтобы дожидаться пехоты и атаковать неприятельскую пехоту, ударились обоз грабить неприятельский, а тем временем наша пехота приспела, которую Левенгоупт атаковал и с поля сбил, а кавалерия наша, увидя то, ушла, а пушки наши неприятель назавтрее нашел, и тако сами своей потери виновны. На том бою были убиты из наших 3 полковника драгунских... и несколько десятков обер и унтер офицеров и несколько сот рядовых». ¹⁰⁰

Деловая цель «Гистории», ее стремление обобщить опыт Северной войны и представить ее как процесс обучения нации военной науке — все это не находит себе прямых аналогий у Цезаря, но и у римского полководца, как считает М. М. Покровский, были «особые политические цели». ¹⁰¹ По мнению исследователя, «Цезарь, несомненно, хотел обратить внимание широких кругов римского общества на очень большую важность и вместе с тем исключительную трудность завоевания целого народа, свободолюбивого и по своей выдающейся храбрости опасного для римлян соседа». ¹⁰² Вот этот пафос Цезаря как историка собственных дел, трудных, но необходимых для всего народа, по-видимому, мог привлечь Петра к его книгам, к его способу построения рассказа о событиях. Еще, вероятно, Петра могла привлечь скромность Цезаря в отношении собственных заслуг: «Нюмимо беспритязательности стилия изложения, Цезарь, особенно в мемуаре о войне с галлами, соблюдает большую скромность в отношении собственной личности: по примеру греческих военных историков он говорит о себе в третьем лице». ¹⁰³

«Гистория свейской войны» также написана в третьем лице.

Внешняя скромность рассказа о себе, о своем собственном участии в войне, равно как и научность освещения событий, не была препятствием к осуществлению не менее важной для Петра задачи — исторически верного освещения собственного его участия в событиях, роли его личности в истории войны и народа.

В редакции и доработке «Гистории» при этом осуществлялось двойного рода задание: с одной стороны, снимались все преувеличенные похвалы и величания царской особы, с другой — уточнялась оценка действительного участия царя в руководстве военными действиями. При редакции материалов, вошедших в «Гисторию», Петр снимал все, что отдавало панегирическим стилем, все преувеличенные похвалы по своему адресу.

У Гюйссена в «Журнале Петра Великого» (1715), из которого много материалов вошло в «Гисторию свейской войны», в том месте, где говорилось о нововведениях 1699 г., находится и пане-

¹⁰⁰ Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 120. (Курсив мой, — И. С.).

¹⁰¹ М. М. Покровский. История римской литературы. М.—Л., 1942, стр. 151.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, стр. 156.

гирик Петру: «И ввел, яко государь благоразумный, мудрый и добрый отец отечества, другие обычаи, обыкновения и распоряжения, которые он государь видел и присмотрел, аки второй Улисс, во время своего путешествия в Европе».¹⁰⁴

В «Гистории свейской войны» сказано иначе: просто перечислены учреждение школ, переводы и печатание книг и календарей, позволение ездить для обучения в европейские государства, перемена одежды и бритве бород.

При этом единственным критерием действий самого царя является их правильность, т. е. разумность, логичность применительно к данной конкретной ситуации.

Кроме принятого титулования «его царское величество», которое, конечно, не содержало никакого ни оценочного, ни эмоционального элемента, Петр систематически вычеркивает панегирическую амплификацию после слов «его царское величество»: «сам высокою особою своею».¹⁰⁵

В других случаях вычеркнута похвала и оставлено то, что казалось Петру истиной, подтвержденной общим ходом событий и его результатом — победой. Приведенный выше пример, равно как и те, о которых пойдет речь ниже, взяты намеренно с тех страниц «Гистории свейской войны», где говорится о Полтавском сражении, т. е. центральном эпизоде, поворотном пункте всей Северной войны, значение которого Петр понимал отлично. Однако и на этих страницах он всячески избегает не только каких-либо преувеличенных похвал самому себе, но и вообще упоминаний о себе. Поэтому, когда речь идет об одном из его важнейших приказов во время Полтавской битвы, — приказе, определившем исход первоначального боя, то здесь намеренно введена безличная форма: «.. тако же не уступать велено до тех пор, пока неприятель с пехотою на оног будет наступать, а ежели с одною кавалериею, тогда велено биться».¹⁰⁶

В тех же случаях, когда Петр считал необходимым сказать о своем персональном участии в руководстве сражением, он беспощадно выбрасывал все похвалы и величания. Вот один пример такой правки: «... чрез его царское величества славное оружье персональный, храбрый и мудрый привод...», на следующем листе вычеркнуто снова: «...его царское величество сам высокою особою своею, тогда...».¹⁰⁷

Однако это не значит, что Петр желал совершенно вычеркнуть свое имя из «Гистории». Он хотел должного, т. е. тех оценок, которые определялись бы реальным соотношением его полководческой

¹⁰⁴ См.: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. I. стр. 135—136.

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, ед. хр. 2, л. 206. (Здесь и далее вычеркнутые Петром слова набраны вразрядку, — И. С.).

¹⁰⁶ ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, ед. хр. 2, л. 202.

¹⁰⁷ Там же, л. 205.

деятельности с потребностями военно-исторической ситуации. Только став на такую точку зрения, мы можем понять, почему Петру понадобилось так резко изменить первоначальный текст знаменитого рассказа о шляпе, простреленной у него на голове. Привожу обе редакции:

Первоначальная

Ибо его величество в том случае свою храбрость, великодушие, и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей высокой особе, в вышнем градусе показал и при том шляпа на нем пулею прострелена.¹⁰⁸

Новая

Ибо его величество в том нужном случае за людей и отечество не щадя своей особы поступал как добродушному приводцу надлежит, где на его голове шляпа пулею прострелена.¹⁰⁹

В первоначальном тексте дана оценка воинского искусства и личной храбрости Петра. В новой редакции сказано, что он действовал «как... надлежит», т. е. выполнял свой долг, такой же обязательный для него — «доброту приводца», как обязателен этот долг для каждого солдата, но введена еще и особая мотивировка понимания масштабности его полководческого долга. Ибо если солдат отвечает только за себя, то долг царя-полководца диктуется сознанием двойной ответственности «за людей и отечество». А простреленная на нем шляпа оказывается уже лишь частным, второстепенным эпизодом.

При оценке поступков и полководческих решений Петра в «Гистории» единственным критерием результативности является их соответствие принципам разума и науки. Тем самым личность самого царя приобретала в «Гистории» определенные очертания, впервые выступала именно как личность, историческая ценность которой и будущая слава, благодарность потомков определяются только делами, способностью осмыслить политическую или военную ситуацию и принять правильное решение.

Н. К. Михайловский в своем отклике на юбилей Петра писал в 1872 г.: «Еще философия XVIII века, еще первая революция работали все над тем же односторонним усилением личного начала... Петр и предвидеть не мог ничего подобного. Но Петр точно чутьем понимал опасность некоторых сторон исключительно личного начала». Отсюда убеждение Михайловского в том, что «вся частная жизнь Петра и вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления в русской истории начала личности не в смысле того направления, которое она приняла отчасти при нем, а в особенности после него в Европе, а в смысле человек-

¹¹¹ Там же.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, ед. хр. 20, л. 179 об.

ности».¹¹⁰ Приведа письмо Петра к царевичу Алексею («Лучше будь чужой добрый, чем свой негодный»), Михайловский разъясняет, как он понимал противопоставление «личности» и человечности в деятельности Петра: «Петр сбрасывает иго кровных и династических интересов, но он немедленно же сознательно налагает на себя иго „отечества и подданных“, ради которых он действительно „жизни не жалел“».¹¹¹

Суждения Михайловского, деятеля безусловно чуждого каким бы то ни было верноподданнически-царистским иллюзиям, необыкновенно интересны как доказательство жизнеспособности того образа Петра, который создавался в его собственной публицистике и, конечно, в «Гистории свейской войны», был усвоен литературой русского классицизма и завещан общественной мысли XIX в.

Литературная деятельность Петра в ее итоговых произведениях, особенно в «Гистории свейской войны», оказалась чрезвычайно результативной; она определила во многом последующую разработку этой темы в литературе и общественной мысли XVIII — XX вв., ибо «Гистория» создавалась как конкретное воплощение того тезиса, о котором так верно сказал поэт нашего времени:

Ои управлял течением мысли
И только потому страной.

76

---

¹¹⁰ Н. К. Михайловский. Собрание сочинений, т. I. Изд. 5-е. СПб., 1911, стр. 647.

¹¹¹ Там же.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ КЛАССИЦИЗМА

Говоря об этапах русского просветительства, П. Н. Берков выделяет «период петровского „просвещенного абсолютизма“». «Характернейшей чертой этого периода, — писал исследователь, — было стремление создать сильное государство, способное не только отстоять свою территориально-политическую независимость, но и играть соответствующую его военной и экономической мощи роль в европейской и азиатской — по существу, тогдашней мировой — политике. ...Секуляризация быта, культуры, отказ от церковной авторитарности мышления — все это и было основой петровских реформ».¹

Названные черты проявились и в деятельности Феофана Прокоповича, наиболее талантливого и яркого писателя начала XVIII в. То обстоятельство, что Феофан сам был представителем церкви, имеет принципиальное значение: процесс преодоления церковного авторитета начался не извне, а изнутри, и потому оказался особенно эффективным.

Доминиканский монах Бернард Рибера, один из противников Феофана, характеризовал его следующим образом: «В храме он важен, в алтаре внушает к себе почтение, в проповеди красноречив, в беседе о божественных и мирских предметах учен и изящен; он одинаково хорошо владеет греческим, латинским и славянским языком; в домашней жизни он великолепен; ко мне лично всегда относился любезно. Если его следует порицать за что-либо, так это — за его религиозные убеждения, если он их вообще имеет. Его библиотека, открытая для ученых, значительно превосходит императорскую и библиотеку Троицкого монастыря;

¹ П. Н. Берков. Основные вопросы изучения русского просветительства. — В кн.: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.—Л., 1961, стр. 11—12.

по своему богатству она не имеет себе равных в России, стране, бедной книгами».²

Имеет ли вообще Феофан религиозные убеждения — это сомнение, высказанное католиком Риберой, носило, разумеется, полемический характер. Однако и объективные основания для сомнений подобного рода были: достаточно вспомнить о поступлении православного монаха в римскую иезуитскую коллегию, а затем о его возвращении в Россию и разрыве с католичеством и, наконец, его связях с лютеранами.

Пребывание в Риме, как обнаруживает Э. Винтер,³ оказало решающее влияние на формирование взглядов и интересов Феофана. Фанатизм иезуитов, с которым пришлось ему столкнуться, сыграл роль своеобразного противовесия против религиозного фанатизма вообще, в какой бы форме он ни проявлялся.

Другой крупнейший проповедник того времени, Стефан Яворский, в Польше тоже обучался в иезуитских коллегиях, но результат, как известно, был противоположный. Стефан под влиянием католицизма проникся предубеждением к протестантской религии и стал одним из ревностнейших защитников православной церкви со всеми ее учреждениями.⁴ Местоблюститель патриаршего престола, автор «Камня веры», Стефан не мог сочувствовать мероприятиям Петра, направленным на ограничение церковной власти.

Скептическое отношение к официальной церкви развивалось и укреплялось у Феофана благодаря его научным занятиям (математика, философия, история) и приобщению к передовой европейской мысли того времени (знакомство с трудами Р. Декарта, Ф. Бэкона и др.).⁵ Страх перед наукой и боязнь «лукавого мудрствования», характерные для многих представителей русского духовенства, неизменно вызывали у Прокоповича решительное осуждение и протест. Характерен в этом отношении «Разговор гражданина с селянином да певцем или дячком церковным», написанный Прокоповичем еще в Киеве, как предполагает П. Морозов. Гражданин, высказывающий идеи самого автора, замечает, что есть два вида невежества: «Едно простое и незлоб-

² См.: П. Морозов. Феофан Прокопович как писатель. Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб., 1880, стр. 393.

³ См.: Э. Винтер. Феофан Прокопович и начало русского Просвещения. — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. XVIII век. Сб. 7. М.—Л., 1966, стр. 43—46; E. Winter. Zum geistigen Profil Feofan Prokopovičs. — In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts, Bd. II. Berlin, 1968, S. 24—28.

⁴ См.: Ю. Ф. Самарин. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. — В кн.: Ю. Ф. Самарин. Сочинения, т. V. М., 1880.

⁵ Л. А. Петров. Философские взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. — Труды Иркутского гос. унив., Серия философская, 1957, т. XX, вып. 1; J. Tetzner. Theophan Procopovič und die russische Frühaufklärung. — Zeitschrift für Slawistik, 1958, Bd. III, H. 2—4, S. 351—368.

ное или неупрямое, другое — нарочное, злобное и упорное». Далее подробно говорится именно об этом самом вредном и опасном виде невежества. Иронически характеризуется позиция таких невежд: «Думают беднии, что в преступлении закона божия, — о котором оны слышат и ведают, но прытворяют себе быть неведущих — не будут судими и казними от бога, сеже аки бы одинаго ради невежества своего, которое оны мечтают себе быть в блаженство; тем же и не обинуясь, блаженными себе именууют; протчих, писания ведущих, не ублажают, но паче оуждают, глаголя торжественно, яко сии воздадут ответ пред судом божим о всяком деле и слове, а нас-де бог простит, паче же и оправдит нас, яко простых людей».⁶ Представление о том, что знание — грех, незнание же в любом случае — оправдание перед лицом бога, служило удобным руководством для многих церковных деятелей. С этим узаконенным невежеством, невежеством, возведенным в принцип, и борется Прокопович. Для него подобное невежество неразрывно связано с лицемерием, завистью и другими пороками. Выступая в защиту науки, Прокопович высказывает в этом же сочинении очень важную для того времени мысль о необходимости учиться не только «церковным людям», но и всем другим, независимо от их сословной принадлежности. В этой связи уместно вспомнить и об упоминаемом исследователями факте из биографии Феофана: заступничестве за Ломоносова, скрывшего свое крестьянское происхождение.

Проникшись просветительской верой в могущество и спасительность образования, Прокопович остро чувствовал, как скована политическая и культурная жизнь России властью православной церкви. Естественно, он не мог не оценить свободомыслие Петра I в религиозных вопросах. Веротерпимость, проявлявшаяся царем,⁷ была по существу очень понятна и близка Феофану. В условиях острой борьбы, которую и тому и другому приходилось вести с властью официальной церкви, вопрос об отношении к иноверцам имел принципиальное значение. В «Рассуждении» П. Шафирова, игравшем роль программного правительственного документа, сравнивается прежняя Россия, которую

⁶ Феофан Прокопович. Разговор гражданина з селянином да певцем или дячком церковным. — В кн.: П. В. Верховской. Учреждение духовной коллегии и духовный регламент, т. II, отд. III. Ростов-на-Дону, 1916, стр. 30.

⁷ Нельзя, разумеется, абсолютизировать это понятие в применении к Петру I и к рассматриваемой эпохе вообще. В частности, о политике Петра по отношению к раскольникам см.: Н.-Н. Nolte. *Religiose Toleranz in Rußland. 1600—1725.* Göttingen, Zürich, Frankfurt, 1969, S. 143—177.

Позицию Петра очень верно характеризует Ю. Ф. Самарин: «Необходимость веры была одним из основных его убеждений, но она была нужна ему только как условие государственного благоустройства, как порука за нравственность частных лиц, как верование. К объекту же, к содержанию верования он был довольно равнодушен» (Стефан Яворский и Феофан Прокопович, стр. 246).

«и в число европейских народов мало причитали», и Россия новая. Автор с гордостью говорит: «Ныне никакое дело, ниже во отдаленных краях европейских не чинится, к которому б или о его царского величества приязни и союзе не старались, или осторожности и опасности в противности от одного себе не имели».⁸ Особое внимание уделяется вопросу об изучении европейских языков: «Хотя прежде сего кроме российского языка книг чтения и письма никто из российского народа не умел и боле то в зазор, нежели за искусство почитано, но ныне видим и самого его величество немецким языком глаголющего и несколько тысящей подданных его..., искусных разных европейских языков».⁹

То, что раньше рассматривалось как «зазорное», как грех, теперь вызывает одобрение. Происходит переоценка ценностей, которую охотно принимает и поддерживает Феофан.

В проповедях он неоднократно говорит об изменившемся положении России среди других стран Европы: «Которы нас гнушались, яко грубых, ищут усердно братерства нашего; которые безчестили, славят; которые грозили, боятся и трепещут; которые презирали, служити нам не стыдятся; многие по Европе коронованные головы не точию в союз с Петром, монархом нашим, идут доброхотны, но и десная его величеству давати не имеют за безчестие: отменили мнение, отменили прежнии свои о нас повести, затерли историйки своя древния, инако и глаголати и писати начали».¹⁰ О международном авторитете, который приобрела Россия при Петре, говорил не только Феофан. Высокую оценку внешней политики Петра можно найти и у других проповедников того времени. Гавриил Бужинский приветствовал победы, одержанные во время Северной войны, и с удовлетворением отмечал, что России «новые покоренные повинуются страны», а «его же (Петра, — Н. К.) победительную десницу не токмо верные рабы, но и иностранные языцы с великим почитанием и сладостию лобызают».¹¹

Стефан Яворский признавал, что допетровская Россия имела «велее несовершенство»: «Нельзя было выглянути за государство и видети, что ся деет на свете. Вестей такожде никаких ниоткуда россияне не имеяху, поведений, нравов и обычаев в иных государствах политичных отнюдь не знаяху. Тем же поношения

---

⁸ П. Шафиров. Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый к начатию войны против короля Карола 12 шведского в 1700 году имел. СПб., 1717, стр. 2.

⁹ Там же, стр. 5.

¹⁰ Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 46. (Далее ссылки на это издание даются в тексте: С, цифра указывает номер страницы).

¹¹ Гавриил Бужинский. Полное собрание поучительных слов. М., 1784, стр. 26, 35.

и укоризны и досады многия от прочих государств терпяку, аки детища некия и отроки невежливые, которым разве то ведомо, что в дому деется. Ныне же радуися и веселися, Россие, — продолжал Стефан, — егда благоизволи бог ключем Петровым отверсти тебе врата на видение света». ¹²

И Бужинский, и Яворский отдавали должное заслугам Петра в военном искусстве, его личному мужеству и храбрости, но они далеко не всегда могли оценить и принять его позицию по отношению к иноверцам. Только Феофан Прокопович оказался и здесь настоящим союзником и последовательным сподвижником Петра. ¹³ Наконец, — что особенно важно — у Феофана впервые появляются ссылки не только на библейские и античные исторические примеры, но и на обычаи и мнения современных европейских народов. В похвальном слове Петру Феофан подкрепляет свой собственный отзыв о государстве ссылками на суждения иностранцев: «Слава всемирная есть достойная Петрова проповедница. То ему к вечному имени своему довольно, что в иноземных всех странах с великими похвалами возносимь есть и без удивления не воспоминается. Где не скажут, что доселе Россия толикаго государя не имела? Где не засвидетельствуют, что от него перваго и единаго тако славный везде и великоименный показался народ российский?» (С, 142). Далее приводятся свидетельства из журнала «Acta eruditorum», издававшегося в Лейпциге, а также суждение о Петре протестантского богослова И. Ф. Буддея. На «экземпли» других народов неоднократно указывает Феофан в тех случаях, когда речь идет о каких-то новых для России явлениях. Так, например, перенесение нового года с сентября на январь получает такое объяснение: «...лучшаго ради сословия с народами европейскими». ¹⁴ Правомерность коронации Екатерины обосновывается следующим образом: «Что у окрестных и далечайших народов давнее и обычное есть, того доселе не имела Россия, то ныне первее получила» (II, 104). В перечне стран, где женщины венчались на царство, называются Швеция, Польша, Дания, Испания, Португалия, Англия. Таким образом, у Феофана появляется широкое представление о международном престиже своей страны: он гордится, что Россия внушает не только страх, но и уважение соседним госу-

---

¹² Слова Стефана Яворского, митрополита рязанского и муромского. — Труды Киевской духовной академии, 1875, № 1, стр. 122.

¹³ Именно Феофану, в частности, принадлежит обоснование и толкование правительственного разрешения браков между православными и людьми иной веры. См.: П. Морозов. Феофан Прокопович как писатель, стр. 290.

¹⁴ Феофана Прокоповича архиепископа Великаго Новаграда и Великих Лук, Святейшаго правительствующаго синода вице-президента, а потом первенствующаго члена Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные собранные и некоторые вторым тиснением, а другие вновь напечатанные. Чч. 1—4. СПб., 1760—1774, ч. II, стр. 115. (Далее ссылки на это издание даются в тексте: римские цифры указывают часть, арабские — страницу).

дарствам, что она, в свою очередь, получает у них признание. Феофан и сам способствует расширению культурных связей между Россией и Западной Европой, устанавливая личные контакты с крупными европейскими учеными.¹⁵

Патриотизм приобретает новое качество у Прокоповича по мере того, как он проникается идеями Петра.¹⁶ Стефан Яворский смотрит на завоевания Петра как на своего рода «крестовые походы»: «Незнаемо было имя Христово над водами петербургскими; незнаемо было имя Христово и над водами азовскими, паче же хуляшеса. Ныне же имя Христово на тех местах прославляется, хвала божия воспевается, тайны божественные действуются, жертва бескровная богу приносится».¹⁷ Феофан Прокопович совсем иначе расценивает победы России: на первый план у него выдвигаются не вопросы веры, а проблемы внешней и внутренней государственной политики. Это особенно заметно в «Слове о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире...». Одним из «плодов мира» Феофан считает «всяких честных учений стяжание» и тут же поясняет свою мысль: «Отложа высокое о нас мнение, гнушатися начнем грубости и невежества и детям нашим лучшаго во всем (ревнуя прочым честным народам) исправления возжелаем» (С, 125). Феофан приветствует и европеизацию русского быта, вызывавшую столько протестов у приверженцев старины: «Есть ли на самое малейшее нечто, честное же и нужное, посмотрим, на чиннейшее, глаголю, одеяние, и в дружестве обхождение, на трапезы и пиروвания и прочия благоприятныя обычаи, — не исповемы ли, что и сего Петр нас научил? И чим мы прежде хвалилися, того ныне стыдимся» (С, 135).

Этот решительный отказ от прежних нравственных норм не мог, однако, быть осуществлен без опоры на божественный авторитет. Опираясь на него и умело используя свои богословские знания, Феофан хотел изменить в умах своих слушателей самое представление о том, что угодно богу и что нет, что такое грех и что такое добродетель. Феофан был вынужден облекать свои выступления в традиционную форму проповеди, но часто речь шла у него о вопросах, далеких от религии. Светская тематика явно начала преобладать в проповедях Прокоповича, относившихся к петербургскому периоду его деятельности, когда он сам

---

¹⁵ См.: E. Winter. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953; H. Grasshoff. A. D. Kantemir und Westermann. Berlin, 1966.

¹⁶ И Тетзинг проследживает, как понятия «знание» («Wissen») и «отечество» («Vaterland») постепенно утрачивают у Феофана теологический смысл, подвергаясь секуляризации (I Tetzner. Theophan Prokopovič und die russische Frühauflärung, S. 355—358).

¹⁷ Слова Стефана Яворского, митрополита рязанского и муромского. — Труды Киевской духовной академии, 1874, № 12, стр. 513.

стал участником петровских реформ.¹⁸ В киевский же период Феофан как проповедник придерживался еще, в основном, правил, предписывавшихся схоластической наукой.

Правила предопределяли и тематику, и композицию, и стиль проповеди. Поэтому оратор мог заранее готовить «проповеднический запас», как это и делал один из образованнейших людей своего времени Стефан Яворский.¹⁹ Широкая начитанность и своеобразный литературный дар позволяли Стефану легко оперировать цитатами, именами библейских и античных героев, символами, искусственными образами и аллегориями. Однако даже И. Чистович, высоко ценивший Яворского, признавал, что в его проповедях есть «остроумие и находчивость, но нет естественности и простоты».

Реальное событие, служившее поводом для произнесения проповеди, имело для Яворского второстепенное или даже третьестепенное значение. На первый же план выдвигалась характерная для литературы барокко хитроумная игра понятиями и образами из Священного писания. Самое событие, о котором идет речь, становится у него лишь одной из иллюстраций вечных божественных истин, изложенных в Ветхом и Новом завете. Так, например, перед отправлением Петра в Прутский поход Стефан произносит проповедь «Моисей российский ко освобождению людей христианских из работы египетския турецкия богом избранный». Петр («Моисей российский») представляется воителем, избавляющим «верных» (христиан) от ига «неверных» (турок). Самая победа Петра рисуется как результат проведенного незадолго до решающей битвы богослужения.

Подобный подход к повествованию о событиях современности можно заметить отчасти и у Гавриила Бужинского. В этом отношении характерно его «Слово благодарственное богу триипостасному о полученной победе над Карлом королем шведским и войски его под Полтавою» (1719). Две трети всего текста посвящено рассуждению о том, что такое благодарность богу, и многочисленным примерам проявления этой благодарности, известным из Священного писания. Когда же автор снова переходит наконец к самой Полтавской победе, он опять-таки сравнивает Петра с Моисеем и подчеркивает, что «брань» возникла «за храми святыи и обители разграбленныи и что паче за повреждение чести леподостойныи самага Христа господня».²⁰

¹⁸ См.: J. Tetzner. Theophan Prokopovič und die russische Frühaufklärung, S. 354.

¹⁹ См.: И. Чистович. Неизданные проповеди Стефана Яворского. СПб., 1867, стр. 4—16. О проповедническом искусстве Яворского см. также: А. А. Морозов. Метафора и аллегория у Стефана Яворского. — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В. В. Виноградова. Л., 1971, стр. 35—44.

²⁰ Проповеди Гавриила Бужинского (1717—1727). Юрьев, 1901, стр. 333.

У Феофана же религиозный аспект, как правило, заметно приглушен, а в некоторых проповедях и совершенно отсутствует. Прокопович выступает не столько как православный христианин, борющийся за чистоту веры, сколько как политический деятель, оценивающий события с точки зрения государственных интересов. Это изменение внутреннего смысла проповеди существенно меняет характер и самого жанра. И Яворский, и Бужинский, и другие проповедники петровского времени касались злободневных вопросов современности, но только у Прокоповича проповедь перестает быть проповедью в собственном смысле этого слова и становится произведением светским, жанром публицистическим по преимуществу.

Если в упоминавшейся проповеди Бужинского, посвященной Полтавской победе, тема благодарения бога доминирует, занимая и по объему большую часть текста, то у Прокоповича эта же тема звучит только в самом начале и в заключении его проповеди на тот же случай. Феофан как бы отдает дань необходимому канону, причем ограничивается всего несколькими фразами и переходит к вопросам, занимающим его более глубоко: он говорит о Полтавской победе как о героическом подвиге русского народа. Самое воспоминание о победе, одержанной восемь лет назад (проповедь произносилась в 1717 г.), приобретает патриотический смысл. Обосновывая уместность своего выступления, Прокопович заявляет: «Человек, о славе отечества своего нерадящий всегда у мужей мудрых в не дорогой цене ходит, яко малодушный и грубый» (С, 49).

Излагая причины войны со шведами, Прокопович в основном следует «Рассуждению» П. Шафинова, причем мотив «зависти» варьируется и развивается очень подробно. Наконец, переходя к описанию военных событий, Феофан как будто забывает о «божиих благодеяниях» и восхваляет уже не бога, но людей — непосредственных участников тяжелой борьбы с сильным и опытным неприятелем. «Разбила руская храбрость замок ваш Ноттембург, — говорит Феофан, обращаясь к «супостатам», — разорила Канцы, добыла Дерпта крепкаго, сломила железную Нарву» (С, 53).²¹ Особенно важны строки, посвященные самому решительному моменту войны — Полтавскому бою: «Блисну отовсюду страшный огонь, и возгремели смертоносныя громи. Отовсюду чаяние смерти, а дымом и прахом помрачился день; непрестающая стрельба, а упор неприятельский непреклонный. Но сердца российская ваша, храбрейшии генералы и протчии офицеры, ваша, вси воины дерзостнейшии, сердца забыли телеснаго своего состава, возмнилися себе быти адамантиновы, или паче забыли житейския сладости и смерть предпочли на житие: так вси прямо стрельбы, в лице смерти, никто же вспять не погля-

²¹ Курсив мой, — Н. К.

дает; единое всем попечение, дабы не с тылу смерть пришла» (С, 56). Это одно из самых первых описаний Полтавского боя в русской литературе замечательно еще и тем, что причиной знаменитой победы здесь представляется не милость бога, а самоотверженность и мужество русских солдат.

Бог у Прокоповича — это не столько вершитель человеческих судеб, сколько покровитель тех, кто живет и действует по законам разума и долга, причем долг понимается как подчинение своих личных интересов интересам государства.

В «Слове в день святых апостол Петра и Павла» (1728) «много чудесным делом бога» Феофан объявляет «обращение человека от тьмы неведения ко свету познания его и от вечной гибели ко спасению и славе некончаемой» (II, 229). Таким образом, спустя много лет, Прокопович повторяет и развивает ту же идею, которая была высказана им еще в «Разговоре гражданина з селянином». Противопоставление знания невежеству имеет для него, как и раньше, этический характер. Искусно толкуя отдельные противоречивые места Священного писания, Прокопович опровергает мнение тех, которые полагают, что «прямая мудрость богу не приятна, а сущее невежество любимому богу» (II, 238).

Человек, проявлявший серьезный интерес к естественным наукам и европейской просветительской философии, превосходно начитанный и образованный, владелец уникальной библиотеки, организатор школы в своем доме и опытный педагог, Феофан и всей своей личной деятельностью противопоставляет себя невеждам, видящим в познании грех. Идеи просвещения проникают даже в проповеди Прокоповича, посвященные собственно богословским темам. Так, в «Слове в день рождества господа нашего Иисуса Христа» (1716) Феофан сравнивает сына божьего с «премудрым неким учителем», который «человека проста и невежлива творит себе подобна мудреца, не ум ему вливая во главу, но готовый в нем от естества ум ясным учением объясняя» (I, 123). Высказывание характерно и потому, что здесь проявилось представление Прокоповича о самом процессе познания: не божественная мудрость спускается на человека, но его природный («готовый ... от естества») ум совершенствуется благодаря «ясному учению». Неоднократно и в других проповедях Феофан апеллирует к «естественному разуму» слушателей.

Однако борьба с откровенным невежеством была не так сложна для Феофана, как борьба с «ложной мудростью», в которой он видел еще большую опасность. Ему приходилось иметь дело с врагами, которые были иногда не менее умны и образованны, чем он сам. Взаимные обвинения в ереси заставляли каждую из враждующих сторон прибегать к ловкой эквилибристике для доказательств «лжемудрия» противника. Феофан, прошедший школу иезуитов, в совершенстве владел этим искусством, однако можно заметить, что он последовательно стремился представить

«лжемудрие» как результат действия страстей. Истинная мудрость в глазах Прокоповича — это торжество разума, ложная — торжество страстей. Разъясняя свое понимание ереси, Феофан пишет: «Сие бо рождается от разных страстей и похотей, не просвещающих, но помрачающих разум, например: един желает быти автором или изобретателем некоего учения, есть то похоть гордости...; другой, что первее похвалил, хотя после и покажут ему ясно, что то ложное, но отстати стыдится, а к сему наущает дщерь гордости жестокосердие или упрямство... Иный же, ненавидя кого или кому завидя, все, что тот произносит, сей отвергает и, хотя ведает, что учение его прямое, да тщится опровергнути, яко ложное: иногда готов был сам то ж говорити, да понеже заговорил другой, отменяет. Ведомое се желчной ярости и зависти действие... Кто же zde не видит и крайней дурости? не хочет бо таковой быти в небе, для того что туды идет тот, кого он не любит. От таковых и других страстей рождаются богопротивная суемудрия, и в головах остроумных и учении просвещенных. Что же речем о человецех тупых, грубых и необученных?» (II, 244—245).

Человек, владеющий знаниями, для Прокоповича далеко не всегда может быть признан истинно мудрым. Это условие необходимо, но недостаточно: важно еще уметь покорять страсти разуму; разум же повелевает неукоснительно следовать долгу.

Традиционный жанр проповеди был принципиально обновлен Прокоповичем прежде всего именно потому, что у него изменились основные этические критерии: прежние нравственные идеалы были отвергнуты и вместо них появились новые. Раньше проповедник призывал слушателей выполнять свой христианский долг (долг перед церковью), теперь на первое место выдвигался долг гражданский (долг перед государством). С одной стороны, это означало отчасти освобождение человека от жестких уз церковной морали. Рассуждая о необходимости стремиться к вечному блаженству в царстве божием, Феофан решительно заявляет: «Не токмо же не запрещает бог временная праведно стяжавати, но и повелевает» (II, 213). В собственной жизненной практике Феофан, как известно, довольно энергично и успешно «стяжал временная», преследуя вполне земные интересы. Но, с другой стороны, Прокопович настойчиво отстаивает идею служения государству, идею по-новому понятого долга. Правда, Феофан не мог обойтись без ссылки на «божие смотрение» и волю бога, но он обращался к божественному авторитету прежде всего для того, чтобы утвердить в глазах верующих первостепенную роль гражданской деятельности. Показателен в этом отношении пример, приводимый в «Слове в день святаго благовернаго князя Александра Невского» (1718), где осуждается «неистовство тех, котории мнятся угождати богу, когда оставя дело свое, иное, чего не должны, делают»: «Судия, на пример, когда суда его ждут

обидимии, он в церкви на пении. Да, доброе дело. Но еще само собою и доброе, обаче понеже не во время и с презрением воли божия, како доброе, како богоугодное быти может? Ищут суда обидимии братья и не обретают; влечется дело, а оным бедным самое продолжение прибавляет обиды: странствуют, тоскуют, иждивают много, далече от дому, и там не строятся, и зде разораются. А для чего? Судия богомольствует. О, еще кая ина есть, яко сия молитва в грех! Сие же разсуждение не для судий единых, но на пример токмо, тожде бо и о прочих малых, и великих, и малейших чинах годствует» (С, 97—98). Самая молитва может быть расценена как грех, если потраченное на нее время отрывает человека от выполнения его гражданских обязанностей. Такое понимание долга перед богом было совершенно необычным и новым в русской литературе того времени.

Отказ от этических норм и идеалов, принятых другими проповедниками, предопределил для Прокоповича обновление всего характера проповеди как жанра.

Из сорока способов составления проповедей, известных в Европе, в Киево-Могилянской академии использовалось около двенадцати,²² но каждый из этих способов представлял собой абстрактный канон и не предусматривал связи с современностью, с обстоятельствами слушателей. Эти каноны копировали в основном латино-польскую проповедь, для которой характерно «отсутствие между отдельными частями органической связи».²³ Витиеватое нагромождение словесных украшений и риторических фигур соответствовало вкусу, воспитанному на литературе барокко. Феофан же по существу выступил против этого направления, решительно заявив по поводу проповедей польского иезуита Фомы Млодзяновского: «Самый обыкновенный недуг нашего времени есть тот, который мы не без основания назовем курьезным слогом, потому что в числе других средств для приобретения научной знаменитости ученые хвастуны особенно усвоили себе манеру говорить что-нибудь удивительное, необыкновенное и неожиданное. Поэтому они выдумывают курьезные, но совершенно вялые и смешные умствования и спрашивают, почему в имени святейшей девы или Иисуса Христа находится пять букв, почему бог чрез пророка сказал так, а не иначе?».²⁴

Резко критикуя своих предшественников и современников, Прокопович выдвигал новую теоретическую программу, развер-

---

²² См.: Н. Петров. Из истории гомилетики в старой Киевской академии. — Труды Киевской духовной академии, 1866, № 1, стр. 97—102.

²³ П. Морозов Феофан Прокопович как писатель, стр. 73.

²⁴ Цит. по: Н. И. Петров. Выдержки из рукописной риторики Феофана Прокоповича, содержащие в себе изображение папистов и иезуитов — Труды Киевской духовной академии, 1865, № 4, стр. 627—628. (Пер. с лат.).

нутую им в его «Поэтике» и «Риторике».²⁵ Говоря о том же Млодзяновском, Феофан возмущенно спрашивал: «Есть ли в нем хоть тень ораторской опытности? Где наука составлять приступы, изобретенная и переданная столькими ученышими наставниками древними и новейшими? Где здравые доказательства? Где движения душевные? Где необходимейшие в священных речах заключения? Где структура мерной речи? Где украшение, блеск, остроумие, сила, важность, плавность? Где энергия, где тяжеловесность мыслей, где единство частей? Совершенно нет никакого разнообразия, без которого красноречие ничтожно».²⁶ По этим вопросам можно судить, какие требования предъявлял Прокопович к автору проповеди. Феофан считает необходимым следовать определенным правилам составления проповеди (приступы, заключения и т. д.), но особое значение придается композиционной стройности («единство частей») и логичности рассуждений («здравые доказательства»). Высмеивая ораторские приемы проповедников, перегружавших свои речи хитроумными аллегориями и сравнениями, Феофан выдвигал иные требования: ясность и логичность, умение не удивить, а убедить слушателя разумными, стройно изложенными доводами. Истина прекрасна сама по себе, без украшательств — вот идея, отчетливо высказанная Прокоповичем в «Слове о великом деле божии, сиесть: о обращении языков проповедию апостольскою» (1720). Хотя тема «слова», казалось бы, совершенно богословская, Феофан придает и ей очень злободневный смысл. «Худороднии» апостолы, посланные богом «на обращение мира к познанию истины», сталкиваются с «высокоумными язычниками, между которыми мнози были славящиися родом божиим» (II, 22, 25). Слушателям нетрудно было уловить политические аллюзии, содержащиеся в этой речи: борьба «худородних» апостолов со знатными язычниками в изло-

²⁵ О значении этих трудов Прокоповича см.: А. Н. Соколов. О Поэтике Феофана Прокоповича. — В кн.: Проблемы современной филологии. Сборник статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965, стр. 443—449; Р. Лужный. «Поэтика» Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянской академии. (Первая половина XVIII в.). — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры, стр. 47—53; Л. И. Кулакова. Стаиование теории русского классицизма. — В кн.: Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, стр. 7—14; В. П. Вомперский. Стилистическая теория Феофана Прокоповича. — В кн.: В. П. Вомперский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970, стр. 70—98. Здесь же в «Приложении» (стр. 189—200) опубликован русский перевод главы «О трех стилях речи» из «Риторики» Прокоповича; А. А. Смирнов. К проблеме соотношений русского предклассицизма и гуманистической теории поэзии. Ф. Прокопович и Ю. Ц. Скалигер. — В кн.: Проблемы теории и истории литературы. Сборник статей, посвященный памяти проф. А. Н. Соколова. М., 1971, стр. 67—73.

²⁶ Цит. по: Н. И. Петров. Выдержки из рукописной риторики Феофана Прокоповича, содержащие в себе изображение папистов и иезуитов, стр. 635.

жении Феофана напоминала ожесточенную борьбу между сторонниками и противниками петровских реформ. Показательна в этой связи и характеристика выступлений апостолов: «Не было слово их софистическое, то есть хитроречивое, не имело цветов и красот риторских, которыми услаждается, не имело ухищренных узлов, которыми уловляется человеческое сердце» (II, 30). Сам Феофан тоже, конечно, не пренебрегал «цветами и красотами риторскими», но стремился ограничить их употребление.

Говоря о практическом применении ораторского искусства, Феофан выделяет следующие рубрики: 1) восхваление мудрых правителей; 2) воодушевление войска перед битвой; 3) остановление волнения в войске; 4) письма об общественных делах; 5) посольства; 6) исторические сочинения. Далее следуют уже задачи, связанные с вопросами религии: 7) обличение еретиков; 8) хвала богу; 9) церковная история и жития святых; 10) проповедь.²⁷ Однако проповедь в своем, так сказать, чистом виде в деятельности самого Прокоповича постепенно изживает себя. В его «словах» ораторское искусство служит прежде всего именно светским целям (названным им в первую очередь). Прокопович указывает три основных вида церковного красноречия: 1) изъяснительное (применяется в панегириках и торжественных речах); 2) совещательное (проповедь христианской морали); 3) обличительное (используется для осуждения пороков и ересей).

Однако несмотря на все эти разграничения в теории, на практике Феофан довольно часто органично объединял все три вида. Так, например, упоминавшееся уже «Слово в день святого благоверного князя Александра Невского», казалось бы, по замыслу должно было иметь совещательный характер: речь идет здесь о том, как человек должен вести себя, чтобы «спастися», т. е. получить вечное блаженство. Между тем проповедь Феофана превращается в общественно-политический трактат, в котором доказывается, что единственный путь к спасению — добросовестное исполнение своих гражданских обязанностей («всяк разсуждай, чесого звание твое требует от тебе, и делом исполняй требование его», С, 98). Примером служит Александр Невский, которому и посвящен небольшой исторический экскурс. Прокопович говорит о достоинствах Александра, о его «труде великом, мудрых советах, многоочитых промыслах, неусыпных попечениях, неистомленных подвигах» (С, 100). Похвалы Александру, однако, лишь подготавливают переход к прославлению царствующего государя — Петра I: «А егда тако о должностех наших поучаемся и ставим в образ того святого Александра Невского, видим другой образ, живое зеркало тебе, Александров не токмо в державе, но и в деле наследниче, богом данный монархо наш. Кто тако, якоже ты изучил и делом показал еси артикул сей, еже ходити

²⁷ П. Морозов. Феофан Прокопович как писатель, стр. 109—110.

по долженству своего звания? Мнози цари тако царствуют, яко простой народ дознатися не может, что есть дело царское. Ты един показал еси дело сего превысокаго сана быти собрание всех трудов и попечений, разве что и преизлишше твоего звания, являеши нам в царе и простаго воина, и многодельнаго мастера, и многоименитаго делателя. И где бы довлело повелевати поданным должная, ты повеление твое собственными труды твоими и предворяеш и утверждаеш» (С, 102—103). Это не традиционная похвальная формула, завершавшая проповедь на любую тему, но довольно развернутая и продуманная характеристика Петра. В этой же проповеди, где так тесно объединяется изъяснительное и совещательное красноречие, можно выделить фрагменты, представляющие собой блестящие образцы обличительного красноречия Феофана. Осуждая «сухие и непотребное многих роптание», он саркастически говорит о своих идейных противниках: «Обретаются тако упрямии и жестокосердии, яко и самой паче полудне светлой истины видети не хотят и, тщасяся противу рожна прати, а не имуще ответа разумнаго, безразумным сим словцем отговаривают: „да однакож“» (С, 97).

Все три вида красноречия (совещательное, изъяснительное и обличительное) представлены в одном и том же «слове». При переходе от одного вида к другому соответственно менялся и стиль повествования, но это как раз не противоречило теории Прокоповича.²⁸

Итак, Прокопович признает правомерность использования разных стилей в одном и том же произведении. При неразработанности системы прозаических жанров в русской литературе того времени эта относительная стилистическая свобода, допускавшаяся Прокоповичем, имела принципиальное значение.

«Слова» Прокоповича можно, конечно, подразделить на разные группы по их тематическому признаку (по-своему это и постарался сделать сам писатель в «Риторике»). Но условность такого деления уже обнаружили приводившиеся выше примеры. Смысловая и стилистическая многоплановость «слов» Прокоповича серьезно затрудняет их классификацию и вместе с тем расширяет возможности избранного им жанра и позволяет сближать проповеди Прокоповича с произведениями других жанров, причем не только прозаических, но и стихотворных.

Вопрос о судьбе жанра проповеди в русской литературе XVIII в. нельзя решать абстрактно, ограничиваясь признанием, что «проповедь мало-помалу утрачивает тот публицистический характер, какой был придан ей Феофаном».²⁹ Это утверждение вызывает возражения уже потому, что в царствование Елизаветы

²⁸ В. П. Вомперский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. Приложение 3, стр. 198.

²⁹ П. Морозов. Феофан Прокопович как писатель, стр. 269.

проповедь продолжает оставаться одним из важнейших средств идеологической борьбы: меняется только ее политическая ориентация.³⁰ В то же время многоплановость, которая была характерна для проповеди Прокоповича, создавала некоторую «перегрузку» жанра, и эта «перегрузка» могла быть ликвидирована за счет развития других жанров, принимавших на себя некоторые функции прежней проповеди.

В «Кратком руководстве к риторике» (1743) Ломоносова заметно стремление ограничить задачи жанра проповеди, обособить его в тематическом и стилистическом отношении. «Публичные слова, — сказано в § 121, — которые в нынешнее время больше употребительны, суть: проповедь, панегирик, надгробная и академическая речь. Проповедь есть слово священное, от духовной персоны народу предлагаемое, которого суть два рода — похвальный и увещательный. Похвальные проповеди предлагаются в прославление божие и в похвалу святых его на господские праздники и на память нарочитых божиих угодников. Увещательную проповедь учит духовный ритор, как должно христианину препровождать жизнь свою богоугодно».³¹ Важное отличие от системы Прокоповича прежде всего здесь в том, что выделяется только два рода проповеди («похвальный» соответствует «изъяснительному» у Прокоповича, «увещательный» — «совещательному»). Ломоносов уже не считает возможным говорить о третьем роде — «обличительном», который Феофан так широко использовал. Вообще тематика, намеченная Ломоносовым для жанра проповеди, охватывает довольно узкий круг вопросов, которыми отнюдь не исчерпывалось содержание проповедей Феофана. Вместе с тем многие его «слова» могут быть названы, по терминологии Ломоносова, «панегириками» или «надгробными речами». Эти определения подчеркивали светский характер жанра, по существу уже представленного в творчестве Прокоповича.

Приводя в «Риторике» образцы ораторской прозы, Ломоносов давал примеры только из античных авторов и европейских писателей средневековья и нового времени, не называя ни одного русского оратора. Между тем в зачеркнутом варианте к § 106, где речь шла об изображении печали и приводился пример из надгробного слова Флешье маршалу Тюренну, у Ломоносова была следующая фраза: «Но лучшие сего примеры читать можно в словах надгробных покойного Феофана Прокоповича, архиепископа новгородского».³² Одним из соображений, заставивших Ломоно-

³⁰ См.: П. Н. Берков. Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740 годах. — Известия Отделения общественных наук АН СССР, 1937, № 1, стр. 218; И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова. М.—Л., 1966, стр. 27—28.

³¹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII. М.—Л., 1952, стр. 69.

³² Там же, стр. 174.

сова исключить этот отзыв о Феофане из окончательного текста «Риторики», исследователи вполне справедливо предполагают нежелание Ломоносова ставить в пример автора, который не соблюдал «чистоты штиля».³³ Это же соображение, по-видимому, сыграло свою роль и при правке рукописи «Эпистолы о стихотворстве» (1748) Сумарокова: по предложению Ломоносова Сумароков вычеркнул стихи, посвященные Прокоповичу:

... Феофан
Последователь сей пресладка Цицерона
И красноречия российского короля.
Хоть в чистом слогe он и часто погрешал,
Но красноречия премного показал.
Он ритор из числа во всей Европе главных,
Как Мосгейм, Бурдалу, между мужей преславных.

Разумный Феофан, которого природа
Произвела красой славенского народа,
Что в красноречии касалось до него...³⁴

Сумароков, вероятно, еще более, чем Ломоносов, считал Феофана своим литературным предшественником. Апелляция к разуму (характерен эпитет «разумный Феофан»), стремление к ясности, строгости и простоте изложения — все это особенно ценил Сумароков, который в последующей борьбе с Ломоносовым и его единомышленниками сумел использовать и авторитет Прокоповича. В полемическом сочинении «К несмысленным рифмотворцам» Сумароков замечает: «Многие говорили о архиепископе Феофане, что проповеди его не очень хороши, потому что они просты; что похвальней естественныя простоты, искусством очищенной, и что глупее сих людей, которые вне естества хитрости ищут».³⁵

Хвалебный отзыв о Феофане дает Сумароков в статье «О российском духовном красноречии»: «В сем риторе вижу я величество, согласие, важность, восхищение, цветность, рассуждение, быстроту, перевороты, страсть и сердцевдвижение, огромность, ясность и все то, что особливо Цицерону свойственно было».³⁶ Вместе с тем и здесь Сумароков не упускает случая высказать критическое суждение о стиле Прокоповича: «Малороссийские речения и требуемые, не ведаю ради чего, чужестранные слова сочинения его несколько безобразят; но они, — продолжает Сумароков, — довольно заплачены другою чистотою».³⁷ Под «другую

³³ Там же, Примечания, стр. 813.

³⁴ См.: Там же, стр. 821.

³⁵ А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений, ч. IX. М., 1781, стр. 308—309.

³⁶ Там же, ч. VI, стр. 298. В «Трудолюбивой пчеле» (1759) этой статьи нет; по-видимому, она была написана позднее, в 1760-е годы.

³⁷ А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений, ч. VI, стр. 298. (Курсив мой, — Н. К.).

чистотою» писатель, по-видимому, понимает логичность, стройность и ясность изложения. В этой же статье Сумароков как бы противопоставляет Феофану другой тип проповедника: «Многие духовные риторы, не имущие вкуса, не допускают сердца своего, ни естественного понятия во свои сочинения; но умствуя без основания, воображая неясно и уповая на обычайную черни похвалу, соплетаемую ею всему тому, чего она не понимает, дерзают во кривые к Парнасу пути и, вместо Пегаса, обуздывая дикого коня, а иногда и осла, втащатся едучи кривою дорогою на какую-нибудь горку, где не только неизвестны музы, но ниже имена их и, вместо благоуханных нарциссов, собирают курячью слепоту».³⁸ Этот сатирический пассаж, вышедший как будто бы из-под пера самого Феофана, в свое время вполне легко мог быть обращен против Млодзяновского, Яворского и других сторонников барочной проповеди. Сумароков, однако, едва ли имел в виду какого-то определенного духовного ритора, и смысл полемики, очевидно, был иной: писатель ополчался против современного ему метафорического стиля, «неясного» и «неестественного». Возможно даже, что Сумароков стремился здесь задеть своего собственного противника — Ломоносова.

Решительный противник «великолепия», Феофан был ближе Сумарокову, чем Ломоносову. Но оба крупнейших писателя русского классицизма, признавая талант Прокоповича и отводя ему почетное место среди «риторов всей Европы», не могли его считать вполне «образцовым писателем». Феофан действительно часто «погрешал в чистом слоге» и соответственно нарушал ту жанровую иерархию, которая сыграла большую роль в системе классицизма. Между тем этот «грех» Феофана был по существу одним из его главных достоинств: оставаясь в пределах одного жанра, Прокопович сумел наметить основные темы, которые стали впоследствии разрабатываться в разных литературных жанрах.

Наиболее близким к «слову» Прокоповича был жанр панегирика, узаконенный в теории Ломоносова. Уже одному из первых исследователей творчества Феофана Прокоповича, В. М. Перевощикову, пришла идея сопоставить «Слово на похвалу Петра Великого» Прокоповича и «Слово похвальное Петру Великому» Ломоносова. В. М. Перевощиков заметил, что Феофан «почерпнул мысли из самого предмета, из обстоятельств слушателей»; Ломоносов же «превзошел Феофана далеко в правильности, чистоте и силе слововыражения».³⁹ И в содержании, и отчасти в композиции обоих «слов» немало общего. В «Слове» Прокоповича четко и последовательно говорится прежде всего о военных заслугах Петра, затем о его внутрисоциальной деятельности и гражданских учреждениях и, наконец, о его христианских доб-

³⁸ Там же, стр. 297.

³⁹ В. М. Перевощиков. Феофан Прокопович. — Вестник Европы, 1822, № 9—10, май, стр. 13—15.

родетелях. Эта композиция, вероятно, послужила основой и для ломоносовского «Слова», в котором есть, конечно, и некоторые изменения в расположении материала. Например, Прокопович неоднократно возвращается к теме врагов Петра; Ломоносов же вначале говорит о делах государя, а затем о препятствиях, с которыми ему пришлось столкнуться, и больше к этой теме не возвращается. Близость Ломоносова к Прокоповичу проявляется не только в общей оценке Петра как военного и государственного деятеля, но и в сходной трактовке отдельных эпизодов из жизни государя, иногда в почти буквальном совпадении. Так, упоминание о знаменитом петровском ботике, Феофан говорит о нем: «Древо тогда презренное, ныне же преславное» (С, 131). Ломоносов отчасти повторяет, отчасти уточняет Феофана: «Вещию малый ботик, но действием и славою великий».⁴⁰

Однако, несмотря на все сходство между рассматриваемыми «словами», здесь были и очень существенные различия, обусловленные уже тем обстоятельством, что Прокопович выступал всего через полгода после смерти Петра, а Ломоносов — почти через тридцать лет.⁴¹ Для Феофана Петр — современник, хорошо знакомый человек. Автор «слова» ясно дает понять слушателям, что сам он принадлежит к числу тех, «которые изблизка знали его (Петра, — Н. К.) во всем действующа и пекущаяся, обхождением же и беседами услаждалися» (С, 141). Феофан упоминает далее о таких чертах Петра, как удивительная память и находчивость, проницательность, дипломатическое искусство «диссимуляции» и т. д. Вырисовывается не отвлеченный образ идеального правителя, а живой облик конкретного человека, смерть которого для самого Феофана представляется большой утратой. В «слове» Прокоповича в отличие от ломоносовского «слова» уделяется место вопросу о борьбе Петра с раскольниками и суеверами. Феофан переходит к обличению лицемеров — своих давних врагов и с удовлетворением вспоминает, как Петр «притворная чюдеса, сновидения, беснования искоренял, лестцов, колтунами, железами, и рубищами, и лукавым смирением, и воздержанием к виду святости, позлащающих себе, познавать учил и ловить и истязовать приказовал» (С, 139). В похвальное «слово» Прокоповича вводится полемический элемент, придающий выступлению особенно злободневный характер, но вместе с тем невольно нарушающий тематическое и стилистическое единство произведения. Для Ломоносова такое нарушение было решительно неприемлемо, и его «слово» строго выдержано в «высоком штиле», соответствующем избранному жанру. Самая отдаленность времени помогла Ломоносову оценивать деятельность Петра с позиции не

⁴⁰ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 599.

⁴¹ «Слово» Ломоносова датируется предположительно промежутком с 1754 г. (не позднее ноября) по 14 апреля 1755 г., см.: М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VIII, Примечания, стр. 1044.

только публициста, но и историка. В центре его внимания — результаты деятельности Петра как «великого нашего защитника» и «великого России просветителя». Все другие черты, присущие Петру и отмеченные Прокоповичем, Ломоносов отбрасывает как ненужные, излишние: они могут только затемнить идеальный образ государя. Действительно, из «слова» Феофана мы узнаем и о политической «диссимуляции», и даже о жестокости Петра («ловить и истязовать приказовал»). Феофан, разумеется, говорил об этом, нисколько не желая бросить тень на Петра: речь шла о средствах борьбы, вполне приемлемых с точки зрения самого оратора. Но если Прокопович выступал как последовательный апологет всей политики Петра в целом, то перед Ломоносовым стояла иная задача: выделить в личности и деятельности Петра те черты, которые могли служить достойным примером для других монархов, и в первую очередь для царствующей в то время Елизаветы. «Изображая Петра как неутомимого общественного деятеля, как государственного человека, подчинявшего всю свою жизнь неустанным „трудам“ на пользу родной страны, Ломоносов уже тем самым создавал очень невыгодный фон для его ленивой и невежественной дочери», — справедливо замечает И. З. Серман.⁴² Между тем политические обстоятельства вынуждали преподносить урок царям в завуалированной форме: и в «Слове похвальном» и в одах Ломоносова Елизавета называется продолжательницей дел Петра.⁴³

Этот вынужденный прием был, однако, далеко не нов. Непосредственным предшественником Ломоносова и здесь оказался именно Феофан Прокопович. В «Слове на погребение Екатерины Алексеевны» (1727) Прокопович характеризовал деятельность Екатерины, постоянно сопоставляя ее с Петром: «Делал архитектурных и мануфактурных и прочих искусств заводы Петр, делала и Екатерина; вводил в подданных своих благонравие и честное обхождение Петр, вводила и Екатерина; шествовал в военные походы Петр, шествовала и Екатерина» (II, 197). Наконец, Феофан подводит итог двухлетнему царствованию императрицы: «Многая от Петра намеренная произвела в дело, многая начатая совершила» (II, 196). В этих словах содержится высшая похвала скончавшейся Екатерине и вместе с тем указывается пример, достойный подражания, новому императору — Петру II. Феофан далее обращается непосредственно к нему и предлагает ему целую программу, которой юный государь должен руководствоваться в своей деятельности (II, 200).

При Петре II Феофан стремился взять на себя роль мудрого наставника, почтительного к царской особе, но позволяющего себе давать некоторые полезные советы юному государю. Как по-

⁴² И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова, стр. 18.

⁴³ О вынужденной переработке текста «Слова похвального» Ломоносова см.: И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова, стр. 16—18.

казал П. Н. Берков, латинская ода Прокоповича, посвященная Петру II, содержала тонкие политические намеки и выпады против конкретных лиц — врагов Феофана.⁴⁴ Между тем к этой же оде близко по содержанию во многом и приветственное слово Петру II, приуроченное Прокоповичем к тому же событию — посещению императором Новгорода в 1728 г.

Таким образом, уже в творчестве самого Феофана стихотворный жанр оды (хотя и латинской) начинает отчасти дублировать прозаический жанр похвального слова. Единство целей, задач и тематики естественно предопределяло композиционное и стилистическое сходство между разными жанрами. Полностью обнаружилось оно, однако, позднее: в пору расцвета русской одической поэзии.

В одах Ломоносова, посвященных Елизавете Петровне и другим членам царской семьи, реальные люди и их отношения представляли в идеализированном виде. Но подобную картину можно наблюдать уже и в проповедях Феофана Прокоповича, предназначенных для Петра II, а позднее — для Анны Иоанновны. Анна вовсе не стремилась продолжать начинания Петра I, искренним сторонником которых оставался Прокопович, но теперь-то и проявилось умение Феофана хвалить государя за его заслуги не действительные, а воображаемые, и тем самым давать ему уроки, замаскированные комплиментами. Характерно в этом отношении «Слово в день воспоминания коронации государыни императрицы Анны Иоанновны» (1734). Прокопович подчеркивает, что Анна выступает как преемница Петра I: «Славные Петра Великого оконченные дела подтвердила, возобновила оставленные и, что он начал и яко бы без покрова оставил, сия достойнейшая Петра наследница иное уже совершила, а иное совершити старается» (III, 175—176). Итак, политика Петра предлагается императрице как пример для подражания, как верный ориентир в ее собственной политике. Подобный же смысл имело позднее обращение Ломоносова к Елизавете как «Петровой дочери». Имея в виду открытие каналов и доков в Кронштадте, в оде 1752 г. Ломоносов писал:

Великая Елисавет
Дела Петровы совершает
И глубине повелевает
В средину недр земных вступить!
.....
Помысли, зря дела толики
И труд, что можем понести,
Что может ныне Петр Великий
Чрез Дщерь Свою произвести!⁴⁵

⁴⁴ П. Н. Берков. Одно из первых применений эзоповского языка в России (латинская «Ода Петру II» Феофана Прокоповича, 1727 г.). — В кн.: Проблемы теории и истории литературы, стр. 74—82.

⁴⁵ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 501—502.

Дела, начатые Петром и осуществленные уже без него, ставятся в заслугу царствующей императрице независимо от того, способствовала она этому или нет. Автору важно, однако, выразить общественное мнение по поводу проводимых мероприятий и показать государыне, чем может она заслужить подлинную славу и признательность подданных. Это умение Ломоносова придать хвалебной оде публицистический, гражданственный характер опять-таки напоминает приемы, использовавшиеся Феофаном Прокоповичем. В названном выше «слове» Феофана нарисована картина благоденствующей России при Анне Иоанновне: «Посмотрим на царствующий град сей, где в великолепном доме шляхетное юношество ее определением и щедрым содержанием воспитание имеет и, кроме того, какой успех в воинской науке оно имеет, не удивимся ли? Посмотрим на другой царствующий град Москву, увидим с великим нашим удивлением приумноженное в оной строение и украшение. Посмотрим и на все страны России, увидим всякую из оных в лучшем и безопаснейшем от прежнего состоянии, когда варварство исчезает, хищения и разбои на суде праведно обличаются и воровство во всяком месте искореняется, а наука воинская поощряется, и заводятся изрядные художества. ...Посмотрим паки на сей же преславный Петров град, не самовидцы ли мы, с какою строгостию и с каким попечением всякое общее дело продолжается? Видим коллегии, суды и сенат, видим академию и гимназию, и все оное в лучшем от прежнего состоянии» (III, 176—177). Феофан хвалит Анну, но эти похвалы имеют определенный смысл: речь идет по существу не о том, что сделано, а о том, что следовало бы сделать. Программа, предлагаемая Прокоповичем, касается в первую очередь вопросов светских: системы управления, науки, образования, судопроизводства, градостроительства.

Подобный способ «восхваления» императрицы можно наблюдать и в одах Ломоносова, проникнутых тем же патриотизмом, гражданственностью и заинтересованностью в судьбе отечественной культуры. Естественно поэтому, что некоторые мотивы и образы, характерные для ломоносовской поэзии, встречаются уже у Феофана Прокоповича.

Так, например, в проповедях Феофана часто появляются словосочетания «всенародная польза», «общее добро отечества». Эти понятия играют существенную роль во всей системе как общественных, так и художественных взглядов писателя — убежденного сторонника просвещенного абсолютизма, считающего высшим долгом служение государству. В «Слове на новое 1725 лето» Прокопович сформулировал эту идею следующим образом: «А понеже всех собственная благая на общем добре отечества висят, долженствуем, яко всегда, тако наипаче в сей новозачинаемого лета день, со усердием молити вышняго о благоповедении и сохранении того, на котором все добро общее

основанное содержит десница вышняго: о державнейшем императоре нашем Петре великом» (II, 124). Говоря о коронации Екатерины, Феофан подчеркивает, что Петр задумал это «ради всенародной пользы и от многих бед предохранения» (II, 185—186). Рассуждая о воцарении Анны Иоанновны, Прокопович вновь приводит свой излюбленный довод: «Понеже бо на верховной власти основано стоит наше всех общее добро и беспечалие, тишина, покой, от внутренних и внешних напастей пристанище и защита, то кто бы к государю своему искреннею любовь не горел, тот сам своего добра и самого себе не любил бы» (III, 110).

У Ломоносова этот мотив тоже появляется, но в соответствии с изменившимися политическими обстоятельствами приобретает и новый оттенок:

Теперь во всех градах Российских
По селам и в степях Азийских
Единоголосно говорят:
«Как Бог продлит чрез вечно время
Дражайшее Петрово племя,
Счастлива жизнь и наших чад:
Не будет страшныя премены,
И от Российских храбрых рук
Рассыплются противныя стены
И сильных изнеможат лук.⁴⁶

Ломоносов прославляет Елизавету как дочь Петра и продолжательницу его дел, противопоставляя ее Анне Иоанновне, царствование которой предстает у поэта уже в более реальном виде и оценивается критически. Ломоносов обновляет, по сравнению с Прокоповичем, и самую тему пользы, искусно соединяя ее в одной из од с темой красоты.⁴⁷

Стремление к метафоричности, характерное для Ломоносова, автора од, не было свойственно Феофану Прокоповичу, предпочитавшему великолепию логическую ясность. В этом отношении он действительно оказался ближе Сумарокову, чем Ломоносову. И вместе с тем в «словах» Феофана нередко можно встретить образы, использованные затем и в одах Ломоносова. Нельзя, разумеется говорить о каких-то заимствованиях или прямом влиянии Феофана на Ломоносова. В большинстве случаев дело обстоит, по-видимому, значительно сложнее: творчество Прокоповича служило своеобразным соединительным звеном между поэзией русского классицизма и древнерусской литературой. В качестве примера можно указать на одну из самых распространенных метафор: уподобление князя или царя солнцу.

⁴⁶ Там же, стр. 134.

⁴⁷ См.: И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова, стр. 121—128.

Несмотря на протесты некоторых авторов, полагавших, что называть солнцем уместно только бога, метафора продолжала существовать в литературе XVII в.,⁴⁸ а затем широко использовалась Ломоносовым.⁴⁹ До этого, однако, она появилась и у Прокоповича. Уже в «Слове приветственном на пришествие в Киев его царского величества» (1706) Феофан заявил: «Что о солнце Анаксагор философ, то я глаголю о царском зрении» (I, 3). В речи по поводу объявления наследником Петра Петровича (1718) Прокопович вновь использует эту метафору, а затем варьирует ее применительно к Анне Иоанновне. Для Феофана, стремившегося утвердить представление о царской власти как освященной волей самого бога и поэтому независимой от церковной власти, эта метафора приобретала особенно важное значение: по-своему и она служила секуляризации самого жанра проповеди.

Как церковный ритор, Феофан был обязан считаться с традициями жанра и, следуя им, посвящать некоторые «слова» разъяснению цитат из Нового или Ветхого завета. Однако евангельский и библейский тексты приобретали в толковании Феофана злободневный и очень часто совершенно светский характер. Так, эпиграфом к одному из «слов» Прокопович берет цитату из Евангелия: «Яко же преста глаголя, рече к Симону: поступи во глубину», а далее говорит о пользе, полученной отечеством от поездки Петра за границу: «Не у брега мешкает и твой Петр, Россие, но в глубине ищет корыстей твоих; тако устремлен к странствованию, аки бы ему речено было: „поступи в глубину“» (С, 64). На текст «Песни песней» «Крепка яко смерть любви» Прокопович сочиняет «Слово на тезоименитство Екатерины» (1717). К тексту знаменитого 81 псалма Феофан обращается в один из самых трудных для него моментов в пору царствования Екатерины I. Указывая, что в Псалтыри «державные власти бози нарицаются» (т. е. цари называются богами), Прокопович напоминает об обязанностях царя: «Яко бог промышляет о добре всех тварей, тако и царь должен пещися и промышляти о добре всех подданных своих: судити правду, оправдати неповинных, осуждати убийцев, грабителей, клеветников, смиряти мятежников, возбуждати о добре общем не радящих, награждати верных и добрых служителей; кратко рещи: смотри прилежно, дабы не торжествовали зли, а добрии не въздыхали бы» (II, 180). Феофан обращается к императрице с этими словами, стремясь найти у нее поддержку, оправдаться самому и обвинить своих «клеветников» — в первую очередь

---

⁴⁸ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 13—26.

⁴⁹ См.: И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова, стр. 103—106.

Георгия Дашкова и Маркела Родышевского, подавшего на него донос, обвиняя в «церковных противностях».⁵⁰

Использование библейского текста для развития идей, волнующих автора в данный момент, — прием, получивший широкое распространение в поэзии русского классицизма. В частности, в переложениях псалмов Ломоносова, как указывали исследователи, тоже находились прямые отклики на реальные обстоятельства, и духовные оды Ломоносова приобретали смелый гражданственный характер.⁵¹ С этой традицией связано и знаменитое стихотворение Державина «Властителем и судиям». Разумеется, обращение Державина к тому же самому 81 псалму едва ли можно ставить в зависимость от упоминавшейся проповеди Прокоповича: один и тот же библейский текст используется писателями совершенно по-разному. Но важно, что сохраняется самый принцип: этот текст трактуется каждым автором применительно к современным общественным событиям.

И духовная ода и ода хвалебная были тесно связаны с ораторской прозой Феофана Прокоповича и идейно, и тематически, и стилистически. Наконец, самая организация речи в одической поэзии, как превосходно показал Ю. Н. Тынянов, позволяет называть оду ораторским жанром.⁵² «Ода Ломоносова, — писал исследователь, — может быть названа ораторской не потому и не только потому, что она мыслилась произносимой, но потому главным образом, что ораторский момент стал определяющим, конструктивным для нее».⁵³ Ломоносов расчленял речь на периоды «круглые», «зыблющиеся» и «отрывные», причем их чередование считал важнейшим моментом в организации поэтической речи: «Положение целых периодов зависит от умеренного смещения долгих с короткими, зыблющихся с отрывными, чтобы переменою своею были приятны и не наскучили бы одинаким течением, которое, как на одной струне почти ни в чем не отменяющийся звон, слуху неприятно».⁵⁴ Стремление избежать монотонности придавало поэтической речи большую выразительность и эмоциональность. Ломоносов мог это наблюдать и на примере русской ораторской прозы. Прокопович, в частности, уже использовал в своей практике некоторые принципы, сформулированные позднее Ломоносовым. Разумеется, автору прозаического «слова» не приходилось соразмерять синтаксическое членение речи с делением на строфы и строки, завершающиеся

⁵⁰ См.: И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 195—222.

⁵¹ См.: Д. К. Мотольская. Ломоносов. — В кн.: История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941, стр. 339—342.

⁵² Ю. Н. Тынянов. Ода как ораторский жанр. — В кн.: Ю. Н. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 48—86.

⁵³ Там же, стр. 68—69.

⁵⁴ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 243—244.

рифмами. Но и прозаический текст членился по системе, предложенной Ломоносовым. В тексте проповедей Феофана преобладают «круглые» или «умеренные» периоды, в которых, по определению Ломоносова, «члены, также подлежащие и сказуемые величиною не много разнятся».⁵⁵ Но, как и в оде, эти периоды служили «нейтральной базой, на которой должен выделиться интонационный рисунок».⁵⁶ Рисунок же возникал благодаря введению «зыблющихся» и «отрывных» периодов, а также вопросительных и восклицательных предложений. Вот пример характерной для Прокоповича эмоционально окрашенной речи из «Слова о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире 1721 года»: «Вещь воистинну неслыханная! В одном времени и вооружала и украшала себе Россия! Когда нужда настала прилежно смотреть, как бы целость отечества сохранить от толь сильных супостатов, было ли время и помыслить строить многотрудныя и многоценныя флоты? Помышлено и сделано. Было ли время созидать крепости, наипаче же превеликий новый град царствующий? И то не оставило. Было ли время сочинять и писать разныя законы, уставы, регламенты гражданския, и земныя воинския и воинския морския и уставлять соборныя правительства? И то в конец свой произошло. Чудо чудес, что новое в России воинство вдруг и воевать училось и победительне воевало. Что же речем когда еще и мирная дела, строения, учения, исправления с войною толь страшною в одном времени вместится возмогли!» (С, 119). В приведенном отрывке чередуются в определенной последовательности не только восклицательные, вопросительные и повествовательные предложения, но и разные периоды. Первые восклицательные предложения напоминают «отрывной» строй, выделяющий паузы. В вопросительных предложениях — «кругло-зыблющийся» строй, причем замечен постепенный переход от «круглого» к «зыблющемуся». Связанное с этим интонационное нагнетание подчеркивает множество и разнообразие дел Петра. Повторяемый трижды вопрос «было ли время» распространяется с каждым разом все подробнее: последнее вопросительное предложение явно становится «зыблющимся» периодом. Краткие ответы представляют собой опять-таки «отрывные» периоды, увеличивая пафос и придавая особую значительность сказанному. Наконец, нагнетание разрешается последними двумя фразами, возвращающимися к «кругло-зыблющемуся» строю.

Подобная организация речи в произведении «высокого» жанра вполне соответствовала теории Ломоносова. Но вопрос о произнесении текста решался Ломоносовым и Прокоповичем

⁵⁵ Там же, стр. 123.

⁵⁶ Ю. Н. Тынянов. Ода как ораторский жанр, стр. 54.

по-разному. Ломоносов подробно характеризовал лучшую, с его точки зрения, манеру выступления риторика следующим образом: «Что ж надлежит до положения частей тела, то во время обыкновенного слова, где не изображаются никакие страсти, стоят искусные риторы прямо и почти никаких движений не употребляют, а когда что сильными доводами доказывают и стремительными и нежными фигурами речь свою предлагают, тогда изображают оную купно руками, очами, головою и плечьми. Протяженными кверху обеими руками или одною приносят к богу молитву или клянутся и присягают; отверженную от себя ладонь протягая, увещевают и отсылают; приложив ладонь к устам, значают молчание. Протяженною ж рукою указуют; усугубленным онья тихим движением кверху и книзу показывают важность вещи, раскинув оные на обе стороны, сомневаются или отрицают; в грудь ударяют в печальной речи; кивая перстом, грозят и укоряют. Очи кверху возводят в молитве и восклицании, отверщают при отрицании и презрении, сжимают в иронии и посмеянии, затворяют, представляя печаль и слабость. Поднятием головы и лица кверху знаменуют вещь великолепную или гордость; голову опустивши, показывают печаль и унижение; ею потряхнувши, отрицают. Стиснувши плечи, боязнь, сомнение и отрицание изображают».⁵⁷ Из приведенной цитаты совершенно ясно, что Ломоносов уделял большое внимание мимике и жестикуляции ратора. Между тем Феофан Прокопович в свое время выступал против театральной манеры читать проповеди, манеры, характерной для Стефана Яворского. В «Духовном регламенте» Прокопович писал: «Безумно творят проповедницы, которые брови своя поднимают и движение рамен являют гордое, и в слове нечто такое проговаривают, от чего мощно познать, что они сами себе удивляются.. . Ненадобе проповеднику шататься велими, будто в судне веслом гребет; ненадобе руками спляскивать, в боки упираться, подсакивать, смеяться, да ненадобе и рыдать, но хотя бы и возмутился дух, надобе, елико мощно, унимать слезы. Вся бо сия лишняя и неблагообразна суть, и слышателей возмущают».⁵⁸

Феофан — сторонник большей сдержанности; не отрицая необходимости эмоционального воздействия на слушателей, он высмеивает чрезмерные проявления этой эмоциональности у проповедников католической школы. Внешняя сторона проповеди для Феофана является отражением ее внутреннего содержания. Прокопович не приемлет схоластической риторики и связанных с ней проповеднических приемов; он требует прежде

⁵⁷ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 78—79.

⁵⁸ Ф. Прокопович. Духовный регламент. — В кн.: П. В. Верховской. Учреждение духовной коллегии и духовный регламент, т. II, отд. I, стр. 64—65.

Всего стройности и логичности изложения. Выдвигая это требование, Прокопович порывал с традициями барокко и подготавливал почву, на которой развивались «высокие» жанры классицизма. Вместе с тем, как мы только что видели, взгляды Прокоповича и Ломоносова на ораторское искусство во многом расходились.

Понять истинный смысл этого расхождения помогает соображение, высказанное Ю. Н. Тыняновым. «Ода, как витийственный жанр, — писал Ю. Н. Тынянов, — слагалась из двух взаимодействующих начал: из начала наибольшего действия в каждое данное мгновение и из начала словесного развития, развертывания. Первое явилось определяющим для стиля оды; второе — для ее лирического сюжета; при этом лирическое сюжетосложение являлось результатом компромисса между последовательным логическим построением (построение «по силлогизму») и ассоциативным ходом сцепляющихся словесных масс».⁵⁹ Если для Ломоносова было особенно важно первое начало («наибольшего действия в каждое данное мгновение»), то для Прокоповича — второе («словесное развитие, развертывание»).

Придавая большое значение последовательности в развитии сюжета, Феофан оказался предшественником сторонников так называемой сухой оды. Сумароков, видимо, ощущал эту преемственность, потому и ссылаясь на авторитет Прокоповича. Феофан как моралист и полемист тоже, по-видимому, был в достаточной степени близок Сумарокову. Существенное различие заключалось, однако, в том, что и поучение и сатира у Прокоповича включались в текст проповеди, приуроченной к какому-либо торжественному событию, в текст панегирика; Сумароков же четко соблюдал иерархию жанров. Переход от похвалы к нравоучению или обличению у Прокоповича обычно сопровождался стилистическими и интонационными изменениями речи. Торжественность и пафос, уместные в одном случае, могли бы оказаться ложными в другом. Избегая излишнего великолепия, Феофан в рассуждениях на морально-философские темы несколько снижает «штиль» проповеди, что отражается и на интонации: начинают заметно преобладать «круглые» периоды и уменьшается количество вопросительных и восклицательных предложений. В качестве примера можно привести отрывок из «Слова похвального в день святых великомученицы Екатерины». Говоря о двух видах лицемерия, Прокопович разъясняет: «Тонкое нарицаю лицемерие, когда самих себе прельщаем, мнящиеся быти боголюбцы, а от любве божией далече отстояще. Се же бывает, егда внешний некий вид святыни имуще, довольяемся тем, ни мало внутреняго ищуще исправления. Например, по-

⁵⁹ Ю. Н. Тынянов. Ода как ораторский жанр, стр. 52—53.

стится некто телесне, а не духовне; молитвы творит многословием, а не духом и умом; велеречит о нестяжании, а сам и крадет; славит милостыню, а сам и ограбляет и сим подобная» (С, 69). Далее Феофан переходит к характеристике другого вида лицемерия, «дебелого»: «Се же есть, егда не сами мнимую нам святынею прельщаемся, но нарочно притворяем ухищренный вид святости в прельщение людей, се же ради легкаго прибитка и приобретения суетной славы. То творим, егда пред людьми выдержницы быти показуемся, опрятаемся от ястия и пития, аще и мернаго, аще и благочестию не противнаго, и помрачаем лица (а есть хитрость на тое), да видими будем пред человеки постыжающеся, смываем очи, умильно ослабляемся, главы прекривленны носим, плачь явити тщимся, хотя не текут слезы» (С, 70). Нетрудно проследить, что этот отрывок существенно отличается по интонации от приводившихся выше выдержек из проповеди Прокоповича. На смену пафосу приходит размеренная речь, имеющая целью не возбудить, а убедить слушателя.

Подобная задача была и у Сумарокова, автора нравоучительных статей, печатавшихся в «Трудолюбивой пчеле» (1759). Выступая в качестве публициста, Сумароков ориентировался на западноевропейские сатирико-нравоучительные периодические издания начала XVIII в. Но в процессе формирования русской журнальной прозы существенное значение имели и отечественные традиции. Сумароков мог уже использовать опыт «Ежемесячных сочинений» и «Примечаний к ведомостям», которые в свою очередь во многом были обязаны прозе Феофана Прокоповича. Первые русские журналисты могли учиться у Феофана постановке актуальных вопросов, связанных с русской общественной жизнью.

Характерно, что Сумароков-прозаик нередко обращается к тем же вопросам, которые затрагивал Феофан Прокопович. Так, статья Сумарокова «Предложение разумным россиянам о принятии нового исчисления времени» соотносится со «Словом на новое 1725 лето» Прокоповича; статья «О суеверии и лицемерии» посвящена теме, к которой Феофан неоднократно обращался в своих проповедях. Любопытные соответствия можно найти в статье Сумарокова «К добру или к худу человек рождается?» и в «Слове в день коронации Анны Иоанновны» (1731) Прокоповича. Феофан рассуждает о многочисленных препятствиях, мешающих людям исполнять заповедь о любви к ближнему: «Как может быти толикая междоусобная любовь тамо, где друг друга проглотити рад бы?». Причиной этого он считает «бесчисленные во всех страсти, которые человеческое сердце поощряют и движут ко озлоблению ближнего» (III, 75). Автор «слова» приходит к печальному выводу: «Окаянный человек ни от чего толиких вредов не приемлет, как от человека» (III, 78). С этим выводом перекликаются суждения Сумарокова: «Во всех сооб-

ществах, как у человеков, так и у других тварей, согласие от собственного и участнаго своего прибыточества утверждено, а не от любви к подобной себе твари. Дружимся и любимся мы ради самих себя. Другого любим, любя себя; ненавидим, ненавидя его. Все наши действия происходят от любви к себе и от ненависти к другому». ⁶⁰ Представление о злой, эгоистической природе человека, обуреваемого страстями, характерно для обоих авторов, и каждый из них апеллирует к разуму слушателей или читателей, стремится обосновать необходимость «верховой власти», т. е. просвещенного абсолютизма. По стилю статья Сумарокова тоже приближается к проповедническому слогу Прокоповича. Можно отметить, в частности, интересную деталь: Сумароков говорит о человеческих страстях, постоянно используя форму первого лица множественного числа: «дружимся и любимся», «любим», «ненавидим», «наши действия». В свое время Прокопович специально рекомендовал этот прием проповедникам: «Непригоже велми проповеднику, наипаче юному, говорить о грехах властители или обличителне к лицу слышателей, так например: не имеете страха божия, нет у вас любви ко ближнему, не милосердны есте, друг друга обидите. Но должно паче в первом лице, во множественном числе так говорить: не имеем страха божия, нет у нас любви ко ближнему, немилосерди есмы, друг друга обидим. Ибо сей образ слова кроткий есть, понеже и сам проповедник в числе грешников мешает себе». ⁶¹

Сопоставление проповедей Феофана с сочинениями Сумарокова позволяет расширить наши представления о влиянии Прокоповича на последующее поколение русских писателей. ⁶² Исследователи неоднократно указывали на роль Феофана в формировании литературного таланта Кантемира. Этот вопрос достаточно хорошо исследован в современной науке, и, не имея возможности останавливаться на нем, напомним вывод, к которому приходит Л. В. Пумпянский: «Как ни развил Кантемир применение метода, но самый метод, норма, речевой принцип усвоены им от русской проповеднической традиции, в особенности от Феофана. Как вся его сатира (особенно ранняя) была своего рода секуляризацией проповедей Феофана, выделением к самостоятельности и развитием сатирико-политических элементов, которые у Феофана были, в сущности, лишь фиктивно связаны с жанром проповеди, так и язык этих сатир представляет блестящее развитие и полную литературную реализацию той нормы, которая у Феофана

---

⁶⁰ А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений, ч. X, стр. 149.

⁶¹ Ф. Прокопович. Духовный регламент, стр. 63—64.

⁶² Интересный пример непосредственного заимствования сюжета у Прокоповича в басне Сумарокова «Кисельник» указал М. И. Сухомлинов, см.: М. И. Сухомлинов. Заметка о Сумарокове. — ОРЯС, 1855, вып. 4, стр. 206—208.

могла быть осуществлена лишь частично и отдельными прорывами».⁶³

К этому бесспорному выводу добавим только еще одно соображение: Кантемиру, светский писатель, обратился к жанру сатиры и, развивая некоторые принципы Феофана Прокоповича, приравнивал их к новым литературным требованиям. Если Ломоносов позднее регламентировал «высокие» жанры классицизма, то Кантемир начал с «низких»: при этом каждый писатель по-своему использовал творчество Прокоповича, выбирая именно те элементы, которые были наиболее близки соответствующему жанру. Продолжая литературные поиски Феофана, писатели последующего поколения одновременно полемизировали с ним, строго упорядочивая использованные им приемы. Этот процесс формирования и становления русского классицизма, безусловно прогрессивный в историко-литературном отношении, приводил, однако, и к некоторым потерям. Стремясь к максимальной обобщенности и абстрагированию (напомним о рассмотренных выше различиях в обрисовке образа Петра у Прокоповича и у Ломоносова), писатели классицизма отвергали те черты творчества Прокоповича, которые были по достоинству оценены значительно позднее.

Живое слово Феофана, проникнутое мирскими заботами и интересами, нашло сочувственный отклик не только у его современников и ближайших продолжателей, но и у русских писателей второй половины XVIII в. Показательно, что публицистический талант Прокоповича особенно высоко оценил Н. И. Новиков. В «Опыте исторического словаря о российских писателях» он назвал Феофана «первым из наилучших наших писателей, который многообразным учением столь себя прославил, что в ученой истории заслужил место между славнейшими писателями». Восхищаясь красноречием Феофана, Новиков подчеркивает его заслуги как «поборника и провозвестника великих трудов и преславных дел Петра Великаго».⁶⁴

Новиков уже не касается вопроса о чистоте слога, который так волновал Ломоносова и Сумарокова, и это факт, заслуживающий внимания. Для писателей, разработывавших «высокие» жанры классицизма и выступавших теоретиками этого направления, вопрос о соответствии «штиля» жанру имел первостепенное значение, а «слова» Феофана не укладывались в рамки, предначиненные для «высокого» жанра проповеди или панегирика. Ближайшим преемником проповедника Феофана оказался сатирик Кантемир — обстоятельство довольно парадоксальное с точки

---

⁶³ Л. В. Пумпянский. Кантемир. — В кн.: История русской литературы, т. III, стр. 191.

⁶⁴ Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 178.

зрения теоретика жанров. Но Кантемир избрал соответствующий жанр — сатиру, получившую законное признание в жанровой системе классицизма. Те сатирические элементы, которые, по мнению Ломоносова и Сумарокова, нарушали целостность проповеди Прокоповича, оказались вполне уместны в «низком» жанре стихотворной сатиры. Но не только эти элементы проявили свою жизнеспособность: как мы видели, «высокие» жанры классицизма (похвальное слово и ода) были связаны с ораторской прозой Прокоповича и идейно, и стилистически. Таким образом, процесс секуляризации жанра проповеди шел в двух основных направлениях: с одной стороны, развитие положительной политической программы, утверждение государственных и нравственных идеалов, с другой — критика, обличение существующих недостатков в общественной и частной жизни. В 1740—1750-е годы эти задачи четко разграничиваются между разными жанрами, по преимуществу стихотворными (ода и сатира). Традиционные прозаические жанры (проповедь, панегирик) оставались «высокими» и подвергались «очищению» за счет изгнания «низких» тем и слов. В связи с появлением и быстрым расцветом русской журналистики развиваются прозаические жанры, которые несколько нарушают строгую иерархию, предусмотренную теоретиками классицизма. Требование чистоты слога оставалось еще в силе, но не имело уже первостепенной роли, поэтому русские журналисты 1770—1780-х годов могли простить Феофану тот грех, который был так значителен в глазах Ломоносова и Сумарокова, и воспользоваться его опытом полемиста и сатирика.

Таким образом, ораторская проза Феофана Прокоповича представляла собой богатый и ценный источник для писателей русского классицизма, обращавшихся к самым разным жанрам, на протяжении нескольких десятилетий она оставалась живым явлением и участвовала в литературной борьбе последующих поколений.

Г. Н. МОЙСЕЕВА

**«ИСТОРИЯ РОССИИ» ФЕДОРА ПОЛИКАРПОВА
КАК ПАМЯТНИК ЛИТЕРАТУРЫ**

В 1708 г. начальник Монастырского приказа И. А. Мусин-Пушкин передал директору московской типографии Федору Поликарповичу Поликарпову-Орлову распоряжение Петра I о написании «Истории России» от древнейшей поры и до современных событий. Выбор Федора Поликарпова был не случаен. Талантливый ученик Лихудов в Славяно-греко-латинской академии, образованный справщик Печатного двора, хорошо знакомый с печатными и рукописными книгами, знаток латинского и греческого языков (он принимал самое деятельное участие в составлении «Трехязычного лексикона», изданного в Москве в 1705 г.), Федор Поликарпов, по мнению И. А. Мусина-Пушкина, был подготовлен к созданию первого печатного труда по истории России, необходимость которого уже ясно осознавалась и в конце XVII в. Известно, что по распоряжению царя Федора Алексеевича предпринималась попытка издания исторического сочинения, не удавшаяся по неизвестным нам причинам.¹

10 октября 1708 г. И. А. Мусин-Пушкин писал Ф. Поликарпову: «Историю указал государь писать, почав от царства великого князя Василья Ивановича, даже и до днесь российских дел. И есть ли ты можешь делать, и ты делай с прилежанием; а будет тебе невозможно, и ты ко мне отпиши. А есть ли зде-лаешь, примешь милость».²

Ф. Поликарпов, по-видимому, согласился, но просил И. А. Мусина-Пушкина сообщить о характере будущего исторического сочинения, готового образца которого не существовало. 26 октября

¹ Сочинение по русской истории хранится в ГПБ. F. IV. 159.

² Письма и бумаги императора Петра Великого, т. VIII, вып. 2. М., 1951, стр. 938.

того же года из Брянска Мусин-Пушкин ответил Ф. Поликарпову: «О летописании, каковым образом писать, аще повелит бог быть мене на Москве, общим советом учиним; но твоя милость ныне напиши лет пять пространно и сокращенно, и будет мы замешкаемся, пришли к нам. А есть ли труды твои будут угодны в совершенстве, уповаю не без доброго воздаяния быти».³

Сохранились две редакции сочинения Федора Поликарпова. Анализ этих редакций позволяет не только представить этапы работы Ф. Поликарпова над «Историей России», но и увидеть процесс формирования исторического сочинения, которое по замыслу Петра I должно было отвечать требованиям современной науки и быть доступным широкому кругу читателей.

В ЦГАДА в фонде Посольского приказа хранится сборная рукопись конца XVII—первых лет XVIII в.⁴ На обложке запись: «Книга Степенная. Часть 2-я». В начале сборника помещены хронографические известия (л. 1—220 об.), «Сказание и хождение великого храброго царя Александра великия Македонии самодержца наказание храбрым чудно и дивно послушати» (л. 221—265 об.), отрывки летописных известий: «О летех, в них же киевское княжение и всея России самодержество под татарским пребысть игом» (л. 266—287 об.), «О начале государства польского и чешского» (л. 288—395 об.), «Книга о Троянском царстве и о разорении его» (л. 396—421 об.), «Сказание или повествование о Вавилонском царстве и о запустении его» (л. 422—425). Здесь помещены отдельные небольшие заметки о великом князе Василии Васильевиче, о княжении на Москве великого князя Иоанна Васильевича, известие о стрелецком восстании 1682 г.

Далее известия приобретают совершенно иной характер: в них фиксируются события, происходящие в России в конце XVII—начале XVIII в. Эти дописанные к Степенной книге известия, относящиеся к петровской эпохе, представляют собой черновые записки, сделанные Ф. Поликарповым по живым следам исторических событий в хронологической последовательности с максимальным приближением к документальным источникам. Так, на л. 443 об. сообщено о том, что «посланы с Москве великие полномочные послы генерал Франц Яковлевич Лефорт, да боярин Федор Алексеевич Головин с товарищи за море». На л. 445 об. известие об их возвращении, на 471-м — рассказ о результатах посольства Емельяна Украинцева. А внизу приписка: «А подлинная о всем о том записка явится в статейном их списке». На л. 472 «Список з договорного писма, каково дано в Констянтинне поле на славенском языке турского салтана великому везирю и министром, которые были на конференции в нынешнем 1700 году июля в 6 день».⁵ Выражение «в нынешнем 1700 году» позволяет

³ Там же.

⁴ ЦГАДА, ф. 181, № 849, л. 1—579.

⁵ Там же, л. 472—485 об.

вполне обоснованно полагать, что заметки, относящиеся к событиям последних лет XVII в. и к первым годам XVIII в., фиксируют текущие факты в их последовательности: «1706 марта в 11 день боярин и воевода Борис Петрович Шереметев с товарищи и с ратными людьми пришел под Астрахань».⁶ Подробно описан поход Шереметева. Далее выборочно освещены отдельные моменты Северной войны и вклеены печатные реляции, манифесты, реестры о «взятых в полон шведских офицеров и рейтаров и драгунов и солдат».

Под 1708 г. помещено «объявление баталии меж его царским величеством российским и шведским генералом графом Левенгоптом при деревне Лесной от Пропойска в дву милях».⁷ Ниже сообщено об измене Мазепы: «1708 ноября гетман Ивашко Степанович Мазепа малороссийских городов великому государю изменил, отъехал к шведскому, а старшины к нему не пристали».⁸

Подробно описано сражение под Полтавой на основании «Обстоятельной реляции о главной баталии меж войск его царского величества российского и королевского величества швейцарского, учинившейся неподалеку от Полтавы сего июня в 26 день 1709 лета».⁹ На л. 507 переписано с печатного «Изъявление фейрверка 1710 году генваря в 1 день». К л. 509—510 приклеены печатные реляции о взятии Выборга и «о поведении бывшем в армии его царского величества мая с тридесятого числа 1711 году о бою с турки и о постановлении вечного мира».¹⁰

Описание событий Северной войны перебивается отдельными заметками, в которых сообщено о некоторых происшествиях, случившихся в Москве в первом десятилетии XVIII в.: «Августа в 4 день в 3 часу ночи загорелось за Никитскими вороты в земляном городе у Вознесения и выгорело в земляном и в белом города Никитская, Арбатская, Тверская, Дмитровская и Петровская улицы доле Третьего кружала и Мучной ряд по Неглинну и во Знаменки много людей пригорело».¹¹ Автор делает запись и о пожаре в Троице-Сергиевом монастыре: «Августа в 28 выгорел Троицы Сергиев монастырь и церкви божии, и села и житницы, и колокола разбились, а иные ростопились, и монахов сгорело человек с тридесят и болши».¹²

Под 1711 г. после сообщения о переходе русской армии под командой генерал-фельдмаршала Шереметева через р. Днепр «под местечком Рашковым» и переписки «Манифеста или объявления о вероломном разрыве мира салтана турского Ахмета против его

⁶ Там же, л. 486.

⁷ Там же, л. 494.

⁸ Там же, л. 499.

⁹ Там же, л. 500—504 об.

¹⁰ Там же, л. 510.

¹¹ Там же, л. 505.

¹² Там же, л. 505 об.

царского величества» помещена заметка: «...божиим изволением грех ради наших в заокских и в украинских городех от Киева и в округе была саранча великая, хлеб весь, и на лесах лист и траву всю поела». ¹³

Летописные заметки снова перебиваются печатными материалами: «Реляция о разорении шведской армии, бывшей под командою фельдмаршала графа Штейнбока». ¹⁴ Последнее сообщение, которым заканчивается летопись, следующее: «Получена ведомость из двух нарочных свидетелей... из Царяграда, а предана от 6 числа от верного криспондента [так!], в которых пишет о освобождении барона Шафирова и генерала Шереметева... Из Санкт-Петербурха писано мая 26 дня 1713 года». ¹⁵

С. Л. Пештич отметил известия о московских пожарах, перебивающие изложение событий Северной войны. ¹⁶ Это несомненная дань старым формам повествования, когда в летопись вносились разнообразные факты в их естественной последовательности.

Следует обратить внимание еще на одну особенность этого исторического сочинения: автор его достаточно подробно информирован о военной и дипломатической деятельности Б. П. Шереметева. Мы помним, как подробно он описывает поход Шереметева под Астрахань 1706 г., отмечает его роль во время сражения под Полтавой и заканчивает свою «Историю» сообщением об освобождении Шереметева из турецкого плена в 1713 г. Эта обстоятельность свидетельствует о том, что Ф. Поликарпов располагал материалами Б. П. Шереметева. Известно, что при Б. П. Шереметеве систематически составлялся журнал военных походов. ¹⁷ Ф. Поликарпов имел возможность пользоваться им, о чем он сообщил в предисловии к «Истории России», работа над которой была начата в 1708 г.

Первоначальный вид основной редакции «История России» Ф. Поликарпова находится в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ¹⁸ окончательный вид основной редакции — в Библиотеке АН СССР. ¹⁹

Рукопись ГБЛ представляет собой чистовой вариант текста «Истории о владении российских великих князей вкратце», но не оформленный до конца. Так, оставлены ненарисованными гербы российских государей, на листах сделаны лишь подписи, например «царя православна орел двоеглавный». ²⁰ О «рабочем» состоянии

¹³ Там же, л. 570.

¹⁴ Там же, л. 574—577 об.

¹⁵ Там же, л. 579—579 об.

¹⁶ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. 1. Л., 1961, стр. 110—117.

¹⁷ Военно-походный журнал 1711—1712 гг. СПб., 1898.

¹⁸ ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 1—396.

¹⁹ БАН. 32.6.30, л. 1—508.

²⁰ ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 246 об., 312а.

рукописи свидетельствуют пометы, которыми обозначены места, где должны быть помещены копии документов, например «копия с грамоты»,²¹ а на следующих листах писцовым почерком переписана грамота об избрании Михаила Федоровича Романова с перечислением подписей.²²

Рукопись ГБЛ хранилась в частных собраниях, о чем свидетельствуют владельческие приписки: «Сию книгу читал, весьма полезная, а принадлежит Ивану Наликину»,²³ «Сия книга села Кохмы жителя Андрея Федорова Калачика».²⁴

Рукопись сочинения Ф. Поликарпова, хранящаяся в БАН, переписана с рукописи, которая в настоящее время находится в Музейном собрании ГБЛ.

Об этом свидетельствует отсутствие лакун в тексте, а также помет, обозначающих места, где следует поместить копии документов. В рукописи БАН помещены также гербы с подписями, в рукописи ГБЛ, как мы помним, изображения гербов отсутствуют.

Рукопись БАН. 32. 6. 30 поступила в Академическую библиотеку в 1739 г. из библиотеки Я. В. Брюса, одного из образованнейших сподвижников Петра I. О принадлежности рукописи Брюсу говорит приписка библиотекаря А. И. Богданова на экземпляре «Камерного каталога» — печатного описания рукописей, хранившихся в Академической библиотеке.²⁵ Я. В. Брюс проявлял интерес к древнерусским рукописям и историческим сочинениям. К нему обращался в 1712 г. за помощью Федор Борисов, оставленный в Кенигсберге для переписки летописи XV в., подаренной Николаем Радзивилом в Королевскую библиотеку.²⁶ Позднее Я. В. Брюс оказывал содействие В. Н. Татищеву в получении копии Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи из кабинета Петра I.²⁷ Поэтому нет ничего удивительного в том, что рукопись сочинения Ф. Поликарпова по истории России оказалась в руках Я. В. Брюса, полученная, возможно, от самого Петра I.²⁸

Таким образом, есть все основания полагать, что именно эта рукопись «Истории» Ф. Поликарпова была поднесена Петру I и отвергнута им по причинам, о которых мы ниже выскажем свои предположения.

²¹ Там же, л. 180 об.

²² Там же, л. 181—245 об.

²³ Там же, л. 6 об.

²⁴ Там же, л. 377 об.

²⁵ БАН. 45.13.22, л. 68.

²⁶ М. Н. Мурзанава. Первые фонды рукописных книг Академической библиотеки. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век. М.—Л., 1956, стр. 97.

²⁷ В. Н. Татищев. История российская, т. IV. М.—Л., 1964, стр. 35—36.

²⁸ В «Обзоре собрания рукописных книг Петра I» рукопись БАН.32.6.30 числится «условно», см. в кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, стр. 99.

«История о владении российских великих князей вкратце» состоит из трех частей, о чем сообщает сам автор: «... в первой части положися о начале и произведении народа и языка словенска. О великих князех киевских, владимерских и московских от перваго князя Рурика до перваго российского царя Иоанна Василевича по сокращению; во второй описано владетелство российских царей (начиная с Ивана IV и кончая Василием Шуйским, — Г. М.); в третьей части вчинихом блаженную державу благочестивейшаго царя Михаила Феодоровича, а по нем... до сих времен».²⁹

Отдельные части различаются отбором источников и соответственно — характером литературного изложения.

Основным источником первой части является печатный Синописис, откуда Ф. Поликарпов черпает целые разделы, в которых описывается древнейшая история славян и первых киевских князей. Для составления второй части, в которой обрисованы события XVI—XVII вв., использованы «Казанская история», «Степенная книга», «Никоновская летопись», «История о великом князе московском» А. Курбского, «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря» А. Палицына, «Новая повесть о преславном российском царстве» и некоторые документальные источники, например «Настольная грамота» об избрании Михаила Романова.

Наибольший интерес, естественно, представляет третья часть «Истории», где Ф. Поликарпов освещает события конца XVII — начала XVIII в., в значительной степени ему современные. Безусловно, историко-литературные особенности этой части были в известной степени определены теми подготовительными материалами, которые нашли отражение в рукописи ЦГАДА при характеристике событий, относящихся к концу XVII — началу XVIII в.³⁰ Журнал военных походов Б. П. Шереметева как в рукописи ЦГАДА, так и в рукописях БАН и ГБЛ, явился основой фактических сведений Ф. Поликарпова о ходе военных действий русской армии во время Северной войны. Об этом он пишет в «Предуведомлении»: «Входя в сию военную историю, ведая буди, любезный читателю, яко о шведской войне еже имаши читати, токмо оное взято из реляций и из юрналлов единого господина фелтъмаршала Шереметева, а поденных юрналлов как его царского величества, так светлейшаго князя Меншикова и господина адмирала и протчих господ генералов особых действий в пополнение истории не мог улучити, от чего пространная история могла бы быть».³¹

Печатные реляции, вклеенные на отдельных листах в подготовительных материалах Ф. Поликарпова, в чистовой «Истории о владении российских великих князей вкратце» оказались вклю-

²⁹ БАН.32.6.30, л. 2—2 об.

³⁰ ЦГАДА, ф. 181, № 849, л. 426—579.

³¹ БАН.32.6.30, л. 6; ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 5 об.

ченными в текст. Но сделано это было подчас чисто механически. Сведения о событиях, выходящих за пределы военной истории, перемешались в подготовительных материалах с заметками о ходе войны. В чистовой «Истории» они находятся в примечаниях, помещенных на правом боковом поле, отделенном от основного текста вертикальной чертой. В этих примечаниях содержатся заметки о московских пожарах, о засухе, наводнениях и т. п. Они более кратки по сравнению с их источниками в подготовительных материалах.³²

Несмотря на то что Ф. Поликарпов проделал огромную работу по сбору материалов, охватывающих «тридцатолетное самодержавство... Петра Алексеевича [тем именем] первого, пространным описанием изъясненное», сведений о многих фактах ему явно недоставало. Так, например, описывая под 1706 г. Астраханский поход по военному журналу Б. П. Шереметева, Ф. Поликарпов говорит о недостаточности имевшихся в его распоряжении материалов: «Зде надлежит внести всю акцию Астраханскую подробно».³³ Составитель «Истории» остро ощущал необходимость пополнения известий из других источников: «От сюду надлежит писать съ юрнала светлейшаго князя (А. Д. Меншикова, — Г. М.) о всех делах в Полше бывших и в Курляндии. А у меня о сем ведения нет».³⁴ Под 1708 г. на правом боковом поле помещена заметка: «Зде от сентября по генварь реляции не было, а журналов ничьих не прислано, и где что чинилось о том не известно». Такая же приписка и под 1710 г.: «От октября по генварь чем пополнить?».

Ф. Поликарпов ясно отдавал себе отчет в том, что даже при наличии официальных документов ему необходимы дополнительные данные для всестороннего освещения исторического факта. Так, например, под 1708 г. он сообщает: «... гетман войск запорожских Ивашка Мазепа [иже избран на место гетмана Ивана Самойловича, по навету изгнанного], забыв крестное целование, уничтожив царскую превысокую к себе милость, явися государю своему и всему российскому государству второй Иуда предатель, согласяся с племянником своим Войнаровским и некоею старшиною, изменил великому государю избрав множество богатства ушел обманом из Батурина ко шведскому королю во армию».³⁵ На боковом поле приписка: «Зде надобна вся акция и факция изменичья и универсалы его воровския [ежели угодно] вписати».³⁶

---

³² Ср., например, подробное известие о московском пожаре 1710 г. (ЦГАДА, ф. 181, № 849, л. 505). В рукописях БАН и ГБЛ это известие помещено на боковом поле: «Никитская и все за Яузе выгорело» (БАН.32.6.30, л. 502; ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 390 об.).

³³ БАН.32.6.3, л. 438 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, л. 458

³⁶ Там же.

Особенно ясно односторонность обрисовки исторического события вследствие неполноты фактических сведений можно наблюдать при описании Полтавской битвы 1709 г. — события, сыгравшего громадную роль не только в ходе Северной войны, но имевшего важное значение в политической жизни европейского континента. Не располагая широким кругом материалов даже для характеристики полной картины военных действий войны со Швецией, Ф. Поликарпов был лишен возможности связать это событие с анализом дипломатических отношений и хотя бы самым кратким описанием преобразовательных мероприятий правительства, решивших в конечном счете исход Северной войны. В «Истории», составленной Ф. Поликарповым, приведена печатная «Обстоятельная реляция» о главной баталии меж войск его царского величества российского и королевского величества швейцарского, учинившейся неподалеку от Полтавы сего июня в 26 день 1709 лета». Далее помещено письмо Петра царевичу Алексею (также печатное), начинающееся словами: «Объявляю вам о зело превеликой и неначаемой виктории, которую господь бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровати изволил». Описано торжественное «вшествие в Москву» и приведена копия печатного «Изъявления фейерверка 1710 году генваря в 1 день».

Если учесть, что «Гистория Швейцарской войны», составлявшаяся под руководством и при непосредственном участии Петра I, имеет, по определению С. Л. Пештича, 5 редакций,³⁷ и описание Полтавской битвы, подвергшееся многократной переработке, даже в «третьем чернении» по указанию Петра потребовалось переделать, чтобы «написать где прилично вечно достойной памяти: кто наши генералы и полковники при той баталии были, и некоторые были полки, и кто чем за оную награжден, и сколько наших побито и ранено. Также из журнала не надобно ль прибавить некоторых разговоров».³⁸

Очевидно, что отображение войны со Швецией в «Истории» Ф. Поликарпова, располагавшего ограниченным количеством источников, не могло идти ни в какое сравнение с «Гисторией Швейцарской войны», которую готовили под руководством Петра I его соратники Ф. Прокопович, П. Шафиров, А. Макаров.

По замыслу Ф. Поликарпова «История о владении российских великих князей вкратце» должна была представить правдивое повествование о деяниях Петра I. Краткая история допетровского времени рассматривалась им как необходимое введение к характеристике «Петра Алексеевича, ... иже издетска своего возраста даже и до дней сих как божиею десницею от премногих наветов домовных и внешних сохранен, колик путь по земле и по морю

³⁷ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. 1, стр. 154—178.

³⁸ ЦГАДА, Кабинет Петра I, р. IX, отд. 1, № 2, л. 365.

обиде и в коликокрáтных со российскими и европéскими великими потентаты [паче же со свейскою короною] в различных преславных войнах лета свои препровождая всему кругу земному явлен бысть». ³⁹ Ф. Поликарпов подчеркивает, что свою задачу он видит в описании истинных фактов: «О сем зде не риторского хитроплетенного витийства пестротою, но правдивого слова простотою достоверными высоко почтенных лиц словесы и писмами уведомлен [еще и не весьма подробну, но от многих малые собрав] писанию предати по должности моей не оставих, яко да таковая столь преславная дела божия в наш век соделанная поведятся и проповедятся в роде ином во вечное время». ⁴⁰ Составитель «Истории» сообщает в «Предуведомлении любезному читателю», что он намеревается сосредоточить свое внимание на времени правления Петра I: «Яко древняя сократив, токмо тридесятолетнюю историю плодовитее написах, а именно, от лета его царского коронования до лета господня 1710. Сего да не припишиши к моея лености, молю твое любомудрие ... ибо Омир гречески оны острозрителны и стихотворец токмо на десятолетней Троянской войне бывшую Ахиллесову храбрость стихотворными повестьми описав, не токмо не обвинен, но и милости и похвал от преимущих удостоен бысть». ⁴¹ Ф. Поликарпов говорит о важности литературного труда, благодаря которому сохраняются описания «преславных дел» великих людей. Он вспоминает Александра Македонского, не расстававшегося с книгой Гомера, ссылается на Квинта Курция, прославившегося своим повествованием о деяниях великого греческого полководца.

Ф. Поликарпов отделяет, однако, свое сочинение от описания «баснотворных повестей» и противопоставляет им правдивую историю «гражданских и ратоборных и иных великих дел, ... ибо зде не Язонское в Колхиду ради баснотворного златого руна хождение, но истинно претрудное разных азиатских и европейских стран и государств обхождение сухим и морским путем, много бедственное странствование [которым различных ратоборных морского плаванья и протчих премудрых наук корысти далече златое руно превосходящие] описуется преобретение. Зде суть не предние оны велехвалныя Геркулесы от живописных лвов кожу обдирающе, но самому живому [во Европе грозному и знаменитому] лву зубы членовные искореняюще». ⁴²

В этих словах раскрывается не только характерная особенность труда Ф. Поликарпова, полемизирующего с традиционными правилами поэтики, восходящими к Аристотелю, когда для похвалы герою необходимо было соотнести его поступки с деяниями

---

³⁹ БАН.32.6.30, л. 4.

⁴⁰ Там же, л. 4 об.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 5.

богов и античных героев, но намечается совершенно новая линия развития героического образа национальной русской литературы. Именно в этом направлении будет формироваться образ Петра I в литературе XVIII в. В 40—50-х годах Ломоносов напишет: «...едва не до отвращения духа чрез многие веки...древняя греческая и римская, по большей части баснотворная деянция».⁴³ В своих литературных произведениях он обратится к темам и образам древнерусской литературы. В героической поэме «Петр Великий» он выразит свою литературную позицию в предисловии:

Хотя во след иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру.
Не вымышленных петъ намерен я богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.⁴⁴

Ф. Поликарпов как бы предвосхитил эту мысль Ломоносова, сказав в своей «Истории»: «Зде не Македонского Александра дела, о них же дивлящися древле страна Македонская и Афинская, но славныя провинции Финская, Ижерская, Лифляндская, Естляндская, Ингерманландская, Ливонская, Корелская, Полская, Литовская, Саксонская, Померанская, Олсатская и протчие и протчие. Вкратце вся Европа и Азия каковых и коль преславных во храбрости и мудрости видели и уведали Александров сами и неволею проповедают, а яко не ложна суть глаголемая читати последующая благоволи и уверишася от написанных здрав буди».⁴⁵

Эта линия исторически достоверной характеристики Петра I получит свое завершение в творчестве Пушкина — автора поэм «Полтава» и «Медный всадник».

Создавая «Историю», Ф. Поликарпов неизбежно столкнулся с проблемой литературного языка. Опытный переводчик и справщик (редактор) Печатного двора, Поликарпов ясно представлял, какие необыкновенные трудности его ожидают. Описание героических дел по правилам риторик конца XVII—начала XVIII в. требовало употребления книжно-славянских форм речи — «высокому роду глаголанья»⁴⁶ (позднее сформулированного Ломоносовым как высокий стиль). Но в то же время в практике развивающейся разговорной речи и гражданской печати начала XVIII в. осуществлялись совершенно другие формы развития русского языка в сторону их взаимного сближения. Те многочисленные реляции и «изъяснения», которые Ф. Поликарпов вводил в свою «Историю», представляли образцы именно такого языка, снижаю-

---

⁴³ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. VIII. Поэзия, ораторская проза, надписи. М.—Л., 1959, стр. 809.

⁴⁴ Там же, стр. 696.

⁴⁵ БАН.32.6.30, л. 5 об.

⁴⁶ В. П. Вомперский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970, стр. 30—54.

щегося подчас до бытового просторечия, но наряду с этим широко применявшего варваризмы петровского времени.

Пытаясь согласовать замысел своего произведения (героического по преимуществу) с литературным стилем, Ф. Поликарпов совмещает лексику высокой книжно-славянской речи с многочисленными кальками иностранных слов, отображающими новые явления общественной, военной и политической жизни того времени. Поэтому в языке его «Истории» слой варваризмов даже более значителен, чем в сочинениях, вышедших из круга Петра I в период работы над «Гисторией Свейской войны». Ф. Поликарпов, по-видимому понимая это, поместил в своей «Истории» «лексикон вокабулам новым по алфавиту», который должен был облегчить понимание отдельных слов, еще не вошедших в широкое употребление.

В марте 1715 г. была закончена работа Ф. Поликарпова над «Историей»,⁴⁷ а 2 января 1716 г., по сообщению И. И. Голикова, Петр I рассматривал «сочиненную для обрасца часть российской истории и трезычный лексикон и хотя он не был этими трудами доволен, повелел дать трудившемуся 200 руб.»⁴⁸ О печатании «Истории» не могло быть и речи. Не удовлетворил Петра I и «Лексикон» Поликарпова. В БАН хранится отдельная рукопись этого «Лексикона» с многочисленными поправками и дополнениями Петра I,⁴⁹ которую безнадежно просил вернуть ему в Москву Ф. Поликарпов.⁵⁰

Опыт работы над «Историей» обогатил Ф. Поликарпова. В следующем своем труде — переводе 1716 г. «Географии генеральной» Б. Варения он писал в «Предисловии»: «... употребих наречия и сочинения общенароднаго российского паче, неже славянского. Есть же, где обретается, в толиком количестве книги, речь и славянская, но оную внятно читающему мощно познати от предидушаго и последующаго во чтении разума, камо оная клонится и что знаменует».⁵¹

Рукопись «Истории» Ф. Поликарпова, как уже указывалось выше, после смерти Я. Брюса попала в Академическую библиотеку и оказалась включенной в печатное описание — «Камерный

⁴⁷ Об этом свидетельствует приписка в конце списков БАН.32.6.30, л. 508; ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 396.

⁴⁸ И. И. Голиков. Дополнения к Деяниям Петра Великого, т. XI. М., 1794, стр. 7.

⁴⁹ БАН.32.6.14, л. 1^а об. Приписка библиотекаря А. И. Богданова: «Приправа на листах собственной руки государя императора Петра Великого».

⁵⁰ В письме от 22 апреля 1715 г. И. А. Мусину-Пушкину Ф. Поликарпов писал: «Лексикон мой, государь, латино-словенский моей руки прикажи ко мне прислать, потому что без него ни сей книги, ни иной возможно мне преводить» (Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа. 1715—1717. — Русский архив, 1868, № 7—8, стб. 1042).

⁵¹ БАН, Петровская галерея, № 72, л. 9 об.

каталог» 1742 г. под № 17. Мы не располагаем сведениями о том, что с этим сочинением был знаком Ломоносов, широко использовавший фонды Академической библиотеки.⁵² Но факт такой не исключен, если учесть большой интерес Ломоносова к сочинениям о Петре I его современников.⁵³

* * *

Изучение «Истории России» Ф. Поликарпова и анализ причин его неудач показывают трудности историко-литературного процесса начала XVIII в., когда на смену старым летописным приемам приходили исторические сочинения иного типа, в которых передовые просветительские идеи были выражены в новой литературной форме.

Исторические труды Татищева и литературные сочинения Ломоносова были следующей ступенью в формировании повествовательной прозы XVIII в.

---

⁵² См.: Е. Б. Рысс и Г. М. Коровин. Ломоносов — читатель Библиотеки Петербургской Академии наук. — Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, т. III. М.—Л., 1958, стр. 282—302.

⁵³ В письме к И. И. Шувалову в ответ на его предложение помочь Вольтеру материалами о Петре I Ломоносов сообщал: «У меня сколько есть записок о трудах великого нашего монарха, все для сего предприятия готовы» (М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 525).

М. В. НИКОЛАЕВА

«ТЕСТАМЕНТ» ПЕТРА I ЦАРЕВИЧУ АЛЕКСЕЮ

В июне 1718 г. в Петербурге по приказу Петра I было обнародовано «Объявление розыскного дела и суда ... на царевича Алексея Петровича», представлявшее собой сборник материалов-документов, сопровождавшихся краткими комментариями издателя. Все это в своей совокупности отражало историю взаимоотношений между Петром I и сыном его Алексеем в период между 11 октября 1715 г. и 3 февраля 1718 г., а также ход следствия и суда над царевичем в феврале—июне 1718 г. «Розыскное дело» было составлено из писем царя к сыну и ответов на них царевича; письменных показаний-ответов царевича Алексея на поставленные ему отцом вопросы; писем царевича из Цесарии (Австрии), адресованных «к сенаторам» (одно) и «к архиерею» (тоже одно); показаний «внебрачной жены» Алексея Афросиньи; двух «Объявлений» Петра I, из которых одно было обращено к архиереям с требованием дать ему письменное «наставление и рассуждение» по вопросу о том, «какого наказания сие богомерзское и Авесоломову прикладу уподобляющееся намерение сына нашего, по божественным заповедом, и протчим святаго писания прикладам и по законам, достойно», а другое — «к мирским чинам»: «господам министрам, сенату и стану воинскому и гражданскому» с аналогичным же требованием учинить «нелицемерный суд над царевичем». Далее в Деле следовали ответы на эти «Объявления» царя от иерархов — «Рассуждение духовного чина», скрепленное четырнадцатью подписями, и от гражданских чинов «выписки» из «божественнаго писания обоих Заветов, такожде из Уложения и из Военнаго артикула к тому приличныя статьи, чего оныя преступления достойны». Затем в Деле излагались допросы царевича министрами, сенаторами и прочими чинами. Последнюю, завершающую часть «Розыскного дела» составил текст смертного приговора царевичу, подписанный 127 лицами, высшими государственными чинами,

Перед нами сборник, составленный из разнородного и разновременного материала: письма, «Объявления», допросные вопросы и ответы, судебный приговор. Он создавался, очевидно, прежде всего как юридический документ, как обвинительный акт против царевича. Об этом свидетельствует уже само его название: «...разыскное дело и суд ... на царевича Алексея Петровича». Но несмотря на разнородность составных частей и на то, что перед нами судебно-следственный документ, «Разыскное дело», по нашему глубокому убеждению, преследовало отнюдь не только узкоделовые, юридические цели и задачи. Оно представляет собой явление гораздо более сложное, значительное, далеко выходящее за рамки частного дела, судебного документа. Как в целом, так и в отдельных составных частях оно подчинено задачам открыто публицистическим, пропагандистским, воспитательным и обращено было к современникам и потомкам. Именно этот публицистический аспект «Разыскного дела» и составляет предмет исследования в данной статье.

Устанавливая виновность царевича, сбежавшего в Цесарию и искавшего там помощи со стороны иностранных держав для вооруженной борьбы со своим отцом, «Разыскное дело» подчеркивало, что главной целью наследника и его сторонников было противодействие преобразовательной деятельности Петра I, ликвидация новых, петровских начал в русской жизни, возврат к прошлому.

Пафос «Разыскного дела» не в установлении самого факта измены царевича, а в показе, во-первых, всей глубины опасности для судеб родины, которая таилась в политических притязаниях царевича и его единомышленников, и, во-вторых, в страстной защите разумной, государственно-патриотической и последовательно принципиальной позиции Петра I, который в тяжких и неусыпных трудах создавал новую Россию, могущественное и просвещенное государство.

Защита петровской программы преобразований и обоснование необходимости самой суровой борьбы с ее противниками — это те задачи, которыми руководствовался составитель «Разыскного дела» при отборе подлежащего публикации материала и при организации, компоновке его внутри сборника. Следует подчеркнуть, что опубликованное «Разыскное дело» — это лишь небольшая часть обширного материала, составлявшего судебно-следственное дело царевича Алексея.¹ Но то немногое, что предназначалось для широкой огласки, позволяло создать определенное представление о внутреннем облике царевича, о существовании его разногласий с отцом и о том, что эти разногласия имели как частный, личный, индиви-

---

¹ См. публикацию его Н. Устряловым в «Приложениях» к VI т. «Истории царствования Петра Великого» (СПб., 1859), а также «Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г. В. Есиповым, с приложением разсуждения М. П. Погодина» (М., 1861).

дуально-психологический аспект (несходство характеров), так и общественно-политический (неприятие наследником государственной преобразовательной программы отца). При этом в «Разыском деле» содержались не простая констатация фактов, свидетельствовавших о виновности одной стороны и непогрешимости другой, не простое указание на противоречие и конфликт между царем и наследником-сыном. Упор сделан на показе того, как и почему это произошло, на раскрытии и воспроизведении самого процесса, как он протекал во времени, самой истории возникновения и нарастания противоречий вопреки решительным попыткам Петра I погасить эти противоречия, изменить нрав и поведение сына. Именно установкой на конкретно-историческое осмысление дела царевича и на объективность суждений и оценок следует объяснить введение в состав «Разыского дела» переписки Петра I с сыном о престолонаследии, начавшейся задолго до роковых событий и продолжавшейся около года (октябрь 1715—август 1716 г.). Этой установкой определено и само расположение переписки внутри сборника. Она не просто приложена к Делу в качестве дополнительного следственного материала, но открывает собой сборник как органическая составная часть его, притом едва ли не важнейшая, раскрывающая внутреннюю логику событий, исследуемых и оцениваемых в «Разыском деле».

Поместив письма царя к сыну в начале сборника, составитель тем самым определенным образом направлял и организовывал мысль читателя, показывая ему, что преступление царевича и суд над ним — явление не случайное: оно было печальным итогом крайне сложных и трудных взаимоотношений между отцом и сыном; бегству царевича за границу, его измене предшествовали годы, когда царь прилагал настойчивые усилия по его перевоспитанию, стремился изменить, исправить его нрав, убеждения, идеалы, поведение. Но эти усилия неизменно наталкивались на упорное, хотя и молчаливое, скрытое сопротивление сына, поддерживаемого недоброжелателями отца, и потому оказались тщетными. Следовательно, переписка Петра с сыном, включенная в состав «Разыского дела», выполняла в нем важную идейно-композиционную функцию. Она вносила известный историзм в осмысление дела царевича, определяла исходные позиции сторон, обнажала корни тех пагубных намерений и действий наследника престола, которые, по словам Петра I, были Авессаломовым делом.

Другие материалы, помещенные в «Разыском деле» следом за перепиской царя с царевичем, отражали ход следствия и суда над возвращенным из-за границы наследником престола. В этой части «Разыское дело» должно было убедить читателя в том, что давнее несогласие, отчуждение между царевичем и царем-отцом переросло границы внутрисемейного разлада и приобрело качественно иной, политический смысл и иные, государственные масштабы. Царевич Алексей стал знаменем враждебных прави-

гельству реакционных сил, лелеявших мечту о захвате власти, об уничтожении петровских преобразований, о возврате к допетровским нормам жизни.

В итоге становилась ясной общая концепция «Разыскного дела», которая могла бы быть сформулирована следующим образом: от непослушания и разногласия с отцом — к политическому предательству, государственной измене и в конечном счете к гибели — таков бесславный, но в известном смысле закономерный и весьма поучительный жизненный путь царевича Алексея, уподобившегося библейскому Авессалому.

Концепция эта отражала официальную точку зрения на дело царевича Алексея. Она осуждала противодействия наследника преобразовательной политике отца и обосновывала неизбежную гибель всякого, кто пытался ей противиться. Именно поэтому Петр стремился сделать ее достоянием как можно более широкого круга читателей. Ею он руководствовался не только при составлении «Разыскного дела», но и при самой организации судебного процесса. Суд над Алексеем имел широкие государственные масштабы. К участию в нем привлекались сотни лиц, все высшие гражданские чины и церковные иерархи. Суд над царевичем был в то же самое время судом над его сторонниками и вдохновителями и завершился их полным разгромом.

«Разыскное дело» по повелению Петра получило самую широкую гласность. Оно стало достоянием не только русской, но и иностранной читающей аудитории. Приказ о напечатании «Разыскного дела» «для известия всенародного» был отдан сразу же после вынесения смертного приговора царевичу и за день до его смерти. Изданное в июне 1718 г., Дело это переиздавалось при жизни Петра несколько раз.² Кроме того, в ходе разбирательства были опубликованы два «Манифеста», один — о лишении царевича Алексея прав на наследование престола, с пространным

---

² Объявление разыскного дела и суда по указу его царского величества на царевича Алексея Петровича в Санктпетербурхе отправленного и по указу его величества в печать, для известия всенародного, сего июня в 25 день, 1718, выданное. Изд. 2-е. Петербург, 1720. По сведениям А. В. Гаврилова, «Объявление» в 1718 и 1720 гг. было напечатано в количестве 4536 экземпляров (1136 и 3400), см.: Очерк истории С.-Петербургской синодальной типографии, вып. 1. СПб., 1911, стр. 56. Но, по мнению Т. А. Быковой и М. М. Гуревича, существовало и еще несколько изданий «Объявления», которые разнятся по набору, в некоторых случаях — по концовкам и иногда по правописанию. Судя по украшениям и правописанию, они, несомненно, отпечатаны в Петербургской типографии, но в какие именно годы напечатано каждое издание, в настоящее время решить невозможно. См.: Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955, стр. 236. «Объявление» по делу о царевиче Алексее сразу же было переведено на иностранные языки. См. об этом: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862, стр. 426—428.

обоснованием этого решения, а другой — по делу матери царевича, первой жены Петра I, Евдокии Лопухиной.

Но если Петр считал необходимым самое широкое распространение «Разыскного дела» среди подданных, неоднократно публикуя его и рассылая «в Коллегии и Канцелярии и в губернии, по городам и по церквам», выносил его не только на суд России, но и Европы, предупреждая тем самым возможные кривотолки по столь важному государственному вопросу, то внук его, император Петр II, сын казненного царевича, вступив на престол (май 1727 г.), первым делом, наперекор своему деду, строжайше запретил чтение, хранение и распространение «Разыскного дела», а вместе с тем и других документов — «Манифестов», имевших отношение к суду над Алексеем и тоже изданных в «народ».

Специальный именной указ, принятый Верховным тайным советом 26 июля 1727 г., «Об отобрании Манифестов, выданных из бывшей Розыскной канцелярии», гласил: «Объявляется во всенародное известие. Его императорское величество указал выданные в народ в прошлых годах Манифесты, которые опубликованы по делам, бывших в Розыскной канцелярии, под ведением Петра Толстова, где оные ныне на лицо есть, також и те, которые разосланы были в Коллегии и Канцелярии и в губернии, по городам и по церквам, все собрать в одно место, а именно в Санктпетербурге и ближних сюда губерний в Сенат, а в Москве и прочих ближних к ней губерний в Сенатскую контору, чтоб впредь ни в которых Коллегиях и Канцеляриях також и в городах по Канцеляриям же и по церквам, оных отнюдь не было и не читали. А которые всяких чинов люди такие Манифесты в домах своих имеют, тем приносить и отдавать в Санктпетербурге в Сенат, а в Москве в Сенатскую контору; а которые живут в других городах и уездах, тем отдавать каждому в своем городе губернаторам или воеводам, которые у них принимать с записками, а им, губернаторам и воеводам, оные присылать в Москву в Сенатскую контору; и впредь никому тех Манифестов в домах своих ни под каким видом не держать и не читать. А кто имея у себя те Манифесты в домах и не объявит, или из Коллегий и Канцелярий собрав, в те места не отдадут, за то те люди отданы будут к суду. А в которых годах и месяцах и числах те Манифесты печатаны и в народ выданы, тому при сем указе сообщена роспись».³

В «Росписи» были указаны следующие четыре документа Розыскной канцелярии, возникшие в процессе следствия и суда над царевичем и тогда же изданные для всенародного известия:

1. «Февраля 3 дня 1718 года о наследствии», т. е. «Манифест» о лишении царевича Алексея прав на престолонаследие, издан-

³ Полное собрание законов Российской империи, т. VII. [СПб.], 1830, стр. 831—832.

ный «в Москве в 3 день 1718 года»,⁴ сразу же после возвращения царевича из-за границы, куда он бежал с целью найти покровительство цесарского короля и помощь для борьбы за престол.

2 и 3. «Того же года июня 25 дня, объявление блаженныя памяти о государе царевиче, и другой по делу Глебова и епископа Досифея». Под «объявлением» имелось в виду указанное выше «Разыскное дело», напечатанное в июне 1718 г. в Санкт-Петербурге. Что же касается дела Глебова и епископа Досифея, то оно также было издано «в Санктпетербурхе 1718 году месяце марте» под следующим названием: «Манифест или объявление, которое чтено в Столовой палате при освященном соборе и его царскаго величества при министрах и прочих духовнаго и гражданскаго чина людех, лета 1718 марта в 5 день».⁵

В этом «Манифесте» гражданам России объявлялись ход и содержание производившегося в феврале 1718 г. розыска по делу старицы Елены, первой жены Петра, Евдокии Федоровны Лопухиной, которая в 1697 г. была сослана царем в Покровский монастырь в Суздале, а через год насильственно пострижена «для некоторых своих противностей и подозрения».⁶

В «Манифесте» бывшая царица обвинялась в том, что она нарушила монашеский обет и, сняв с себя иноческое платье через полгода после пострижения, жила в монастыре миряночкой; в том, что полюбила капитана Степана Глебова, приехавшего в Суздаль для набора рекрутов, и в течение двух лет находилась с ним в близких отношениях; что вопреки воле царя поддерживала тайные сношения с сыном Алексеем и что надеялась вернуться к Петру и вновь быть царицею.⁷

Чтобы ни у кого не оставалось сомнения в виновности бывшей царицы и ее друзей, в «Манифесте» воспроизводились, в частности, «пророчества» и «видения» ростовского епископа Досифея, подлинные документы — «улики», в особенности же письма (три «своеручные» письма Евдокии к Степану Глебову, ее письмо с повинной Петру I, письмо Досифея к царевне Марье Алексеевне и его повинное письмо к царю).

Наконец, 4. «Устав о наследствии престола российскаго, февраля 5 дня 1722 года»,⁸ менявший порядок наследования императорской власти в России. Согласно новому уставу царь волен был по своему усмотрению назначать себе преемника.

⁴ Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. VI, стр. 438—444.

⁵ Там же, стр. 477—487; П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II, стр. 414—419.

⁶ Эти слова в черновом листе «Манифеста» были вписаны рукою самого Петра I, см.: Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. VI, стр. 477, примеч. 206.

⁷ Г. Есипов. Царица Евдокия Федоровна. М., 1863.

⁸ Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I. М.—Л., 1945, стр. 174—176.

Возникновение опасных для судьбы государства замыслов царицы объяснялось здесь отчасти несовершенством прежнего закона — «обычая», по которому власть в стране наследовал старший сын царя, независимо от его личных достоинств или недостатков: «Понеже всем ведомо есть, какую авесаломскою злостью надмен был сын наш Алексей, и что не раскаянием его оное намерение, но милостию божиею ко всему нашему отечеству пресеклось (что довольно из Манифеста о том деле видимо есть), а сие ни для чего иного у него взросло, токмо от обычая старого, что большому сыну наследство давали; к тому ж один он тогда мужеска полу нашей фамилии был, и для того ни на какое отеческое наказание смотрет не хотел».⁹

Вводившийся Петром I новый порядок наследования императорского престола не только открывал ничем не ограниченные возможности «правительствующему государю» выбора наследника,¹⁰ но и повышал, что особенно важно, требования к самой личности будущего правителя, убеждения и дела которого должны были соответствовать принципу «пользы отечества». Право на престол не просто наследовалось, но и заслуживалось.

Запрет Петра II на чтение и хранение материалов следствия и суда над его отцом распространялся не только на четыре названных в указе «Манифеста», но и на «прочие, ежели к тем делам явятся приличные».

Очевидно, что суровый указ Петра II был продиктован как сыновними чувствами юного императора, так и соображениями политическими. «Разыскное дело», другие «Манифесты», а главное — образ царицы Александры, каким он виделся со страниц этих документов, возбуждали, конечно, нежелательные для нового правительства толки, суждения, оценки и мало способствовали политическому и нравственному авторитету этого правительства.

Действие именного указа оказалось, однако, столь же недолговечным, как и само царствование Петра II. Со смертью пятнадцатилетнего императора (1730) и с воцарением Анны Иоанновны он потерял свою силу. Несмотря на запрет и на то, что в результате него печатные экземпляры «Манифестов» стали большой редкостью, они все же не исчезли вовсе. Так, «Объявление розыскного дела и суда» на протяжении всего XVIII в., в особенности же в период двадцатилетнего царствования Елизаветы Петровны, отмеченного возрождением культа Петра I, властно притягивало к себе читателей и писателей и потому имело широкое хождение в рукописных копиях, содержащихся преимуще-

⁹ Там же, стр. 175.

¹⁰ «Кому оной хочет (государь, — М. Н.), тому и определит наследство и определенному, видя, какое непотребство, паки отменит, дабы дети и потомки не впали в такую злость... имея сию узду на себе». Цит. по кн.: Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, стр. 176.

ственно в составе исторических сборников и компиляций, посвященных петровскому царствованию.

Свидетельством широкой известности «Разыскного дела» при Елизавете Петровне может служить, например, рукописная редакция «Жития Петра Великого» Катифора, составленная в 1743 г. переводчиком Коллегии иностранных дел Стефаном Писаревым. С. Писарев значительно расширил иностранный текст «Жития» путем введения в него серии исторических документов петровского времени, в том числе и «Разыскного дела», воспроизведенного, однако, не по русскому оригиналу, а в переводе с французского.¹¹ Спустя почти тридцать лет С. Писареву удалось издать свой труд, хотя и в новой, несколько урезанной по цензурным причинам редакции.¹²

Таким образом, несмотря на попытку полного изъятия из обращения «Разыскного дела», сборник этот в том или ином виде находился в репертуаре широкого массового чтения на протяжении почти всего XVIII столетия. Как следует из всего ранее сказанного, причины устойчивого интереса к «Разыскному делу» можно видеть в сугубо публицистическом характере этого сборника как в целом, так и в отдельных его составных частях. В этом отношении наибольший интерес вызывает переписка Петра I с сыном. Она, как уже говорилось, велась с перерывами с октября 1715 по август 1716 г., а позднее, в 1718 г., была введена в состав «Разыскного дела», заняв в нем первое по порядку место.

Переписка состоит из трех писем Петра и ответов на них царевича. Обращенные к одному и тому же лицу и посвященные обсуждению одного и того же комплекса нравственно-этических и политических вопросов, связанные между собой временной последовательностью, письма Петра I к сыну могут быть рассмотрены как относительно самостоятельное звено в составе «Разыскного дела». Письма эти, в которых предпринималась последняя и решительная попытка преодолеть личные и политические разногласия с сыном, принадлежат к числу известных исторических документов эпохи и как таковые давно вошли в научный оборот.¹³ Но они интересны и в плане историко-литературном: в них проявилось публицистическое дарование Петра I, его настойчивое и горячее стремление к воспитанию современников в духе идей

¹¹ См.: В. В. Буш. «Житие Петра Великого» Стефана Писарева. Пгр., 1915.

¹² Житие Петра Великого... На российский язык перевел Стефан Писарев. СПб., 1772.

¹³ Кроме «Разыскного дела», где они публиковались по распоряжению и под наблюдением самого Петра, письма вновь по подлинным рукописям изданы Н. Устряловым в «Истории царствования Петра Великого» (т. VI, Приложения). В распоряжении Н. Устрялова были рукописи, две из которых (письмо первое от 11 октября 1715 г. и письмо второе от 19 января 1716 г.) — писарские копии, правленные и подписанные Петром, а третья (письмо от 16 августа 1716 г. из Копенгагена) — собственноручная.

общественных преобразований и высокой гражданственности. Адресованные сыну, письма царя по существу решавшихся в них проблем обращались не только к нему, но и к самой широкой читательской аудитории, к русскому и мировому общественному мнению. Доказательством тому служит как содержание писем, так и факт их неоднократной публикации громадным по тому времени тиражом, осуществлявшейся по воле автора «как известия всенародного».

И действительно, в письмах к сыну Петр вел вдумчивое и темпераментное обсуждение волновавших его общественно-политических, государственных проблем. Больше всего его заботило будущее создаваемой им новой России, будущее дела всей его жизни, которое он ставил в прямую зависимость от личности правителя страны. В этих письмах внимание автора и читателя сосредоточивается именно на обсуждении, характеристике и оценке самой личности наследника, его убеждений и нрава, его индивидуальных свойств и качеств со стороны их соответствия, вернее, несоответствия тем требованиям, которые царь предъявлял к своему преемнику.

Аналитический подход к характеру исторического лица, который наблюдается в письмах Петра к сыну, — явление не случайное для литературного процесса и не безразличное для исследователя. В этом отношении русская литература к XVIII в. выработала богатые традиции. Известно, что именно в публицистических «посланиях», письмах, «наказаниях» и «поучениях» XVI—XVII вв. (в переписке Грозного с Курбским, в «наказаниях» митрополита Даниила, в послании и наказании от отца к сыну Сильвестра,¹⁴ в письмах, «челобитных» и других жанрах писателей-старообрядцев — протопопа Аввакума, Ивана Неронова, Никиты Добрынина),¹⁵ а также в исторических жанрах последнего полутора столетия древнерусской литературы (в «Истории» Андрея Курбского, в повестях о «Смуте», в Хронографах II и III русской редакции) впервые возникают характеры людей, исторических деятелей своего времени.¹⁶

В рассматриваемых письмах Петра I поддерживались и развивались те же традиции. В них раскрываются нрав, симпатии и антипатии, идеалы и убеждения, характер наследника престола, а вместе с тем здесь отчетливо проявилась и авторская индивидуальность. Послания Петра I к сыну несут на себе печать глубо-

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц. К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV вв. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.—Л., 1958, стр. 24.

¹⁵ А. С. Елеонская и др. История русской литературы XVII—XVIII вв. М., 1969, стр. 159—178.

¹⁶ Д. С. Лихачев. 1) Проблемы характера в исторических произведениях начала XVII века. — ТОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1961, стр. 218—234; 2) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958; изд. 2-е — 1970.

кой семейной драмы царя-преобразователя, которая в конечном счете была проявлением величайшей драмы самой эпохи преобразований, борьбы между нарождавшейся и крепнувшей новой Россией и старой допетровской Русью, той борьбы, которая определила собой направление и развитие всей русской культуры конца XVII и первых десятилетий XVIII в.

Говоря о публицистическом характере посланий царя к сыну, мы имеем в виду также их яркий стиль, разнообразие приемов и способов воплощения авторских идей.

Все сказанное относится особенно к первому письму, датированному 11 октября 1715 г. и озаглавленному «Объявление сыну моему», а в ходе изложения названному «тестamentом». Именно здесь впервые со всей остротой осознания меры личной ответственности и общественной значимости обсуждаемых проблем выявляются предметы давнего спора и несогласий между отцом и сыном, сущность конфликта между ними и разность занимаемых ими позиций.

Именно здесь, показав пагубность заблуждений сына, оцененных с точки зрения интересов государства, Петр стремится во что бы то ни стало внушить ему понимание необходимости энергичной деятельности в согласии с опытом и волей отца-преобразователя. Первое письмо поэтому должно стать предметом наиболее пристального внимания.

Научное осмысление сущности борьбы между царем Петром I и его наследником сыном Алексеем стало возможным лишь в XIX в. после того, как историком Н. Устряловым был собран и систематизирован огромный документальный материал о царствовании Петра I, опубликованный в его многотомной «Истории», где царевичу Алексею Петровичу отведен целиком 6-й том.

Исследования ряда историков, посвященные проблеме взаимоотношений между царем Петром и царевичем Алексеем, привели к тому убеждению, что конфликт между ними — это лишь частное проявление общего драматического характера самой эпохи преобразований. Так, основной вывод, вытекающий из всего хода специального исследования М. Погодина, формулируется автором в следующих словах: «Суд над царевичем Алексеем Петровичем есть такое происшествие, которое имеет великое значение в русской истории; это граница между древней и новой Россией, граница, орошенная кровью сына, которую пролил отец».¹⁷

Наиболее аргументированное и убедительное объяснение семейной драмы Петра I и наиболее объективная оценка дела царевича Алексея, принятая в основном и современной исторической наукой, содержатся в «Истории России» С. Соловьева.

---

¹⁷ М. Погодин. Суд над царевичем Алексеем, Эпизод из жизни Петра Великого. [Б. м.], 1859, стр. 3.

По мнению С. Соловьева, выступление царевича Алексея было направлено против самых основ преобразовательной политики отца и не являлось выражением лишь его личных, сугубо индивидуальных убеждений и чувств, замкнутых в нем одном. Это отношение, убеждение и чувства были взлелеяны, всячески поощрялись и поддерживались представителями консервативного боярства и старинных княжеских семей, а также реакционным духовенством. Следовательно, конфликт между наследником престола и царем-отцом оказался одним из частных проявлений того общего и закономерного конфликта эпохи, который определен Соловьевым как борьба старого с новым. Выдающимся русским историком сказаны по этому поводу глубокие и проникновенные слова: «Время, нами описываемое, есть время тяжелой и кровавой борьбы, какая обыкновенно знаменует великие перевороты в жизни народов. Во время этих переворотов рушатся самые крепкие связи; борьба не ограничивается жизнью общественною, площадью, она проникает в заповедную внутренность домов, вносит вражду в семейства... Не удивительно, что страшный переворот, который испытывала Россия в первую четверть XVIII в., внес разделение и вражду в семью преобразователя и повел к печальной судьбе, постигшей сына его».¹⁸

Первое послание, «Объявление сыну моему», обозначило собой тот период в развитии взаимоотношений царя и наследника престола, когда противоречия между ними достигли полной силы и определенности. Задача послания в том и состояла, чтобы еще раз напомнить сыну о его главнейших недостатках, определить круг непреложных требований к нему как к наследнику и побудить его действовать в духе этих требований, в духе той государственной программы, которая была выработана и успешно осуществлялась отцом. В противном же случае, если отеческие внушения и на этот раз не будут восприняты и усвоены в качестве руководства к действию, отец объявлял ему о своей твердой и непреклонной воле лишить его прав на наследование престола. Иначе говоря, «Объявление сыну моему» преследовало в первую очередь воспитательные цели и задачи, и было оно не обычным письмом к сыну, а именно наставлением, поучением или, согласно авторскому определению, «тестаментам», «заветом». Именно воспитательным задачам и целям соответствует композиционная и образно-стилистическая структура этого примечательного произведения.

Несмотря на полемическую манеру изложения, «тестамента» отличается композиционной четкостью и завершенностью. В нем отчетливо выделяются три части, логически связанные между собой. Главная, центральная часть, написанная в форме прений отца

---

¹⁸ С. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IX, т. 17—18. М., 1963, стр. 105—106.

с сыном по кардинальным вопросам управления государством, предваряется вступлением, в котором идет речь о победах над шведами и о путях достижения этих побед, и завершается заключением, которое является логическим следствием всего изложенного в предыдущих частях. В нем содержится итоговое, выраженное в ультимативной форме требование к сыну «изменить свой нрав» и угроза лишить прав на власть в случае неповиновения.

Вступление оформляется в виде антитезы, характерной для официальной петровской публицистики вообще, согласно которой Россия времени Петра I — это «новая Россия», это «свет», а Русь предшествовавшей поры — это «старая Русь», «тьма». Старая Русь из-за своего «неискусства» в войне принуждена была сносить безмерно тяжкие «угнетения и обиды» от врагов-шведов, которые «не толико ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но ... и со всем светом коммуникацию пресекали».¹⁹ С особой болью Петр вспоминает здесь свои собственные неудачи, которые ему пришлось претерпеть в начале Свейской войны: «О коль великое гонение от сих всегдашних неприятелей ради нашего неискусства в войне претерпели и с какою горестию и терпением сию школу прошли!». Однако ж не бесполезной была эта «школа». Несмотря на поражения в первые годы войны, Россия не склонилась перед врагом, но накапливала опыт, напрягала усилия, умножала мощь своего оружия и в результате сокрушила шведскую гордыню: «тьма» отступила, и воцарился «свет».

Имея в виду победы над Швецией, Петр с гордостью восклицал: «Оный неприятель, от которого трепетали, едва не вящее от нас ныне трепещет!». Но он настойчиво подчеркивал при этом, что победы над столь сильным и опасным врагом дались нелегко и не по воле случая, а лишь «моими бедными и прочих истинных сынов российских равноревностных трудами достигнуено» (разрядка моя, — М. Н.).

От вступления, выполненного в виде развернутого противопоставления печального прошлого и радостного настоящего России, Петр обращался к главной теме своего послания: к вопросу о наследнике престола и о будущем России, которое он ставил в зависимость не от бога, а от личности предполагаемого правителя, сына своего, объявленного ранее наследником престола. Петра крайне тревожило сознание того, что убеждения и жизненные идеалы царевича решительно расходятся со взглядами отца, что наследнику престола чужда и враждебна та титаническая работа по всестороннему обновлению России, которой одержим он сам, царь, что сын сторонится этой работы и противится ей всем своим существом.

---

¹⁹ Цит. по кн.: Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. VI, стр. 346—348. (Далее ссылки на это издание даются в тексте).

Царя страшила и угнетала мысль, что после его смерти, которая, как ему казалось, уже совсем не за горами, царевич станет «разорителем» всех его дел и начинаний. Свои сомнения и переживания он не делал тайной для сына, как и для кого бы то ни было еще. Напротив, многократно и настойчиво говорил о них наследнику. Так, уже в первом послании он с горечью вопрошал, обращаясь к сыну: «... я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью вышняго насаждение и уже некоторое и возвращенное оставляю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (си речь все, что бог дал, бросил)?». О тех же неослабевающих тревогах и сомнениях скажет он и во втором своем послании, написанном спустя несколько месяцев после первого и после нового, еще более тяжелого приступа болезни, когда окружающие уже не надеялись на выздоровление занемогшего царя (стр. 50). Тяжкие недуги, мысли о смерти побуждали, очевидно, царя к безотлагательному решению вопроса о наследнике, о том, в чьи руки перейдет управление страной после него.

Второе послание выражало крайнее недовольство царя тем ответом, который он получил от сына на свое первое письмо к нему. В связи с этим он писал: «... рассуждаю, что не zelo смотришь на отцово преждение... ибо когда ныне не боишься, то как по мне станешь завет хранить! Что же приносишь клятву, тому верить невозможно... К тому ж и Давидово слово: всяк человек — ложь. Также хотя б и истинно хотел хранить, то возмогут тебя склонить и принудить большия бороды, которыя, ради тунеядства своего, ныне не во авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен zelo. К тому ж, чем воздаешь рождение отцу своему? Помогашь ли в таких моих несносных печалех и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи, что всем известно есть. Но паче ненавидишь дел моих, которыя я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и конечно по мне разорителем оных будешь. Того ради, так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно; но или отмени свой нрав и нелепимерно удостой себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо что ныне мало здоров стал» (стр. 349—350).

Об отсутствии душевного покоя, вызванном все тем же недовольством поведением наследника, Петр писал и в третьем своем письме к нему (стр. 351).

Личность наследника престола, склад его ума и характера — это в глазах Петра не частный, семейный вопрос, а проблема первостепенной государственной важности, в известном смысле проблема будущего новой России, ее побед и преобразований, достигнутых ценой величайших усилий всего народа и полного самоотвержения самого царя. Вот почему забота о воспитании наследника была постоянной и тревожной заботой Петра и вот почему

требования к Алексею были столь суровыми и бескомпромиссными.

Вернемся к анализу первого послания. Его центральная часть начинается с непосредственного обращения царя к сыну с выражением глубочайшей горести, вызванной нерадивостью наследника его нежеланием трудиться, идти по пути, проложенному отцом: «Егда же сию богом данную нашему отечеству радость (т. е. победу над шведами, — *М. Н.*) рассмотря, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, видя тебя, наследника, весьма на правление дел государственных непотребнаго (ибо бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость телесную весьма отнял: ибо хотя не весьма крепкой природы, обаче и не весьма слабой)».

Больше всего Петра тревожила нелюбовь царевича к воинскому делу, успехами которого Россия преобразилась и открыла дорогу к новой жизни. «Паче же всего, — сокрушался царь, — о воинском деле ниже слышать хочешь, чем мы от тьмы к свету вышли и которых не знали в свете, ныне почитают!». Создателю русского флота и регулярной армии, одержавшей блистательные победы на полях сражений, воину и полководцу, Петру I больше всего хотелось видеть в характере сына-наследника хотя бы некоторое родство с собой, хотя бы только интерес к тому делу, которым был одержим он сам, только «желание», «охоту», «любовь» к наукам и делам ратным, а без того он не мыслил себе правителя созданной им новой России. «Слабостию ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон, — писал Петр сыну. — Ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может».

Обратите ум и сердце сына к активной и целенаправленной деятельности, подчинив ее принципу государственной пользы, — вот та главная задача, которая решается в центральной части послания. С этой целью автор стремится опереться отнюдь не на веру, а на разум своего сына и на его чувства долга перед отечеством и долга сыновнего. Основным же средством воздействия избирается при этом убеждение, осуществляемое не в форме обычного в древнерусской литературе отцовского поучения и наставления и не путем перечисления правил и норм жизненного поведения. Новизна идей, которыми руководствовался автор и которые стремился во что бы то ни стало внушить своему адресату, актуальность и острота обсуждаемых вопросов требовали иных, более сильных и более действенных форм внушения и агитации. Перед нами не ровное, спокойное движение мыслей и чувств автора, а поток страстей, борьба мнений, горячий взволнованный спор, сопровождаемый то экскурсами в историю, то обращением к своему личному опыту военной и государственной деятельности, то примерами из повседневного быта царской семьи.

Так, настоятельно требуя от наследника престола серьезных знаний, «любви» и «охоты» к воинскому делу, которые необходимы ему как будущему правителю не для того, «чтобы охочь был воевать без законных причины», а для организации надежной обороны от врагов, автор не ограничивается лишь самой формулировкой этого положения, но развертывает целую систему аргументации, проверяя и обосновывая его истинность материалами истории и самой жизни. Личный опыт ведения войны со Швецией давал ему право сказать, что, только создав мощную армию и при крайнем напряжении всех сил, Россия сумела разгромить опасного врага и тем «от тьмы к свету вышла», от бессилия — к силе, от безвестности — к славе. А далее он приводит исторический факт противоположного характера — гибель Византийской империи, который осмысливается как прямое следствие пренебрежения верховной власти вопросами обороны. «Не хочу многих примеров писать, но точию равных нам греков. Не от сего ли пропали, что оружие оставили? — риторически вопрошал царь. — И желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал».²⁰

Но этими доводами автор не ограничивается. Он продолжает расширять и углублять свою аргументацию, прибегая при этом к самым разнообразным способам и приемам.

Зная склад мышления, уклончивый и непокорный нрав своего сына, его скрытое, но упорное несогласие с отцом, царь, как бы предупреждая и опережая его возможный ответ, сам воссоздает предполагаемые возражения, указывает на возможные пути оправданий и уверток сына и последовательно разбивает и отменяет их как ложные и вредные. В связи с этим меняется и форма изложения, характер интонаций. Монологическая речь и относительно сдержанный тон упреков и наставлений сменяются взволнованным спором: возникает своеобразный диалог, диспут между автором письма и его адресатом; авторская речь членится, перебивается предполагаемыми репликами, возражениями, контрдоводами другой стороны. Эти возражения и контрдоводы получают форму предположений, вопросов, которые от лица своего оппонента и за него формулирует сам автор, обращая их одновременно и к самому себе и к адресату: «Аще кладешь в уме своем, что могут то (воинские дела, — М. Н.) генералы по повелению управлять? Но сие воистину не есть резон»; «...слабостию ли здоровья отовариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон»; «Думаешь ли, что многие не ходят на войну, а дела

---

²⁰ Ср. в речи Петра, написанной и произнесенной им 22 октября 1721 г. по случаю заключения мира со Швецией: «Надлежит бога всею крепостию благодарит, однакож, надея на мир, не надлежит ослабеват в воинском деле, дабы с нами не так сталас, как с монархией греческою» (Цит. по кн.: Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, стр. 156).

правятся? Правда, хотя не ходят, но охоту имеют». Предельный лаконизм, четкость и живость — отличительные признаки этого диалога. Это достигается путем применения риторических вопросов и восклицаний, синтаксического параллелизма и разного рода повторов, никогда, однако, не переходящих в однообразие и шаблон («еще кладешь в уме своем», «думаешь ли», «но сие воистину не есть резон», «но и сие не резон» и т. п.).

В споре автора со своим адресатом продолжается обсуждение главной идеи послания о недопустимости пассивного, безучастного отношения наследника престола к воинскому делу, имевшему решающее значение в жизни страны первых пятилетий XVIII в. Но в отличие от предыдущих суждений по тому же вопросу, содержащихся во вступлении и в начале главной части письма, исходящих только от автора, здесь, как мы видели, изложение собственных мыслей ведется с учетом позиций второй стороны, с учетом всех «за» и «против», благодаря чему создается иллюзия подлинного диалога-спора.

Приведенные нами реплики и возражения автору письма, высказанные от лица царевича, дают ясное и четкое представление о жизненных и политических принципах, которыми руководствовался наследник престола. Они могут быть сформулированы кратко в виде следующих тезисов: 1) положение властителя, царя позволяет ему быть лишь «повелителем» и не требует от него труда, глубоких и разносторонних знаний и тем более непосредственного личного участия в тех или иных государственных предприятиях, как бы важны они ни были; 2) военным делом, обороной и вооружением страны в частности, должны заниматься генералы («могут то генералы по повелению управлять», цари «многие не ходят сами на войну, а дела правятся»).

Каждый из этих тезисов, отражающих склад мышления и миропонимания царевича, один за другим подвергается обсуждению, анализу, проверке материалом живой действительности и личных наблюдений автора, и таким путем устанавливается полная несостоятельность и порочность принципов, которыми руководствовался наследник в своей жизненной практике.

Так, ложному представлению сына о том, что править страной — значит будто бы лишь «повелевать», Петр противопоставляет свой опыт и убеждение в великой силе личного примера «начальствующего». Повелевать можно и должно лишь со знанием существа дела; только силой личного примера и инициативы, только полной заинтересованностью в деле и горячей привязанностью, «охотой» к нему царь может направить энергию подданных, вдохновить их на труд и подвиги, без этого он неизбежно уподобится беспомощному птенцу. Это не должно быть уделом царствующей особы. И Петр с волнением обращает к сыну слова: «Аще кладешь в уме своем, что могут то генералы по повелению управлять, но сие воистину не есть резон, ибо всяк смотрит на-

чальника, дабы его охоте последовать». При этом царю приходит на память брат Федор, во дни владения которого «не все ли паче прочаго любили платье и лошадей», точно так же, как «ныне (т. е. уже при самом Петре, — М. Н.) оружие?». Почему так получается? Да потому, что царь Федор Алексеевич больше всего любил лошадей, а главной страстью Петра было воинское дело. «Хотя кому до обоих дела нет, — заключает свою мысль Петр, — но до чего охотник начальствууй, до того и все, а от чего отвращается, от того и все». А если так, «еще сии легкия забавы, которыя только веселят человека (платье, лошади, — М. Н.), так скоро покидают, колми же паче сию зело тяжкую забаву (сиречь оружие) оставят!».

И снова с все возрастающей энергией и нетерпением царь обращает к сыну вопрос за вопросом, упрек за упреком, чтобы показать, как глубоко он неправ в своих суждениях о власти: «К тому же не имея охоты, ни в чем обучаешься, и так не знаешь дел воинских. Еще же не знаешь, то како повелевать оными можеши? И как доброму добре воздать и нерадиваго наказать, не зная силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть». И чтобы предупредить возможные сомнения в справедливости высказанных слов, царь еще раз возвращается к воспоминаниям о своем брате: «Спроси всех, которые помнят вышепомянутого брата моего, который тебя несравненно болезненнее был и не мог ездить на досужих лошадях, но имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и перед очми имел; чего для никогда бывала, ниже ныне есть такая здесь конюшня».

Следовательно, даже серьезные физические недуги, по мнению Петра, не отнимают у человека ни способностей, ни охоты к полезным занятиям. Почему же царевич-сын, не лишенный ни разума, ни некоторой «телесной крепости» и находящийся в том возрасте, когда человек проявляет наибольшую жизненную активность, почему он чурается всякого труда, уклоняется от участия в нужных отечеству делах, ведет жизнь праздную, бесцельную и безнравственную? Царь-отец не только указывает сыну на его недостатки, но и объясняет их, анализирует. По его мнению, виною всему сам царевич, его леность, упрямство и неповиновение, нежелание следовать отеческим наставлениям и пристрастие к людям «замерзельных обычаев», к «большим бородам», которые «ради тунейдства своего ныне не в авантаже обретаются». Развивая эти мысли, царь уподобляет сына известному евангельскому ленивцу, вкопавшему талант свой в землю: «...обращуся паки на первое, о тебе разсуждая, — пишет царь сыну, — ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью вышняго насаждение и уже некоторое и возвращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (си речь все, что бог дал, бросил)?». Еще же и сие

вспомяну, какова злаго нрава и упрямого ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранивал, и не точию бранил, но и бивал, к тому ж сколько лет, почитай, не говорю с тобою; но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться».

В приведенном отрывке, как и во всем послании, обращает на себя внимание конкретность и живость стилистической манеры Петра. Даже библейские образы, к которым он часто прибегал в своих публицистических статьях и посланиях, приобретают в его изложении сугубо конкретный, человеческий смысл и начисто лишаются абстрактно-религиозной интерпретации; они удачно включаются в контекст бытовых, взятых из повседневной жизни царской семьи фактов, в которых, кстати сказать, отразилась негативная сторона этой жизни: взаимное отчуждение между отцом и сыном, брань, побои, угрюмое молчание. Не лишним будет заметить, что то, как представлены в «тестamente» нравственные и общественно-политические принципы царевича, его внутренний облик, не противоречит истине. Об этом позволяют судить письма Алексея к отцу и другим лицам. Так, желая отвести гнев отца, в своем ответном на «тестamente» письме, уклоняясь от ответа по существу поставленных перед ним вопросов, он только жаловался на слабость здоровья, на телесные и умственные недуги, якобы препятствующие его воинской и государственной деятельности, и потому смиренно отказывался от прав на престол. Он писал отцу: «Милостивый государь-батюшка! Сего октября в 27 день 1715 году, по погребении жены моей, отданное мне от тебя, государя, вычел; на что инаго донести имею, только буде изволишь за мою непотребность меня наследия лишить короны российской, буди по воле вашей. О чем и я вас, государь, всенижайше прошу, понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишен (без чего ничего возможно делать), и всеми силами умными и телесными (от различных болезней) ослабел и непотребен стал к толикаго народа правлению, где требует человека не такого гнилаго, как я. Того ради наследия (дай боже вам многолетное здравие!) российского по вас (хотя бы и брата у меня не было, а ныне, слава богу! брат у меня есть, которому дай, боже, здравие) не претендую и впредь претендовать не буду; в чем бога свидетеля полагаю на душу мою и, ради истиннаго свидетельства, сие пишу своею рукою» (стр. 348—349).

Однако, как выяснилось позднее, во время следствия и суда над ним, когда были преданы огласке его тайные письма к единомышленникам, поведение царевича в данном случае, как и в связи с другими письмами к отцу по вопросу о престоле, было неискренним и притворным (Приложения, стр. 83, 84, 173). Втайне он искал любых, в том числе и насильственных путей к власти и

лелеял мечту о возвращении России к старым нормам жизни (стр. 49—56).²¹

Таким образом, «тестament» Петра в своей главной части содержит целую систему аргументации, обоснования преобразовательной, государственной политики и в то же самое время отвержения иных, противоположных общественно-политических взглядов. Логические доводы автора перемежаются ссылками на конкретно-исторические примеры, на опыт отдельных исторических деятелей и на свой собственный.

Изложение ведется то в прямой форме, от лица автора, обращающегося к адресату, то в виде спора, диспута между ним и адресатом, так что мысли и чувства читателей-современников как бы невольно вовлекались в сферу тех размышлений и переживаний, которые составляют сущность царского «тестамента» и вместе с тем сущность общественной политической и идеологической борьбы переломной эпохи.

Авторская мысль и эмоции в этой центральной части «Объявления к сыну моему» движутся с непрерывным нарастанием, достигая предельного напряжения в следующей, замыкающей части, где слышится уже ничем не сдерживаемый царский гнев, появляются бранные интонации и, наконец, прямая угроза, которая звучит как отвержение, проклятие сыну, восстающему против отца.

Письмо завершалось следующими словами: «Что все я с горестью размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрел сей последний тестамент тебе написать и еще мало подождать аще нелицемерно обратишься. Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангранный, и не мни себе, что один ты у меня сын²² и что я сие только в устрастку пишу: Воистину (богу изволившу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел, то како могу тебя непотребнаго пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный».

Эти суровые заключительные слова преисполнены глубокого драматизма. В них выражена и внутренняя сила великого человека и властителя, бескомпромиссного, когда дело касается судеб государства, и вместе с тем бессилие преодолеть сопротивление себе, своим убеждениям, своей преобразовательной политике даже в собственной семье.

---

²¹ См. также: *Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г. В. Есиповым, с приложением рассуждения М. П. Погодина.*

²² К этому моменту царевич Алексей был единственным сыном Петра I, так как второй его сын, Петр Петрович, о котором упоминает в своем ответе на «тестament» Алексей, родился лишь через несколько дней после написания самого «тестамента», но еще до ответа на него.

А. М. ПАНЧЕНКО

О СМЕНЕ ПИСАТЕЛЬСКОГО ТИПА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Петровские реформы касались прежде всего практической сферы. Тонкий слой русской интеллигенции волей или неволей был поглощен этой работой и на занятия искусством у него не оставалось сил. Книжное монашество быстро теряло господствующее положение в словесной культуре, а смена ему подготавливалась исподволь. Дворяне служили до смерти, до старости или до тяжкого увечья. Однако именно в петровскую эпоху произошли принципиальные изменения в русском литературном быте, которые предопределили мощное развитие поэзии и прозы.

Писательский тип переходного времени многое унаследовал от литераторов, подвизавшихся при дворах Алексея Михайловича, Федора и Софьи. Новые черты в нем вполне проявились позднее, в 30-е и 40-е годы. Чтобы разглядеть этот тип в исторической перспективе, обратимся к эволюции литературного самосознания, начав с того момента, когда в русской культуре явственно обозначилась европейская ориентация, т. е. с появления в Москве Симеона Полоцкого. Для вящей наглядности сопоставим самых крупных людей противоборствующих школ.

Первая антагонистическая пара — это Симеон и Аввакум. Как известно, летом 1667 г. им пришлось вести учено-богословские диспуты — в темнице у Аввакума, о чем тот не раз вспоминал: «И августа в 22 и в 24 день Артемон был от царя с философом с Симеоном чернцом, и zelo было стяжание много: разошлись, яко пьяни, не могли и поесть после крику. Старец мне говорил: „Острота, острота телеснаго ума! Да лихо упрямство; а се не умеет науки!“. . . И говорил я ему: „Ты ищешь в словопрении высокия науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами: и мне кое общение, яко свету со тьмою, или яко Христу с Велиаром?“. И ему стыдно стало, и против тово сквозь зубов молвил: „Нам-де

с тобою не сообщно».¹ Дело, конечно, не в личных встречах писателей, тем более не в увещании поверженного противника. Дело в том, что эти антагонисты представляли два полярных течения в русской культуре — национальное и тянувшее к Европе. В их творчестве силен полемический элемент.

Как мыслители Аввакум и Симеон не выходили за пределы церковного сознания. Извлечь «чистую» литературу из их наследия невозможно, она неотделима от богословия. Симеону, например, даже пейзажные стихотворения давали повод для назидательно-христианской интерпретации. Поэтому и представления о писательском труде у этих авторов заключены в богословскую оболочку. Симеон и Аввакум столкнулись на идее оправдания человека перед богом.

Для верующего человека эта проблема — основополагающая. Как построить земную жизнь, чтобы унаследовать жизнь вечную? В Новом завете нет однозначного решения проблемы оправдания. Соборное послание апостола Иакова подчеркивает значение благих дел (II, 16—17, 26); напротив, у апостола Павла находим иной взгляд: спасает вера, дела не спасают (К римлянам, III, 28). Симеон провозглашал примат дел в оправдании человека,² Аввакум, наоборот, отдавал первенство вере. Согласно его точке зрения, грех в человеке неизбывен: «Един благ по существу, благ непреложно, а человечество извратно. Аще кто и праведно живый — при бозе лукаво есть. И ангели извратны, нежели человеки».³ Смертный обязан осознавать свою греховную природу, праведная жизнь — отречение от нее, т. е. самоотречение.

В глазах Симеона Полоцкого, питомца киевской школы, не свободной от католического влияния, человек оправдывается делами. Значит, писатель оправдывается литературным трудом; но требуется доказать, что литературный труд может быть засчитан в вечной жизни как нравственная заслуга.

Для барочных полигисторов XVII в., каковым в сущности и был Симеон, такого доказательства не требовалось: они исповедовали идею Платона о божественном происхождении прекрасного. В плоском истолковании она вырождалась в претенциозный тезис, подобный афоризму Скалигера: поэт — это второй бог.⁴ Но Симеону Полоцкому нужны были доказательства, потому что

---

¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, стр. 331.

² Богословский аспект проблемы оправдания подробно разработан Ю. Ф. Самариным в его магистерской диссертации «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» (см.: Ю. Ф. Самарин. Сочинения, т. 5. М., 1880).

³ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1. Л., 1927 (Русская историческая библиотека, т. 39), стб. 558. (Далее ссылки на это издание даются в тексте).

⁴ Ср.: E. R. Curtius. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter, 7. Auflage. Bern und München, 1969, S. 467—468; Zofia Szymdowa. Poeci i poetyka. Warszawa, 1964, str. 415.

он творил для русского читателя, который ни о чем таком не слышал. В связи с этим были выдвинуты следующие аргументы.

Во-первых, Симеон старался распространить мысль, что Писание — это поэтический памятник (по крайней мере частично), о чем свидетельствует сам факт появления «Псалтыри рифмотворной». В предисловии к ней он выдвигал стиховедческие доводы, утверждая, что «псалмы в начале си на еврейском языке составишася художеством стихотворения». В этой книге есть особое приложение, заканчивающееся известным стихотворением «К гаждателю». Здесь мы находим переложенные силлабическими стихами две песни Моисея, похвальную песнь Анны, матери пророка Самуила, и песнь Исайи, в которых предсказано рождение Иисуса Христа, молитву пророка Ионы из чрева кита, две песни трех отроков, в печи не сожженных; наконец, здесь помещены песнь богоматери и молитва Захарии, отца Иоанна Предтечи. Как видим, приложение составлено из так называемых библейских песнопений, которые, как утверждает церковная традиция, пелись уже первыми христианами. Позднее эти песнопения вошли в службу в виде ирмосов, на основе которых пишутся девять или восемь песен канона. По аналогии с рассуждениями о метрике псалмов можно смело утверждать, что и «библейские песнопения» Симеон Полоцкий считал изначально стихотворными, — а значит, считал поэтессой деву Марию. Хотя эта идея и не была самостоятельным изобретением (ее разделяли еще Данте, Боккаччо и Петрарка, причисляя к поэтам самого Христа), в Москве, насколько известно, ее первым высказал Симеон Полоцкий.

Другой его аргумент — сугубо спекулятивного свойства. Он заключается в смешении слова божия и слова — первоэлемента литературы (словесности),⁵ что типично для барочного остроумия, которое совмещало несовместимое. Конкретно Симеон опирался на сферу значения, общую для обоих омонимов (логос, в частности, выполняет посредническую роль, сообщая людям смысл божественных предначертаний), теоретически же — на старую риторическую традицию, согласно которой каждое слово имело четыре значения — в зависимости от аспекта, в котором рассматривалось (1. Исторический, или буквальный; 2. Аллегорический — в средневековой традиции христологический; 3. Тропологический, или индивидуально-нравоучительный; 4. Анагогический, или эсхатологический).⁶ В результате во многих стихотворениях Симеона основоположником гуманитарной учености выступал сам Христос, как бы благословляя тот тип литературного деятеля, который воплощен в Симеоне Полоцком.

⁵ См.: А. М. Панченко. Слово и Знание в эстетике Симеона Полоцкого. — ТОДРА, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 232—241.

⁶ Heinrich Lausberg. Handbuch der literarischen Rhetorik, Bd. I. München, 1960, S. 445.

Симеон, как и все полигисторы XVII в., ощущал себя счастливым обладателем истины. Эту черту барочной культуры отметил еще Г. Вёльфлин: «Барокко было свойственно чувство исключительного своего права на существование и исключительной непогрешимости, как никакому другому стилю».⁷ Это чувство вызывало сознание интеллектуальной элитарности, тем более сильное в московских условиях, что там Симеон чувствовал себя одиночкой. Презрение к неученым «простецам» выражено в «Вертограде многоцветном», в стихотворении «Глас народа»:⁸

Что найпаче от правды далеко бывает,
гласу народа мудрый муж то причитает. . .

Опровергая известный афоризм «глас народа — глас божий», Симеон сознательно использовал один риторический прием, разработанный еще Аристотелем: «Следует употреблять изречения. . . , противоречащие ходячим изречениям. . . , в тех случаях, когда <противоречащее> изречение или может показаться лучшим со стороны нравственного смысла, или произносится под влиянием страсти».⁹ Однако все наследие Симеона Полоцкого не оставляет ни тени сомнения в том, что интеллект казался ему непрременным условием совершенства.

Для Аввакума уподобление поэта богу было кощунством, грехом нечеловеческой гордыни. В беседе «о внешней мудрости» он пишет: «Алманашники, и звездочетцы, и вси зодейшики познали бога внешнею хитростию, и не яко бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, *уподоблятися богу* своею мудростию начинающе (здесь и ниже подчеркнуто мною, — А. П.), якоже первый блядивый Неврод, и по нем Зевес прелагатай, блудодей, и Ермис пияница, и Артемида любодейца, . . . таже по них бывше Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галн: вси сии мудри быша и во ад угодиша, . . . и тою мудростию своею *уподобляхуся богу*» (288—289). «Видь, гордоусец и алманашник, твой Платон и Пифагор: тако же их, яко свиной, вши съели, и память их с шумом погибе, гордости их и *уподобления ради к богу*. Многи же святин смирения ради и долготерпения от бога прославишася» (290). Только смирение — порука правильного богосознания, страх господень — «внутренняя мудрость», гордыня же — то качество, которое отнимает возможность оправдания независимо от заслуг: «Мерзко богу горделиваго и доброе дело» (465).

⁷ Г. Вёльфлин. Ренессанс и барокко. СПб., 1913, стр. 15.

⁸ Опубликовано в кн.: Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 119.

⁹ Аристотель. Риторика. С греческого перевела Надежда Платонова. СПб., 1894, стр. 125.

Для Аввакума вера — нечто раз навсегда данное и внеположное культуре. «Слыши, христианин, — писал он, — аще мало нечто от веры отложил, — вся повредил... Что положиша и святии отцы, то тут да пребывает неизменно, яко же и Василий Великий рече: не прелагай пределы, яже положиша отцы» (259—261). Церковь в целом обладает полнотой богосознания; напротив, отдельно взятый человек, в качестве члена церкви, не имеет права ее реформировать, поскольку его удел — грех и неведение.¹⁰ Задача его — смиренно исполнять евангельские предначертания: «Пожалуйте, господа ради, попекитесь о душах своих единокровных, койждо как смыслит доброе сделать, ов убо пост и молитву господеви да приносит, ов же милостину с любовию от совести чисты, ин въздыхание и слезы, ов же труды, рукоделие и поклонцы по силе, на колену, триста на день, или шестьсот, или яко же может и хошет» (390—391). Это одновременно и те добрые дела, значения которых Аввакум не отрицал, и идеал смиренномудрия.

Естественно, что Аввакуму труд учительства и писательства представляется безусловно ниже праведной жизни: «Верному человеку подобает молчанием печатлети уста и выше писанных не мудрствовати» (341). Но сам Аввакум — учитель и писатель. Он обязан снять это противоречие между теорией и практикой. Поэтому он выдвигает идею писательства «по нужде», которое позволительно и необходимо в роковые для церкви времена. Суть церковного нестроения в том, что пастыри, патриарх и архиереи превратились в волков, пожирающих «меньших» христиан. Тогда «простецы» сами берут в руки церковные дела, как показывает и церковная история: «При Евгении, папе римстем, подвижесе род христианский от простаго чина, изгнаша еретика папу Евгения... И бысть распря в народе между болшими и меншими» (274). Аввакум, как защитник «простецов» и сам «простец» («гад есмь и свиния» — это не только риторическая формула), и становится писателем «по нужде»: «Понеже все действо их скрытно под прелестью сатаниноюю, на показание прелщенным в вере действуемо, и самим им неведомо то, како простейшему народу явно будет, иже имуще ум воглублен в миросуетствы прелестнаго века сего. Того ради мы, за помощию божиею, объявляем все скрытное их коварство и блудню-то в вере» (307). Аввакумово «вяканье» есть дополнительный признак писательства «по нужде»: защитник «меньших» христиан говорит языком униженных простецов.

Если Симеон Полоцкий высоко ставит оригинальное творчество, то Аввакум прямо и с гордостью заявляет о своей литературной несамостоятельности (это — установка, в практике все было иначе): «Сказать ли, кому я подобен? Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостину про-

¹⁰ Ср.: Ю. Ф. Самарин. Стефан Яворский и Феофан Прокопович, стр. 58.

сящу... У богатога человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатога гостя, ис полатей его хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исая пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрал кошель, да и вам даю... Ну, еште на здорвье, питайтесь, не мрите з году. Я опять побреду збирать по окошкам, еше мне надают» (548). Аввакум признает только смиренное писательство. Литературное умствование, напротив, есть грех и пагуба, «понеже ритор и философ не может быти христианин» (547).

Обратимся теперь к другим антагонистическим парам — в рамках правящей церковной верхушки. Антиподами можно считать Симеона Полоцкого и Епифания Славинецкого, затем — их учеников и наследников (в прямом и переносном смысле) Сильвестра Медведева и чудовского инока Евфимия. По всем внешним признакам эти люди кажутся ипостасями одного писательского типа, членами одной литературной общины. Они получили хорошее образование (Симеон и Сильвестр — с латинским уклоном, а Епифаний и Евфимий — с греческим), были близки ко двору, получали гонорары (хотя и нерегулярно), собирали библиотеки, заводили школы и преподавали в них, стремились получить доступ к печатному станку.¹¹ Сходство этих интеллигентов кануна преобразований простиралось далеко: все они, например, выше всего ценили «духовную тишину», которая позволяла профессионально заниматься литературой.

Так, Симеон Полоцкий довольствовался иеромонашеским званием, т. е. был всего-навсего черным попом, хотя и при Алексее Михайловиче, и особенно при Федоре мог добиться архиерейства. И Епифаний Славинецкий не искал священноначалия, удержав от такого искательства любимца своего Евфимия. «Дважды бо, — вспоминал о последнем иеродиакон Дамаскин, — благочестивейший царь Алексей Михайлович и святейший патриарх Никон, яко честна монаха, архиерейский сан понуждаху прияти. Но он, Евфимий, сам умоли тех благочестивая величества, да оставят его в простомонашеском сословии пребывати, и тогда был справщиком на Печатном дворе».¹² Чтобы оценить должным образом искания «духовной тишины», полезно несколько забежать вперед и воспользоваться эпистолярным наследием Стефана Яворского — такого же «латынщика», как и Симеон Полоцкий.¹³

¹¹ См.: А. М. Панченко. О русском литературном быте рубежа XVII—XVIII вв. — ТОДРА, т. XXIV, Л., 1969, стр. 267—271.

¹² Цит. по статье: С. Любимов. Борьба между представителями великорусского и малорусского направления в Великороссии в конце XVII и начале XVIII веков. — ЖМНП, 1875, № 8, отд. II, стр. 140.

¹³ В «Камне веры» Стефан Яворский доказывал идею оправдания делами посредством порфирианского древа силлогизмов.

Напомню, что в 1700 г., когда Стефана Яворского против воли возводили на Рязанскую и Муромскую митрополию, он в первый раз не явился на церемонию, из чего вышел большой соблазн и испуг для патриарха Адриана. Уже будучи местоблюстителем патриаршего престола, Стефан тщетно умолял Петра отпустить его в Киев, а потом хотел схимиться, ибо великий ангельский чин не только налагал тяжкие обязанности, но и освобождал от всех должностей. Повторяя вслед за Эпикуром «хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался», Стефан изложил свои убеждения в следующем письме от 19 декабря 1707 г., отправленном Димитрию Ростовскому по случаю присылки последним «Летописца». Письмо это замечательно, между прочим, и как образец макаронического языка, который был принят в дружеском обиходе питомцев Моггианской коллегии, — причудливой смеси латыни, польского, церковнославянского, русского и украинского. Впрочем, в данном случае макаронические излишества наводят на мысль, что автор боялся сторонних глаз.¹⁴

«Блажени вы господеви, сотворшему небо и землю. *Opus peregristis et peragitis, quod nec Iovis ira, nec ignes, nec poterit ferri abolere vetustas. My na to patrzemy non sine invidia, hac in re utique licita. I daj boże nasladować licet ex parte quia,*¹⁵ нельзя, батюшка, за тем неудобостерпимым бременем, которое и ум ослепило, и здорровье отняло, и душу повредило. *Et hoc est, pater, quod me urgebat et urget exire ex hac Babylone; hoc motivum etiam erat appetere kioviensem cathedram, non qua cathedram, hanc enim praelaturam archieraticam iam habeo, et quidem altiorem kioviensi; sed quietem et tranquillam vitam, in qua possem aliquod ingenioli mei opusculum posteritati relinquere...*¹⁶ Еще высочайшего степени мне желаеши. Спасет бог, батюшка, за тую зичливость, аки бы рекл еси: покинь секиру, да возьми долбню, *et quod fructus exinde? Vanitas animae perniciosissima. Crede mihi: bene qui latuit, bene vixit.*¹⁷

Димитрий Ростовский мог лучше всех оценить терзания своего друга. Больше чем кто-либо Димитрий связывал свои литературные занятия и воздаяние: он писал «Четьи Миней» по мона-

¹⁴ См.: Письма митрополита Стефана Яворского. — Труды Киевской духовной академии, 1866, № 4, стр. 545—546. Приводимый ниже перевод иноязычных фрагментов принадлежит автору публикации. Он изменен лишь в двух-трех местах.

¹⁵ Вы совершили и совершаете дело, которое не может уничтожить ни гнев Зенса, ни огонь, ни ржавчина, снедающая железо. Мы смотрим на это не без зависти, в этом случае конечно позволительной. И дай нам боже подражать этому делу хотя отчасти, потому что...

¹⁶ Вот что, батюшка, заставляло и заставляет меня выйти из этого Вавилона; вот что побуждало меня искать киевской кафедры, не потому что я уже имею кафедру, первенствующую в иерархическом значении и притом высшую киевской, но ради отдыха и спокойной жизни, в которой я мог бы оставить потомству какое-нибудь произведение моего умишка.

¹⁷ И какой плод из этого? Пагубнейшая суета душевная. Поверь мне: кто хорошо спрятался, тот хорошо прожил.

шескому обету и черновые бумаги этого труда велел положить в гроб — для того, конечно, чтобы оправдаться ими в будущей жизни.

Вернемся, однако, к Симеону Полоцкому и Сильвестру, с одной стороны, и Епифанию с Евфимием — с другой. Этих людей противопоставляли современники. «Остен» — сборник полемических статей, составленный по приказу патриарха Иоакима после падения царевны Софьи и разгрома латинствующих, прямо на это указывает. В «Покаянном исповедании бывшего монаха Сильвестра Медведева» (это исповедание, разумеется, составлял не Медведев, а его враги; Сильвестр, может быть, вовсе его и не подписывал) говорится: «Еще же согреших аз, окаянный, и зело, яко порицах и клеветах и словеса ложная разсевах и еретиком называх самага православнаго мужа и правды ревнителя и церкви поборника и веры защитника пречестнаго отца Евфимиа».¹⁸ Особая статья «Остна», вторая по порядку, снабжена таким примечательным заглавием: «О мудрейшем иеромонасе Епифании Славинецком и о Симеоне Полоцком».

В этой главе, написанной бесспорно Евфимием, рассказано об ученом диспуте, который Епифаний и Симеон вели некогда в патриаршей Крестовой палате (это было еще при Питириме). Конечно, «Остен» «прободал» писателей, которые не могли ответить (Сильвестр ожидал казни в темнице или уже погиб на плахе), а здесь речь вообще шла о покойниках, но считать описание диспута вымыслом от начала до конца вряд ли возможно. В XVII в. ученые прения были в обычае. При царе Михаиле, когда царевну Ирину хотели выдать за датского королевича Вольдемара, Иван Наседка вел диспуты с пастором Фельгабером. За несколько лет до появления «Остна» Андрей Белобочкий публично состязался с Лихудами в присутствии Иоакима, его племянника И. А. Мусина-Пушкина, будущего графа и начальника Монастырского приказа, и Апраксиных, братьев царицы Марфы Матвеевны, юной вдовы Федора Алексеевича. Такие прения иногда заносились на бумагу.¹⁹ Нет ничего невероятного в том, что Евфимий был в патриарших покоях вместе с Симеоном и Епифанием и сделал запись этого спора. Разумеется, в том

¹⁸ Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865, стр. 93. О расприх между Евфимием и Медведевым см.: С. Браиловский. Отношения чудовского инока Евфимия к Симеону Полоцкому и Сильвестру Медведеву. (Страничка из истории просвещения в XVII ст.). — Русский филологический вестник, № 4, Варшава, 1889, стр. 262—290.

¹⁹ См.: Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиєю и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катихизиса. — В кн.: Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихомировым, т. II, М., 1859, отд. II, стр. 80—100; И. Ф. Голубев. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа. — ТОДРЛ, т. XXVI, Л., 1971, стр. 294—301.

виде, как находим ее в «Остне», запись эта сильно поновлена. Симеон Полоцкий выглядит здесь почтительно вопрошающим школяром. Он будто бы всегда при встречах «вопросал мудрейшаго Епифания о многих неудобьразумеваемых вещах». Некоторые плохо заглаженные редакторские поновления прямо-таки бросаются в глаза.

Симеон спросил у Епифания: «Како, отче, святыня твоя верует о пресуществлении хлеба и вина на божественной литургии в тело и кровь Христову, — словесы Христовыми „примите, ядите и проч.“, или молитвою иереевою: „сотвори убо хлеб сей — честное тело“ и проч.?»²⁰ Первая фраза в ответе Епифания кажется вполне естественной: «Аз верую и мудрую и исповедую, яко верует и проповедует святая кафолическая восточная церковь, в ничесом отметно». Но дальше следует выпад, который по первому впечатлению никак не вытекает из Симеонова вопрошания: «Силлогисмом же, паче же латинским, аще и доволен есмь в тех, не последую, ниже верую; бегати бо силлогисмов, по святому Василию, повелеваемся, яко огня, зане силлогисмы, по святому Григорию Богослову, — и веры развращение, и тайны истощение». Несообразность ответа — лишь видимая. Ясно, что Симеон Полоцкий не только спрашивал, но и нечто утверждал (именно — хлебопоклонную ересь), причем доказывал это посредством силлогизмов.

Нападки на силлогизмы, т. е. на формальную логику, встречаются у грекофилов очень часто. В «Слове поучительном святейшаго Иоакима» читаем: «Он же, Симеон Полотский, написа слово особно... „о благоговейном в храме стоянии“, в нем же слове глаголет словесем господним глаголемым поклоняться, якобы теми словесы Христос бог себе самага людем в пищу отдает. И подложи силлогисм, глаголя: „от царския трапезы подаемей кому некоей пищи, приемляй тую пищу абие до лица земли поклоняется: тако и zde за сие подаяние поклон богу боголепный воздаяти“. И сей его силлогисм явленно живи есть и человекеы, не зело внемлющыя святых писаниям, прелщает».²¹ Как видим, даже риторический силлогизм (по Аристотелю — энтимема силлогизма) вызвал испуг и отпор.

Инок Евфимий, по-видимому, был автором известного рассуждения «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и феологии и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писания, или не учася сим хитростем, в про-

---

²⁰ Остен, стр. 71. Более полная версия «разглагольства» Симеона Полоцкого и Епифания изложена в статье: Ив. Ротар. Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в. — Киевская старина, 1900, № 12, стр. 390—395 (по рукописи Киево-Печерской лавры № 145). Но для наших целей расхождения этой версии с редакцией «Остна» не имеют существенного значения.

²¹ Остен, стр. 139.

стоте богу угождати и от чтения разум святых писаний познавати?». В нем высказаны открытые опасения по поводу логики, которая связана с «лукавыми иезуитами»: «Егда услышат латинское учение в Москве наченшеса, врази истины. . . лукавии иезуиты подвидут и неудобопознаваемая своя силлогисмы, или аргументы душетлительныя начнут злохитростно всевати, тогда что будет? . . . Любопрения, потом (пощади боже) отступления от истины, яже страждет или уже и пострада Малая Россия».²²

В отношении к методу доказательства и должно видеть специфические черты в противоположаемых писательских типах. Если с этой точки зрения рассмотреть наиболее видных литераторов 70—80-х годов, получится следующая картина. На левом крыле окажется Андрей Белобоцкий, люллианец и панлогист. В его представлении истина — одна. Любое положение веры, как догматическое, так и этическое, может быть доказано с помощью доводов разума. Среднюю позицию займут Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев. Они пользуются диалектикой и логикой, но некоторые истины религии принимают без исследования. У Симеона Полоцкого каждое стихотворение — силлогизм, однако роль посылки может выполнять буквально заимствованная из Писания цитата, «фема». Справа находятся грекофилы — Елифаный Славинецкий и Евфимий, которые стремятся к чисто количественному накоплению знания, не посягая на дух и букву традиции. Это — типичные православные ортодоксы.

Православная церковь всегда исходила из того, что она доказывает свою непогрешимость самим бытием своим. Отсюда преобладание катехизического способа убеждения: ставится вопрос — следует ответ. Свободное обсуждение не допускается. «Остен» — это книга катехизического типа. Поскольку она обличает ересь, которая воздвигалась в лоне церкви, ее авторы прибегают к доказательству от авторитета. Из Писания и Предания выбирается то, что годится в данном случае. Так как Писание темно, а Предание разноречиво, то каждая из спорящих сторон может воспользоваться таким методом. Такой спор, строго говоря, не может иметь положительного исхода. В нем побеждает тот, кто сильнее. В данном случае дело решила позиция Иоакима. У патриарха вряд ли было собственное убеждение о времени евхаристии. Современники из самых разных партий изображали его едва грамотным человеком. Князь В. В. Голицын «дивился о патриаршей дурости», а расколоучитель дьякон Федор так рассказывал о поставлении Иоакима в архимандриты Чудова монастыря — это была последняя ступенька перед патриаршей кафедрой: «Яким же сказа: аз-де государь не знаю ни старыя веры, ни новыя, но

---

²² Цит. по кн.: Г. Миркович. О времени пресушествования св. даров. Спор, бывший в Москве во второй половине XVII века. (Опыт исторического исследования). Вильна, 1886, стр. 17.

что велят начальницы, то и готов творити и слушати их во всем». ²³

Свержение Софьи означало полное торжество грекофилов — Евфимия и Лихудов. Вождь латинствующих Медведев угодил на плаху. Московские его приверженцы были разосланы по ссылкам и монастырским тюрьмам, а украинских иерархов, державших сторону Сильвестра, патриарх умел заставить покориться. Конечно, какие-то писатели симеоновского типа в Москве уделели, о чем говорят хотя бы анонимные «Краесогласные пятерострочии», написанные одновременно с «Остном», в 1690 или 1691 г.: ²⁴

К тому присмотрися	Всяк и вразумися,
Что и в наша лета	Коло сего света
	Показа.
В кия бо напасти	Велможи и власти
Мирския впадоша,	Кия постигоша
	Их бедства.
Ох, ох, ох, коль злая,	Ох, коль безсечная,
Ох, коль сановитым,	Ох, коль превеликим
	Бысть людем.
Не токмо бо странно	Изрещи, но страшно
Бе и помышляти,	Кто бы мог отяти
	Честь оным...
Оле, оле, како	На другов си всяко
Бедства не смотряем,	Но злейша бываем
	И оных...
Что вчера своима	Видехом очима,
Вся та днесь забыхом	И ум приложихом
	К злым вящшым.
Ибо о том тцщимся	И сердцы ретимся,
Да с чести сложенных,	Славы обнаженных
	Достойной,
Примем имения,	В их мест сидения,
Вступим всяко смело	В правительства дело
	Велие.
Вземше же то бремя,	Злое сеем семя,
Себе токмо славим,	А вся хуждши правим
	И прежних.
Правду яко любим,	Но криво суд судим,
Мзды же не взимаем,	А преуспеваем
	В богатствах...

Тот, кто сожалел о гибели латинской партии, был, очевидно, ее сторонником. Напомню, что 1689 г. не отразился на судьбе Карiona Истомина. Хотя его политические симпатии зависели от того, кто брал верх в московских распрях, но как стихотворец,

²³ См.: Н. Субботин. Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VI. СПб., 1879, стр. 229.

²⁴ Это замечательное по свободному чувству стихотворение не опубликовано. Несколько строф из него по рукописи ГБЛ (собрание Ундольского, № 467, л. 466—469) привел И. А. Шляпкин (Св. Дмитрий Ростовский и его время. СПб., 1891, стр. 211, сноска 1). Мне известен другой список — ЦГАДА, ф. 181, № 250/455, л. 12 и след., по которому и даются цитаты.

как литературный тип он всецело принадлежал кругу Симеона Полоцкого. Однако в целом официальная культура последнего десятилетия века развивалась под знаком превосходства грекофилов.

Около 1700 г. латинствующие явились в Москве в прежней силе. Осознавший свое западничество Петр искал в них помощников и поэтому поставил во главе русской церкви Стефана Яворского. Однако этот альянс оказался мертворожденным и кратковременным.

Что Петр не понимал и не любил монашества, не видя от него никакой пользы; что он превратил духовенство в сословие государственных чиновников, оставив за церковью роль блюстительницы народной нравственности и охранительного начала; что он опасался монахов-писателей и запрещал по кельям держать перья и бумагу, — все это хорошо известно, и нет нужды об этом распространяться. Известно также, что антиподом Стефана Яворского в богословии, литературе и церковной политике был Феофан Прокопович. Эту антагонистическую пару подробно рассмотрел Самарин, указав, что Феофан в проблеме оправдания принял протестантскую точку зрения, которая уповала только на веру и выше всего ставила Писание — в ущерб Преданию. Однако в зрелые годы Петра не распри ученых монахов решали дело.

Разность между латинствующими и грекофилами не стерлась, но потускнела. Те и другие оказались в положении обороняющихся и часто выступали как союзники. На стороне царевича Алексея были как люди старомосковского закала, так и Стефан Яворский. В эту эпоху различия между ними уже не имели принципиального значения, и поэтому, например, нет смысла образовывать противоборствующую пару Стефан Яворский — новгородский митрополит Иов, хотя первого можно считать наследником Сильвестра Медведева, а второго — Евфимия.²⁵

Дело в том, что теперь проблему оправдания решал сам Петр, и его решение оказало определяющее воздействие на писательский тип. Обратимся хотя бы к указу о монашестве и монастырях, который император дал Сенату 31 января 1724 г. Здесь многое написано Феофаном, в частности следующая замечательная фраза о «желающих монашества для архиерейства», т. е. об ученых иноках, которые в России испокон веку становились писателями: «По архимандрите быть собственному таковых монахов надсмотрщику и директору, человеку ученому, который бы и переводы и трактаты осматривал, исправлял и свидетельствовал, таже и кто что в библиотеке читает и записует, ведал бы, и всех

²⁵ Любопытно, что кто-то из учеников Иова написал поэму «Лествица к небеси», которая во многих общих и частных положениях сходна с «Пентагеумом» люллианца Белободкого, см.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 322—348, 398—399.

оних чтений, переводов и сочинений имел бы у себя реестр».²⁶ Это означало ежедневную цензуру. Но гораздо интереснее, что среди заметок Петра к тексту указа есть такая: «Вытолковать, что всякому исполнению звания есть спасение, а не одно монашество».²⁷ Эта точка зрения проведена в «Духовном регламенте». Специально этой проблеме посвящено Феофаново слово в день Александра Невского, сказанное 30 августа 1718 г. Что значит петровская заметка? То, что решение проблемы оправдания, которое прежде зависело от богословов и церковных иерархов, ныне найдено государством: исполнение обязанностей сословных и служебных, определяемых законной властью, необходимо и достаточно для обретения вечного блаженства.

Это имело самое прямое влияние на литературу, так как писательство было выведено за круг обязанностей ученого монашества. В людях типа Стефана Яворского Петру не нравилась независимость, которая была небезопасна и для государя. Напомню, что в поучении «О хранении заповедей господних», говоренном по случаю именин царевича в 1712 г., Стефан прозрачно намекал на монаршие и человеческие грехи Петра. В отместку царь запретил высшему иерарху русской церкви публичную проповедь, причем запрет был снят лишь три года спустя.

Если Петр принимал практические меры, то Феофан оправдывал его действия теоретически. В «Слове о власти и чести царской», явно имея в виду Стефана Яворского, он заявил, что те, кто не покоряется слепо властям, «назидают мнение свое... на свободе христианстей. Слышаще бо, яко свободу приобрете нам Христос..., помыслили, будто мы и от властей послушания свободны есмы».²⁸ Совершенно очевидно, что апологеты «христианской свободы» в качестве аргумента выдвигали то место из Нового завета, где говорится: не будьте рабами, вы выкуплены дорогой ценой — Христовой кровью. Еще Симеон Полоцкий написал на этот текст двестише «Души цена»:

Хощеши ли твоя души цену знати?
Христос за ню изволи кровь свою отдать.²⁹

«Христианская свобода» вовсе не означала свободы творчества. Система запретов и в традиционной православной письменности, и в восточнославянском провинциальном барокко была очень жесткой и многообразной. Впрочем, эти запреты основывались на идеальных моментах.

---

²⁶ См.: И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 717.

²⁷ Там же, стр. 141.

²⁸ Феофан Прокопович. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные, ч. 1. СПб., 1760, стр. 242.

²⁹ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв., стр. 125.

Итак, монах или белец становится чиновником; писатель, сочиняющий по обету или внутреннему убеждению, сменяется грамотеем, пишущим по заказу или прямо «по указу». Петр делал такие заказы или лицам, или учреждениям, Славяно-греко-латинской академии например.³⁰ Это самый распространенный писательский тип петровского времени. Илья Копиевский и Иван Кременецкий, вообще типографские справщики во главе с самим Федором Поликарповым — это в сущности литературные поденщики, такие же как барон Гюйссен, много прославлявший Петра перед Европой.

Казалось, что возобладал тот писательский тип, который хорошо знала Москва XVII в. и который был воплощен в переводчиках Посольского приказа вроде Николая Спафария (Петр, между прочим, делал заказы и посольским переводчикам). Когда Копиевский вернулся в Россию, то Брюс, при котором велено было ему находиться, писал Петру, что Копиевского надо причислить переводчиком к Г. И. Головкину, начальнику посольской канцелярии. Современники безошибочно опознавали этот писательский тип.³¹

Однако литературе позволялось выполнять не только практические функции, которые Петр считал важнейшими. Она должна была также развлекать; для развлечения каждый мог писать невозбранно — в качестве частного человека, вне и помимо служебных обязанностей. Писатель стал частным человеком, частный человек стал писателем. В этом, как мне кажется, и заключается смысл того переворота в литературном быте, который случился при Петре. Это была тоже своего рода реформа, и реформа с далеко идущими последствиями.

Если превращение писателя в работника по заказу, в служащего человека, в литературного поденщика означало многократное увеличение потока естественнонаучных, юридических, медицинских и т. п. переводов, направленных к общественной пользе, то превращение его в частного человека, независимого от «христианской свободы», сразу отозвалось в тематической и жанровой области. Тотчас явились два следствия: были сняты запреты на смех и на любовь.

В благолепном старомосковском быту всякий день и всякий час были расписаны до мелочей — и там не было места смеху. Даже единоверным греческим пастырям казалось тяжело русское благонравие. Еще при Никоне александрийский архидиакон Павел, ехавший в Москву в свите антиохийского патриарха Макария, записал при переезде русской границы у Путивля: «Сведующие люди нам говорили, что если кто желает сократить свою жизнь на

---

³⁰ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 210 и след.

³¹ Там же, стр. 18.

пятнадцать лет, пусть едет в страну москвитов и живет среди них, как подвижник. . . Он должен упразднить шутки, смех и развязность, ибо москвиты подсматривают за всеми денно и ночью сквозь дверные щели».³²

Здесь запрет на смех объясняется внелитературными причинами. Однако смех отвергали также украинские писатели, например учитель Симеона Полоцкого Лазарь Баранович и Иоанниковий Галатковский. Оба они, и в стихах, и в прозе, ссылались на Иисуса Христа, который никогда не смеялся. Только улыбку — отнюдь не смех — допускал в наставлениях пастве Димитрий Ростовский. Поскольку Украина во многом сохраняла церковную и культурную самостоятельность и после воссоединения с Россией, то в этих высказываниях нужно видеть прежде всего эстетический принцип.

При Петре смех стал непременно ингредиентом придворного обихода. Как государь, как светский глава церкви, наконец, как прихожанин Петр был благочестив; он до тонкостей знал церковную службу и любил петь на крылосе. Но как частный человек он веселился среди членов пародийного всешутейшего собора. При его отце и старшем брате ничто подобное не было возможно. Феофан Прокопович, будучи пастырем церкви, порицал образцового проповедника польского барокко Томаша Млодзяновского за комический эффект, который производили его концепты и аппликации. Но в частной жизни Феофан писал шуточные эпитафии, например иеродиакону Адаму, или комический цикл «Благодарение от служителей домовых за солод новомышленный домовому эконому Герасиму». Он не стеснялся пародировать Писание — см. его частное письмо к лекарю Говию.³³

Снятие запрета на смех отражено в одном из самых популярных анекдотов о Петре.³⁴ «Ненавистники, — говорится здесь, — делая разные наветы и клеветы о невоздержном будто житии и о праздности митрополита Стефана Яворского. . . , старались всячески привести сего достойного мужа в немилость. Его величество . . . вознамерился врасплох посетить митрополита. Часу в десятом ночью поехал к нему на подворье и, вошед нечаянно в келию, застал его одного, трудящагося в сочинении книги „Камень веры“, обкладенного кругом богословскими творениями». Дальше рассказывается, что на столе у Стефана стояло несколько бутылок. Петр подозревал, что там вино, и перепробовал изо всех по очереди. Оказалась брусничная вода. «Оставя таким образом митрополита, — продолжает повествователь, — вздума-

---

³² Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., вып. 2. М., 1897, стр. 101.

³³ Опубликовано в кн.: И. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 629—631.

³⁴ Л. Н. Майков. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891, № 107, стр. 72—74.

лось государю тогда же полюбопытствовать о Феофане: что он сей ночи делает... Двери были заперты... Отворили, усмотрели государя, кинулись к Феофану... Бывшие у него гости испугались, стол наполнен был разными напитками и яствами. Но архиепископ, с веселым и добрым духом встретив радостно государя, шедшего к нему, и имея покаял в руках с венгерским, возгласил: „Се жених грядет в полунощи! Блажен раб, его же обрящет бдяща, недостоин же паки, его же обрящет унывающа!“».

Независимо от того, подлинный это анекдот или сочиненный позднее, он отразил очень важные черты петровского быта. Феофан Прокопович держал открытый дом. Смех царил на его приемах, которые современники называли «аттическими ночами». Между прочим, приветственные слова, которыми Феофан, согласно анекдоту, встретил Петра, отдают пародийным кощунством: этот текст начинал одну из служб *страстной* недели.

Официальная и официозная литература XVII в. не знала любовной темы. Разумеется, признавался только супружеский союз, а страсть порицалась как «дело плоти», как дьявольское искушение. В библиотеках как Симеона Полоцкого, так и Епифания Славинецкого не было и быть не могло романов. Зато в петровское время французские галантные книги были у многих вельмож, например у П. Шафирова. В 1721 г. их закупал действовавший по поручению государя Шумахер. В поэзии эмансипация любовной темы вызвала перестройку жанровой иерархии.

Жанровая система классической силлабики была всецело зависима от риторики. Нет ничего в поэтике, чего бы не было в риторике, — этот тезис повторяется во многих курсах Киево-Могилянской академии. Оба больших сборника Симеона Полоцкого. «Рифмология» и «Вертоград», если оценивать их с позиций теории красноречия, можно отнести к проповедничеству — первый к проповеди торжественной, второй — к советательной. Если же прилагать к классической силлабике мерки поэтик, тогда окажется, что используемые жанры почти без исключений укладываются в разряд так называемых *сильвий* (*silvae*, это слово заимствовано из сборника стихов Стация). В поэтиках XVI—XVII вв. к этому жанру относили стихотворения небольшого размера, причем разновидности *сильвий* располагались «в том порядке, в каком изменится сама человеческая жизнь».³⁵ К *сильвиям* относили *эпиникион* — стихотворное воспевание победы, *евхаристикон* — выражение благодарности, *генетлика* — стихи на рождение ребенка, и т. д. Брак, крестины, возвращение из путешествия, смерть и погребение — все это было предметом *сильвий*. Как видим, они очень сильно связаны с красноречием. Главное место

---

³⁵ Maciej Kazimierz Sarbiewski. O poezji doskonałej czyli Wergiliusz i Homer. (De perfecta poesi, sive Vergilius et Homerus). Wrocław, 1964, str. 246.

среди них занимали панегирики, образцовым автором которых считался Клавдиан.

В петровское время сивилии, конечно, не исчезли. Все поэты во главе с Феофаном Прокоповичем писали панегирики по самым разным поводам, и в них, сравнительно с классической силлабикой, вовсе не убавилось сервизма. Однако в петровское время в жанровой иерархии выдвинулась элегия.

Элегию роднит с сивилиями монологический момент, но элегия не имеет отношения к проповеди. Поэзия в данном случае обособляется от красноречия, поэтика освобождается от оков риторики. М. К. Сарбевский, несколько вольно толкуя Горация, приписывал последнему мнение, что элегия может стать орудием любовной поэзии.³⁶ В петровское время так и случилось, и Виллим Монс с Егором Столетовым в качестве частных лиц были элегическими поэтами-дилетантами. Очень важно, что теория допускала употребление музыки в элегии. Этот признак, как и все другие поэтические моменты, позволяет относить к элегическому жанру те любовные песни, которые исследовались В. Н. Перетцом и А. В. Позднеевым.³⁷ Элегии писал Феофан Прокопович («Плачет пастушок в долгом ненастье», с элементами буколическими). Напомню в связи с этим, что у себя в доме Феофан завел пение и инструментальную музыку, которая предписывалась и составленными им семинарскими регулами. С элегий начал свою поэтическую карьеру и Третьяковский.

Превращение писателя в частное лицо, не связанное «христианской свободой», кажется мне самым характерным и перспективным признаком литературного быта петровского времени. Результаты этой метаморфозы не замедлили сказаться в снятии запрета на смех и любовь. В первой четверти XVIII в. эти результаты оставались еще в потенции. Поэтическое качество было невысоким, потому что поэзией занимались дилетанты. Несколько позднее изменилось и качество.

---

³⁶ Ibid., str. 22.

³⁷ В. Н. Перетц. Очерки по истории поэтического стиля в России. (Эпоха Петра Великого и начала XVIII ст.). — ЖМНП, 1905, № 10, стр. 344—404; 1906, № 6, стр. 382—408; 1907, № 6, стр. 326—361, А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии). — Ученые записки Моск. гос. заочн. пед. инст., т. 1, 1958, стр. 5—112.

Н. И. ПРОКОФЬЕВ

О ТРАДИЦИЯХ И НОВАТОРСТВЕ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Писатели петровского времени были еще во власти традиций, веками сложившихся на Руси, хотя и осознавали необходимость преодоления старых принципов изображения жизни. Они прежде всего стремились отказаться от религиозно-символического мировоззрения как единственного и универсального средства познания и объяснения общественных и природных явлений. Петровские реформы и пришедшее вместе с ними русское просвещение способствовали разработке новой системы взглядов на общественно-историческую жизнь, системы, отвергавшей религиозный символизм. Однако выработанная веками форма древнерусских «хождений»¹ оказалась пригодной и в новых исторических условиях. Старая литературная конструкция, система языковых средств, особенно принцип правдивого и точного повествования, который основывался в хождениях не столько на вере, сколько на личном опыте писателя, на непосредственном восприятии виденного, — все это отвечало задачам рационалистического подхода в литературно-художественном познании мира.

Если древнерусские жанры, базирующиеся на религиозной интуиции (видения, знамения, чудеса), отмирают, то хождения как сложившаяся литературная форма, трансформируясь, продолжают свою жизнь в новых исторических условиях. Следует иметь в виду, что в петровскую эпоху появляются традиционные паломнические хождения, интерес к которым поддерживался церковью

---

¹ См.: Н. И. Прокофьев. 1) Хождения как жанр в древнерусской литературе. — Вопросы литературы. Ученые записки Моск. гос. пед. инст. им. В. И. Ленина, № 288, 1968; 2) Русские хождения XII—XV вв. — Литература Древней Руси и XVIII века. Ученые записки Моск. гос. пед. инст. им. В. И. Ленина, № 363, 1970; 3) Древнерусские хождения XII—XV веков. (Проблема жанра и стиля). Автореф. докт. дисс. М., 1970.

и которые в измененной форме еще долго будут существовать в русской литературе.² Создаются в это время очерки о путешествиях в форме записей устных рассказов.³ Широко распространялись и были популярны в XVIII и даже в начале XIX в. некоторые древние хождения, о чем свидетельствуют сохранившиеся рукописные списки и печатные издания. Только, например, в Государственной публичной библиотеке имени В. И. Ленина хранится 25 списков XVIII в. «Хождения Трифона Коробейникова». В описании Н. В. Ружского из 99 списков «Хождения игумена Даниила» 3 списка относятся к концу XVII—началу XVIII в., 13 — к XVIII в.⁴ В сводной таблице К. Зеэмана из 147 рукописных списков «Хождения игумена Даниила» на XVIII в. приходится 32 списка.⁵

Однако не эти памятники литературы путешествий в первую очередь характеризуют петровскую эпоху. Идеи и дух времени с наибольшей полнотой отразились в путевых записках о странах Западной Европы: «Неизвестной особы» (1697—1698), П. А. Толстого (1697—1699), Б. П. Шереметева (1697—1699), А. А. Матвеева (1705), Б. И. Куракина (1707—1711) и др.⁶ Эти произведения возникли не только на основе «литературной традиции статейных списков», как заметил Д. С. Лихачев,⁷ но и на традициях древнерусских хождений вообще, как паломнических, так и светских.

В литературе древней Руси начиная с «Хождения игумена Даниила» были довольно разработаны принципы и логические приемы создания путевых очерков, в основе которых лежал личный опыт писателя-путешественника. Эти принципы и приемы можно свести к следующему: писать необходимо лишь о том, что испытал сам путешественник, что он увидел собственными глазами («списах все, еже видех очима своима грешныма»); не

² См.: Паломники — писатели петровского и послепетровского времени, или путники во св. град Иерусалим. С объяснительными примечаниями арх. Леонида. — ЧОИДР, 1873, кн. 3; М. Самецкий. Русское паломничество на православный Восток в первой половине XVIII в. Диссертация Киевской духовной академии. БАН УССР, дисс. № 1741, 1902.

³ См., например, две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки: ЧОИДР, 1891, кн. 3, стр. 1—18.

⁴ ЧОИДР, 1891, кн. 3, стр. 1—172.

⁵ Slavische Propylaen, Bd. 36, München, 1970, S. 65—72.

⁶ Путевые записки «Неизвестной особы» напечатаны в «Русской старине», 1879, № 5; П. А. Толстого — в «Русском архиве» 1888, № 2—8; Б. П. Шереметева — в «Памятниках дипломатических сношений России с державами иностранными», т. X (СПб., 1871, стр. 1581—1618); А. А. Матвеева — в труде П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом», т. I (СПб., 1862, стр. 151—155); Б. И. Куракина — в «Архиве князя Ф. А. Куракина», т. I (СПб., 1890, стр. 101—240). Далее цитаты приводятся по этим публикациям.

⁷ Д. С. Лихачев. Повести русских послов как памятники литературы. — В кн.: Путешествие русских послов XVI—XVII вв. Статьи списки. М.—Л., 1954, стр. 346.

допускать выдумки, ибо «то есть лжа и неправда»; стремиться к простоте изложения, писать «безо лжи и яко видех очима своима»; создавать законченные небольшие очерки-зарисовки и группировать их в целое произведение по временному или пространственно-топографическому принципу.

Сами очерковые описания строились на нескольких основных логических приемах, используемых в различных сочетаниях: показ действия самих путешественников; показ предмета через его действия и действия, вызванные им; перечисление признаков и действий предмета как средство его описания; «нанизывание» предметов друг на друга при описании.⁸

Веками сложившиеся логические приемы очерковых описаний, широко применявшиеся в древнерусских хождениях, осязательно себя дают знать в путевых записках петровской эпохи. Один из таких приемов условно можно называть «нанизыванием» одного более объемного предмета на цепь следующих за ним предметов с уменьшающейся объемностью, типа игрушечных «матрешек» или сказочного приема: дуб, на дубу — сундук, в сундуке — утка, в утке — яйцо, в яйце — иголка. Интересно сопоставить описания памятников скульптуры в древнерусских хождениях и в путевых дневниках петровского времени.

Вот как, например, анонимный путешественник конца XIII — начала XIV в. описывает двор византийского императора: «... есть царвь дворъ Константинов над морем над великим; есть на цареве дворе узорочье: над морем высоко вельми поставлен столпь камен, а на том столпе 4 столъпци каменных, а на тых столпцех положен камен, а в том камени вырезаны псы крылаты и орли крылаты камены и бораны камены; бораном рога збиты, да и столпы обиты».⁹ Описание строится по нисходящей линии: двор, на дворе — столп, на столпе — четыре малых столпа, на малых столпцах — камни, на камнях — фигуры животных и птиц. Неизвестный Суздалец, проезжая в 1439 г. по городам Северной Германии, так описывает фонтаны: «И среди града того суть столпы устроены, в меди и позлащены, вельми чудно, трею сажени и выше. И у тех столпов, у коегождо, люди приряжены около тою же медию, истекает ис тех людей изо всех воды сладки и студены: у единого изо уст, а у инаго из уха, а у другаго из ока, а у инаго из локты, а у инаго из ноздрию. Истекает же прытко вельми, яко из бочек».¹⁰

⁸ См.: Н. И. Прокофьев. Древнерусские хождения XII—XV веков. (Проблема жанра и стиля), стр. 21—22.

⁹ Цит. по кн.: М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XV века. Л., 1934, стр. 133.

¹⁰ Цит. по: Н. И. Прокофьев. Древнерусские хождения XII—XV веков. (Проблема жанра и стиля). Докт. дисс. Рукопись. Ч. III. Тексты и текстологические разыскания. М., 1969, стр. 748.

В описаниях фонтана в Генуе работы Буонарроти в записках «Неизвестной особы» узнаются приемы и стиль древнерусских хождений: «Три лошади есть превеликие, на них мужик стоит, у той, что на середке, лошади из языка, а у крайних коней из ноздей вода течет; кругом тех лошадей ребята из мрамора сидят, воду пьют». В путевом дневнике П. А. Толстого подобно описывается памятник папе в Ферраре: «... в том же городе есть одна площадь великая, около той площади вокруг поставлены столбы низкие каменные, столб от столба сажени по три, и по тем столбам по верхам проделаны пробои железные толстые, и в те пробои проняты чеши железныя не тонкия, и вся та площадь теми чепьми от столба до столба обвешана, чтоб невозможно было никому по той площади в карете или в телеге или верхом проехать. И растет на той площади трава великая, а посреди той площади поставлен один великий столб каменный белый, зело высок и толст, из одного камня высечен, изрядною резною работою сделан; на верху того столба сделаны из того же камня кресла изрядныя, и в тех креслах посажена персона папы римскаго, высечена из камня предивною работою». Логические схемы в сущности такие же, как и у древних паломников: у П. А. Толстого, например, город, в городе — площадь, на площади — столбы, в столбах — пробои, в пробоях — цепи железные; в центре площади — колонна, на колонне — кресла, в креслах — фигура папы.

От стиля древнерусских памятников заимствуются П. А. Толстым и другими авторами путевых записок петровской эпохи повторяющиеся союзы, союзные слова, указательные местоимения, стоящие в начале предложения (*и, когда, также, тут, тот, та, те* и др.), и традиционный фразеологический оборот, выражающий чувство восторга («описать подлинно невозможно»). Даже употребление иноземных слов является традиционным. Только в древнерусских хождениях употреблялись, нередко с объяснением, слова греческие, арабские, персидские и других восточных языков, т. е. языков тех стран, куда приезжали русские путешественники, а в записках петровского времени эта лексика восходит к языкам Западной Европы. Что же касается принципов и стилистической функции употребления иноземной лексики, то они в сущности остаются прежними, традиционными.

Путевые записки петровского времени по своей литературной форме стоят на грани между древнерусскими хождениями и современным жанром путевого очерка. Новое и старое в них причудливо сливается. Эта смесь обнаруживается в содержании и языке произведений. Путешественников продолжают привлекать христианские святые и храмы Западной Европы, и описываются они в стиле паломнических хождений. Узнается, например, стиль русских паломников в описании собора св. Марка в Венеции, которое мы находим в записках «Неизвестной особы»: «Тут млеко пресвятыя Богородицы в склянице, и власы Богородицы русы,

гвоздь которым прибито тело спасителя и бога нашего; тернового венца часть; часть столба, у которого творца нашего бичевали; ризы пресвятыя Богородицы; евангелие, написанное евангелистом Марком; камень тот, из которого в пустыне Моисей воду источил».

Но в отличие от древнерусских паломников путешественники петровского времени с увлечением рассказывают об экономике, культуре и искусстве, о музеях и технических новинках, о балах и маскарадах, о зоопарках и библиотеках, об уличных народных зрелищах. В дневниковых записях «Неизвестной особы» вслед за описанием святынь рассказывается уже другим стилем: «Из Венеции ездил в Муран морем с версту, где стекла зеркальные делают, посуды всякие, камень толкут и топят. В Венеции сенаторы и жены их ездят в гундолах, покрыту сукном черным, стекла хрустальные в окончинах, т. е. на лодках; гребут стоя нарядны гребцы в бархатных кафтанах; а у послов и посланников разных государств гундолы резные, вызолоченные на красно-бархатом, а гребцы в золотых кафтанах. В Венеции публичных блядок с 80 000 есть.

На площади же я видел, как хитро мужик делал: два гвоздя железные в нос забил и на тех гвоздях на веревке малого поднимал лет 18. Он же камень ел и воды выпил ушат большой. Еще привязав к волосам камня, пуд по 6-ти носил. И смотрел я в Венеции, как сенаторы играют мечом: нудут духом, гораздо бьют руками; а на руках у их, кто играет, в то время инструмент точеный, деревянной будто лукошко».

Пестрота содержания, языка и стиля путевых записок отражала неустоявшийся уклад новых отношений, когда старое и новое причудливо между собой переплеталось. В самом деле, в очерковых зарисовках «млеко пресвятыя Богородицы в склянице» и ее «власы русы» соседствуют с «публичными блядками», терновый венец Христа и Евангелие, написанное апостолом Марком, стоят рядом с уличными цирковыми представлениями, и писалось это без установок на какой-либо комический эффект. Показательно, что об исцелениях и чудесах, исходящих от святынь, автор уже совсем не упоминает.

Такое причудливое смешение и в предметах описания и в языке составляет известную литературную систему начала XVIII в. В этой системе старая форма вступала в противоречие с новым содержанием, что производило юмористическое впечатление позднее и не могло не вызвать улыбки у читателей XIX в. Недаром известный актер и писатель И. Горбунов включал в свой юмористический репертуар чтение отрывков из путевых записок о Западной Европе начала XVIII в.

Дореволюционные исследователи, отмечая в путевых записках петровского времени древние традиции, взятые в их самом общем виде, без прослеживания стилевых совпадений, не уделяли доста-

точного внимания тому новому, что несли в себе эти записки.¹¹ При этом подчеркивалось, что русские путешественники, оказавшись в окружении европейской культуры, не могли якобы разобратся в своих впечатлениях, поэтому выглядели какими-то чудакватыми дикарями. Так, В. О. Ключевский писал: «Неподготовленные и равнодушные, с широко раскрытыми глазами и ртами, смотрели они на нравы, порядки и обстановку европейского общества, не различая див культуры от фокусов и пустяков, не отлагая в своем уме от непривычных впечатлений никаких помыслов».¹² Подобные суждения широко бытовали в исторических и литературоведческих работах. Правда, в некоторых записках (например, «Неизвестной особы») достаточно материала для таких оценок. Однако во всех сочинениях этого жанра содержится много свежего материала, непосредственных впечатлений и умных, глубоких суждений, в которых отражена решительная ломка старых традиций и наступающее обновление социальной жизни.

Новое в записках петровского времени заключалось в необычайно широком охвате явлений иноземной жизни. Это нельзя объяснить растерянностью сочинителей или их неумением отделить существенное от пустяков. Русских путешественников интересовало буквально все, что они встречали на своем пути. Трудно указать, что их не привлекало. Объекты описаний, самые разнообразные, следовали один за другим. В этом отношении путешественники петровского времени резко отличаются от древнерусских собратьев, круг интересов и объекты описаний которых были более сужены. Не только в паломнических хождениях, где основное внимание уделялось памятникам христианской культуры, христианским достопримечательностям и святыням, но и в светских (торговых и дипломатических) хождениях на многое в жизни чужих стран не обращалось внимания. Так, в хождениях, относящихся к Ферраро-флорентийскому собору, говорится о Западной Европе, в особенности об Италии середины XV в., но памятники нового искусства обходятся молчанием. Творения великих итальянских мастеров раннего Возрождения не замечаются русскими путешественниками. Они более внимательны к произведениям прошедших эпох, в особенности к тем, которые близки были русской культуре той исторической эпохи.

Путешественники петровского времени жадно впитывают и то, что интересовало древнерусских путешественников, и то новое,

---

¹¹ См.: П. П. Пекарский. 1) Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 145—148, 221—223; 2) Русские мемуары XVIII в. — Современник, 1855, № 4; А. Н. Пыпин. 1) Путешествие за границу времен Петра Великого. — Вестник Европы, 1897, № 9; 2) История русской литературы, т. III. СПб., 1899, гл. 5; А. Г. Брикнер. Русский турист в Европе в начале XVIII века. — Русское обозрение, 1892, № 1, стр. 31.

¹² В. О. Ключевский, Собрание сочинений в 8 томах, т. IV. М., 1958, стр. 236.

что создавалось в Европе. Смотрят они и на новое и на прошлое с позиций людей, желающих осознать европейскую жизнь в ее самых различных проявлениях, все стороны государственного устройства, быт, нравы, культуру, искусства, экономику, социальные отношения. С представителями власти и деятелями культуры Запада русские путешественники держатся с чувством собственного достоинства, хотя и не скрывают, что они прибыли изучать и учиться. Сам великий реформатор был для них наглядным примером, как надо держать себя и учиться у западноевропейских народов.

Другое новое качество путевых записок петровского времени заключается в том, что в них с большей отчетливостью, чем это было в древнерусских хождениях, выражены индивидуальные особенности повествователя. В этом отношении показательно сравнительное рассмотрение путевых записок П. А. Толстого и Б. И. Куракина.¹³

На страницах записок П. А. Толстого сам автор выглядит личностью рационалистической, с практическим складом ума. Он экономист, политик, дипломат, знаток мореходного дела и культуры, он тонко судит об искусстве. Это человек энциклопедических знаний. Наряду с этим П. А. Толстой — человек благочестивый, его привлекают христианские святые, он со знанием дела описывает обряды церковного богослужения в разных странах. Но эти религиозность и благочестивость иного качества, они не мешают ему быть человеком нового мировоззрения, широких взглядов на жизнь. Как деятель и сподвижник реформ, он на все в Европе смотрит с позиций тех преобразований, которые происходили в России. Особенно он питает пристрастие к морскому делу, широко пользуется морскими терминами, хорошо знает техническую оснастку кораблей и практику кораблевождения. Показателен описанный П. А. Толстым случай, когда путешественник, видя, что капитан корабля, на котором он оказался пассажиром, неправильно определил курс, вынужден был взять управление кораблем в свои руки и в тумане, без визуальных ориентиров, приводит корабль к намеченной цели. П. А. Толстой поведал об этом с чувством собственного достоинства, но без тени самолюбования: его рассказ трезв, здрав и объективен.

П. А. Толстой менее всего удивляется, он учится и воспринимает все встречающееся ему критически, как, кстати, и другие авторы путевых записок. Он здраво судит об итальянском искусстве. Восторгаясь итальянской оперой, он замечает, что «комедии в Венеции бывают хуже оперов, однако же zelo забавны», «а танцы итальянские не zelo стройны». Поэтому никак нельзя согласиться с утверждениями А. Н. Пыпина (а эти утверждения разделялись и другими исследователями), будто бы такие

¹³ См.: Г. Е. Гюбиева. Этапы развития русской мемуарно-автобиографической литературы XVIII века. Автореф. канд. дисс. М., 1969, стр. 6.

путешественники, как П. А. Толстой, выглядели смешными на Западе и «въезжали в Неаполь точно в Кострому».¹⁴ Нет, П. А. Толстой, как и другие путешественники той эпохи, прекрасно понимал, что он находится в Неаполе, знал, что ему надо в этом городе, и смотрел на Неаполь без боязни показаться смешным.

Смешной была для читателей XIX в. непривычность лексических средств и их несоответствие (с точки зрения позднего времени) описываемым предметам. Так, рассказывая о встрече с губернатором Мальты, престарелым человеком, который приглашает русского путешественника «в дом с великою любовью», П. А. Толстой пользуется простонародной лексикой, весьма выразительной и непривычной именно для литературы позднего времени, но вполне оправданной в петровскую эпоху: губернатор — «молодец изрядной», путешественника он «встретил на крыльце», просит, чтобы путешественник «с ним мало посидел в воротах».

Толстому свойственны сердечность и теплота в обращении с людьми, в особенности с теми, кто оказывает ему внимание, и отчасти эстетическое восприятие виденного. Но прежде всего он глубокий рационалист. С рационалистических позиций он воспринимает природу. Его пейзажные зарисовки кратки, выразительны и рационалистичны. Живописно и вместе с тем деловито говорит он, например, о морской буре: «... корабль наш мало грузен и шел таков криво, что пушки с нашего корабля чертили по воде», но вот «ветер переменил дыхание», «в тот час увидели от ветров северные хмуры облоки, и опасно было того, чтобы ветер не напал на развитые паруса, от чего, упаси боже, чтоб не учинило порухи кораблю»; «а в той ночи зело было пасмурно и звезд видеть было невозможно»; «и во всю ночь бежали мы в море от берегов прочь на северные ветры, куды нам не хотелось, и на утро бежали на ту ж северную сторону, и... прибежали в Далмацию».

В путевых очерках П. А. Толстого заметна и юмористическая окрашенность некоторых описаний, лукавство, порою смешанное с удивлением. Так, путешественник не без насмешки рассказывает об избрании короля в польском сейме, когда в порыве политических страстей «окна великие и окончины были стекольчатые все повывломаны и окна разбиты от нестройного совету и от несогласия во всяких делах». Юмор совсем не встречался в древнерусских хождениях, где описания были полны глубокой серьезности и абсолютно лишены какого бы то ни было юмористического оттенка.

Яркой индивидуальностью встает перед читателем путевых записок и Б. И. Куракин. Его в первую очередь интересует жизнь аристократической Западной Европы, внешняя культура «знатных

¹⁴ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. III, стр. 257.

персон», светский этикет. В отличие от П. А. Толстого, которого не волновала мысль, каким он выглядит в чьих бы то ни было глазах, Б. И. Куракин с беспокойством пишет, как ему лучше себя держать в европейском «свете», как следует одеваться, где и что из платья лучше покупать. Даже города Европы он рассматривает с точки зрения возможного приятного времяпрепровождения.

Б. И. Куракин поглощен стремлением образоваться по-европейски, хотя вначале он понимает под этим только внешнее, показное. Однако через некоторое время он постигает не только внешнюю сторону культуры Европы. Его записи 1711 г. значительно отличаются от того, что им же написано в 1707 г. За три-четыре года он приобрел глубокие познания европейской жизни, изучил современное европейское искусство. Он со знанием дела судит о вокальном исполнении Николлини, о музыкальном таланте Генделя, о произведениях живописи. От посещения в 1711 г. «королевского дома» у него осталось сильное впечатление об одном портрете: «Между всеми видел одного удивительного мастерства портрет одной полу женского, которая при свече сидит, гораздо простой, стени от огня натурально написаны».

Путевые записки «Неизвестной особы», П. А. Толстого, Б. И. Куракина, А. А. Матвеева, Б. П. Шереметева и других деятелей петровского времени содержат в себе много и общего и индивидуального. Для всех авторов общим является стилевое смешение как определенная литературная система. Это было характерным и для литературы древней Руси. Но в древнерусской литературе смешивались в одном произведении традиционные, издавна существовавшие и ставшие привычными стилевые элементы, в путевых записках петровского времени это смешение носило качественно иной характер. Здесь смешивалось старое и новое, старые формы использовались для выражения нового содержания, обусловленного рационалистической системой взглядов.

Всех путешественников роднит уважительное, порою восторженное и вместе с тем критическое отношение к европейской жизни. Так, А. А. Матвеев восторженно говорит о любезности парижан, об изяществе обращения француженок, о гуманном воспитании детей, об относительной свободе в быту и о многих других сторонах французской жизни. Он видел поражающую воображение роскошь двора Людовика XIV и вместе с тем не прошел мимо бедственного положения народа, за счет которого существовало придворное великолепие. Проезжая по селам Франции от города Меле до Парижа, он замечает: «Но поселянство в тех селах от поборов королевских изнуренное, в конечной пребывает скудости, лошади и ослы и скот гораздо мелок». Критические суждения внедрялись в сознание современников и самим Петром I, который, по отзывам В. О. Ключевского, возражая неумеренным восторгам относительно парижских обычаев и манер светского обхождения, заявлял: «Хорошо перенимать у французов науки и

художества, и я бы хотел видеть это у себя; а в прочем Париж воняет».¹⁵

Путешественники начала XVIII в. — это «птенцы гнезда Петрова», его сторонники и воспитанники, посланные на Запад как с дипломатическими и хозяйственными поручениями, так и с целью изучения европейского опыта во всех сферах его проявления. Они учились на Западе сами и учили русских людей, являлись пропагандистами идей Петра. Их записки не только знакомили с жизнью Европы, но и оправдывали смысл петровских реформ, утверждали их необходимость для русской жизни, побуждали русских людей к умственной деятельности, подводили их к пониманию необходимости учиться у Европы всему достойному подражания, не закрывая при этом глаза на отрицательное и негодное для русской жизни. Их записки направлены вместе с тем и против недоброхотов петровских преобразований.

Путевые записки начала XVIII в. составлялись людьми, для которых литература не была специальностью. И если они брались за перо, то видели в этом практическую необходимость, не задумываясь над литературной отделкой и совершенством формы и стиля. Их стиль формировался, так сказать, в черновом и первоначальном виде. Поэтому путевые записки не только дают представление о том, как сторонники Петра воспринимали идеи времени, как они овладевали европейской культурой и как у них складывался идеал новой жизни, но и содержат в себе показательный материал для изучения литературного стиля времени, для понимания литературных традиций и новаторства.

Известно, что Петр неоднократно указывал, что писать надлежит как можно проще и внятнее. Он был противником многословия и необоснованной растянутости. Сам он владел точным и ясным стилем, отточенным порою до афористичности. В его языке причудливо сливалась современная и древняя русская лексика со словами из западноевропейских языков.

Опыт простоты и ясности стиля авторы путевых записок могли почерпнуть из древнерусских хождений, которые широко бытовали в начале XVIII в. Показательно, что не западные путевые очерки служили образцом для русских путешественников петровского времени, а оказалась пригодной веками сложившаяся на Руси система описания путешествий. Если мы обнаруживаем прочную и неразрывную связь путевых записок петровского времени с древнерусскими хождениями, то не найдем заметных западных литературных влияний, кроме некоторых лексических заимствований. Таково парадоксальное явление: учеба у Запада не коснулась литературной формы и стиля путевых записок.

---

¹⁵ В. О. Ключевский. Петр Великий среди своих сотрудников. — В кн.: В. О. Ключевский. Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913, стр. 499.

И. Ф. МАРТЫНОВ

ТРИ РЕДАКЦИИ «СЛУЖБЫ БЛАГОДАРСТВЕННОЙ О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ ПОД ПОЛТАВОЙ»

27 июня 1709 г. блестящая победа русского оружия в Полтавском сражении послужила переломным моментом в многолетней войне России против Швеции за овладение выходом к Балтийскому морю. Стремясь увековечить память об этом знаменательном событии, Петр I приказал ректору московской Славяно-греко-латинской академии, известному духовному писателю Феофилакту Лопатинскому, сочинить особый благодарственный молебен, который должны были ежегодно служить во всех церквях русского государства в день победы под Полтавой. Составление «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой» и включение ее в состав месячных Миней было одной из талантливо задуманных и осуществленных пропагандистских акций Петра I. Более десяти лет подряд июньскими вечерами тысячи людей во всех концах необъятной России собирались вместе, чтобы, почтив память павших воинов, преисполниться новой решимости довести Северную войну до победного конца.

Характерно, что сочинение этой службы было поручено одному из самых последовательных ревнителей православия, скрытому противнику петровских церковных реформ Феофилакту Лопатинскому. Не только боязнь ослушаться приказа государя, но и принципиальные соображения побудили Феофилакта активно взяться за работу. Страстный враг протестантизма, влияние которого начало ощущаться в России со времени Петра I, Лопатинский увидел в благодарственном молебне о победе над войсками шведского короля-протестанта удобный повод широко осудить «лютерскую ересь». Превосходство русского оружия над шведским символизировало для Феофилакта и его единомышленников торжество православия над лютеранством. Поэтому в первом варианте «Службы» ее автор был столь щедрым на уничижительные эпитеты шведам, называя их «еретиками», «лжехристианами», «святотатцами», «нечестивыми», призывая на их головы «студ и

пагубу».¹ Следует отметить, что для обвинения шведов в святотатстве у Феофилакта имелись веские доводы. Не случайно он настойчиво подчеркивал в «Службе» факт надругательства неприятельских войск над иконами: «Непочитатель креста святого, лжехристианин, божественных икон посмеятель, силою креста святого побежден есть и поруган, и не надейся на помощь Всесильнаго, его же честь во иконах повреди, к ненавистникам имене Христова побеже. Крестonosный же царь православный российский, святых икон поборник, победительную песнь Богу вспеваая, да царствует во веки в мире»; «Образа златна Божески не почетши, победиша гордыню Навуходоносорову преславнии отроци. Мы же, божественныя иконы благочестиво почитающе, свейское высокоумие смирихом. Паде Навуходносор, образ свой, аки Божий, почитати повелевающий; падоша свен, образы святых поругающи. Мы же обоих не истию сопротивоборцы силою Вышняго победихом».²

Кошунственное разграбление шведами православных церквей на оккупированных ими территориях, натравливание на Россию турок вызывало глубокое возмущение во всех слоях русского общества тех лет. «Когда [в] 1709 году по Полтавской баталии и розбитии шведского войска, — сообщал П. П. Шафиров в антишведском трактате, — пришли россиане на место их обозу, то к великому своему удивлению у многих знатных генералов и офицеров нашли в конюшнях и скотских хлебинах множество великих святых икон Христа Спасителя и Пресвятыя Богородицы, також апостольские и других святых, которые из церквей выняты и место простых досок на двери и на другие перегородки употреблены, а из иных шахматные доски сделаны, что не инако, яко ради хулы и ругательства учинено. Ибо не было такой нужды тамо в простых досках и другом лесе, чтоб без того обойтится невозможно; и то вся самая истинна, ибо его царское величество и все его высокие генералы и министры и протчие то очима своими видели».³

Определенную остроту антишведским выпадам, зачастую едва ли уместным по отношению к армии христианского государя, придали источники, которыми, вероятно, пользовался Феофилакт Лопатинский при написании «Службы благодарственной».

¹ См.: Книга Миниа, месяц вуний. М., 1711, л. 274 об., 275, 280, 281, 286, 289 об., 291 об.

² Там же, л. 280, 289 об.

³ Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый царь и повелитель Всероссийский ... к начатию войны против короля Карола 12 Шведского 1700 году имел, и кто из сих обоих потентатов во время сей пребывающей войны более умеренности и склонности к примирению показывал, и кто в продолжении оной с толь великим разлитием крови христианской и разорением многих земель виновен, и с которой воюющей страны та война по правилам христианских и политичных народов более ведена ... СПб., 1717, стр. 68.

На протяжении многих веков Россия вела войны преимущественно с нехристианскими народами. Это, на наш взгляд, наложило отпечаток на всю систему художественных средств, которыми изображались враги русского государства. Лопатинский, до конца своих дней оставшийся приверженцем схоластических традиций старой киевской школы, не хотел и не мог отступить от освященного временем шаблона.⁴ Использование в «Службе» пиитических и риторических штампов особенно заметно при ее сопоставлении с наиболее близкой предшественницей — «Ектенией о победе на супостаты», изданной в 1702 г.: тот же набор эпитетов («крестоненавистное супостат наших царство», «еретики», «злочестивые» и т. п.), те же призывы на их головы «студа и бесчестия» и мольбы к богу «возвысить род христианский над еретическим», хотя в одном случае под «супостатами» понимаются «нечестивые» турки, а в другом — христиане-шведы.⁵

При первом знакомстве с текстом «Службы благодарственной» у Петра I, по-видимому, не возникло никаких сомнений, и он щедро вознаградил Феофилакта за усердие. По свидетельству современника Лопатинского, Гедеона Вишневого, «когда преподобный Феофилакт, бывший тогда архимандрит и ректор [Московской духовной академии], сложивши благодарственное всеобщее пение за полученную над шведами под Полтавою победу, поднес оное блаженныя памяти государю императору Петру I, в то время прибавлено, по указу, годового жалования и давано архимандриту и ректору по 300 рублей (прежде производилось по 200), всякому ж учителю по 150 рублей (а прежде по 100)».⁶ После апробации царем «Служба благодарственная» была напечатана отдельной брошюрой (в 4^о, на 38 листах, без указания года и места издания) и включалась без изменений в месячные Миней 1711 и 1717 годов, а затем ее переложил на ноты М. И. Ширяев.

⁴ Феофилакт Лопатинский был одним из активнейших переводчиков петровской эпохи. Зная требования Петра I к слогу, граф И. А. Мусин-Пушкин неоднократно просил Феофилакта не злоупотреблять «высокими словами славянскими», писать «простым русским языком». Однако это трудно давалось ученому монаху, и Петр I часто браковал его переводы как выполненные «гораздо плохо». См.: А. Н. Лавровский, Феофилакт Лопатинский и его библиотека. — Ученые записки Калининск. гос. пед. инст. им. М. И. Калинина, т. XV, вып. 1, 1947, стр. 202—203.

⁵ См.: О победе на супостаты христоименитому воинству и о освобождении под игом работы их сущих правоверных христиан. Ектении, их же подобает глаголати на литургии, на вечерни же и утрени аще. М., 1702, л. 2 об., 3, 4 об., 6, 7. Ср.: Книга Миния, месяц июний, л. 274 об. (Далее ссылки на это издание даются в тексте — Миней, л.).

Подробнее об употреблении канонических эпитетов и метафор в изображении врагов русского государства см.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 105—109 и др.

⁶ См.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. Описание славяно-русских книг и типографий 1698—1725 годов. СПб., 1862, стр. 200.

Однако с новыми победами русского оружия над шведами в Прибалтике и Финляндии международная обстановка осложнилась. Все попытки увенчать эти победы почетным и выгодным для России миром наталкивались на противодействие Англии, побуждавшей шведское правительство продолжать войну. В этих условиях русской дипломатии потребовалось немало усилий, чтобы доказать европейским народам стремление Петра I к миру и обосновать законность его требований к Швеции. Этим объяснялись и неоднократные заверения правительства России в отсутствии «пристрастия и злобы к шведскому народу» и постоянные напоминания о том, что война ведется русскими «со всякою умеренностию, христианским милосердием и от большей части по обычаю всех политичных христианских народов».⁷ 30 августа 1721 г. под угрозой полного военного разгрома шведское правительство согласилось на подписание Ништадтского мирного договора, завершившего Северную войну и закрепившего за Россией часть побережья Балтийского моря.

После заключения мира ежегодное «анафемование» с амвона шведов и их покойного короля стало неуместным, и при подготовке к изданию в 1724 г. месячных Миней Петр I распорядился основательно переработать и сократить «Службу благодарственную». Так появилась вторая редакция «Службы». В начале 1724 г. текст ее, написанный столбцом с большими полями для помет, в обтянутом зеленым шелком переплете был поднесен на просмотр Петру I.⁸ Неизвестный нам составитель второй редакции «Службы» убрал из нее наиболее резкие выпады против шведов и сократил длинноты. В его стилистических замечаниях чувствуется редакторская школа Петра I, требовавшего от авторов излагать свои мысли в сжатой, точной и ясной форме. Приведем некоторые, наиболее характерные примеры второй редакции «Службы благодарственной».

В первый же стих «Службы» редактор внес существенные стилистические и смысловые изменения, убрав из него несколько слов (выделенных нами курсивом): «Трисвятыми песньми непрестанно от ангелов хвалимый, восприми и от нас бранных трисвятую песнь, победителю Боже, бранными и скверными усты вопиющих: святой Боже. . ., врагов наших умертвивый, нас же от смерти сохранивый» (Миней, л. 274; Рукопись, л. 2). Среди других мелких редакционных сокращений любопытно решение изъять из текста «Службы» обращение к русским воинам, призывающее их «уповать» только на «милость Божию», а «не на свою силу»

⁷ Разсуждение какие законные причины. . ., предисловие, стр. [2].

⁸ 10 мая 1773 г. Екатерина II распорядилась передать эту рукопись в Библиотеку Академии наук, где она и хранится поныне (шифр: Петровская галерея 33), см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век. М.—Л., 1956, стр. 16. (Далее ссылки на эту редакцию «Службы» даются в тексте — Рукопись, л.).

(Миняя, л. 276 об.; Рукопись, л. 5). Любому, даже глубоко религиозному человеку была ясна наивность этого утверждения.

При редактировании текста почти все конкретные эпитеты и метафоры, большей частью оскорбительные для шведов («нечестивые», «еретики», «лжехристиане», «враги православия», «лев свейский, борющийся с нами», «надругатели свейские на российской державу», «супостаты» и др.), заменялись абстрактными («сопротивные», «борющиеся с нами»). Победы русского оружия, по мнению редактора, должны были заставлять «удивляться», а не «трепетать» все «окрестные народы», а бога следовало молить не о «студе и пагубе», а о «побеждении» противника. Кроме того, во второй редакции отсутствуют упоминания о глумлении шведов над иконами и выпады против покойного Карла XII, которого Феофилакт сравнивал с ересиархом Симоном, с гордым фараоном, потопленным богом в Черном море, с деспотом Навуходоносором, с жестоким и коварным римским императором Максенцием, разгромленным Константином (Миняя, л. 274 об., 275, 280, 281, 284, 286, 286 об., 287, 288, 289, 289 об., 291, 292, 292 об.; Рукопись, л. 2 об.—3 об., 5 об., 6 об., 7, 14 об., 15, 18, 18 об., 20 об., 21, 21 об., 22).

Характерно скептическое отношение редактора к стремлению Феофилакта придать победе русских под Полтавой чуть ли не глобальное значение. Россия для него в первую очередь — «слава сынов своих», а не всего «православия», поэтому и победа должна радовать Россию, а не всю «землю», российский, а не весь «христианский род» (Миняя, л. 280, 281; Рукопись, л. 5 об., 6 об.).

О том, насколько радикальной переработке подверглись по политическим соображениям отдельные части текста «Службы», свидетельствует сопоставление песни 8-й (глас 1) в первой и второй редакциях:

Песнь 8. Глас 1. Ирмос

Миняя (л. 290)

Забы лев естества своего устав,
еже ловити в ограде своей, дерзне
внити в пределы чуждых, тем же и
уловлен ест от Господа. О сем Гос-
пода прославите во вся веки.

Петр Апостол рече: супостат наш
диавол, яковлев. Петр же Российский,
виде супостата льва, яко дьявола,
вниде бо в державы российскийя, но
ничтоже кроме рыкания сотвори, низ-
ложен бо и изгнан Господем нашим,
его же превозносите во вся веки.

Камо изгнан бежнши супостате
в стадо агарянское, полки своя в по-
ражение и в плен оставив. О сем мы
воспоим Господа и превозносим во
вся веки.

Рукопись (л. 19, 19 об.)

Божним смотрением душа наша,
яко птица, избавися от сети лова-
щих; сеть сокрушися, и мы избав-
лены быхом. Помощь наша во имя
Господа сотворившаго небо и землю.

Авраам, слышав обетования
прежде одержания земли ханаани, со-
здав жертвенник, благодаряше Бога
усердным молением. Мы же, по вос-
приятии толика победы, паче дол-
женствуем благодарити Господа и
превозносите его во вся веки.

Камо бежите оставшии против-
нии в стадо агарянское, ища у вра-
гов христианских помощи, еже ни-
чтоже вам успеха. О сем мы вос-
поим Господа и превозносим во вся
веки.

На этом примере хорошо видно, как в процессе редактирования «Службы благодарственной» постепенно модернизировались ее содержание и слог, исчезала ее антипротестантская направленность. Стремление составителя второй редакции подчеркнуть, что Северная война носила политический, а не религиозный характер, нашло завершение в третьей редакции «Службы», начатой Петром I и завершённой по его указаниям Гавриилом Бужинским.

Более ста лет назад П. П. Пекарский расшифровал и опубликовал большинство поправок и замечаний Петра I и Гавриила Бужинского, сделанных ими на полях рукописи «Службы» второй редакции.⁹ Однако он отказался от их подробной систематизации и анализа, ограничившись только общими выводами о характере этих исправлений.

Петр I внимательно прочитал рукопись, сверяя ее, как свидетельствует пометка на л. 15, с текстом «Службы» первой редакции. Все его поправки и замечания можно разделить на три основные категории: стилистическая правка, окончательное устранение из текста «Службы благодарственной» призывов Феофилакта ко всему миру разделить торжество русских и его выпадов против шведов и, наконец, ясные указания на истинный характер Северной войны.

В первую очередь коронованный редактор постарался убрать нагромождения синонимов, характерные для слога Феофилакта Лопатинского. В благодарственном стихе богородице за избавление от «бед, скорбей и недугов» Петр I вычеркнул второе слово, как ненужный синоним (Рукопись, л. 21), а на полях рядом с фразой «стениящий и рыдающий супостат» сделал пометку: «Одно из сих двух» (Рукопись, л. 9 об.; Пекарский, стр. 200—201). Петру показалось также излишним постоянное перечисление всех частей триединого божества, что видно из его замечания: «Кажетца многовато, аднако на произвол» (Рукопись, л. 2 об.; Пекарский, стр. 200). От его опытного глаза не укрылась выпендренно громоздкая фраза: «Тебе, убо припадающе, благодарение возсылаем; тебе, Господа, славим, хвалим, почитаем и превозносим, яко победителя и благодетеля нашего, сохраняго ны целы и невредимы во брани и прославляго». Петр I зачеркнул набранные курсивом слова и заменил их лаконичным: «...яко победителю, и благодетелю, и прославителю нашему» (Рукопись, л. 22 об.; Пекарский, стр. 202). В стихе «Аще и агнец непорочен и смирен сердцем Христе, но твоею кротостию лев лютый упроднися» Петру показалось неестественным употребление последнего глагола, и он предложил свой вариант: «Или лев пр[от]ивный нам низложися, даетца на изволение» (Рукопись, л. 15; у Пекар-

---

⁹ См.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II, стр. 200—202. (Далее ссылки на это издание даются в тексте — Пекарский, стр.).

ского нет). Стремясь исключить из «Службы благодарственной» все не созвучные времени места, Петр возражал против ненужной модернизации ее первоначального текста. Так, заметив, что во второй редакции слово «царь» заменено на «император», он написал на полях: «Тогда того титла не было» (Рукопись, л. 11; у Пекарского нет).

Местами пиитические восторги Феофилакта, даже смягченные во второй редакции, казались Петру I чрезмерными. Так, ему представилось слишком смелым называть щедроты бога, даровавшего русским победу, «от века неслышанными», и он заменил их более скромным — «едва слышанными» (Рукопись, л. 2 об.; Пекарский, стр. 200). Свое удивление призывом Феофилакта прославлять имя божие «превыше небес» Петр выразил в лаконичной помете: «Кажетца не лишняя ль, аднако на произволение» (Рукопись, л. 14 об.; у Пекарского нет). Продолжая линию, начатую его предшественником, Петр-редактор счел нескромным приглашать на молебен о победе под Полтавой «всю землю православленную», всех «земнородных», все «окрестные народы». Ведь это был в первую очередь праздник «земли российской», «россиян», «российских народов» (Рукопись, л. 3 об., 11; Пекарский, стр. 201). «Неприличное сие слово. — писал он на полях рукописи, — чтоб все народы за едину нашу пользу благодарили» (Рукопись, л. 16; Пекарский, стр. 201).

В третьей редакции «Службы благодарственной» Петр I исключил последние антишведские эпитеты и метафоры, заменяя «зверей дивиих, исходящих от нырищ своих на поядение и попрание» «православного винограда» на абстрактных «противных» (Рукопись, л. 18; у Пекарского нет). Из «Припевов», сочиненных составителем второй редакции, он предложил «отставить» фразу: «Отрините гордость свеяне и не злобствуйте россианом, Бог бо их заступник» (Рукопись, л. 20 об.; Пекарский, стр. 201). Пометы Петра I «переменить» и «отменить» стоят рядом со стихами, в которых Феофилакт сначала призывал богородицу «сокрушити» «главы хульные» шведов, «непоклоняющихся» ей, а потом издевался над побежденными, вопрошая их: «Где есть противни наши оружие ваше, где воинския знамения, где корысти, от многих земель награбленныя, где толикая суетная слава — ничто же кроме безчестия вашего» (Рукопись, л. 14, 15, 17, 22).

Наиболее серьезные возражения у Петра I вызвала песня третья «Службы» (ирмосы «Утверди, Господи, церковь твою» и «Лук сильных изнеможе» и седален глас 5 «Трисолнечный свет славословим»), в которой особенно ярко проявились неприязнь Феофилакта Лопатинского к протестантизму и архаичность использованных им литературных штампов. Действительно, в ирмосе «Лук сильных изнеможе» мы находим такие строки: «Во истину крест твой, Господи, оружие непобедимое есть: сим бо враг наш

и посмеятель силы креста низложися, мы же победители явихомся» (Рукопись, л. 11 об.). Этот же мотив повторяется и в ирмосе «Утверди, Господи, церковь твою»: «Жезл силы послал еси нам Господи, крест твой честный, и сим оружие вражие притупил еси» (Рукопись, л. 11). Едва ли такие стихи были уместны в молебне о победе над армией христианской страны. Это и хотел подчеркнуть Петр I, исключая из «Службы» целиком песнь третью и записывая на полях рукописи: «Кроме ирмоса Лук силних или и обейх. Сию песнь всю переменить, понеже бо не идет о законе, а тогда (у Пекарского ошибочно расшифровано — «горда» была Швеция? — И. М.) была война не о вере, но о мере, також и у них [шведов] крест осененный есть во употреблении и почитании. А кажетца прилично, вместо сего взять ... слова Галиафа гордые к Давиду, а от Давида упавательные на Бога, что праведнее и сходнее сие гистории будет» (Рукопись, л. 11; Пекарский, стр. 201). Петр I снова вернулся к этой мысли, встретив дальше в тексте фразу: «Сей [бог] ныне подаде силу во брани верующым во имя его». На полях рукописи он пометил: «Кажетца надежда приличнее, неже вера здесь». Впоследствии рукою Гавриила Бужинского слово «верующым» исправлено на «надеющимся» (Рукопись, л. 16; Пекарский, стр. 201).¹⁰

Вместо исключенной из «Службы» Петром I песни третьей Гавриил Бужинский сочинил два новых ирмоса, используя предложенный императором библейский сюжет о победе благочестивого Давида над гордым великаном Голиафом. Приводим ниже текст этих ирмосов, вклеенных на двух особых листах в рукописный экземпляр «Службы» (л. 12—13), с собственноручной подписью Бужинского: «1724 септеврия 12, Гавриил, архимандрит Троицы Сергиева монастыря».

О баталии Полтавской

Песнь 3

Камень его же небрегоша зиждущий, сей бысть во главу угла, той есть камень, на нем же утверди церковь Христос, ю же от язык искупи.

Укорителными и богохульными словесы гордосердечный смиренного поношаше Голиад Давида, что, яко пес, исходиши, глаголет, на мя, с палицею токмо и камением, увеси меча моего силу, оружие мое снести плоти твоея лепоту, исход твой игралища, а не брани носит приличие.

Исхожду, глаголет к Голиаду Давид, не в тяжестях оружия, ниже с острием меча и брони, но надеждою Господа Саваофа наставника Израилева вооружен, ибо предати тя имат Бог днесь в руде мой.

Коего Бога, отвеща Голиад, Израилева, сказуеши, Боги нашими филистимскими буди проклят, бежи отсюда и не приближайся ко мне, детское бо носиши оружие, прашеметанием отроци веселятся, zde же абие тяжкую меча моего в выи твоей искусиши силу.

¹⁰ Аналогичную поправку Петр I сделал и на следующем, 17-м, листе рукописи.

Не оружием, ни бронями, рече Давид, спасает Господь, но за истинну вооружающимся споборствует, аз во уповании на Господа мечем твоим отниму главу твою, предам тело твое и полков твоих птицам и зверем на снадение, и разумеет вся земля, яко еси Господь Бог во Израили.

И н и р м о с

Лук сильных изнеможе

Укорительная претерпела еси Россие словеса на силнаго нсходящая и высокоумнаго супостата твоего, не могущая, аки Давид, носити оружие, яко необыкшая к нему, не сетуй прочее внигда оскорбляют тя врази твой, уповай на Бога и исповеждся ему, той спасение лица твоего и защитник твой.

Неисповедимое твое исповедем благоутробие, Владыко, научившаго отроческия руде Давидовы на ополчение, и нас во брани сей не ведущих брани умудрившаго, отъявшаго поношение наше пред человеки и торжественными победами увенчавшаго.

Пращею во главу поразивый Голиафа богоукрепленный Давид псалмо-словаше славу победителя Бога, воззови со Давидом ныне торжествующая Россие и от благодарственного усердия воскликни: благословен Господь Бог, научаяя руде мои на ополчение.

Ныне собори российстии сошедшеся, прославим Господа, прославившаго нас, воздвигнувшаго рог спасения во отечестве нашем, в злолутое бед и смятений время даровавшаго вождя премудраго и наставника, его же промышление врази наши сут покорени под ноги наша.

Однако усилия всех трех редакторов окончательно нейтрализовать антишведскую, антипротестантскую направленность «Службы благодарственной» не увенчались успехом, и она не была включена в месячные Миние 1724 г. Как явствует из вставки Гавриила Бужинского на обороте л. 3 рукописи, с мольбой к богу «споборствовать на сопротивныя» ныне царствующей «благочестивейшей императрице Екатерине», он и после смерти Петра I продолжал дорабатывать текст «Службы». В 1736 г. императрицей Анной Иоанновной было поручено Синоду заново пересмотреть всю «Службу» и исключить из нее «находящиеся там к стране свейской речения, ради того, что с короною свейскою заключен вечный мир», а до выполнения этого служить в день Полтавской победы только обычный благодарственный молебен (Пекарский, стр. 202). Так продолжалось до 1741 г., когда Швеция, мнимо беспокоясь о немецком засилии в России, объявила войну правительству Анны Леопольдовны. Арсений Мациевич, подготавливавший «Службу» для нового переиздания, внеся в нее ряд изменений, докладывал Синоду, что «более прежних изображенных в Службе слов к выключению назначивать не смел, дабы истории не потерять» (Пекарский, стр. 202). Тем временем уже после воцарения Елизаветы Петровны со Швецией был подписан Абосский мир, и нужда в специальной «Службе благодарственной» о победе под Полтавой снова отпала. Однако строки, написанные Феофилактом Лопатинским, еще долго звучали июньскими вечерами с амвонов церквей. Об этом свидетель-

ствуют многочисленные списки «Службы благодарственной» первой редакции из печатных месячных Миней, изготовлявшиеся вплоть до конца XVIII в.

В Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР сохранились шесть таких списков. Самый ранний из них (начала 20-х годов XVIII в.)¹¹ находится в сборнике служб, привезенном археографической экспедицией Библиотеки из Кировской области в августе 1970 г. (шифр: Вятское собрание, № 60). Этот список более двухсот лет находился в библиотеке Слободского Преображенского собора. Два списка «Службы» петровского времени хранятся в Архангельском собрании. На верхней крышке первого из них (шифр: Арханг. Д. 552) надпись: «1724 иуниа 23-е». Записи на листах 1 и 2 рукописи, сделанные 11 июня 1763 г. и в 1854 г., подтверждают, что она долго принадлежала окологородной церкви Сретения господня, Петра и Павла да Николая Чудотворца и святых мучеников Флора и Лавра Заостровской волости Двинского уезда. Вторая рукопись (шифр: Арханг., № 1140) поступила в Архангельское собрание из Красногорского монастыря. Третий список «Службы благодарственной» из этого собрания (шифр: Арханг. С. 259) был изготовлен уже в 30—40-х годах XVIII в. В середине XVIII столетия сняты копии «Службы», хранящиеся в коллекции Н. Я. Колобова (№ 378) и в Вятском собрании (№ 61). Последняя из них, как указывают записи священника Николая Россинского, в 1813 г. числилась за Троицкой церковью Илии пророка и великомученика Георгия села Волковского Вятской губернии. Все шесть копий списаны с месячных Миней и, естественно, идентичны между собой. И это очень характерно. В то время, как светские и духовные политики в Петербурге модернизировали текст «Службы», приспособивая его к конъюнктурным условиям момента, священники многочисленных церквей во всех уголках земли русской продолжали обличать «нечестивых» протестантов-шведов, дерзнувших вступить в единоборство с воинством православного государя.

---

¹¹ Наиболее близок к протографу список «Службы благодарственной» 1710 г., ныне хранящийся в Отделе рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук Украинской ССР (Киев). См. его описание в кн.: А. Лебедев. Рукописи церковно-археологического музея имп. Киевской духовной академии, т. 1. Саратов, 1916, стр. 65, № 157.

Е. М. ДОБРУШКИН

К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСТВА В. Н. ТАТИЩЕВА
КАК ПИСАТЕЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ
(ДРЕВНЕРУССКИЙ «ОБЫЧАЙ» В «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ»)

«История Российская» В. Н. Татищева имеет сложную историографическую судьбу. Жаркие споры историков о достоверности ее известий и «добросовестности» самого Татищева долгие годы подменяли текстологическое исследование «Истории». Недостаточно изучалось татищевское сочинение и как памятник литературы. Наряду с другими трудами Татищева «История Российская» уже давно включена во все исследования по истории русской словесности в разделы, посвященные литературе эпохи Петра I. Однако в них мы найдем лишь краткий биографический очерк и перечисление основных черт мировоззрения Татищева, нашего «наиболее раннего писателя» нового времени, всецело стоявшего «на почве „петровской литературы“».¹

Проведенный в последнее время анализ обеих редакций «Истории» дал возможность установить, что появление целого ряда ее

---

¹ А. С. Архангельский. Русская литература XVIII века. (Литература петровского времени и ближайших десятилетий — до Ломоносова). Из лекций по истории русской литературы. Казань, 1911, стр. 194 и 160. См. также: Н. И. Греч. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822, стр. 122—126; В. Аскоченский. Краткое начертание истории русской литературы. Киев, 1846, стр. 41—42; А. Д. Галахов. История русской словесности, древней и новой, т. I. СПб., 1863, стр. 328—329; Г. Караулов. Очерки истории русской литературы, т. I. Феодосия, 1865, стр. 370—378; И. Порфирьев. История русской словесности, ч. II. Изд. 2-е. Казань, 1886, стр. 98—111; А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. III. СПб., 1899, стр. 364—366; П. Н. Полевой. История русской словесности с древнейших времен до наших дней, т. I. СПб., 1900, стр. 444—446; А. К. Бороздин. История русской литературы до XIX века, т. II. М., 1908, стр. 344—345; А. Л. Липовский. Очерки по истории русской литературы. (От эпохи Петра Великого до Пушкина). СПб., 1912, стр. 31—35, и др.

чений обусловлено только редакторской работой самого Татищева над известными в настоящее время источниками, а не привлечением каких-то не дошедших до нас памятников.² Татищев предстает теперь перед нами не как беспристрастный переписчик летописей, создатель нового «летописного свода», лишь в примечаниях к тексту комментировавший его известия, а как историк-писатель, автор оригинального исторического сочинения. Сам же Татищев указывал, что, относясь к историческому труду как к произведению дидактического характера, он рассматривал свою работу и как творчество писателя, стремясь сделать текст «Истории» «украшенным», ясным.³ И, как уже отметил С. Н. Валк, историку во многом удалось решить эту задачу, о чем свидетельствует оценка его труда читателями того же XVIII в.⁴ В связи с этим и был поставлен вопрос о необходимости изучения «Истории Российской» как памятника литературы первой половины XVIII столетия.⁵ Не забывая о существовании проблемы происхождения текстов «Истории», необходимо подвергнуть анализу методику работы Татищева над своим сочинением, технику создания им своих известий. Исследование этой проблемы в извест-

² С. Л. Пештич. 1) О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года. — Исторические записки, т. 18, 1946, стр. 327—335; 2) Русская историография XVIII века, ч. I. [Л.], 1961, стр. 236—262; С. Н. Валк. «Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева. — ТОДРА, т. XXIV, Л., 1969, стр. 349—352; Л. И. Сазонова. Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев 1185 г. в обработке В. Н. Татищева. — ТОДРА, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 29—46; Е. М. Добрушкин. 1) О нескольких сообщениях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1185 г. — Материалы научной студенческой конференции. Вып. II. Источниковедение историографии. М., 1970, стр. 7—12; 2) О духу известиях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1113 г. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. III. Л., 1970, стр. 280—290.

³ В. Н. Татищев. История российская, т. I, М.—Л., 1962, стр. 83. (Далее при ссылках на это академическое издание римской цифрой обозначается том, арабской — страница).

⁴ С. Н. Валк. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы. — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.—Л., 1966, стр. 72—73.

⁵ Е. М. Добрушкин, Я. С. Лурье. Историк — писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева). — Русская литература, 1970, № 2, стр. 219—224; Л. И. Сазонова. Летописный рассказ..., стр. 41. Недавно А. Г. Кузьмин опубликовал статью, в которой он выступает против включения «Истории Российской» В. Н. Татищева в историю русской литературы XVIII в. (А. Г. Кузьмин. Был ли В. Н. Татищев историком? — Русская литература, 1971, № 1, стр. 58—63). Столь резкий и неожиданный в настоящее время «протест» А. Г. Кузьмина основан только на его убеждении в том, что «История Российская» представляет собой лишь свод летописей, в тексте которого совершенно отсутствуют плоды творчества самого В. Н. Татищева. Однако этот тезис А. Г. Кузьмина (как, впрочем, никем другим) пока еще не был доказан. Несостоятельность выступления А. Г. Кузьмина в полной мере показана Д. С. Лихачевым (Д. С. Лихачев. Можно ли включать «Историю Российскую» Татищева в историю русской литературы? — Русская литература, 1971, № 1, стр. 64—68).

ной степени позволит восполнить пробел в изучении творчества историков-писателей XVIII в., в наших знаниях о русской словесности нового времени.

Для получения цельного представления о том, как работал Татищев, какими приемами он пользовался, необходимо, на наш взгляд, изучать не только те фрагменты «Истории», которые полностью не имеют аналогии в известных нам памятниках (их принято условно называть «татищевскими известиями»). Следует подвергнуть анализу весь текст «Истории» в сравнении с источниками, в том числе и те ее места, которые лишь частично совпадают с показаниями летописей и других памятников. В статье «Истории» под 1113 г., посвященной важным событиям в жизни Древнерусского государства, обнаруживается целый ряд таких фрагментов, лишь частично совпадающих с чтениями Ипатьевской летописи, послужившей для Татищева основой при написании этой статьи. В данной работе мы попытаемся проследить за тем, как возникло несколько сообщений «Истории Российской» под этим годом, какие источники лежат в их основе и как Татищев работал над созданием их.

Первым рассмотрим известие татищевского сочинения о приходе на Русь половцев после смерти великого князя Святополка и вокняжения Владимира Мономаха. Среди источников это известие читается только в Ипатьевской летописи.

Ипатьевская лет.

I ред. «Истории»

II ред. «Истории»

Слышавше же половце смерть Святополчю, и съвокупившеса и придоша (Е — придоша) к Выры (Е — ко Выру). Володимер же, совокупив (Е — совокупи) сыны свои (Е — своя) и синовце (Е — синовцы), иде к Выру и совокупися с Олгом. Половце (Е — половцы) же бежаша (Е — побегоша).⁶

Слышавше половцы смерть Святополчу, совокупившеса, придоша на выру (на дань); а Владимир совокупи сыны своя и синовцы, иде на половцы и совокупися со Давидом черниговским. Половцы же, слышавше сия, убоявшеса, бежаша (IV, 180).

Половцы, уведав о смерти Святополкове и что Владимир престол возприал, пришли во множестве для требования подарков и стали около Переяславля. Владимир же, совокупясь со Давидом черниговским, пошел противю их, хотя с ними договор учинить. Но половцы, услышав, что Владимир сам к ним дары везет, убоявша, ушли (II, 129).

Как видим, между текстом Ипатьевской летописи и сообщением I редакции «Истории» (написанной на «древнем наречии») наблюдается очень большая близость, позволяющая сделать вывод о том, что именно эта летопись лежит в основе татищевского рассказа. Но наряду с несомненной близостью следует отметить и отличия текста «Истории» от летописи. Уже в I редакции часть

⁶ ПСРЛ, т. II, М., 1962, стб. 276 и стр. 22 (приложения). Здесь и далее буквой Е обозначаются чтения Ермолаевского списка Ипатьевской летописи.

летописных сведений читается в другом виде, имеются и новые сообщения (мотив бегства половцев). При написании II редакции (представляющей в основном перевод I на современный исторический язык) историк еще дальше отходит от летописного сообщения: здесь мы уже находим новые чтения, которых не дает ни летопись, ни I редакция.

Мы думаем, что для написания этого сообщения у Татищева не было иного источника, кроме Ипатьевской летописи, а все отличия «Истории» от летописного известия появились из-за того, что Татищев понял летописное «Выру» как «вира», т. е. «дань» (по его же объяснению, данному в скобках). В том, что историком именно так и было истолковано это слово, убеждает и маргинальная помета, сделанная самим Татищевым: «Половцы дани хотят». Почти все отличные от летописи чтения и в I, и во II редакциях «Истории» обусловлены переосмысливанием летописного текста. Поэтому мы можем рассматривать данный фрагмент «Истории» как плод интерпретации Татищевым известного в настоящее время источника — Ипатьевской летописи. В пользу этого свидетельствует также противоречие созданного в I редакции рассказа и истории древней Руси: по Татищеву получилось, что половцы взымали с Руси дань, причем с Владимира Мономаха! При написании II редакции историк не отказался от попыток дать объяснение приходу половцев, но заменил первоначальное объяснение другим, более достоверным. В тексте II редакции уже читаем: «Половцы . . . пришли во множестве для требования подарков».⁷ Соответственно исчезла и маргиналия I редакции; во II боковой заголовок выглядит так: «Половцы для договора». Но этим не ограничилась работа Татищева над текстом своего рассказа. Объяснив во II редакции приход половцев указанным образом (для требования подарков и подписания договора), Татищев ввел в текст и объяснение похода Владимира к половцам (в летописи ничего об этом не говорится): «. . . хотя с ними договор учинить». Это объяснение полностью совпадает с объяснением прихода половцев, данным самим Татищевым выше. И, наконец, в тексте «Истории» на «настоящем наречии» появляется и соответствующее пояснение бегства половцев (в летописи и об этом ничего не сказано, а в I редакции дано очень краткое пояснение — боязнь Мономаха, что, кстати, противоречит татищевской идее о приходе половцев за данью): «Но половцы, услыша, что Владимир сам к ним дары везет. . .».

Таким образом, все выявленные амплификации текстов обеих редакций «Истории» относительно Ипатьевской летописи должны быть отнесены к перу самого автора сочинения. В литературе иногда можно встретить мнение, по которому все дополнения II редакции сравнительно с I объясняются привлечением Тати-

⁷ Здесь и в следующих примерах разрядка моя, — Е. Д.

щевым новых источников, которых он не знал при написании I редакции «Истории». Но это предположение еще ни разу не было подтверждено, а анализ конкретных фрагментов татищевского труда по обеим редакциям в каждом случае убеждает нас в обратном: татищевские известия II редакции всегда представляют собой лишь разработку намеченной в I редакции темы.⁸ Если встать на указанную выше позицию, то придется предполагать, что Татищев знал не только о том, что у него появятся новые источники, но даже «предугадывал» их содержание, знал о том, что в них он найдет подтверждение своим догадкам.

В данном случае не совсем понятно лишь то, почему Татищев истолковал название реки (или города) Вырь как «дань». Действительно ли историк был введен в заблуждение созвучием слов «выру» и «виру» (а «виру» он понимал именно как «дань»),⁹ или же Татищев сознательно использовал это созвучие для пояснения события, для воссоздания его? С одной стороны, историк почти точно переписывает в текст I редакции ипатьевское сообщение. Но, с другой, ряд фактов может свидетельствовать и о сознательной переработке летописного текста (созвучие двух слов могло лишь натолкнуть Татищева на мысль объяснить событие именно таким образом. Во-первых, автору «Истории» хорошо было известно о существовании Выри (или Выревска): в его труде вслед за летописями этот город и река, расположенные в Переяславской области, упоминаются неоднократно (III, 69, 70, 75; IV, 186, 256, 267). В тексте I редакции из-за толкования «выры» как «дани» исчезло указание на место, к которому пришли половцы, и характерно, что восполняет Татищев этот пропуск во II редакции указанием на Переяславль. О сознательном изменении также может говорить и замена предлога «к» по летописи («приидоша к Выру», «иде к Выру») предлогом «на» (на «выру», «на половцы»), а также замена самого слова «Выру» в фразе о походе Владимира на слово «половцы».

Основой, на которой произошло переосмысливание летописного текста, являлось, вероятно, стремление Татищева пояснить названный в летописи факт — приход половцев. Как мы видели, в I же редакцию введено объяснение и другого факта, названного источником, а именно бегства половцев. Выставленная в «Истории» причина вытекает из самого текста летописи, Татищев, по сути дела, лишь называет то, что как бы подразумевает летописец: половцы узнали о продвижении к ним соединенных русских войск, и самым естественным и реальным объяснением их отступления

---

⁸ См.: Л. И. Сазонова. Летописный рассказ..., стр. 39; Е. М. Добрушкин. 1) О двух известиях..., стр. 281—286; 2) О нескольких сообщениях..., стр. 9—10.

⁹ См. татищевское объяснение «поклона вирного», данного им в примечании к 33 статье «Русской Правды» (VII, 226).

является страх. К тому же такое пояснение («услыша... убоявся») очень характерно для летописи.

Во II редакции Татищев изменяет мотивировку прихода половцев на Русь: их появление объясняется историком не желанием «дани», а стремлением заключить договор с Мономахом и получить «дары». Встает вопрос: откуда появилось это новое объяснение? На чем оно основано? Из своих источников — русских летописей — Татищев знал, что после смерти великого князя и вокняжения его преемника половцы зачастую приходили для подтверждения мира с новым киевским князем; заключение мира сопровождалось одариванием степняков. О приходе половцев для мира после смерти великого князя рассказывается, например, в Ипатьевской летописи под 1093 г.: «В се же время поидоша половце на Рускую землю слышавше, яко умерл ест Всеволод, послаша послы к Святополку о мире».¹⁰ А под 1172 г. в той же летописи говорится о том, что князь Глеб «смирився с половцми и, подарив е, поеха от них».¹¹ Об одаривании половцев при заключении договора читаем и под 1155 г.: «Дюрги ... половцми одарив дары, отпусти я».¹² (Все эти сообщения имеются и в «Истории»). Совершенно очевидно, что Татищев видел особый обычай в приходе на Русь половцев для договора после смерти великого князя и получения подарков. Приведенное выше летописное известие под 1172 г. попало в «Историю Российскую» в таком виде (под 1170 г.): половцы просят Глеба прийти к ним на съезд «по обычаю», и он с ними «мир подтвердил и, дав им по обычаю дары, пошел...» (III, 91 и 92). Кроме того, сообщая под 1093 г. об отказе Святополка просить у половцев мира, историк прибавляет от себя: «...желая дары по обычаю им давать» (II, 99); под 1095 г. Татищев прибавляет к летописному известию, что половцы пришли к Переяславу «для требования даров от Владимира (Мономаха, — Е. Д.), чтоб его пределы не воевать» (II, 101); в том же году Святополк умиряет половцев, но они, «взяв дары» (по Татищеву), опять пришли на Русь (II, 103); в 1146 г. половцы, по «Истории», «прислали ко Изяславу по обычаю послов с поздравлением и для подкрепления мира» (II, 165); в сообщении под 1150 г. о заключении Андреем мира с половцами Татищев также делает вставку: «...учинил с половцами мир и, одаря их, возвратился» (III, 20); князь Юрий также призывает к себе половцев «по обычаю» (III, 54), и, наконец, в «речи» Мстислава находим вставку о том, что половцы «всякое лето емлют дары, утверждаяся ротою не воевать» (III, 86).¹³

¹⁰ ПСРЛ, т. II, стб. 209.

¹¹ Там же, стб. 555—556.

¹² Там же, стб. 480.

¹³ Отметим, что у Татищева вообще приход половцев на Русь (для войны, например) подается как «обычай» (II, 103 и 138). Но здесь «обычай» уже выступает как «нрав» половцев.

Таким образом, появление нескольких дополнений в тексте II редакции «Истории» относительно источника и I редакции («для требования подарков», «хотя с ними договор учинить», «Владимир сам к ним дары везет») объясняется тем, что Татищев воспринял летописное сообщение как запись традиционного события в древней Руси. Оставшееся дополнение II редакции («и что Владимир престол возприал») тесно связано с пониманием историком этого события как обычного и с рассмотренными выше добавлениями: оно логически вытекает из первой фразы летописного известия («уведав о смерти Святополкове»), так как приход половцев (по Татищеву же) связан скорее не со смертью Святополка, а с переменой великого князя. Аналогичную вставку находим и в другом сообщении «Истории». Под 1093 г. Татищев записывает в I редакцию ипатьевское сообщение: «В се же время подоша половцы на Рускую землю; слышавше, яко умерл ест Всеволод, послаша послы ко Святополку о мире» (IV, 162). Во II редакции уже читаем: «Половцы, услышав, что Всеволод умер, а Святополк престол приал, пришли немедленно к Переяславлю с немалым войском и послали ко Святополку послов для подтверждения мира» (II, 99). И здесь совершенно теми же словами, что и под 1113 г., Татищев дает объяснение цели прихода половцев, вводит такое же уточнение географического характера и сведения о численности половцев. Характерно, что в описании этого прихода половцев под 1093 г. в другом своем сочинении — в «Сокращении Гистории Русской» — Татищев говорит: пришли половцы «по обычаю с новым государем мир подтвердить».¹⁴

Вся указанная выше работа Татищева над распространением текста источника направлена на реконструкцию события; историк стремится все объяснить, выяснить мотивы поведения его героев. И лишь одно отличие обеих редакций «Истории» от летописного текста объясняется проводимой Татищевым работой по согласованию своего текста со всем комплексом фактов истории древней Руси (речь идет о замене имени «Олег» на «Давид»)¹⁵.

Для завершения анализа редакторской работы В. Н. Татищева при создании данного фрагмента «Истории» следует отметить, что историк и в I, и во II редакции довольно свободно расчленяет текст источника и вставляет в него свои фразы. Татищев именно внедряет свои собственные добавления в текст-основу, а не перерабатывает текст источника полностью. Такое обращение с текстом источника — точное воспроизведение его и одновременно распространение своими данными и производит впечатление использования Татищевым каких-то неизвестных нам источников, более полных, нежели, например, Ипатьевская летопись.

¹⁴ Е. М. Добрушкин. Неопубликованная рукопись В. Н. Татищева по русской истории. — Советские архивы, 1971, № 5, стр. 93.

¹⁵ См.: Е. М. Добрушкин. О двух известиях... стр. 288—289.

Итак, на основании летописной записи В. Н. Татищев создает более подробное описание события, в котором, самое главное, указываются мотивы поведения героев (чего нет в летописи).¹⁶ Создается это описание исключительно летописными средствами с помощью переноса на данное событие по аналогии сведений из других летописных сообщений. Основанием для такого переноса у Татищева являлось его собственное представление о жизни Древнерусского государства, в данном случае — о характере взаимоотношений между Русью и половцами.

Рассмотрим следующий фрагмент «Истории Российской», рассказывающий о вступлении Владимира Мономаха на киевский стол:

Ипатьевская лет.

Се же слышав, Володимер поиде в Киев. Начало княженья Володимеря, сына Всеволожа. Володимер Мономах седе (Е — в) Кieve в неделю. Усретоша же и митрополит Никифор с епископы (Е прибавлено — клирики) и со всеми (Е — всеми) княне (Е — княны) с честию великою. Седе на столе отца своего и дед своих, и вси людье ради быша, и мятежь влече.¹⁷

I ред. «Истории»

Владимир же, слышав се, поиде в Киев. И егда приближися к Киеву в неделю, усретоша его первое народ весь, потом бояре, и за градом митрополит Никифор со епископы, и клирики, и со всеми княны с честию велию, и проводиша его в дом княж. Владимир же сяде на столе отчи апреля 20 дня, и быша вси ради ему; мятеж же улеже и бысть тишина (IV, 179—180).

II ред. «Истории»

Владимир, слышав сие, ... сам пошел в Киев, и когда приближился в неделю, апреля 20, встретил его за градом народ многочисленный, потом бояре тоже у врат града; митрополит Никифор со епископы и причтом церковным прияли его с честию и радостию великою и проводили до дому княжеского. Тако понат Владимир престол со удовольствием всего народа, мятеж же преста (II, 129).

Среди летописей наиболее полное сообщение о приходе Мономаха в Киев содержит в себе Ипатьевская летопись; Радзивилловская и Никоновская летописи, также бывшие у Татищева, лишь кратко информируют о самом факте вокняжения Владимира, притом не под 6621 г. (как Ипатьевская летопись и Татищев), а под 6622.¹⁸ Между приведенными фрагментами Ипатьевской летописи и I редакции «Истории» имеется значительная текстуальная близость, что дает возможность говорить об этой летописи как источнике для данного фрагмента татищевского труда. Только одно сведение, отсутствующее в этой летописи и имеющееся

¹⁶ Дополнение летописных сведений мотивами поступков людей является вообще характерным для работы Татищева над летописью и соответствует его представлениям об историческом сочинении. Слово «история», писал Татищев, обозначает то же, что «деи или деяния»; «деянием» же называется любое «приключение», «ибо ничто само собою и без причины или внешняго действия приключиться не может» (I, 79). (Курсив мой, — Е. Д.).

¹⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 276 и стр. 22 (приложения).

¹⁸ ПСРЛ, т. I, Л., 1926, стб. 290; т. IX, М., 1965, стр. 143—144.

в «Истории», — дата прихода Мономаха — взято Татищевым из Радзивиловской летописи: именно в ней читается 20 апреля. В Ипатьевской летописи даты нет вообще, а в Никоновской — 20 марта.

Но, как видим, в татищевском рассказе в обеих редакциях имеются сведения, которых нет ни в одном известном источнике. Текст «Истории» значительно отличается от летописного, и отличие это заключается в том, что в источнике мы читаем краткое сообщение о событии, а у Татищева имеются и элементы описания его. Мы думаем, что и в данном случае это описание создано самим историком, а не основано на дополнительных, неизвестных источниках. Как и в разобранном выше рассказе о приходе половцев, здесь мы сталкиваемся с тем, что Татищев воспринимает краткую летописную запись, скупо информирующую о событии, как неполное описание особого обычая (или обряда) прихода великого князя и встречи его горожанами, обычая, существовавшего в древней Руси. О наличии такого взгляда у Татищева говорит то, что он «реконструирует» чуть ли не все летописные сообщения о прибытии князей. Во II редакции историк или добавляет к летописному известию о приходе князя в Киев (Новгород и т. п.) сведение о самом факте встречи его, или распространяет описание этой встречи (если в летописи есть указание на нее), и т. д. Чтобы понять технику работы Татищева при создании своего описания встречи Мономаха, необходимо выделить аналогичные рассказы по всему тексту «Истории». Вот эти описания встреч в «Истории»:

1) Изяслава в 1069 г.: «Егда же Изяслав приблизился ко граду, вышли люди противу ему с поклоны и прияли с честью... И сел Изяслав паки на престоле своем»¹⁹ (II, 86; ср. с I ред. — IV, 155).

2) Святополка в 1093 г.: «И встретили его за градом все киевские вельможи со множеством народа, а у ворот во граде епископ юриевский Марин с игумены и попы со святым крестом, и прияли его с великою радостью. Он же вшел по обычаю в церковь, потом в дом великаго князя, и приал престол отца своего и деда с миром» (II, 99; ср. IV, 162).

3) Его же в 1098 г.: «А Святополк в великую субботу въехал во Владимир и принят от граждан с великою встречей» (II, 118; ср. IV, 172).

4) Ярополка в 1132 г.: «Он же не медля пошел и 17 апреля прибыл в Киев, где его, встретя по обычаю со святым крестом, проводили в дом во множестве народа» (II, 143; ср. IV, 189).

5) Всеволода в 1139 г.: «...пришел в Киев, где встречен и провозжен по обычаю» (II, 151; ср. IV, 195).

¹⁹ Здесь и далее (во всех двадцати фрагментах) курсивом выделены слова и фразы текста II редакции, отсутствующие и в источнике, и в I редакции «Истории».

6) Игоря в 1145 г.: «...приехал Игорь в Киев и *встречен по обычаю*» (II, 162; ср. IV, 201).

7) Изяслава в 1146 г.: «...вшел Изяслав Мстиславич в Киев со славою великою, котораго народ весь с великою радостью встретили *за градом*, а клирос со кресты *у врат киевских*, по обычаю провождая его со многим поздравительным восклицанием в дом княжеский. И тако сяде на престол отца своего и деда» (II, 164; ср. IV, 203).

8) Его же в 1148 г.: «Сие слыша новгородцы, что Изяслав сам к ним едет, вельми обрадовались и все стали готовиться. Многие выехали его встретить за три дни езды от Новаграда, другие *за два и за день*, весь же народ *ожидал его пред градом*. А когда *приблизился ко граду*, встретили его *за градом* Ярослав, сын его, со бояры, а *внутри града* — епископ *у врат* со множеством клироса и со святым крестом. И принят был с радостью великою всего народа в день недельный. Он же, шед прямо в церковь святыя Софии...» (II, 186—187; ср. IV, 216).

9) Юрия в 1149 г.: «...въехал Юрий Владимирович в Киев... котораго вельможи со множеством народа *за градом* встретили» (III, 9; IV, 220).

10) Изяслава в 1150 г.: «Киевляне же, видя Изяслава пришедша, встретили его *всенародно*. Он же, вшед в Киев, обладал престол свой с великою радостью» (III, 25; ср. IV, 230).

11) Ростислава в 1154 г.: «...прибыл Ростислав Мстиславич, котораго *за градом* встретил Святослав Всеволодич со всеми вельможи, також и народ весь, с радостью великою» (III, 49; ср. IV, 244).

12) Юрия в 1155 г.: «...а Юрий пришел к Киеву, *где встречен по обычаю с надлежасчею честию и провожден в дом Ярославль* на престол отца своего» (III, 52; ср. IV, 247).

13) Изяслава в 1157 г.: «...пришел в Киев ... и *встречен митрополитом и киевляны по обычаю, с надлежасчею честию*» (III, 60; ср. IV, 250).

14) Ростислава в 1167 г.: «Оттуду поехал к Смоленску, где его за тридесять верст встретили бояре, потом внуки его, после сын его Роман. *Пред градом* же епископ Мануил с собором и едва не весь народ от града вышли в стретение его с великою радостью» (III, 82; ср. IV, 270).

15) Романа в 1173 г.: «И как пришел ко Киеву, встретили его митрополит со кресты, с ним же архимандрит и игумен печерский Поликарп, и другие игумены, и попы со множеством народа. И приняв его, *проводили в дом Ярославль* с великою честию на престол отца его» (III, 99; ср. IV, 281).²⁰

16) Михаила в 1176 г.: «И как *приблизились ко вратам градским*, вышли ко *встретению их игумены и весь клирос*

²⁰ Здесь и далее разрядкой выделены слова, имеющиеся и в I редакции «Истории», но отсутствующие в источниках.

со святыми иконы, також все вельможи и народ весь с великою радостію» (III, 112; ср. IV, 289).

17) Мстислава в 1178 г.: «И как прибыл к Новуграду, встретили его с иконы и приняли с надлежащею честию» (III, 119; ср. IV, 292).

18) Давида в 1180 г.: «...наскоро поехал к Смоленску, где его епископ со крестом и все вельможи с великою радостію встретили. Он же, шед в церковь святых Богородицы и воздав богу благодарное пение, пошел в дом княж и сел на престоле отчн и братни» (III, 123; ср. IV, 295).

19) Рюрика в 1194 г.: «И встретили его митрополит и игумены со кресты, також вельможи и все киане от мала и до велика с радостію великою. Рюрик, вшед в церковь Софейскую и помоляся, вошел в дом свой со славою и честию великою» (III, 156; ср. IV, 317).

20) Мстислава в 1214 г.: «...пошли к Киеву. И как приближились, встретили их бояре со множеством народа, а во граде у ворот митрополит и весь клир со святыми иконы приняли с великою радостію. И проводя в церковь святых Софии, потом в дом его, посадили на престоле отеческом и деднем» (III, 190; ср. IV, 345).²¹

Как видим, все приведенные сообщения по II редакции «Истории» отличаются от чтений источника (Ипатьевской летописи) и I редакции. Из анализа фрагментов II редакции выясняется, что Татищев видел обычай не только в факте встречи великого князя, но представлял себе сам обычай во всех деталях. В этих фрагментах мы находим не только указания на то, что такой-то князь был встречен «по обычаю» (№№ 5 и 6); «по обычаю» же князь входит в церковь (№ 2), в княжеский дом, провожаемый народом (№№ 2, 7, 12), встречают князя с надлежащею честью (№№ 12, 13). Показательна и замена целого описания встречи великого князя I редакции на одну фразу во II: «с надлежащею честию» (№ 17). Подчеркнем, что слова «по обычаю», «с надлежащею» честью и т. п. принадлежат самому Татищеву. Как правило, историк прибавляет их в тех случаях, когда ни летопись, ни I редакция «Истории» ничего не говорят даже о факте встречи, т. е. по ним мы не знаем, была ли устроена встреча. В тех случаях, когда в летописи, а вслед за ней в I редакции сообщается о встрече князя, во II мы обнаруживаем описание ее, причем все эти описания у Татищева строятся по одному и

---

²¹ Тексты I редакции, соответствующие № 1—14 и 17—19, являются довольно точными воспроизведениями (а иногда и абсолютными аналогами) сообщений Ипатьевской летописи. Сообщения под № 15—16 также основаны на этом источнике, но уже в текст I редакции сделаны вставки (они подчеркнуты на текстах II редакции). Описание встречи князя Мстислава (№ 20) отсутствует в Ипатьевской летописи, а также в Радзивилловской и других; в Никоновской об этом лишь упоминается (ПСРЛ, т. X, стр. 67).

тому же трафарету, стереотипу. Наиболее полные стереотипные описания представлены под №№ 2, 7, 8, 14, 15, 18, 19, 20. Они создаются Татищевым не только по одному шаблону, но и одними и теми же формулами, одними и теми же словами. Имеющиеся между ними отличия обусловлены особенностями данного конкретного описания, присущими тексту источника. Именно по такому трафарету построено и интересующее нас описание встречи Владимира Всеволодича под 1113 г., причем это описание создано уже в I редакции «Истории».

Выделенные нами полные стереотипные описания встреч великих князей в «Истории» можно разбить на несколько составляющих их элементов: выход всего народа, выход бояр или вельмож из города, встреча князя духовенством с крестами или иконами, прием великого князя и проводы его сначала в церковь, а затем в княжеский дом или на «Ярославль двор» (последнее в тех случаях, когда речь идет о приходе нового князя). При этом почти каждая встреча сопровождается «великой радостью», князь входит с «великою честью» или «славою». Из сопоставления текстов «Истории» с Ипатьевской летописью выясняется, что татищевское трафаретное описание состоит, по сути дела, из летописных элементов, основано на летописных же известиях о встречах. О выходе горожан сообщается в ипатьевских известиях, послуживших источником для татищевских описаний под №№ 1, 2, 7, 8, 10, 11, 12, 16;²² в летописи говорится и о «сретении» (см. к №№ 14, 15, 17, 18, 19),²³ о выходе «всего народа», «множества народа», «всего города» и т. п., «лучших людей» и «бояр»²⁴ (к №№ 2, 7, 11, 12, 15, 16, 18, 19),²⁵ о встречающем духовенстве с крестами или иконами или же без них (к №№ 7, 14, 15, 16, 17, 18, 19),²⁶ о входе князя в церковь (к №№ 10, 17, 18, 19)²⁷ и в дом княжеский или на «Ярославль двор» (к № 10),²⁸ о радости встречающих (к №№ 2, 5, 7, 8, 10, 11, 14, 15, 19).²⁹

С помощью этого набора летописных элементов, которые собраны нами примерно из двух десятков описаний встреч, Татищев создает всегда более полное изображение события. Достигается эта полнота вводом в данное, конкретное летописное сообщение «недостающих» элементов из других летописных сообщений. Одно летописное известие о приходе великого князя историк восполняет

²² ПСРЛ, т. II, стб. 163, 209, 327, 369, 416, 470, 478 и 602.

²³ Там же, стб. 528, 568, 607, 616, 681.

²⁴ У Татищева также постоянно упоминаются «вельможи». С. Н. Валк уже убедительно доказал, что этот термин принадлежит перу самого Татищева, а не основан на дополнительных источниках (С. Н. Валк. «Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева, стр. 349—352).

²⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 209, 327, 470, 478, 568, 602, 616, 681.

²⁶ Там же, стб. 327, 528, 568, 602, 607, 616, 681.

²⁷ Там же, стб. 416, 607, 616, 681.

²⁸ Там же, стб. 416. См. также стб. 396—397.

²⁹ Там же, стб. 209, 303, 327, 369, 384 и т. д.

за счет другого о приходе иного князя. Поэтому-то во II редакции «Истории» и возникло несколько очень похожих друг на друга описаний. Говоря о встрече Святополка (№ 2), Татищев к летописному факту выхода навстречу киевлян и приема князя «с радостью» прибавляет выход вельмож и духовенства с крестом, а также указание на вход князя в церковь и княжеский дом. К описанию встречи Изяслава (№ 7) во II редакции прибавлено указание на проводы князя в дом, к № 8 — «весь народ» и духовенство с крестом, к № 15 — проводы в дом княжеский, к № 18 — вельможи, «великая радость» и вход в дом княжеский, а к № 19 — вход в дом. Как видим, точно так же Татищев дополнил и сообщение о встрече Мономаха: «недостающие» элементы взяты им из того же летописного комплекта формул.

Дополнялись историком не только относительно развернутые летописные известия о встречах князей; отдельные формулы обнаруживаются во II редакции в тех случаях, когда в летописи и в I редакции совсем ничего не говорится о встрече. Князя Изяслава принимают «с честью» (№ 1), Святополку устраивают «великую встречу» (№ 3), Ярополка провожают «в дом во множестве народа» (№ 4); к № 9, 11, 16 прибавлены «вельможи», в № 10 говорится о «всенародной» встрече, в № 12 — о проходах в дом Ярославль, в № 13 князя встречают киевляне и митрополит.

Для дополнения рассматриваемого сообщения под 1113 г. Татищев, по-видимому, использовал и конкретное известие источника, а именно описание прихода князя Ростислава Мстиславича в Смоленск по Ипатьевской летописи (об этом событии у нас — № 14): именно там прямо называется последовательность групп встречающих князя — «лучшие мужи», «затем усретоша и внуци», «и затем усрете сын Роман и епископ».³⁰ У Татищева сказано: «первое народ», «потом бояре». Слово «потом», кстати, читаем и во II редакции «Истории», где говорится об указанном приходе князя Ростислава.

Но татищевские формулы не всегда совпадают с летописными. В сообщении о приходе Мономаха в «Истории» обнаруживаются слова, которых не знает летопись (ни под 1113 г., ни в описаниях встреч других князей): уже в I редакции читаем, что духовенство встречало Владимира «за градом». Во II редакции «за градом» князя встречает народ, а у «врат града» — бояре. Нетрудно заметить, что эти точные указания на расположение групп встречающих, отсутствующие в летописи, неоднократно появляются во II редакции: «за градом» и «у ворот во граде» (№ 2), «за градом», «у врат киевских» (№ 7), «перед градом», «за градом», «внутри града», «у врат» (№ 8), «за градом» (№ 9), «за градом» (№ 11), «перед градом» (№ 14) и т. д. (см. также № 16 и 20). Появление этих уточнений можно объяснить следующим образом. Слова «за

³⁰ Там же, стб. 528.

градом», «пред градом» вытекают из летописного указания на выход встречающих. По летописным известиям понятно, что народ выходил именно из города (см. № 8 и 16), и самым естественным уточнением, где именно горожане встречали князя, является указание на встречу «пред градом». Остальные уточнения («у ворот во граде», «внутри града» и т. п.) обусловлены разбивкой встречающих князя на группы (на это указывает и летопись), а также указанием летописи на определенную, устойчивую в нескольких случаях последовательность встречающих (например, в № 14), которая, вероятно, и в действительности была строго регламентирована. Вводя эти уточнения, Татищев в общем-то не так далеко отходит от летописи, как бы раскрывая скобки в ее сообщениях. Но эти дополнения превращают летописную запись в описание события, делают сообщения более реальными, наглядными, а текст — более доступным для читателя.

Татищев подвергает ипатьевское сообщение о приходе Мономаха и стилистической правке. В летописи дается заголовок, которым начинается описание событий времени княжения Владимира. После заголовка сразу следует фраза, в которой говорится о вокняжении Мономаха, а затем сообщается о прибытии его в Киев. В летописном рассказе как бы сделано отступление во времени, нарушена строгая хронологическая последовательность. Татищев убирает летописный заголовок, а на его место вставляет фразу, которая связывает разорванный текст летописи, делает повествование более гладким. Историк добавляет в известие источника и недостающие слова: в летописи отсутствует переход от слов «усретоша же и митрополит ... и ... кияне с честью великою» к словам «седе на столе отца своего». Татищев добавляет: «Владимир же ...». В летописи сказано: «вси людье ради быша», а Татищев уточняет: «и быша вси ради ему», и т. д.

Переходим к рассмотрению сообщения «Истории Российской» под 1113 г. о похоронах князя Святополка Изяславича. И в данном случае только Ипатьевская летопись содержит в себе близкое описание этого события.

Ипатьевская лет.

... преставися (Святополк, — *Е. Д.*) ... за Вышегородом, и привезоша и в лодии Киеву (*Е* — ко Киеву), и спрятавшя тело его, и възложиша на сани (*Е* — саны). И плакашя по немь бояре и дружина его вся, певше над нимь обычныя песни, и положиша в церкви святого Михаила, юже бе сам создал.³¹

I ред. «Истории»

И егда, возложивше на сани, везоша его ко Киеву из Вышегорода, плакася по нем зельне народ весь, яко не мощи слышати пения надгробного, и народу угнетающюся ко гробу (*IV*, 179).

II ред. «Истории»

Тогда, возложя его на сани, везли в Киев, а народ весь встряя его за градом, провожали с великим плачем и жалостию, тако утеснялся ко гробу, что едва удобно было провести (*II*, 128).

³¹ Там же, стб. 275 и стр. 22 (приложения).

Уже текст I редакции «Истории» отличается от известия Ипатьевской летописи. По сути дела, в татищевском сочинении перед нами отредактированное сообщение этого источника. Почти все факты, названные в летописи, находим и в этом фрагменте «Истории», но здесь они звучат несколько иначе. В летописи сказано, что князь умер за Вышгородом и что он был перевезен в Киев. Татищев совместил эти два факта в одной фразе: «...везоша его ко Киеву из Вышегорода». Здесь хотя и называется только факт перевозки тела, но косвенным образом сообщается и о смерти Святополка вне Киева. В известии «Истории» о том, что народ плакал, «яко не мощи слышати пения», имеется косвенное указание на факт, названный в источнике прямо (отпевание). В тексте «Истории» имеется и значительное отличие от текста летописи: если в ней сообщается только о скорби по князю его бояр и дружины, то у Татищева над гробом Святополка плакал весь народ, притом плакал «зелне».

Во II редакции обработке подвергается и текст I редакции «Истории». Здесь еще более усилено описание всенародной скорби о князе (появляется и «жалость», и т. д.). Историк уточняет описание, делает его более реальным: в I редакции (как в летописи) факты перевозки тела, скорби киевлян просто названы. Во II редакции читаем: народ плакал, «встретя» гроб князя «за градом», с плачем «проводжали» князя. Как видим, обработка рассказа I редакции во II идет точно по тем же направлениям, что и обработка рассказа летописи в I редакции. Текст II редакции «Истории» завершает обработку известия источника.

Для выяснения вопроса о происхождении отличных от данного ипатьевского сообщения фрагментов «Истории» Татищева по обеим ее редакциям опять-таки необходимо обратиться к аналогичным сообщениям летописи и татищевского труда. Вот как описаны в Ипатьевской летописи похороны отца Святополка, князя Изяслава: «Вземше же тело его, привезоша в лодьи и поставиша противу Городчю, и изидоша противу ему весь город Киев, и, възложиша на сане, повезоша и с песньми попове и черноризици, и понесоша в град; и не бе лзе слышати пенья в плаче велице и вопле: плакася о немь весь город Киев».³² Сравнение этого летописного фрагмента с описанием похорон Святополка по I редакции «Истории» показывает, что скорее всего именно он послужил дополнительным источником для Татищева. Именно об Изяславе весь город плакал так, что «не бе лзе слышати пенья в плаче» (ср. под 1113 г.: «яко не мощи слышати пения надгробного»). Вообще же о плаче всего народа по покойному великому князю летопись сообщает не раз.³³

³² Там же, стб. 193. Этот фрагмент имеется в обеих редакциях «Истории» В. Н. Татищева (IV, 158—159 и II, 93).

³³ См., например: ПСРА, т. II, стб. 198.

Дополнения описания похорон Святополка во II редакции также основаны на летописной традиции: о выходе народа и встрече гроба с телом князя говорится и в приведенном выше описании.³⁴ В сообщении же о похоронах Ярополка под 1087 г. в Ипатьевской летописи читаем и о встрече, и о проводах тела.³⁵ Летописные сообщения о проводах умерших князей не только состоят из устойчивых формул, но и схожи по построению с известиями о встречах князей (см. выше): и в том и в другом случае действия горожан состоят из «встречи — проводов». Поэтому неудивительно, что в рассматриваемом тексте «Истории» мы сталкиваемся со знакомыми уже деталями, которые оживляли картину встреч великих князей (тело Святополка было встречено «за градом»). Это уточнение введено историком не только в описание похорон Святополка под 1113 г.: во II редакции «Истории» гроб с телом князя Ярополка также встречают «за градом» (II, 95), а Глеба — «у врат града» (III, 161).

Таким образом, и в данном случае, судя по всему, мы имеем дело с правкой Татищевым известного летописного сообщения. И здесь для правки и дополнения сообщения летописи историк использует элементы других летописных известий, а также вводит в текст собственные детали, причем точно такие же, что и в рассказ о Мономахе. На первый взгляд татищевское описание похорон Святополка ничем не отличается от обычного летописного. Но в данном случае стремление Татищева к воссозданию полного описания события, лежащее в основе редакционной правки ипатьевской записи, привело к искажению исторической правды (это также может являться подтверждением того, что исследуемый фрагмент «Истории» принадлежит перу ее автора). Дело в том, что древнерусские памятники, например Киево-Печерский патерик, прямо сообщают о непопулярности Святополка.³⁶ Поэтому-то Ипатьевская летопись сообщает лишь о скорби бояр и дружины и молчит о «всем народе». По татищевскому же описанию похорон князя получается, что Святополк был народом любим. Интересно при этом отметить, что и самому Татищеву было хорошо известно о взаимоотношениях киевлян и великого князя: под 1097 г. во II редакции «Истории» сделана вставка, в которой говорится о том, что Святополк не мог надеяться на киевлян, «зане нелюбим ими был» (II, 114; ср. IV, 170). Наличие таких взаимоисключающих сведений (враждебность и «великая жа-

³⁴ См.: там же, стб. 694.

³⁵ Там же, стб. 198.

³⁶ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 206—207. Этот факт не остался незамеченным исследователями. «Характерно, — писал М. Н. Тихомиров, — что Святополка хоронили только его бояре и дружина, тогда как в рассказах о смерти других киевских князей обычно сообщается, что их оплакивали все киявляне» (М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Русн. XI—XIII вв. М., 1955, стр. 136).

лость») в «Истории» следует объяснять, по нашему мнению, не использованием историком одновременно текстов разных источников (частью нам неизвестных): маловероятно, чтобы Татищев механически заносил в свое сочинение явно противоположные сведения, даже усиливая их во II редакции. Вероятно, с точки зрения самого Татищева, никакого противоречия между указанными фактами и не было: историк, стоявший на монархических позициях, мог воспринимать «великий плач» по умершему князю (т. е. «государю», «монарху») как соблюдение подданными этикета, тем более что сам Татищев не столь отрицательно характеризовал этого князя.³⁷

Итак, во всех трех разобранных фрагментах «Истории» под 1113 г. мы обнаруживаем татищевскую обработку известий Ипатьевской летописи. (Напомним, что два других сообщения под 1113 г. — мотив отказа Мономаха от киевского стола и поход Олега на Киев, которые тесно связаны с рассмотренными здесь сообщениями, — уже определены нами как плод интерпретации Татищевым текстов известных нам летописей).³⁸ Каждое из трех летописных сообщений дополнено в «Истории» за счет летописных же сведений об аналогичных событиях. Используя летописные формулы, дополняя их собственными уточнениями, которые в конечном счете вытекают из летописного текста, Татищев как бы реконструировал событие.

Историк, вероятно, заметил трафаретность летописных сообщений и использовал их элементы для восполнения «пробелов» в данных известиях источника. В результате летописный стереотип в «Истории» проводится более последовательно, чем в самой летописи. Используя летописные формулы для воссоздания события, лишь названного в памятнике, Татищев, естественно, описывает его не так, как оно происходило в действительности (этого он и не мог знать), а как должно было происходить по его мнению. В этом смысле характерно употребление автором «Истории» слов «с надлежащею» честью и т. п.: у Татищева описаны такие похороны великого князя, какими им *надлежало* быть; Владимира киевляне встречают так, как *надлежало* встречать великого князя; с *надлежащей* целью приходят на Русь половцы, на что Мономах отвечает *надлежащими* действиями. Следует отметить, что при создании идентичных описаний разных событий на основе знания древнерусского обычая Татищев, вероятно, преследовал и определенные политические цели: ведь он не просто распространяет летописные сообщения о встречах великих князей, а добавляет сведения о всенародной радости, создает описания торжественных

³⁷ См.: Е. М. Добрушкин, Я. С. Лурье. Историк — писатель или издатель источников? стр. 221—222.

³⁸ См.: Е. М. Добрушкин. О двух известиях..., стр. 280—290.

встреч «государей» независимо от симпатий народа к данному «монарху». «Всенародная радость» (равно как и «всенародная скорбь» по поводу смерти князя) отвечала собственным монархическим воззрениям Татищева. И естественно, что при такой идентификации описаний историк в определенном смысле лишал известия летописей индивидуальных черт, что не могло не привести в некоторых случаях к искажениям фактов (как, например, в рассказе о Святополке).

Вероятно, и в действительности в древней Руси существовал особый обряд, например встречи великого князя, и трафаретные летописные формулы являются в данном случае лишь словесным выражением жизненно реального этикета.³⁹ Столь пристальное внимание Татищева к описанию обычаев в истории объясняется не только стремлением восполнить лаконичные записи источника, но и тем интересом, который проявлял Татищев в жизни к народному быту, обычаям и нравам.⁴⁰ Но все же необходимо еще раз подчеркнуть, что все указанные добавления, введенные в текст Ипатьевской летописи, основаны не на дополнительных источниках, а на собственном понимании Татищевым древней истории России.

Как уже было сказано, все дополнения связаны в основном со стремлением Татищева сделать тексты летописи более ясными, доступными для современников, не очень-то искушенных в чтении древнерусских памятников. Это стремление выявляется и во вводе описания мотивов поступков людей, реальных подробностей. Татищев как бы отвечал на вопросы, которые возникают при чтении скупых летописных записей, во всех трех разобранных случаях представляющих собой лишь краткую информацию о событиях. Историк как бы стремится преодолеть дневниковость летописи. Преодоление это идет по двум линиям: во-первых, Татищев как бы восполняет «недостаточность» самого факта, только названного источником, посредством ввода объяснений, детализации. Во-вторых, историк стремится связать друг с другом набор фактов летописи (и мотивировкой событий, и посредством специальных связей). В летописи подряд, но без особой связи даны два факта: поход Владимира и бегство половцев. У Татищева же второе событие определено ставится в зависимость от первого, точно так же, как и сам поход Мономаха обуславливается приходом половцев, и т. д. То же можно видеть и в рассказе о встрече Мономаха. В летописи приход князя и встреча его как бы оторваны друг от друга, даны сами по себе. Татищев сближает их, указывает на обусловленность второго (встречи) переходной фразой («и когда приблизился...»). В «Истории» одно действие вы-

³⁹ См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 84—108.

⁴⁰ См.: А. Пыпин. Русская наука и национальный вопрос в XVIII веке. — Вестник Европы, 1884, кн. 6, стр. 573—581.

текает из другого, причем писатель добивается такой плавности и вводом посторонних сведений, и стилистической обработкой данного текста летописи. В результате получается более связный и подробный рассказ, чем в источнике, появляются элементы описания события (в отличие от краткой информации источника). Такая направленность работы Татищева при создании «Истории» вполне понятна: как историка его не могла удовлетворить летописная лаконичность. Сами по себе сообщения о приходе половцев, о вступлении Мономаха в Киев и о смерти Святополка, как они даны в летописи, не могут представлять интереса для читателя. В «Истории» же они приобретают иное звучание: более ясные, полные, они дают представление о жизни древней Руси, о ее обычаях.

При написании I редакции «Истории Российской» Татищев использует не только летописную форму, конструкцию описания событий, но и летописный язык. В этом нет ничего удивительного (и криминального): постоянно занимаясь летописями, не только читая их, но и переписывая, Татищев «вошел» в их язык, и тот стал для него вполне доступным и понятным. Историк, как известно, и сам писал о том, что его «История», «писанная древним наречием», как казалось ему, «к выражению всякому довольно ясна». В «Предызвещении» (на немецком языке) Татищев сообщал также, что он дополнял «неточные» и «неясные» места летописи «теми же словами, какие имеются в манускриптах» (VII, 59).

Изучая тексты «Истории», неоднократно сталкиваясь с тем, что Татищев дополнял источники сведениями, взятыми из аналогичных сообщений летописи о подобных событиях,⁴¹ т. е. по сути дела со стилизацией. Но это отнюдь не означает, что вся работа Татищева как историка-писателя сводилась только к этому литературному приему. Анализ всего текста «Истории Российской», несомненно, позволит выявить и иные линии в методике Татищева, т. е. более полно раскрыть его творческую лабораторию, лабораторию историка-писателя первой половины XVIII столетия.

---

⁴¹ Л. И. Сазонова, например, находит, что «механизм создания» Татищевым «новых известий в рассказе о походе Игоря состоит в перенесении ситуаций одного событийного ряда в другой» (Л. И. Сазонова. Летописный рассказ. . ., стр. 42).

А. И. КУЗЬМИН

ВОЕННАЯ ТЕМА В ЛИТЕРАТУРЕ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Военные тревоги, которыми был так богат XVIII век и время Петра I в особенности, не только отразились в литературе, но и изменили ее характер, привели к появлению новых жанров. Правительство Петра I было заинтересовано в разъяснении причин Северной войны и использовало для этого все возможности, в том числе печатное слово. Русскому народу нужно было объяснить причины и цели войны, вдохнуть в него уверенность в победе, помочь найти для нее наиболее эффективные средства. Были и другие, внешние причины печатного объяснения целей войны, осуществлявшегося газетой «Ведомости»: шведское правительство издавало специальные манифесты и реляции, оправдывавшие политику Карла XII и обвинявшие в агрессии Петра I и его союзников.

16 декабря 1702 г. Петр приказал «по ведомостям о воинских и всяких делах, которые подлежат для объявления Московского и окрестных государств людям, печатать куранты, а для печатных курантов, ведомости в которых приказах о чем ныне какие есть и впредь будут, присылать из тех приказов в монастырский приказ, без мотчания, а из монастырского приказа те ведомости отсылать на печатный двор». Как мы видим, главной причиной для издания газеты Петр I считал «воинские дела». 27 декабря 1702 г. был издан «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду, под крепостью Нотебурхом чинилось сентября с 26-го числа в 1702 году». 2 января 1703 г. вышла газета. В виде особых прибавлений к ней печатались сообщения о победах, одержанных русскими войсками, о трофеях и пленных, о триумфальных праздниках по поводу этих побед. Читателей убеждали в том, что в России имеются все возможности для одержания победы.¹ Петр I

¹ Правительство внимательно следило за тем, чтобы в газету не попали сообщения о поражениях и неудачах русской армии, чтобы не разглашались

лично руководил составлением «Ведомостей», правил корректуру, указывал, что нужно перевести из голландских газет. Авторы газетных сообщений воздействовали на читателей не только прямыми призывами, но и косвенно, предоставляя определенные факты и давая возможность самим делать выводы. Газета с ее яркой публицистической направленностью приучала читателя к новому языку, новым темам, отчасти новым художественным приемам. Она как бы подготавливала русских людей к восприятию произведений новой литературы, которая начала пробиваться и расти, преодолевая старые формы и жанры. Но военная тема не нашла в литературе художественного воплощения. «Ведомости» ограничивались короткой информацией, основанной на фактах и документах.

Задачам пропаганды правительственной политики были подчинены и материалы, публикуемые в календаре петровского времени. Так, в «Прогностике о войне и мирских делах» (на март 1725 г.) в силлабических стихах перефразировались библейские пожелания мира.² Наибольшее значение имели печатные реляции о сражениях, которые вела русская армия. В них сообщалось о действиях войск, о причинах того или иного сражения, о численности боевых отрядов и армий, о ходе боя, о трофеях, пленных и о потерях. Реляции ставили перед собой задачу не только информации с театра военных действий, но и воспитания военных и гражданских доблестей. Учили не поддаваться ни унынию, ни чрезмерной горячности в борьбе. Так, в «Доношении о случившемся бою в Курляндии в шести милях от Нитавы при мызе называемой Муроме июля 1705 (15) день» рассказывалось о некоем полковнике Игнатеве, который без разрешения фельдмаршала погнался за шведами, встретился с их прикрытием, был отброшен, «полк его в конфузию приведен: и пехоту нашу тем посмял». Русские в этом сражении вынуждены были отступить («принуждены мы уже в руках своих имеюще победу оставить...»). Однако в основном в реляциях обстоятельно описывались победы, рассказывалось о тех событиях, где русским удалось проявить военную хитрость и смекалку. Так, в сообщении об осаде крепости Ниеншанц рассказано, как не знавшие о капитуляции крепости шведские фрегаты вошли в устье Невы и стали на якорь; под покровом ночи, воспользовавшись тем, что небо было заволочено туманами, к ним подошел десант русских солдат и в абордажном

сведения, которые могли быть использованы врагом, см.: В. Погорелов. Материалы и оригиналы «Ведомостей» 1702—1727 гг. М., 1903, стр. 13.

² «Боже, храни от войны, пожару и мору
Соблюдай покой, и даждь добротну пору»

или

«В войне много бед: и кто победить жаждет,
Тот часто сам побежден на низ упадет...»

(История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941, стр. 37).

бою захватил эти фрегаты. В реляции о взятии города Юрьева рассказывалось о том, как русские захватили в бою шведские пушки и, поворотив их, начали стрелять по шведам. Широко известен использованный А. Толстым в романе «Петр I» эпизод о том, как при осаде Нарвы русские войска, переодевшись в шведскую военную форму, обманули коменданта крепости генерала Горна. Горн со стен крепости увидел войска в синих мундирах, решил, что к нему идет подкрепление, вывел навстречу свой отряд и был разбит.³ Реляции содержали правдивую информацию и о трудностях, которые встречали воюющие стороны. Как и всякое военное испытание, Северная война сопровождалась многими лишениями и в их числе голодом и болезнями. Петр I не боялся сообщить, что от недостатка продовольствия и эпидемий страдали не только шведы, но и русские. В «Обстоятельной реляции о взятии крепости Выборга... в 1710 году» рассказывалось о том, что русская армия страдала от болезней и недостатка продовольствия. Голод был таким сильным, что войска готовы были «есть мертвых лошадей и потом конечно отступить назад». Реляции отразили и такую присущую лично Петру I черту, как уважение сильного противника. В отличие от шведов Петр I и его единомышленники никогда не относились к врагу высокомерно.⁴ Это отразилось в официальных документах; ни в одной из реляций мы не найдем по адресу шведов обидных или оскорбительных слов. В «Юрнала» о взятии Нарвы русскими войсками сказано, что комендант шведского гарнизона генерал Горн на предложение сдаться ответил отказом, «при том наносил некоторые слова хуления». Шведская армия Карла XII, к моменту Полтавской битвы одержавшая более шестидесяти побед, не давала повода относиться к ней неуважительно. Петр I хотел внушить своим помощникам и всему народу, что Россия ведет борьбу с опытным, умным и смелым врагом, силу которого ни в коем случае нельзя недооценивать. Реляции представляют нам шведов как верных своему воинскому долгу солдат. В «Юрнала о взятии крепости Новых Канец в 1703 году, апреля в 23 день» (на месте этой крепости суждено было возникнуть новой столице) рассказано, что шведы были осаждены, им было предложено сдаться в плен, но они отказались, ответив, что «крепость вручена им королем для обороны и они будут ее обо-

³ А. Толстой. Петр I. Полное собрание сочинений, т. 9. М., 1946, стр. 698—702.

⁴ Иначе вели себя шведы. Анонимный автор писал в корреспонденции, опубликованной в 1709 г. в Саксонии: «Высокомерие шведов в Саксонии не имело границ. Я часто вспоминаю о том, как при разговоре с москвитями шведы, которые тогда не встречали в Польше никакого сопротивления, говорили, что мышам живется вольно, когда кошки нет дома. Стоит только шведам вернуться — москвиты побегут, как под Нарвой, и запрячутся в свои мышиные норы» (А. В. Предтеченский. Полтавский бой в освещении современников-иностранцев. — Ученые записки гос. пед. инст. им. Потемкина. М., 1940, т. V, стр. 60).

ронять». Петр I и его генералы высоко ценили верность долгу и мужество своих противников. В реляции о взятии Юрьева говорилось о том, что пленным шведам «ради мужественного их сопротивления и позволено офицерам шпаги и третьей доли солдатам ружья». Были случаи, когда Петр I наиболее храбрых солдат и офицеров «благохотным своим милосердием на свободу пустил».⁵ Новейшие исследования подтвердили правильность высокой оценки Петром боеспособности шведской армии.⁶ Известно, что Карл XII в свою очередь с уважением относился к Петру I как к «самоу честному из своих противников».⁷

Петр I с большим вниманием следил за тем, как составлялись реляции: в одни реляции он вносил поправки и добавления, другие составлял сам. Так была написана реляция о битве при Лесной 28 сентября 1708 г., когда был разбит шведский корпус генерала Левенгаупта, сопровождавший громадный обоз с боеприпасами, продовольствием, амуницией и деньгами. Этот обоз шел к главным силам шведской армии. Первая реляция, написанная на месте сражения 29 сентября 1708 г., представляла краткое сообщение Петра I Ф. Ю. Ромодановскому. 26 октября 1708 г. Петр I написал об этом событии обширное сообщение: «Объявление баталии меж его царским величеством российским и шведским генералом графом Левенгоптом, при Лесной от Пропойска в двух милях сентября в 28 день 1708 году». Сражение описано конкретно, деловито рассказано, как русская армия настигла шведов у деревни Долгие мхи, как началась артиллерийская дуэль. На следующее утро, когда форсировали реку, нашли шведов, построившихся для боя у деревни Лесной. Произошла перегруппировка войск, атака; сражение было кровопролитным («превеликий, жестокий был бой что и пехота палашами рубилась»). Вся реляция подклеивалась к плану сражения и, вероятно, предназначалась как урок тактики для будущей истории. Часть «Объявления баталии» была опубликована на голландском языке с параллельным текстом «библейскою азбукой». Петр I, любивший афористические выражения, назвал эту победу «матерью» Полтавского сражения.

После Полтавской битвы, решившей, как известно, исход всей войны, когда была уничтожена главная шведская армия, он написал Ф. М. Апраксину с поля боя: «Ныне уже совершенной камень во основание Санкт-Петербургу положен». В этот же день Петр I отправил письмо к царевичу Алексею («о зело превеликой и нечаемой виктории, которую господь бог нам через неописуемую храбрость наших солдат даровати изволил с малой войск наших

⁵ См., например: В. Погорелов. Материалы и оригиналы «Ведомостей» 1702—1727 гг., стр. 1—2.

⁶ См., например: А. С. Кан, Р. М. Хеттон. Карл XII — король Швеции. — Вопросы истории, 1970, № 8, стр. 180.

⁷ Там же, стр. 181.

кровию»). 2 июля 1709 г. это письмо было опубликовано в «Ведомостях». Его особенности дают нам представление о литературных достоинствах реляций, поэтому мы приведем из него отрывок: «Сего дня на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армиею конною и пешею атаковал, которая хотя зело по достоинству держалась, однако принуждена была уступить, токмож с великим убытком неприятелю. Потом неприятель стал во фронт против нашего лагара, против которого тотчас всю пехоту из стражементы вывели и перед очи неприятелю поставили. А конница на обоих фланках. Что неприятель увидя, тотчас пошел атаковать нас. Против которого наши встречу пошли, и так оного встретили, что тот час с поля сбили, знамен и пушек множество взяли. . . И единым словом сказать вся неприятельская армия Фаетонов конец восприяла. А о короле еще не можем ведать, с нами ли или со отцы нашими обретается».

В «Объяснительной» реляции о «главной баталии меж войск его царского величества российскийского и королевского величества Свейского, учинившейся неподалеку от Полтавы. Сего иуния в 27 день 1709 года» рассказано о том, как русская армия форсировала Ворсклу и пошла на сближение с противником. «Однакож оной по своей обыкновенной запальчивой отваге, в том нас упредил. . . почитай при бывшей еще темноте. . . на нашу кавалерию, как конницею, так и пехотою своею с такой Фуриєю напал». Рассказано, что сражение было коротким, но кровопролитным: «. . . хотя и зело жестоко во огне оба войска бились, однакож далее двух часов не продолжалось, ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали». Заметим, что в Европе были убеждены в успехе шведов и в печати публиковались сообщения о том, что победили шведы.⁸ 8 июля Петр I написал обстоятельную реляцию о победе у Переволочной, где была взята в плен отступившая с Полтавского поля шведская армия во главе с генералом Левенгауптом. Мы видим, что в реляции — письме царевичу Алексею, написанном 27 иуния, сравнив разгром шведской армии с гибелью мифи-

⁸ Например, в опубликованной в Германии в 1709 г. книжке «Песня об ожесточенной и кровавой битве между шведами и московитами» сообщалось, что «русское войско, по соизволению божьему, совершенно разбито и рассеяно. . . Шведское львиное войско храбро шло в атаку с холодным оружием и ружьями. Русским была задана хорошая трепка, а шведам осталась слава. Шведская конница затем ринулась по пятам вслед за русскими и сражалась рыцарски, как полагается героям, — славно и верно. И начался же танец, когда смелые шведы взяли штурмом их редут! Враги еле-еле успели скрыться за своими повозками. . . Достойный Левенгаупт покрыл себя великой славой, ибо он имел счастье в пятидневном бою 4000 всадников и пехотинцев лишить жизни. Много драгоценных вещей, много повозок и припасов, много серебра, золота и денег взяло львиное шведское войско. Шведов в тот раз было 40 000 всего только, врагов же было добрых 60 000, а многие тысячи в крови захлебнулись тогда. . . Боже, пошли здоровья и удачи славному королю» (А. В. Предтеченский. Полтавский бой в освещении современников-иностранцев, стр. 60).

ческого юноши Фаэтона, Петр I использовал художественный образ. Этим он намекнул на молодость шведского короля (Карлу XII было тогда 26 лет), на то, что его армия выбрала гибельный путь (вместо похода на Москву шведы, введенные в заблуждение гетманом Мазепой, направились на Украинну), на лишения, которые испытывали они во время похода (потеряв обоз при Лесной, шведы терпели жестокий недостаток продовольствия и боеприпасов). Перед нами один из первых случаев использования антономазии в литературе XVIII в. Напомним, что широкое использование ссылок на героев античной мифологии и истории получило распространение в более позднее время и продолжалось вплоть до пушкинской поры. Необычность содержания требовала необычного, возвышенного. Имя Фаэтон навсегда связалось с представлением о смелом, горячем, но опрометчивом юноше. Петр I удачно использовал этот образ, выразив им больше, чем это можно было, пользуясь обычными средствами.

При описании сражений авторы реляций прибегали к иронии.⁹ Так, в одной из реляций сообщалось, что комендант шведской крепости Нотебург благодарил русских «за милостивое объявление» осадить его гарнизон, на что «соответствовано ему на сей комплимент пушечною пальбою и бомбами со всех наших батарей разом». Когда Нотебург был охвачен пожарами и жители его голодали, комендант обратился к русскому командованию с просьбой выпустить из города офицерских жен, которые претерпевают «великие беспокойства от огня и дыму», Петр I ответил на это, что русские пришли не для того, чтобы разлучать семьи, и если жены шведских офицеров желают покинуть крепость, то могут и «любезных супружников с собой вывести купно». Написанные по горячим следам военных событий, реляции представляли увиденное глазами современников, были очень актуальны и оперативны. Публицистическая острота, наглядность, то новое и передовое, что они пропагандировали, имело большое патриотическое и воспитательное значение. Замечательно, что в отличие от произведений других жанров этого времени в реляциях прославлялся не царь и его полководцы, а вся армия и в конечном итоге вся Россия. По своему характеру реляции не только знакомили с ходом войны, но и представляли художественный очерк, который развился в более позднее время. В 1711—1712 гг. реляции, ведомости и военные журналы были собраны, литературно обработаны и изданы под названием «Книга Марсова».

Объяснение причин войны и задач, стоящих перед Русским государством, осуществлялось и в других формах литературного творчества. Большую роль сыграли «слова» и «речи» церковных проповедников. Пользуясь приемами ораторского искусства, про-

---

⁹ Подробнее см.: А. И. Кузьмин. Реляции Северной войны как памятник литературы. — ИЮЛЯ, 1967, т. XXVI, вып. 1.

поведники воздействовали не только на разум, но и на чувства слушателей. Наиболее знаменитые проповедники петровского времени были воспитанниками Киево-Могилянской академии. Феофан Прокопович преподавал в Академии пиитику и риторику. В Киеве учились и такие известные иерархи церкви, как Гавриил Бужинский, Стефан Яворский, Феофилакт Лопатинский. Все эти проповедники обратили на себя внимание проповедями, прочитанными по поводу событий, связанных с войной: Феофан — речью на Полтавскую победу («Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками швейскими победе»), Стефан — проповедью на погребении воеводы Шенна, Гавриил — проповедями, посвященными военным победам, Феофилакт описал торжественную встречу Петра I после Полтавской победы («Политиколепная апотеозис»). Вызванные Петром I в Петербург, они выступали как проповедники-публицисты, прославляли политику царя-реформатора и критиковали его противников. Проповеди Феофана Прокоповича были не только построены по законам ораторского искусства, но отличались простотой стиля и глубиной содержания.¹⁰ Вслед за официальными правительственными толкованиями (записка Ф. С. Салтыкова «Изъявления прибыточные государству», П. Шафирова «Рассуждения, какие законные причины е. ц. в. Петр I... к начатию войны против короля Карла 12 имел») Прокопович объяснял причины Северной войны агрессией шведов, захвативших у русских Ингрию и Корелею.¹¹ Это же мнение высказывали в своих проповедях Стефан Яворский, Гавриил Бужинский¹² и другие проповедники. Шведы были представлены в этих проповедях как наглый, самоуверенный, презирающий своих соседей народ. Русских шведы считали неумеющими обороняться, неспособными противостоять их удару («народ наш, яко немощный и грубый презирали», 51). Подобная точка зрения на непобедимость Карла XII и его солдат, как мы уже отмечали, была распространена в Европе.¹³ Феофан говорил о насилии и грабежах, которые чинили шведы в России, в Саксонии, Польше, Курляндии, Силезии. «Кий град и кий дом избеже опасной и многоочной его ненасытности?» (25) — восклицал он и предупреждал своих слушателей о том, что шведское государство — серьезный противник и победить его можно только в результате напряжения всех сил народа, длительного и упорного учения воинскому

¹⁰ См.: А. И. Кузьмин. Северная война в проповедях Феофана Прокоповича. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969.

¹¹ Феофан Прокопович. Сочинения. М.—Л., 1961. (Далее ссылки на это издание даются в тексте).

¹² Проповеди Гавриила Бужинского. — Ученые записки Юрьевского унив., 1900, № 4, стр. 464.

¹³ Об этом писали многие. «Везде, где только находились шведы, везде были уверены в победе, когда их было двадцать человек на сто» (Ф. Вольтер. История Карла XII. Орел, 1820, ч. II, стр. 33).

искусству. Отмечая успехи шведов в области наук, военного дела и промышленности, Феофан указывал на их единодушие, на преданность Карлу XII («что всего есть больше, вси равно и по государе и по отечестве своем ревнующии», 115). Вероятно, это адресовалось к противникам Петра I внутри России, группировавшимся вокруг старинных боярских фамилий и царевича Алексея. Эта оппозиция, как известно, противодействовала политике Петра I и мешала вести победоносную войну. Феофан не жалел сил для разъяснения и пропаганды петровских нововведений, необходимых для победы: он ратовал за создание армии и флота, за строительство военных заводов и крепостей, за печатание книг, за учреждение школ. Старое стрелецкое войско из защитника отечества превратилось в «некую гангрену», его необходимо было заменить «регулярным воинством», «страшной артиллерией». Особенно красноречивыми были проповеди, посвященные разъяснению необходимости создания военно-морского флота. «Мы точно вкратце рассудим, как собственно российскому государству нужный и полезный есть морской флот, — говорил Феофан в «Слове похвальном», посвященном морской победе у острова Гренгам, — понеже не к единому морю прилежит пределами своими сия монархия, то как не бесчестно ей не иметь флота? Не сыщем ни единой в свете деревни, которая над рекою или озером положена и не имела бы лодок. А толь славной и сильной монархии, полуденная и полуношная моря обдержажшей, не иметь бы кораблей, хотя бы ни единой к тому не было нужды, однако было бы то бесчестно и укорительно» (107). Феофан принимал войну как неизбежное зло, она напоминала ему болезнь, и лечить эту болезнь нужно разумно и решительно; воевать на территории противника и, одержав победу, не успокаиваться на достигнутом: «...не меньшая бо слава есть удержати завоеванное, нежели завоевать — давняя есть пословица» (108).

Ревностными пропагандистами петровских побед были Гавриил Бужинский (обер-иеромонах флота, затем архимандрит) и известный иерарх Стефан Яворский. Не всегда разделяя политику Петра I, эти церковные деятели часто сходились в оценке как войны в целом, так и отдельных ее событий. Проповеди этих ораторов строились по устаревшим схоластическим канонам, были оторваны от жизни, отвлечены, насыщены символами, аллегориями, игрой слов и, вероятно, малопонятны большинству слушателей. Так, по поводу Полтавской победы Стефан Яворский произнес три проповеди, все они не содержали никаких конкретных сведений и могли быть отнесены к любой победе, одержанной над противником-иноверцем. Первая проповедь «Рука Христова, Петру Российскому простираемая, похвальным словом всенародне явленна 1709, июля 24» состояла из схоластических рассуждений о значении каждого пальца руки. Вторая — «Камень идола Навходоносорова сокрушивший, то есть Петр Первый, царь всероссий-

ский, шведского короля с воинством под Полтавой преславно победивший» — развивала аллегорическое сравнение одного из библейских текстов на слово «камень» (т. е. Петр). Шведская армия сравнивалась в ней с «идолом Навходоносором (голова идола олицетворяла короля, руки и мышцы — шведских министров, «чрево медяно» — фельдмаршалов, генералов и офицеров, ноги железные — пехоту). Третья проповедь «Слово о победе под Полтавой» вся состояла из аллегорических сравнений.¹⁴ Карл XII сравнивался с библейским Голиафом, Навуходоносором, апокалиптическим зверем; Петр I — с орлом, библейскими Самсоном и Давидом. Нет нужды останавливаться подробно на проповедях этих проповедников.¹⁵ Говоря об исторических событиях, они искали в них «божественную волю», скрытый сокровенный смысл, вечную неизменную сущность. Проводилась характерная для Ветхого завета Библии мысль о борьбе богоизбранного народа с нечестивыми племенами. В качестве такого богоизбранного народа выступали русские. Однако проповедники убеждали, что победу одержал не русский народ и даже не Петр I, как это проповедовал Феофан, а Христос. Шведы стали врагами не потому, что захватили русские земли, а потому что они по сущности своей «нечестивые», «гордые», «яряшася и хваляшеся церковь святую поглотити». Подобные объяснения не удовлетворяли Петра I и его сподвижников. Когда в 1709 г. Феофилакт Лопатинский составил текст богослужения и успехи, одержанные на полтавском поле, объяснил в соответствии с этой традицией: «Враг наш и посмеятель силы креста низложишася, мы же победители явиемся», — Петр I приказал «песнь всю переменить». «Война ие о вере, но о мере,— писал он,— також и у них крест есть. . . в употреблении и почитании».

Военная тема нашла отражение и в театральных представлениях начала XVIII в. 16 января 1703 г. в Москве силами учеников Славяно-греко-латинской академии по случаю взятия крепости Орешек была поставлена пьеса «Торжество мира преславного», авторы ее переделали ранее шедшую на этой сцене пьесу «Царство мира идолослужением прежде разоренное и проповедию апостола Петра паки восстановленное». Пьеса эта находилась в русле церковной традиции. Войну между Россией и Швецией она представляла как аллегорическую борьбу Православия и Благо-

---

¹⁴ Подобно знаменитой проповеди митрополита Иллариона «Слово о законе и благодати», проповедь Яворского начиналась с рассказа о том, что тяжелое время — зима сменилась благоприятным летом, — бог ниспослал свою милость в победе: «. . . лютый оный зверь, король шведский, рыскаше и зняше устами своими, хотя поглотити Россию, но храбрый Самсон, наш государь царь, заградил есть уста тому льву, паче же растерза льва шведского» (Филологические записки. Воронеж, 1894, вып. I, стр. 3—4).

¹⁵ О проповеди Стефана Яворского подробно см. в кн.: Ю. Ф. Самарин. Сочинения, т. V. М., 1880, стр. 360.

честия с Зловерием и Злочестием. Российский Марс олицетворял Православие, шведские лев и змея — Зловерие. В 1704 г. по случаю успешных действий русской армии на севере в Академии было «изображено» триумфальное «действие» «Ревность православия». Подобно тому как это делалось в церковных проповедях Стефана Яворского, Гавриила Бужинского и других, в песне проводилась параллель между военными победами Петра I и библейского пророка Иисуса Навина. В 1705 г. была поставлена песня «Свобождение Ливонии и Ингерманландии». ¹⁶ Полтавская победа и измена Мазепы изображались в песне «Божие уничижение гордых уничижение» (1710).

Торжественное вступление победоносных войск в столицу, праздники по поводу одержанной победы породили особый жанр «панегирических», или «приветственных», кантов. Они представляли собой стихи, прославляющие победы русского оружия. Исполнялись канты на улицах и площадях Москвы и Петербурга, на открытом воздухе, в виду большого скопления народа во время торжественных шествий. Канты восхваляли Петра и его полководцев, поносили врагов. В панегирической песне полтавского цикла «Развеселися, Россия, правоверная страна!» шведский король назван «тираном», «злым львом», «который от стекольностей, рыкаче изыде || И различных земель грады пожере, где не прииде». ¹⁷ В песне «Царю Росиски воине преславне» говорилось о желании Карла XII «вконец» победить Петра и «похитить» его города. В панегирическом канте «Днесь Орле российский, прости своя крыле» повествовалось о похвальбе шведского короля разорить Россию. ¹⁸

Северная война отразилась в поэтических произведениях петровской эпохи. Единственным напечатанным стихотворением Феофана была победная песнь в честь Полтавской победы «Эпиникион». Феофан нарисовал впечатляющую картину битвы, сравнив ее с грозой на море. Произведение исполнено гордости за молодую русскую армию. В отличие от современных ему поэтов Феофан характеризует Петра I как национального героя. Феофан писал о том, что враги русского государства уже не дерзнут напасть, а станут искать дружбы. Полтавскую победу будут воспевать потомки: моряк, — когда он будет плыть по морю, усталый путник-старец. Внуки будут завидовать дедам — свидетелям этого события (213). Позднее этот мотив развил Пушкин в оде «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году».

¹⁶ См.: Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 годов, т. II. СПб., 1874.

¹⁷ Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 349.

¹⁸ Недооценка могущества русской армии отмечалась во многих памятниках той поры, см.: Битва под Полтавой 17 июня 1709 г. и ее памятники. Полтава, 1909, Приложение, стр. XIX—XXVIII.

На воспоминаниях старого солдата построил сюжет своего стихотворения «Бородино» Лермонтов.

Феофан и от других поэтов требовал национально значимой тематики. Историческое событие приобретает эпическое величие вневременного и может стать предметом изображения высоких жанров, если вспоминается потомками и становится для них предметом подражания. «Эпиникион» написан торжественным стилем с использованием риторических фигур и мифологических образов, в нем чувствуется влияние школьной поэзии XVII в. Но в то же время это произведение новое как по задачам, так и по поэтическим формам. В «Эпиникионе» нашли место и призывы к миру. «Полно ратовать, меч в ножны влагайте, || Что пользы в войне? Война разоряет, || Война убожит, а мир обогащает». Позднее эти настроения нашли развитие у Ломоносова, Державина и других поэтов.

В литературоведении уже высказывались суждения о том, что в поэтических образах «Эпиникиона» прослеживается влияние древнерусской воинской повести.¹⁹ Особенно сильно это сказалось в изображении артиллерийского боя. Одно из стихотворений Феофана Прокоповича было посвящено описанию сражения с турками при реке Прут. Первые строфы этого произведения отличались звуковой выразительностью, получившей широкое распространение в поэзии более позднего времени, в частности в стихотворениях Г. Р. Державина: «За Могилою Рябою, || Над рекою Прутовою, || Было войско в страшном бою. || В день недельный от полудни || Стался час нам вельми трудный, || Пришел турчин многолюдный» (214—215). Здесь явно ощущается маршевый ритм, силлабический стих воспринимается как четырехстопный хорей. Накопление однородных географических определений («За Могилою Рябою, || Над рекою Прутовою») передает ощущение дальности похода. Третья строка как бы оттеняет значение двух предшествующих, называет цель движения войск — бой с противником. Строка четвертая и пятая дают накопление временных определений («В день недельный от полудни || Стался час нам вельми трудный»), говорят о томительном ожидании этой встречи. Близким к хорее размером написано и стихотворение Феофана «Запорожец кающийся».

В прозаических произведениях и драматургии петровской эпохи батальная тема характеризовалась теми же поэтическими приемами, какие мы встречали при рассмотрении реляций, церковных проповедей, кантов.²⁰ Наши представления о литературе этого периода были бы неполными, если бы мы не коснулись произведений, которые выразили негативное отношение к военным

¹⁹ См.: История русской литературы в трех томах, т. I. М.—Л., 1958, стр. 395—397.

²⁰ См.: Русские повести первой трети XVIII в. Исследование и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1965.

реформам начала XVIII в. и личности Петра I. Время, в которое развертывалась деятельность Петра I, было сложным и противоречивым; при вступлении молодого царя на престол подневольные люди — крепостные и стрельцы — ждали облегчения жизни, но вместо этого гнет и эксплуатация стали еще более тяжелыми. С неслыханной свирепостью подавлялось всякое недовольство.

С самого учреждения новой армии положение солдат было тяжелым. Они страдали не только от обычных трудностей военной жизни, но от жестокости начальников и бесправия, от суровых наказаний. Часто солдатам не выдавали положенного обмундирования и продовольствия. В 1697 г. в Преображенском приказе разбиралось дело новоприборного солдата Якова Григорьева, который хотел составить и поднести царевне Софье челобитную, где просил помочь солдатам получить у начальства положенные им сухари. Якова Григорьева приговорили к тяжелому наказанию: «У плахи сказать ему смертную казнь и положить на плаху и, сняв с плахи урезав ему язык», сослать в Сибирь.²¹ Недовольные своим тяжелым положением, солдаты полков Севского разряда в 1698 г. говорили о том, что им следует поддержать восставших стрельцов. Солдат полка Гордона Рыбенков осенью этого же года был привлечен к суду за неодобрительные разговоры о царе. Рыбенка били кнутом и сослали с женой и детьми «на вечное житье» в Сибирь.²²

Свирепые наказания за инакомыслие делали людей особенно осторожными. И все же народ находил способы выразить свои чувства: в рукописных апокалипсисах изображению антихриста придавали портретное сходство с Петром,²³ широко известна лубочная картина «Мыши kota погребают», представляющая собой пародию на похороны Петра и триумфальные шествия, которыми отмечались многие важные государственные события и праздники. Лубочная картинка «Бык не захотел быть быком» изображала быка, который сделался мясником, убил настоящего мясника, отрубил руки, «повесил его вниз головой и стал таскать кишки с потрохами». Голова повешенного имела разительное сходство с головою Петра I.²⁴ В среде старообрядцев упорно распространялась мысль о том, что Петр I не настоящий царь, а подмененный немцами антихрист, чуждый русскому народу. В солдатской

²¹ Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I по материалам Преображенского приказа. М., 1957, стр. 153.

²² Там же, стр. 201.

²³ Напомним, что учение о конце мира и воцарении антихриста — Петра I развивал книгописец Григорий Талицкий в сочинениях «О счислении лет», «Врата» и «О падении Вавилона», призывавших к свержению Петра I. Талицкий и его единомышленники были приговорены к смерти.

²⁴ См.: Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. I. — СОРЯС, т. XXIII, СПб., 1881, стр. 412—413; С. Ф. Елеонский. Из истории массовой литературы XVIII в. — ИЮЛЯ, 1955, № 5, стр. 452.

песне «Горы Воробьевские» выражалось недовольство немцами-командирами, которые притесняли русских солдат. Борьба с засилием немцев-офицеров станет одним из распространенных мотивов демократической литературы на протяжении всего столетия. Легенде о «подменном царе» отчасти способствовало «переодевание» Петра I, который во время важных для жизни армии и государства событий выступал под именем иноземца Питера, или урядника Петра Михайлова, или корабельного плотника Петра Алексева, бомбардира или шкипера, а вместо себя ставил кого-нибудь из близкого окружения: Никиту Зотова, Федора Ромодановского, Лефорта. В раскольничьей легенде Петр I признается: «Не любит меня народ православный, имя мое клянет, антихристом называет».²⁵ Антихристом и погубителем праведных людей называет Петра и встретившийся ему в лесу некий старец. По этой легенде, истинный Петр заблудился в лесу и был погребен, а на место его бояре избрали царем Лефортова родича, ставленника боярина Стрешнева, который с еще большей свирепостью расправлялся с русскими людьми: «И в срубах пожигали, и в воде потопляли, на плахах обезглавливали и вообще всяческое мученье усугубляли».²⁶ В этой легенде как положительный герой показан простой русский солдат. Узнав о воскресении истинного Петра, родственник Лефорта решил уничтожить царя, приказал войску окружить лес, где скрывался Петр, но солдаты отказались выполнить это приказание. Многие из них за это были расстреляны. Один молодой солдат, посланный Лефортом по жребию в лес, признал истинного царя и был вместе с ним схвачен и казнен. Ему отрубили голову, но тут произошло чудо: голова казненного подкатилась к Петру, попросила у него прощения и благословения.

Народ осудил царя и за расстрел стрельцов под Воскресенским монастырем.²⁷ Стрельцы были наиболее активной политической силой общества. Не всегда стрельцов представляли в памятниках литературы врагами Петра I. В легенде о пленении царя в «Стекольном царстве» описывается, как царя ставили на горячую сковороду и томили в темнице, как по возвращении в Москву

²⁵ П. П. Баснин. Раскольничьи легенды о Петре Великом. Сказание о царе Петре истинном и царе Петре ложном. — Исторический вестник, 1903, май, стр. 518.

²⁶ Там же, стр. 526.

²⁷ Намеки на это событие содержатся, например, в духовной песне:

Идет туча стороною	А я бог за вас горою
Не ходите бороною	А мне богу все известно
Не вдавайтесь в тоску,	И в аде сте будет место
Становитесь на доску	Ад есть будет второй Питер,
Не пушу вас бог в Москву:	Катать будет в нем Искупитель...
Хоть стреляет враг стрелою,	

(ГИМ, ф. 440, оп. 281, ед. хр. 1225, стр. 9—10).

бояре решили его извести: изготовили бочку с гвоздями и хотели положить в нее Петра. Злодейское преступление сорвал простой стрелец: он предупредил Петра об опасности, лег на его место в постель и, принятый за царя, был брошен в море. Женщина, рассказывавшая эту легенду, по приговору Ф. Ю. Ромодановского вместе с мужем была бита кнутом и сослана в Сибирь.²⁸

Представление о Петре I как о мнимом царе распространилось и за рубежом. В румынской легенде рассказано, что Петр I терзался угрызениями из-за того, что лишил престола своего брата Ивана, стал причиной смерти Софьи, убил сына Алексея. Согласно этой легенде Петр I тайно оставил престол и под именем Паисия принял в Молдавии в Ненецком монастыре монашество. И все же особенно резко народ осуждал врагов Петра I. Известны произведения народной поэзии, резко бичующие Мазепу, высмеивающие шведского короля Карла XII.²⁹ Рамки этой статьи не позволяют остановиться на них подробнее.

Напомним, что отрицательные стороны реформ были подмечены и известным публицистом петровской эпохи И. Т. Посошковым в книге «О скудости и богатстве» (1724). Несмотря на то что сочинение это было опубликовано только через сто лет после смерти автора, книга имеет большое значение для изучения литературы России начала XVIII в. Будучи сторонником петровских реформ, Посошков выступал против притеснения податного населения. Не без иронии отмечал Посошков свое бесправное положение: «... только что о обидах своих жалуйся на служивый чин богу». Эта «жалоба» угнетенных людей богу как литературный жанр получит особенно широкое распространение в солдатской среде в более позднее время.³⁰ Посошков с горечью писал о том,

²⁸ Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I..., стр. 217—218.

²⁹ А. И. Яцимирский. Румынские рассказы и легенды о Петре Великом. — Исторический вестник, 1903, май, стр. 558. Приведем отрывок из рукописного сборника XVIII в.:

Кто слышал у нас таковыя славы
Что поднимался король шведский даже до поставы
Призывает он к себе Мазепу на подпору
Как бы вырыть под царем на погибель нору
Веселятся и пляшут чая победили
И не справившись с удачей все распорядили
Король шведкой говорит когда я буду паном
То устрою и Мазепу коронным гетманом
А Мазепа возносился выше своей меры
Был предатель государев, был предатель веры
Но что вышло из их не попали и в отчину
Потерявши цело войско утекли в немчизну
Виват белый царь и разумом воин богатый
Виват храбры генералы, виват и солдаты.

(ГИМ, ф. 48 (Рогожина), арх. 481, № 47051, А7357, стр. 45).

³⁰ См.: «Челобитная к богу крымских солдат» и другие произведения.

что находящиеся на государственной службе солдаты голодали и не получали жалования. Он ошибочно думал, что Петр I не знал о бедственном положении армии: «...о такой скудости чаю, что никто великому государю не донесет, но чаю доносят будто все сыты и всем довольны». Автор книги «О скудости и богатстве» справедливо полагал, что если бы солдаты были обеспечены пищей и одеждой, то и служба шла бы у них «споряе». «А егда голоден и холоден, и ходит скорчась, то какой он воин, что служа воет?»; «Голодный идучи и за солому защемляется». Посошков обрушивался на тех дворян, которые под всякими предлогами старались избежать военной службы. Государственные дела пошли бы значительно лучше, если бы у Петра I было больше единомышленников, особенно среди дворян. Нужно, чтобы закон был одинаков для солдата и офицера. Это требование строгого и одинакового исполнения законов всеми гражданами станет одним из главнейших у Н. И. Новикова и других передовых писателей XVIII в.

Умудренный богатым опытом, Посошков давал много ценных практических рекомендаций, и в частности в военном деле. В записке «О ратном поведении» (1701) Посошков писал: «Много немцы умнее нас науками, а наши остротою, но благодати божией, не хуже их». Он рекомендовал держать армию всегда боеготовой: чтобы оружие было наточенным, порох сухим, а бомбы готовыми разорваться. Он высмеял тех, кто по старине военные неудачи объяснял божьей волей. Любопытно это совпадение взглядов грамотного крестьянина со взглядами Петра I. Посошков писал: «...без воли божьей и маленькой птички убить никому невозможно», однако «надобно человеку... к ратоборству готову быть, и убор ополчительный всегда добрый иметь. Если же мы обороны себе не умеем держать, то нечего нам на бога и пенять». Свои мысли Посошков подкреплял примером из жизни. Книга написана живым разговорным языком, с использованием пословиц и поговорок, некоторые отрывки — рифмованной прозой на манер той, которую использовали в надписях под лубочными картинками и в народном театре.³¹

В петровское время русское государство нуждалось в многочисленных офицерах, солдатах, матросах, инженерах, техниках. В этих людях нужно было воспитать чувство преданности тому

³¹ Перечисляя требования, которым должна удовлетворять армия, Посошков писал: «И солдаты б были смелье, из ружья стрелять умелье»; о коннице: «в начале у них клячи худыя, сабли тупые, сами нужны и безодежны»; о дворянах, избегающих военной службы: «попеченья о том не имеют, чтоб неприятеля убить, о том лишь печется, как бы домой быть», «Лучши им дома сидеть, а то ничего и славы чинить, что на службу ходить». Подписано «донесение» Ф. А. Головину: «Писавший Ивашка Посошков, главу свою под ноги твоя подносит. И о всех прогрешениях незданных и сумлительных просит. И желает под кровом твоим благоприкровенно жити. И за то верне всеми людьми достойно те блажити».

делу, к которому они были призваны. Изданные в петровское время книги не только учили математике или фортификации, но открывали перед читателем дверь в новый мир, объективно воздействовали на мировоззрение, внушали идеи защиты государства. Передовые писатели не упускали случая использовать для этого все возможности. Так, переписанная в 1691 г. «Книга, глаголемая арифметика» содержит стихотворное обращение к читателю и предисловие, в котором рассказывалось о пользе наук.³² Подобные стихи приложены и к «Арифметике» Леонтия Магницкого (1708). В «Предисловии к доброхотному читателю» к «Уставу морскому» Феофан Прокопович доказывал, что политика, проводимая Петром I, являлась продолжением политики первых киевских князей, заботившихся о могуществе России.

В литературе петровской эпохи имели место качественно новые явления. Большое значение приобрела общественно-политическая публицистика, призванная воспитывать в гражданах патриотические чувства, готовность до конца бороться с врагами государства. Мы видим, что идейно-воспитательную роль выполняли царские указы, манифесты, реляции, заметки в газете, в календаре, воинский и морской уставы. Появилось новое понимание государственного служения: главное заключалось не в жизни частного человека и даже не в жизни и благополучии царя, а в сохранении и процветании отечества.³³ Был создан идеал гражданских доблестей, который вдохновлял не только поэтов XVIII в. до Радищева включительно, но и поэтов-декабристов. Петровские реляции заменили отсутствовавший в литературе жанр художественного очерка и в какой-то мере как бы подготовили его появление. Военная тема способствовала обогащению литературы описанием достоверных фактов действительности и сыграла, таким образом, заметную роль в становлении новых прозаических жанров.

---

³² См.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 266—267.

³³ Напомним слова Петра I, сказанные царевичу Алексею: «Я за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть»; обращение Петра I к войнам перед Полтавской битвой: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, была бы жива Россия».

А. А. МОРОЗОВ

ЭМБЛЕМАТИКА БАРОККО В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Эмблематике принадлежит заметное место в художественной культуре европейского барокко.¹ Она отвечает важнейшим особенностям и тенденциям в развитии этого стиля, принципам барочного метафоризма. Эмблема — зримая метафора, в которой слово и изображение вступают в сложное взаимодействие. За видимым изображением возникает метафоризированный «умственный» образ. Посредством эмблематики умозрительное и отвлеченное становилось «наглядным» и «доступным». Эмблема запечатлевала в памяти и внушала религиозные истины, моральные правила и политические принципы. Иезуит Якоб Масен (Масениус), видный теоретик школьного театра, хорошо известный в Польше, на Украине и в России, в своем труде «Зерцало изображений оккультной истины», вышедшем в Кёльне в 1650 г.,² указывал, что смысл эмблематического изображения не только метафоричен, но и многозначен. Солнце на небе может означать нравственную чистоту человека, познание божественных вещей, христианскую церковь и многое другое. Вместе с тем одно и то же понятие может быть выражено различными изображениями. Образую эмблему, изображение и девиз подчинялись барочному «принципу остроумия» — неожиданному и поражающему сочетанию представлений, со скрытой дидактикой или спиритуалистическим значением. Эмблема не создается произвольно по прихоти «инвентора», а опирается на риторический разум и устанавливающуюся традицию. В эмблематике барокко проявляются тенденции к постоянным семантиче-

¹ А. Морозов. 1) «Маньеризм» и «барокко» как термины литературоведения. — Русская литература, 1966, № 3; 2) Проблемы европейского барокко. — Вопросы литературы, 1968, № 12.

² J. Masenius. Speculum imaginum veritatis occultis. Coloniae ubiorum, 1650 (БАН).

ским связям между изображением и девизом (при сохранении многозначности эмблемы). При этом резко обозначается существенное различие в использовании эмблематики в словесном (поэзии, проповеди) и изобразительном искусстве. Наряду с сакральной эмблематикой издавна существовала прикладная, которая смыкалась с геральдикой, участвовала в создании внешнего и внутреннего убранства дворцов и оформлении празднеств. Она служит декоративным целям, появляется на оружии, медалях, книжных украшениях, утвари, печных изразцах. Она опирается на привычные осмысления и стремится быть понятной без особых пояснений. Приобретая однозначность, эмблема примыкает к аллегории или становится ее атрибутом, служит для узнавания аллегорической фигуры.³

Эмблематика получает интенсивное развитие в эпоху барокко, становится его стилиобразующим началом.

В славянских странах эмблематика была связана с ростом национальных культур и отвечала художественным потребностям различных социальных слоев.⁴ В Польше с конца XVI в. эмблематика культивировалась не только в иезуитских коллегиях, но и у крайних протестантов (антитринитариев). Сборники эмблем выпускают не только кармелит Себастьян а Матре Деи,⁵ но и деятель арианских соборов Иозеф Доманиевский.⁶ Крупнейший поэт польского барокко арианин Збигнев Морштын обращался к эмблематике «божественной и земной любви» в сборнике, выпущенном неким «отцом капуцином», и пользовался им как источником эмблематических изображений и поэтических мотивов.⁷ К середине XVII в. интерес к эмблематике наметился на Украине и в Белоруссии. Пиитики и риторики Киево-Могилянской академии, черпавшие материал из пособий, принятых в польских иезуитских коллегиях (Скалигера, Масена, Понтана), рассматривают эмблематику в разделах «Изобретение», «Украшение», «Вымысел» и

---

³ Свод эмблем, выбранных из 47 эмблематических сборников XVI—XVII вв. (с привлечением вариантов и библиографией): *Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts.* Herausgegeben von A. Henckel und A. Schöne. Stuttgart, 1967. (Воспроизведено 3713 эмблем). В дальнейшем цитируется: *Emblemata.* Классификацию эмблематических сборников по содержанию с учетом прикладной эмблематики см. в статье: W. S. Heckscher und K. A. Wirth. *Emblem. Emblem buch.* — *Reallexikon zur deutschen Kunstgeschichte*, Bd. 5. Stuttgart, 1967, Sp. 193—221.

⁴ А. А. Морозов. 1) Основные задачи изучения славянского барокко. — *Советское славяноведение*, 1971, № 4; 2) Новые аспекты изучения славянского барокко. — *Русская литература*, 1973, № 3.

⁵ *Sebastian a Matre Dei (carmelite). Firmamentum symbolicum.* Lublin, 1652 — БАН, ОРРК.

⁶ *Josef Domaniewski. Emblemata niektóre.* Lubecz, 1623. Об эмблематике в Польше см.: J. Pelc. *Old polish emblems introduction to the problems.* — *Zagadnienia rodzajów literackich*, t. 12, 1970, z. 2, p. 21—31.

⁷ J. Pelc. *Zbigniew Morsztyn, arianin i poeta.* Warszawa, 1966.

включают в учение о тропах.⁸ Иоанникий Галятовский в своем трактате «Наука албо Способ зложеня казаня» (Киев, 1659) наставлял будущих проповедников: «...треба читати книги в зверох, птахах, гадах, рыбах, деревах, зелах, каменях и розмаитых водах... уважати их натуру, власноти и skutки и тое себе нотовати и апплековати до своей речи», — придавая перечисленным предметам аллегорическое толкование.⁹

На Украине получают распространение «гербовые вирши», примыкающие к эмблематической поэзии. Они аллегорически истолковывают подробности гербов знатных украинских родов, сопровождают посвящения книг и т. п. С начала XVII в., по словам акад. В. Н. Перетца, на Украине наблюдается своего рода «гербомания» — повальное увлечение этим жанром.¹⁰

Через представителей украинской и белорусской образованности эстетические принципы церковно-схоластического барокко проникают в Москву, где подхватываются панегирической поэзией Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева, а также школьным театром. После основания Славяно-греко-латинской академии наплыв учителей риторики и пиитики, а также иерархов, связанных с киевской ученостью, усиливается. Они вживаются в новую историческую обстановку и предоставляют имеющиеся в их распоряжении художественные средства на службу русскому государству. Они не просто переносят воспринятые ими эстетические принципы и риторические навыки в новую среду, а видоизменяют и перерабатывают их согласно новым условиям и историческим потребностям. Русская эмблематическая поэзия, еще сохраняя черты украинского национального варианта барокко, обращается уже не к клеймотам отдельных знатных родов, а прежде всего к новому государственному гербу России, принятому при царе Алексее Михайловиче.

Недавно найденные в Швеции и опубликованные Нильсом Оке Нильсоном вирши на русский государственный герб написаны под сильнейшим воздействием украинско-польской традиции.¹¹ В то же время они отражают и закрепляют усилия Титулярника 1672 г.,

---

⁸ В. И. Резанов 1) Из истории русской драмы Школьные действия XVII—XVIII вв и театр иезуитов М., 1910, 2) К истории русской драмы Эскурс в область театра иезуитов Нежин, 1910

⁹ Хрестоматия давньої української літератури Доба феодалізму Упорядкував О. Білецький Київ, 1952, ст. 264, Н. Сумцов К истории южно-русской литературы семнадцатого столетия Вып. 2 Киев, 1885, стр. 22

¹⁰ В. Н. Перетц Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков М.—Л., 1962, стр. 145—146.

¹¹ Nils Ake Nilsson Russian Heraldic Virsi from the 17th Century. A Manuscript in the Diocesan and Country Library at Vasterds Sweden. Uppsala, 1964 Текст написан 11- и 13-сложным силлабическим стихом и насчитывает 326 строк Описание каждого герба состоит из трех или четырех звеньев, носящих заглавия «алегория», «анаграмма», «аналогум» и «эмблема», предлагающих многозначное истолкование каждого герба Всего описано 20 гербов.

включившего в общегосударственный герб 32 герба отдельных провинций, входивших в пространный титул, принятый русскими царями. Вирши представляют собой цепь метафоризованных описаний отдельных гербов (без двуглавого орла) в различных аспектах. Титулярник 1672 г. включил в изображение гербов местные мотивы, в том числе связанные с поверьями и легендами (медвежий культ на Верхней Волге, казанские предания о Змее), подвергнув их христианизующей переработке,¹² что также нашло отражение в виршах, найденных в Швеции.

В дальнейшем русская церковно-панегирическая поэзия, безудержно эксплуатировавшая тему «державного орла», либо ограничивалась простым названием этой эмблемы с уже заложенным в ней значением, либо отличалась изысканным и сложным метафоризмом, как в хорошо известном «Орле российском» Симеона Полоцкого.¹³

Эмблематика и аллегорика петровского времени были теснейшим образом связаны с традициями церковно-панегирического барокко, наследием русской и украинской виршевой поэзии, школьного театра и церковной проповеди. Эмблематическая поэзия, коль скоро она не являлась непосредственным откликом на политические события или официальные требования, оставалась в русле этой традиции, развивая принципы барочного метафоризма. Спиритуалистическая эмблематика лежит в основе эпитафии умершему в 1707 г. Варлааму Ясинскому. Она долгое время приписывалась Феофану Прокоповичу, но, вероятней всего, написана Стефаном Яворским.¹⁴ Эпитафия разделена на две части, первая названа «Emblemma», вторая — «Symbolum». Она открывается такими стихами:

Сень и примрак обнося мертвеннаго тела,
не могох ясно зрети тройчнаго светила,
Но аки во зеркале далече без мери
видех творца моего зеницею веры.
Но се уже сокруши смерть зеркало сне,
чаю убо видети бога явственнее.

В этих словах изложено теологическое обоснование эмблематики как особой формы образно-аналогистического познания,

¹² См. издание: Портреты, гербы и печати Большой Государственной Книги 1672 г. СПб., 1903; А. В. Арциховский. Древнерусские областные гербы. — Ученые записки Моск. гос. унив. им. М. В. Ломоносова, вып. 93, история, кн. 1, 1946, стр. 43—67.

¹³ Орел российский. Творение Симеона Полоцкого. Сообщил Н. А. Смирнов. СПб., 1905.

¹⁴ Стихи приводятся по изданию: Русская силлабическая поэзия. Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. М. Панченко. Л., 1970 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 257—262. С. Яворский был давним почитателем Ясинского и еще в 1684 г. сочинил ему панегирик на латинском языке «Hercules post Atlantem» (с включением отдельных польских стихов). Геркулесом был назван Ясинский, Атлантом — его предшественник Гизель,

несовершенного и приблизительного, ибо человек, по словам апостола Павла, познает истину лишь как смутное и загадочное изображение в зеркале («per speculum in aenigmate») и только после конечного избавления, став лицом к лицу с богом («facie ad faciem»), получает возможность непосредственного созерцания божественной истины (1-е Послание к коринфянам, гл. 13, ст. 12). Далее, после рассуждений о смерти, которая «всё „подкопа“ дом сей телесный», ибо «цел и безбеден» остался Варлаам небесный» (т. е. душа), поэт обращается к гербу Варлаама Ясинского, на котором был изображен полумесяц и стрела с двумя звездочками:

Луну, рода моего знамение красно,
умирай, на себе изобразих ясно;
Идеже бо землю покровен бываю,
тамо, яко же луну, свет мой помрачаю.
На горé свет тройчнаго солнца безконечный
видящи, сам на себе прииму зрак солнечный.

Поэтика виршей на герб концептизируется. Простой дворянский герб осмысливается как символ восхождения от земной жизни, помрачающей даже отраженный лунный свет, к вечному свету солнца. Это восхождение поддерживается потоком библейских ассоциаций и мотивов (лествица Иакова) и культом Девы Марии (с отчетливым привкусом католицизма):

Слышах о Иакове, на камени спящем
и простерту до небес лествицу видящем...
... Вижду тя, о лествице, сведшую нам бога!
Доведи мя, Марие, горняго чертога.

Во втором разделе, названном «Символы», отображена деятельность Ясинского как пастыря и подвижника. Метафоризация опирается на привычную эмблематическую предметность, символизирует твердость духа и другие качества Варлаама:

Что звезда ест морская по морю плывущим,
то бог есть рабом верним, во бозе живущим...
... Молчит злато под млатом, разнствуя от меди,
подобне и Варлаам поношаше беды...
... Светлость свещи, проходя сквозе сосуд склянный
множится и болшия осязает страны.
Варлаам свет смерти ума чистотою
прием и зело того умножи собою.
И зри: светлость повсюду излия толику,
облиста всю Россию, Малу и Велику...

Привав освобождающий «свет смерти», Варлаам становится «светочем» божественной премудрости, «облиста» Россию сиянием своей праведной жизни. Этот изысканный концептизм типичен для поэтики Стефана Яворского, создававшего в своих проповедях сложные словесно-аллегорические построения.¹⁵

¹⁵ А. А. Морозов. Метафора и аллегория у Стефана Яворского. — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971, стр. 35—44.

Петровский школьный театр был тесно связан как с общими принципами театрального барокко XVII в., так и с его мотивикой. Однако традиционная аллегорика и эмблематика приходила в нем в движение. В школьных драму вводятся, можно даже сказать — врываются, современные дела и события.

В драме «Страшное изображение второго пришествия господня на землю» (1702) аллегорическая фигура Марса русского (Петра I) выступает в сопровождении Фортуны и Победы. Марс восклицает, обращаясь к орлу:

Орле царственный, пошли огненные стрелы,
Дабы врагов противных на главу разили...¹⁶

В «Орле русском» (1667) усиливаются черты динамизма. Основной мотив вступает во взаимодействие с другими аллегорическими фигурами, осложняется дополнительными мотивами. Оставаясь еще в русле старых традиций, петровский школьный театр по-прежнему служит новому времени. Традиционные аллегорические фигуры становятся носителями злободневного содержания. В драме «Торжество мира православного» (1703) аллегорические фигуры сопровождают триумфальную колесницу Петра: «Мужество и Фортуна Генеуша Марса роксоланского на торжественном возе, впрягши льва и змия, знамения побежденных до Капитолия, торжествующих храма провождают».¹⁷

В драме «Божие уничижителей гордых... уничижение» (1710) через «умбры» (теневые картины, подсвеченные транспаранты) было показано, как «Орел российский» вместе с «Помощию божией» (особая аллегорическая фигура) «Льва храма» ловят и «львята» (шведских генералов) «половили», «лев же хром бежа».¹⁸

В этой же пьесе сатиры пляшут в роще, куда орел приносит похищенных львят. Сатиры эти не являются новостью и были известны русской драме еще в XVII в.

Замечательным образом петровского барокко на театре является аллегорическая школьная драма «Слава печальная», поставленная 26 декабря 1725 г. учениками Московского гошпиталя, в большинстве своем набранными из недавних школяров московской Славяно-греко-латинской академии.¹⁹ Она прекрасно отразила само движение стиля русского барокко, состав его художественных средств, их трансформацию и отношение к предшествовавшей традиции.

¹⁶ И. М. Бадалич, В. Д. Кузьмина. Памятники русской школьной драмы XVIII века. М., 1968, стр. 162.

¹⁷ Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 годов, т. 2. СПб., 1874, стр. 23.

¹⁸ Там же, стр. 434—435.

¹⁹ С. Щеглова. Неизвестная драма о смерти Петра I.— ТОДРА, т. VI, 1948, стр. 376—404. (Далее ссылки на эту публикацию даются в тексте).

Драма прославляет Петра и оплакивает его смерть. Она проникнута духом петровских реформ и сознанием их значительности. Афина Паллада (Палляс) восклицает:

Не дал ли Петр России днес архитектуру,
оптику, механику, да учат структуру,
Музыку, медицину, да полированны
будет младых всех разум и политизованны.

(стр. 386)

Нептун деловым тоном петровских реляций сообщает:

Петербурх преславны град близ моря построил,
славнейший Кронштат тамо свой и флот устроил.
Корабли преславны суть и славны галеры,
командуют оными храбры ковалеры,
Шлюпок много, вереек, с ними же и шнявы,
в буерах, баржах ездят до пречудной славы. . .

(стр. 385)

«Вечность» (аллегорическая фигура) в свою очередь утверждает, что Россия «ныне обогащаема, поклоняема, страшна врагам и преславна», ибо Петр «в трудах всегда бываше, себя не жалея» (стр. 394). «Триумфует, глаголю, вечность, но рыдает, слезит, стenet от горести души своей, плачет неутолимо любезная его мати, драгое его государя отечество, приседящая гробу Россия бедная, осиротевшая Россия» (стр. 396). В драме заметно ослаблена стихия церковного языка, вступающего в сложное взаимодействие с варваризмами петровского времени, языком «Ведомостей» и реляций. Характерно, например, выражение, что Петр «угоден авдиенции в палате небесной», при наличии эпитетов старой панегирической поэзии: «солнце пресветлое», «неоцененное перло», «кристалловидный камень» и др. Смешение разнородных по своему характеру и происхождению языковых и стилистических пластов, изобразительных и литературных мотивов, античной мифологии и христианских представлений является органическим свойством и своего рода признаком барокко, в том числе и в его русском национальном варианте, приобретающем особое своеобразие под давлением традиции. В драму «Слава печальная» вторгается просторечие и вводятся фольклорные мотивы. Даже Нептун говорит:

Умолкните ныне, вси морсти рыбы, звери,
мати Россия зрится печальна без меры.

(стр. 391)

А Россия причитает:

Ах, боже едины, днесь пошли звери лютыи,
чтоб они сердце мое могли исторгнути,
сошли с высоты на мя громовую тучу
или каменей парящих смертельную кучу
испусти огненосны ко мне, бедной, стрелы,
ехидны люты сердце дабы днесь проели.

(стр. 398)

Несмотря на явственный налет книжности, причет России сближается с народными плачами. В драме представлен и такой жанр как загадка. «Предуведение» (аллегорическая фигура), обращаясь к античным богам, задает им такую загадку:

Что се есть?
выдвел цвет в поли,
быть еще нет воли,
бежит к нему коса,
сама весма боса,
тотчас его скосило,
сердце всем уныло,
Цвет бо когда упал,
страх всем напал

(стр 387)

Паллада и Марс выступают как просвещенные боги петровского времени — противники всяческих суеверий и пророчеств. Паллада говорит:

Загадкам не верю, но нечто цепеню,
сердцем моим болею и весма бледнею

Марс заявляет более решительно в духе административной дидактики Петра:

Снам, загадкам никогда верити неудобно,
о том ли днесь думать се ли нам подобно

(стр 387)

Наконец, Россия и все боги Олимпа призывают Гениуша, который объясняет, что «загадка» предвещает смерть Петра:

Печально, ужасно, нечаянно, страшно	косе смерть грядущу, скоро быть имущу,
Загадка содержит, страх сердце обдержит	умершу, белезни и печали слезны
цвет в поли стоящи Государь есть болящи,	Россияне придут, долго не отыдут...

(стр 388)

Россия не верит и восклицает, обращаясь к Гениушу:

Мальчик малы, не диво гадать не умеешь,
еще во младости ты только что цветнеешь
Может ли это статься Российско светило
Петр император, солнце чтоб себе затмило

(стр 388)

Однако «Слава печальная» подтверждает, что предсказание сбылось.

В целом эта аллегорическая драма проста и наполнена наивными злободневными сентенциями. В ней выступают такие фигуры, как Фортуна, Истина, Мужество, Вечность, а также персонализации Персии, Полонии и Швеции, отдающие должное па-

мяти Петра и его политической и военной мудрости. Вместе с тем в ней отсутствуют встречавшиеся в петровской драме первого периода олицетворения церковно-религиозных понятий. Эта секуляризованная, проникнутая пафосом петровских реформ драма тесно связана с поэтикой, стилистикой и мироощущением барокко. Она подчеркнута антиномична, нагнетает контрасты и пользуется готовыми формулами и метафорическими значениями. Сперва в риторическом вступлении антиномичность представления, которое будет показано зрителям на «трагическом феатре», объясняется неожиданным и небывалым стечением обстоятельств: радости по случаю празднования рождества христового и печали, вызванной смертью Петра. «Как бо может соравниться печаль с радостию, веселие с въздыханием, свобода с пленностию, отчаяние с надеждою, сугубое таковое дело, противны суть вещи!» (стр. 383). Эта противоречивость, своего рода амбивалентность чувств и переживаний хорошо знакома драме барокко. В особом «Антипрологе» эта антиномичность раскрывается более глубоко, как извечное противоречие Тлена и Вечности, смертности всего земного и немеркнувшей славы. На первый план выступает излюбленный в поэзии и живописи барокко мотив «Vanitas» — бренности и преходящности бытия. На сцене появляются «богини смертные, сигнал свой носящие» (т. е. свои атрибуты). «Им же отвещается — слава мира сего преходит»:

Юноша яко пузырь,
 флора яко цвет,
 Инная яко свеща,
 Инная яко глас
 Мимоходит смерть...²⁰
 (стр. 388)

Все четыре уподобления связаны с эмблематикой барокко и сочетаются друг с другом, создавая устойчивый реквизит изобразительных и литературных мотивов со значением «Vanitas», получивших особенно широкое распространение в западноевропейской литературе и искусстве. «Номо bulla» — человек-мыльный пузырь — представление, закрепленное не только в эмблематике, но и в дидактической живописи барокко (с тем же эмблематическим значением).²¹ На картине Карела Дюжардена, относящейся

²⁰ Смерть не только «мимоходит», но и появляется на сцене в виде четырех аллегорических фигур, воплощающих различные аспекты ее восприятия. В школьной драме «Свобождение Ливонии и Ингерманландии» (1705) появлялась «смерть на коне бледом» (апокалиптическом), с косою, которою она загоняла в ад шведские полки. В той же пьесе Вера и Надежда возносятся на небо, откуда слетает Фебус, посланный Иовишем (Зевсом).

²¹ См.: В. Knipping. De iconografie van de Contra-reformatie in de Nederlanden, vol. 1. Hilversum, 1939, p. 117—118; Horst W. Janson. The putto with the death's Head.— The Art Bulletin, vol. XIX, 1937, N 3, p. 423—449 (30 рисунков); W. Stechow. Home bulla.— The Art Bulletin,

к 1663 г., изображен цветущий юноша в короткой тунике. Он стоит одной ногой на большом мыльном пузыре, помещенном в причудливой раковине, несущейся по волнам бурного моря, и беспечно пускает мыльные пузыри из чаши-раковины.²² Смысл изображения не требует пояснений. Он стал привычным. На широко известной гравюре Г. Гольциуса (1594) изображен пухлый ребенок, который, облокотившись на череп, выдувает из раковины мыльные пузыри, улетающие к небу. Позади него курильница, испускающая клубы густого дыма. Девиз гласит: «*Quis evadet?*» («Кто избежит?»), подпись поясняет: «Жизнь проходит как мыльный пузырь и как цветок увядает». Эмблематическое осмысление цветка основывается на библейских текстах. В книге Иова сказано: «Человек, рожденный женщиной, живет недолго и полон тревоги, расцветает как цветок и опадает, пролетает как тень и не остается». У голландских маньеристов Гольциуса, Карела ван Мандера, Якоба де Гейна этот мотив входит в широкий комплекс изображения «*Vanitas*» наряду с черепами, старыми книгами, догорающими свечами, музыкальными инструментами, ибо музыка («глас») тоже проходит как тень, вот она прозвучала, унеслась и ее уже нет.²³

В течение всего XVII в. мотивы «*Vanitas*» и «*Memento mori*» были достоянием не только Контрреформации и иезуитского театра, но и протестантского барокко. Они культивировались в бюргерском голландском натюрморте то в откровенной, то в завуалированной форме, однако вполне доступной зрителям того времени.²⁴ На русской почве эмблематика «*Vanitas*» была связана с украинской и польской литературной традицией. Вышедшая в петровское время гравюра «Четыре вещи последние. Зерцало грешного»²⁵ продолжает тематику, получившую развитие в изобразительном искусстве и поэзии Контрреформации.²⁶ Четыре по-

vol. XX, 1938, № 1, p. 227—228; Jan Białostocki. Kunst und Vanitas. — In: Jan Białostocki. Stil und Ikonographie. Dresden, 1966, S. 198.

²² Воспроизведено в каталоге выставки: *Ijdelheid der Ijdelheden. Hollandske Vanitas-Voorstellingen uit de Zeventiende eeuw*. 26 juni—23 August 1970. Stadelijk Museum. Leiden, 1970.

²³ G. Vandmann. Melancholie und Musik. Ikonographische Studien. Köln, 1959 (2 Auflage — 1965).

²⁴ Из новейшей литературы о мотивах «*Memento mori*» и «*Vanitas*» в живописи Нидерландов см.: Ingvar Bergström. Deutch Stille-life Painting in the seventeen century. New York, 1956, p. 154—190; Laurens L. Bol. Holländische Maler des 17. Jahrhunderts nahe den grossen Meistern. Landschaften und Still-leben. Braunschweig, 1969, S. 94—102 und 353—359; I. Bergström. De Ghein as a Vanitas painter. — Oud Holland, 1970, № 3, p. 143—157; E. de Jongh. Zinne — en minnebeelden in de Schilderkunst van de Zeventiende eeuw. [S. l.], 1967, p. 77—91.

²⁵ Описана в кн.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. 3. СПб., 1881, № 742.

²⁶ B. Knipping. De Ikonografie van de Contra-reformatie. . . Vol. 2. Hilversum, 1940, p. 308; A. Pigler. Barockthemen, Bd. 1. Budapest, 1956, S. 534.

следние вещи человека — это Смерть, Страшный суд, Рай и Ад. Эти мотивы разрабатывали новолатинские и польские поэты, через посредство которых они проникли в Россию, где представлены в сводной поэме Андрея Белобоцкого «Пентатеугум».²⁷ На гравюре мы находим всю устрашающую дидактику смертного часа, изображение ада-чудища, изрыгающего пламя, и Смерти с косяю в руке и иронической надписью в духе барочного гротеска: «Се не веер в руке моей зришь», и стихи:

Кости зрак,
Смерти знак,
Зри се всяк,
Будешь так!

«Труба и коса смертного часа» сочетаются с мотивами быстротечности бытия — изображением крылатых песочных часов, мотивом «свечи», которая «скоро погасает», и пр. Независимо от того, кем, когда и где была выполнена и напечатана эта гравюра,²⁸ западноевропейское барокко встретилось в ней с русской школьной традицией.

В петровское же время выходит в свет дидактико-эмблематическое сочинение «Июика ієрополітика, или Філософія Нравоучительная» (Киев, 1712), также использующая мотивы католических эмблематик. На гравюре «Страх господень», помещенной в этой книге, изображена девочка, стоящая над обрывом. С помощью тростинки она выдувает мыльные пузыри. Книга пользовалась успехом. Она была переиздана в Петербурге в 1718 и 1724 гг. и переиздавалась позднее (СПб., 1764; М., 1796), что свидетельствует о живучести связанных с ней традиций.

Эмблематика с мотивами «Vanitas» занимала скромное место в изобразительном искусстве и поэзии петровского барокко, носившего репрезентативный и жизнеутверждающий характер. Однако появление этих мотивов в школьной драме не следует рассматривать только как своего рода реликт старой риторики и поэтики. Они заимствовались также из более новых, порой неожиданных западноевропейских источников. Они были так распространены, что встречались даже на зрительных трубах и других астрономических инструментах, часах и различных бытовых предметах.²⁹

²⁷ А. Х. Горфункель. «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого. Из истории польско-русских литературных связей. — ТОДРА, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 39—64.

²⁸ Одни полагали, что гравюра выполнена и напечатана в Амстердаме у Тессинга, другие, что она возникла в России, где нашла подражателей, см.: Т. А. Быкова. Зерцало грешного. — В кн.: Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1958, стр. 342—346.

²⁹ На переносных солнечных часах, изготовленных польским астрономом Яном Гевелием (1611—1687), помещено изображение могилы, оскаленный

Петр не остался чужд голландскому барочному натурализму, получившему развитие в натюрморте со скрытым или подчеркнутым мотивом «Vanitas». Скупая в Амстердаме «в публичной картинной аукционной палате» произведения голландских живописцев, он познакомился со швейцарским «малером» Гзелем, которого пригласил в Петербург, где он упорядочивал и украшал приобретенные Петром «раритеты», а также сам «сочинял» «прекрасные рисунки так называемой смиренной жизни и суеты, например смертную голову (череп, — А. М.) с погасшею, но еще дымящею свечою, спокойно лежащие музыкальные инструменты», т. е. разрабатывал мотивы «Vanitas», типичные для дидактического барокко.³⁰

В 1697 г. в Амстердаме Петр осматривал коллекции голландского анатома Фредерика Рейсса (Рюйша), создававшего затейливые «композиции» из детских скелетов и внутренних органов, представлявшие своего рода овеществленные эмблемы со значением «Vanitas» в духе устрашающей дидактики кальвинистского барокко. На гравюре Корнелиса Хейбертса (1669—1712), приложенной к описанию Анатомического кабинета Рейсса, мы видим «скалы», сложенные из набальзамированных внутренностей, имитирующих природные камни. На этих «скалах» растут «деревья», стволы и сучья которых сделаны из бронхов и крупных кровеносных сосудов, переходящих в тончайшие веточки капилляров. На одном сучке посажено чучело маленькой птички. Три детских скелета в патетических позах — один на верху «скалы», два по бокам. Один прижимает костлявую руку к пустой грудной клетке, другой утирает «слезы» «платком», изготовленным из куска легкого (гравюра 1709 г.).³¹

человеческий череп и пр., см.: J. Przyrkowski. Gnomics of John Hevelius. — Actes du dixième congrès international d'histoire des sciences, Ithaca. 26 VII 1936—2 IX 1962. Vol. 2. Paris, 1964, p. 695—697. В быту получили распространение также часы-подвески в виде черепа, как например часы аугсбургской работы конца XVI в. с надписью: «Tempus Fugit» («Время бежит»), см.: Каталог выставки «Западноевропейские часы XVI—XIX веков из собрания Эрмитажа». Сост. Е. М. Ефимова и М. И. Торнеус. Л., 1971, № 20.

³⁰ Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге, изданные в свет Яковом фон Штелиным. Издание третье. М., 1789, стр. 82. (Курсив Штелина). По-видимому, отсюда идут традиции русского натюрморта первой половины XVIII в., сочетающие эмблематизирующую условность с натурализмом, как на натюрмортах Григория Теплова (1737) и др. См. замечания А. Н. Греча в его статье «Барокко в русской живописи XVIII в.» (в кн.: Барокко в России. М., 1926, стр. 124—125).

³¹ См.: F. Ruyschii Tesauro anatomicus. Het anatomisch Cabinet van Frederik Ruysch. Amstelaedami, 1701—1710 (БАН). Описание выходило отдельными выпусками. См. также: В. И. Терновский. F. Ruysch в анатомическом театре Казанского университета. — Казанский медицинский журнал, 1927, № 8. Анатомические препараты Рейсса в связи с барокко рассматри-

Анатомические театры голландских университетов предлагали своеобразное эмблематическое зрелище. На гравюре Сваненбурга (1610) изображен основанный в 1597 г. в Лейдене Анатомический театр, декорированный скелетами. Среди расположенных вокруг анатомического стола барьеров, за которыми стояли зрители, были расставлены скелеты в театральных позах, со штандартами и девизами. Мужской и женский скелеты изображали Адама и Еву стоящими у дерева. В костлявую руку Евы вложено гипсовое яблоко. На заднем плане гарцевал на скелете лошади скелет кавалера в шляпе с пером и штандартом: «*Nosce te ipsum*» («Познай самого себя»). А на шкафу с анатомическими инструментами дремал пугало, облокотившись на череп, с песочными часами в руках. В 1652 г. в Амстердаме была напечатана оригинальная «*Anatomia — memento mori*» с 22 таблицами. На титуле этого издания человеческий череп вгрызается зубами в раскрытую книгу, перед ним слева горящая свеча, справа — ваза с увядающими цветами. За черепом виднеется глобус и крылатые песочные часы. На третьем листе книги изображена Смерть — крылатый скелет с песочными часами в руках. Остальные гравюры изображают скелеты домашних и диких животных и птиц, которым приданы причудливые и вместе с тем естественные позы, отвечающие их поведению в жизни.³²

Петр вовсе не шараялся в сторону при виде подобных «куриозных вещей», а питал к ним своего рода пристрастие. Он приобрел коллекцию Рейсса, которая была в 1717 г. привезена в Россию и размещена в Кунсткамере. Еще раньше он издал указ собирать по всей стране различных монстров и мертвых уродов.³³

Художественные вкусы Петра формировались под влиянием западноевропейского барокко, с которым он сталкивался во всех посещенных им странах. В Голландии, а затем в Англии он видел корабли, украшенные аллегорическими фигурами и декоративной резьбой. «Стиль барокко в архитектуре и искусстве, — пишет польский историк корабельного дела Витольд Урбанович, — не мог пройти бесследно для судостроения, развитие которого именно тогда получило мощный толчок».³⁴ Архитектура высокой

вает статья: Andre Chastel. Le Baroque et la mort. — In: *Retorica e Barocco. Atti del 111 Congresso Internazionale di Studi Unanistici*. Venezia, 15—18 giugno 1954, a cura di E. Castelli. Roma, 1955, p. 33—46.

³² См.: L. Möller. *Anatomia — memento mori*. — *Nederlands Kunst-historisch Jaarboek*, Bd. X, 1959, p. 71—98.

³³ Полное собрание законов Российской империи, т. 5. СПб., 1830, №№ 3159—3160. (Указ 1718 г.).

³⁴ В. Урбанович. Архитектура судов. Л., 1969, стр. 35. Изображения судов с декоративной резьбой и библиографию см.: ст. «Nave». — В кн.: *Enciclopedia italiana*, vol. 24, 1934; Anderson Romola and Roger Charles Anderson. *The Sailing-ship. Six thousand years of History*. New York, 1947, p. 140—162; W. Timm. *Vom Koggen zum Fünfmaster. Schiffdarstellungen aus zehn Jahrhunderten nordeuropäische Segelschiffahrt*. Dresden, 1962.

кормы нидерландских судов напоминала фасады домов на площадях голландских городов. Всю ширину кормы и близлежащие части бортов занимали резные украшения, располагавшиеся несколькими ярусами, с эркерами и балконами, трубящие в рога тритоны, дельфины, сирены и наяды, морские львы и бесчисленные путти заполняли кормовой фриз, который венчали барельефы, включавшие гербы и отдельные эмблемы. Наиболее известны были голландские корабли «Принц Виллем» (1651), «Семь провинций» (1666), английский корабль «Ройял Пренс» (1610), изображенный на картине Гендирка Корнелиса, и особенно трехмачтовый «Софрин оф Сиз» (1637) с резьбой, выполненной скульптором Д. Кристмассом по рисункам Ван-Дейка. Петр не только видел такие суда, но и знал их изображения по картинам и гравюрам. В 1698 г. штатгальтер Нидерландов и король Англии Вильгельм III подарил ему модель 120-ти пушечного корабля, а затем в разное время прислал еще шесть моделей, кормовые украшения которых также были исполнены в стиле позднего барокко.³⁵

Прекрасным образцом русского корабельного барокко может служить корабль «Полтава», построенный в Петербурге мастерами Петром Михайловым и Феодосием Селяевым, заложенный 5 декабря 1709 г. и спущенный на воду 15 июля 1712 г. Этот 54-х пушечный корабль с пышным декором, расположенным несколькими поясами на высокой корме, с тремя фонарями, под которыми помещены две крылатые фигуры, поддерживающие медальон с названием корабля. Они трубят в длинные трубы. За ними две сирены, поддерживающие фонари. Ниже, по обе стороны балкона, два всадника поражают копьями — один змия, другой — поверженного супостата. По бокам еще две летящие стремглав вниз фигуры, осыпанные молниями (вероятно, мотив Фаэтона). Под балконом двуглавый орел, по обеим сторонам его — военные трофеи и дующие на них херувимы. Еще ниже — маски. Кроме того — резной орнамент на всех окнах и галереях кормы.³⁶

Петр присматривался к западноевропейской эмблематике, встречавшейся ему на каждом шагу. По рассказам А. К. Нартова, посетив 2 июня 1717 г. Сен-Дени, Петр обратил внимание на монумент в честь маршала Тюренна, «при котором поставлен орел устрешенный». Он тотчас же осведомился: «Что это значит?» и получил ответ, что «сия эмблема знаменует Германию, подви-

---

³⁵ Кормовая стенка деревянной модели 120-ти пушечного корабля времени Петра I. — В кн.: *Художественные сокровища России*, т. 3. СПб., 1903, Таблица 8, Текст, стр. 24. В настоящее время модели хранятся в фондах Военно-Морского музея в Ленинграде. См. также: А. Л. Ларионов. У истоков судомодельного искусства. — *Судостроение*, 1967, № 5, стр. 77—81, № 6, стр. 68—71.

³⁶ С. Елагин. Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого. 1702—1725. СПб., 1867.

гами сего славного героя в ужас приведенную», на что заметил: «Потому-то сей орел пасмурен, а не перист, что Тюрень крылья у него обстриг». ³⁷ Он заказал для Летнего сада в Петербурге фонтаны со свинцовыми статуями, представлявшими эмблематически осмысленные «эзоповы басни в лицах», по образцу виденных им в Версале. ³⁸ По его распоряжению были приобретены и заказаны десятки произведений парковой скульптуры аллегорического содержания, относящейся преимущественно к венецианскому барокко, работы Пьетро Баратта, Джованни Бонацца и его сыновей, и других, вышедших из мастерской Иоссе де Корни (1627—1679), одного из последователей Бернини. Скульптурный ансамбль Летнего сада, писала Жанетта Мацулевич, поражает глубоким единством художественного языка и стиля, лишь в отдельных произведениях несколько академизированного и изменившегося в сторону рококо: «На этой почве характерные черты барокко перерождаются из серьезного, воинствующего и наступательного стиля с глубоко убедительным содержанием и страстно-выразительной формой в театральное-декоративное искусство, с легким игривым содержанием, воплощенным в праздничную, приятную форму». От этой парковой скульптуры в саду «госпожи Венус», переселенной в Невский парадиз Петром, не отоек бы и великий Бернини, который, вероятно, был знаком Петру хотя бы по имени. Юрий Кологривов, закупавший статуи в Италии, сообщал в письме из Рима в 1719 г. о приобретении «мраморов» — «Купидо спящий и Психа» и «Венус спящая с Купидоном, Берниниевой работы». ³⁹

Наружные барельефы Летнего дворца, выполненные по моделям и эскизам А. Шлютера, на мифологические сюжеты, заимствованные из «Метаморфоз» Овидия, и готовые декоративные мотивы, с участием дельфинов и купидонов, трактовка которых несет черты рококо, вероятно, осмыслились современниками в связи с политическими задачами и военными успехами Петра. Таковы аллегории «Персей, освобождающий Андромеду» и «Персей, побеждающий медузу», находящие аналогию в оформлении петровских триумфов.

Петр I сам собирал эмблематические изображения и девизы для судов, как свидетельствует сохранившаяся собственноручная

---

³⁷ Л. Н. Майков. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891, стр. 88.

³⁸ Н. Е. Лансере. Летний дворец Петра Первого. Л., 1929, стр. 20. Сцены из басен Эзопа, вырезанные из дерева Н. Пино, были расставлены в так называемых нишевых фонтанах вдоль канала, ведущего от моря к Большому каскаду Петергофа. Об использовании басен Эзопа в эмблематических сборниках см.: Н. Tie mann. Wort und Bild in der Fabeltradition bis zu La Fontaine. — In: Buch und Welt. Festschrift für Gustav Hofman zum 65 Geburtstag dargebracht. Wiesbaden, 1965, S. 237—260.

³⁹ Жанетта Мацулевич. Летний сад и его скульптура. Л., 1937, стр. 63.

запись, относящаяся к 1700 г.: «Ветфь виноградная обрезаная» — «После сълезь проісходитъ плодъ»; «Мячъ з двумя лапътами» — «Коль вяще биень бываю, толь вяще подымаюсь»; «Черепаха с вымпелемъ» — «Терпениемъ увидишь делу окончание»; «Рожьженная железю» — «Надълежитъ делать, пока время есть».⁴⁰

Традициям барокко отвечают и собственные работы Петра, о котором утверждали, что он владел четырнадцатью ремеслами, рисовал, гравировал, резал по кости и дереву. Еще в 1698 г. в Амстердаме под руководством работавшего впоследствии в России А. Схонебека (Шонебека) он награвировал «иглой и крепкой водкой» аллегорическую сцену: «Победа христианства над Исламом». На гравюре (с поправками Схонебека) представлена высокая мужская фигура в короткой тунике с длинными и острыми, как у архистратига, крыльями. В одной руке «герой» держит четырехконечный крест, в другой — пальмовую ветвь. Ноги пирают полумесяц, военные знамена, пики и другое оружие. Аллегория выражала идею единения христианских государств против Турции.⁴¹ Известен также аллегорический рисунок Петра «Геркулес, попирающий гидру», исполненный в 1715 г.⁴² В Летнем дворце сохранилось зеркало в ореховой раме, вырезанной Петром в 1711 г. и снабженной его инициалами. Причудливо изогнутые фигуры лани и собаки и другие мотивы решены в стиле позднего барокко.

Общая неравномерность исторического развития России нашла отражение в формировании и особенностях русского варианта барокко. Этот процесс проходил различно в отдельных видах искусства. Русская панегирическая поэзия и школьный театр, еще тесно связанные с духовной схоластической школой, оставались более консервативными и традиционными по составу художественных средств, чем изобразительное искусство, нахлынувшее извне. Литература осваивала новые тенденции и мотивы, сохраняя старые навыки. Она обращалась к традиционной образности, отвечая на предъявленные к ней злободневные требования. В панегирической поэзии фигура Петра окружена потоком античных и христианских образов и уподоблений, еще заимствуемых из арсенала старых пиитик и риторик. В этих виршах Орел российский простирает крылья совсем как у Симеона Полоцкого. Петр именуется Геркулесом, «тройским Гаменоном» (Агамемноном) и «Марсовым ревнителем». В песне книжного происхождения из Полтавского цикла «Возвеселися, Россие, правоверная страна» Петр одновременно уподобляется орлу, грифу и Геркулесу. «Прехрабры орел белы, сопотивник лвовы», «сотре его прах ветром

⁴⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I. СПб., 1887, стр. 323—324 (№ 288).

⁴¹ См.: М. М. Богословский. Петр I, т. 2. М.—Л., 1940, стр. 579.

⁴² А. А. Сидоров. Рисунок старых русских мастеров. М., 1956, стр. 100.

своей крепости», растерзав «яко гриф» и «яко Геркулес новы кожу с него совлече». ⁴³ В церковной проповеди наряду с мифологической парой Геркулес (Марс) и Лев Немецкий выступает Давид, побеждающий шведского Голиафа, и особенно Самсон. В похвальном слове по случаю Полтавской победы Феофан Прокопович восклицал: «Растерзал еси, аки вторый Самсон... мужественне Льва Свейскаго». На фронтисписе латинского издания этой речи (Киев, 1709) изображен Петр, попирающий поверженного льва. ⁴⁴ На гравированном титульном листе с тезисами Ф. Кролика и В. Гоголева под изображением Самсона написано: «Самсону российскому рыкающего льва свейского преславно растерзавшего». ⁴⁵ Этот сюжет использован Растрелли для проектированного (в начале 1721 г.) «Триумфального столпа» в честь Полтавской победы ⁴⁶

Сам Петр придавал большое значение библейским уподоблениям. Апробируя проект церковного богослужения по случаю Полтавской виктории, он предложил ввести в него «слова Голиафа гордые к Давиду и от Давида уповательные на бога», что нашло отражение в книжной песне «Орле российский, пусти свои стрелы» — «той (Давид) Голиафа, а наш царь Петр шведа победи сладно!». ⁴⁷ Часто используется известное из Евангелия метафорическое значение «Петр-камень» У Кариона Истомина:

Петр от твердости имя ти дадеся,
российск царь орел над всем вознесся ⁴⁸

«Петр-камень» сокрушает в книжной поэзии «льву шведскому» «зубы изошранны» (песня «Радуйся, Россие»). В драме «Слава печальная» на этой основе строится более причудливая барочная метафора: «Отягчен тяжким камнем всероссийский камень» (стр. 39). Все это еще в традициях церковно-панегирического барокко допетровского времени. Метафорическое сближение Петра I и Петра Апостола, низвергнувшего дерзкого волхва, использовано и для деревянного барельефа над воротами Петропав-

⁴³ А В Позднеев Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII в — В кн Исследования и материалы по древнерусской литературе М, 1961, стр 349

⁴⁴ Феофан Прокопович Сочинения Под редакцией И П Еремина М—Л, 1961, стр 36

⁴⁵ Д А Ровинский Подробный словарь русских гравированных портретов, т 3 СПб, 1888, № 547

⁴⁶ Бронзовый цилиндр для «Триумфального столпа» в настоящее время находится в Государственном Эрмитаже (Ленинград), см Н И Архипов и А Г Раскин Бартоломео Карло Растрелли 1675—1744 М—Л, 1964, стр 41—51

⁴⁷ А В Позднеев Рукописные песенники XVII—XVIII веков Из истории песенной силлабической поэзии — Ученые записки Моск гос пед инст, т I, 1958, стр 45

⁴⁸ См С Н Бранловский Один из пестрых XVII-го столетия СПб, 1902, стр 197

ловской крепости, выполненного в 1707 г. Конрадом Оснером. Это уподобление не закрепилось в русской аллегорике. Волхва, символизировавшего падение Карла XII, оттеснили Икар и Фаетон. Феофан Прокопович в «Епиникионе» восклицал, имея в виду Карла XII и Петра I:

И, поражен силою десницы твоея
Аки с небес молнией, достиже злонравный
И конец Фаетоновой погибели равный.⁴⁹

Смешение античных и христианских образов и аллегорий было характерной особенностью барокко. Вторжение «языческой» мифологии сопровождалось стремлением к ее истолкованию и осмыслению в духе христианской эмблематики. Ослабление или, можно сказать, «выветривание» основного значения как античных, так и христианских символов и аллегорий приводило к использованию их в почти одинаковой функции.

В русскую государственную, политическую и общественную жизнь нахлынуло много новых идей и представлений, требовавших художественного и публицистического выражения. Петр нуждался в художественных средствах для объяснения и оправдания своей политики, внушения поставленных им задач и возвешения достигнутых успехов. Арки, триумфальные «столпы» и «томбы», устанавливаемые во время «сретений» Петра после побед, были украшены аллегорическими фигурами, испещрены эмблемами и девизами. Петра встречали пушечной пальбой и сладкогласным пением «кантов», исполнявшихся питомцами духовных школ, облаченными в белые стихари, с «пальмовыми» и «оливковыми» ветвями в руках.⁵⁰

На вратах, устроенных по случаю первых побед в Северной войне в 1703 г., появился и стал постоянной фигурой петровских торжеств «российский Геркулес», побеждающий Немейского льва. За ним следовал Персеуш, «избывый морского зверя» и избавивший Андромеду (Ижорскую землю), освобожденную русскими войсками. На фронтисписе издания «Политиколепная Апофеозис», содержавшего пространное пояснение фигур и эмблем московского триумфа после Полтавской победы, на нижней половине гравюры, композиционно разделенной по диагонали, слева

---

⁴⁹ Феофан Прокопович. Сочинения, стр. 213. Историю этого мотива в эмблематике и поэзии см.: А. А. Морозов. Падение «готфска Фаетонта». Ломоносов и эмблематика петровского барокко. — *Československa rusistika*, 1972, № 1. История Фаетона, возможно, стала известна Петру довольно рано не только в книжном изложении, но и как изобразительный мотив. Среди посольских подарков Алексею Михайловичу, хранящихся ныне в Оружейной палате, обращает на себя внимание большое блюдо (лохань) работы Ратценкрамера (Данциг) со сценой падения Фаетона.

⁵⁰ Ник. Фидедейзен. Петровские канты. — *Известия Академии наук СССР*, 1927, № 7—8, стр. 667—690.

изображен всадник в латах и шлеме, украшенном перьями. Он поражает длинным копьём разъяренного дракона, держащего в лапах скипетр и державу, из которой вырываются молнии, в свою очередь поражающие оскалившегося льва. Над всадником, который представляет Георгия Победоносца и метафорически Петра I, вьётся лента с надписью «Покориши льва и змия».⁵¹

В оформлении петровских триумфов, в панегирической поэзии и школьном театре находят применение одни и те же аллегории и мифологические фигуры. Ещё Н. С. Тихонравов заметил, что «отдельные картины, символы и аллегорические изображения, красовавшиеся на московских триумфальных вратах при Петре Великом, воспроизводились иногда в панегирических драмах Московской академии».⁵² Но верно и обратное. «Инвенторы» петровских триумфов обращались к тем же источникам, которые питали школьную драму, и отчасти к ней самой. Отсюда и вышли первые «Гениуши» и «Марсы» петровских «сретенней».

Старые традиции церковно-риторического барокко встречались с новыми мотивами в пределах одного и того же стиля. На петровских фейерверках над античными богами горел треугольник с начертанным на нем древнееврейскими письменами именем библейского бога. С девизом «Помощию ничто успеют» мы видим его над головой стоящей на скале Фемиды с завязанными глазами и обнаженным мечом (фейерверк 1 января 1720 г.).⁵³ С девизом «С помощью (его) готов ко обоим всегда победит» — над одноглавым орлом с мечом и оливковой ветвью над той же Фемидой, попирающей ногами поверженного исполина, со змеей в каждой руке (1 января 1721 г.). На декорации фейерверка 28 января 1722 г. в ознаменование Ништадтского мира было помещено изображение «всевидящего ока», сияющего над военными кораблями петровского флота. На другом транспаранте под девизом «Плоды мира» — Меркурий, летящий с севера на юг, а ниже на гравюре А. Зубова под девизом «Утешается по волнениям» — Ноев ковчег, осевший на Арарате после всемирного потопа.

Мотив использован на реверсе памятной медали, выбитой по распоряжению Петра. На переднем плане изображен Ноев ковчег с летящим над ним голубем с масличной ветвью в клюве. Вдали виднеются обозначенные подписями Петербург и Стокгольм, сое-

---

⁵¹ Торжественные врата, вводящие в храм бессмертных славы. М., 1703 — БАН, ОРРК. Политиколепная Апофеозис. достохвальныя храбрости всероссийскаго Геркулеса. М., 1709 — БАН, ОРРК.

⁵² Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 годов, т. 2. Примечания, стр. 529.

⁵³ БАН, ОРРК. Собр. гравюр. В дальнейшем гравюры описываются по этому собранию. См. также: Д. А. Ровинский. Обзорение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб., 1903.

диненные радугой под девизом «Союзом мира связуемы». Этот символ надежды также заимствован из сказания о «всемирном потопе», с которым и сравнивается минувшая война в подписи: «В Нейстате по потопе Северных войны. 1721».⁵⁴

Барочная эмблематика представлена и в книжных изданиях петровского времени, в том числе и в книгах, напечатанных еще кириллицей. На гравированном титуле «Географии генеральной» Бернарда Варения, напечатанной в Москве в 1718 г., помещен медальон с портретом Петра над портиком, в котором в овале, увенчанном двуглавым орлом, находится заглавие. В свободном поле над овалом две эмблемы: пеликан, питающий своей кровью птенцов, и орел с орленком, смотрящие на солнце. Ниже под заглавием расположились аллегорические фигуры Астрономии и Геометрии с присущими им атрибутами (глобусы, циркули, «математические инструменты» и пр.). Между ними в рамке еще одна эмблема: цапля летит над мостом с цветком в клюве.⁵⁵ Все три эмблемы имеют за собой давнюю эмблематическую традицию. Легенда о Пеликане, якобы кормящем своей кровью птенцов и спасающем их от смерти, если их укусила змея, восходит к античности (Плиний, Элиан). В средние века образ метафоризируется применительно к Христу, искупившему своей кровью человечество. «Христос — наш пеликан», — говорит Данте, опираясь на уже сложившееся представление («Божественная комедия», «Рай», гл. 25, ст. 112). Наряду с этим уподоблением возникает морально-дидактическое: пеликан становится символом милосердия, а затем и атрибутом соответствующей аллегорической фигуры. В этом значении он часто встречается в прикладном искусстве — на медалях, майолике, гобеленах, даже игральных картах.⁵⁶ Развивается литературное истолкование эмблемы как жертвенности правителя, не щадящего своей жизни (крови) для блага подданных, как в известной «Эмблематике» Николая Рейснера с девизом «Pro lege et pro grege» («За право и свой народ»)⁵⁷. С этим значением пеликан и попадает в «Географию» Варения. Изображение орла, летящего к солнцу (а также орла с орленком, смотрящих на солнце), сочетается с представлениями о бесстра-

⁵⁴ Медаль использовал сербский писатель и гравер Захарие Орфелин для барочного декоративного листа в изданной им книге «История о житии и славных делах ... Петра Перваго» (Венеция, 1722), см.: Милорад Павић, *Историја српске књижевности барокног доба*. (XVII и XVIII век). Београд, 1970.

⁵⁵ Эмблемы помещены без девизов. В издании «Символы и эмблемата» (Амстердам, 1705) цапля с цветком в клюве снабжена девизом «Ты все знаешь» (№ 644), что объясняет ее появление на титульном листе «Географии» Варения. В дальнейшем цитируется: Симв. и эмбл.

⁵⁶ Guy de Travaient. *Attributs et symboles dans l'art profane*. 1450—1600. *Dictionnaire d'un Langue perdue*. Geneve, 1958, p. 302—303; L. Réau. *Iconographie de l'art chrétien*, vol. 1. Paris, 1955, p. 94—96.

⁵⁷ Nic. Reusner. *Emblemata. Partium ethica et phisica*. Francofurti, 1581, lib. 2, № 14 — БАН, ОРРК.

шии, зоркости, высоком полете разума, благородстве рождения и воспитания.⁵⁸ В сочетании с геральдическими мотивами они проникают и в силлабическую поэзию:

Орел ко солнцу ныне возлетает,
Радость в Россию всем наполняет.⁵⁹

Петр придавал большое значение содержанию и оформлению фейерверков и иллюминаций. Нередко он сочинял их сам, составляя программу и предусматривая техническое выполнение.⁶⁰ Его интересовало и приготовление пороховых составов для фейерверков. По словам датского посланника Юста Юля, «голубые и зеленые огни» для фейерверка 1710 г. были «изобретены самим царем».⁶¹

Фейерверки и иллюминации были новым явлением в художественной культуре петровского времени, однако и они не порывали с прежней традицией. Во время фейерверка 1 января 1705 г. по взятию Дерпта и Нарвы были выставлены два транспаранта: Моисей возле Медного Змия (символ христианского искупления) с девизом «ім же уязвити, тем і исцелі» — и Рука с мечом, спускающаяся из клубящихся облаков, которая прокалывает змею, угрожающую обнаженной женщине с посохом (при девизе «Отмщение немилосердию»). На еще одном транспаранте того же фейерверка под девизом, написанным кириллицей «Боже како благослові возвращение, тако соверші пожатие», помещено изображение участка пшеничного поля и лежащий рядом серп, заимствованное из западноевропейской эмблематики.⁶²

Новое поступало в Россию из арсенала старых художественных средств западноевропейского барокко, сталкиваясь с уже

⁵⁸ В книге Якоба Боша (Бошиуса), бывшей в библиотеке Петра I, эмблема с изображением орла, летящего к солнцу, сопровождается двенадцатью различными девизами.

⁵⁹ Русская силлабическая поэзия, стр. 349.

⁶⁰ В Кабинете Петра сохранились документы и рецепты изготовления фейерверков, относящиеся, по-видимому, к периоду 1699—1710 гг., см.: П. М. Лукьянов, История химических промыслов и химической промышленности России, т. I. М.—Л., 1948, стр. 50.

⁶¹ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом, 1709—1711. Извлек из Копенгагенского государственного архива и перевел с датского Ю. Н. Щербачев. М., 1899, стр. 134. В письме к Андрею Виниусу от 4 января 1709 г. Петр просил его разыскать «книжку огнестрельную, которую выписку изо всех авторов о огнестрельных составах и о прочем, что к фейерверку надлежит, которую ты с галандского языка перевел в Польском приказе лет тому з двенатцать, приищи ныне черную, с которой ты переводил, понеже оная у нас утерялась» (Письма и бумаги императора Петра Великого, т. IX, вып. 1. М.—Л., 1950, № 2960).

⁶² Ближайшее изображение (серп лежит не на земле, а оставлен среди колосьев) помещено в эмблематике Иоахима Камерария с девизом: «Surge uberior» («Возрастает тем надежнее»): J. Camerarius. Symbolorum et emblematum. Centuria una. Francofurti, 1654, № 78 — БАН, ОРРК, Петровское собрание. Метафорическое уподобление войны жатве известно проповеди этого времени (С. Яворский).

сложившейся традицией. Эмблематика петровских фейерверков восходит к эмблематическим сборникам XVI—XVII вв. На транспаранте, выставленном во время фейерверка в январе 1702 г. (по случаю победы при Эрэнфесте), Фортуна и Хронос держат лавровый венок с девизом «Богу за сие благодарение». На гравюре А. Схонебека, посвященной этому фейерверку, в нижней ее части помещено изображение обломленного бурей дуба, от корня которого растет молодая поросль. Вдали над морем сияет восходящее солнце. Девиз гласит: «Обновляет надежду».⁶³ На соседнем транспаранте — бобр, подгрызающий ствол дерева, с девизом «Исторгнет его, егда продолжат сие будет».⁶⁴ Обе эмблемы отвечали политическим задачам, поставленным Петром в Северной войне: знаменуя стойкость после первых поражений и упорство в достижении целей.⁶⁵

Фейерверки и иллюминации петровского времени представляли собой внушительное аллегорико-эмблематическое зрелище. Особенно грандиозным был фейерверк 1 января 1704 г. — шедевр барочного огненного представления. На центральном театре был установлен транспарант с изображением двуглавого орла с тремя коронами. Над ним картуш из четырех дельфинов, увенчанный тремя ладьями с башенками. Высота транспаранта превышала 21 метр. На крыльях орла помещены две карты Белого и Азовского морей, а в правой лапе — Каспия. На груди — Андреевский крест и надпись: «Сим чрез единого». Он пылал разноцветными огнями около получаса, после чего к нему подвели на двух конях колесницу в форме раковины, в которой восседал Нептун, протянувший к свободной лапе орла еще и карту Балтийского моря. Большие и малые транспаранты, или «фонари», развивали и поддерживали основную мысль праздника — необходимость получить выход в Балтику и освободить русские города.

Участвуя в создании сложных аллегорических картин, эмблематика сохраняла и самостоятельное значение. Во время фейерверка 1 января 1704 г. эмблемы сопровождали резные аллегорические фигуры, но воспринимались и сами по себе. Это были

---

⁶³ Ствол дерева с молодой веткой у корня помещен в эмблематике Себастьяна Коваррубиса Орозко: S. Covarrubias Orozco. *Emblemas morales*. Madrid, 1610, N 52 (ср.: *Emblemata*). В эмблематике Я. Брука протянутая из облака рука (со значением Провидения) поливает обломанный пенёк. Jacobus à Bruck Angermunt cogn. *Emblema moralia et bellica*. Argentorati, 1615, № 5. Гравюра Яна ван дер Хейдена.

⁶⁴ В «Симв. и эмбл.» с тем же девизом (№ 204), а также в сборнике де ла Фея: Daniel de La Feuille. *Devise et emblemes, Anciennes et Modernes, tirés du plus celebres Auteurs avec plusieurs autres nouvellement, inventées et mises en latin, en françois, en espagnol, en italien, en anglais, en flamand, et en allemand* (par H. Offelen). Amsterdam, 1691, табл. 16, № 6 (экз. ГПБ). В дальнейшем цитируется: Девизы и эмблемы, табл.

⁶⁵ В «Симв. и эмбл.» изображение дуба после бури сопровождалось девизом: «Росту после язвления моего».

«образ Юпитера», «Палласова образ» — «дщерь Юпитера», «богиня воинска искусства и иных честных премудростей», «Марса образ» и «образ Виктории или Побеждения». На гравюре А. Схонебека за каждой статуей виднеются четыре эмблемы, связанные с политическим содержанием праздника.

«Образ Юпитера» «вкупе с орлом, иже у безсилнаго лва глаза клюет», сопровождали: 1. Орел с распростертыми крыльями, с пучком молний и оливковой ветвью в лапах (девиз: «Имею обою»);⁶⁶ 2. Орел с поднятыми над плечами крыльями сидит на пушке. Над ним слева в облаках купидон, надув щеки, дует ему на крылья («От обоих бесстрашен»); 3. Орел сидит на ветке, гнущейся к земле («Не гласом, но делами моими»); 4. Орел нападает на разъяренного льва («Приключая и силному трясение»).

В эмблематике петровского времени орел сохраняет черты государственного герба и олицетворяет русское государство и его мощь, но вместе с тем расщепляется на множество частных метафорических осмыслений, так или иначе соотнесенных с основным значением.

Образ Паллады «с престрашным медузиным щитом» сопровождали «четыре чувственные картины»: 1. Орел нападает на ночную птицу («Иждену не любящих света»); 2. Плотничий угольник («Не иду кроме правости»); 3. Плоский круглый камень, на который падает струйка воды⁶⁷ («Со временем и крепкое сокрушает»); 4. Весы с двумя чашками. На одну из них положен меч, перевешивающий свинцовый ствол («Тяжчайшее перевесит»). Образ Марса: 1. Белка, разгрызающая орех («Без труда не получишь»);⁶⁸ 2. Рука с мечом, высунувшаяся из облака, пронзает змею («Уповает дондеже жизнь имеет»); 3. Лев с вонзенной в спину стрелой пытается догнать всадника и укусить его коня («Не чувствует дондеже не оскудеет»); 4. Скорпион с загнутым вверх хвостом («Смертию его целятся»). Образ Виктории: 1. Полуобнаженная женщина бросается со шпагой на сидящего Геркулеса, опирающегося на палицу («Безумное дерзновение»); 2. Дятел впился когтями в ствол дерева («Надеюся на труды»);⁶⁹ 3. Корабль, отплывающий от берега. Над ним летит птица («Переселитися хошет»); 4. Рука, высунувшаяся из облака, держит за щитом пальмовую ветвь («Имея и под щитом».)⁷⁰

Во время этого фейерверка «чувству зрения» также были предложены четырнадцать эмблем на слюдяных «фонарях». На сводной

---

⁶⁶ Орел с оливковой ветвью и молниями в лапах помещен в эмблематике Камерария (т. II, № 1).

⁶⁷ Близкое изображение в эмблематике Коваррубаса Орозко (III, № 68).

⁶⁸ В «Симв. и эмбл.» белка помещена с девизом «Без труда не получишь ея» (№ 207).

⁶⁹ В «Симв. и эмбл.» дятел с девизом «Аз надежен труды своя не потеряю» (№ 298).

⁷⁰ В «Симв. и эмбл.» с надписью «Под щитом» (№ 352)

гравюре Схонебека под медальоном с изображением двуликого Януса помещены: 1. Рука с мечом, увитым оливами, с девизом «Аз к миру и войне»;⁷¹ 2. Известное уже по фейерверку 1702 г. изображение старого дерева с прежним девизом. Оно варьировано: сильнее разрослась молодая поросль; у берега видна готовая к отплытию галера; 3. Глобус, опоясанный лентой со знаками зодиака (отчетливо виден Овен), с девизом «Он начинает счастливое лето» (Девизы и эмблемы, табл. 20, № 15; Симв. и эмбл., № 270); 4. Дерево, покрывающееся листвою, с девизом «Зима уже мимо идет» (Симв. и эмбл., № 264); 5. Ваза с цветами, которые поливает из плоской чаши рука, высунувшаяся из облаков, с девизом «От трудов возрастет» (Девизы и эмблемы, табл. 22, № 6; Симв. и эмбл., № 291); 6. Пчелы, выходящие над цветами, с девизом «Получаю от того прибиток»; 7. Улей с пчелами на фоне длинного одноэтажного здания, с девизом «Размножитесь желают»; 8. Дерево с обломленными бурей сучьями, с девизом «Росту после уязвления моего (Симв. и эмбл., № 256); 9. Рука из облаков с паломническим посохом, к которому привязана кардинальская шляпа, с девизом «Бог все управляет»; 10. Одинокий сноп в поле, с девизом «Надлежит сеющему, а не сожинающему» (Девизы и эмблемы, табл. 7, № 10; Симв. и эмбл., № 79);⁷² 11. Грабли, собирающие колосья на сжатом поле, с девизом «Расточенная собирает» (Девизы и эмблемы, табл. 12, № 15; Симв. и эмбл., № 156, с девизом «Собирает рассыпанное»); 12. Кузница с двумя кузнецами, с девизом «Потребен труд во время»; 13. Часы на постаменте с девизом «От весу оного движение» (Девизы и эмблемы, табл. 4, № 8; Симв. и эмбл., № 33); 14. Трехмачтовый корабль, с девизом «Желание его исполнилось».

На иллюминационном театре петровского барокко разыгрывались представления с чертами политической сатиры. Юст Юль сообщает, что во время фейерверка 1 января 1710 г. Петр показал ему серебряную медаль, выбитую Карлом XII в 1706 г. по случаю Альтштрандского мира с польским королем Августом. На этой медали (работы Иоанна Меммиуса) изображен шведский Лев посреди двух колонн. Одну он переломил, причем корона с нее упала, другую накренил. Первая знаменовала Польшу, вторая предвещала судьбу России. Петр пародировал эту медаль. Во время фейерверка по направлению к двум колоннам двигался

⁷¹ Меч, увитый оливами, с аналогичным девизом в эмблематике Юлиуса Цинкгрёфа: J. W. Zinckgreff. Emblematum ethico politicorum. Heidelberg, 1619, № 66 (БАН, ОРРК). В эмблематике Камерария три улья под навесом позади жилого дома (III, № 90). В эмблематике Сааведры Фахардо (см ниже) с девизом («Nulli patet»). В «Симв. и эмбл.» с девизом «Они трудятся над сим» (№ 308), соответственно у де ла Фея (Девизы и эмблемы, табл. 26, № 5).

⁷² В эмблематике Камерария три снопа с тем же девизом (I, № 78), у Иоанна Бория изображены пять снопов: J. de Borja. Emblemata moralia Berolini, 1697, № 42 (БАН, ОРРК).

Лев, опрокинув одну из них. Когда он направился к другой колонне, из горящего Орла, который парил в воздухе, вылетела ракета, попала в Льва и зажгла его, после чего он «разлетелся на куски и исчез», а наклоненный столб с короною поднялся.⁷³ Фейерверк был спроектирован самим Петром, который еще в ноябре—декабре 1709 г. послал составленную им записку с планом и чертежом (который не сохранился).⁷⁴ На транспарантах, выставленных во время этого фейерверка, было помещено падение Фаетона с девизом «От возношения низвержение» и с девизом «Да знает правительствовати» — изображение Льва с высунутым языком, подвешенного поперек живота на цепи к раме, над которой видна верхняя рампа с кистями, а по бокам широкие складки занавеса. Впереди на раскладной подставке овальная подушка.

Мотив Повешенного льва не является выдумкой Петра. Он, по-видимому, нашел его в хорошо известном ему дидактико-эмблематическом сборнике, составленном испанским писателем Диего де Сааведра Фахардо (Fajardo, 1584—1648). В издании 1649 г. (Брюссель) Лев подвешен перед ковром с восточным орнаментом. Над ним балдахин.⁷⁵ Изображение несколько варьировалось от издания к изданию с неизменным девизом «Ut sciat regnare». Отсюда оно, несомненно, было заимствовано де ла Феем (Девизы и эмблемы, табл. 10, № 2), где Лев также подвешен к раме, а оттуда перекочевало в «Символы и эмблемата» (№ 101 с девизом «Да знает правительствовати», где Лев висит на перекладине между двух досок, посреди пустынного пейзажа. Подушка, перед которой висит Лев, отсутствует во всех этих сборниках.⁷⁶

Эмблематический смысл был придан фейерверку 12 сентября 1714 г.: «на Алефате», с девизом «уловляя, уловлен», когда

---

⁷³ Записки Юста Юля..., стр. 134. Английский посланник Чарльз Уитворт также сообщал, что после торжественного обеда, данного царем 1 января, был сожжен фейерверк, на котором особенно «выдавались Фаетон, пораженный молнией, и намек на медаль, недавно выбитую в Швеции», и что Петр сам пояснял «эту часть потехи» (Сборник русского исторического общества, т. 50. Дипломатическая переписка английских посланников при Русском дворе в 1708—1712 гг., стр. 299).

⁷⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. IX, вып. 1, № 3527; т. X, № 3561; Ф. В. Туманский. Собрание разных записок и сочинений о жизни и деяниях Петра Великого, ч. 8. СПб., 1788, стр. 199—200 (другой текст записки).

⁷⁵ Didaci Saavedra e Fajardo. Idea principis christiano politici. Centum Symbolis expressa. Bruxelle, 1649, № 3 — БАН, ОРРК. Это роскошное издание in folio. Число гравюр не 100, а 102 (размер 14×11,3 см). Дальнейшие ссылки по этому изданию (всего в БАН свыше десяти различных изданий этой книги).

⁷⁶ В эмблематике известно также осмысление этого мотива как «урок злодеям». В книге Ла Перьера Лев висит на виселице, два других льва в страхе убегают: G. La Perriere. Le Theatre des Bons Engins. Paris, 1539, N 75.

одновременно были сожжены взятые шведские корабли.⁷⁷ Сатирический характер носило изображение на транспаранте во время фейерверка 27 июня 1721 г.: полунагой мужчина держит над головой борону под проливным дождем, с девизом «Плохая кровля».

Излюбленной аллегорической декорацией был храм двуликого Януса с отворенными или закрытыми воротами, что знаменовало начало или окончание войны у древних римлян. Такая декорация была установлена уже во время фейерверков 1699 и 1700 гг. по случаю прекращения войны с Турцией. 22 октября 1721 г. по случаю заключения Ништадтского мира в Петербурге против Сената был сооружен «Янусов дом» — большая объемная декорация. Петр, стоявший на сенатской галерее, пустил ракету, сделанную в виде орла, которая пролетела к храму Януса и подожгла его. Аллегорические фигуры, олицетворявшие Россию и Швецию, в это время двинулись навстречу друг другу и «затворили ворота Янусовы», знаменуя заключение «вечного мира». Подобная же аллегория была показана и в Москве во время фейерверка 28 января 1722 г. «Капище Янусово», сделанное для этого фейерверка, было изображено на гравюре А. Зубова. «De Tempel van Janus» помещен и на гравюре с изображением фейерверка, сожженного по тому же случаю русским дипломатическим резидентом в Амстердаме Кристофелем Брантом 9 декабря 1721 г.⁷⁸

Основной фонд изображений и девизов стал складываться в прикладной эмблематике петровского времени довольно рано. Кораблям Азовского флота, построенным в 1697—1699 гг. и позднее, присваивались эмблематические названия и девизы.⁷⁹ Среди них были:

спущенный на воду из числа «кумпанских кораблей» в декабре 1697 г. баркалон «Колокол» («Клок»), с девизом «Звон его не для него (самого)» (Девизы и эмблемы, табл. 8, № 10; Симв. и эмбл., № 94);

баркалон «Три рюмки» («Дри рюмор»), спущенный на воду в мае того же года, с девизом «Держите во всех делах меру» (табл. 32, № 13; Симв. и эмбл., с девизом «Со воздержанием», № 438),⁸⁰

баркалон «Крепость» (бывший на воде в 1699 г.), с девизом «Биют меня, но и подкрепляют» (табл. 4, № 12; Симв. и эмбл., № 39);

⁷⁷ Д. А. Ровинский. Обзорение... стр. 193.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ С. Елагин. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. Приложение (Список судов Азовского флота). Датировки судов даются по этому изданию.

⁸⁰ Три рюмки с девизом, призывающим к умеренности во всех делах, помещены в эмблематике Камерария (I, № 47). В дальнейшем мы указываем лишь некоторые параллели, представляющие особый интерес для нашего изложения.

баркалон «Барабан» («Трумель»), с девизом «Непотребен без грому» (табл. 5, № 8; Симв. и эмбл., № 50);

баркалон «Виноградная ветка» («Вейн-шток»), спущенный на воду 1 апреля 1702 г., с девизом «После слез приходит плод» (табл. 4, № 15; Симв. и эмбл., № 42). На эмблеме изображена виноградная лоза, из срезанного сучка которой капает сок;

спущенный на воду 28 мая 1703 г. казенный корабль «Дельфин», с девизом «Ничто же без совета» (табл. 13, № 11; Симв. и эмбл., № 167). Помещено изображение дельфина, обвинявшегося вокруг якоря;

казенный корабль «Черепаша» («Шельпот»), спущенный на воду в апреле 1705 г., с девизом «Терпением увидишь делу окончание» (табл. 13, № 5, с девизом «Festina lente» — «Поспешай медленно»; Симв. и эмбл., № 161);

находившийся уже на берегу в 1704 г. баркалон «Думкрат», с девизом «Силою и разумом» (табл. 34, № 4; Симв. и эмбл., № 459);

казенный корабль «Шпага» (спущен в 1709 г.), с девизом «Покажите мне, где суть лавровые венцы» (табл. 15, № 4; Симв. и эмбл., № 187);

казенный корабль «Спящий лев» («Шлав лау»), с девизом «Сердце его бдит» (табл. 9, № 10; Симв. и эмбл., № 112);⁸¹

баркалон «Гранатовое яблоко» («Гранат-апол»), разобранный после 1709 г., с девизом «Богатство свое с собою ношу» (табл. 25, № 9; Симв. и эмбл., № 335).⁸²

Названия и девизы, приданные кораблям Азовского флота, восходят к давней эмблематической традиции, как например баркалон «Журавль стерегущий», с девизом «Чтоб внезапно» (Девизы и эмблемы, табл. 41, № 10; Симв. и эмбл., № 564), связан с представлением о журавле, стоящем на одной ноге, с камнем, зажатым в поднятой лапе (чтобы, когда он задремлет, упавший камень его разбудил). Эта легенда, известная со времен античности (Плиний, Элиан), перешла в средние века (Исидор из Севильи) и послужила оправданием эмблематического изображения со значением неусыпной бдительности. Журавля с камнем в лапе можно было увидеть на арке в честь императора Максимилиана III (А. Дюрера), на фресках в Фонтенбло, Дворца дожей в Венеции, палаццо Веккио во Флоренции, старой залы швейцарской гвардии в Ватикане и т. д.⁸³ Этот мотив был усвоен эмблематиками XVI—XVII вв.⁸⁴

⁸¹ Лев, спящий с открытыми глазами (со значением бдительности правителя) в эмблематике Юлиуса Цинкгрефа (№ 1 — БАН, ОРРК)

⁸² Гранатовое яблоко (треснувшее так, что видно зерна) у Цинкгрефа (№ 81)

⁸³ *Suy de Travarent. Attributs et symboles . .*, p. 206—207

⁸⁴ Со значением бдительности эмблема приведена Камерарием (III, № 27). Некоторые сопоставления см. в статье: W. M. G. z e k. *Metaphorische*

Изображения эмблем, присвоенных кораблям Азовского флота, еще не найдены. Только на рукописной карте северо-восточной части Азовского моря, составленной штурманом Христианом Отто, мы видим изображение баркалона «Крепость», отправленного в 1699 г. в Константинополь с посольством Украинцева. На высокой корме с двумя резными декоративными фигурами по бокам, под самым флагом, на особом щитке, помещено схематическое изображение крепости. Девиз на этой карте отсутствует.⁸⁵ Следует предположить, что подобный декор существовал и на других кораблях. К сожалению, среди приведенных в известность документов об освидетельствовании, починке и разборке судов не сохранилось сведений о внешнем виде корабельных эмблем. Однако знакомство с эмблематикой позволяет с большой долей вероятности представить себе их изображения.

Плававший в 1704—1710 г. баркалон «Еж» был снабжен девизом «Лестию и рукою», что соответствует изображению руки в железной перчатке, хватающей ошетилившегося ежа (Девизы и эмблемы, табл. 26, № 1; Симв. и эмбл., № 342).⁸⁶

Баркалон «Струс» с девизом «Сила сокрушает крепость», находившийся в 1704 г. уже на берегу, по-видимому, отвечает изображению страуса с подковой в клюве (табл. 41, № 7; Симв. и эмбл., с девизом «Сила и крепкая переломит», № 561). Почерпнутое из античных сказаний представление, что страус способен переваривать даже железо, получило в эмблематике метафорическое осмысление.⁸⁷

Баркалон «Собака» с девизом «Неробкая верность» находит соответствие с «Символах и эмблематах» (№ 9), где изображена собака на горящем костре.

Баркалону «Сокол» («Фальк») был присвоен девиз «Собою без принуждения». В эмблематиках он сопровождает сокола, охо-

---

Denkform und ikonologische Stilform. Zur Grammatik und Syntax bildlichen Formelemente der Barockkunst. — Alte und moderne Kunst (Wien), 1964, N 73, S. 15—25.

⁸⁵ БАН, ОРРК. Собр. рукописных карт, инв. № 22. Присвоенный этому баркалону девиз мы находим в эмблематике Сааведры Фахардо, № 83 (БАН, ОРРК).

⁸⁶ То же изображение в эмблематике Сааведры Фахардо (№ 59). С другим девизом («Utile vereri» — «Полезная боязнь») в эмблематике Я. Брука (I, № 19). Изображение незащищенной руки, хватающей ежа (с девизом «In Posterum caulis»), на гравюрах, посвященных фейерверку, сожженному по случаю победы при Гренгаме (27 июля 1720 г.). БАН, Собр. гравюр, инв. 14 и инв. 435.

⁸⁷ В обоих сборниках одинаковый латинский девиз «Virtus durissima coguit» («Доблесть преодолевает труднейшее»). В эмблематике Камерария (III, № 19) под аналогичным изображением девиз: «Spiritus durissima coguit» («Дух труднейшее переносит»). То же изображение с тем же девизом в эмблематике Иссельбурга (P. Isselburg. Emblemata politica. Nürnberg, 1640, № 16) связывается со значением «правый легко переносит зависть» (см.: Emblemata, sp. 486).

тящегося за зайцем (табл. 11, № 14; Симв. и эмбл., с девизом «Собою без охотников», №568).⁸⁸

Баркалон «Слон» с девизом «Злым лих» отвечает изображению слона, стоящего с поднятым хоботом над стадом овец (табл. 37, № 6, с девизом «Infestus infestis»; Симв. и эмбл., № 503).⁸⁹

Казенному кораблю «Аист» («Оифар») был присвоен девиз «Желал бы и все их погубить». Этот девиз сопровождает изображение аиста со змеей в клюве (табл. 21, № 13; Симв. и эмбл., № 383).

Казенный корабль «Сулица» («Ланц») с девизом «Умрети или выиграти» находит соответствие в эмблеме с изображением копья, на которое нанизано три короны (табл. 11, № 5; Симв. и эмбл., № 134).

Разобранный после 1709 г. баркалон «Арфа» был снабжен девизом «Большие с меньшими согласны суть». В «Символах и эмблематах» его сопровождает изображение арфы с грифом в виде головы человека (№ 294), тогда как в сборнике «Девизы и эмблемы» арфу венчает корона (табл. 22, № 9). То же изображение, что у де ла Фея, мы находим и в эмблематике Сааведры Фахардо (№ 61), у которого оно знаменует социальную гармонию при монархическом правлении.

Некоторые корабли упоминаются в документах не по присвоенным им названиям, а по их девизам, как например корабль «Скорпион» по своему девизу «Смертию его исцелятся» (табл. 4, № 13; Симв. и эмбл., № 40). С этим же девизом скорпион помещен на одном из транспарантов фейерверка 1704 г.⁹⁰

Корабль «Безбоязнь», бывший в эскадре уже в 1699 г., скорее всего так назван по девизу. Ему соответствует популярное в эмблематике изображение орла, смотрящего на солнце, которое в «Символах и эмблематах» помещено с девизом «Без страха» (№ 142).

Знакомство с эмблематикой позволяет также подыскать девизы для кораблей, известных нам только по названию. Девиз, который был придан спущенному на воду в мае 1699 г. баркалону «Стул», до сих пор неизвестен. Непонятно и само название, если не знать девиза «Непотребен есть тому, иже не покоится», который сопровождает изображение стула кабинетного вида, стоящего под открытым небом (табл. 12, № 8; Симв. и эмбл., № 149).

---

⁸⁸ То же изображение в эмблематике Камерария (III, № 31), с девизом «Et volvisse sat est» («Достаточно только пожелать»).

⁸⁹ Та же сцена со значением «милость правителя» у Камерария (II, № 2).

⁹⁰ С. Елагин. История русского флота. . . Приложения, ч. 1, стр. 500—501. В эмблематике Камерария с аналогичным девизом помещено изображение распластанного скорпиона рядом со стеклянным сосудом, в котором помещен другой скорпион (IV, № 95).

Баркалон «Единорог», спущенный на воду в том же году, вероятно, был снабжен девизом «Ярость перед очима», так как изображение единорога с этим девизом помещено в «Символах и эмблематах» (№ 286) и соответственно в сборнике «Девизы и эмблемы» (табл. 22, № 1). То же изображение с тем же девизом («Prae oculis ira») приведено и в сборнике Сааведры Фахардо (№ 8).

Баркалон «Лев с саблею», относящийся к тому же времени, вероятно, отвечает изображению и девизу в «Символах и эмблематах» — «Кто у меня отымет» (№ 109) и соответственно в книге де ла Фея «*Quis auferet?*» (табл. 9, № 7).

Названия и девизы Азовского флота повторяли, а часто и предваряли эмблематику петровских иллюминаций. Баркалон «Звезда» («Дегоудештерн», «Золотая звезда»), спущенный на воду до 1699 г., был снабжен девизом «Господи, покажи нам пути твоя». Тот же девиз сопровождал звезду на плоту во время фейерверка, сожженного 1 января 1711 г. перед дворцом Меншикова на Васильевском острове в присутствии Петра.⁹¹

Баркалон «Старый дуб» («Оут екбоум»), спущенный на воду в 1705 г., с девизом «Обновляет надежду», находит соответствие в эмблеме, помещенной на транспаранте во время фейерверка 1704 г. (табл. 24, № 4; Симв. и эмбл., № 259).

Спущенный на воду в 1709 г. баркалон «Старый орел» («Оут адлар») с девизом «Не гласом, но делами мои» отвечает эмблеме, сопровождавшей «образ Юпитера» во время того же фейерверка. В «Символах и эмблематах» тот же девиз сопровождает сидящего на ветке старого орла (№ 250).

Баркалон «Мяч» («Бал») с девизом «Коль вящше биен бываю, хоть вящше поднимаюсь» был спущен на воду 23 апреля 1702 г. Через восемнадцать лет на транспаранте во время иллюминации 29 июня 1720 г. с тем же девизом было помещено изображение мяча с двумя высокими цилиндрическими барабанами под ним.⁹² В «Символах и эмблематах» с тем же девизом помещено близкое, но несовпадающее изображение — мяч и два барабана (№ 8).

Баркалон «Геркулес», спущенный на воду 22 апреля 1702 г., был снабжен девизом «Безумное дерзновение». С тем же девизом было помещено изображение на транспаранте фейерверка 1704 г. (при фигуре Виктории). Название корабля было связано не с мифологической фигурой Геркулеса самой по себе, а с ее эмблематическим осмыслением. С тем же девизом эмблема помещена в «Символах и эмблематах» (№ 4) и соответственно в «Девизах и эмблемах» (табл. 3, № 4).

⁹¹ Д. А. Ровинский. Обозрение... стр. 188—189. В «Символах и эмблематах» с тем же девизом эмблема названа «Полярная звезда» (№ 118), в сборнике «Девизы и эмблемы» просто «Звезда» (табл. 12, № 1).

⁹² Гравюра Алексея Ростовцева — БАН, ОРРК, Собр. гравюр.

Казенный корабль «Винкельгак» с девизом «Не ищу кроме правости» находит аналогию (с совпадением девиза) на том же фейерверке в изображении при фигуре Паллады (табл. 5, № 13; Симв. и эмбл., № 55).

Разобранный после 1709 г. баркалон «Рысь» («Лукс») был снабжен девизом «Победа любит прилежание». Это название с давней эмблематической традицией. Античные сказания, известные Плинию («Естественная история», I, 28), приписывали рыси способность видеть сквозь стены и горы. Легенда перешла в средневековье. Попытки ее «рационалистического» истолкования относятся к позднему Ренессансу. По словам итальянского эрудита XVI в. Пьеро Валериано, рысь якобы видит не предмет, скрытый от нее стеной, а его отражение на небе (облаками). На реверсе медали, выбитой в честь кардинала Гонзаги, выполненной Сперандио (ок. 1483 г.), по одну сторону пирамиды, на постаменте которой написано «Aenigmata» («Загадка»), сидит рысь, устремившая глаза к облакам, в которых отражаются доспехи, лежащие по другую сторону пирамиды.⁹³ Род Эсте избирает рысь своей эмблемой. На медали в честь Леонелло д'Эсте (работы Антонио Пизано) изображена рысь с завязанными глазами.⁹⁴ Даже Сервантес в новелле «Сеньора Корнелия» говорит о герцоге Феррарском, что он «победил очами рыси глаза Аргуса».⁹⁵ В эмблематике Камерария (II, № 34) изображена рысь, притаившаяся за скалой. По другую сторону видно стадо овец.

Длительная эмблематическая традиция и наличие баркалона «Рысь» позволяют внести коррективы в толкование изображения некоего «зверя», помещенного на транспаранте фейерверка 1 января 1704 г. с тем же девизом «Победа любит прилежание». Его определяли до сего времени как «леопарда с лавровой ветвью во рту».⁹⁶ Однако в книге «Девизы и эмблемы» (табл. 40, № 3) и затем в «Символах и эмблематах» (№ 542), где помещены близкие изображения, «зверь» в обоих случаях определен как «ласка» (Belette, Weseltje) «с веткой руты во рту». В эмблематике Камерария, где помещено то же изображение с девизом «Cautius ut pugnet» — «Осторожность перед битвой» (III, № 79), поясняется, что ласка, перед тем как вступить в схватку со змеей, запасается противоядием против укуса. Смещение значения эмблемы в сто-

⁹³ G. F. Hill. A corpus of Italian Medals of Renaissance before Cellini, vol. 2. London, 1930, Pl. 71, fig. 390.

⁹⁴ Ibid., Pl. 5, fig. 28.

⁹⁵ М. Сервантес. Назидательные новеллы. Пер. Б. А. Кржевского. М., 1955, стр. 413.

⁹⁶ Т. А. Быкова. Книга Марсова. — В кн.: Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955, стр. 518; то же ошибочное истолкование в кн.: В. Н. Васильев. Старинные фейерверки в России (XVII—первая четверть XVIII в.). Л., 1960. Что же касается «леопарда», то его обычное значение в эмблематике — ненасытная кровожадность.

рону зоркости и терпеливой осторожности и прикрепление девиза к рыси вполне естественно, к чему, вероятно, побуждал и немецкий вариант девиза: «Wenn man will gewinnen, muss man sorgen» («Когда намерен выиграть, нужно быть начеку»).

Корабли петровского флота, украшенные флагами и огнями, принимали участие в иллюминациях, как бы составляя их часть. По словам очевидца, 27 июня 1720 г. на одном из фрегатов «все мачты были украшены плашками», горевшими до окончания фейерверка.⁹⁷ Корабли, изображенные на эмблемах, помещенных на транспарантах, как бы овеществлялись и приходили в движение. Корабельный декор вписывался в оформление иллюминации.

Общность и повторяемость мотивов эмблематики в различных видах и жанрах свидетельствует о стилевом единстве художественной культуры петровского времени.

Значительную роль в создании для России постоянного репертуара эмблем и девизов сыграл эмблематический сборник «Символы и эмблемата» и предшествовавшая ему книга де ла Фейя «Девизы и эмблемы». «Символы и эмблемата» известны у нас по изданию, напечатанному в 1705 г. в Амстердаме в типографии Генриха Ветштейна, с фронтисписом, гравированным Иосифом Мудлером. Это альбом в 4°, содержащий 840 эмблем на 140 таблицах (по шести на каждой). На нечетных (правых) страницах помещены изображения, на четных — девизы на семи языках. Под названием эмблемы на голландском языке помещен девиз по-русски, напечатанный кириллицей, а ниже (в подборку) — на латинском, французском, итальянском, испанском, голландском и немецком. Какой бы то ни было пояснительный материал отсутствует. Обстоятельства, при которых была издана эта книга, нельзя считать окончательно установленными. Обычно считается, что до издания «Символов и эмблемат» названия кораблям давались по сборнику де ла Фейя. Однако в нем девизов на русском языке не было, а если бы они переводились в разное время по различным поводам разными людьми, то такое совпадение было бы просто невозможно, что дает основание предположить какой-то общий русский источник. Возможно, экземпляр «Девизов и эмблем» был передан для использования с готовым переводом девизов, данных судам петровского флота и позднее использованных во время фейерверков.⁹⁸

В задачу настоящей статьи не входит сопоставление сборника «Девизы и эмблемы» де ла Фейя и «Символов и эмблемат» во всех необходимых подробностях. Однако становится несомненным, что дело обстояло куда сложнее, чем представлялось до сих пор.

---

⁹⁷ С. А. Пташицкий. Петербург в 1720 г. Записки поляка-очевидца. — Русская старина, 1879, июнь, стр. 286.

⁹⁸ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1, СПб., 1862, стр. 521—526.

Сборник «Девизы и эмблемы» содержит 51 таблицу с 711 эмблемами, причем первые две таблицы заняты гербами (по 12 на каждой).⁹⁹ Он не мог стать единственным источником «Символов и эмблемат», где помещено 840 эмблем. Недавно установлено, что вторым источником для них послужило еще одно издание де ла Фейя «Девизы и эмблемы любви» — сборник, составленный неким Парравичини и напечатанный в Амстердаме в 1696 г.¹⁰⁰ В нем было 24 таблицы с шестью изображениями на каждой, а всего 144 эмблемы. Как и в книге «Девизы и эмблемы», девизы приведены в нем на семи языках. А. И. Маркушевич показал, что оба сборника де ла Фейя восходят к эмблематическому изданию, выпущенному в 1685 г. в Париже гравером Н. Верьеном.¹⁰¹ Сопоставление первых же таблиц (они воспроизведены Маркушевичем) убеждает, что мы имеем дело с прямым заимствованием и простой (зеркальной) перегравировкой. Перешли к сборникам де ла Фейя от Верьена и девизы, но только на латинском и французском языках. Они были переведены еще на пять языков неким Генрихом Оффеленом. Но этим дело не кончается.

Сборник «Девизы и эмблемы» де ла Фейя производит поистине жалкое впечатление по сравнению с роскошными фундаментальными изданиями эмблематик (известными также и в России). Эмблемы в нем плохо награвированы, смазаны при печати, мизерны по величине. Одни заключены в круглую рамку (2.5×2.5 см), другие — в продолговатые «медальоны» с различными украшениями (3.5×2.5 см). В зависимости от величины они размещены по 12 и по 15 эмблем на каждой странице издания в малую четверку. «Символы и эмблематы» стоят на более высоком типографском и художественном уровне. Изображения более однородны, заключены в круглые рамки. Они более четки и значительно крупнее (4.7×4.7 см), расположены на таблицах большего формата. Многие эмблемы в «Символах и эмблематах», совпадающие с мотивами и девизами сборников де ла Фейя, трактованы

---

⁹⁹ В настоящее время в наших библиотеках выявлено два амстердамских издания «Девизов и эмблем»: 1691 (1692) и 1697 гг. Кроме того, известно аугсбургское издание: *Devises et emblemes, Anciennes et Modernes tirées des plus celebres Auteurs. Oder Emblematische Gemuths-Vergnugung Bey Betrachtung Sibenhundert und fünfzehnen der curieusesten und ergötzlichsten Sinn-Bildern, mit ihren zuständigen Deutsch-Latenisch-Französisch- und Italienischen Beyschriften. Zweite Auffertigung.* Augsburg, 1695.

¹⁰⁰ *Dewises et emblemes d'amour, Anciennes et Modernes moralisées en vers francais et expliquées en sept lanques par Mr. Parravicini, professeur de Langues.* Amsterdam, 1696; см. также: А. И. Маркушевич. Об источниках амстердамского издания «Символы и эмблемата» (1705). — В сб.: Книга. Исследования и материалы, т. VIII. М., 1963, стр. 279—290.

¹⁰¹ N. Verriën. *Recueil d'emblemes, devises, medailles et figures hieroglyphiques.* Paris, 1697. Содержит 62 таблицы по 15 рисунков на каждой. Согласно «Камерному каталогу» Библиотеки Академии наук 1742 г. в разделе «Symbola, Hieroglyphica et Emblematica» в ней значилась под тем же названием (но с указанием года издания — 1696) книга Верьена.

иначе, что вряд ли можно приписать только инициативе самих граверов. Некоторые эмблемы художественно переосмыслены и как бы углублены. Эмблема Орел, сидящий на пушке, использованная во время фейерверка 1 января 1704 г., еще в том виде, как она представлена в сборнике де ла Фея: купидон дует из облаков на орла (табл. 5, № 1), в «Символах и эмблематах» амур заменен пучком молний, сыплющихся с неба, что более отвечало девизу «Ни того, ни другого не боюсь» (№ 43). В таком виде эта эмблема и стала излюбленной в петровское время.

Часто изменены менее существенные детали, но это в еще большей степени указывает на наличие других источников. Помещенное в «Девизах и эмблемах» (табл. 12, № 10) изображение длинной клетки, использованное во время фейерверка 1704 г. с девизом «Всегда праздника будет, егда прельщение не поможет» (Симв. и эмбл., № 151), заменено круглой клеткой с островерхой крышей. На одном из «фонарей» того же фейерверка помещено заимствованное у де ла Фея (табл. 11, № 10) изображение руки, вытянувшейся из клубящегося облака, с посохом и привязанной к нему шляпой с подвесками (девиз «Бог все управляет»). В «Символах и эмблематах» (№ 139) под тем же девизом помещена круглая кардинальская шляпа с двумя длинными подвесками, поддержанная посохом пилигрима.

Наличие в «Символах и эмблематах» изображений, отсутствующих в сборниках де ла Фея, и самостоятельность, проявленная граверами в отношении эмблем, имеющих в этих сборниках, заставляет предположить обращение к более широкому кругу источников. Да и сборник Н. Верьена остается простой и притом поздней компиляцией. К сборникам де ла Фея «Символы и эмблематы» были привязаны только девизами. Голландия в то время была наводнена эмблематическими сочинениями, трудно предположить, чтобы они оставались вне поля зрения граверов, работавших над «Символами и эмблематами». Еще голландский историк Схельтема, а за ним и П. Пекарский утверждали, что в основе «Символов и эмблемат» лежат изображения, имеющиеся в эмблематиках Якоба Катса, Ремера Фисхера и Даниеля Гензууса.¹⁰² Это может быть верно только в отношении общего фонда эмблем, который и связывает «Символы и эмблематы» с эмблематической традицией. Гораздо важнее, на наш взгляд, наличие эмблематик Камерария, Цинкгрефа и в особенности сочинения Диего де Сааведры Фахардо, из которого в сборник «Девизы и эмблемы» попало значительное число изображений и девизов. Следует также принять во внимание многочисленные издания круга Отто Вениуса, посвященные горадианской эмблематике и «амурам земной и божественной любви».

¹⁰² См.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 2, стр. 112.

Традиционный по своему составу сборник «Символы и эмблемата» отвечал потребностям русской художественной культуры и тенденциям ее развития как в области изобразительного, так и словесного искусства. Он поставлял мотивы не только для официальных торжеств, фейерверков и иллюминаций, осуществлявшихся в духе репрезентативного барокко. Он способствовал выработке более легких форм художественной жизни, иными словами, появлению черт рококо, обозначавшихся уже во внутреннем убранстве петровских дворцов с их завезенной из Западной Европы наивной «восточной» экзотикой, изделиями из стекла, перламутра и изящной резьбой Пино.

Значительное место в сборнике занимают изображения купидонов и сцен с их участием. Их более 180. К этому надо добавить и некоторые другие, связанные с той же тематикой. Многие из них затейливы и изысканны. Купидон, заключенный в разрезанное пополам сердце, целит луком в оставшегося снаружи, с девизом «Я тебя уязвить хочу» (№ 32), другой без лука и стрел объявляет: «Прекрасные очи девиц суть стрелы моя» (№ 81). Любовь покоряет весь мир. На одной эмблеме крылатый купидон стреляет в земной шар, летящий в пространство (№ 741), на другой два купидона играют им как мячом (№ 829, с девизом «Свет есть шар любви»). Амур несет на своих плечах глобус. Он «Боле Атланта» (№ 744). Он подчиняет себе самых сильных и непокорных. Он едет верхом на Льве, под девизом «Сочиняю сего агнцем» (№ 154), сажает самого Геркулеса за прялку (№ 774, с девизом «Любовь всех превосходит»). Это всепожирающий огонь, сладостная мука, тягостное, но блаженное ярмо. Пылающее сердце летит к солнцу — «Аз воздвигаюся, егда згараю» (№ 219). «Иго сладкое есть любящему» — говорит купидон с ярмом на шее (№ 323). Он и бегущий грациозный Олень оба ранены стрелой — «Ничто не может нас исцелить» (№ 356), но сквозь мрачные тучи уже проглядывает «Фебус», «Подожде, сияет солнце» — как бы остерегает отчаявшегося любовника купидон (№ 354). Главное — нужно научиться искусству любовного обхождения. Недаром на одной эмблеме изображен купидон с раскрытой книгой, летящий на орле. Она так и названа «Любовь выученная» (№ 822), «Болезни познание есть начало ко излечению» (№ 105), «Многие отказывают мне, чего потом сами ищут» (№ 83).

Любовь должна быть деятельной, предприимчивой и неутомимой. Сама «госпожа Венус» подает купидону лук, уверяя «Смелством все будет» (№ 541). На его правой руке подобно браслету — два маленьких крыла (с девизом «Дерзновенно и скоро», № 324). У него и на ногах крылья (с девизом «Будь готов к любви», № 811). Он прилаживает их на спину ослу с девизом «Любовь прибавляет ленивым крылья» (№ 631). Он бьет бичом черепаху, приговаривая «Любовь ненавидит ленивых» (№ 630); он целит луком в ветряную мельницу (с девизом «Он живет

в движении», № 782). Охваченный любовным неистовством галан не знает себе преград. Купидон пускает стрелу в рыцарские доспехи — «Сквозь пройдет» (№ 840), он обезглавливает дракона — «Победу учиню над лютыми зверьми» (№ 696), он вгрызается киркой в скалу, на которой лежит пылающее сердце, — «Когда ни есть завладею» (№ 686), а завладев, уносит его преследуемый многоглавой гидрой («Ничто у меня не отымет», № 696).

Любовь безрассудна. Она покушается на недоступное. «Выше себя неволю» — говорит купидон, взирая на пылающее сердце на высокой колонне (№ 686). Любовь изобретательна, «снискивает пути и способы» (№ 255). В любви нужна не только смелость, но и тонкое притворство: «Надлежит лицемерить» — повозглашает купидон с маской в руке (№ 46), но это «Лукавство любовью всегда сладко», утверждает купидон, накидывая петлю на шею другого (№ 682).

Любовь быстротечна и непостоянна. Купидон мечет стрелу в огонь, с девизом «Скоро родился, скоро исчезе» (№ 45). Пожиряющее его пламя угасает. Он сам тушит его — «Еже мя питает, то и погашает» (№ 54) рассерженный, он опускает свой факел и мочится на него (№ 475). Купидон часто бродит впотьмах и продвигается ощупью («Любовь всегда не смела», № 803). Но она внушает красноречие купидону в шлеме, с копьем и надетой на него перчаткой, с девизом «Любовь велеречие промышляет» (№ 790). Но больше всего предпочитает молчание и тайну: «Жечь и молчать» — провозглашает купидон с горящим сердцем в руках (№ 700), «Не говорить привые» — заявляет другой, приложив палец к губам (№ 526).

Целый кодекс любовного обхождения и политеса, в котором так нуждалось неотесанное русское дворянство для выражения своих чувств и вожделений. Они преломлялись в повестях петровского времени и прокладывали путь к галантной лирике Тредиаковского и анакреонтике Ломоносова.¹⁰³

При Петре эта линия развития (в сторону рококо) только еще намечалась. Он отверг изображенных у де ла Фоя (табл. 4, № 11), а затем и в «Символах и эмблематах» (№ 38) амуров, бьющих с двух сторон по наковальне с лежащим на ней пылающим сердцем. С тем же девизом «Потребен труд во время» на транспаранте, выставленном во время фейерверка 1704 г., появляются заправские кузнецы в обстановке реально изображенной кузницы, в полном соответствии с общими задачами этого зрелища. Однако купидоны не остались втуне. Они нашли место в «огненной потехе», устроенной по случаю свадьбы Анны Иоанновны в ок-

¹⁰³ А. Морозов. Купидоны Ломоносова. К проблеме барокко и рококо в России XVIII века. — Ceskoslovenska rusistica, 1970, N 3, см. также: R. Lachman. Pokin', Kupido, strely. Bemerkungen zur Topik der russischen Liebesdichtung des 18. Jahrhunderts. — Slavistische Studien zum VI. Internationalen Slavistenkongress in Prag 1968. München, 1968, S. 449—471.

тябре 1710 г., когда на плотах на Неве сперва зажглись вензели сочтавшихся браком, затем возникли две пальмы «со сплетшимися вершинами» и девизом «Любовь соединяет» и, наконец, появился купидон в человеческий рост, «с крыльями и колчаном на раменах, который большим кузнечным молотом сковал два сердца, лежавшие на наковальне», под девизом «Из двух едино сочиняю». По словам Юста Юля, Петр сам устроил этот фейерверк и «объяснял окружающим значение каждой аллегорической картины, пока они горели».¹⁰⁴

«Символы и эмблемата» еще долго обогащали мотивами русское декоративное и прикладное искусство. Целые серии эмблем переходили из этого сборника в архитектурное убранство.¹⁰⁵ Они усваивались народными художественными ремеслами. На Беломорский север проникли гравированные листы из «Символов и эмблемат», продававшиеся в Москве «купецким людям».¹⁰⁶ На резных пластинках куростровских косторезов встречаются композиции, восходящие и к изображениям петровских триумфов, в том числе прегордого «Льва Свейского», попираемого грозным всадником с трубящим над ним Гениушем.¹⁰⁷ Куростровские косторезы переносили мотивы этого издания на свои изделия, сочетая эмблемы с традиционным растительным орнаментом конца XVII в.

Мотивы, непосредственно заимствованные из «Символов и эмблемат», широко используются русскими мастерами чеканщиками и граверами по серебру, меди, на различной посуде, бытующей в различных социальных кругах (вплоть до оловянных кружек и стаканов). Обращает на себя внимание серебряный поднос тонкой работы, относящийся к 30-м годам XVIII в., в Собрании ГИМ. На нем использовано девять изображений с девизами, заимствованными из «Символов и эмблемат», причем даже указан номер, соответствующий этому изданию. В центре с девизом «Смерти дорогу никто не минует» (№ 796) — распростертое тело. Рядом сидит сова. Купидон пускает издали стрелу, что в данном применении, по-видимому, означает смерть от несчастной любви. Далее (по часовой стрелке): «Поливаемые вещи растут лучше» (№ 326) — купидон поливает цветочные грядки; «Кается не вовремя» (№ 653) — купидон и плачущая женщина; «Вельми хорошо те плавают, где любовь вправиле стоит» (№ 654) — амур на корме корабля; «Любовь не дремлет»

¹⁰⁴ Записки Юста Юля..., стр. 259.

¹⁰⁵ В 1970 г. при ремонте Летнего дворца обнаружены остатки старинной панели с четырьмя эмблематическими изображениями на голубом фоне (орел на пушке с привычным девизом, скорпион и др.). Первоначально их было значительно больше.

¹⁰⁶ Дело об отдаче в книжный фонд (в Москве) купецким людям книг эмблематов, печатанных в Амстердаме в 1705 году. — Библиограф, 1885, № 6, стр. 105—111.

¹⁰⁷ Л. И. Свионтковская-Воронова. Резная кость из собрания П. И. Щукина. М., 1923 (Издание Российского исторического музея).

(№ 656) — купидон трубит над спящим юношей; «Что ни слюбится, то все хорошо» (№ 662) — купидон с луком за спиной держит за руку молодую женщину; «И в смерти тебе товарищ» (№ 710), «И смертью любовь не погаснет» (№ 751) — дерево. Под ним конь, коза, баран и лев. Мужчина играет на скрипке; «Вином разум прибавится» (№ 758) — купидон без крыльев (ГИМ. 46001. Отд. драг. металлов). Представляет интерес серебряная кружка, частично позолоченная, ок. 1762 г. (мастер В. Климентов). На гладком цилиндрическом тулове резное овальное клеймо с изображением человека, стреляющего в Чудище. Девиз: «Смерть единого многим живот». На крышке — корона над равниной, девиз: «Воздаяние верным». Кружка, по-видимому, была изготовлена вскоре после кончины Елизаветы Петровны. В ее дно впаяна медаль с ее портретом, а на реверсе — аллегория на погребение.

В середине XVIII в. изображения из «Символов и эмблемат» были помещены по приказанию митрополита Арсения Мацеевича на обитых железом воротах восточной стены Ростовского кремля под церковью Воскресения, по девятнадцати эмблем на каждой створке, в том числе и орел, сидящий на пушке.¹⁰⁸ Эту же эмблему вместе с другими поместил и Ломоносов на первом листе заказанной им на пергаменте дарственной грамоты на пожалованное ему имение Усть-Рудицы. В 1788 и 1811 гг. книга переиздана Нестором Амбодиком. К ней обращался Г. С. Сковорода, развертывая отдельные эмблемы и назидательные притчи.¹⁰⁹

При всем историко-культурном значении сборника «Символы и эмблематы» им нельзя ограничиваться. Художники и ремесленники также обращались к различным другим эмблематическим сборникам и «готовым мотивам», известным по памяти и традиции, словесным указаниям заказчиков и привозным образцам. При изучении эмблематики петровского времени, которое делает у нас только первые шаги, следует обратиться ко всему репертуару доступных современникам пособий, число которых было достаточно велико, а подбор далеко не случаен. В России в начале XVIII в. были известны самые авторитетные и выдающиеся эмблематические сборники и сочинения. Петр приобретал их для своей библиотеки. Он обратил внимание на уже упоминавшееся нами сочинение Сааведры Фахардо, известное в России еще в XVII в., когда был выполнен его перевод под заглавием: «Дидако Сааведра Фаскарду, образец хрестьянского политического князя. Сто один пример. Хорошие сиречь добрые симбальские

¹⁰⁸ Борис фон Эдинг. Ростов Великий. Углич. М., 1913, стр. 127—128 (со снимками).

¹⁰⁹ См.: Д. Чижевський. Філософія Г. С. Сковороди. Варшава, 1934. «Символы и эмблемата» еще долго встречались в быту, как засвидетельствовал И. С. Тургенев в «Дворянском гнезде» (гл. 9) и в «Степном короле Лире» (гл. 4).

наречия».¹¹⁰ Это было типично барочное издание, заканчивающееся изображением черепа, лежащего среди руин, и соответствующими стихами на испанском языке. Но вместе с тем это было и своего рода «Зерцало князей», наставляющее политической мудрости и правилам этикета. Книга предназначалась для назидательного чтения, но попадала и в руки художников.¹¹¹ Новый перевод ее Петр поручил Феофану Прокоповичу, когда тот еще был префектом киевских училищ. Наряду с «Телемаком» Фенелона она должна была послужить пособием при воспитании царевича Алексея.¹¹² Книга издана не была, но рукопись перевода и предисловие к нему, написанное Прокоповичем, сохранились. Оно примечательно характеристикой стиля Фахардо, который, по словам Феофана, весьма искусен, «быстр и пространен во учении политическом», но «в риторской хитрости мало нечто недоволен есть». «Многажды и слово его темному облаку или возмущенной воде подобствует и со немалым трудом едва уразумеши, что просвещевает и чесо учит». Фахардо употребляет необычные речения («наречия») и «неясные Аллегории». Изложение непоследовательно, идет скачками, подобно «стремглавным со берега ввержением». При переводе Феофан тщился эту «темноту» и стропотность прогнати», т. е. сделать изложение более простым и понятным.¹¹³ Эта позиция не выводила Феофана за пределы барокко. Осуждая «темноту» и «надутость» стиля, он сохранил прочные связи с барочной риторической традицией. Темноту стиля осуждали уже такие представители барочного концептизма, как Кеведо и Грасиан. К концу XVII в. это осуждение встречается в учебниках поэтики и риторики, принятых в украинской и русской духовных школах (Феофил Кролик и др.).

Петр не стремился к разнообразию и богатству эмблематических изображений и девизов. Частое употребление одних и тех же эмблем способствовало их узнаванию и, следовательно, дидактическому внушению. Создавая постоянный репертуар эмблем и девизов, Петр обращался к несложным и хорошо известным мотивам. Он не только заимствовал и варьировал изображения, но и «изобретал» новые девизы и целые аллегорические картины. «Яковую эмблему вымыслило монаршее остроумие о зделанном от него флоте и введенной в России навигации? — то есть образ человека, в корабль седшаго, нагаго и ко управлению корабля

¹¹⁰ См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 161—162.

¹¹¹ Об использовании этого сочинения Д. Сааведры Фахардо (а также другого его сочинения «*Symbola varia*». Praha, 1603) см.: Milada Lejsková-Matujášová. Barokní emblémy v zámku Doudlebech N. Orlici. — Umeni, 1968, N 1, s. 54—68.

¹¹² П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1, стр. 139.

¹¹³ См.: П. В. Верховской. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент, т. 2. Материалы. Ростов-на-Дону, 1916, Отдел 3, стр. 23—25.

неискусного», — вопрошал Феофан Прокопович в Слове, произнесенном им после Ништадтского мира, имея в виду гравюру П. Пикара, сделанную по рисунку К Растрелли (старшего) для фронтисписа «Книги устав морской», вышедшей в Петербурге в 1720 г На фронтисписе изображена архитектурная рамка, над которой распростер крылья двуглавый орел и помещены знамена Аллегорическая фигура женщины поднимает тяжелый занавес, открывая вид моря, по которому плывет корабль с высокими мачтами и парусами На корме нагой мальчик К нему подлетает «Время» (Сатурн с косой) и вручает кормило. Все имеет вид театрального действия Под рамой расположились две сидящие фигуры: Нептун с трезубцем и Марс с обнаженным мечом, трактованные как декоративные статуи и как бы подчеркивающие глубину открывающегося за ними действия Предисловие к «Уставу морскому» было написано самим Петром при участии Феофана Прокоповича Это придает достоверность его свидетельству, что «эмблема» придумана самим Петром Феофан распространяет ее значение «Таяжде эмблема, тот же образ служит ко изъявлению и всего воинскаго России состояния, каковое было в начале войны бывшия Нага воистину и безоружна была Россия!»¹¹⁴

Петр обладал первоклассными изданиями по эмблематике, которые могли обеспечить богатый выбор изображений и девизов. Ему принадлежали составленный И Камерарием свод эмблем, заимствованных из растительного и животного мира, а также «Симболография», изданная в 1701 г в Аугсбурге южнонемецким иезуитом Якобом Бошем (Бошиусом). В этой книге было помещено 1052 изображения, расположенных на 171 таблице Многие из них повторяются с различными девизами в разных разделах книги, давая возможность различного осмысления и применения эмблем Титульный лист сообщал, что издание предназначено для «ораторов, проповедников, поэтов, живописцев, скульпторов, граверов, медальеров, составителей балетов и драматургов».¹¹⁵

Настольной книгой Петра, отвечающей практическим потребностям его времени, была знаменитая «Иконология» Цезаря Рипы (1560—1620), вышедшая впервые в Риме в 1593 г¹¹⁶ Она во-

¹¹⁴ Феофан Прокопович Сочинения, стр 115

¹¹⁵ Jacobo Boschio Symbolographia sive de Arte Symbolica Augsburg, 1701 — БАН, ОРРК, Петровское собрание Граверами этого издания были Якоб Мюллер (1670—1703) и Иоганн-Георг Вольфганг (1665—1744), см Augsburger Barock Austellung 15 Juli bis 13 Okt 1968 Augsburg, 1968, S 417

¹¹⁶ Петру принадлежало роскошное издание in folio Iconologie ou Explication nouvelle de plusieurs images, emblemes et autres figures hierohlyphiques Tirée des recherches et des figures de Cesar Ripa Moralise es par I Vaudion Paris, 1644, см Каталог книг Петра Великого, принятых в императорскую библиотеку в 1725 году — Архив АН СССР, ф 158, оп 1, № 216 См. также Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки

брала в себя разнообразный материал из наследия античности и Ренессанса, однако уже прошедшего маньеристическую обработку. Многие он получил из вторых рук, чего и не думал скрывать.¹¹⁷ Он ссылается на «Генеалогию богов» Боккаччо (напечатанную впервые в 1472 г.), откуда заимствовал описание Пана как олицетворение природы. Ему было известно сочинение Марциана Капеллы «О свадьбе Меркурия и Филологии», написанное в V в. (напечатано в 1499 г.), и мн. др.¹¹⁸

«Иконология» Рипы создавала устойчивую систему аллегорических фигур и их атрибутов. Ее аллегоризм был нормативен и однозначен, чаще всего сводился к персонификации вполне доступных понятий — Веры, Добродетели, Мужества, Любознательности и т. д. Эмблематика получала здесь подчиненное значение и служила для узнавания основных фигур. Книга могла быть использована для самых различных целей. Заимствования из нее отмечены в архитектуре, плафонной живописи, парковой скульптуре, в произведениях Бернини, Караччи, Альбани, Гверчино, Лебрена и мн. др.¹¹⁹ Петр ценил «Иконологию» Рипы как надежное пособие при составлении архитектурных проектов, устройстве фейерверков и т. д.

Пособия по эмблематике были в книжных собраниях многих деятелей петровского времени. В библиотеке Ф. Прокоповича, помимо эмблематики Камерария и сочинения Фахардо, была «Философия изображения» Менестрерия, предназначенная скорее для чтения, чем для практического использования, а также «Книга Символическая» Христофора Пфаффа.¹²⁰

Академии наук СССР. Вып. 1. XVIII век. М.—Л., 1956, стр. 371, 379. В БАН также имеется голландское издание «Иконологии» Рипы, поступившее туда из библиотеки переводчика Посольского приказа Виннуса: *Iconologia of uytbeelding des Verstandes... uyt het italiens vortaelt door D. P. Pers. Amstelaedami, 1644*. На ее полях, по-видимому в практических целях, сделан чернилами перевод названий почти всех аллегорических фигур.

¹¹⁷ L. D. Ettlenger. The pictorial Source of Ripa's Historie. — *Journal of the Warburg and Courtauld institutes*, vol. XIII, 1950.

¹¹⁸ Marcian Capella. *De nuptiis Philologia et Mercurii*. Vicenza, 1499. (Библиотека Пулковской обсерватории); К. Р. Симон. Энциклопедия поздней империи. «De Nuptiis Philologia et Mercurii» Марциана Капеллы. — *Труды Библиотеки Академии наук СССР*, т. I. М.—Л., 1948, стр. 169—193.

¹¹⁹ E. Mandovsky. *Untersuchungen zur Ikonologie des Cesare Ripa*. Hamburg, 1934. *Maschinenschrift*, S. 70—83, 116—120. Мы пользовались экземпляром диссертации из библиотеки Гамбургского университета, полученном при любезном содействии Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде. Издание: E. Mandovsky. *Ricerche intorno all'iconologia di C. Ripa*. Firenze, 1939 — осталось нам недоступно. Об использовании «Иконологии» в славянских странах см. также: Н. Volavková. *Ikonologie Cesara Ripy a česka baroková plastika*. — *Umeni*, vol. IX, 1936; M. Karpowicz. *Sztuka oświeczonego sarmatyzmu*. Warszawa, 1970.

¹²⁰ П. В. Верховской. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент, т. 2. Материалы. Каталог библиотеки Ф. Прокоповича, № 1731 и №851; Clod François Menestrier. *Philosophia imaginum id est Sylloge Symbolorum amplissimo...* Amstelodami et Gedani, 1695 — БАН, ОРРК.

В библиотеке Стефана Яворского находилось не менее десяти эмблематик и, кроме того, рукопись «Нуротпета symbolorum», с пометой (в составленной им описи) на польском языке: «Моей рукой писана». Описи составлены глухо (без указания года и места издания). Указан только один автор. Это две части пособия Иоганна Михаелиса Кеттена «Символический Апеллес» (№ 171—172), где эмблемами служит множество предметов, звери, птицы, насекомые, травы, цветы, оружие, музыкальные инструменты и пр.¹²¹

С. И. Маслов, опубликовавший эти описи, раскрыл авторов еще трех эмблематических сочинений. Это — «Символы политические» Сааведры Фахардо, составленная польским кармелитом Себастьяном а Матре Деи, эмблематика «Символическое небо» и одно из сочинений Германа Гуго.¹²²

Различными пособиями начиная от книги Андреа Альчиато, которого называли «отцом эмблематики»,¹²³ и кончая «Символами и эмблематами» обладал Феофилакт Лопатинский. Кроме двух изданий Сааведры Фахардо (1649 и 1651 гг.) у него были «Символический Апеллес» М. Кеттена, «Мир символов» Филиппа Пичинелли¹²⁴ и некоторые другие.¹²⁵

Среди книг, переданных после смерти бывшего иеромонаха петровского флота Гавриила Бужинского в 1731 г. в библиотеку московской Славяно-греко-латинской академии, попали «Самбуковы эмблематы»,¹²⁶ где эта книга могла попасть на глаза Ломоносову. Иоанн Самбукус был представителем концептистской эмблематики, требовавшей многозначности эмблематических изоб-

¹²¹ R. P. Joann Michaelis van der Ketten. Apelles symbolicus, exhibens seriem amplissiman Symbolorum, poetisque, oratoribus ac veribi dei praedicatoribus. Amstelodami, 1699 — БАН, ОРРК. С. И. Маслов. Библиотека Стефана Яворского. — Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, т. 24, 1914, вып. 2. Документы, стр. 32, № 236. В дальнейшем номера книг приводятся по этому каталогу.

¹²² В описи книга обозначена: «Pia anima desiderio versibus et symbolis». Кроме того, можно установить, что «Sylva allegoriam» (№ 35) — это скорее всего книга иезуита Иеронима Ларетуса «Sylva allegoriarum» (Köln, 1701). «Devises et emblemes» (№ 394) — это, конечно, сборник де ла Фей, а сочинения «Symbola amoris» (№ 525) и «Scintillae divini amoris» (№ 233) надо искать среди эмблематик земной и божественной любви.

¹²³ Andree Alciati Emblemata. Augsburg, 1531 (первое издание). Общее число изданий на латинском и других европейских языках превышает 150. Экземпляр Лопатинского дефектный (без титульного листа). Библиотека Ф. Лопатинского в настоящее время в БАН, ОРРК.

¹²⁴ P. Picinellius. Mundus symbolicus. Köln, 1687. Первое издание — Милан, 1653. В БАН (ОРРК) имеются издания: Кельн, 1687, 1694 и 1729. «Мир символов» Пичинелли пользовался известностью в польских университетах, см.: Ewa Chojcka. Dekoracja malarska. Ksiąg promotionum i diligentiarum Uniwersitetu Jagiellońskiego XVI—XVII wieku. Krakow, 1965, s. 59—60.

¹²⁵ J. Botsacius. Promptuarium allegoriarum Sacrarum. Amstelodami, 1668; G. Stengelii Imagines Sanotorum. Augsburg, 1625.

¹²⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода, т. XI (1731). СПб., 1903, Приложение IV, стб. 8.

ражений. В предисловии он утверждал: «Итак, если я привел бы плохо подстриженную виноградную лозу в качестве эмблемы нерадивого отца семейства, или муху, которая нападает на слона для (олицетворения) отваги, черепицу, которую моют, как (пример) напрасной работы, клятву Курция или деяние Горация для знаменования отваги. . . и с помощью дополнений не затемню их смысл и не возведу к переносному значению, кто же будет тем приведен в удивление или воздаст хвалу? . . . Поэтому мои эмблемы так избраны и приукрашены, дабы они занимали не менее, чем темные тайные письма египтян и пифагорейцев».¹²⁷ Якобу Брюсу, помимо «Иконологии» Рипы, также принадлежали «Эмблемы любви» Вейгеля (одно из изданий О. Вениуса).¹²⁸

Эмблематические сборники, получившие распространение в России, не только предлагали обширный выбор мотивов для прикладных целей, но и различные аспекты их истолкований и осмыслений. Они служили для литературного чтения и рассматривания загадочных и занимательных гравюр, снабжали литературными цитатами и назидательными примерами церковных проповедников и силлабических стихотворцев. Они воспитывали образно-метафорическое мышление и таким образом участвовали в создании художественной атмосферы петровского барокко.

В истории русской эмблематики раскрывается историческое своеобразие русского национального варианта барокко. Оно выразилось в сложном взаимодействии заимствованных форм и мотивов с предшествующей художественной традицией. В новых формах часто продолжало жить старое мировоззрение, а в старых традиционных формах находили выражение новые идеи и устремления. Риторический рационализм барокко облегчал выражение в его формах просветительских идей. Пропаганда новых государственных задач, всей политики петровского времени осуществлялась на основе риторических и изобразительных средств барокко, причем значительную роль играли привычные, давно сложившиеся представления. Секуляризация художественной жизни направила их в новое русло, но прочно и надолго сохранила общую доминанту стиля, чему не помешали ни сдвиги в области литературного языка, ни смена принципов стихосложения, ни появление новых изобразительных средств и мотивов.

Мы с полным правом можем говорить о единстве художественной культуры Петербурга, охватывающем ее различные виды и проявления, — в архитектуре дворцов и церквей, их внутреннем убранстве, корабельном декоре, фейерверках и иллюминациях, книжной графике, школьном театре, панегирической поэзии или церковной проповеди.

¹²⁷ Johannes Sambucus. Emblemata. Antverpiae, 1564 (Библиотека Гос. Эрмитажа в Ленинграде). В БАН имеется издание: Antverpiae, 1569.

¹²⁸ Материалы для истории Академии наук, т. 5. СПб., 1889, стр. 167 и 200.

Ю. В. С Т Е Н Н И К

**ДРАМАТУРГИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ И
ПЕРВЫЕ ТРАГЕДИИ СУМАРОКОВА
(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)**

Для современных представлений о развитии русского драматического искусства XVIII в. характерен прочно установившийся взгляд на Сумарокова как на создателя репертуара нового русского театра. Мнение это справедливо. Сумароков действительно был первым профессиональным русским драматургом, пьесы которого составили основу национального репертуара русской сцены XVIII в. и, главное, приблизили русский театр к высшим достижениям европейского, в частности французского, театра классицизма. Современниками имя Сумарокова воспринималось в одном ряду с именами прославленных французских драматургов XVII—XVIII вв. Его трагедии имели на русской сцене XVIII в. огромный успех и почти вплоть до начала XIX в. служили образцами для многочисленных подражаний.

Однако одно обстоятельство до сих пор остается не объясненным, ибо оно не привлекало внимания исследователей: каково отношение сумароковского театра к национальной драматургической традиции, какой она сложилась к моменту создания им своих первых трагедий? Успех постановок трагедий Сумарокова в конце 1740-х годов на фоне общего состояния национального театра той поры означал своевременность их появления. Потребность в новых формах драматургии светского театра к этому времени достаточно назрела. Но удивляет другое: своеобразная подготовленность русского зрителя 1740-х годов к восприятию явления, с которым ему до сих пор практически сталкиваться не приходилось. Одно из двух: или пьесы такого рода уже ставились на русской сцене ранее и Сумароков ничего нового, необычного не сказал, или же в трагедиях Сумарокова, при всей их новизне, содержалось нечто близкое и понятное русским зрителям, отвечавшее их интересам и вкусам.

Общепризнано видеть единственный источник трагедий Сумарокова во французской классицистической трагедии XVII—первой половины XVIII в. В том, что он следовал великим французским драматургам, Сумароков не боялся признаваться и не скрывал этого. Он действительно перенес на русскую почву общую схему построения классицистической трагедии. Его пьесы, выдержанные в системе драматических правил, приближавшейся к французским образцам, были к тому же написаны правильным александрийским стихом, признанным размером высокой французской трагедии, что также было для русского театра новым.

Тем не менее в целом ряде моментов структура сумароковской трагедии отличалась и самостоятельностью. На эту сторону драматургии Сумарокова обратил в свое время внимание Г. А. Гуковский в статье «О сумароковской трагедии» и детально проанализировал ее.¹ Известный отход русского драматурга от слепого копирования французских трагедий Г. А. Гуковский справедливо объяснял своеобразным пониманием Сумароковым функций театрального представления. Исследователем имелась в виду «моральная направленность» трагедий Сумарокова, их прямое задание «исправлять души зрителей». Это оказывалось прямо связанным с отчетливо выраженной «моральнооценочной характеристикой персонажей», счастливыми развязками большинства трагедий, отходом от системы наперсничества и т. д.

Объяснения Г. А. Гуковского были основаны в значительной мере на учете особенностей трагедийного наследия Сумарокова в целом. Не случайно структура трагедий Сумарокова, по мнению исследователя, раз оформившись, уже более не изменялась. Однако наиболее заметно изменения в художественной структуре трагедий Сумарокова — нарастание голого дидактизма, фактическое освобождение от определяющей роли любовных коллизий — проявились в трагедиях завершающего этапа творческого пути драматурга (как, например, в «Димитрии Самозванце»). И это лучшее свидетельство того, что осознание Сумароковым своих трагедий как школы дворянства и государей проделало известную эволюцию и на первых порах было осложнено иными побочными факторами. В то же время своеобразие художественной системы сумароковской трагедии и ее отличия от французских образцов налицо уже в самых первых опытах, в «Хореве» и «Гамлете». Тем самым проблема генезиса этого своеобразия остается открытой. И ограничиваться при ее решении только европейскими источниками, по-видимому, недостаточно. Ведь существовал целый период развития национального театра, который до сих пор обычно рассматривается как антипод театру, созданному Сумароковым, во всяком случае с ним никогда не соотносился. Мы имеем

---

¹ В кн.: Поэтика. Временник отдела словесных искусств, вып. 1. Л., 1926, стр. 67—80.

в виду русский театр петровской и послепетровской поры, вплоть до 1740-х годов включительно. Многие из того, что в драматургии Сумарокова представляется как будто случайным, на первый взгляд малосущественным и даже выпадающим из системы наших представлений о правильной трагедии, получает на фоне этого театра свое естественное объяснение.

Было бы слишком опрометчиво брать на себя задачу всестороннего освещения поставленной проблемы в пределах одной статьи. Поэтому, учитывая по возможности лишь самые необходимые факты истории драматургии той поры, главное внимание придется сосредоточить только на некоторых особенностях драматургии Сумарокова в их отношении к основным тенденциям развития театра в России первой половины XVIII в.

Необходимо, конечно, прежде всего восстановить картину состояния театральной жизни России в период, предшествовавший появлению первых трагедий Сумарокова, хотя бы с точки зрения репертуара русских театров 1720—1740-х годов. Сделать это сложно по ряду причин, из которых главная — недостаточное количество сохранившихся текстов пьес из репертуара театров той поры.

В условиях фактического отсутствия в России до 1750-х годов развитой практики постановки театрального дела на государственных началах устройство театров было делом случая. Репертуар действовавших в России театров сохранялся в рукописных сборниках, в большинстве своем, по-видимому, до нас не дошедших. К тому же особенности бытования пьес, необычайная миграция театрального репертуара практически лишают нас стабильных источников, позволяющих судить об истинном характере тех пьес, которые могли быть известны Сумарокову, даже если бы мы твердо знали их названия. Наконец, немаловажной помехой является отсутствие сведений по интересующему нас вопросу со стороны самого Сумарокова.

К сожалению, вообще небогатые биографические данные о Сумарокове в отношении раннего периода его творческих опытов особенно скудны. У нас нет прямых сведений о том, какие театры посещал Сумароков и какие пьесы он смотрел до написания им первой трагедии, хотя, вне всякого сомнения, интерес к театру был у него устойчивым.² В бытность свою воспитанником Кадетского корпуса с 1732 г. Сумароков мог не только посещать спек-

---

² В статье «О думном дьяке, который с меня взял пятьдесят рублей» Сумароков походя сообщает нам некоторые сведения, проливающие свет на его юные годы и знакомство с театром в этот период. Уже к двенадцати годам он знал театр, «бывал на Комеднях, смотрел Александра и Людвиг, Париж и Вену и другие комедии». — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... А. П. Сумарокова, т. VI. М., 1787, стр. 359. Какие это были «другие комедии», нам остается только догадываться, тем более что и тексты указанных Сумароковым пьес до нас не дошли.

такли, случавшиеся на дворцовой сцене, но и сам участвовать в них. Сохранились документы об участии кадетов в постановках на придворном театре комедии об Иосифе.³ Кроме того, пьесы разыгрывались и самими кадетами в порядке выполнения программы обучения в корпусе. Какие конкретно это были пьесы, мы не знаем, но, по-видимому, они не отграничивались непроходимой стеной от пьес из репертуара тогдашних светских и школьных театров. После окончания корпуса Сумароков мог посещать и несомненно посещал разные театры — как частные, так и публичные, в том числе, вероятно, и народные, функционирование которых особенно во время праздников было обычным явлением.

Конечно, при всем этом нельзя забывать о влиянии, которое на Сумарокова могло оказывать и, конечно, оказывало чтение великих французских драматургов XVII—XVIII вв., о чем сам Сумароков позднее не раз говорил. Сохранились также сведения о приезде в Петербург в 1742 г. труппы французских актеров под руководством Сериньи. В репертуаре этой труппы были пьесы Мольера, Реньяра, Вольтера. Сумароков несомненно мог присутствовать на спектаклях французской труппы. Однако, несмотря на очевидность такого влияния, непосредственные первые свои впечатления о театре Сумароков, по-видимому, все-таки вынес прежде всего из общения с повседневной театральной жизнью Петербурга, которая была перед его глазами. А жизнь эта не ограничивалась спектаклями гастролировавших время от времени в столице немецких, итальянских и французских трупп.

Что же представлял собой русский театр 1730-х—начала 1740-х годов?

При попытках как-то осмыслить, свести воедино и систематизировать имеющиеся в нашем распоряжении данные можно было бы выделить три основных пласта драматургической литературы той поры соответственно трем направлениям, по которым шло развитие театра в России с последней четверти XVII в. до конца 1740-х годов.

Первое направление, наиболее профессионально оформившееся, имевшее на первых порах устойчивые стимулы сценического функционирования и глубокие традиции собственной драматургии, было связано с практикой школьных театров. Этот театр был занесен на русскую почву со стороны. И хотя он прижился в России и даже в какой-то момент играл в развитии русского театра немалую роль, но у него не было ни своего массового зрителя, ни перспективы завоевать такового ввиду естественной ограниченности сферы функционирования и тесной связи с церковью. Само

---

³ Н. Дризен. Любительский театр при Анне Иоанновне (1730—1740 гг.). — Ежегодник имп. театров. Сезон 1894—1895. СПб., прилож., кн. 3, стр. 88—97.

положение церкви в России после реформ Петра I не давало возможности школьному театру обрести общенациональное значение.

Другое направление, значительно более пестрое и текучее с точки зрения отбора репертуара, без четкой опоры на какие-то определенные и жестко фиксируемые драматические принципы и традиции, носило ярко выраженный светский характер. Масштабы бытования театра этого направления позволяют объединять в его рамках и демократический театр, рассчитанный на массового городского зрителя, и частные театры, вызывавшиеся к жизни инициативой купцов, дворян, а также лиц из окружения царя. Социальная среда, обслуживаемая этим театром, была достаточно широка. Рассчитанный на удовлетворение зрелищного интереса, репертуар светских театров практически не регламентировался.⁴ Этот театр имел значительно более благоприятные условия для своего развития, нежели скованный рамками кастовости театр школьной драмы. Но в области серьезной драматургии с появлением трагедий Сумарокова его значение также сошло на нет.

Наконец, третье направление, отражавшее распространение интереса к театральным представлениям в широких слоях городского населения и крестьянства, обслуживавшее социальные низы, смыкалось с фольклором. Пьесы этого направления составили репертуар народного театра. Сюда можно причислить «вертеп», народную драму «Лодка», драму «О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе». Наиболее органичным для этого направления было культивирование бесчисленного количества унаследованных от школьного театра интермедий и шутовских сценок, получивших позднее новую жизнь в народных театрах «райка» и кукольных балаганах Петрушки.⁵

Как светский, так и школьный театры в России на протяжении первой половины XVIII в. проделали известную эволюцию. Обстоятельства введения на Руси театра в XVII в. были таковы, что инициатива исходила непосредственно от царя Алексея Михайловича. Репертуар самого первого русского театра носил в основном светский характер. Однако продолжателем царской «театральной затеи» был не столько открытый в Москве в 1702 г. по инициативе Петра I публичный театр для массового городского зрителя, сколько школьный театр, возникший в конце XVII в. в стенах московской Славяно-греко-латинской академии. Привлеченные в Москву в конце 1690-х годов из Киева профессора-украинцы переносят на русскую почву традиции школьной драмы. И в течение первой четверти XVIII в. именно театр уче-

---

⁴ Материалы об открытии в середине XVIII в. частных светских театров в различных городах России и об их репертуаре см., например, в кн.: Ф. Г. Волков и русский театр его времени. М., 1953, стр. 68—79.

⁵ См.: Ежегодник имп. театров. Сезон 1894—1895, прилож., кн. 1, стр. 153—161.

ников Академии составляет наиболее активный и действенный центр распространения интереса к театру в России.

Начав с инсценировок библейских сюжетов и житий святых, устроители спектаклей в Академии все чаще откликаются на события политической жизни страны. Позднее это происходило не без прямого воздействия со стороны высшей светской власти, рассматривавшей театр в качестве одного из важнейших средств укрепления и возвеличения собственного авторитета в массах. В этом смысле карнавалы шествия в Москве по случаю военных побед можно рассматривать в одном ряду с пьесами, разыгранными на школьной сцене Академии, такими как «Торжество мира» (1703), посвященное взятию русскими войсками крепости Нотебург, «Свобождение Ливонии и Ингерманландии» (1705) и др. Постепенно отвлеченная дидактика и морализирование инсценировок библейских сюжетов, завещанные традицией XVII в. («Ужасная измена сластолюбиваго жития с прискорбным и нищетным», 1701, «Комедия об Иосифе и его братьях», 1708), сменяются усложненной символикой драматизированных панегириков. На первых порах это носило иногда еще смешанный характер: политическая тема разрабатывалась параллельно с библейскими сюжетами («Драма о царе Езекии», «Торжество мира православного Петром святым апостолом...», 1703). Но скоро из драмы практически начал исчезать сюжетный элемент, действующие персонажи заменялись аллегорическими фигурами, а пьесы становились инсценированными апофеозами могущества русской монархии. Таковы были, например, «Слава российская» (1724) и «Слава печальная российскому народу смерти Петра Великаго...» (1725) Ф. Жуковского, поставленные, по-видимому, в госпитальном театре Н. Бидлоо.

Последним отголоском былой роли школьного театра при московской Славяно-греко-латинской академии была постановка в ее стенах драмы «Образ торжества российского...» (1742), в которой аллегорически изображалось восшествие на престол Елизаветы Петровны и содержалась оценка политического значения этого события. Уже к середине XVIII в. оды Ломоносова и его последователей взяли на себя ту часть функций этого театра (задачи политической пропаганды), которая могла представлять интерес для двора. Значение школьного театра с этого времени сходно с нет.

Формирование репертуара театра светского направления в первой половине XVIII в. отличалось в известной мере стихийностью. Первым массовым театром такого рода был публичный театр, открытый в 1702 г. в Москве на Красной площади силами приехавших немецких актеров, ряды которых позднее пополнились выученными театральному делу русскими актерами. Руководивший привезенной по контракту из Данцига труппой Кунст ставил пьесы из репертуара бродячих немецких комедиантов. Пьесы пе-

реводились на русский язык. Но в отличие от пастора Грегори, знавшего нравы страны и к тому же имевшего дело с самим царем, Кунст и особенно его преемник Фюрст мало заботились о приспособлении репертуара своей труппы к традициям русской культурной жизни. Это были пьесы, источниками которых служили переделки произведений европейских драматургов (Мольера, Кальдерона, Чиконьини и др.), а также инсценировки авантюрных повестей и рыцарских романов. Поэтому не лишено оснований кажущееся излишне резким заключение П. О. Морозова о репертуаре театра Кунста—Фюрста: «Не имея никаких точек соприкосновения с русской жизнью и литературой, эти пьесы и не оставили по себе сколько-нибудь заметного следа, не могли иметь большого образовательного влияния и не могли долго продержаться».⁶

Однако определенную положительную роль открытый по инициативе Петра I публичный театр все же сыграл. Через распространение интереса к театру в широких слоях городского населения он сумел «вызвать подражания не только в высшем, но и в низших слоях общества и, наконец, возбудить не только переводную, но и оригинальную деятельность в области русской драматической литературы».⁷ Переводы немецких пьес служили первым неизвестным нам драматургам светских театров — как придворных, так и городских демократических — теми образцами, на которые они ориентировались при создании новых, уже оригинальных инсценировок тех же авантюрных романов и повестей. Именно эта вторая волна в создании репертуара для русских светских театров первой половины XVIII в. и представляет для нас главный интерес в силу того, что здесь перед нами первые, неуверенные еще попытки самостоятельного воплощения сценической формы мышления, не имевшей до той поры на русской почве своих традиций. В отличие от руководителей немецкой труппы создатели новых светских пьес учитывали потребности аудитории, с которой они имели дело. По всей вероятности, это были люди, знакомые с театром, хорошо усвоившие традиции школьной драматургии.

В оригинальных инсценировках для русских светских театров той поры наблюдается любопытный синтез свободной драматургической манеры пьес немецких бродячих трупп, верной традициям так называемой английской комедии, с одной стороны, и отдельных элементов поэтики школьной драмы — с другой, а также воздействие той новой повествовательной беллетристики, появлением которой было отмечено литературное движение петровской эпохи. Подобный синтез с разной степенью преобладания того или

---

⁶ П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, стр. 261.

⁷ Там же, стр. 396.

инного компонента демонстрируют почти все сохранившиеся пьесы этого второго потока репертуара светских театров той поры.

Число дошедших до нас пьес этого репертуара очень незначительно. Это «Акт о Петре Златых ключей», «Комедия об Индрикке и Меленде», «Акт о преславной палестинских стран царице Дияне...» (известный также под названием «Драма о царице и львице»), «Комедия о Сарпиде, дуксе Ассирийском», «Акт о царе перском Кире и скифской царице Тамире», «Комедия о графе Фарсоне» и «Действие в персонах о Короле Гишпанском». Мы далеки от утверждения, что этими пьесами исчерпывался репертуар русских светских театров 1720—1740-х годов, но сведения об остальных сохранились в подавляющем большинстве случаев лишь в виде названий или незначительных отрывков.⁸

В. Д. Кузьмина, посвятившая проблемам развития в России демократического театра специальное исследование,⁹ детально проследила многообразные источники формирования репертуара массовых городских театров в России XVIII в. Ею были выделены две основные тематически разнокачественные группы пьес, которые позднее в профессиональных театрах соответственно обрели жанровую определенность, разделившись на театральные представления комического и высокого трагедийного плана. Одну группу пьес составляли произведения с бытовой тематикой («игры», «интермедии» в позднейшем наполнении значения этого термина), другую — инсценировки рыцарских романов и авантурных повестей («акты», «гисторические комедии»). В свою очередь первая группа делится на ряд более мелких, отмеченных своеобразием драматургического языка жанровых форм: комические монологи, сатирические диалоги, бытовые сценки, наконец, одноактные комедии. Меньшим разнообразием отличались инсценировки повестей и романов, в чем сказалось воздействие традиций школьной драмы.

Существенно, что для эпохи начального формирования репертуара массовых городских театров первой половины XVIII в. непреходимой грани между театральными пьесами различной тематической и жанровой ориентации не было. Во многих из перечисленных пьес можно встретить и отчетливые следы школьной драматургии, и следы воздействия бытовых сценок из интермедий — репертуара, позднее перешедшего в фольклор. Достаточно

---

⁸ Точно известно, например, о постановке на сценах частных театров 1740-х годов таких пьес как «Аполлонский акт», «Эсфорский акт». («Комедия об Эсфири»), акты «О храбрости неаполитанской земли герцоге Фридрихе», «О Леандре и Лювизе», «Об Ипполите и Жулии», «О царе Соломоне», «О царе перском Кире и скифской царице Тамире»; см в кн.: Ф. Г. Волков и русский театр его времени, стр 26. Из всех этих пьес сохранились тексты только «Комедии об Эсфири» и «Акта о царе перском Кире...».

⁹ В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958.

вспомнить роль образа Гаера в «Комедии о Сарпиде, дуксе Ассирийском» или реплики, которыми обмениваются перед поединком Шведский барон и Персидский Мурах в «Действии в персонах о Короле Гишпанском».

Почти каждая из перечисленных выше пьес уже была не раз предметом внимания исследователей, и вопросы датировки, бытования пьес, отдельных аспектов их идейного содержания уже достаточно освещены в литературоведении. Попытаемся, наметив черты типологической общности пьес данного круга (а они все так или иначе порождены в обстановке тех культурно-социальных веяний, которыми была отмечена первая треть XVIII в., и оказываются прямо связанными с петровской эпохой), уловить в них тенденции, помогающие понять истоки своеобразия первых драматургических опытов Сумарокова.

О единстве проблематики и структурной общности означенного круга пьес говорить сложно. С одной стороны, каждая из них наследовала содержание того повествовательного источника, инсценировкой которого она являлась. Характер сценической обработки во многом зависел от социальной среды бытования той или иной пьесы; вряд ли среда эта была во всех случаях одинакова.

Но, возникнув примерно в одно и то же историческое время, в условиях, когда представления о требованиях, которым должны отвечать театральные действия, были достаточно просты и определены, все эти пьесы сохраняли одновременно черты внешнего типологического сходства. Общность была обусловлена прежде всего тем, что авторы пьес обращались примерно к одному типу любовно-авантюрных повествований. Структура почти каждой пьесы содержит примерно идентичный набор составных элементов композиции и сюжета.¹⁰

Во всех почти перечисленных пьесах в центре активно действующие герой и героиня. Таковы Петр и Магилена («Акт о Петре Златых ключей»), таковы Индрик и Меленда (одноименная пьеса), граф Фарсон и королева Португальская («Комедия о графе Фарсоне»), Пиллад с Орестом и Леонора («Комедия о Сарпиде...»), наконец, кавалер Мальтийский («Действие в персонах о Короле Гишпанском»). Основной сферой утверждения социальной ценности героя почти в каждой пьесе являются его воинские или гражданские деяния. Но с точки зрения личного самоутверждения героев такой сферой оказывается обычно любовь. Именно благодаря ей, во имя предмета своей любви, герои совершают большинство своих подвигов, претерпевая нередко при этом самые разнообразные приключения. Причем возлюбленные героев

---

¹⁰ Известное исключение из перечисленных выше пьес составляет «Акт о царе перском Кире...», сюжетный источник которого восходит к Геродоту.

отличаются не меньшей, а иногда и большей активностью в отстаивании своего права на свободу выбора и в проявлении своих чувств. Это отличает и Меленду, и королеву Португальскую, и Леонору. Преодоление разного рода препятствий на пути соединения влюбленных, достижение взаимного счастья — вот содержание большинства пьес (некоторое исключение составляет «Комедия о графе Фарсоне»). Победа добра, торжество верности, восстановление попорченной справедливости — таков обычно итог почти всех пьес рассматриваемого цикла.

Эта внешняя сюжетная общность пьес дополняется объединяющими их чертами более специфического свойства. Необходимость создания театрального репертуара путем переработки повестей и романов накладывала свой отпечаток на драматургию этого периода. Та общность, о которой только что шла речь, практически ничего не дает нам для понимания художественной природы всех этих пьес как явлений драматургии. Все сказанное в равной мере можно отнести к повестям и романам, послужившим источниками для инсценировок. Мало того, в один ряд с названными пьесами можно было бы поставить другие произведения романического характера, в частности повести петровской эпохи, полностью сохраняющие основные черты типологической общности с означенным циклом пьес, хотя и не получившие сценической обработки, такие, как например «Гистория о российском матрозе Василии Кориотском и о прекрасной Королевне Ираклии Флоренской земли» и др. Данное обстоятельство показательно, ибо оно позволяет установить специфику драматургического языка, особую природу сценичности пьес данного круга и данной исторической эпохи. Речь должна идти об отличительных особенностях художественной структуры произведений для театра тех лет. Структуру эту отличает синкретизм поэтического мышления. Внешне усвоенная драматическая форма не вытекала из природы содержания представляемых на сцене событий, а служила лишь еще одним из средств передачи того, что немногим ранее увлекательно, с гораздо большими подробностями было рассказано в книге. Иными словами, драматическое произведение продолжало нести груз своего повествовательного предшественника; внутренний источник драматических положений зачастую попросту отсутствовал.

Эта установка на повествовательность обеспечивала сюжетной коллизии возможность сохранения внешней увлекательности, в то время как драматическая форма лишь обеспечивала доступность сценического восприятия. Помимо этого повествовательность пьес данной группы диктовала особую, воспринятую из романов расстановку акцентов в характеристике героев. Центр тяжести сценического действия почти во всех пьесах приходится не на психологическую мотивировку поступков героев, а на фиксирование внешних событий, на рассказ о происходящих с героями многооб-

разных переменах. При этом сама мотивация поступков героев зачастую оказывается результатом случайности, деталью, призванной лишь усложнить действие, продлить испытания героя, отодвинуть развязку. Все это были черты, перешедшие в театр из авантюрного романа.

Продемонстрируем сказанное на примере одной пьесы — «Акта о Петре Златых ключей и о прекрасной Королеве Магилене Неаполитанской». Как в ней развивается действие? Молодой герой уезжает от родителей за границу, где после победы на турнире встречается с избранницей своего сердца. Такова традиционная завязка. Черед испытаний настает с того момента, когда молодые люди клянутся в вечной верности друг другу.

Внезапное известие о болезни отца заставляет Петра вернуться домой. Несчастный случай — повод к первой перемене в судьбе героев. После бурной вспышки борьбы между чувством и дочерним долгом Магилена решает ехать с Петром. В пути во время отдыха ворон уносит перстни, подаренные Петром возлюбленной. Князь Петр бежит за вороном и теряет Магилену. Проснувшаяся Магилена считает себя покинутой и уходит в монастырь. Вновь источник перемены в судьбе героев носит внешний характер. С точки зрения отношений влюбленных похищение вороном перстней — чистая случайность.

Родители Петра, князь Волхван и Петронима, встречаются в монастыре с Магиленой, не зная о ее отношениях с их сыном. Рыбак приносит князю Волхвану найденные им в пойманной рыбе перстни князя Петра. Находка перстней — скрытый знак близости счастливой встречи разлученных, и эта встреча (также случайная) происходит скоро в том же монастыре. Такова в общих чертах схема развития действия в пьесе. Происходящие в судьбах героев перемены являются по отношению к их чувствам и желаниям внешними и случайными.

Примерно по аналогичному принципу организуется развитие драматического действия и в остальных пьесах рассматриваемого цикла. Иногда источник злоключений героев предстает в образе конкретного лица — антагониста влюбленных (таков сенатор при саксонском короле в «Комедии об Индрике и Меленде», такова гофмейстерша в «Комедии о графе Фарсоне», Зимфон в «Комедии о Сарпиде...», таков отчасти образ свекрови царицы Дианы в «Акте о преславной палестинских стран царице...»). Будучи своеобразной персонификацией злой воли, противостоящей счастью главного героя, антагонист по существу и определяет течение событий. Это все то же проявление своеобразного отделения источника драматического конфликта от чувств и мыслей персонажей, в судьбах которых последствия конфликта находят свой исход. Известную роль здесь сыграли традиции школьного театра, влияния которого светскому театру в России также не удалось избежать.

Для многочисленных инсценировок повестей и романов показателями их нового драматического качества служили атрибуты сценической формы, воспринятые по существу из арсенала школьной драмы. Проявлялось это многообразно: в наличии прологов, антипрологов и эпилогов, в сопровождении отдельных явлений или актов «программами», излагавшими содержание происходившего на сцене, во введении в число действующих лиц аллегорических персонажей, наконец, в стремлении авторов пьес выдержать правильный силлабический тринадцатисложный стих. Прежде всего это можно, по-видимому, оценивать как свидетельство того, что создателями большинства инсценировок были люди, знакомые с практикой школьного театра, выросшие на традициях школьной драмы. Но важно видеть в этом и еще один, на наш взгляд, существенный момент. Неизвестные русские авторы пьес первой трети XVIII в. при отсутствии собственной светской драматургии рассматривали в качестве национальной театральной традиции, по-видимому, школьную драму. Пафос учительности, осмысление театра в его функции назидательного примера, трибуны воздействия на умы современников — эта сторона, проявлявшаяся в рассматриваемых нами пьесах, есть результат влияния школьной драматургии.

Еще одна типологическая особенность пьес данного круга — это отражение почти во всех них лирической стихии любовной чувствительности, так называемой сентиментальной лирики петровской эпохи,¹¹ тех новых представлений об идеале отношений между мужчиной и женщиной, которые наиболее отчетливо запечатлены в любовных песнях и повестях первой четверти XVIII в. («Гистория о российском матрозе Василии Кориотском...», «Повесть о российском дворянине Александре...» и др.) Любовная коллизия составляла неизменный компонент сюжета большинства пьес, занимая нередко центральное место в развитии фабулы. Не случайно в числе факторов, определявших сюжетные завязки, оказывалось действие мотивов ревности, подозрений в измене (обычно мнимой). Как следствие такого положения, необычайно часто в пьесах этого времени (как, кстати, и в повестях) разрабатывается тема верности, любовного постоянства. Героиня или герой в разлуке тоскуют и предаются клятвам в вечной верности предмету своей любви. Обычно клятвы подобного рода сопровождаются пением любовных арий или романсов. Если учесть необычайную распространенность в петровскую эпоху любовной лирики, то станет понятной созвучность этой стороны пьес чувствам и сознанию современного им зрителя. Особенно это могло касаться тех

¹¹ Термин этот принадлежит В. Н. Перетцу. Он же детально проследил отражение этого явления в литературных памятниках петровского времени, в лирике, в прозе и в драматургии: см. его книгу «Очерки по истории поэтического стиля в России. (Эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.)» (Вып. I—VIII. СПб., 1905—1907).

образованных кругов новой дворянской интеллигенции, которая к середине XVIII в. составляла своеобразную культурную элиту общества и к которой несомненно принадлежал Сумароков.

Возвращаясь к вопросу о значении, какое могли иметь для первых драматургических опытов Сумарокова школьный и светский театры того времени, следует признать, что первенство несомненно принадлежит светскому направлению. Такое мнение можно было бы высказать и ранее на том основании, что прямых контактов со школьным театром в годы учения Сумароков, по-видимому, иметь не мог из-за отсутствия в Петербурге в отличие от Москвы благоприятных условий для расцвета школьной драмы. Но помимо этих соображений в пользу такого мнения служит сопоставление ранних трагедий Сумарокова с кругом пьес, рассмотренных нами только что в общих чертах. Центральным для понимания специфики трагедий Сумарокова является вопрос о моральной направленности их содержания. При всей кажущейся простоте сложность его порождена многоаспектностью проявления этой моральной направленности, с одной стороны, и наличием определенной эволюции в драматическом воплощении ее на разных этапах творческого пути Сумарокова — с другой. Поскольку в поле нашего зрения самые ранние пьесы Сумарокова, мы не будем здесь касаться второй стороны вопроса (отчасти она уже была освещена в литературе),¹² а сосредоточимся на той части проблемы, которая прямо связана с темой статьи.

Каковы же аспекты проявления моральной направленности в первых трагедиях Сумарокова и в чем их связь с традициями светского театра петровской и послепетровской поры?

Уже современники Сумарокова подметили любопытную особенность ранних его трагедий: отсутствие единства их художественной структуры, порожденное раздвоенностью драматического действия. В каждой из них по существу два конфликта, порождающие две существующие самостоятельно драматические коллизии. Любопытен разбор с этой точки зрения первой трагедии Сумарокова «Хорев» (1747), предпринятый еще в 1750 г. Третьяковским в его критической статье «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол...».¹³ Так, указав на нарушение Сумароковым правил, предписываемых драматическому произведению, в частности известного правила «трех единств», Третьяковский далее замечал: «Мне кажется, что у Автора нашего в трагедии (Хорева) нарушено первое из единств оных, а именно единство представления. С самого оглавления мы видим, что все дело

¹² См. нашу статью: О художественной структуре трагедий А. П. Сумарокова. — В кн.: XVIII век. Сб. 5. М.—Л., 1962, стр. 273—294.

¹³ Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке. СПб., 1865, стр. 437—500.

будет клониться к сочетанию Хорева с Оснельдою; видим то ж самое и в середине. Следовательно, главнейшему, по положению окончанию, к которому зрители приуготовлены и к коему все эпизоды... должны возноситься, есть сочетание Хорово с Оснельдою: прочее все или препятствием, или бедствием, или каким иным нечаянным приключением. Но в самом конце 4-го действия, посланный от Кия кубок с ядом... развязал уже сей узел и уведомил зрителей, что Оснельде не быть за Хоровом. По сему, знать, что главнейшее представление было не о сочетании Хорева с Оснельдою, но о подозрении Киевом на мнимый умысел Хоров с Оснельдою. Но вот в начале 5 действия и сей узел развязан Завлоховым мечом, которым завладел Хорев, победив и пленив Завлоха... Того ради, кто видит два развязывания, тот видит и два узла; а следовательно, не одинакое, но двойное представление: одно о Хоровой любви с Оснельдою, а другое о Киевом подозрении на мнимое злоумышление от обоих их на него. Господин Автор не думает ли, что токмо ему одному дано знать силу Драм».¹⁴

Третьяковский верно подметил несовершенство первого драматургического опыта Сумарокова. Но аналогичным недостатком страдает и вторая его трагедия «Гамлет» (1748). Если отношения Гамлета и Офелии с неизменной сложной борьбой между чувством и долгом в душе каждого составляют основу первой коллизии, то параллельно развивается совершенно независимо от нее другая коллизия, источник которой кроется в действиях тирана Клавдия и его приближенного Полония, и именно она заключает в себе конфликт, ведущий к трагической развязке.

Сознавал ли сам Сумароков отсутствие единства действия в своих первых трагедиях? По-видимому, да, ибо позднее подобная раздвоенность в его трагедиях исчезает. Но на первых порах желание быть похожим на французских драматургов XVII в. и одновременно тот запас представлений о театре и о роли искусства вообще, которым обладал Сумароков, вызвали известную дисгармонию, типичную для симбиозов разнокачественных структур. С точки зрения той роли, которую в «Хореве» и «Гамлете» отводил каждой коллизии сам Сумароков, для него, по-видимому, важны были обе. Но в создании драматической интриги и приведении действия к трагической развязке первенство в ранних трагедиях Сумарокова явно принадлежит коллизии, не связанной с переживаниями влюбленных. Такое положение мы фиксируем в «Хореве», в «Гамлете», частично и в трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» (1750).¹⁵

---

¹⁴ Там же, стр. 493.

¹⁵ Правда, в «Синаве и Труворе» Сумароков не без воздействия, по-видимому, критики Третьяковского начинает освобождаться от раздвоенности драматического действия. Центр тяжести трагедийного конфликта перено-

Коллизия борьбы долга и страсти в душах влюбленных, занимающая столь значительное место в ранних трагедиях Сумарокова, с точки зрения приведения действия к трагической развязке представляется всего лишь своего рода орнаментирующим фоном, в то время как истинная пружина развития драматического конфликта скрыта в действиях сил, персонифицированных в образах царедворцев. Властолюбие, зависть, склонность к пороку и коварным интригам — вот стимулы поступков Сталверьха («Хорев») и Полония («Гамлет»), в руках которых монархи оказываются слепым орудием исполнения темных замыслов. Отличия структуры трагедий Сумарокова от трагедии французского классицизма XVII в. (в частности, Расина) коренятся в совершенно ином понимании сущности трагического конфликта.

Вопрос о моральной направленности содержания трагедий Сумарокова должен решаться, таким образом, по-видимому, в двух аспектах: следует объяснить, какова природа и роль любовной коллизии в его трагедиях, если непосредственно в воплощении конфликта, ведущего к трагической развязке, противоречия между долгом и страстью в сердцах влюбленных никакого участия не принимают; с другой стороны, следует, по-видимому, показать истоки и смысл моральнооценочной характеристики персонажей, которая позволяет понять существо трагического конфликта сумароковских пьес. В обоих случаях вопрос оказывается тесно связанным с проблемой отношения Сумарокова к традициям национальной драматургии предшествующей поры, с проблемой понимания Сумароковым природы драматизма.

Внешне Сумароков, пожалуй, ухватил то противоречие, которое служило источником развития драматического действия в трагедиях, например, Расина, отчасти Вольтера: противоречие между долгом, вытекающим из осознания личностью своего общественного положения, и между внутренними интересами самой личности (любовным чувством). Но конфликтом, составляющим основу трагической ситуации, это противоречие в первых трагедиях Сумарокова никогда не было и быть не могло.

Русское общественное самосознание XVIII в. вплоть до последних десятилетий жило иным пониманием личности. Утверждение ценности личности мыслилось не в противопоставлении ее интересов законам социального общежития, но, наоборот, в своеобразном утверждении приоритета надличностного начала (будь то интересы государства или отстаивание сословного принципа). Приоритет государственного, общественного долга перед всеми другими интересами был незыблем, и неуклонное подтверждение вер-

---

сится у него теперь на проблему ответственности монарха. Борьба с внешними силами зла сменяется внутренней борьбой в душе самого монарха. Противоречие монаршего долга и страсти в «Синаве и Труворе» и составляет основу коллизии трагедии.

ности подобному идеалу являла для русских XVIII в. действительность самого Петра I. В служении долгу личность обретала возможности самоутверждения. Такое осмысление проблемы фиксирует русская литература XVIII в., и соответственно для осознания трагической несовместимости интересов личности и общества историческая ситуация в России той эпохи еще не созрела. Сумароков не мог перешагнуть сознание своего времени, и изображение непримиримости конфликта между долгом и страстью героев как источника драматических коллизий в его ранних трагедиях оставалось в сущности голой заявкой, не дававшей возможности делать обобщения в общечеловеческом масштабе. И сопоставляя трагедии Сумарокова в этом плане только с трагедиями французских драматургов (как это обычно делалось), мы практически не можем уловить истинной функции любовных перипетий, как они предстают в ранних пьесах русского драматурга, ибо их смысл становится понятным лишь в контексте литературного сознания той эпохи, в частности на фоне русской драматургии и беллетристики 1720—1740-х годов.

Проблема любовного чувства, тема верности в любви, налагающей на человека определенные обязанности, и как следствие возникновение на этой почве конфликтных ситуаций — все это не только не было для драматургии петровской эпохи новостью, но составляло одну из важнейших сторон содержания русской литературы первой четверти XVIII в. В научной литературе даже возникло понятие «сентиментализма петровской эпохи». Драматургией эта проблема была унаследована от повествовательных источников. Выше мы уже характеризовали в общих чертах эту особенность драматургии досумароковского театра и указывали на связь ее со своеобразным расцветом в этот период любовной лирики. Известно, что сам Сумароков, будучи воспитанником Кадетского корпуса, увлекался сочинением любовных песенок, которые имели в кругах образованной петербургской молодежи несомненный успех.

Можно, по-видимому, предположить, что восприятие Сумароковым сущности трагических коллизий в пьесах французских авторов, например того же Расина, протекало под воздействием той волны сентиментальной чувствительности и нового светского «политеса» как нормы отношений между мужчиной и женщиной, которые были завещаны 1730—1740-м годам литературой и всем комплексом культурных нововведений (к примеру, известные «ассамблеи») петровского времени.

Вот, к примеру, в «Комедии о Сарпиде, дуксе Ассирийском» (1720-е годы) героиня тоскует о возлюбленном, которому грозит опасность:

О драгий мой Орест, друже прелюбезнейший;
Чаю, что не слышит сердце твое совет злейший,
Аз же пребедная не могу ти гласа подати:

И где пребываешь никто ми может поведати.
С ким могу сию мою печаль разсудити:
И кто слезы моя может утолити. . .¹⁶

Оклеветанный Орест заключен Сарпидом в темницу, и Леонора в одиночестве поет арию.¹⁷ На всем протяжении драмы героиня остается верной возлюбленному, и не без ее помощи Орест получает конечное освобождение и торжествует над своими противниками. По своей художественной структуре эта пьеса далека от сумароковской трагедии. Но показательно место, какое занимает в комедии тема любовного чувства.

Зато в «Акте о Петре Златых ключей», памятнике несколько более позднем, чем предыдущий, выражение героями своих чувств почти подводит нас к тому, с чем мы сталкиваемся в трагедиях Сумарокова. В явлении 9 Петр, получивший письмо о болезни отца, зовет Магилену ехать с собой. Между ними происходит следующий диалог:

Князь Петр

Когда б вы изволили знать мои печали,
надеюсь, лицемерным меня б не назвали.
Я сам желал бы лучше умерети,
нежели вас, дражайшая, при себе не зрети. . .

Магилена

Еще большую печаль в сердце мне влагаешь,
с родителями моими разлучить желаешь.
Как могу отечество оставить любезно
и с любезными други разлучиться слезно! . .

Князь Петр

Таковая ли ваша верность? как сама ты видишь,
напрасно столюк меня во оном обидишь.
Ради вас, дражайшая, на дуелях бился,
аще бы пред вами сам живота лишился. . .
Ныне на свете более не желаю быти,
лучше шпагою живот бедному кончити.
(*Вынимает шпагу и хочет себя заколоть.*
Магилена же унимает.)

Магилена

Ах, дражайшнй радость, князь Петр вожденный
или ты уже совсем стался изумленный?

---

¹⁶ Старинные действия и комедии Петровского времени. Пгр., 1921 (СОРЯС, т. ХСVII, № 1), стр. 25.

¹⁷ Там же, стр. 47.

Здравие любезное утратить желаешь,
меня ж в такой горести кому оставляешь?..

Изволь, изволь дражайши я не отрекуся,
погаенно отсюда отъехать потщуся.¹⁸

Героиня соглашается ехать с возлюбленным. В борьбе между дочерним долгом и чувством побеждает последнее.

Но вспомним, что почти аналогичная ситуация имеется в первой сумароковской трагедии «Хорев». Более того, она там повторяется дважды. В 6-м явлении II действия Хореву предстоит выступить с войском против отца Оснельды. В душе героя происходит мучительная борьба. В конце концов измученный душевной борьбой Хорев восклицает:

Так ведай, что меня во град с кровава бою
Внесут, и мертвого положут пред тобою.
Не извлеку меча, хотя иду на брань,
И разделю живот тебе и долгу в дань.

И вот как сразу реагирует на это героиня:

Живи мой Князь! живи, твой век цвести желает,
Пуская несчастная Оснельда умирает.
Я больше не виню поступка твоего,
Виню лишь горьку часть я века своего.
Живи не погнбай воспоминаньем вздоха,
Лишь только пощади в сражении Завлоха...¹⁹

В 3-м явлении III действия, когда Оснельда просит Хорева отпустить ее к отцу, возникает опять близкая к этой ситуации. И когда повергнутый в отчаянье Хорев прибегает к последнему средству:

Возьми коль хочешь жизнь, коль хочешь умерщвляй,
К измене лишь одной меня не принуждай.
Возми противный меч, пронзи мое им тело,
Возми не трепещи и лей ток крови смело,²⁰ —

героиня вновь берет назад свои упреки, признаваясь ему в своих чувствах, и отговаривает от такого исхода.

Приведенный выше пример ситуационного сходства носит сравнительно внешний характер. Но нам важно было показать одно: иногда взгляд на привычное малозначительное явление в контексте иных культурно-исторических традиций позволяет по-новому оценить характер данного явления. Так, деталь, имеющая, каза-

¹⁸ Цит. по кн.: И. М. Бадалич и В. Д. Кузьмина, Памятники русской школьной драмы XVIII века. (По загребским спискам). М., 1968, стр. 283—284.

¹⁹ Хорев, трагедия Александра Сумарокова. СПб., 1747, стр. 31.

²⁰ Там же, стр. 43.

лось бы, далекое отношение к вопросу о связях трагедий Сумарокова с драмой петровской эпохи, на фоне той роли, которую выполняет любовная коллизия в пьесах драматурга, становится показателем таких связей.

Разумеется, мы далеки от мысли о прямом влиянии инсценировки «Повести о Петре Златых ключей» на первую трагедию Сумарокова. Налицо типологическая близость ситуаций. В самом изображении внутренней борьбы, происходящей в душе каждого из влюбленных, метод Сумарокова носит явные черты воздействия французских классиков. Но важно рассматривать этот метод в контексте национальных драматургических традиций того времени.

Сложнее обстоит дело с пониманием Сумароковым той стороны моральной направленности его трагедий, которая находила свое воплощение непосредственно в создании драматической интриги. Осознание Сумароковым своих трагедий как школы дворянства и государей было для своего времени естественно и закономерно. Однако пытаться подходить к вопросу генезиса драматической системы Сумарокова и понимания им сущности трагических положений, исходя только из его общих представлений о конечной воспитательной роли литературы, было бы недостаточно. Источники выработки таких представлений для XVIII в. столь многообразны, что, сосредоточившись на их отыскании, можно вообще упустить из поля зрения конечную цель и предмет исследования. Нам важно уловить истоки художественной системы трагедий Сумарокова, конкретные пути воплощения драматургом трагических ситуаций. В данном случае происходило нечто подобное тому, что мы отмечали только что при рассмотрении функции любовных коллизий в ранних трагедиях Сумарокова.

С одной стороны, овладевая искусством строить драматическую интригу, Сумароков явно следовал Вольтеру. Авторитет Вольтера для Сумарокова был всегда непререкаем.²¹ Влияние его на драматургию Сумарокова не подлежит сомнению. Мы не можем сейчас останавливаться на вопросе текстовых заимствований Сумарокова у Вольтера: это особая область, частично уже освещенная в литературе.²² Если же говорить о структурных соответствиях ранних трагедий Сумарокова с пьесами Вольтера как возможными образцами, на которые тот мог ориентироваться, то, по-видимому, в первую очередь следовало бы назвать трагедии Вольтера «Брут» и «Меропу». Кстати, обе трагедии были упомянуты Сумароковым в примечаниях к «Епистоле о стихотворстве» (1747).

---

²¹ Детально вопрос об отношении Сумарокова к Вольтеру рассмотрен в работе П. Р. Заборова «Вольтер в русских переводах XVIII века» (в кн.: Эпоха просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967, стр. 127—140).

²² Там же, стр. 130—131.

В композиционном построении «Хорева» отдаленно проглядывают контуры вольтеровского «Брута». Коллизия, связанная с чувствами Хорева и Оснельды, словно воспроизводит на иной основе и соответственно с иным исходом трагическую коллизию борьбы долга и чувства в душе Тита, сына Брута, к Туллии, дочери врага римской республики. В известной мере и в переосмыслении Сумароковым шекспировского «Гамлета» чувствуется воздействие знаменитой «Меропы» Вольтера. Расстановка противоборствующих сил и, главное, характер развязки в обеих трагедиях в чем-то близки. Наконец, отдельные приемы ведения драматической интриги в «Хореве» как будто восходят к другой пьесе Вольтера, к «Заире». Вспомним эпизод получения Заирой письма от ее отца Нерестана и последующий допрос Заиры. Письмо становится одной из улик ее мнимой измены. В аналогичном положении оказывается у Сумарокова Оснельда.

Однако несмотря на сходство отдельных элементов в композиционных структурах отмеченных пьес осознание Сумароковым природы и сущности трагических ситуаций и драматических конфликтов было отягощено воздействием факторов, которые только влиянием Вольтера не объясняются.

При всем стремлении Сумарокова походить на Вольтера и даже при известной идентичности их позиций в понимании общественной роли театра мы должны признать, что на первом месте для Сумарокова стояли иные проблемы. Не говоря уже о том, что русскому драматургу были органически чужды антирелигиозные идеи Вольтера, проповедь ненависти к тирании осмыслялась Сумароковым в иной плоскости, нежели это было у Вольтера. Это не могло не сказаться на трагедиях Сумарокова, лишенных той напряженной динамичности драматического действия, которой были отмечены лучшие трагедии Вольтера. Пафосу тираноборчества и воинствующего обличения изуверства церковников, каким насыщены лучшие пьесы Вольтера, противостоит в ранних трагедиях Сумарокова пафос политического морализирования, назидательность поучений. Историческая обстановка в России XVIII в., о которой говорилось выше, определяла такое положение. Сказывался и груз традиций национальной культуры, в том числе и в области театра.

Рассматривая ранние сумароковские трагедии с точки зрения того, как автор создает драматические ситуации, что в его трагедиях служит подлинным источником развития действия и трагической развязки, мы сплошь и рядом видим положения, сближающие первые опыты Сумарокова с пьесами из репертуара русских театров предшествовавшей эпохи, а также с широкой литературной традицией переводной беллетристики. Главный конфликт «Хорева» кроется в пагубном несоответствии поступков Князя его монаршему долгу. Наветы клеветника Сталверха — вот, в сущности, источник злоключений ни в чем не повинных Хорева и Оснельды

и их гибели. И подобное осмысление обстоятельств, приводящих к трагическим ситуациям, находит свое объяснение в контексте литературных представлений того времени. Мотив доноса, клеветы как источник драматического действия или причина трагической развязки фигурирует в целом ряде пьес петровской и послепетровской эпохи. Истоки традиции прослеживаются еще в драме об Иосифе, пьесе на библейский сюжет, ставившейся при дворе Алексея Михайловича. Известно о постановках этой пьесы при дворе Анны Иоанновны в период пребывания Сумарокова в Кадетском корпусе.²³

И хотя источники проникновения подобного мотива в драматическую литературу были разнообразны, общим сходством типологической ситуации как приема сюжетной завязки отмечено немало пьес того времени. Так, жертвой клеветнического доноса слуги становится добродетельная Геновева в «Комедии о графине Триерской Геневе» из репертуара театра Кунста—Фюрста. Оклеветанная свекровью, изгоняется в пустыню царица Дияна из «Акта о преславной палестинских стран царице. . .», пьесы 1730-х годов.²⁴ В «Комедии об Индрике и Меленде» испытания, выпавшие на долю влюбленных, в значительной мере есть результат коварных интриг сенатора. Жертвой зависти и злобы придворных оказывается в одноименной комедии граф Фарсон. Наконец, как прием создания сюжетных перипетий данный мотив встречается и в авантюрных повестях начала XVIII в. Вспомним адмирала — соперника главного героя в «Истории о российском матрозе Василии Кориотском. . .».

В первых трагедиях Сумарокова эта традиция как бы находит свое продолжение и завершение. И завязка и развязка трагедийного действия в «Хореве», насыщенность пьесы доаматизмом оказываются обусловленными, в сущности, доносами Сталверха, вельможи Кия. Особенно любопытна отдаленная сюжетная близость этой первой трагедии Сумарокова к пьесе 1720-х годов с характерным названием «Комедия о Сарпиде, дуксе Ассирийском, о любви и верности». В центре пьесы монарх, доверчиво следующий клеветническим доносам царедворца Зимфона. Желание возвыситься, любовь к дочери Сарпиды Леоноре заставляет Зимфона оклеветать возлюбленного Леоноры, Ореста. На какое-то время его доносы достигают цели: Орест оказывается в темнице. Но в финале

---

²³ См.: Н. Дризен. Любительский театр при Анне Иоанновне (1730—1740 гг.), стр. 88—97.

²⁴ В посвященной этой пьесе статье С. А. Щегловой «Неизвестная драма Петровской эпохи о царице и львице» (Труды Комиссии по древнерусской литературе, т. I. Л., 1932, стр. 153—229) время написания пьесы относится к началу 1710-х годов. В дипломном сочинении Л. Итигиной (1970), возможность ознакомиться с которым нам любезно предоставил автор, выдвинута, на наш взгляд, убедительная гипотеза, по которой временем написания этой пьесы следует считать 1730-е годы.

доносчик разоблачен и наказан; монарх возвращает невинно оклеветанным свое расположение. В. Н. Перетц, посвятивший этой пьесе отдельную статью, высказывает соображения, позволяющие усматривать прямую типологическую связь между пьесами по добного рода и драматургии раннего Сумарокова с их тенденцией к моральной направленности. «Кто этот дукс, являющийся „в подобии царя“ и привыкший „раздроблять тела противных“? К сожалению, мы очень мало знаем интимную сторону жизни двора и царских приближенных петровской эпохи; но грозный образ дукса, поддающегося наветам и отходчивого... — как будто дает право предположить, не имеем ли мы здесь, поблизости к театру, не то царицы Натальи, не то д-ра Бидлоо отголоски событий, волновавших придворные сферы начала XVIII в. и индифферентно изложенных анонимным драматургом? Более ярко подчеркнуть связь драмы с жизнью своего времени он не мог по понятной причине».²⁵

Известно, что «Хорев» заканчивался гибелью героев. Подобная развязка в глазах молодого драматурга более всего соответствовала жанру трагедии. Но в русских условиях такой финал пьесы не представлялся закономерным. Тот же Третьяковский позднее упрекал Сумарокова в неуважении к зрителям, когда тот добродетельных героев выставлял беззащитными жертвами злодеев и порок оставался ненаказанным. Вопрос об истинных жертвах и победителях в трагедиях, например, Расина не так прост, но легко заметить, что именно традициям французского классицизма пытался следовать молодой Сумароков в жанре высокой трагедии. И традиции эти представлялись чуждыми его критикам. По-видимому, определенное воздействие подобная критика на него все же оказала. Вторая трагедия Сумарокова «Гамлет» имеет счастливую развязку, порок наказан и влюбленные соединяются. Показательно, что в этой трагедии отдельные звенья сюжетной канвы отдаленно напоминают сюжет другой пьесы анонимного драматурга, которая, по-видимому, могла ставиться на сценах городских театров и в 1740-е годы. Мы имеем в виду «Комедию об Индрике и Меленде». Сюжет этой пьесы, представлявшей собой инсценировку какого-то повествовательного источника, по своему традиционен. Король Саксонский, отец Индрика, в отсутствие своего уехавшего учиться за границу сына после смерти жены хочет заставить возлюбленную Индрика, Меленду, стать своей женой. Действиями короля руководит коварный советник сенатор. Героиня остается непреклонной и в своей верности чувству проходит через все испытания, вплоть до ухода в монастырь. В конце концов любящие соединяются, злодей сенатор казнен Индриком, а прощенный им отец умирает в монастыре. Ситу-

---

²⁵ В. Н. Перетц. Акт о Сарпиде, дуксе Ассирийском. (Из истории театра эпохи Петра I). — Изв. ОРЯС, 1921, т. XXVI, стр. 108.

ация в основных своих чертах чрезвычайно напоминает сюжетную схему «Гамлета» Сумарокова в тех элементах драматической коллизии, которые отсутствовали у Шекспира и были домыслены русским драматургом. Вспомним, что у Сумарокова Клавдий, ставший королем, также стремится взять в жены невесту Гамлета Офелию, и царедворец Полоний (здесь вслед за Шекспиром отец Офелии) всячески способствует этому. Чувство, которое испытывают друг к другу Гамлет и Офелия, в сущности, не оказывает никакого влияния на разворачивающиеся события. Пружиной развития действия служат злодейские замыслы Полония. Как и сенатора в «Комедии об Индрике и Меленде», его вместе с Клавдием настигает заслуженная кара.

Обе ранние трагедии Сумарокова несут груз предшествующей драматургической традиции в силу отчетливо воплощаемой в них установки на поучение зрителя, на приведение мыслей и чувств зрителя к познанию четко осознаваемой автором моральной истины. Сумароков не выводит на сцену аллегорические персонажи — Злочестие и Благочестие или Фортуну и Зависть, как это делали его анонимные предшественники в духе традиций школьной драматургии. Он опирался на иные авторитеты. Но в понимании источников драматических положений он, в сущности, оказывается ближе к отечественным, безымянным пьесам, нежели к высокой трагедии французского классицизма. Не случайна относительно слабая сценичность его трагедий, тяготение их к своеобразному типу учительных пьес, драматическую основу которых составляло открытое прокламирование идей автора со сцены. Эта особенность, кстати, будет составлять отличительную черту жанра русской трагедии на протяжении всего XVIII в.

Связи Сумарокова с предшествовавшей ему драматургией, конечно, не следует абсолютизировать, но отрицать их наличие, по-видимому, было бы также несправедливо, хотя многое здесь еще предстоит прояснить и уточнить. Задача данной статьи не столько ответить на все вопросы, сколько привлечь внимание к самой проблеме. Разумеется, избранный здесь аспект рассмотрения истоков сумароковской драматургии не отрицает возможности иных подходов к проблеме восприятия Сумароковым традиций своих предшественников. Но это уже, по-видимому, тема новых самостоятельных исследований.

О. А. ДЕРЖАВИНА

**ПЬЕСА 20-х ГОДОВ XVIII в. «СЛАВА ПЕЧАЛЬНАЯ»
И ЛИТЕРАТУРА ЭТОГО ПЕРИОДА**

22 октября 1721 г. в приветственной речи, обращенной к Петру I, канцлер граф Гаврила Иванович Головкин так выразил основное значение реформ, проведенных царем: «Вашими неусыпными трудами и руководством мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены».¹

Из этих слов можно видеть, что уже современники не могли не признать, что царь-реформатор «дал первый стремление столь обширной громаде, которая, яко первенственное вещество, была без действия». И это было справедливо.

Лучше других умела откликаться на современные события школьная драма: пьесы, ставившиеся в Славяно-греко-латинской академии и в Госпитальной школе д-ра Бидлоо. Это объясняется тем, что и сам Бидлоо, человек по тому времени широко образованный, интересующийся искусством и театром, и его ученики умели сделать постановки своего театра злободневными, отвечающими требованиям текущего момента, а этого именно и ждал Петр от театра.

Известно, что в 1723 г. при возвращении Петра из персидского похода Бидлоо устроил в его честь представление комедии, по предположению П. Н. Беркова, — «Диалога о Гофреде, победившем сарацины». В госпитальном же театре шла драма на исторический сюжет «История Александра Македонского и Дария», причем под Александром подразумевался Петр I.²

¹ Цит. по кн.: П. Н. Берков. К истории русского театра 1720-х годов. — ГОДРА, т. X, М.—Л., 1954.

² См.: Ф.-В. Берхгольц. Дневник камер-юнкера. М., 1858, ч. III, 4 января 1723 г., стр. 9.

Как видно из заглавий указанных драм, школьный театр при московском Госпитале в отличие от театра Славяно-греко-латинской академии с самого начала поставил перед собой задачу играть светские пьесы, откликающиеся на современные события, и первоначально организаторы театра предполагали осуществить эту цель с помощью постановок пьес на исторические сюжеты.

Но, по-видимому, в пьесах на исторические темы трудно было показать достижения эпохи и достаточно прославить царя Петра. Это заставило авторов пьес в своих драматических опытах перейти к широко популярным в школьной драме условным символическим образам, с которыми можно было обращаться свободнее, чем с историческими лицами. Это и олицетворения отвлеченных понятий, и олицетворения стран, и персонажи, взятые из античной мифологии. Так построены пьесы «Слава российская», разыгранная в московском Госпитале 18 мая 1724 г. по случаю коронации императрицы Екатерины I в присутствии царя и царицы, и «Слава печальная», написанная после смерти Петра и посвященная его памяти. В пьесах такого рода легче и ярче можно было показать путь, пройденный страной за короткий период с конца XVII до 20-х годов XVIII в. и роль на этом пути царя-преобразователя.

«Слава российская»³ — типичная школьная драма, написанная на «случай». В ней нет ни одного живого действующего лица, как нет и живого действия. Это не пьеса в собственном смысле слова, а скорее декламация. В ней «действуют», как сказано в эпилоге, только «измышленные персоны», т. е. всевозможные олицетворения, а именно: Добродетель российская, изображающая Екатерину I, Россия, Турция, Персия, Швеция (Свеция), Польша (Полония), Мудрость, Премудрость, Истина, Рассуждение, Благочестие, Слава, Виктория; отрицательную роль играют Зависть, Гордость, Гнев. Рядом с ними действуют Фурии, Купидо, Нептун, Марс и Флора, причем характерно, что имена античных богов и богинь для автора только условные обозначения (Марс — война, Нептун — море, Паллада — наука). В своих речах они неоднократно славят христианского бога и молятся ему. Крепость Дербент изображается в виде пирамиды с надписью «Достойному вдаюся».

Пьеса состоит из антипролога, написанного стихами, пролога и эпилога (оба — в прозе) и двух актов, написанных силлабическими стихами с парной женской рифмой. Большая часть стихов — тринадцатисложные, с цезурой после 7-го стиха, но местами автор использует шестисложный стих, а иногда и строфы особого состава (см. сцены 2-ю и 3-ю II акта). Местами в речи действующих лиц вставлены латинские стихи, частично, как указал

³ Пьеса издана М. И. Соколовым: ЧОИДР, 1892, кн. 2.

М. И. Соколов, заимствованные из «Энеиды» Вергилия. Имена действующих лиц даются в большинстве по-русски и по-латыни. На латинском языке написаны некоторые ремарки, которых в пьесе очень немного. Перед каждой сценой вкратце излагается ее содержание. В пьесу введены канты, т. е. пение, без указания, кто поет. Из ремарки 6-й сцены I акта, где сказано: «Истина, Мужество, Марс, Мужество России пение приносят» — можно заключить, что пелись и отдельные речи действующих лиц.

В двух первых сценах I акта Плачущую Россию утешают Истина и Предупреждение, а Марс, Нептун и Паллада обещают ей свою помощь. В 3-й сцене Турция, Швеция, Персия и Польша хвалятся своим богатством и могуществом. Появившаяся Слава повествует о победах России и приглашает государства «России под нозе себе преклонити». При появлении России, сопутствующей Марсом и Палладой, государства скрываются; в сцене 4-й они признают ее превосходство, Швеция боится с ней ссориться, а Польша явно ищет ее покровительства. Только Турция остается страной, по-прежнему враждебно относящейся к Русскому государству. Сцена 5-я символически изображает взятие Дербента. Несмотря на притязания других государств, именно России, как наиболее достойной, Персия считает возможным передать ключи от Дербента. Последняя 6-я сцена — апофеоз новой России.

В прологе успехи России связываются с деятельностью Петра I: «...сея радости не ин кто есть виновен, — говорится там, — точно вседержавнейший наш Император, отец Отечества всероссийского, Петр Первый именем, Петр Великий делом и мужеством. Блаженна убо еси, Россие, яко такового защитителя себе иметь сподобилася еси, ибо не его ли Мужеством и Премудростию вся добре к тебе устроишася? не его ли Мужеством благополучныя тишины, о, Россие, дошла еси? Благополучна еси, российская Корона, яко такового Государя содержиши, ибо не его ли Мужеством несколько победительных Корон под область тебе присовокупишася? Блаженны есте и треблаженны, российский сынове, яко такового Милостиваго Отца отечествия вашего возыместе. Не его ли промыслом под Полтавою и в других местах благополучная одержана виктория? не его ли храбростию ключь Дербенского града Персия российстей вручила державе? Вкратце рещи: Его величества премудрым разумом и неусыпным тщанием из неславы слава российская ныне сотворися, от которой везде имя его страшно и славно проносится».

Во II акте аллегорически изображается коронавание Екатерины I. Этот акт вдвое короче I: в нем только три сцены. Коронавание происходит во 2-й сцене. Досадно, что центральный момент, когда Россия венчает короною российскую Добродетель, отсутствует: здесь как раз в рукописи недостает листа.

3-я сцена представляет собой апофеоз российской Добродетели, которая в заключение благодарит всех участников торжества и

предлагает им «честно» разойтись «в своя квартиры». В кратком эпилоге актеры просят благоразумных зрителей простить их за невольные погрешности.

«Слава печальная» очень близка по своему характеру и построению к разобранной выше пьесе. Она дошла до нас в двух списках. Первый находится в сборнике, принадлежащем Институту русской литературы в Ленинграде.⁴

Второй список пьесы хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве, в сборнике середины XVIII в., приобретенном библиотекой в 1963 г. у О. К. Русановой.⁵

Текст пьесы этого списка близок к тексту списка ИРЛИ, хотя заглавие пьесы в том и другом списке читается по-разному: в списке ИРЛИ — «Слава печальная, российский народу смерти Петра Великого ... плачевную весть внесшая»; в списке ГБЛ — «Слова печальные о смерти Петра Великого ... песнь внесшая».

Таким образом, в списке ИРЛИ весть о смерти Петра народу приносит Слава, являющаяся персонажем пьесы; в списке ГБЛ пьеса о смерти Петра — это песнь, заключающая в себе «слова печальные» о смерти Петра. В пьесе действительно отдельные места пелись. В списке ИРЛИ в заглавии назван один из персонажей пьесы, в списке ГБЛ название указывает на характер пьесы.

Сопоставляя тексты, приходим к выводу, что более ранним является список ИРЛИ, он более исправен; в списке ГБЛ пропущен ряд строк и некоторые пояснения, имеющиеся в списке ИРЛИ. Так, в списке ИРЛИ и в прологе и в эпилоге указывается, что на следующий день будет поставлена другая пьеса — уже радостная — о вступлении на престол «всероссийской матери, ея императорского величества всепресветлейшия государыни императрицы Екатерины Алексеевны». Зрителям обещается, что утром они возрадуются, «зря российску добродетель мать свою воцаренну». В списке ГБЛ и в прологе и в эпилоге соответствующие места выпущены. Это также свидетельствует о более позднем происхождении списка ГБЛ, сделанного, по-видимому, после воцарения Екатерины I, когда это событие уже потеряло свое значение.

---

⁴ ИРЛИ, Р. П., оп. 1, № 380, л. 1—21. Рукопись в 4°, 208×61 мм на 47 листах, XVIII в. (филигрань: герб с буквами РЛ, МР, Ф). Чистые листы 1—1 об., 21 об. и 33—47 об., лист 48 наклеен на обложку. На л. 22—32 об. — пьеса «Диалог о Гофреде». Указанный список «Славы печальной» опубликован С. А. Щегловой в статье «Неизвестная драма о смерти Петра I» (ГОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 385—404).

⁵ ГБЛ, ф. 218, № 17, л. 117—153 об. Сборник представляет собой рукопись в 4° на 205 листах (I—II+203 лл.; 203 пустой); переплет сборника картоновый, бумага с филигранями: литеры ВФ и СТ в волнистых прямоугольниках. Бумага с этими филигранями выпускалась с 1765 по 1766 г. на Вологодской фабрике Турунтаевского.

С. А. Щеглова, опубликовавшая пьесу «Слава печальная», в статье, предпосланной тексту, характеризует ее как типичную школьную драму начала XVIII в. Совершенно справедливо она сопоставляет ее с пьесой «Слава российская», о которой речь шла выше. Как и «Слава российская», «Слава печальная» состоит из стихотворного антипролога, прозаических пролога и эпилога и текста самой пьесы. В «Славе печальной» это один акт, состоящий из 7 явлений. Вместо II акта, который мы находим в пьесе «Слава российская», зрителям обещана другая пьеса — о воцарении Екатерины I, которую они увидят на следующий день. «Это разделение одной по существу пьесы на два представления, — пишет Щеглова, — объяснялось, вероятно, тем, что непосредственный переход от темы скорби к теме радости мог разбить впечатление».⁶

Акт I делится на две части, как и I акт «Славы российской». Там вначале печальная Россия оплакивает свое бедственное состояние, а затем положение резко меняется: Россия с помощью Нептуна, Паллады и Марса становится могучей и славной, всеми уважаемой страной; здесь, наоборот, Россия благодарит божество за то, что она всеми возносится и уважается за свои победы на суше и на море и за процветание в ней наук, и ее прославляют Нептун, Паллада, Марс, подчеркивая, что все это достигнуто волею и мужеством Петра.

Нептун говорит об основании Петербурга и Кронштадта, о молодом русском флоте, о победах на Каспийском море; Паллада (Минерва) радуется, что в России теперь процветают архитектура, оптика, механика, медицина, изучается и звучит музыка; Марс сообщает о новом строении войска, которое победами завоевало России всемирную славу.

Переход ко 2-й части пьесы — известию о смерти Петра и плачу о нем — построен в форме загадки-аллегии, которую предлагает присутствующим появившееся на сцене Предуведомление:

Что се есть?

Выцвел цвет в поли, быть еще нет воли, бежит к нему коса, сама весма боса;	Тотчас его скосило, Сердце всем уныло. Цвет бо когда упал, Страх всем напал.
---	---

Разгадать загадку просят Гениуша. Он разъясняет значение аллегии, но Россия и другие персонажи ему не верят: «Мальчик малы, не диво — гадать не умеешь!» — говорит Россия. Но тут же появляются Слава печальная, «крыле отпадши», и Меркурий и сообщают о смерти Петра.

---

⁶ С. А. Щеглова. Неизвестная драма о смерти Петра I, стр. 381.

К плачущим присоединяются Персия, Польша и Швеция. Появляются Вечность и олицетворения добродетелей Петра: Благодетель, Мужество и Премудрость. Вечность грустит о смерти Петра и одновременно радуется, принимая в свои объятия умершего императора.

В то время как в «Славе российской» действуют только «измышленные персоны», в «Славе печальной» в конце появляются и живые люди: старики, потерявшие в Петре своего заступника, и молодежь, которая плачет о своем учителе — царе-просветителе. Скорбят о Петре также «кавалеры» — воины, оплакивающие своего полководца.

Смерть императора в речах персонажей изображается с помощью ряда образов: «угасла свеча», «померкло солнце», «ветвь благородну, красну зрю увядшу», «отягчен тяжким камнем все-российский камень» (игра слов: Петр — камень), Петра называют также «твердым адамантом», «российским атлантом», который «в трудах всегда бываше, себе не жалея».

Пьеса заканчивается сценой похорон Петра: воины-«кавалеры» поднимают гроб и несут его под пение стихов, в которых Вечность, обращаясь к России, просит ее «престать рыдати», а музам приказывает «петь слезно».

«Сходство замысла и внешнего оформления, — пишет С. А. Щеглова, — наводит на мысль, что обе упомянутые пьесы, близкие по времени, написаны одним автором».⁷ Этим автором, по-видимому, был «ученик хирургической науки» Федор Журовский.

М. И. Соколов, издавший пьесу «Слава российская», устанавливает авторство Журовского на основании записи, сделанной полатыни на последнем листе рукописи пьесы тем же почерком, которым писана и вся рукопись. Эта запись почти целиком сохранила фамилию Журовского, а из второй ее строки можно сделать заключение, что Журовский был не только автором, но и постановщиком пьесы.

Из истории Славяно-греко-латинской академии известно, что должность ректора и настоятеля Заиконоспасского монастыря временно исполнял иеромонах Феофилакт. М. И. Соколов предполагает, что под именем иеромонаха Феофилакта скрывается не кто иной, как Федор Журовский, как известно, избравший монашество вместо военно-медицинской службы в Астрахани. Если он в 1732 г. в сане иеромонаха назначен был ректором Славяно-греко-латинской академии и управлял монастырем, следует думать, что в 20-е годы, учась в госпитальной школе д-ра Бидлоу, он был уже зрелым, достаточно образованным человеком и мог заняться сочинением и постановкой комедий «на случай». Последние сведения о нем относятся к 1741 г.

⁷ Там же, стр. 382.

Об образованности и талантах Федора Журовского можно судить и по содержанию принадлежащих ему пьес. Они обнаруживают хорошее знание латинского языка, античной мифологии, политической обстановки своего времени, а также умение хорошо владеть силлабическим стихом.

Любопытно сопоставить пьесы Журовского с литературой того времени. Идеи, проводимые в пьесах, и оценка деятельности Петра, которую дает в них автор, перекликаются с публицистикой 20-х годов XVIII в. и с произведениями первых русских писателей — Ф. Прокоповича, В. К. Тредиаковского, а позднее М. В. Ломоносова.

Если мы вспомним Слово, сказанное Феофаном Прокоповичем на погребении Петра Великого, мы увидим, что оно развивает те же самые мысли, которые высказаны в пьесах Журовского.⁸

Очень близка пьеса «Слава печальная» к элегии В. К. Тредиаковского «О смерти Петра Великого», написанной, как указывают комментаторы, вслед за этим событием.⁹

Мы видим здесь, как и в пьесе, плачущую Россию, огорченную Славой, которая «вопиет в печали безмерна», перечисляя достоинства Петра, Вселенную, стонущую в слезах:

Почто весьма сиру мя оставил, любимый?
Кто мя, вселенну, тако нной царь прославит,
Кто толики походы во весь свет оставит?
Всюду тебе не могла сама надивиться!
Но уже Петр во мне днесь, Петр живым не зрится?

(стр. 69)

В элегии, как и в пьесе, появляются Паллада, Марс и Нептун. Каждый из них произносит надгробное слово, славящее заслуги умершего. Паллада призывает все науки оплакать с ней вместе покинувшего их императора — покровителя мудрости, создателя нового просвещенного государства. Марс в отчаянии, что умер такой славный воин. Горе Нептуна, как и в пьесе Журовского, заставляет бושевать океан:

Се под Нептуном моря страшно закипели,
Се купно с ветры волны громко заревели!
Стонет Океан, что уж драгого не стало
Любителя. Балтийско, что близко то стало
Несчастье при берегах. Каспийско же ныне
Больше всех, что однажды плавал по нем сильне.

(стр. 72)

---

⁸ См.: Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 473.

⁹ См.: В. Тредиаковский, М. Ломоносов, А. Сумароков. Стихотворения. Л., 1935 (Библиотека поэта. Малая серия), примеч., стр. 243. (Далее ссылки на это издание даются в тексте).

Моря Балтийское и Каспийское упоминаются и у Жуковского.

Элегия Тредиаковского по своему построению напоминает большую пьесу, где выступают те же действующие лица, что и в школьной драме Жуковского. Характерно, что автор не только передает их речи, но и описывает их поведение, сопутствующие словам движения. Так, Марс падает, встает, возводит к небу взоры, потом, «в большую пришед ярость», как и в пьесе Жуковского, кидает на землю шлем и саблю: «Дела, — рече, — храбра я один не исправлю!». Россия в горе «то мечется, потом недвижима». Паллада «падает, обмирает, власы себе комит, все на себе терзает, руки себе ломит». Все это очень похоже на ремарки в пьесе. Ученик Славяно-греко-латинской академии, Тредиаковский был хорошо знаком с приемами школьной драмы; работая над элегией, он зрительно представлял себе образы, которые ввел в свое стихотворение, и сделал их такими же действующими «измышленными персонажами», как и автор пьес «Слава российская» и «Слава печальная».

Если элегия, как считают комментаторы, написана в год смерти Петра, то вполне понятна ее переключка с ораторской прозой и драматургией того времени. С последней ее роднит и силлабический стих с парной рифмой, близкий к стиху пьес Жуковского.

Позднее к подобным образам обратится и Ломоносов, учившийся к Заиконоспасской школе как раз во время ректорства Жуковского. Говоря о Петре, своем любимом герое, он подчеркивает, что царь-преобразователь «Россию, варварством попранну, с собой возвысил до небес». В его одах, в том числе и в лучшей из них — оде 1747 г., мы находим знакомые нам по литературе 20-х годов образы Марса и Нептуна:

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.

Паллада-премудрость заставляет «божественны науки» служить Петру (стр. 134—135). Подобно Жуковскому, у которого музы «поют слезно», прощаясь с Петром, у Ломоносова «музы с воплем провожают» дух умершего царя «в небесну дверь».

В надписях к статуям Петра Ломоносов называет его «отцом отечества», который «ради подданных лишил себя покоя» (стр. 145) и славит «дела Петровы»:

Гремящие по всем концам земным победы,
И россов чрез весь свет торжествовавших следы,
Собрание наук, исправленны суды,
Прременное в реках течение воды,
Покрытый флотом понт, среди волн грады новы. . .

Поэт упоминает здесь те же страны, которые «действуют» в пьесах Журовского: Персию, Турцию, Швецию, Польшу (стр. 146).

Все сказанное убеждает нас, что пьесы Ф. Журовского, и в особенности «Слава печальная», прочно входят в общий поток литературы 20-х годов XVIII в. и если не открывают, как считает Щеглова, новую тему — о делах Петровых и самом царе-преобразователе, то во всяком случае убедительно разрабатывают ее и вводят в оборот ряд образов, которые будут служить писателям не одно десятилетие.

А. С. ЕЛЕОНСКАЯ

**ПОСМЕРТНЫЙ ПАНЕГИРИК ПЕТРУ I
В СТЕНАХ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ**

Петр I потребовал от театра создания пьесы с актуальной политической тематикой, без «любви, которую всем навязывают». Эта задача была в известной мере решена школьной драматургией: ясно выраженным политическим характером отличаются как ранние пьесы о Северной войне, так и произведения более позднего времени, ставившиеся на школьной сцене. В числе последних заметное место принадлежит пьесе Исаакия Хмарного «Образ победоносия».

Пьеса «Образ победоносия» была поставлена на сцене Славяно-греко-латинской академии 1 января 1728 г. в связи с коронацией Петра II.¹ Сведения о ее авторе крайне незначительны: киевский иеромонах Исаакий Хмарный приехал в Москву по вызову Синода в 1725 г. и стал преподавать в Славяно-греко-латинской академии пиитику и риторику. Кроме пьесы им был составлен компилятивный курс поэтического искусства на латинском языке, ряд глав которого посвящен античному театру и теории драмы.² В 1729 г. Исаакий Хмарный был отпущен назад в Киев, откуда он в свое время выезжал крайне неохотно.

¹ Пьеса известна в двух списках, дошедших в составе сборников: один находится в ГПБ АН УССР, собрание Киево-Софийского собора, № 686 (482), другой — в ГПБ, собрание Михайловского, № 503. Более ранним из них следует признать второй список, представлявший собой черновой экземпляр, который потом был не просто начисто переписан, но и в известной степени переделан: так, в списке Михайловского имеются канты, которых нет в тексте Киево-Софийского сборника, значительно подробнее ремарки, приведено полное заглавие пьесы, отсутствующее в Софийском списке. Беловой список был напечатан В. Н. Перетцем под заглавием «Драма о Езекин, царе израильском» в кн.: Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903.

² Находится в составе тех же сборников, что и пьеса «Образ победоносия».

Являясь формально панегириком юному монарху, произведение в значительной степени воскрешало события прошлого и прославляло Петра I. Но, естественно, явления послепетровской действительности наложили свой отпечаток на содержание пьесы и осложнили образ главного героя, которому автор приписывает порой черты, не только свойственные Петру в жизни, но и в корне ему чуждые.

По своему жанру «Образ победоносия» относится к панегирическим действиям, хорошо знакомым русскому зрителю по пьесам Славяно-греко-латинской академии о русско-шведской войне («Царство мира» и другие), а также спектаклям Московского гофшпиталя «Слава российская» (1724) и «Слава печальная» (1725). Правда, сравнительно с двумя последними пьеса Исаакия Хмарного отличается большей архаичностью: если «Слава российская» и «Слава печальная» не связаны в сюжете со Священным писанием, то в «Образе победоносия», как и в первых школьных пьесах, наряду с аллегорическими и античными персонажами действуют библейские герои. Вместе с тем пьесы Журовского и произведение Хмарного близки друг другу своим декламационным характером и статичностью.

Пьеса состоит из антипролога, пролога, двух действий и эпилога. По существу это совершенно самостоятельные части, очень разные по своей жанровой природе и не связанные содержанием, однако подчиненные общей идее и объединенные главным героем. С этим героем читатель впервые встречается в прологе, представляющем по своей форме прозаическую торжественную проповедь. Выражая здесь скорбь об уходе из жизни Петра и Екатерины, Исаакий Хмарный рисует образ царя-преобразователя, строителя могущественного государства. Он говорит об униженном положении России в прошлом и ее теперешней величии, достигнутом благодаря деяниям Петра I: «О, Россия и твоя чады! ... сама помысли, кто бысть и кто ныне, како вознесенна, прославленна и всюду аки на театре разглашенна». Автор при этом в значительной степени идет за Феофаном Прокоповичем, тоже прославлявшим новую Россию, которую Петр поднял на недостижимую высоту. Так, в «Слове похвальном в день рождества благороднейшаго государя царевича и великого князя Петра Петровича» Феофан Прокопович писал: «Что бо была Россия прежде так не долгого времени? И что есть ныне? Посмотрим ли на здания! На место грубых хижин наступили палаты светлые, на место худого хвастия, дивныя вертограды. Посмотрим ли на градския крепости! Имеем таковыя вещию, каковых и фигур на хартиях прежде не видели».³

---

³ Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 44.

В сходных выражениях эта мысль звучит в проповеди «О флоте российском»: «Как многими Россию твою одолжил еси (Петр, — А. Е.) благодеянии! Тебе должна есть исправление, красоту и толикую силу свою; тебе должна всю толь дивную и славную измену свою».⁴ Исаакий Хмарный, как видим, усвоил мысль своего предшественника и даже его стилистическую манеру, хотя и не сумел в полной мере взять на вооружение художественные достижения талантливого публициста: рассуждения Исаакия Хмарного отличаются общим характером, в то время как панегирическая проповедь Феофана полна живых деталей (см., например, сравнение России с деревом, которое сначала было совсем незаметно, а потом превратилось в великана).

Зависимость Хмарного от Феофана Прокоповича и в то же время неумение по-настоящему использовать реминисценции из его проповедей проявляются и при упоминании о смерти Петра I. Эта часть пролога напоминает по своему построению «Слово на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича: сначала хвала Петру и скорбь о его утрате, а затем удовлетворение по поводу того, что бог, взяв Петра, оставил Екатерину. Характеризуя монархиню, Исаакий Хмарный подчеркивает, что она — достойная преемница Петра: бог «остави жену в женской ипостаси, но в делах мужественных, поистинне, многих превосходящих мужей... истенное зеркало дел Петровых», достоинства которой «не точию едина Россия, но и весь честны на земному циркуле сей мир засвидетельствовати, кроме всякаго похлебства может». Феофан Прокопович, обращаясь к Екатерине, также заявлял: «Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. Владетельское благоразумие и матернее благоутробие, и природою тебе от бога данное, кому не известно!».⁵ Но он вместе с тем, не ограничиваясь обобщенной похвалой, говорит о Екатерине как о «сообщнице ложа» великого человека и как о верном товарище в «трудах и различных бедствиях». Перед читателем таким образом оживает человек, хоть он и обрисован средствами панегирической проповеди.

В конце пролога пьеса звучала мысль о любви сильнее смерти, тоже впервые, применительно к Петру и Екатерине, высказанная Феофаном Прокоповичем в «Слове похвальном в день великомученицы Екатерины». Исаакий Хмарный утверждал, что императрица «не восхоте разлученна быти» от супруга, так как «яко же при нем, тако и по нем любовь нелицемерну к нему отдержаше».

Тема Петра, намеченная в прологе, развивается далее в первом действии на материале ветхозаветного рассказа о благочестивом царе Езекии (4-я Книга Царств, гл. 18—20). Аналогия Езекия —

⁴ Там же, стр. 111.

⁵ Там же, стр. 128.

Петр подчеркнута уже в заглавии пьесы,⁶ где Езекия назван «подвигположником», — этот термин впервые был применен к Петру I еще Иосифом Туробойским в предисловии к описанию триумфальных врат 1704 г. Кроме того, во втором действии прямо сказано, что под Езекией подразумевается сам Петр Великий.

История благочестивого библейского царя, победившего могущественного ассирийского монарха Сенахирима, действительно была удобным материалом для прославления покойного императора. Борьба Езекии против «нашествия супостатов» напоминала о победоносной войне против шведов. Основания для подобной аналогии возникают по мере того, как автор настойчиво и многократно внушает зрителям, сравнивая Езекию и Сенахирима, что «бог горделивым противен бывает, смиренным же благодать свою посылает». Противопоставление гордой Швеции скромной России широко вошло в литературный обиход еще с Полтавской битвы. Только материалом, с помощью которого оно обычно делалось, была легенда о Давиде и Голиафе (см., например, программу к пьесе «Божие уничижителей гордых ... уничижение»). Исаакий Хмарный для воплощения идеи, вошедшей в плоть и кровь каждого русского человека, воспользовался иносказательным материалом о царе Езекии.

Образ нечестивого царя Сенахирима в пьесе Хмарного вполне мог ассоциироваться с Карлом XII: это «царь превеликий», «лютый», «непобедимый», «во всех окрестных странах честью славимый». В «Славе российской», близкой по времени создания к «Образу победоносия», «Швеция» говорит о себе почти в тех же словах:

Стати не может никто со мною в раздоре
ниже в сухопутии, но ниже на море,
Всяк мене кавалера признавает славна,
никого не боюсь, врага хотя главна.
В военных артикулах обучен жестоко,
водружу врагом раны в тело преглубоко.
Нанесох злая всяка России безмерно...⁷

Езекия, как и Давид, отличается смирением и тем не менее побеждает. Притом победа, им одержанная, столь значительна, что в ознаменование ее пророк Исайя прилагает к житию Езекии 15 лет, — в данном контексте эта деталь (она имеется и в Библии) воспринимается как намек на Полтавскую битву: примерно столько же ($15\frac{1}{2}$ лет) прожил и Петр I после сражения 1709 г.

Езекия в пьесе Исаакия Хмарного, однако, не просто победитель, но устроитель мира, «тишины», противопоставляемой войне:

Лучше в примирении советую жити,
в миротворении свое здравие хранити,

⁶ «Образ победоносия торжественного подвигположника, огражденного несуменною в бога верою, надеждою и любовию, иерусалимского царя Езекия».

⁷ ЧОИДР, 1892, кн. 2, стр. 11.

Ибо война повсегда вражду сотворяет,
жестокостию своею грады разоряет...
... Будет в примирении и в тишине з нами,
и познаем мир благий во отечестве самн, —

говорят его сенаторы, выражающие мнение самого царя. Миротворцем изображался Петр I и в кантах, посвященных Ништадтскому миру 1721 г. В песне «Кто идет с войском, лаврами венчаный...» Петр оружие «слагает и отдыхает»; «враждующие ссориться забыли, вражду отвергну себе возлюбили», а «Россия в том виде вся просветится...», солнце лучшие дни ей воссияло, все лучше стало».⁸

Верный, в основном, сложившимся традициям в изображении личности Петра I, Исаакий Хмарный тем не менее привнес в образ царя Езекии такие черты, которые могли возникнуть в сознании писателя только под влиянием послепетровского времени. Езекия в отличие от Петра — активный поборник церкви и православия:

Просвещу Иерусалим верою преславно,
Да прославится имя, имя бога явно.
Освещу его храмы, освещу велики.
Прославлю всещедрого со псалмы и лики,
Аще же кто вопреки явится противна,
Наложу тому казни, казни зело дивны.

Подобный взгляд на взаимоотношения царя и церкви мог возникнуть только после смерти императора, когда в среде духовенства оживились надежды на усиление роли церкви, приниженой Петром I.

Событиями нового времени навеян в первом действии и мотив, отсутствующий в библейской истории царя Езекии, о праве избрания монарха на престол. Как известно, вопрос о престолонаследии из-за отсутствия прямого преемника был чрезвычайно острым, и его не решило коронование Екатерины I, — невольно приходилось задумываться о будущем. Дочери от «боковой», «привенчанной» иноземки не были в глазах большинства вполне законными претендентками на русский престол, а воцарение Петра II, сына казненного царевича Алексея, знаменовало возвращение к старым порядкам и грозило опалой представителям новой знати. Интересы обеих семей Петра I и тех, кто за ними стоял, не удалось примирить и с помощью матримониальных планов, возникавших поочередно: Петра II собирались женить то на дочери Меншикова, то на его тетке Елизавете Петровне, старшей его пятью годами. Смерть Екатерины I в 1727 г. открыла двенадцатилетнему Петру II и его сторонникам дорогу к власти.

⁸ А. В. Позднеев. Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII века. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 353—354.

Государственное руководство временно перешло к родовой аристократии, в первую очередь к князьям Долгоруким и Д. М. Голицыну. Эти обстоятельства не могли не отразиться в пьесе: читателям здесь внушается мысль о том, что царь занял престол «по достоинству», однако писатель при этом не скрывает скромного положения претендента в прошлом:

Кто убо аз бех прежде, смирен Езекия?
Ныне мя облекл еси в щедроты благия. . . —

так начинается благодарственная молитва Езекии к богу. Но, оказывается, не только бог «удостоил» его «сести на царском престоле», — Езекия «посажден» на трон своими сенаторами, и Исаакий Хмарный достаточно тонко показывает эту зависимость монарха от своих подчиненных: несмотря на громкозвучные оды, которые ему слагаются, царь своим «военачальникам» не отдает приказы, а «молит» их: «Молю вас за отчество крепчайшими стати», и т. д.

Второе действие является логическим продолжением первого, и в нем снова прославляется Петр Великий, но сделано это иными средствами: если в первом акте еще имеется какое-то подобие сюжетной линии, определяемой, впрочем, больше содержанием библейского рассказа, чем творческой фантазией автора, то второе действие — типичная панегирическая декламация, лишенная всякой фабулы. Исчез из него и царь Езекия, ненужный теперь автору. Начисто забыв о библейском персонаже, писатель выводит на сцену новые говорящие лица: Россию, окруженную Верой, Надеждой, Любовью и Славой, апостолов Петра и Андрея, а в самом конце Геркулеса и Марса.

Во втором действии нарисован обобщенный образ сильного и просвещенного монарха. Он создается с помощью панегирика Петру I и наказа Петру II. Петр Великий именуется «отцом отчества», «модератором» (правителем), «автократором» (самодержцем), «поборителем» других народов. Это царь,

Иже изяществом всех царей превзыде,
Всех добродетели так, как денница, взыде
Толика любомудра Россия не знаше. . .

Он, по словам поэта, —

Верно мерило правды, отчества ревнитель,
Дел славных, героичных, изкусны рачитель
Сего велиим страхом Европа стрясеся,
Африка и Азия Петром ужашеся.

Образ могущественного монарха, вырисовывающийся из панегирика Петру Великому, раскрывается дополнительно также в наказе Петру II. Этот литературный прием, который впоследствии будет широко использовать Ломоносов, следует признать

весьма удачным: двенадцатилетний царь ничем еще не успел себя прославить, и Хмарный, не имея материала для его характеристики, пишет, каким должен стать новый монарх в будущем. Царственный отрок будет достоин своего деда: он

Даст тому ключ разума народ управляти,
Славу же по вселенной твою расширяти.
Той будет премудрейши паче Саламона,
Тебе же, вдовствующей, крепка оборона.
Той победит силою, покорит под ножи,
Воспримет под свою власть страны инны мнози. . .

Прославляя престол и его обладателей, Исаакий Хмарный использует сложившуюся панегирическую терминологию, введенную в силлабическую поэзию еще Симеоном Полоцким:

Понеже ти велия радость принесеса,
егда Петр, император вторы ти дадеса.
Солнце ты днес второе озари прекрасно,
ибо взыде отчеству светило прясно, —

пишет Исаакий Хмарный о Петре Втором. Симеон же Полоцкий следующим образом характеризовал в «Стихах красеогласных» прадеда юного монарха, Алексея Михайловича:

Яко бо солнце весь мир просвещает
сиде во сердцах радость проникает
От лица царска. Тем же припадаем
к стопам ти, яже лобзати желаем.

Автор «Образа победоносия» приветствует нового монарха словами:

Поздравляю возшедша на холм выше трона,
да сияеши наша оборона. . .

В свое время Симеон Полоцкий тоже говорил:

Без тебе тма есть, ак в мире без солнца,
свети ж нам всегда и будь оборонца. . .

Подобные совпадения говорят, разумеется, не о прямых заимствованиях Исаакия Хмарного у Полоцкого: он мог и не читать произведений последнего, но они лишней раз свидетельствуют о формировании одического стиля задолго до Ломоносова.

Важное место среди персонажей второго акта занимает Россия. Этот образ знаком всем жанрам литературы с начала XVIII в.: «Отечество русское» упоминается в числе главных героев программами пьес о Северной войне; России по существу посвящены все проповеди Феофана Прокоповича; «российская Европа» изображается равной другим странам в «Повести о Ва-

силы Кориотском»; в пьесе госпитального драматурга Ф. Жу-
ровского «Слава российская» дан развернутый образ государства,
знаменитого своими победами и прославленного науками; матери-
России посвящает лирические стихи Тредиаковский — в том же
1728 г., когда был написан и «Образ победоносия»:

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны. . .

В произведении Исаакия Хмарного образ России не столько
играет самостоятельную роль, сколько служит средством харак-
теристики царя. В этом смысле пьеса наиболее сопоставима с кан-
татами петровского времени, где Петр I и Россия нерасторжимы:
Петр, читаем мы там, «упремудри Россию толико», что враг и
«нечаях России такову быти».⁹ Верная Петру Россия «вопиет»,
узнав об измене «ядовита и лукава змия» Мазепы, и т. д. В «Об-
разе победоносия» достаточно выразительно передано психологи-
ческое состояние героини, символизирующей здесь не столько
страну, сколько ее людей, в связи со смертью Петра I:

Да пожрет мя земля днес, да пожрет мя вскоре,
да не к тому пребуду в нестерпимом горе. . .
Не могу несносныя печали терпети,
ниже могу на неба очима воззрети
и т. п.

О крайней степени скорби говорят и междометия «ах» и
«увы», сообщающие монологам России характер плача.

Нельзя отказать в эмоциональности и тем сценам, где Россия
приветствует вступление на престол наследника. Это своего рода
гимны, в которых предельно гиперболизировано чувство радости,
состояние восторга:

Торжествуй, круг россиски, ныне светллучны,
наста время, приспе ден, ден радостны, гучны.
Торжествуйте, вси царства, торжествуйте, грады,
торжествуйте, вси дома, приспеша отрады!
Торжествуйте со мною, россиская чада,
вси купно сошедшеся от стара и млада. . .

В монологах России то скорбных, то радостных перед зрите-
лями возникал образ Петра I, прекрасные черты которого — вну-
шал автор — усвоит и новый «подвигоположник», юный наслед-
ник, носящий имя своего великого деда.

Второе действие драмы, таким образом, представляет собой,
на первый взгляд, безусловный панегирик Петру I. Оно им и

---

⁹ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом,
т. 1. СПб., 1862, стр. 369.

является, но только в беловом списке произведения. Что касается черногого текста (рукопись Михайловского), то там имеются строки, в которых, несмотря на прославление Петра I и Екатерины, достаточно явно осуждается время, предшествовавшее воцарению Петра II. Эти ноты недовольства звучат в кантах, не включенных в беловой список. Мы читаем:

Ныне России приде свобода,
Смутнаго время отбеже погода;
Пристанище бысть паки ей любезно,
ей не слезно!

(5-е явление)

Худые бо лета зараз уидоша,
Щасливы времена скоро наидоша:
Ныне, Россия, красно веселися
и усладися.

(6-е явление)

Из белового списка канты исчезли, видимо, из-за этих строк: в произведении, прославлявшем не столько юного монарха, сколько Петра и Екатерину, они звучали достаточно двусмысленно. Но само их появление говорит о наличии в стенах Академии оппозиционных настроений по отношению к петровскому времени. Что касается Исаакия Хмарного, то мы можем лишь гадать о причинах его недовольства. Скорее всего оно — результат национальной принадлежности поэта, который не мог забыть жесткой политики царя на Украине, хотя и воспринимал в целом деятельность Петра положительно. Во всяком случае именно киевляне первые приветствовали Петра II: Ф. Трофимович пьесой «Милость божия», С. Ляскоронский трагедокомедией, а ученик Киево-Могилянской академии Яков Голяховский в панегирике «Эхо радости, приветство и благодарение из Малыя России» прославлял нового императора за разрешение украинцам вновь избирать гетмана — привилегию, отмененную Петром I.

Несмотря на то что в тексте «Образа победоносия» очень мало ремарок, отдельные реплики действующих лиц дают возможность представить, как они выглядели на сцене и какие совершали действия. Это прежде всего касается аллегорических персонажей, которые в соответствии с теорией школьного спектакля действуют в драме. Фортуна, например, просит обратить внимание на ее одежду, «златом всю кованну, || яхонтами, алмазы предраго звоянну». Марс свою непобедимость демонстрирует тем, что он стоит «недвижим ногами», в руках же, которыми он «свирепо поступает» и «страшит», т. е., очевидно, размахивает, держит кровью «сполненный» меч. Реплика Марса о том, что он зрит «со прилежанием, где врага убити, в сердце ли, или в груди, с центру не вступити», позволяет предположить,

что свое искусство владения мечом он демонстрировал не только словесно. Символом Надежды был якорь, и она указывает на него, говоря, что как этот якорь укрепляет корабль, так он охраняет и полагающихся на Надежду.

Посредине сцены возвышался трон, на котором в первом действии восседал Езекия, а во втором — Россия. Езекия был облачен в «порфиру златотканну», «пресветлу» корону, в руках он держал скипетр. Перед тронном поочередно выступали со своими речами сенаторы царя. Сам он по ходу действия, когда обращался с просьбой к пророку Исаяе, передевался «во вретитше».

На сцене, очевидно, было и «небо»; она, как видим, сохраняла старое устройство: по крайней мере пророк Исаяя появлялся «в облаке», и «с небеси» раздавался глас божий.

Большинство событий первого действия происходило за сценой, о них только рассказывалось. В этом отношении значительно отличается от содержания самой пьесы ее Синописис: в нем сообщается, например, что Езекия самолично разрушает «змею меденую», — на сцене ничего подобного нет, царь лишь отправляет своих послов сокрушать кумиры, в том числе и медного змея. Зритель мог ожидать эффектного зрелища, прочитав в Синописисе, как ангел убивает ночью сто семьдесят тысяч ассирийцев, но во время самого представления должен был удовлетвориться лишь рассказом об этом.

Что касается второго акта, то он благодаря своему декламационному характеру был обращен не столько к зрению посетителей театра, сколько к их слуху. И здесь, вполне логично, дополнительными средствами эмоционального воздействия на зал стали музыка и пение: в речах действующих лиц постоянно упоминаются «сладкие музыки», «Орфей со музыки», «песни и тимпаны», «златокованные трубы», «литавры и тимпаны, сипоши, сопелы». В пьесе звучат канты — один раз в первом действии и три раза во втором. Это канты-виваты, написанные в стиле петровского времени и примененные к торжеству.

Стремясь сделать свою декламацию как можно более звучной, Исаакий Хмарный дважды использует во втором действии прием так называемого эха, благодаря которому монологи России (2-е явление) и Славы (5-е явление) превращаются в своеобразные диалоги с «эхом», звучащим за сценой. Этот прием, теоретически обоснованный Понтаном, был хорошо известен школьным драматургам, в частности его применил в «Комедии на Рождество Христово» Дмитрий Ростовский.¹⁰ «Эхо» внесло в пьесу Хмарного и некоторое ритмическое разнообразие: произведение написано тринадцатисложным силлабическим стихом, в сценах же с «эхом» длинные стихи сочетаются с короткими, пятисложными.

---

¹⁰ В. И. Резанов. Из истории русской драмы. Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910, стр. 108.

В целом со стороны художественной формы «Образ победоносия» — произведение, не выходящее за рамки старой литературной традиции. В пьесе присутствует набор рифм и тропов, хорошо известных еще со времени Симеона Полоцкого.

Лексика «Образа победоносия» представляет собой эклектическую смесь различных элементов, весьма типичную для языка петровского времени. Впечатление этой пестроты усугубляют к тому же украинизмы («похлебство», «здоры», «година», «звоянна», «збоденный» и др.).

При всех своих скромных литературных достоинствах пьеса «Образ победоносия», очевидно, на том этапе соответствовала вкусам зрителей, подтверждением этого являются два списка драмы и ее влияние на позднейшую школьную пьесу «Образ торжества российского».

Г. С. БАРАНКОВА

**ПЬЕСЫ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ
О СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ
(О НЕКОТОРЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ)**

В настоящей статье будут рассмотрены пьесы о Северной войне из репертуара школьного театра московской Славяно-греко-латинской академии — «Страшное изображение второго пришествия господня на землю», «Царство Мира», «Торжество Мира», «Ревность православия», «Свобождение Ливонии и Ингерманландии» и «Божие уничтожителей гордых уничтожение». Исследователи интересовались главным образом политической злободневностью и ярко выраженной панегирической направленностью этих пьес.¹ Их художественное своеобразие значительно меньше привлекало внимание историков литературы. Этой теме и посвящена настоящая статья.

Пьесы о Северной войне дают обобщенное отображение конкретных исторических событий. Главный прием — перенос этих событий во вневременной план и использование библейских сюжетов в качестве их аналогов. Это позволило авторам подчеркнуть закономерность и непреходящее значение побед России в Северной войне.

Следует заметить, что подобное абстрагирование присуще также древнерусской литературе и является одним из ее традиционных приемов.²

---

¹ См., например: Н. С. Тихонравов. Примечания ко II тому «Русских драматических произведений 1672—1725 гг.». — ГБЛ, ф. 298, картон 7, ед. хр. 2, 3; Школьный театр петровского времени. — ГБЛ, ф. 298, картон 14, ед. хр. 13; П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889; Б. В. Варнеке. История русского театра XVII—XIX вв. М.—Л., 1939.

² См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, раздел «Абстрагирование».

Однако в отличие от произведений древнерусской литературы школьные действа изобилуют аллегориями и персонификациями пороков и добродетелей, что еще более усиливает их абстрагирующее начало. Включение в пьесы большого числа аллегорических фигур тесно связано со своеобразным обобщением понятий. Такие обобщенные понятия воплощаются на сцене в виде соответствующих условных образов. Так, например, богатство изображается в виде Роскоши светской, воинскую доблесть олицетворяет Храбрость русская, и т. д. Более того, «зашифровываются» даже такие реальные исторические лица, как Петр I и Карл XII: на сцене им соответствуют фигуры Ревности православия и Неправедного Хищения. Иначе говоря, при создании пьесы автору приходится разрешать противоречие между обобщенностью того или иного сценического образа-понятия и необходимостью отражения конкретных политических событий и деятелей.

Бинарность, двойственность художественного мышления, свойственная мировоззрению древнерусского литератора, сохраняется и в сознании драматургов московской Академии. Мир представляется им как противоборство добра и зла. Отсюда и четкое разделение героев пьесы на истинных защитников православия («смирненных») и его заклятых врагов («зловерных», «нечестивых»). Имеются и пассивные действующие лица, например части света и Мир, которые, колеблясь между враждующими лагерями, обостряют их борьбу. В стане добрых сил действуют всевозможные персонифицированные добродетели: Честь божия, Благочестие, Любовь небесная и т. д. Противоположный лагерь представлен многочисленными образами, в том числе образами Гордости, Ярости, Зловерия, Злочестия, Зависти и антипода Любви небесной — Любви земной, которая, в духе философских воззрений средневековья, воплощает в себе все темное, плотское, что по религиозным понятиям служит синонимом греховного.

В объяснении поведения и поступков человека авторы пьес находились во власти средневековых провиденциальных представлений. Вот, например, как мотивируется поведение доведенного до самоубийства Ахитофеля в пьесе «Божие уничижение гордых уничижение»: «Ахитофелю со Отчаянием и вервием ко древу на удавление пришедшу, является прежде Ад, радующийся погибели его ради, по сем ангел его хранитель, плачущийся, и Благодать божия, советующе ему сего не творити».³ Но борьба этих сил приводит к победе Отчаяния, в результате чего и совершается самоубийство, этот тягчайший, с точки зрения религии, грех («Отчаяние преодолет и прогонит обоя: и ангела и благодать»), и адские силы торжествуют.

³ Цит. по кн.: Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 годов. СПб., 1874, т. II, стр. 437.

Как уже указывалось, наличие в пьесах о Северной войне большого количества аллегорических фигур, символических образов и картин является одним из характерных признаков московской школьной драмы. Этот прием тесно связан, с одной стороны, с традициями западного школьного и средневекового театра (мистерии, моралите), а с другой — с характерным для петровского времени повышенным интересом к символам и аллегориям. Следует отметить, что использование аллегорических образов в русской литературе конца XVII—начала XVIII в. относится к новым художественным приемам, в то время как употребление символов и составление различных символических картин характерно еще для времени становления и развития древнерусской литературы. В связи с этим важно подчеркнуть существенную разницу в употреблении символов в древнерусской литературе и в московской школьной драматургии петровского времени. Как указывает Д. С. Лихачев, «борьба с теологической системой символов длилась в древнерусской литературе непрерывно вплоть до XVIII в., осложняясь господством богословия».⁴ Освобождение из-под власти богословия заключалось в материализации церковного символа. Весь ход развития литературы вел к вытеснению абстрагирующей богословской мысли средневековья, к демократизации литературы и к отказу от религиозной символики. Авторы же школьных панегириков, опиравшиеся на каноны пиитик XVI—XVII вв., были тесно связаны со средневековой теологией и со средневековыми литературными традициями. Поэтому символы, которые они использовали в своих действиях, были архаичны для литературы начала XVIII в. В связи с этим нужно вспомнить теорию символизма, развитую иеромонахом Иосифом Туробойским в предисловии к описанию триумфальных врат в книге «Преславное торжество свободителя Ливонии, отмстителя Неправедному Хищению, пленителя и покорителя прегордаго льва Свейскаго». Согласно этой теории, драматургам следует символически изображать реальные события («чуждым образом вещь вообразати»),⁵ причем средства такого изображения им надлежит заимствовать из Священного писания. И. Туробойский приводит примеры библейских символических образов.⁶ Практика художественного творчества московских драматургов соответствует этой теории. На сцене московской Академии появляются такие герои, как Мир (иногда Фортуна) с оливковой ветвью, Премудрость божия на дуге с крестом, Вера с крестом, Надежда с якорем и т. д.

---

⁴ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, стр. 165.

⁵ См.: Преславное торжество свободителя Ливонии, отмстителя Неправедному Хищению, пленителя и покорителя прегордаго льва Свейскаго. М., 1704, л. 8 об.

⁶ Там же, л. 9—9 об.

Видное место в образной системе пьес о Северной войне занимают персонажи библейских легенд. Чаще всего такими персонажами являются ветхозаветные герои (Моисей, Иисус Навин, могущественный Самсон, Давид и др.), а также христианские святые и мученики. Из божественного писания заимствуют драматурги и отдельные эпизоды, ссылаясь при этом на соответствующее место из Библии. В «Царстве Мира», например, разрабатывается евангельская история об апостоле Пётре, посрамившем волхва Симона, в «Ревности православия» воспроизводится рассказ о легендарной битве Иисуса Навина с пятью ханаанскими царями, когда Иисус Навин «заходящу солнцу вспять возвратися повелевает, глаголя: Стани, солнце, противу врагом»,⁷ и т. д. Более того, авторы пьес составляют целые аллегорико-символические картины, где они используют также и теологические символы: вручение ключей воюющей Церкви, венчание Мира на царство, когда Мир, одетый в царские одежды, «посаждается на камени твердаго исповедания, аки на престоле царском», «златая жатва» Фортуны и Века, дающая богатый урожай — оливковые ветви и оружие для русского воинства, знаменующие мир и брань, и др.

Однако символика школьных пьес о Северной войне, навеянная образами древнехристианского искусства, архаична лишь отчасти. В пьесах явственно проступают черты петровского времени. Они проявляются в наличии новых образов-символов, среди которых прехрабрый орел, свирепый лев, «седмоглавый змий» и «таврикийская луна», аллегорически изображающие Россию, Швецию (Карла XII), Турцию и крымских татар.

Отпечаток нового времени лежит и на разработке пьес, сюжеты которых выбраны драматургами из Библии. Авторы действий пытаются преодолеть заданность, регламентированность этих сюжетов и сосредоточить внимание зрителей на событиях современности, выводя с этой целью на сцену новых героев. Так, если в более ранних по написанию пьесах «Царство Мира» (1702), «Торжество Мира» (1703), «Ревность православия» (1704) главными героями являются библейские Петр, Иисус Навин, то в пьесе «Свобождение Ливонии и Ингерманландии» (1705) библейский Моисей выступает на втором плане, он только помощник главного героя пьесы — Ревности российской, которая благодаря своей отваге, воинской доблести и таланту военачальника одерживает победу над полками Неправедного Хищения. Образ Ревности российской, в котором, вероятно, подразумевался Петр I, наделен автором чертами сурового аскетичного воина (см. сцену в вертограде из 3-го и 4-го явлений II части); она сравнивается также с Александром Македонским: «Вседают на коня Буцефала и никто не возможе сести, кроме единыя Ревности, яко же иногда

⁷ Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения... т. II, стр. 31.

кроме единого Александра». ⁸ Подобная характеристика вызвана стремлением автора как можно больше прославить царя-победителя.

Еще одна черта образной системы пьес о Северной войне, свидетельствующая об их принадлежности к петровской поре, состоит в обилии языческих и античных богов и героев, которые действуют в пьесах наряду с христианскими богом и многочисленными героями и мучениками, а также всевозможными аллегорическими фигурами. Если в более ранней по написанию пьесе «Царство Мира» языческие боги и герои выступают только как враги христианства, являются олицетворением злых сил (Нерон, Аполлин), то уже в «Торжестве Мира» и последующих пьесах их функции изменяются: античные боги и герои могут выступать и на стороне «ревнителей православия» (Александр Великий, Помпей, Фортуна, Феб и мн. др.). Традиционен образ Марса, однако иногда античный бог войны «раздваивается»: наряду с защитой интересов православной церкви (Марс православный) он олицетворяет и языческого бога «неправедных» (Беллона иноверных). Подобное «раздвоение» может быть и с другими героями: например, в пьесе «Свобождение Ливонии и Ингерманландии» действуют Фортуна Хищения Неправедна со львом гордым и Фортуна Ревности отеческая.

Постановка пьес школьного театра московской Академии, обладающих сложной аллегорико-символической образной системой, была весьма трудным делом. Требовалось большое умение и фантазия, чтобы сделать аллегорические назидательные пьесы о Северной войне яркими парадными зрелищами. Этой цели служат многообразные сценические эффекты, непосредственно воздействующие на зрителя. ⁹

В первую очередь это разного рода световые эффекты: адский пламень, пожирающий грешников, молнии, горящее огнем сердце и т. д. Красочным зрелищем была, очевидно, сцена 5-го явления III части пьесы «Свобождение Ливонии и Ингерманландии», изображающая осаду города (в котором засело Неправедное Хищение со своими полками) отрядами Ревности российской. Каждый воин имел водонос с зажженной свечой. По сигналу начала боя водонос разбивался, и враги (да и зрители, видимо, тоже) устрашились ярким пламенем.

Далее, не менее широко представлены в московских пьесах и звуковые эффекты: глас с небес, гром и т. д. Глас с небес часто заключает в себе авторскую оценку происходящего. Полный

---

⁸ Там же, стр. 350

⁹ О сценических приемах и эффектах школьного театра см.: В. П. Адрианова-Перетц. Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII ст. — В кн.: Старинный спектакль в России. Л., 1928; В. Н. Перетц. Театральные эффекты на школьной сцене в Киеве, Москве XVII и нач. XVIII вевов. — Там же.

гнева и презрения к разбитому врагу, звучит он в антипрологе пьесы «Божие уничижителей гордых уничижение»: «Бежите, насытые души, неправедно тако дерзнувшие!».¹⁰

Вероятно, в пьесы о Северной войне включались плачи, «жалостные пения» (об этом свидетельствуют ремарки в программах). На сцене часто исполняются и различные песни: например, в пьесе «Божие уничижителей гордых уничижение» девы с тимпанами и гусями поют хвалебную песню Давиду, одержавшему победу. Вводились в пьесы балетные элементы — танцы, пляски. Часто плясали на сцене «сатыри лесные». Ужасным зрелищем были пляски Смерти над своими жертвами. Наиболее богата танцами пьеса «Божие уничижителей гордых уничижение». Здесь исполняются различные танцы, наиболее оригинальным из которых является «офицерский танец с словесными похвалами оружия и воинства».

Весьма эффектными зрелищами были массовые выходы героев в нарядных костюмах на сцену. Сооружение трофеумов из оружия и голов побежденных, всевозможные анаграммы, массовые триумфальные шествия — таковы типичные картины московских панегириков.

Не меньшее внимание зрителей привлекали, очевидно, и такие трудные для постановки эпизоды, как «усекновение головы» героя, превращение Навуходоносора в вола, нисхождение святого духа на Корнилия, низвержение героев на глазах зрителей в ад или подъем на небеса, и т. д. Вместе с тем изображение происходящего на сцене с помощью теневых картин (*per umbras*), рекомендуемое теоретиками школьного театра для смягчения натуралистических подробностей, употребляется драматургами школьного театра сравнительно редко (см. 2-е явление II части пьесы «Божие уничижителей гордых уничижение»).

Рассматриваемые пьесы изобилуют чудесными знаменами, пророческими предсказаниями, божественными видениями в духе средневековых мираклей: это и видения сотника Корнилия, и прорицания Аполлина, и чудесный сон царя Навуходоносора, возвещающий о втором пришествии, и предсказания звездочетов, увидевших на небе избавителя Ливонии и Ингерманландии — Марса вооруженного, и многое другое. Иногда сам бог совершает чудеса: посылает в темницу ангела, чтобы освободить апостола Петра, воскрешает распятого на кресте Петра, и т. д. Бог помогает праведникам, но жестоко карает грешников, посылает им страшные знаменья, предсказывающие скорую гибель. Так, в пьесе «Свобождение Ливонии и Ингерманландии» перед полками Неправедного Хищения внезапно появляется ангел с мертвой головой и обнаженным мечом.

¹⁰ Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения..., т. II, стр. 434.

В фантастических апокалиптических образах рисуется конец света: здесь и чудовищные звери, и Смерть «на бледном коне». Часто показываются на сцене разнузданные пиры смертных грехов, дикие оргии, заканчивающиеся, как правило, гибелью грешников, пораженных Смертью — обычным действующим лицом в пьесах школьного театра. Как живое напоминание о бренности земного существования, она производила, очевидно, большое впечатление на зрителей школьного театра.

Заключая рассмотрение художественных особенностей школьных пьес о Северной войне, следует сказать о связи идей, образов и художественных приемов этих пьес с другими литературными жанрами петровской эпохи. Выше уже говорилось, что драматурги московской Академии находились под большим влиянием церковных проповедей Стефана Яворского, местоблюстителя патриаршего престола в период Северной войны, им были известны исторические сочинения этого времени. Стилистически близки анализируемым пьесам панегирические песни первой четверти XVIII в.,¹¹ содержащие знакомый по школьным пьесам набор библейских и античных образов и аллегорий. Так, в панегирической поэзии распространен образ Марса: вот является царь-победитель Петр, имеющий «Марсово лице, но весьма не ратно, || Все ослабленно, всем благоприятно»;¹² «С оружием Марс имел поход к бою || Побеждал врагов, смирил шведов больно, || Отмстил довольно»,¹³ и т. д. Подобно школьным драмам, в панегирических стихах присутствует Мир, который «со своим знаменем предводительствует», и «злой свейский орел», и Феб, и Геркулес, и двуглавый российский орел, и многие другие образы. В «Песне в честь Петра I» 1720 г. обыгрывается имя Петра¹⁴ (аналогичное явление наблюдается в проповедях Стефана Яворского и в пьесах «Царство Мира», «Торжество Мира»): «Виват, Петр-камень, в твердыне славен, || Как адамант, || К царству крепчайший, в вещах дражайший, || Як бриллиант»,¹⁵ и т. д. А в пьесе «Царство Мира» «тезоименитому камени его царскому пресветлому величеству всея России самодержцу» складывается «похвальная анаграмма из имени его Царского».¹⁶

Как известно, литературе и живописи (росписи триумфальных врат) петровского времени свойственны некоторые общие стиле-

¹¹ См. статью: А. В. Позднеев. Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII в. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 338—360.

¹² «Песня о Ништадтском мире», опубликованная в названной выше статье А. В. Позднеева, стр. 353.

¹³ Там же, стр. 354.

¹⁴ Имя Петр означает «камень» (греч. πέτρος).

¹⁵ А. В. Позднеев. Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII в., стр. 355.

¹⁶ Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения..., т. II, стр. 17.

вые черты. Эти же черты близки и театру московской Академии, что свидетельствует об общем направлении в развитии всех видов искусства в петровскую эпоху. Часть исследователей характеризует это направление как стиль барокко. Однако некоторые ученые сомневаются в существовании названного стиля в литературе.¹⁷ Вследствие недостаточной разработанности содержания этого термина среди историков литературы, признающих наличие стиля барокко в русской литературе, имеются существенные разногласия, в частности в вопросах о том, кто из писателей может быть отнесен к представителям этого стиля и каковы его конкретные проявления на русской почве.¹⁸

Понятие «стиль барокко» впервые распространили на школьные пьесы московской Академии такие исследователи, как А. Андьял¹⁹ и А. А. Морозов.²⁰ Действительно, некоторые стилевые особенности этих пьес позволяют говорить о влиянии барокко на московскую школьную сцену начала XVIII в. К числу таких особенностей можно отнести господство «двоеверного» стиля, допускавшего смешение античности и христианства и создававшего «пестроту стилей» в сочетании с обилием риторико-аллегорических образов; большое количество действующих лиц;²¹ тяготение к пышным репрезентативным формам, обусловившее панегирическую окраску пьес; причудливую фантастику, подсказывающую апокалиптические образы чудовищных геенских зверей, пирования Смерти,²² и т. д. Барочное влияние сказывается и на затейливом языке пьес. Наиболее наглядно это проявляется в заголовках и посвящениях, представляющих собой причудливое сплетение, подчас манерную игру слов, где самое слово теряет свое смысловое значение и становится лишь мелкой частицей пышного орнаментального узора.²³

Если же рассматривать школьные пьесы о Северной войне вне связи со стилем барокко и относить их к произведениям схо-

---

¹⁷ О существующих точках зрения по вопросу о том, как следует называть первое литературное направление, возникшее в русской литературе, и каковы его хронологические рамки, см. статью В. Д. Кузьминой «Изучение преемственных связей древнерусской литературы с русской литературой и устным народным творчеством нового времени» (ТОДРАЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 283—287).

¹⁸ См. полемику на страницах журнала «Русская литература»: 1962, № 3; 1963, № 2; 1965, № 2, 4; 1966, № 3; 1967, № 3; 1969, № 1.

¹⁹ A. Angyal. Die slavische Barockwelt. Leipzig, 1961.

²⁰ А. А. Морозов. Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII в. — Русская литература, 1962, № 3.

²¹ Ср. с многофигурностью сцен в живописи (иконописи) конца XVII в.

²² Однако следует отметить, что фантастика в пьесах не сводится к апокалиптическому изображению конца света и сплошному нагнетанию ужасов. Религиозная в своей основе, она во многом восходит к средневековым мифам.

²³ См., например: Н. С. Тихонов. Русские драматические произведения..., т. II, стр. 428.

ластического классицизма,²⁴ то трудно объяснить такие особенности анализируемых пьес, как контрастное сочетание аллегорий и натуралистических подробностей («усекновение головы» и т. д.), замысловатая символика, причудливая фантастика. Ведь классицизм с его стройностью изложения, отрицательным отношением к всевозможным чудесам, фантастике и натурализму имеет мало общего с пестрой разностильностью школьных пьес. Однако нельзя забывать, что школьные пьесы вообще, и пьесы московской Академии о Северной войне в частности, которые создавались по строгим регламентациям средневековых поэтических трактатов и одним из основных источников образности которых было Священное писание, несут на себе следы искусства средневековья. Эта разностильность наряду с сочетанием анахронизмов и современных приемов обусловила эклектичность пьес и предрешила недолгую историю их существования.

---

²⁴ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. Изд. 3-е. М., 1955, стр. 91.

А. С. МЫЛЬНИКОВ

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ В ПРАГЕ. 1716—1721 гг.

Петр I 16 декабря 1715 г. повелел русскому послу в Вене А. П. Веселовскому: «По получении сего старайся, дабы снискать тебе в нашу службу из шрейберов или из иных невысоких чинов из приказных людей, которые бывали в службе цесарской из бемчан, из шленцов или из моравцов, которые знают по словенски, от всех коллегий, которые есть у цесаря (кроме духовных) по одному человеку... Также сыщите книгу юриспруденцию и как их сышешь, тогда надобно тебе съездить в Прагу и там в езувицких школах учителем говорить чтоб они помянутые книги перевели на словенский язык, а о том с ними договоритесь, почем они возьмут за работу от книги и о том нам пишите ж. И понеже некоторые речи их несходны с нашим словенским языком и для того можем к ним прислать русских несколько человек, которые знают по латыни и лучше могут несходные речи на нашем языке изъяснить». Письмо заканчивалось решительными словами, собственно-ручно добавленными Петром: «В сем гораздо постарайся, понеже нам сие гораздо нужно».¹

Декабрьское распоряжение Петра I неразрывно связано с общим курсом его славянской политики, одним из примечательных аспектов которой был устойчивый интерес к чешской культурной среде. Об этом свидетельствовали неоднократные попытки Петра I привлечь на русскую службу инженеров, медиков, военных, чиновников, актеров из числа иностранцев, знавших чешский язык, «бемчан».²

Нельзя не обратить внимания и на то, что в период разработки плана русской Академии наук Петр I предполагал пригласить в Петербург специалистов в области естественных и точных наук из Вены и Праги и просил русского посланника подыскать людей, владеющих чешским языком.³ Все эти факты прежде всего свидетельствовали о намерении Петра I использовать близость чешского и русского языков в целях более легкого, как ему каза-

¹ См.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862, стр. 231.

² См.: В. О. Ключевский. Сочинения в 8 томах, т. 4. М., 1958, стр. 169; А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Очерк по истории чешско-русских отношений. X—XVIII вв., т. 2. Прага, 1947, стр. 428—438.

³ J. Vávra. K charakteru a vývoji česko-ruských vztahů a slovanské vzájemnosti v 18 a ná poč. 19. st. — Historický časopis, 1960, s. 238.

лось, общения иностранных специалистов с русскими. Возможно, этому во многом содействовали личные наблюдения царя, трижды, в 1698, 1711 и 1712 гг., посетившего Чехию и в последний приезд познакомившегося с выдающимся чешским живописцем Яном Купецким.⁴ Но не только это. Были и более глубокие причины, восходившие к многовековому наследию русско-чешских контактов, далеко не всегда интенсивных, но тем не менее непрерывно существовавших и даже активизировавшихся к концу XVII в.⁵ В русле их и стоял эпизод с направлением в Прагу русских переводчиков.

Впервые специально обратил на это внимание П. П. Пекарский, основывавшийся на «Деяниях Петра Великого» И. И. Голикова и на некоторых архивных документах.⁶ «Замечательно, — подчеркивал А. В. Флоровский, — что у Петра Великого проявилась несколько раз мысль воспользоваться сходством русских с западными славянами для осуществления своих замыслов касательно распространения в России просвещения и искусств».⁷ Позднее эти материалы неоднократно воспроизводились как русскими, так и зарубежными славистами.⁸ Все же, несмотря на более чем вековую традицию изучения, историко-культурная значимость пражской миссии необходимой оценки не получила. Более того, далеко не все источники, относящиеся к поездке русских людей в Прагу, введены в научный оборот. Даже А. В. Флоровский, давший наиболее полную их сводку, зачастую опирался не на подлинные документы из архива Синода, а на аннотации их в печатном описании.⁹ Все это побуждает нас еще раз взглянуть на давнюю и до конца не прочитанную страницу русско-чешских связей петровского времени.

* * *

В цитированном письме Петра I был, в сущности, уже сформулирован его план осуществить в Праге с помощью русских толмачей-посредников перевод иностранных книг на русский язык. Впрочем, как справедливо отметил А. В. Флоровский, на первых порах план был весьма конкретен и сводился к переводу лишь трех книг — лексиконов и «экстракта из юриспруденции».¹⁰ Спорна, однако, дата возникновения самого замысла.

Со ссылкой на шестой том «Деяний» И. И. Голикова П. П. Пекарский писал: «31 декабря 1715 г. царь писал к Ягужинскому, чтобы он уведомил его, кто был автором универсального лексикона, который он читал, дабы я, прибавляя Петр, мог отписать к Веселовскому, чтобы оных в Праге перевести, также экстракт из юриспруденции там же перевести».¹¹ Указание это

⁴ С. А м о г т. Car Petr I v Čechách. — Slovanský přehled, 1952, N 5, s. 172—174.

⁵ Примером может служить трактат чешского иезуита Иржи Давида «Современное состояние Великой России или Московии», см.: А. С. М ы л ь н и к о в. Свидетельство иностранного наблюдателя о жизни русского государства конца XVII века. — Вопросы истории, 1968, № 1, стр. 124—125. Текст трактата в сокращении опубликован там же, № 1, 3, 4.

⁶ П. П. П е к а р с к и й. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 230.

⁷ А. В. Ф л о р о в с к и й. Чехи и восточные славяне, стр. 440—447.

⁸ Библиография их работ дана у А. В. Флоровского, что избавляет нас от необходимости более подробной ссылки. Особого внимания заслуживает краткая, но ценная по содержащимся сведениям заметка: С. А. Б е л о к у р о в. О посылке в 1716 г. из Москвы в Прагу для перевода книг двух учеников славено-латинских школ. — ЧОИДР, 1896, кн. 3, стр. 34—35.

⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве св. правит. Синода, т. 1—4. СПб., 1868—1880.

¹⁰ А. В. Ф л о р о в с к и й. Чехи и восточные славяне, стр. 440.

¹¹ П. П. П е к а р с к и й. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 231.

было дано через две недели после того, как Петр направил свое послание в Вену к А. П. Веселовскому. Оба документа определенно свидетельствуют, что русский царь на исходе 1715 г. был серьезно занят идеей переводческой деятельности в Праге. Но нет никаких оснований полагать, что истоки ее не восходят к более раннему времени.

При чтении письма А. П. Веселовскому обращает на себя внимание прекрасная осведомленность царя в местных чешских обстоятельствах. Петр не только дает своему агенту вполне четкие указания, куда ехать, с кем и о чем договариваться. Фраза о прислании писцов «из бемчан, из шленцов (т. е. силезцев, — А. М.) или из моравцов» показывала, что Петр отчетливо представлял себе этнический и территориальный состав коронных Чешских земель, включавших тогда собственно Чехию, Моравию и Силезию. Не чувствуется ли во всем этом личная осведомленность царя, опыт, накопленный им от пражских встреч?

То, что в конце 1715 г. Петр I вспоминает о Праге, само по себе не столь уж удивительно. Как раз в эти годы, заполненные бурным государственным строительством, из России посылались ученики в Венецию, Флоренцию, Париж, Лондон, Амстердам и другие зарубежные центры.¹² В числе этих городов стояла и Прага. Здесь, однако, присутствовало то, чего не было и не могло быть во всех других случаях: соображения языковой близости русских и чехов как славян. На этой идее, в сущности, и зиждился весь план Петра I, как мы узнаем о нем из цитировавшегося повеления. Но если это так, то именно воспоминаниями о чешских путешествиях следует объяснить, почему у Петра I возникла мысль вступить в деловые отношения с пражскими иезуитами и, более того, послать в далекую Прагу группу русских людей для обучения и участия в переводах иноземных книг на русский язык. Лишь при этом декабрьское письмо А. П. Веселовскому оказывается мотивированным и с деловой и с психологической стороны.

Сформулировав свои указания в конце 1715 г., Петр I среди многочисленных государственных и военных забот находил время и имел желание уделять внимание переговорам с пражскими иезуитами. Он предписал 11 апреля 1716 г. президенту Монастырского приказа И. А. Мусину-Пушкину подобрать для отправки в Прагу в качестве переводчиков «двух добрых латинников» и в помощь им двух-трех «добрых писцов подьячих». Первоначально предполагалось, что в Прагу будет послан кто-либо «из киевских чернцов», но уже 23 мая И. А. Мусин-Пушкин поручил Ф. П. Поликарпову подыскать кандидатов в Славяно-греко-латинской академии. Задача, видимо, оказалась не из простых, и лишь к осени состав группы был определен. В нее вошли переводчики префект Академии Феофил Кролик и Иван Воейков, а с ними драгун Василий Мамышев и ученик притики Максим Суворов. Эта четверка, по донесению Мусина-Пушкина, была в сентябре 1716 г. из Москвы отправлена «через Ригу до Праги».¹³ Несколько позднее к русской колонии присоединились и другие студенты.¹⁴

Русские переводчики были командированы в Прагу «для письма и перевода книг».¹⁵ На основании договоренности с А. П. Веселовским работу группы переводчиков согласился возглавить ректор Ян Либертин.¹⁶ «Дело перевода было организовано так: чешские сотрудники переводили с немецкого на чешский, а русский текст окончательно должны были обрабатывать русские сотрудники».¹⁷ Однако этот весьма сложный план скоро стал обнару-

¹² См.: В. О. Ключевский. Сочинения, т. 4, стр. 237.

¹³ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 233.

¹⁴ Там же, стр. 238.

¹⁵ ЦГИА, ф. 736, оп. 1, № 318, л. 2.

¹⁶ Речь идет, вероятно, о звании, так как в действительности ректором Клементинума, по словам А. В. Флоровского, Ян Либертин не являлся, см.: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 440.

¹⁷ Там же, стр. 441.

живать свои слабые места. Уже 8 марта 1718 г. А. П. Веселовский доносил Петру I о своем посещении Праги и ознакомлении с ходом переводческих работ Ф. Кролика и И. Воейкова. «И объявили они мне при том, — продолжал он, — что чешский перевод с немецкого чинится напрасно, понеже Кролик применил уже так к немецкому языку, что сам с оного переводит без всякой трудности, не требуя чешского, а Воейков с чешского переводит и всего разуместь не может, чего ради переводят ему с немецкого на латинский язык».¹⁸ О вынужденном отказе от первоначальной организации работы сообщал и сам Ф. Кролик в отчете о своей деятельности в Праге 7 ноября 1721 г.:

«В прошлом 1716 году по имянному царского священнейшего величества собственноручному указу повелено графу Ивану Александровичу Мусину-Пушкину отправить в Богемию, а имянно в Прагу, двоих особ, довольно латинскому языку ученых, для перевода на российский язык неких книг, которые с немецкого языка на чешский имели быть переложены. И по силе того же его царского величества имянного указа отправлен в первых числах сентября оного 1716 году из московских славенолатинских школ я нижепоименованный, префект тогда во оных бывший. И по прибытии в Прагу усмотрел, что чешского переводу книг исправлять не возможно, разве вновь с чешского на славянский язык переводя, что мне яко лучше немецкий язык, нежели чешский умеющему не было удобно, того ради по желанию моему вручено мне четыре тома исторического универсального дикционара аутора Будея, из которых с помощью божней два тома я и перевел без посредственного с немецкого на российский язык. И через таковой непосредственный перевод уждаена есть знатная сумма, которая имела иждевена быть на неспособный мне чешский перевод. И ныне по указу его царского величества возвратился я в царствующий Санктпитебург и прибыл сюда, яко о мне самом, так и о оном переводе моего деле требую от святейшего правительствующего Синода милостивого определения».¹⁹

Что касается репертуара переведенных в Праге книг, то А. В. Флоровский называл один английский и три немецких энциклопедических словаря.²⁰

Кроме того, по данным некоторых чехословацких авторов, в числе переведенных в Праге на русский язык книг были также «Видимый мир в картинках» и «Открытая дверь к языкам» Я. А. Коменского.²¹ К сожалению, эти весьма существенные для истории русско-чешских культурных связей сведения не подтверждаются документами Синода.

Нам удалось лишь установить, что среди книг, приобретенных М. Суворовым в бытность его в Праге, находилось нюрнбергское издание 1679 г. «Мира в картинках» Я. А. Коменского.²²

На основании сохранившихся документов видно, что Ф. Кролик действительно переводил на русский язык четырехтомный «исторический универсальный дикционар» И. Будея, незадолго перед тем изданный в Лейпциге («All-

¹⁸ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 234.

¹⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 647, л. 1.

²⁰ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 443—444. Под английским словарем скорее всего подразумевалась первая энциклопедия наук и ремесел на английском языке Д. Гарриса (1666—1719) «Lexicon Technicum or an Universal Dictionary of Arts and Sciences» (Лондон, 1704). Петр I был очень заинтересован в русском переводе этой ценной для своего времени книги. К сожалению, замысел Петра I не осуществился.

²¹ J. Jirasek. Rusko a my. T. I. Vyd. 2. Praha, 1946, s. 11; В. Чейхан и А. Магр. Прага—Москва. Тысячелетний календарь культурной связи. Прага, 1946, стр. 20.

²² ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 445, л. 3.

gemeines historisches Lexicon». Т. 1—4. Leipzig, 1709).²³ Студент Славяно-греко-латинской академии И. Воейков начал переводить с немецкого же языка «Книгу вещественные состояния ведомостей и обходительства, лексикон автора Гибнера».²⁴ Ввиду смерти переводчика работа эта была продолжена в Праге М. Суворовым. В справке о нем было записано, что «1720 году с августа сам переводил лексикон Гибнеров с немецкого языка».²⁵ Видимо, он же переводил другой труд И. Гюбнера, названный в переписке Синода «Любопытные натуры художества, рудокопания и кулчества».²⁶

Нельзя не обратить внимания на весьма умелый отбор книг для перевода — И. Будей и в особенности И. Гюбнер принадлежали к авторам весьма распространенных справочных изданий, которые пользовались на книжном рынке большим спросом. Их труды тогда и позднее многократно переиздавались, причем некоторые лексиконы И. Гюбнера переводились и на другие языки (например, на французский). Принимаясь за перевод этих книг, русские переводчики, таким образом, открывали возможность приобщения русского читателя к зарубежным справочным изданиям. Так, «Staats und Zeitung Lexicon» привлек внимание В. Н. Татищева. Как видно из письма Н. Страленберга немецкому слависту И. Фришу 12 марта 1725 г., Татищев принялся составлять «примечания ко всем статьям о России». Сообщая об этом И. Фришу, Страленберг добавлял: «Татищев сам напишет об этих примечаниях Гибнеру, обещая их ему переслать. Если бы у меня было время, я списал бы для вас копию этих примечаний, так как в них очень много интересного, в словаре не осталось ни одной статьи, в которую Татищев не внес бы свои исправления».²⁷ К сожалению, эта работа В. Н. Татищева не сохранилась.

---

²³ П. П. Пекарский затруднялся указать, какой именно «Лексикон» переводился Ф. Кроликом, со ссылкой на Вебера сообщая, что пражские иезуиты переводили для Петра I лексикон И. Будей. См.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 234. Фактически словарь являлся переводом и частичной переделкой известного французского словаря Л. Морери (1643—1680) «Le grand dictionnaire historique...» в издании 1702 г. Будею принадлежало только предисловие к немецкому изданию, которым пользовались русские переводчики. Судя по материалам, об авторстве Морери они не знали. Любопытно, что в предисловии к базельскому изданию словаря Морери 1733 г. прямо сообщается следующее: «Говорят, что Будей жалел, что сделал предисловие, в котором было обещано больше, чем издание могло дать, и что он не стал бы так хвалить этот труд, если бы не влияние издателя, сильно преувеличившего достоинства перевода. Но если сей выдающийся ученый мог написать предисловие с чужих слов, то, может быть, он где-нибудь отметил, что хотя бы просмотрел текст и что все делалось у него на глазах. Здесь пустота, которую не могут, а может быть, и не хотят заполнить». Пользуясь случаем, приношу благодарность Ю. С. Перцовичу за сведения, до сих пор в нашей литературе не отмеченные.

²⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 318, л. 2—3. Затруднительно установить при столь краткой и, в сущности, неопределенной передаче заглавия, о какой книге И. Гюбнера идет речь. Не исключено, что имелся в виду многократно перепечатывавшийся справочник «Staats und Zeitung Lexicon».

²⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 2, № 526, л. 463 об.

²⁶ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 318, л. 3. Имеется в виду книга И. Гюбнера «Curieuses und reales Natur-Kunst-Berg-Gewerck und Handlung Lexicon», которая неоднократно переиздавалась в XVIII в. А. В. Флоровский, не имевший возможности видеть текст доношения, предполагал, что этот лексикон не был переведен, см.: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 444.

²⁷ См.: А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по истории России. — В кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 8.

Горстка русских людей жила в Праге несколько лет вдали от родины. Жилось им всем трудно. Как видно из первого письма Ф. Кролика и И. Воейкова на имя А. П. Веселовского от 24 августа 1717 г., средства на содержание отпускались с большими перебоями, и они постоянно испытывали нехватку денег на еду, свет и жилье.²⁸

Заманчиво было бы попытаться выяснить, какие отношения сложились у них с окружающей средой, как и насколько вошли они в пражскую жизнь. «К глубочайшему сожалению, — писал в свое время А. В. Флоровский, — мы не имеем никаких данных о том, чем и как они жили, кроме переводов, с кем общались, как воспринимали новые европейские впечатления. Ни один из побывавших тогда в Праге не оставил литературных следов своей жизни в Чехии, не найдены еще и чешские документы об этом, хотя они могли бы дать немало разъяснений вопросов и по существу, и с бытовой стороны».²⁹ Несмотря на столь пессимистический вывод, даже то немногое, что было уже известно А. В. Флоровскому, а отчасти выявлено нами, дает возможность, хотя бы приблизительно, обрисовать положение русской колонии в Праге. Большой интерес с этой точки зрения представляет справка, найденная недавно в фонде «Иезуитика» Пражского Центрального государственного архива ЧССР.³⁰

Справка, написанная по-латыни, занимает немногим более двух страниц и по времени создания близка к описываемым в ней событиям. Она озаглавлена «Informatio de certis nationis ruthenica ad urbem Pragensem advenis atque subinde ad scholas Societatis Pragae in Vetere ac Nova Civitate admissis». Это пока что первый и ранее не использованный документ чешского происхождения относительно поездки русских переводчиков и студентов в Прагу по повелению Петра I. В этом, естественно, заключается главная ценность «Информации» как вновь выявленного исторического источника.

Как же рисуются в нем цели поездки и положение русских людей в Праге? В основных чертах здесь повторяется то, что известно нам по другим источникам: замысел перевода лексиконов И. Будея и И. Гюбнера с немецкого языка на русский через промежуточный чешский перевод, направление переводчиков, а затем и студентов для обучения в местном университете, материальные трудности, с которыми они столкнулись. Учитывая, что в «Информации» И. Воейков упоминается как здравствующий (он умер 6 августа 1720 г.), а о русских людях говорится как о еще пребывающих в Праге, можно предположить, что документ был составлен для нужд руководства ордена иезуитов или властей вскоре после прибытия русских переводчиков и студентов в Прагу, во всяком случае не позднее середины 1720 г.

Но значимость «Информации» не ограничивается только подтверждением уже известного, хотя и само по себе это существенно. Иезуитская справка вносит некоторые небезынтересные штрихи в картину пребывания петровских посланцев в Праге. Во-первых, в «Информации» точно названо имя пражского иезуита, взявшего за промежуточный (чешский) перевод «Лексикона» Будея: Michael Franik de Frankenstein.³¹ Именно к нему первоначально и были прикреплены два русских переводчика и их два помощника. Кстати, «Информация» позволяет уточнить дату прибытия последних в Прагу: «anno

²⁸ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 233—234.

²⁹ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 446.

³⁰ Státní ústřední archiv ČSSR, JS CL XXII/3, f. 44—45. (Далее сокращенно — SUA). Указанный документ был по нашей просьбе разыскан сотрудниками Архива Карлова университета при деятельном и благожелательном участии действительного члена Чехословацкой Академии наук проф. В. Ване-чека, которому автор приносит глубокую благодарность.

³¹ SUA, f. 44.

1717 in Festo SSS. Triumph Regum», т. е. 6 января. Далее, как видно из справки, в Прагу в ноябре 1717 г. прибыло не два, как считается обычно со времен П. П. Пекарского³² (В. Козловский и Ф. Анохин), а три студента для обучения в местном университете. Третьим был Иосиф Кречатовский.³³ Как здесь указано, первые двое будут обучаться в «логике», а последний — в «синтаксисе». По русским документам судьбы третьего студента проследить не удастся. В указанной справке содержится то, что особо важно видеть в источнике пражского происхождения, — оценка поведения русских людей на чужбине. Загруженные работой, лишенные постоянного денежного содержания, они продолжали честно выполнять свой долг, ведя себя с достоинством. Последнее не прошло мимо внимания составителя «Информации», указавшего, в частности, что русские студенты «...среди студентов жили без каких-либо скандалов». Так еще раз — теперь с чешской стороны — подтверждается, что никто из русской колонии не покинул своего поста, не был замечен в чем-то предосудительном, не изменил своим убеждениям и обычаям.

Примечательно (и это отмечал уже А. В. Флоровский), что старший в группе Ф. Кролик был каким-то образом уже ранее связан с австрийской средой, поскольку и решение о направлении его в Прагу «радостно принял, понеже издавна желал и искал разлучиться от Москвы и в Цесарии, ему любезной, быть».³⁴ При таких обстоятельствах он вряд ли мог не передать какой-то опыт, знания местных обычаев, культурной жизни своим менее осведомленным соотечественникам. Но если это только предположение, то просмотренные нами документы дают основание вполне определенно судить, что если не на всех, то по крайней мере, на многих членов русской колонии пребывание в Праге оказало воздействие. Прежде всего это касалось учеников Славяно-греко-латинской академии Ф. Анохина и В. Козловского, посланных в Прагу для продолжения обучения в Пражском университете.³⁵ Один из них, В. Козловский, в 1721 г. докладывал в Синод:

«В прошлом 1717 г. был я нижеподписавшийся по его царского величества имянному указу послан с товарищи для либеральных наук в Прагу, где и прилежал повеленному учению (что явствует данное мне от езуитов свидетельство)».³⁶ По прохождении курса, в 1720 г., русские студенты вернулись домой. В деле по кабинетскому сообщению об определении на службу В. Козловского читаем: «В прошлом 1717 г. по указу его царского величества посланы были в Прагу латинской школы ученики Василей Козловский с прочими для окончания тех наук, и ныне он сюда приехал и послан в правительствующий Синод, которого чтоб повелено было освидетельствовать в его науке и потом определить к делу, к какому святейший Синод заблагорассудит».³⁷

Наибольшее влияние, пожалуй, Прага оказала на М. Суворова. Прибывший сюда в скромной должности писца, «ученик пиитики» не только взялся после кончины И. Воейкова за переводческие обязанности, но и воспользовался случаем для пополнения своего образования. В уже однажды упомянутой синодской справке о нем говорилось: «1716 году послан он был в Прагу для переписи переводов из школы пиитики, где слушал курс трилетней философии».³⁸ Иными словами, он окончил полный курс философского факультета Пражского университета. Делал он это по собственному почину, «за свою волю».

³² См.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 238.

³³ SUA, f. 44 verso.

³⁴ А. Ф. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 442.

³⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 496, л. 2, 5.

³⁶ Там же, л. 4.

³⁷ Там же, л. 2.

³⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 2, № 526, л. 463 об.

Хотя в области гуманитарного образования в Чехии тех десятилетий господствующее место принадлежало ордену иезуитов, а в университете царяла средневековая схоластика, посещение философского факультета не прошло для М. Суворова бесследно. О круге его интересов свидетельствовал состав книг, приобретенных им в бытность в Праге. Позднее уже в Петербурге, в 1724 г., он намеревался отдать эти книги в Синод, в связи с чем 30 сентября обратился с прошением, начинавшимся словами: «Имею я латинских, немецких и нечто французских разных форматов книг, считая по переплету 65, а по экземплярам . . . 100 книг, которых каталог при сем прошении прилагаю. И желаю, дабы вашего святейшества милосердное призрение повелено было оные мои книги принять в синодальную библиотеку за самую в Праге (не считая провоза и мыта) данную за них цену за 50 рублей, а вместо моих книг за означенную пятидесятирублевую сумму повелено было мне выдать из типографии славенороссийскими книгами, какие мне потребны».³⁹

Приложенный к прошению каталог до сих пор не находился в поле зрения исследователей.⁴⁰ Между тем анализ его небезынтересен. Во-первых, он позволяет составить представление о широком круге интересов владельца собрания, поскольку здесь значились книги по математике, юриспруденции, философии, географии и педагогике, энциклопедические словари, изданные в таких центрах раннего Просвещения, как Лейден и Амстердам и в немецких городах Нюрнберге, Лейпциге, Магдебурге, Кельне. Во-вторых, каталог, составленный М. Суворовым, документально засвидетельствовал, какие книги можно было приобрести в Праге в 1720-е годы. Последнее важно для характеристики интеллектуальной жизни столицы Чешского королевства в десятилетия наивысшего разгула политики контрреформации.

Сложнее обстоит дело с вопросом об отношении русских людей к собственно чешской культурной среде. Как можно заключить из ряда доношений, русские переводчики до прибытия в Прагу чешским языком вообще не владели, были «неспособны» ему и стали свыкаться с ним — одни быстрее, другие медленнее — лишь в процессе литературной работы. Трудно судить, насколько они при этом делали различие между чешской и немецкой городской средой, характерной для Праги XVIII в. Вопрос этот, однако, нельзя считать праздным, поскольку именно в годы пребывания русских переводчиков здесь происходило некоторое оживление чешского национально-культурного самосознания. Достаточно указать, что с 1719 г. видный издатель Карел Розенмюллер стал выпускать первую газету на чешском языке «Чешский почтальон». В газете этой часто и в благожелательном духе писалось о России, о ее внешней и внутренней политике и культуре.⁴¹ Проходило ли все это мимо внимания русских переводчиков? А быть может, они имели какое-либо отношение к источникам русской информации чешского издателя? К сожалению, на подобные вопросы пока ответить трудно.

Некоторый свет на проблему контактов русских с чехами проливает введенный недавно А. В. Флоровским в научный оборот новый важный документ теплившегося в Чехии начала XVIII в. славянского самосознания — обращение к императору 3 марта 1722 г. некоего Антонина Шимонка с просьбой разрешить выполнить чешский перевод и издать какое-то историческое сочинение, связанное с борьбой против турецкой агрессии. Как видно из обращения, Шимонек несколькими годами ранее принимал участие в работе русских переводчиков и переводил с немецкого на чешский язык для намечавшегося далее русского перевода какого-то исторического сочинения. По предположению А. В. Флоровского, речь скорее всего шла о лексиконах

³⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 445, л. 1.

⁴⁰ Там же, № 463, л. 2—4.

⁴¹ Подробнее см.: А. С. Мыльников и Т. А. Мыльникова. Первая чешская газета о России. — Советское славяноведение, 1967, № 1, стр. 60—64.

Гюбнера или Будея. В таком случае Антонин Шимонек должен был сотрудничать с Ф. Кроликом, а может быть — с Воейковым или М. Суворовым. Не под влиянием ли разговоров с ними он усвоил те мысли, которые в 1722 г. излагал в обращении к Карлу VI: в интересах Австрии считаться с «великим народом», т. е. с Россией, и укреплять дружественные связи между Россией и Чешскими землями. Высокая оценка роли русского народа, которой придерживался А. Шимонек, австрийским властям не понравилась. Недовольство было столь значительным, что сотоварищу русских гостей пришлось в июле того же года оправдываться перед пражским наместничеством и доказывать свою лояльность!⁴²

Кроме того, у русских людей были и бытовые, повседневные соприкосновения с чешской национальной средой. Не свидетельствовал ли, например, о том брак М. Суворова с некоей чешкой по имени Анна Георгиевна (стало быть, ее отца звали Иржи), о принятии которой в православие М. Суворов просил Синод в 1724 г.⁴³

* * *

К 1721 г. все члены русской группы уже вернулись из Праги домой. Но едва ли не один Ф. Кролик какое-то время занимался продолжением литературной работы, завершая перевод двух последних томов лексикона И. Будея. Об этом свидетельствовало доношение Ф. Кролика в Синод с просьбой отпустить ему потребное количество бумаги: «Понеже святейший правительствующий Синод изволил мне нижепоименованному приказать два последние тома автора Будея с немецкого на российский язык переводить, того для о выдаче бумаги, на оной перевод святейший правительствующий Синод что соблагоизволит».⁴⁴ Вообще же «пражане» долгое время были вынуждены обивать пороги правительственных учреждений с просьбой об определении на какое-либо место. Так, по ходатайству М. Суворова «о приеме ... с привезенным из чешской Праги переводом и оригинальными книгами»⁴⁵ и на основании доношения штатс-коитор-коллегии он был в 1721 г. определен справщиком и переводчиком Синодальной типографии.⁴⁶ Пробыл он в этой должности недолго и после 1724 г. уехал с семьей в Сербию как миссионер. Остальные «пражане» были устроены в качестве мелких правительственных чиновников.

Все, что они успели выполнить в Праге, было сдано на хранение в Синодальную типографию и, кажется, осталось без движения. Так, у М. Суворова привезенные из Праги материалы были приняты цейх-директором Синодальной типографии М. П. Аврамовым и по его распоряжению «оные выше-реченные книги, называющиеся лексикон и выше-реченные числом тетради переводу отданы для сохранения ... Андрею Евреиннову».⁴⁷ Судя, однако, по документам из архива Синода, часть переводов осталась на руках у переводчиков. Какова была дальнейшая судьба пражского литературного наследия? Не исключая возможности находок, А. В. Флоровский все же пессимистически предполагал: «К сожалению, рукописи переводов, выполненных русскими сотрудниками пражских иезуитов в их пражской „кляштере“, как выражался Петр Великий, не сохранилось».⁴⁸ Поскольку в архиве Синода нам

⁴² A. V. Florovský. Prameny k ruským dějinám doby Petra Velikého v českých archivech a sbírkách. — Sborník archivních prací, roč. 18, N 2, 1968, s. 536—537.

⁴³ ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 463, л. 1 об.

⁴⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 2, № 4, л. 1.

⁴⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 467, л. 1.

⁴⁶ Там же, л. 2.

⁴⁷ Там же, № 318, л. 2 об., 3 об.

⁴⁸ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 444.

действительно не удалось обнаружить никаких следов рукописей, показалось целесообразным обратиться туда, куда их сдавали русские переводчики, — в ведомство Андрея Евреинова. И действительно, после некоторых поисков в фонде Синодальной типографии удалось обнаружить перевод, который на первый взгляд можно было бы отнести к числу выполненных в Праге — географический лексикон И. Гюбнера. Существуют две рукописи перевода: черновая, рабочая, и беловая, переписанная с первой и сохранившая следы редакционной правки красными чернилами. Черновая рукопись озаглавлена: «Краткия вопросы из старой и новой географни выбраны чрез Яна Гибнера. Напечатана помянутая книга на немецком диалекте в Лейпциге 1711». ⁴⁹ Заглавие белого списка несколько исправлено: «Краткия вопросы из старья и новья географни выбраны чрез Яна Гибнера. А печатана подлинная книга на немецком диалекте в Лейпциге 1711-го». ⁵⁰

Но является ли эта рукопись одним из итогов пражской миссии? В пользу такого предположения, казалось бы, говорят, во-первых, сам характер книги, аналогичной другим, над которыми работали русские переводчики, и, во-вторых, явно чешская калька передачи на русский язык имени Гюбнера — славянское Ян вместо немецкого Иоганн. Однако такому весьма заманчивому предположению противоречит ряд обстоятельств. Прежде всего, на первом листе черновой рукописи значится распоряжение: «К переводу 13 марта 1716 г.». Что бы ни означала эта дата, в марте 1716 г. русских людей в Праге попросту еще не было. С другой стороны, текстологический анализ обнаруженных нами рукописей показывает, что это рукопись книги, вышедшей в 1719 г. под заглавием: «Земноводного круга краткое описание из старья и новья географни по вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собранное и на немецком диалекте в Лейпциге напечатано. А ныне повелением великого государя царя и в. к. Петра Первого всероссийского императора при наследственном благороднейшем государе царевнице Петре Петровице на российский напечатано в Москве».

Относительно этой книги из письма Я. В. Брюса от 2 ноября 1716 г. известно, что она переводилась в Петербурге. ⁵¹ Рукопись ЦГАДА, выявленная нами, позволяет, однако, уточнить оригинал перевода, поскольку в печатном заглавии сведения об этом, имеющиеся на черновом и беловом списках, отсутствуют. Поэтому в комментарии к библиографическому описанию указывалось: «Русский перевод сделан с какого-нибудь издания между 1711—1716 гг.». ⁵² Теперь же можно утверждать, что перевод выполнен по немецкому оригиналу, изданному в Лейпциге в 1711 г.

Итак, смело и интересно задуманный для своего времени план организации переводов научной литературы в Праге на русский язык остался без практических последствий. Но он не остался и не мог остаться безрезультатным в широкой исторической перспективе. «В сем гораздо постарайся, понеже нам сие гораздо нужно», — наказывал Петр I в 1715 г., и ту же мысль спустя несколько десятилетий будут отстаивать многие ведущие деятели чешского национального движения, подчеркивая необходимость укрепления чешско-русских связей.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 381, № 1010.

⁵⁰ Там же, № 1111.

⁵¹ Описание изданий гражданской печати. 1708—январь. 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955, стр. 259—260.

⁵² Там же, стр. 259.

ФЕДОР ПОЛИКАРПОВ — ПЕРЕВОДЧИК «ГЕОГРАФИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ» БЕРНАРДА ВАРЕНИЯ

С образованием централизованного русского государства связаны быстрый рост производительных сил, увеличение предметов товарообмена, позволившие России расширить экономические контакты со многими европейскими странами.¹ Растущие экономические связи вызвали у русских большой интерес к географической науке, обусловленный необходимостью лучше знать другие страны и глубже изучить свою. Географическая литература занимает первое место по количеству переводов, выполненных в течение XVII в.²

В петровскую пору торговые связи русского государства с другими державами стали еще шире. Состояние внешней и внутренней торговли, увеличение выпуска продуктов промышленного производства во многом зависели от знания и умелого использования природных богатств России. С целью их изучения в глубь страны отправлялись многочисленные экспедиции, занимавшиеся географическими, геодезическими исследованиями, разведкой полезных ископаемых.

Россия стала активной участницей европейской политики. Одной из главных правительственных задач петровской поры было поэтому превращение России в могущественную морскую державу, создание мощного военного флота, необходимого для укрепления международного положения страны. Дальнейшие успехи во внешней торговле зависели от развития торгового флота. Стремительными темпами стало развиваться кораблестроение; были открыты навигацкие школы, готовившие кадры для флота.

Для подготовки многочисленных кадров образованных людей, способных пойти навстречу требованиям времени и осуществить намеченные Петром I преобразования, требовалась научная литература по различным отраслям знания. В частности, для обучения будущих моряков и будущих участников научных экспедиций, отправляемых в малоизученные районы страны, были необходимы книги по общей географии, содержащие новейшие, подлинно научные сведения о Вселенной, об основных свойствах земного шара, о суше и водной поверхности, о климатических условиях и природных богатствах и обо всем другом, что входит в систему знаний о Земле.

Таким географическим сочинением, признанным впоследствии классическим, была на Западе «Geographia generalis» Бернарда Варения,³ написанная на латинском языке и вышедшая первым изданием в 1650 г. в Амстердаме. «География генеральная» Бернарда Варения сыграла исключительно важную роль в развитии западноевропейской географической науки не только

¹ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 153—154.

² А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. — Сб. ОРЯС, СПб., 1903, т. 74, стр. 46.

³ Скупые и несколько противоречивые сведения о Варении содержатся в таких работах: *Biographie Universelle*. Paris, 1854, v. 42, p. 626; П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. II, стр. 432; А. Гумбольдт. Космос. М., 1866, стр. 71; журнал «Землеведение», 1926, т. 28, вып. 1—2, стр. 14; А. И. Андреев. Ньютон и русская география XVIII века. — Известия Всесоюзного географического общества, т. 75, вып. 3, 1943, стр. 6; М. С. Боднарский. Очерки по истории русского земледелия. М.—Л., 1947, стр. 116; Биографический словарь деятелей естествознания и техники, т. 1, М., 1958; Г. Н. Гехтман. Выдающиеся географы и путешественники. Тбилиси, 1962, стр. 55; S. Günther. Varenius. Klassiker der Naturwissenschaften. Leipzig, 1905, IV Band, и в ряде других.

потому, что была первым систематическим курсом общей географии, но и потому, что главные географические положения обосновывались в ней законами точных наук. Уже вскоре после выхода она завоевала в Европе славу лучшего географического сочинения и в течение XVII—XVIII вв. издавалась многократно на латинском языке и в переводах на другие языки.⁴

Высоко ценили «Географию» Варения Исаак Ньютон,⁵ Александр Гумбольдт⁶ и другие выдающиеся ученые. Недаром в «Biographie Universelle» отмечено, что сочинение Варения — самое лучшее и самое ученое изложение географии, которое совершило настоящую революцию в этой науке и совершенно изменило ее задачи.⁷

Примечательно, что русские читатели получили книгу Варения в переводе на родной язык раньше, нежели читатели многих европейских стран. История появления первой общей географии в переводе на русский язык связана с именами Петра I и известного деятеля петровской эпохи Федора Поликарпова.

Открывая широкую дорогу просвещению, наукам, петровские реформы разрушали церковную культуру средневековья, требовали перестройки быта. Реформаторская деятельность Петра и его сподвижников встречала ожесточенное сопротивление консервативных кругов, поэтому «роль самого Петра в проведении реформ была очень велика».⁸ Петр сам руководил просвещением в России, заботился о распространении знаний, добытых западноевропейской наукой. Он принимал участие в редактировании и выпуске книг, сам отбирал книги для перевода, давал указания относительно языка переводов.

В 1715 г. Петр I распорядился перевести сочинение Варения. А. И. Андреев предполагает, что мысль о переводе «Географии» принадлежала Я. Брюсу, сподвижнику Петра, государственному деятелю и ученому.⁹ Однако вполне возможно, что Петр принял решение самостоятельно, поскольку мог быть осведомленным об этом известном труде от голландцев. В свое первое заграничное путешествие он познакомился с бухгалтером Амстердама голландским ученым Николаем Витзеном, который побывал в России еще при Алексее Михайловиче и позднее выпустил ряд географических трудов о ней. Петр часто бывал в доме Витзена и пользовался его советами; при посредстве Витзена он познакомился с образованными людьми Голландии. По возвращении в Россию царь переписывался с Витзеном и находился с ним в близких отношениях до самой смерти ученого, последовавшей в 1717 г.¹⁰

Начальник Монастырского приказа И. А. Мусин-Пушкин, через которого передавались указания Петра о переводе и печатании книг, велел директору Московской типографии Федору Поликарпову отыскать экземпляр «Географии» Варения и перевести ее на русский язык. Предполагалось, что книга

⁴ Нам известны следующие издания на латинском языке: три амстердамских (1650, 1664, 1671), три кембриджских (1672, 1681, 1712), венское (1693), неапольское (1715); переводы на другие языки: на итальянский (1716), на английский (1733), на голландский (1750), на французский (1755). На русский язык «География» Варения была переведена дважды: в 1718 г. Ф. Поликарповым (с латинского языка) и в 1790 г. П. Б. Иноходцевым (с французского языка).

⁵ И. Ньютон был редактором кембриджских изданий 1672 и 1681 гг.

⁶ См.: А. Гумбольдт. Космос, стр. 59.

⁷ См.: Biographie Universelle, v. 42, p. 627.

⁸ История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.—Л., 1964, стр. 10.

⁹ А. И. Андреев. Ньютон и русская география XVIII века, стр. 2.

¹⁰ См.: Я. Грот. Петр Великий как просветитель России. — Записки имп. Академии наук, т. XXI, СПб., 1872, стр. 70; О. В. Струве. Об услугах, оказанных Петром Великим математической географии России. — Там же, стр. 7; В. В. Мавродин. Петр Первый. Л., 1948, стр. 444.

имеется у ректора Славяно-греко-латинской академии Феофилакта Лопатинского. «Милостивый мой государь граф Иван Алексеевич! — отвечает Федор Поликарпов Мусину-Пушкину 22 апреля 1715 г. — Книги математические Лопатинский у себя не сказал, а показал мне географию латинскую, в которой и кораблестроительная наука, а листов в ней больше 700. И такую надобно преводить многим и тех наук искусным. Однакож и я не отрицаюся».¹¹

Печатное издание сочинения Варения в переводе Ф. Поликарпова вышло под заглавием «География генеральная небесный и земноводный круги купно с их свойствами и действия в трех книгах описующая. Преведена с латинска языка на российский и напечатана в Москве повелением царского пресветлаго величества лета господня 1718 в июне». «География генеральная» 1718 г. была напечатана гражданским шрифтом. По размеру это книга большого формата, in folio, в ней 647 нумерованных страниц. Заглавный лист украшен гравюрой на меди. На рисунке вверху помещен поясной портрет Петра I, внизу (по сторонам) — две символические женские фигуры: Астрономия и Геометрия с математическими инструментами в руках и у ног. Заглавие находится посредине гравюры в эллипсисе, обрамленном различными рисунками. После предисловия автора и переводчика и после оглавления помещена другая гравюра — копия фронтисписа амстердамского издания. На ней изображены море, кит, корабли вдали. На берегу три человека; вероятно, это Тихо де Браге, Птоломей и Коперник. Заголовок помещен вверху. Рисунки каждой из гравюр символизируют развитие наук. Перед текстом имеется подробное оглавление — каталог книги (глав). У каждой главы есть заглавие, у разделов — подзаголовки. Книга не только содержанием, но и внешним оформлением производит впечатление солидного научного труда.

Сохранилась рукопись перевода «Географии»,¹² выполненного в сентябре 1716 г. Она представляет собою искусно переплетенную книгу еще большего размера (32×17×17), нежели печатное издание, насчитывающую 920 листов; текст расположен и на лицевой стороне и на оборотной. В рукописи имеется указание на автора перевода: «Трудом Федора Поликарпова справщика типографии». После предисловия переводчика дано пояснение о том, что означает помещенный на полях рукописи знак :| с следующей за ним цифрой: «Нумеры мелкие, что писаны в поле с такими отметками :|, те значат число листов книги латинския, с которой преведено, ради скорого приискания для справки с преводом». По этим пометам мы установили, что Ф. Поликарпов перевел амстердамское издание 1664 г.¹³ Амстердамские эльзевировские издания 1650, 1664, 1671 гг. однотипны. Однако между первым и двумя другими есть разница в типографском наборе; вследствие этого имеется расхождение в расположении текста: в издании 1650 г. текст занимает 786 страниц, в изданиях 1664 г. и 1671 г. — по 748. Кроме того, есть различие в размещении таблиц. Расположение таблиц и ссыла на пагинацию дают основание утверждать, что переведена книга 1664 г. Именно это издание имеется в уцелевшей до наших дней библиотеке Ф. Лопатинского.¹⁴

Печатное издание 1718 г. и сохранившаяся рукопись 1716 г., архивные документы и ряд свидетельств о требованиях Петра I к переводам научной литературы, в частности к их языку, позволяют узнать об истории перевода «Географии» и о работе переводчика над языком перевода.

¹¹ Русский архив, 1868, № 7—9, стр. 1042

¹² БАН, Петровская галерея, № 72.

¹³ А. И. Андреев и М. С. Боднарский полагали, что перевод выполнен с нинского издания 1693 г. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич (Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. М.—Л., 1955, стр. 237) справедливо указывали, что для перевода Ф. Поликарповым было взято одно из амстердамских изданий. Постраничным сопоставлением рукописного текста перевода с текстом оригинала они не занимались, поэтому и не назвали, какое из амстердамских изданий переведено Ф. Поликарповым.

¹⁴ БАН, шифр 1А—1131А. География Варения — 376 Л.

Рукопись написана на хорошей бумаге аккуратным и крупным почерком нескольких переписчиков. «А писана она разметисто и не мелко не ради моего прельщения, но дабы читающим очесам угоднее и удобнее было ко чтению, паче же тем очесам, которые всю Россию, аки второе солнце, называют, освещают и питают своим милосердием, их же мелким письмом напрасно трудить не обычно и страшно»,¹⁵ — писал Ф. Поликарпов Мусину-Пушкину об отправленной в Петербург для прочтения царем рукописи.

В связи с трудом над «Географией» у Поликарпова возникли неприятные для него и не до конца ясные для нас осложнения; о них пишет от Мусину-Пушкину в марте 1717 г.: «Известно вам, что ваша высоких лиц гневная ... словеса иссушают многожды и высокая дресеса. Аще же когда с милостию изрекутся, тогда и от неплодных малыя смоквиныцы много плод произвести могут. Хотел было и я грубый еще нечто новое немалое и во истину небывалое российскому народу в пользу произвесть чрез убогий труд мой, но видя себя ... страждущаго (яко же и за Географию льстецем и обманщиком именуема) и всегда в противных волнах обореваема от оболгания, наветов и поругания ласкателей, тунеядцев и притрапезников ... оставляю все, да не горшее что постражду».¹⁶

Ф. Поликарпов был весьма образованным для своего времени человеком и обладал большим опытом в переводческом деле. Тем не менее первоначальный его перевод «Географии» Петру не понравился. Об этом мы узнаем из дальнейшей переписки Мусина-Пушкина с Поликарповым. «При сем же посылаю к тебе и географию переводу твоего, которая за неискусством либо каким переведена гораздо плохо, — пишет 2 июня 1717 г. Мусин-Пушкин. — Того ради исправь хорошоенько не высокими словами славенскими, но простым русским языком ... Со всем усердием трудися, и высоких слов славенских класть не надобят, но Посольского приказу употреби слова».¹⁷

Перевод «Географии» Варения предназначался для довольно широкого круга читателей, в первую очередь для обучающейся молодежи. Чтобы он был вполне понятен учащимся, необходимо было отступить от книжной традиции того времени. Поэтому Ф. Поликарпов (хотя он и был убежден в том, что солидный научный труд следовало бы «не общенародным диалектом российским переводити ... дабы тако изъясних высоту и красоту слова и слога авторов») ¹⁸ с самого начала пытался ввести в традиционно книжный, церковнославянский язык элементы живой речи. В предисловии к рукописи он указывает, что «сниходя немощи юновозрастных студентов науки сея (да не сокрыется сенс от их поятия) того ради употребих наречия и сочинения общенароднаго российского паче, неже славенскаго». Традиция использования церковнославянского языка была, однако, настолько сильна, что, несмотря на намерение переводчика, первоначальный перевод «Географии» Варения был выдержан в основном в обычном для допетровской поры книжном стиле и этим вызвал недовольство Петра.

Известны требования Петра к языку переводов,¹⁹ продиктованные ожиданием практической пользы от переводной литературы. Выполнять эти указания в период двуязычия, когда «разговаривали по-русски, а писали по-славянски»,²⁰ было нелегко, так как влияние церковной культуры средневековья

¹⁵ Русский архив, 1868, № 7—9, стр. 1053.

¹⁶ Там же, стр. 1052.

¹⁷ Там же, стр. 1054.

¹⁸ Предисловие к рукописи 1716 г. БАН, Петровская галерея, № 72.

¹⁹ См.: Русский архив, 1868, №№ 7—9, стр. 1055; А. А. Бахтияров. История книги на Руси. СПб., 1890, стр. 110; А. Н. Пыпин. Книжная деятельность времен Петра Великого. — Вестник Европы, 1898, № 7, стр. 269.

²⁰ См.: Г. В. Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина. Л., 1937, стр. 47 и 113.

оставалось значительным и церковнославянский язык все еще сохранял ореол языка «правильного», «грамматического».²¹ А между тем русский разговорный язык XVII—XVIII вв. был уже достаточно развитым для того, чтобы использовать его лексику и грамматику при написании книг. (Способность его прийти на смену церковнославянскому была отмечена уже в конце XVII в. Г. В. Лудольфом в «Русской грамматике»). Просветительские задачи петровского времени требовали перестройки книжного стиля, сближения его с живым разговорным языком.

После указания Петра I Ф. Поликарпов приступил к переработке перевода. Коррективы, внесенные Ф. Поликарповым при исправлении рукописи, позволяют нам обнаружить замены традиционно книжных, устаревших слов и форм народно-разговорными.²² Приводим ряд примеров.

Рукопись 1716 г.

Римляне обычай *имѣху побѣдивше* и подь иго *поработивше* которую провинцию, оныя хорографию на таблицѣ изображенную ... *являти* въ день торжественнаго входа зрящимъ (л. 9).

Ибо вѣмы яко онъ никого *прелстити* ниже когда *прелщенъ* бысть (л. 27).

Ксерксъ же грядущъ чрезъ оную гору въ Граи прекопа ю... (л. 125).

Печатное издание 1718 г.

Римляне обычай *имѣли, побѣдив* и подь иго *поработивъ* которую провинцию, оныя хорографию на таблицѣ изображенную ... *являть* въ день торжественнаго входа зрящимъ (стр. 6).

Понеже вѣдаемъ, что онъ никого *обманулъ* нже когда *обманутъ* былъ (стр. 20).

Ксерксъ же идущъ чрезъ оную гору въ Граи прекопа оную (стр. 87).

Как показывает сопоставление всего текста рукописи 1716 г. с текстом печатного издания 1718 г., большинство сделанных переводчиком исправлений касается грамматических форм. Для передачи значений латинских прошедших времен Ф. Поликарпов использовал в рукописи аорист и имперфект — формы, уже вышедшие из живого употребления (их нет в «Русской грамматике» Лудольфа, отражавшей разговорный язык конца XVII в.). Корректируя рукопись, переводчик заменил ряд устаревших глагольных форм формами живой речи, например: *блше* — *была*, *восприяша* — *восприяли*, *не вѣдахъ* — *не вѣдали*.

Наблюдается также замена архаичных местонимений, наречий, союзов: *имъ же* — *которымъ*, *койждо* — *всякой*, *ю* — *оную*, *аще* — *хотя* и др.

Весьма интересны и показательны замены одних существительных другими, свидетельствующие о различиях в книжной лексике и в лексике делового и разговорного языка. Укажем на некоторые из них.

Во многих случаях наблюдается замена книжных слов на *-ие* их параллелями из разговорного языка:

В рукописи

Доводы и изъявления и *примѣчания* Галилеа и Схейнера о порокахъ солнечныхъ доводить... (л. 69).

В печатном издании

Доводы и изъявления и *примѣты* Галилеа и Схейнера о макуляхъ (или пятнахъ) солнечныхъ доводить... (стр. 50).

²¹ Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 116.

²² Следует отметить, что эти первые шаги для переводчика были трудными как из-за необычности введения слов живой речи в книгу высокого жанра, так и из-за того, что Мусин-Пушкин велел исправить и отпечатать «Географию» как можно скорее — к возвращению Петра из-за границы. См.: Русский архив, 1868, № 7—9, стр. 1057.

Послѣ времяъ оныхъ егда въ Греции учения по малу увядати начали... (л. 39).

Аще подземное источника будеть протяжение... (л. 318).

Послѣ времяъ оныхъ егда въ Греции науки по малу увядати начали... (стр. 28).

Аще подземный будетъ проходъ источника... (стр. 186).

Многочисленные подразделения глав книги были обозначены в рукописи словом *предложение*; в печатном издании они названы *предлогами*. При исправлении рукописи слово *излияние* было заменено словом *разлив*, *изображение* — *вид*, *пришествие* — *приход* и т. п.

Имеющиеся словарные материалы подтверждают употребительность в деловой и разговорной речи допетровской и петровской поры именно тех лексических параллелей, которые были введены переводчиком при корректировании рукописи. Так, слово *обычай* имеется и в «Рукописном лексиконе» первой половины XVIII в. (составлен В. Н. Татищевым), содержащем в основном лексикону живого языка того времени,²³ и в «Русской грамматике» Лудольфа (конец XVII в.), и в «Материалах» И. И. Срезневского. И. И. Срезневский указывает шесть значений слова *обычай*; иллюстрации подтверждают его употребительность в народно-разговорном языке. Например: «И то ты чинишь с Литовского обычая... 1499 г.»²⁴ В «Русской грамматике» Г. Лудольфа (разговор хозяина и слуги): «То их убычей, что лутче ты платишь то хуже служат».²⁵

Слово *пришествие* в «Рукописном лексиконе» В. Н. Татищева дано с пометой «славянское»; в этом же словаре есть русское соответствие *приход*. Слово *наука* имеется в «Русской грамматике» Г. В. Лудольфа, составленной на материале живой речи.

В начале XVIII столетия для живого употребления были, по-видимому, более характерны формы на *-ость*, нежели на *-ство*.²⁶ Можно утверждать, что именно поэтому Ф. Поликарпов заменяет многократно употребленное в рукописи слово *величество* его однокоренной параллелью *великость*:

В рукописи

О размѣрѣ земномъ и величествѣ.

В печатном издании

О размѣрѣ земноводнаго круга и великости.

Такая же замена наблюдается и в других случаях.

Корректируя высокий церковнославянский слог с целью сближения его со слогом общенародной речи, Ф. Поликарпов не проводит этого последовательно. Поэтому язык исправленного перевода все же ближе к церковнославянскому, нежели к живому, разговорному. Печатный текст изобилует и традиционно книжными, устаревшими грамматическими формами, и теми лексическими вариантами, которые имели характерные признаки церковнославянских диалектов (*блато*, *брег*, *вода сланая*, *сребро*, *злато*, *древо*, *езеро*, *есень* и мн. др.).

²³ Рукописный лексикон первой половины XVIII в. Подготовка к печати и вступительная статья А. П. Аверьяновой. Отв. ред. Б. А. Ларин. Л., 1964. Имеющиеся в этом словаре немногочисленные церковнославянские слова снабжены пометой «славянское».

²⁴ Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского. СПб., 1893—1903, т. II, стр. 574.

²⁵ Г. В. Лудольф. Русская грамматика, стр. 56.

²⁶ Вопрос об использовании однокоренных параллелей на *-ость*, *-ство* и *-ость*, *-ие* рассмотрен И. М. Мальцевой в статье «Из наблюдений над словообразованием в языке XVIII в.» (в кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка. М.—Л., 1966, стр. 259—284). Наше предположение вполне совпадает с наблюдениями автора статьи.

Несмотря на то что перевод «Географии» 1718 г. в целом является славянизированным как в отношении лексики, так и в отношении грамматики, отмеченные попытки сближения архаичного, книжного языка с живым, народно-разговорным были важным шагом переводчика, способствовавшим дальнейшему развитию русского литературного языка на национальной основе.

В петровскую пору перевод специальной литературы был сопряжен с «почти непреодолимыми трудностями»²⁷ из-за малочисленности в русском языке научной лексики; задача же перевести языком, близким к народно-разговорному, была необычайной и исключительно сложной, так как произведений подобного жанра было еще очень мало.

Сопоставление рукописного и печатного текстов перевода «Географии» позволяет проследить поиски переводчиком наилучших средств выражения значений терминов оригинала. В действиях Ф. Поликарпова обнаруживаются две противоположные тенденции: 1) избегать латинских заимствований, приспособляя имеющиеся в русском языке слова для выражения терминологического значения; 2) употреблять слова латинского оригинала для точного обозначения научного понятия. Обе эти тенденции были обусловлены задачами перевода, состоянием национального русского литературного языка на начальном этапе его развития и состоянием научной терминологической системы физической географии.²⁸ Задачи перевода книги, предназначенной для широкого читателя, обязывали Ф. Поликарпова перевести каждый термин с латинского языка, языка средневековой науки, на русский язык. При отыскании семантических эквивалентов обозначениям оригинала переводчик обращался ко всем ресурсам родного языка: к стилистически нейтральной лексике (*море, остров, гора* и др.); к традиционному книжной (*недро* в значении 'залив', *море, пучина* — 'море' и др.); к народно-разговорной и областной (*материк* употреблено в значении 'континент'; *горло* — 'пролив'). Смысловых параллелей, необходимых для передачи терминов оригинала, оказывалось все же недостаточно. Например, в русском языке того времени еще не было слов для точного выражения терминологических значений 'полуостров', 'перешеек'. Вследствие этого переводчик был вынужден оставлять слова оригинала (в транслитерации), давая следом за ними пояснения: *пеннисула, остров не окруженный водою* — в значении 'полуостров'; *истмус, место между морь* — в значении 'перешеек', и др.

К терминам практической географии Ф. Поликарпов относился с большой осторожностью, вероятно, не столько из соображений стиля, сколько из-за их полисемантичности: многие из слов, используемых мореплавателями и землепроходцами, имели довольно широкую семантику. Так, слово *пролива*, употреблявшееся в значении 'морской пролив' еще в допетровскую пору,²⁹ в начале XVIII в. выступало обозначением рукава реки, речного протока и даже залива. Ф. Поликарпов представляется более терминологичным обозначением латинизм *фрет* 'морской пролив'.

Перевод «Географии» Варения вызывал большие затруднения не только из-за несформированности к началу XVIII в. терминологической системы русской географической науки: трудности были связаны также с неупорядоченностью терминологии латинского оригинала. Например, в значении 'морской пролив' Варений использовал синонимы *fretum, euripus, fauces oceani*,

²⁷ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 50.

²⁸ Богатый материал и весьма интересные выводы о состоянии и развитии научной терминологии физической географии в первой трети XVIII в. содержатся в монографическом исследовании Л. Л. Кутинной «Формирование языка русской науки» (М.—Л., 1964).

²⁹ Е. М. Иссерлин. Лексика русского литературного языка второй половины XVII в. (по материалам переводных и других памятников «среднего стиля»). Докт. дисс. Л., 1961, стр. 334.

canalis; Ф. Поликарпов передал их так: *фрет, протока, челюсти океана, канал.*

В русском переводе синонимические ряды, соответствующие синонимическим рядам латинского оригинала, увеличивались вследствие заимствования переводчиком терминов оригинала (*континент 'материк'; синус 'залив'; фрет 'пролив' и др.*), калькирования (*около-островие*, лат. *peninsula* 'полуостров'; *наличие*, лат. *superficia* 'поверхность' и др.), использования разъяснений к малопонятным заимствованным словам и калькам (*пенинсула, остров не окруженный водою 'полуостров'; истмус, место между морь 'перешеек'*).

Например, терминологический ряд со значением 'материк' в латинском оригинале представлен компонентами: *continens, terra firma, insula maxima*; в переводе Ф. Поликарпова им соответствуют: *континент, материк, земля твердая, земля крепкая, содержалище, толща (земная), превеликий остров.*

Многие терминологические обозначения оригинала переведены словами, близкими к этимологическому, но не терминологическому значению латинского слова; так, лат. *fauces oceani*, употребленное в значении 'пролив', переведено *челюсти океана*, *continens magna* 'континент' переведено как *содержалище великое*.

Использование Ф. Поликарповым иноязычных слов, создание калек, буквальных переводов придает языку «Географии» 1718 г. оттенок книжности, латинизированности.

Славянизированность и латинизированность слога «Географии» 1718 г. и одновременно с этим наличие в ней элементов живой народной речи являются теми стилистическими противоречиями, которые отразили столкновение старых книжных традиций с рождавшимися новыми. «География генеральная» Бернарда Варения, переведенная Ф. Поликарповым, входит в число тех переводов научной литературы, которые сыграли большую роль в развитии национального русского литературного языка и в формировании терминологии русской науки. Велика заслуга переводчика, который сумел перевести солидный научный труд и переводил его «не на самый славенский высокий диалект против автора сочинения и хранения правил грамматических, но множае гражданского посредственного употребляя наречия».⁸⁰

С. Р. ДОЛГОВА и Е. П. ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТИХИ НА СМЕРТЬ ПЕТРА I

Библиотека Центрального государственного архива древних актов — одна из старейших в нашей стране, она ведет свое начало со второй половины XVII в. — времени образования книгохранилища Посольского приказа, где собирались рукописи для хранения, а также для практических целей.

Первым официальным документом об учреждении архивной библиотеки является именной указ Петра I Посольскому приказу, сохранившийся в архивном деле под названием «Доклад о святых мощах и о книгах на разных языках, хранящихся в Посольском приказе с описью иноязычных книг». Появление настоящего документа — перечня книг и рукописей Посольского приказа — было вызвано попыткой патриарха Адриана отобрать у Посольского приказа все книги и передать в царскую книгохранительную палату на Печатный двор.

Известно, что решение царское последовало 29 июля 1696 г., и решение совершенно противоположное тому, о чем просил патриарх Адриан. 7204 г.

---

⁸⁰ Из предисловия переводчика к печатному изданию «Географии генеральной» Бернарда Варения (1718).

А. С. МЫЛЬНИКОВ

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ В ПРАГЕ. 1716—1721 гг.

Петр I 16 декабря 1715 г. повелел русскому послу в Вене А. П. Веселовскому: «По получении сего старайся, дабы снискать тебе в нашу службу из шрейберов или из иных невысоких чинов из приказных людей, которые бывали в службе цесарской из бемчан, из шленцов или из моравцов, которые знают по словенски, от всех коллегий, которые есть у цесаря (кроме духовных) по одному человеку... Также сыщите книгу юриспруденцию и как их сышешь, тогда надобно тебе съездить в Прагу и там в езувицких школах учителем говорить чтоб они помянутые книги перевели на словенский язык, а о том с ними договоритесь, почем они возьмут за работу от книги и о том нам пишите ж. И понеже некоторые речи их несходны с нашим словенским языком и для того можем к ним прислать русских несколько человек, которые знают по латыни и лучше могут несходные речи на нашем языке изъяснить». Письмо заканчивалось решительными словами, собственно-ручно добавленными Петром: «В сем гораздо постарайся, понеже нам сие гораздо нужно».¹

Декабрьское распоряжение Петра I неразрывно связано с общим курсом его славянской политики, одним из примечательных аспектов которой был устойчивый интерес к чешской культурной среде. Об этом свидетельствовали неоднократные попытки Петра I привлечь на русскую службу инженеров, медиков, военных, чиновников, актеров из числа иностранцев, знавших чешский язык, «бемчан».²

Нельзя не обратить внимания и на то, что в период разработки плана русской Академии наук Петр I предполагал пригласить в Петербург специалистов в области естественных и точных наук из Вены и Праги и просил русского посланника подыскать людей, владеющих чешским языком.³ Все эти факты прежде всего свидетельствовали о намерении Петра I использовать близость чешского и русского языков в целях более легкого, как ему каза-

¹ См.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862, стр. 231.

² См.: В. О. Ключевский. Сочинения в 8 томах, т. 4. М., 1958, стр. 169; А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Очерк по истории чешско-русских отношений. X—XVIII вв., т. 2. Прага, 1947, стр. 428—438.

³ J. Vávra. K charakteru a vývoji česko-ruských vztahů a slovanské vzájemnosti v 18 a ná poč. 19. st. — Historický časopis, 1960, s. 238.

лось, общения иностранных специалистов с русскими. Возможно, этому во многом содействовали личные наблюдения царя, трижды, в 1698, 1711 и 1712 гг., посетившего Чехию и в последний приезд познакомившегося с выдающимся чешским живописцем Яном Купецким.⁴ Но не только это. Были и более глубокие причины, восходившие к многовековому наследию русско-чешских контактов, далеко не всегда интенсивных, но тем не менее непрерывно существовавших и даже активизировавшихся к концу XVII в.⁵ В русле их и стоял эпизод с направлением в Прагу русских переводчиков.

Впервые специально обратил на это внимание П. П. Пекарский, основывавшийся на «Деяниях Петра Великого» И. И. Голикова и на некоторых архивных документах.⁶ «Замечательно, — подчеркивал А. В. Флоровский, — что у Петра Великого проявилась несколько раз мысль воспользоваться сходством русских с западными славянами для осуществления своих замыслов касательно распространения в России просвещения и искусств».⁷ Позднее эти материалы неоднократно воспроизводились как русскими, так и зарубежными славистами.⁸ Все же, несмотря на более чем вековую традицию изучения, историко-культурная значимость пражской миссии необходимой оценки не получила. Более того, далеко не все источники, относящиеся к поездке русских людей в Прагу, введены в научный оборот. Даже А. В. Флоровский, давший наиболее полную их сводку, зачастую опирался не на подлинные документы из архива Синода, а на аннотации их в печатном описании.⁹ Все это побуждает нас еще раз взглянуть на давнюю и до конца не прочитанную страницу русско-чешских связей петровского времени.

* * *

В цитированном письме Петра I был, в сущности, уже сформулирован его план осуществить в Праге с помощью русских толмачей-посредников перевод иностранных книг на русский язык. Впрочем, как справедливо отметил А. В. Флоровский, на первых порах план был весьма конкретен и сводился к переводу лишь трех книг — лексиконов и «экстракта из юриспруденции».¹⁰ Спорна, однако, дата возникновения самого замысла.

Со ссылкой на шестой том «Деяний» И. И. Голикова П. П. Пекарский писал: «31 декабря 1715 г. царь писал к Ягужинскому, чтобы он уведомил его, кто был автором универсального лексикона, который он читал, дабы я, прибавляя Петр, мог отписать к Веселовскому, чтобы оных в Праге перевести, также экстракт из юриспруденции там же перевести».¹¹ Указание это

⁴ С. А м о г т. Car Petr I v Čechách. — Slovanský přehled, 1952, N 5, s. 172—174.

⁵ Примером может служить трактат чешского иезуита Иржи Давида «Современное состояние Великой России или Московии», см.: А. С. М ы л ь н и к о в. Свидетельство иностранного наблюдателя о жизни русского государства конца XVII века. — Вопросы истории, 1968, № 1, стр. 124—125. Текст трактата в сокращении опубликован там же, № 1, 3, 4.

⁶ П. П. П е к а р с к и й. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 230.

⁷ А. В. Ф л о р о в с к и й. Чехи и восточные славяне, стр. 440—447.

⁸ Библиография их работ дана у А. В. Флоровского, что избавляет нас от необходимости более подробной ссылки. Особого внимания заслуживает краткая, но ценная по содержащимся сведениям заметка: С. А. Б е л о к у р о в. О посылке в 1716 г. из Москвы в Прагу для перевода книг двух учеников славено-латинских школ. — ЧОИДР, 1896, кн. 3, стр. 34—35.

⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве св. правит. Синода, т. 1—4. СПб., 1868—1880.

¹⁰ А. В. Ф л о р о в с к и й. Чехи и восточные славяне, стр. 440.

¹¹ П. П. П е к а р с к и й. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 231.

было дано через две недели после того, как Петр направил свое послание в Вену к А. П. Веселовскому. Оба документа определенно свидетельствуют, что русский царь на исходе 1715 г. был серьезно занят идеей переводческой деятельности в Праге. Но нет никаких оснований полагать, что истоки ее не восходят к более раннему времени.

При чтении письма А. П. Веселовскому обращает на себя внимание прекрасная осведомленность царя в местных чешских обстоятельствах. Петр не только дает своему агенту вполне четкие указания, куда ехать, с кем и о чем договариваться. Фраза о прислании писцов «из бемчан, из шленцов (т. е. силезцев, — А. М.) или из моравцов» показывала, что Петр отчетливо представлял себе этнический и территориальный состав коронных Чешских земель, включавших тогда собственно Чехию, Моравию и Силезию. Не чувствуется ли во всем этом личная осведомленность царя, опыт, накопленный им от пражских встреч?

То, что в конце 1715 г. Петр I вспоминает о Праге, само по себе не столь уж удивительно. Как раз в эти годы, заполненные бурным государственным строительством, из России посылались ученики в Венецию, Флоренцию, Париж, Лондон, Амстердам и другие зарубежные центры.¹² В числе этих городов стояла и Прага. Здесь, однако, присутствовало то, чего не было и не могло быть во всех других случаях: соображения языковой близости русских и чехов как славян. На этой идее, в сущности, и зиждился весь план Петра I, как мы узнаем о нем из цитировавшегося повеления. Но если это так, то именно воспоминаниями о чешских путешествиях следует объяснить, почему у Петра I возникла мысль вступить в деловые отношения с пражскими иезуитами и, более того, послать в далекую Прагу группу русских людей для обучения и участия в переводах иноземных книг на русский язык. Лишь при этом декабрьское письмо А. П. Веселовскому оказывается мотивированным и с деловой и с психологической стороны.

Сформулировав свои указания в конце 1715 г., Петр I среди многочисленных государственных и военных забот находил время и имел желание уделять внимание переговорам с пражскими иезуитами. Он предписал 11 апреля 1716 г. президенту Монастырского приказа И. А. Мусину-Пушкину подобрать для отправки в Прагу в качестве переводчиков «двух добрых латинников» и в помощь им двух-трех «добрых писцов подьячих». Первоначально предполагалось, что в Прагу будет послан кто-либо «из киевских чернцов», но уже 23 мая И. А. Мусин-Пушкин поручил Ф. П. Поликарпову подыскать кандидатов в Славяно-греко-латинской академии. Задача, видимо, оказалась не из простых, и лишь к осени состав группы был определен. В нее вошли переводчики префект Академии Феофил Кролик и Иван Воейков, а с ними драгун Василий Мамышев и ученик притики Максим Суворов. Эта четверка, по донесению Мусина-Пушкина, была в сентябре 1716 г. из Москвы отправлена «через Ригу до Праги».¹³ Несколько позднее к русской колонии присоединились и другие студенты.¹⁴

Русские переводчики были командированы в Прагу «для письма и перевода книг».¹⁵ На основании договоренности с А. П. Веселовским работу группы переводчиков согласился возглавить ректор Ян Либертин.¹⁶ «Дело перевода было организовано так: чешские сотрудники переводили с немецкого на чешский, а русский текст окончательно должны были обрабатывать русские сотрудники».¹⁷ Однако этот весьма сложный план скоро стал обнару-

¹² См.: В. О. Ключевский. Сочинения, т. 4, стр. 237.

¹³ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 233.

¹⁴ Там же, стр. 238.

¹⁵ ЦГИА, ф. 736, оп. 1, № 318, л. 2.

¹⁶ Речь идет, вероятно, о звании, так как в действительности ректором Клементинума, по словам А. В. Флоровского, Ян Либертин не являлся, см.: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 440.

¹⁷ Там же, стр. 441.

живать свои слабые места. Уже 8 марта 1718 г. А. П. Веселовский доносил Петру I о своем посещении Праги и ознакомлении с ходом переводческих работ Ф. Кролика и И. Воейкова. «И объявили они мне при том, — продолжал он, — что чешский перевод с немецкого чинится напрасно, понеже Кролик применил уже так к немецкому языку, что сам с оного переводит без всякой трудности, не требуя чешского, а Воейков с чешского переводит и всего разуместь не может, чего ради переводят ему с немецкого на латинский язык».¹⁸ О вынужденном отказе от первоначальной организации работы сообщал и сам Ф. Кролик в отчете о своей деятельности в Праге 7 ноября 1721 г.:

«В прошлом 1716 году по имянному царского священнейшего величества собственноручному указу повелено графу Ивану Александровичу Мусину-Пушкину отправить в Богемию, а имянно в Прагу, двоих особ, довольно латинскому языку ученых, для перевода на российский язык неких книг, которые с немецкого языка на чешский имели быть переложены. И по силе того же его царского величества имянного указа отправлен в первых числах сентября оного 1716 году из московских славенолатинских школ я нижепоименованный, префект тогда во оных бывший. И по прибытии в Прагу усмотрел, что чешского переводу книг исправлять не возможно, разве вновь с чешского на славянский язык переводя, что мне яко лучше немецкий язык, нежели чешский умеющему не было удобно, того ради по желанию моему вручено мне четыре тома исторического универсального дикционара аутора Будея, из которых с помощью божней два тома я и перевел без посредственного с немецкого на российский язык. И через таковой непосредственный перевод уждаена есть знатная сумма, которая имела иждевена быть на неспособный мне чешский перевод. И ныне по указу его царского величества возвратился я в царствующий Санктпитебург и прибыл сюда, яко о мне самом, так и о оном переводе моего деле требую от святейшего правительствующего Синода милостивого определения».¹⁹

Что касается репертуара переведенных в Праге книг, то А. В. Флоровский называл один английский и три немецких энциклопедических словаря.²⁰

Кроме того, по данным некоторых чехословацких авторов, в числе переведенных в Праге на русский язык книг были также «Видимый мир в картинках» и «Открытая дверь к языкам» Я. А. Коменского.²¹ К сожалению, эти весьма существенные для истории русско-чешских культурных связей сведения не подтверждаются документами Синода.

Нам удалось лишь установить, что среди книг, приобретенных М. Суворовым в бытность его в Праге, находилось нюрнбергское издание 1679 г. «Мира в картинках» Я. А. Коменского.²²

На основании сохранившихся документов видно, что Ф. Кролик действительно переводил на русский язык четырехтомный «исторический универсальный дикционар» И. Будея, незадолго перед тем изданный в Лейпциге («All-

¹⁸ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 234.

¹⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 647, л. 1.

²⁰ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 443—444. Под английским словарем скорее всего подразумевалась первая энциклопедия наук и ремесел на английском языке Д. Гарриса (1666—1719) «Lexicon Technicum or an Universal Dictionary of Arts and Sciences» (Лондон, 1704). Петр I был очень заинтересован в русском переводе этой ценной для своего времени книги. К сожалению, замысел Петра I не осуществился.

²¹ J. Jirasek. Rusko a my. T. I. Vyd. 2. Praha, 1946, s. 11; В. Чейхан и А. Магр. Прага—Москва. Тысячелетний календарь культурной связи. Прага, 1946, стр. 20.

²² ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 445, л. 3.

gemeines historisches Lexicon». Т. 1—4. Leipzig, 1709).²³ Студент Славяно-греко-латинской академии И. Воейков начал переводить с немецкого же языка «Книгу вещественные состояния ведомостей и обходительства, лексикон автора Гибнера».²⁴ Ввиду смерти переводчика работа эта была продолжена в Праге М. Суворовым. В справке о нем было записано, что «1720 году с августа сам переводил лексикон Гибнеров с немецкого языка».²⁵ Видимо, он же переводил другой труд И. Гюбнера, названный в переписке Синода «Любопытные натуры художества, рудокопания и кулчества».²⁶

Нельзя не обратить внимания на весьма умелый отбор книг для перевода — И. Будей и в особенности И. Гюбнер принадлежали к авторам весьма распространенных справочных изданий, которые пользовались на книжном рынке большим спросом. Их труды тогда и позднее многократно переиздавались, причем некоторые лексиконы И. Гюбнера переводились и на другие языки (например, на французский). Принимаясь за перевод этих книг, русские переводчики, таким образом, открывали возможность приобщения русского читателя к зарубежным справочным изданиям. Так, «Staats und Zeitung Lexicon» привлек внимание В. Н. Татищева. Как видно из письма Н. Страленберга немецкому слависту И. Фришу 12 марта 1725 г., Татищев принялся составлять «примечания ко всем статьям о России». Сообщая об этом И. Фришу, Страленберг добавлял: «Татищев сам напишет об этих примечаниях Гибнеру, обещая их ему переслать. Если бы у меня было время, я списал бы для вас копию этих примечаний, так как в них очень много интересного, в словаре не осталось ни одной статьи, в которую Татищев не внес бы свои исправления».²⁷ К сожалению, эта работа В. Н. Татищева не сохранилась.

---

²³ П. П. Пекарский затруднялся указать, какой именно «Лексикон» переводился Ф. Кроликом, со ссылкой на Вебера сообщая, что пражские иезуиты переводили для Петра I лексикон И. Будей. См.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 234. Фактически словарь являлся переводом и частичной переделкой известного французского словаря Л. Морери (1643—1680) «Le grand dictionnaire historique...» в издании 1702 г. Будею принадлежало только предисловие к немецкому изданию, которым пользовались русские переводчики. Судя по материалам, об авторстве Морери они не знали. Любопытно, что в предисловии к базельскому изданию словаря Морери 1733 г. прямо сообщается следующее: «Говорят, что Будей жалел, что сделал предисловие, в котором было обещано больше, чем издание могло дать, и что он не стал бы так хвалить этот труд, если бы не влияние издателя, сильно преувеличившего достоинства перевода. Но если сей выдающийся ученый мог написать предисловие с чужих слов, то, может быть, он где-нибудь отметил, что хотя бы просмотрел текст и что все делалось у него на глазах. Здесь пустота, которую не могут, а может быть, и не хотят заполнить». Пользуясь случаем, приношу благодарность Ю. С. Перцовичу за сведения, до сих пор в нашей литературе не отмеченные.

²⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 318, л. 2—3. Затруднительно установить при столь краткой и, в сущности, неопределенной передаче заглавия, о какой книге И. Гюбнера идет речь. Не исключено, что имелся в виду многократно перепечатывавшийся справочник «Staats und Zeitung Lexicon».

²⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 2, № 526, л. 463 об.

²⁶ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 318, л. 3. Имеется в виду книга И. Гюбнера «Curieuses und reales Natur-Kunst-Berg-Gewerck und Handlung Lexicon», которая неоднократно переиздавалась в XVIII в. А. В. Флоровский, не имевший возможности видеть текст доношения, предполагал, что этот лексикон не был переведен, см.: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 444.

²⁷ См.: А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по истории России. — В кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 8.

Горстка русских людей жила в Праге несколько лет вдали от родины. Жилось им всем трудно. Как видно из первого письма Ф. Кролика и И. Воейкова на имя А. П. Веселовского от 24 августа 1717 г., средства на содержание отпускались с большими перебоями, и они постоянно испытывали нехватку денег на еду, свет и жилье.²⁸

Заманчиво было бы попытаться выяснить, какие отношения сложились у них с окружающей средой, как и насколько вошли они в пражскую жизнь. «К глубочайшему сожалению, — писал в свое время А. В. Флоровский, — мы не имеем никаких данных о том, чем и как они жили, кроме переводов, с кем общались, как воспринимали новые европейские впечатления. Ни один из побывавших тогда в Праге не оставил литературных следов своей жизни в Чехии, не найдены еще и чешские документы об этом, хотя они могли бы дать немало разъяснений вопросов и по существу, и с бытовой стороны».²⁹ Несмотря на столь пессимистический вывод, даже то немногое, что было уже известно А. В. Флоровскому, а отчасти выявлено нами, дает возможность, хотя бы приблизительно, обрисовать положение русской колонии в Праге. Большой интерес с этой точки зрения представляет справка, найденная недавно в фонде «Иезуитика» Пражского Центрального государственного архива ЧССР.³⁰

Справка, написанная по-латыни, занимает немногим более двух страниц и по времени создания близка к описываемым в ней событиям. Она озаглавлена «Informatio de certis nationis ruthenica ad urbem Pragensem advenis atque subinde ad scholas Societatis Pragae in Vetere ac Nova Civitate admissis». Это пока что первый и ранее не использованный документ чешского происхождения относительно поездки русских переводчиков и студентов в Прагу по повелению Петра I. В этом, естественно, заключается главная ценность «Информации» как вновь выявленного исторического источника.

Как же рисуются в нем цели поездки и положение русских людей в Праге? В основных чертах здесь повторяется то, что известно нам по другим источникам: замысел перевода лексиконов И. Будея и И. Гюбнера с немецкого языка на русский через промежуточный чешский перевод, направление переводчиков, а затем и студентов для обучения в местном университете, материальные трудности, с которыми они столкнулись. Учитывая, что в «Информации» И. Воейков упоминается как здравствующий (он умер 6 августа 1720 г.), а о русских людях говорится как о еще пребывающих в Праге, можно предположить, что документ был составлен для нужд руководства ордена иезуитов или властей вскоре после прибытия русских переводчиков и студентов в Прагу, во всяком случае не позднее середины 1720 г.

Но значимость «Информации» не ограничивается только подтверждением уже известного, хотя и само по себе это существенно. Иезуитская справка вносит некоторые небезынтересные штрихи в картину пребывания петровских посланцев в Праге. Во-первых, в «Информации» точно названо имя пражского иезуита, взявшего за промежуточный (чешский) перевод «Лексикона» Будея: Michael Franik de Frankenstein.³¹ Именно к нему первоначально и были прикреплены два русских переводчика и их два помощника. Кстати, «Информация» позволяет уточнить дату прибытия последних в Прагу: «anno

²⁸ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 233—234.

²⁹ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 446.

³⁰ Státní ústřední archiv ČSSR, JS CL XXII/3, f. 44—45. (Далее сокращенно — SUA). Указанный документ был по нашей просьбе разыскан сотрудниками Архива Карлова университета при деятельном и благожелательном участии действительного члена Чехословацкой Академии наук проф. В. Ванечка, которому автор приносит глубокую благодарность.

³¹ SUA, f. 44.

1717 in Festo SSS. Triumph Regum», т. е. 6 января. Далее, как видно из справки, в Прагу в ноябре 1717 г. прибыло не два, как считается обычно со времен П. П. Пекарского³² (В. Козловский и Ф. Анохин), а три студента для обучения в местном университете. Третьим был Иосиф Кречатовский.³³ Как здесь указано, первые двое будут обучаться в «логике», а последний — в «синтаксисе». По русским документам судьбы третьего студента проследить не удастся. В указанной справке содержится то, что особо важно видеть в источнике пражского происхождения, — оценка поведения русских людей на чужбине. Загруженные работой, лишенные постоянного денежного содержания, они продолжали честно выполнять свой долг, ведя себя с достоинством. Последнее не прошло мимо внимания составителя «Информации», указавшего, в частности, что русские студенты «...среди студентов жили без каких-либо скандалов». Так еще раз — теперь с чешской стороны — подтверждается, что никто из русской колонии не покинул своего поста, не был замечен в чем-то предосудительном, не изменил своим убеждениям и обычаям.

Примечательно (и это отмечал уже А. В. Флоровский), что старший в группе Ф. Кролик был каким-то образом уже ранее связан с австрийской средой, поскольку и решение о направлении его в Прагу «радостно принял, понеже издавна желал и искал разлучиться от Москвы и в Цесарии, ему любезной, быть».³⁴ При таких обстоятельствах он вряд ли мог не передать какой-то опыт, знания местных обычаев, культурной жизни своим менее осведомленным соотечественникам. Но если это только предположение, то просмотренные нами документы дают основание вполне определенно судить, что если не на всех, то по крайней мере, на многих членов русской колонии пребывание в Праге оказало воздействие. Прежде всего это касалось учеников Славяно-греко-латинской академии Ф. Анохина и В. Козловского, посланных в Прагу для продолжения обучения в Пражском университете.³⁵ Один из них, В. Козловский, в 1721 г. докладывал в Синод:

«В прошлом 1717 г. был я нижеподписавшийся по его царского величества имянному указу послан с товарищи для либеральных наук в Прагу, где и прилежал повеленному учению (что явствует данное мне от езуитов свидетельство)».³⁶ По прохождении курса, в 1720 г., русские студенты вернулись домой. В деле по кабинетскому сообщению об определении на службу В. Козловского читаем: «В прошлом 1717 г. по указу его царского величества посланы были в Прагу латинской школы ученики Василей Козловский с прочими для окончания тех наук, и ныне он сюда приехал и послан в правительствующий Синод, которого чтоб повелено было освидетельствовать в его науке и потом определить к делу, к какому святейший Синод заблагорассудит».³⁷

Наибольшее влияние, пожалуй, Прага оказала на М. Суворова. Прибывший сюда в скромной должности писца, «ученик пиитики» не только взялся после кончины И. Воейкова за переводческие обязанности, но и воспользовался случаем для пополнения своего образования. В уже однажды упомянутой синодской справке о нем говорилось: «1716 году послан он был в Прагу для переписи переводов из школы пиитики, где слушал курс трилетней философии».³⁸ Иными словами, он окончил полный курс философского факультета Пражского университета. Делал он это по собственному почину, «за свою волю».

³² См.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 238.

³³ SUA, f. 44 verso.

³⁴ А. Ф. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 442.

³⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 496, л. 2, 5.

³⁶ Там же, л. 4.

³⁷ Там же, л. 2.

³⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 2, № 526, л. 463 об.

Хотя в области гуманитарного образования в Чехии тех десятилетий господствующее место принадлежало ордену иезуитов, а в университете царяла средневековая схоластика, посещение философского факультета не прошло для М. Суворова бесследно. О круге его интересов свидетельствовал состав книг, приобретенных им в бытность в Праге. Позднее уже в Петербурге, в 1724 г., он намеревался отдать эти книги в Синод, в связи с чем 30 сентября обратился с прошением, начинавшимся словами: «Имею я латинских, немецких и нечто французских разных форматов книг, считая по переплету 65, а по экземплярам . . . 100 книг, которых каталог при сем прошении прилагаю. И желаю, дабы вашего святейшества милосердное призрение повелено было оные мои книги принять в синодальную библиотеку за самую в Праге (не считая провоза и мыта) данную за них цену за 50 рублей, а вместо моих книг за означенную пятидесятирублевую сумму повелено было мне выдать из типографии славенороссийскими книгами, какие мне потребны».³⁹

Приложенный к прошению каталог до сих пор не находился в поле зрения исследователей.⁴⁰ Между тем анализ его небезынтересен. Во-первых, он позволяет составить представление о широком круге интересов владельца собрания, поскольку здесь значились книги по математике, юриспруденции, философии, географии и педагогике, энциклопедические словари, изданные в таких центрах раннего Просвещения, как Лейден и Амстердам и в немецких городах Нюрнберге, Лейпциге, Магдебурге, Кельне. Во-вторых, каталог, составленный М. Суворовым, документально засвидетельствовал, какие книги можно было приобрести в Праге в 1720-е годы. Последнее важно для характеристики интеллектуальной жизни столицы Чешского королевства в десятилетия наивысшего разгула политики контрреформации.

Сложнее обстоит дело с вопросом об отношении русских людей к собственно чешской культурной среде. Как можно заключить из ряда доношений, русские переводчики до прибытия в Прагу чешским языком вообще не владели, были «неспособны» ему и стали свыкаться с ним — одни быстрее, другие медленнее — лишь в процессе литературной работы. Трудно судить, насколько они при этом делали различие между чешской и немецкой городской средой, характерной для Праги XVIII в. Вопрос этот, однако, нельзя считать праздным, поскольку именно в годы пребывания русских переводчиков здесь происходило некоторое оживление чешского национально-культурного самосознания. Достаточно указать, что с 1719 г. видный издатель Карел Розенмюллер стал выпускать первую газету на чешском языке «Чешский почтальон». В газете этой часто и в благожелательном духе писалось о России, о ее внешней и внутренней политике и культуре.⁴¹ Проходило ли все это мимо внимания русских переводчиков? А быть может, они имели какое-либо отношение к источникам русской информации чешского издателя? К сожалению, на подобные вопросы пока ответить трудно.

Некоторый свет на проблему контактов русских с чехами проливает введенный недавно А. В. Флоровским в научный оборот новый важный документ теплившегося в Чехии начала XVIII в. славянского самосознания — обращение к императору 3 марта 1722 г. некоего Антонина Шимонка с просьбой разрешить выполнить чешский перевод и издать какое-то историческое сочинение, связанное с борьбой против турецкой агрессии. Как видно из обращения, Шимонек несколькими годами ранее принимал участие в работе русских переводчиков и переводил с немецкого на чешский язык для намечавшегося далее русского перевода какого-то исторического сочинения. По предположению А. В. Флоровского, речь скорее всего шла о лексиконах

³⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 445, л. 1.

⁴⁰ Там же, № 463, л. 2—4.

⁴¹ Подробнее см.: А. С. Мыльников и Т. А. Мыльникова. Первая чешская газета о России. — Советское славяноведение, 1967, № 1, стр. 60—64.

Гюбнера или Будея. В таком случае Антонин Шимонек должен был сотрудничать с Ф. Кроликом, а может быть — с Воейковым или М. Суворовым. Не под влиянием ли разговоров с ними он усвоил те мысли, которые в 1722 г. излагал в обращении к Карлу VI: в интересах Австрии считаться с «великим народом», т. е. с Россией, и укреплять дружественные связи между Россией и Чешскими землями. Высокая оценка роли русского народа, которой придерживался А. Шимонек, австрийским властям не понравилась. Недовольство было столь значительным, что сотоварищу русских гостей пришлось в июле того же года оправдываться перед пражским наместничеством и доказывать свою лояльность!⁴²

Кроме того, у русских людей были и бытовые, повседневные соприкосновения с чешской национальной средой. Не свидетельствовал ли, например, о том брак М. Суворова с некоей чешкой по имени Анна Георгиевна (стало быть, ее отца звали Иржи), о принятии которой в православие М. Суворов просил Синод в 1724 г.⁴³

* * *

К 1721 г. все члены русской группы уже вернулись из Праги домой. Но едва ли не один Ф. Кролик какое-то время занимался продолжением литературной работы, завершая перевод двух последних томов лексикона И. Будея. Об этом свидетельствовало доношение Ф. Кролика в Синод с просьбой отпустить ему потребное количество бумаги: «Понеже святейший правительствующий Синод изволил мне нижепоименованному приказать два последние тома автора Будея с немецкого на российский язык переводить, того для о выдаче бумаги, на оной перевод святейший правительствующий Синод что соблагоизволил».⁴⁴ Вообще же «пражане» долгое время были вынуждены обивать пороги правительственных учреждений с просьбой об определении на какое-либо место. Так, по ходатайству М. Суворова «о приеме ... с привезенным из чешской Праги переводом и оригинальными книгами»⁴⁵ и на основании доношения штатс-коитор-коллегии он был в 1721 г. определен справщиком и переводчиком Синодальной типографии.⁴⁶ Пробыл он в этой должности недолго и после 1724 г. уехал с семьей в Сербию как миссионер. Остальные «пражане» были устроены в качестве мелких правительственных чиновников.

Все, что они успели выполнить в Праге, было сдано на хранение в Синодальную типографию и, кажется, осталось без движения. Так, у М. Суворова привезенные из Праги материалы были приняты цейх-директором Синодальной типографии М. П. Аврамовым и по его распоряжению «оные выше-реченные книги, называющиеся лексикон и выше-реченные числом тетради переводу отданы для сохранения ... Андрею Евреининову».⁴⁷ Судя, однако, по документам из архива Синода, часть переводов осталась на руках у переводчиков. Какова была дальнейшая судьба пражского литературного наследия? Не исключая возможности находок, А. В. Флоровский все же пессимистически предполагал: «К сожалению, рукописи переводов, выполненных русскими сотрудниками пражских иезуитов в их пражской „кляштере“, как выражался Петр Великий, не сохранилось».⁴⁸ Поскольку в архиве Синода нам

⁴² A. V. Florovský. Prameny k ruským dějinám doby Petra Velikého v českých archivech a sbírkách. — Sborník archivních prací, roč. 18, N 2, 1968, s. 536—537.

⁴³ ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 463, л. 1 об.

⁴⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 2, № 4, л. 1.

⁴⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 467, л. 1.

⁴⁶ Там же, л. 2.

⁴⁷ Там же, № 318, л. 2 об., 3 об.

⁴⁸ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 444.

действительно не удалось обнаружить никаких следов рукописей, показалось целесообразным обратиться туда, куда их сдавали русские переводчики, — в ведомство Андрея Евреинова. И действительно, после некоторых поисков в фонде Синодальной типографии удалось обнаружить перевод, который на первый взгляд можно было бы отнести к числу выполненных в Праге — географический лексикон И. Гюбнера. Существуют две рукописи перевода: черновая, рабочая, и беловая, переписанная с первой и сохранившая следы редакционной правки красными чернилами. Черновая рукопись озаглавлена: «Краткия вопросы из старой и новой географни выбраны чрез Яна Гибнера. Напечатана помянутая книга на немецком диалекте в Лейпциге 1711». ⁴⁹ Заглавие белого списка несколько исправлено: «Краткия вопросы из старья и новья географни выбраны чрез Яна Гибнера. А печатана подлинная книга на немецком диалекте в Лейпциге 1711-го». ⁵⁰

Но является ли эта рукопись одним из итогов пражской миссии? В пользу такого предположения, казалось бы, говорят, во-первых, сам характер книги, аналогичной другим, над которыми работали русские переводчики, и, во-вторых, явно чешская калька передачи на русский язык имени Гюбнера — славянское Ян вместо немецкого Иоганн. Однако такому весьма заманчивому предположению противоречит ряд обстоятельств. Прежде всего, на первом листе черновой рукописи значится распоряжение: «К переводу 13 марта 1716 г.». Что бы ни означала эта дата, в марте 1716 г. русских людей в Праге попросту еще не было. С другой стороны, текстологический анализ обнаруженных нами рукописей показывает, что это рукопись книги, вышедшей в 1719 г. под заглавием: «Земноводного круга краткое описание из старья и новья географни по вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собранное и на немецком диалекте в Лейпциге напечатано. А ныне повелением великого государя царя и в. к. Петра Первого всероссийского императора при наследственном благороднейшем государе царевнице Петре Петровиче на российский напечатано в Москве».

Относительно этой книги из письма Я. В. Брюса от 2 ноября 1716 г. известно, что она переводилась в Петербурге. ⁵¹ Рукопись ЦГАДА, выявленная нами, позволяет, однако, уточнить оригинал перевода, поскольку в печатном заглавии сведения об этом, имеющиеся на черновом и беловом списках, отсутствуют. Поэтому в комментарии к библиографическому описанию указывалось: «Русский перевод сделан с какого-нибудь издания между 1711—1716 гг.». ⁵² Теперь же можно утверждать, что перевод выполнен по немецкому оригиналу, изданному в Лейпциге в 1711 г.

Итак, смело и интересно задуманный для своего времени план организации переводов научной литературы в Праге на русский язык остался без практических последствий. Но он не остался и не мог остаться безрезультатным в широкой исторической перспективе. «В сем гораздо постарайся, понеже нам сие гораздо нужно», — наказывал Петр I в 1715 г., и ту же мысль спустя несколько десятилетий будут отстаивать многие ведущие деятели чешского национального движения, подчеркивая необходимость укрепления чешско-русских связей.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 381, № 1010.

⁵⁰ Там же, № 1111.

⁵¹ Описание изданий гражданской печати. 1708—январь. 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955, стр. 259—260.

⁵² Там же, стр. 259.

canalis; Ф. Поликарпов передал их так: *фрет, протока, челюсти океана, канал.*

В русском переводе синонимические ряды, соответствующие синонимическим рядам латинского оригинала, увеличивались вследствие заимствования переводчиком терминов оригинала (*континент* 'материк'; *синус* 'залив'; *фрет* 'пролив' и др.), калькирования (*около-островие*, лат. *peninsula* 'полуостров'; *наличие*, лат. *superficia* 'поверхность' и др.), использования разъяснений к малопонятным заимствованным словам и калькам (*пенинсула, остров не окруженный водою* 'полуостров'; *истмус, место между морь* 'перешеек').

Например, терминологический ряд со значением 'материк' в латинском оригинале представлен компонентами: *continens, terra firma, insula maxima*; в переводе Ф. Поликарпова им соответствуют: *континент, материк, земля твердая, земля крепкая, содержалище, толща (земная), превеликий остров.*

Многие терминологические обозначения оригинала переведены словами, близкими к этимологическому, но не терминологическому значению латинского слова; так, лат. *fauces oceani*, употребленное в значении 'пролив', переведено *челюсти океана*, *continens magna* 'континент' переведено как *содержалище великое.*

Использование Ф. Поликарповым иноязычных слов, создание калек, буквальных переводов придает языку «Географии» 1718 г. оттенок книжности, латинизированности.

Славянизированность и латинизированность слога «Географии» 1718 г. и одновременно с этим наличие в ней элементов живой народной речи являются теми стилистическими противоречиями, которые отразили столкновение старых книжных традиций с рождавшимися новыми. «География генеральная» Бернарда Варения, переведенная Ф. Поликарповым, входит в число тех переводов научной литературы, которые сыграли большую роль в развитии национального русского литературного языка и в формировании терминологии русской науки. Велика заслуга переводчика, который сумел перевести солидный научный труд и перевел его «не на самый славенский высокий диалект против автора сочинения и хранения правил грамматических, но множае гражданского посредственного употреблях наречия».³⁰

С. Р. ДОЛГОВА и Е. П. ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТИХИ НА СМЕРТЬ ПЕТРА I

Библиотека Центрального государственного архива древних актов — одна из старейших в нашей стране, она ведет свое начало со второй половины XVII в. — времени образования книгохранилища Посольского приказа, где собирались рукописи для хранения, а также для практических целей.

Первым официальным документом об учреждении архивной библиотеки является именной указ Петра I Посольскому приказу, сохранившийся в архивном деле под названием «Доклад о святых мощах и о книгах на разных языках, хранящихся в Посольском приказе с описью иноязычных книг». Появление настоящего документа — перечня книг и рукописей Посольского приказа — было вызвано попыткой патриарха Адриана отобрать у Посольского приказа все книги и передать в царскую книгохранительную палату на Печатный двор.

Известно, что решение царское последовало 29 июля 1696 г., и решение совершенно противоположное тому, о чем просил патриарх Адриан. 7204 г.

---

³⁰ Из предисловия переводчика к печатному изданию «Географии генеральной» Бернарда Варения (1718).

(1696 г.) июля 29 Петр указал: «...выше сего печатные и письменные книги ... в Посольском приказе пересмотреть и переписать нмяино, да и в приказе Малые России такие же книги, которые есть налицо, переписать и взять их в Посольский приказ с роспискою. А переписав, те все книги собрать и держать в Посольском приказе в бережении и записать для ведома в книги».¹

При учреждении в С.-Петербурге в 1720 г. Государственной коллегии иностранных дел упразднен был существовавший до этого в Москве Посольский приказ. Из его дел образовался архив Коллегии, переименованный в 1803 г. в Московский главный архив Министерства иностранных дел (МГАМИД).

С тех пор это хранилище еще более привлекает внимание историков и архивистов. Наряду с приобретением книг, в дар библиотеке архива передавались целые книжные собрания от правительственных учреждений, научных обществ и частных лиц. Но особенно большие поступления в МГАМИД были из имущества ссыльных или попавших в немилость политических деятелей России XVIII в.: князей Долгоруких, графа А. И. Остермана, А. П. Вольинского и его близких соратников — П. И. Мусина-Пушкина, Ф. И. Соймонова, А. Ф. Хрущова.

Из числа конфискованных книг, принадлежавших известному русскому дипломату Андрею Остерману,² в 1744 г. из Академии наук в Коллегию иностранных дел было выделено всего 158 книг и рукописей. Все эти книги в трех ящиках в июле 1749 г. из Коллегии иностранных дел были переданы в ее Московский архив вместе с бумагами, «взятыми из дома Остермана и других».³

В настоящее время удалось разыскать несколько редких книг из библиотеки А. И. Остермана; среди них чрезвычайно библиографическую редкость представляют стихи, изданные в Голландии в год смерти Петра I.

Стихотворение напечатано на плотной, хорошо сохранившейся бумаге с водяным знаком «Страсбургская лилия». Такую бумажную продукцию вывозила с конца XVII в. французская фирма «Вилледаре» (Villedary) в Голландию, что совпадает со временем издания стихотворения.

ЭПИТАФИЯ

*сиятельному и всемогущему
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ*

*императору всея Руси, отцу отечества
и проч. и проч. и проч.*

умершему в Петербурге 28 января 1725 года.

Здесь покоится Петр — великий государь России, который своими подвигами пламя войны погасил. Берега Балтийского моря кораблями заполнил, за свои деяния он императорской короной увенчан. Героическим мужеством удержал он натиск на Восток, и разом утихомирл чужестранцев. Небу опора, что еще больше его возвеличивает, он отечество защитил своим грозным оружием.

¹ ЦАДА, ф. 138. Дела о Посольском приказе и о служивших в нем людях. 1696 г., № 9, л. 21—22.

² А. И. Остерман после дворцового переворота 1741 г., возведшего на престол Елизавету Петровну, был предан суду, приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой в Березов, где умер.

³ С. Белокуров. О библиотеке московских государей. М., 1899, стр. 90.

В правом углу листа набрано: *Van der Zanden*. Кроме того, на листе имеется запись известного историка Н. Н. Бантыша-Каменского: «Стихи (голландские) на кончину импер. Петра I».

Петр I был в Голландии дважды — в 1697—1698 и в 1717 гг.

Его первое зарубежное путешествие продолжалось без малого полтора года, причем львиная доля (9 месяцев) падает на пребывание в Голландии. Петр I жил в Саардаме, Амстердаме, Гааге, побывал в Лейдене, Утрехте, Дельфте, Гаарлеме и в других голландских городах.

Дружелюбное отношение к голландцам возникло у Петра I еще на родине, до заграничной поездки. Он встречался с голландцами в Москве, с уважением относился к нидерландскому посланнику фон Келлеру; голландцем был личный врач Петра фон дер Гульст. Петр I переписывался с голландским бургомистром Николаем фон Витзеном, ученым и государственным деятелем. В Воронеже, Архангельске, в Москве завязались у Петра I дружеские и товарищеские отношения с голландскими мастерами, ремесленниками, матросами, моряками, купцами. Петр прекрасно владел голландской разговорной речью еще до поездки и нередко использовал за рубежом голландский язык не только в Нидерландах, но, например, в Кенигсберге при встрече с бранденбургским курфюрстом и в Англии с королем Вильгельмом III.⁴

В Голландии Петр I встречался с очень широким кругом лиц: с нидерландскими государственными деятелями, бюргермейстерами, в их числе — со своим корреспондентом Н. Витзеном, с архитекторами, инженерами — среди них военный инженер М. Кэгорн, с учеными — археологом Яковом де Вильде, анатомом Ф. Рейсом (в русских документах: Рюйш), выдающимся биологом-микроскопистом Антони Левенгуком, с амстердамскими купцами Тессингами, причем договорился с Яном Тессингом об устройстве в Амстердаме русской типографии.

Петр I работал на Саардамской и Остинской верфях корабельным плотником. В Саардаме он пробыл всего неделю, но почти все свое пребывание в Голландии проработал на амстердамской Остинской верфи под руководством Геррита-Клааса Поля, строя фрегат «Святые апостолы Петр и Павел».

Корабельный учитель Петра Г.-К. Поль выдал 15 января 1698 г. своему ученику Петру Михайлову аттестат, как искусному корабельному плотнику, изучившему корабельную архитектуру и черчение планов.⁵ На верфях Петр I выглядел рядовым плотником: он носил костюм из саржи, красную рубашку, войлочную шляпу; топор держал в руках или за поясом.

Именно Петр-труженик оставил по себе добрую память в трудолюбивой Голландии, как пишет советская писательница Мариэтта Шагинян в путевых очерках.⁶

О пребывании Петра I в Голландии сохранились записки, рассказы, предания, которые использовал голландский ученый конца XVIII—XIX в. Схельтема.⁷

⁴ См.: А. Г. Брикнер. Иллюстрированная история Петра Великого, т. I, СПб., 1902, стр. 172, 189; М. М. Богословский. Петр I. М., 1941, т. 2, стр. 124, прим.

⁵ Текст аттестата см.: М. М. Богословский. Петр I, т. 2, стр. 270—271.

⁶ М. Шагинян. Зарубежные письма. М., 1971, стр. 327—332.

⁷ См.: М. М. Богословский. Петр I, т. 2, стр. 132—133. Советский исследователь С. Л. Соболев установил еще один источник, использованный Схельтемой в рассказе о встрече Петра I с голландским ученым А. Левенгуком, см.: С. Л. Соболев. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII в. М.—Л., 1949, стр. 30—45 (раздел «Петр I и Левенгук»).

В Голландии в 1698 г. была выбита специальная медаль по случаю пребывания русского Великого посольства.⁸ В городке Зандаме стоит памятник «царю-плотнику» и превращенный в музей домик Геррита Киста, где жил Петр I.⁹ В рукописном отделе библиотеки Амстердамского университета хранится альбом голландского анатома Рейса с записями Петра I, А. Д. Меншикова, «великого и полномочного посла» Ф. А. Головина и многих других русских, приехавших в 1697—1698 гг. в Голландию учиться кораблестроению и «морскому делу».¹⁰

Неудивительно, что смерть Петра I в январе 1725 г. получила отклик и в Голландии.

М. МУЛИЧ

ДВА РУКОПИСНЫХ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЮЖНЫХ СЛАВЯН, ПОСВЯЩЕННЫХ ПЕТРУ I

Военные успехи «Священной лиги» против Турции в конце XVII в. и особенно участие России на стороне Лиги вселили в южных славян надежды на скорое освобождение от турок. Эти надежды снова вспыхнули у них с началом новой русско-турецкой войны, последовавшей вскоре после разгрома армии Карла XII Петром I под Полтавой. Политические события того времени нашли свое отражение и в двух стихотворных произведениях, возникших тогда же на славянском Юге. Одно из этих сочинений принадлежит неизвестному сочинителю, по всей вероятности какому-то сербскому монаху монастыря Крки в средней Далмации. Второе написано известным хорватским ученым и поэтом Павлом Риттером-Витезовичем.

О сочинении неизвестного монаха уже упоминалось вкратце в одной из моих работ.¹ Озаглавлено оно: «Пъсанъ цару Петру — Пъсанъ похвална цару московиту». Текст этого сочинения находится в рукописной тетрадке, принадлежавшей попу (иеромонаху) Луке Трескавице, жившему во второй половине XVIII в. в монастыре Крка. Тетрадь-рукопись ныне хранится в БАН.² Исходя из того что в начале произведения читаем: «Сад се ова книга штие да се московъ с турци бие» (т. е. «Теперь в этой книге читается, что русские с турками воюют»), можно полагать, что сочинение это возникло уже в начале XVIII в., до катастрофы на Пруте, о чем говорит и само содержание сочинения. В нем, после краткого пролога «Плачут и рыдают || греки, сербы и болгары» (стихи 1—2), говорится о страданиях поработенных балканских православных христиан и их молитвах, обращенных к богу, даровать победу московскому царю Петру. Это царь Петр, которого сербы и болгары предпочитают остальным христианским государям, ибо он свой,

---

⁸ G. van Loo n. Beschryving der Nederlandsche Historie-penningen, v. IV. s Gravenhaage, 1723—1731, см.: С. Л. С о б о л ь. История микроскопа. . . , стр. 33.

⁹ Любопытно, что в музее выставлена книга Алексея Толстого «Петр I», переведенная на голландский язык.

¹⁰ Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver, 1694, 1964, стр. 93—103. Цит. по оттиску на русском языке: Б. Б. Беккер. Русские посетители анатомического кабинета профессора Рейса в Амстердаме.

¹ Малик Мулић. Качићев «Разговор угодни» у једном ћирилском пријепису из XVIII вијека. — Филолошки преглед, I—II, Београд, 1968, стр. 100—101.

² БАН. Собр. рукописей П. А. Сырку, № 55, 13.6.18.

В Голландии в 1698 г. была выбита специальная медаль по случаю пребывания русского Великого посольства.⁸ В городке Зандаме стоит памятник «царю-плотнику» и превращенный в музей домик Геррита Киста, где жил Петр I.⁹ В рукописном отделе библиотеки Амстердамского университета хранится альбом голландского анатома Рейса с записями Петра I, А. Д. Меншикова, «великого и полномочного посла» Ф. А. Головина и многих других русских, приехавших в 1697—1698 гг. в Голландию учиться кораблестроению и «морскому делу».¹⁰

Неудивительно, что смерть Петра I в январе 1725 г. получила отклик и в Голландии.

М. МУЛИЧ

ДВА РУКОПИСНЫХ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЮЖНЫХ СЛАВЯН, ПОСВЯЩЕННЫХ ПЕТРУ I

Военные успехи «Священной лиги» против Турции в конце XVII в. и особенно участие России на стороне Лиги вселили в южных славян надежды на скорое освобождение от турок. Эти надежды снова вспыхнули у них с началом новой русско-турецкой войны, последовавшей вскоре после разгрома армии Карла XII Петром I под Полтавой. Политические события того времени нашли свое отражение и в двух стихотворных произведениях, возникших тогда же на славянском Юге. Одно из этих сочинений принадлежит неизвестному сочинителю, по всей вероятности какому-то сербскому монаху монастыря Крки в средней Далмации. Второе написано известным хорватским ученым и поэтом Павлом Риттером-Витезовичем.

О сочинении неизвестного монаха уже упоминалось вкратце в одной из моих работ.¹ Озаглавлено оно: «Пѣсань цару Петру—Пѣсань похвална цару московиту». Текст этого сочинения находится в рукописной тетрадке, принадлежавшей попу (иеромонаху) Луке Трескавице, жившему во второй половине XVIII в. в монастыре Крка. Тетрадь-рукопись ныне хранится в БАН.² Исходя из того что в начале произведения читаем: «Сад се ова книга штије да се московъ с турци бие» (т. е. «Теперь в этой книге читается, что русские с турками воюют»), можно полагать, что сочинение это возникло уже в начале XVIII в., до катастрофы на Пруте, о чем говорит и само содержание сочинения. В нем, после краткого пролога «Плачут и рыдают || греки, сербы и болгары» (стихи 1—2), говорится о страданиях поработенных балканских православных христиан и их молитвах, обращенных к богу, даровать победу московскому царю Петру. Это царь Петр, которого сербы и болгары предпочитают остальным христианским государям, ибо он свой,

---

⁸ G. van Loon. Beschryving der Nederlandsche Historie-penningen, v. IV. s. Gravenhaage, 1723—1731, см.: С. Л. С о б о л ь. История микроскопа. . ., стр. 33.

⁹ Любопытно, что в музее выставлена книга Алексея Толстого «Петр I», переведенная на голландский язык.

¹⁰ Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver, 1694, 1964, стр. 93—103. Цит. по оттиску на русском языке: Б. Б. Беккер. Русские посетители анатомического кабинета профессора Рейса в Амстердаме.

¹ Малик Мулич. Качићев «Разговор угодни» у једном ћирилском пријепису из XVIII вијека.—Филолошки преглед, I—II, Београд, 1968, стр. 100—101.

² БАН, Собр. рукописей П. А. Сырку, № 55, 13.6 18.

родственный им не только по вере, но и по языку и происхождению («христиани се богу моле, || ере своме цару воле», стихи 5—6). Поэтому они и надеются на него: потому автор сочинения просит бога послать Петра к Константинополю, даровать ему победу на суше и на море, а это принесет освобождение Афону и всем монастырям, изгнание турок и татар и выручит из тяжелой неволи многострадалных христиан. И то, что автор приглашает всех в конце поднять полные бокалы за царя Петра и его светлую корону («Сваки праву чашу пуну || за цареву свитлу круну», стихи 101—102), свидетельствует о том, что сочинение было составлено до июля 1711 г.

«Песнь похвальная» в нашей рукописи записана без соблюдения стихотворной формы и не обладает художественными качествами. Многие шероховатости в тексте произведения можно объяснить малограмотностью и неловкостью переписчика. Как нами было указано в цитированной выше статье,³ текст мог быть не переписан, но записан по памяти или со слов некоего сказителя. Однако несмотря на все имеющиеся в тексте недостатки ритмической структуры и скудость поэтических средств, это на вид прозаическое сочинение при внимательном чтении воспринимается как стихотворное, состоящее из четырехстопных хореев, и эти стихи в большинстве своем попарно рифмуются. Восьмидольный стих в то время был обычен в лирической устной (народной) поэзии, но его применяли и многие поэты Дубровника (например, Ст. Джорджич, Вл. Менчетич, Дж. Палмотич) и других культурных центров (главным образом хорватских). Надо полагать, что наш текст в своем первоначальном виде выглядел более гармоничным и по своей форме и по смысловой связи, так как и здесь сказались те же ошибки, которые были допущены при записи произведений А. Качича-Миошича этим же писцом.⁴ К нему также относятся слова Вука Ст. Караджича: «Плохой сказитель и хорошую песню плохо запомнит и другим ее в искаженном виде исполняет и передает, а хороший сказитель и плохую песню поправит на основании остальных, ему известных песен».⁵ Но какая бы ни была эта запись, она для нас интересна как единственная в своем роде, а потому мы и приводим ее целиком. При подготовке текста к печати нами раскрыты слова под титлами, а также произведение разбито на стихи. Кроме того, малограмотная запись нашего монаха не соблюдает расчленения фонологических единиц на отдельные грамматические слова, так что нами расчленены слитные написания ударных слов с энклитиками и проклитиками. Так как писец употреблял букву «ч» для передачи трех разных фонем, согласно современной сербской азбуке на соответствующих местах буква «ч» рукописного списка заменена у нас буквами ħ и ħ̄—ц. Таким же образом буквосочетания: «лѣ» и «нѣ» (с нетимологическим ѣ) передаются через «ље» и «ње», а «омега» через «о», равно как и «ї» через «и». Все остальные особенности рукописного текста оговариваются в сносках.

л. 1

ПЪСАНЬ ЦАРУ ПЕТРУ⁶

(Пъсань похвална цару московиту)

Плачу и ридая
греци, србли и булгари.
Сад се ова книга штие

да се московъ с турци бие;
христиани се богу моле,
ере своме цару воле.

³ Малик Му л и ħ. Качићев «Разговор угодни», стр. 100.

⁴ См.: там же, стр. 105.

⁵ Вук Ст. Кара и ħ. Српске народне пјесме, књига четврта. Београд, 1954, стр. XXX.

⁶ Список рукописи этого произведения я получил добротой О. П. Лихачевой, сотрудницы Рукописного отдела БАН в Ленинграде, за что выражаю ей свою искреннюю благодарность.

л. 1 об. А сада те, боже || молю,
 ты испусти^а нашу волю;
 за велико име твое
 10 дяволи се тебе бое,
 а камоли неће турци
 кои ходе како вуци.
 Пусти, боже, свога вѣтра
 терь пошали цара Петра
 15 Костантину равну полю
 допусти^б свою волю
 и по суху и по мору.
 Ослободи Свету Гору
 и остале све пастире ||
 л. 2 20 и по земли манастире;
 сад се тебе турци бое
 да се твоя слава чое^в (sic!)
 да се ини крали чуде
 и да твое име славе
 25 како^г богъ помоћи
 и у дневни и у ноћи^д
 славном цару московиту,
 господину особиту.
 Од востока до запада
 30 много му се душа нада,
 да он пошле свое слуге,
 да христьяномъ ние туге.
 Помози нам, мили боже,
 ако (х)оѣшъ, то се може;
 л. 2 об. 35 Пошали намъ цара ||
 (пошали)^е Петра
 да убие люта вѣтра.
 Моли ти се мати твоя
 да избавишъ сини твоя.
 кто те славимъ да не
 пати^ж
 40 вѣру свою сачувати.
 Док е намн славне войске,
 госпoде, излазе многе
 войске,
 а христьяни праве душе

надаю да пошалешъ цара
 45 Петра, ерѣ нами ове книге
 кажу,

л. 3

а христьянъске душе желе
 да ће поћи покраина
 оу Цариград да ће доћи ||
 Онъ господина богом волюм
 50 христьяном (ће)^в быти боле.
 Совичи^и (?) ће полазити,
 душманина погазити;
 може турке и татаре,
 да прожене и остале,
 55 сѣни (х)оѣе и докадѣ,
 докле доѣе до кадне.
 Моли Бога и Марѣю
 да му даде и Марию,
 ерѣ налазе пророчества,
 60 искати ће отечество,
 потрошиће многе новце,
 докъ сабере свое овце.
 Милостива како мати
 жели свакомъ свое дати
 65 па ће с нами воевати. ||
 л. 3 об. Почеркваче (?)
 Службе ће му доднати,
 многе турке и овеће
 и ко турске муке.
 70 Ядни сербли и небози
 остали су сви оубози;
 плачу и ноћъ
 искаће божию помоћъ.
 Опрости нам(и), мили Боже,
 75 и опрости насъ турске силе.
 И за твое вишне име
 плачемо ти свиколици
 како сужњи у тавници,
 ерѣ намн законъ чине буле:
 80 муче турке^к (?) и бугаре,
 ишту гроше и динаре,
 а христьянску дѣцу носе, ||

^а Надо полагать, что в подлиннике было «испуни». ^б Этот, как и ряд других стихов этого произведения, хромает в отношении ритма, так как, видимо, при списывании опущен был один слог (это могло быть местоименные «ты», какое-нибудь наречие или союз). ^в «чое» стоит вместо «чье», т. е. «раздается», такое написание — результат стремления получить рифму даже в ущерб смыслу. ^г Недостающие два слога (стопа), быть может, надо восстановить в виде: «како хтѣде богъ помоћи». ^д В нашем рукописном тексте «нюночи». ^е Повторение в том же стихе слова «пошали» возникло из-за перехода на следующую страницу: писец не помнил, что им было написано в конце л. 2. ^ж Стихи 39—40 в подлиннике, вероятно, гласили: «кто те слави да не пати || вѣру свою сачува ти». ^з Форма вспомогательного глагола «ће» вставлена нами на основании смысла и ритма. ^и В рукописи «совичиче», что нами было разделено на «Совичи» и «ће»; быть может, первая часть слитного написания обозначает какое-нибудь братство «Совичей» и следовало нам транскрибировать его «Совићи». ^к Остается непонятным, почему написано «турке»: нам кажется, тут в подлиннике должно было стоять «србле» или «сербле и бугаре».

л. 4 како младу траву косе —
керштени су одь младости,
85 ако буду о старости.
Везде су нам од пакости.
Неяку турды турче
паке и(х) свакомь глаголу . .
науче;
Муямеда лажу, чтую,
90 а божию майку псую,
кваре цркве и олтаре —
праве мечите и мунаре.

На мечиту (х)оџа виче,
ер се с ниме турды диче.
95 На мунару даде кука,
Оубила га вѣчна мука ||
и онь се с ним мучно
кои га е томе научио,
а то знаде ко ће бити,
100 оваи ко ће вино пити
сваки праву чашу пуну
за цареву свитлу круиу.

Текст в начале л. 3 об. (стихи 66—69), помимо того что само написание «Почеркваче» трудно поддается расшифровке, представляет собой смешение различных стихов в бессвязную путаницу.

В конце текста находятся той же рукой сделанные две записи: 1) «Конецъ свѣтлу цару Петру. Аминь»; 2) «[неразборчивое слово] за цареву любавь».

Если о произведении в честь Петра I, записанном в неприглядной тетрадке сербского монаха, не можем сказать с точностью, где и когда оно было сочинено, то сохранившаяся рукопись (протограф) Павла Риттера-Витезовича «Родосудие алити одсуди из имен и прияснога, призможнога, и неодолиотога поглавника и господина, господина Петра Алексиевиѣа, Цара Московскога, Велике Русие самодѣжца (sic!), и проча, и проча» сохранила и имя ее автора, и год написания. (На заглавной странице в самом низу написано по-латыни: *Scriptum anno 1710. ab Equite P. R.*). На л. 22 (наверху с правой стороны) находится запись бывшего владельца рукописи, Ивана Кукулевича-Сакцинского, о том, что он «числа 9 апреля 1853 г. купил эту рукопись у проф. Ант. Мажуранича». В 60-е годы XIX в. Югославская академия наук и искусств приобрела собрание И. Кукулевича-Сакцинского, так что ныне наша рукопись хранится в Архиве Академии под сигнатурой: Пб58. Произведение было написано в Загребе или в Шитареве, поместье Витезовича, пожалованном П. Риттеру-Витезовичу австрийским императором Леопольдом.

Ученый (автор нескольких исторических и географических трудов), поэт, писавший стихи по-латыни и на родном языке, общественный деятель и просветитель, которого по праву считают предшественником хорватского возрождения, Павел Риттер-Витезович уже до 1710 г. в своих произведениях показал, что он осознал необходимость единения всех южных славян. Будучи и сам участником переговоров о мире с турками на Карловицком конгрессе, Витезович понял, что Австрия отнюдь не заинтересована в освобождении южных славян, в чем он еще больше убедился во время своей миссии в Вене, куда он по приглашению австрийского императора поехал в 1700 г. по делу установления новых границ между Австрией и Венецией. Немудрено, что в момент возникновения новой войны России с турками Витезович возлагал свои надежды на помощь русского царя. Об этом пишет и П. Лавровский: «Трудно допустить, чтобы такой человек, составляя свое стихотворение, не имел в виду племенного родства, которое в устах одного из хорватов выразилось так отчетливо уже целым полувеком прежде. Вот как говорил Юрий Крижанич, в половине XVII века поселившийся в России: „Я пришел к тому царю, который один в мире был царем моего рода и языка; я пришел к нации своей и отечеству своему собственному“. Самая кирилловская азбука, в которую признавал необходимым Витезович облечь свой хорватский перевод, независимо от транскрипции латинской, не может не говорить в пользу его сознания родственности происхождения и языка».⁷

⁷ П. Лавровский. Стихотворение хорватского поэта Павла Витезовича о Петре Великом. — ЧОИДР, 1862, апрель-июнь, книга II, стр. III.

В той же статье П. Лавровский задает вопрос: «Было ли доставлено оно (произведение Витезовича, — М. М.) и каким путем Петру Великому?».⁸ Между тем оно не только никогда не было доставлено адресату, но даже не было до конца переведено на хорватский язык поэтом, «быть может, благодаря перемене политических обстоятельств, возникшей из-за неудачи Петра на Пруте в 1711 г.»⁹ как об этом говорит В. А. Мошин.

Первое сообщение о произведении Витезовича появилось в «Архиве» (1859, V, стр. 170), где было опубликовано описание собрания И. Кукулевича-Сакцинского. В том же году в Загребе побывал летом и П. Лавровский, где он «имел случай рассматривать богатую библиотеку председателя Общества истории югославянской, г. Кукулевича-Сакцинского», и тут ему попало «под руки и стихотворение Витезовича. Оно было напечатано в 1710 г., должно быть тотчас же, как составлено поэтом».¹⁰ Насколько нам известно, однако, произведение это не появилось в печати вплоть до его опубликования П. Лавровским в 1862 г. Подробное описание рукописи с необходимыми справками находится в уже названной книге В. А. Мошина (стр. 93—94). Поэтому мы не будем вдаваться в само описание; здесь также не будем приводить полностью текста произведения, так как его славянский и латинский варианты даны П. Лавровским.¹¹

Гораздо интереснее для нас факт, что латинский текст написан безукоризненными элегическими дистихами, но славянский его перевод передается двенадцатисложным стихом (силлабическим) с рифмой и цезурой после шестого слога, например:

Многократ до сих доб / од христианске стране
отпелян бише раб / медь злобне погане.

Это такие же стихи, с какими мы встречаемся в ряде других стихотворных произведений Витезовича, написанных родным языком. Но такой стих свойствен не одному Витезовичу, его использовал в своих произведениях и Иван Гундулич («Дубравка»), а также Юрай Баракович («Вила Словника»).

Латинская часть произведения состоит из двадцати отдельных частей, из которых каждая содержит по четыре или пять элегических дистихов, которым в имеющемся славянском переводе (переведено было только семь частей) соответствуют 8—10 стихов. Каждой из частей предшествует анаграмма, или расловие (в славянской части), после которого следует exegesis, или «изъяснение», как это видно из нижеприведенного примера.

А н а г р а м м а

Hic arma Militum prospero usu exerceto

Exegesis

Hic, qui pro Populo, pro te quoque
Iuppiter arma
Iusta in Barbariem pro pietate movet,
Militiam ducat Dux felix, prospero
et usu
Certet, in hostili victor et esto solo.

Р а з с л о в и е. Ъ.

Некъ овъ оружїе Юначко среѣно
последуйе.

Изъяснение.

Овъ кон за пулк твой Боже и за тебе
Правичан движе бой и труди сам себе
Некъ среѣно воюје на злобне Погане
Добитник царује у нихове стране.
Войница ѝ праведна Войводе овога
Буди поможена Боже съ неба твога

⁸ Там же.

⁹ Vladimir Mošin. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije, 1. dio, opis rukopisa, JAZU, Zagreb, 1955, str. 94.

¹⁰ П. Лавровский. Стихотворение хорватского поэта..., стр. 1.

¹¹ В опубликованном Лавровским произведении П. Риттера-Витезовича текст подлинника не передается точно в отношении правописания. Так, например, написание Витезовича «панн» у Лавровского передается как «пльѣн», «своѣ» как «своѣе», «нѣх» как «нѣихъ», «крепост» как «крѣпость», «нѣму» как «нѣему» и т. п.

Armis causa favet: Causa Dii ergo
faventes
Bellantem vobis rite iuvate Ducem.
Scilicet istius victoria, gloria
vestra est:
Particeps Belli, Laudis ut esse decet.

Кон да облада, твояа буде дика:
Врѣдно да се нада тебе Помощника.

Интересно отметить, что начало произведения Витезовича вполне совпадает с началом сочинения сербского монаха. Он пишет о страданиях христиан, отводимых в рабство, погибавших в пламени пожаров, не имевших никакой защиты. Но вот бог создал крепость для охраны своих верных и их имущества, и этот щит — царь московский Петр, который милостью божьей и тайным промыслом явится избавителем. Этот правдивый царь поднял свою рать за бога и его верный народ, а потому автор просит даровать Петру удачу в войне и победу — богу же на славу, чтобы царь мог полагаться на бога, как на своего помощника. Далее отмечаются также победы Петра I на суше и на море и взятие Азова (он у Витезовича называется «Осак»); все это нагнало на турок страх, они боятся своего окончательного разгрома. В четвертом же «разсловии» слова поэта звучат как некое пророчество: «Этот царь задаст туркам страх и сам останется невредим». Невольно вспоминаются стихи 45-й и 59-й сочинения сербского монаха, где также говорится о пророчествах, записанных в каких-то книгах, обещающих приход освободителя с Севера. Нельзя забывать того факта, что Витезович издавал книги для народа, среди которых и одну «Сивиллу». Видимо, существовала какая-то легенда-пророчество о пришествии некоего царя-освободителя. В «изпулнении» же IV части ясно говорится: «Это и есть тот долгожданный воевода, который должен с Севера прийти для освобождения верного народа».

Каждое из упомянутых здесь сочинений ждет дальнейшего более обширного и специального исследования как памятник языка и литературы. Они могут также послужить историкам как документы о чаяниях поработанных тогда южных славян и о сознании родства их с восточными славянами. Наша же цель была — еще раз напомнить о существовании этих произведений и о тех надеждах хорватов и сербов, которые они возлагали на Петра I в трудные дни своей истории.

Р. ЛУЖНЫЙ

ИЗДАНИЯ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ В ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ ПЕТРА I

Благодаря исследованиям, проводившимся как в XIX, так и в нашем веке, а также в последнее время, после второй мировой войны, мы знаем сегодня сравнительно много о том, какую роль в процессе европеизации России, в деле цивилизаторских преобразований этого государства, в деле, поднятом и проведенном Петром I, сыграли представители украинской и белорусской культур, многочисленные эмигранты, приехавшие с запада и юга России: высшее духовенство, преподаватели школ, теоретики поэзии и риторики, поэты, драматурги и проповедники. Разнообразная деятельность и литературные достижения таких людей, как (если назвать только самые известные имена) в XVII в. Симеон Полоцкий, а далее — Феофан Прокопович, Лаврентий Горка, Дмитрий Туптало-Ростовский, Стефан Яворский, наложили

Armis causa favet: Causa Dii ergo
faventes
Bellantem vobis rite iuvate Ducem.
Scilicet istius victoria, gloria
vestra est:
Particeps Belli, Laudis ut esse decet.

Кон да облада, твоѣа буде дика:
Врѣдно да се нада тебе Помощника.

Интересно отметить, что начало произведения Витезовича вполне совпадает с началом сочинения сербского монаха. Он пишет о страданиях христиан, отводимых в рабство, погибавших в пламени пожаров, не имевших никакой защиты. Но вот бог создал крепость для охраны своих верных и их имущества, и этот щит — царь московский Петр, который милостью божьей и тайным промыслом явится избавителем. Этот правдивый царь поднял свою рать за бога и его верный народ, а потому автор просит даровать Петру удачу в войне и победу — богу же на славу, чтобы царь мог полагаться на бога, как на своего помощника. Далее отмечаются также победы Петра I на суше и на море и взятие Азова (он у Витезовича называется «Осак»); все это нагнало на турок страх, они боятся своего окончательного разгрома. В четвертом же «разговоре» слова поэта звучат как некое пророчество: «Этот царь заставит туркам страх и сам останется невредим». Невольно вспоминаются стихи 45-й и 59-й сочинения сербского монаха, где также говорится о пророчествах, записанных в каких-то книгах, обещающих приход освободителя с Севера. Нельзя забывать того факта, что Витезович издавал книги для народа, среди которых и одну «Сивиллу». Видимо, существовала какая-то легенда-пророчество о пришествии некоего царя-освободителя. В «исполнении» же IV части ясно говорится: «Это и есть тот долгожданный воевода, который должен с Севера прийти для освобождения верного народа».

Каждое из упомянутых здесь сочинений ждет дальнейшего более обширного и специального исследования как памятник языка и литературы. Они могут также послужить историкам как документы о чаяниях поработенных тогда южных славян и о сознании родства их с восточными славянами. Наша же цель была — еще раз напомнить о существовании этих произведений и о тех надеждах хорватов и сербов, которые они возлагали на Петра I в трудные дни своей истории.

Р. ЛУЖНЫЙ

ИЗДАНИЯ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ В ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ ПЕТРА I

Благодаря исследованиям, проводившимся как в XIX, так и в нашем веке, а также в последнее время, после второй мировой войны, мы знаем сегодня сравнительно много о том, какую роль в процессе европеизации России, в деле цивилизаторских преобразований этого государства, в деле, поднятом и проведенном Петром I, сыграли представители украинской и белорусской культур, многочисленные эмигранты, приехавшие с запада и юга России: высшее духовенство, преподаватели школ, теоретики поэзии и риторики, поэты, драматурги и проповедники. Разнообразная деятельность и литературные достижения таких людей, как (если назвать только самые известные имена) в XVII в. Симеон Полоцкий, а далее — Феофан Прокопович, Лаврентий Горка, Дмитрий Туптало-Ростовский, Стефан Яворский, наложили

отпечаток на развитие умственной жизни этого времени и оставили заметный след в русской культуре.

Люди этого круга представляли определенный тип эстетического воспитания, характерной чертой которого была тесная связь со схоластическим складом ума, эрудицией, опирающейся на античные и новолатинские традиции, с художественными вкусами и представлениями, сформированными на основе искусства Ренессанса и особенно европейского барокко. Место их рождения и происхождение, семейные связи и воспитание, школьные занятия не только в Киевской коллегии, но и за границей, главным образом в Речи Посполитой, в Литве и в Короне, наконец, различные связи с латинской католической религиозностью, культурой и обычаями этого круга — все эти факторы способствовали тому, что эти люди вносили в умственную жизнь своей новой родины собственные вкусы и привычки, склонности и пристрастия, знания и стремления, и прежде всего знание иностранных языков, латинского и польского в первую очередь. Они способствовали также распространению и популяризации — при посредстве школ, проповеднической практики, собственных трудов и издательской деятельности, собираемых библиотек и корреспонденции — определенной литературной культуры, писательской практики, эрудиции и заинтересованностей, знания польского языка, а также польско-латинской и западноевропейской словесности.

Этот процесс встречался на русской почве с другой, ранее выявленной независимо от так называемых малорусских влияний тенденцией тяготения к западной культуре, которая охватила некоторые круги московского общества во время царствований Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентства царевны Софьи, с общими проявлениями существенных изменений, имевших место в русской культуре на этапе ее перехода от старорусской к новой эпохе.

Факты и процессы, о которых здесь упоминается, ставшие более интенсивными в эпоху Петра I, в последнем десятилетии XVII—начале XVIII в., нашли свое отражение в литературе и в сфере издательско-типографской практики своего времени. Письменность петровского времени не слишком богата, она носит скорее односторонний характер, имеет преимущественно прикладное значение, а литературные тексты, в прямом смысле этого слова, представляют только незначительную часть печатной продукции.¹ Конечно, это не значит, что литературная жизнь была в то время убогой; просто большая часть появившихся в то время работ существовала в форме, характерной для прежней литературы, т. е. рукописной, и, кроме того, в обращении находилось значительное количество рукописных сочинений оригинальной и, прежде всего, переводной литературы XVII в., сочинений, в дальнейшем усердно читаемых, переписываемых целиком и по частям, перерабатываемых и адаптируемых. При этом интересно отметить, что прежде всего остается актуальным то, что было так характерно для литературы предшествующего периода; вообще нередки случаи, когда писатели и издатели пользуются польским языком в изданиях, предназначенных для поляков.² Это происходит главным образом на Украине, но единичные случаи встречаем и на территориях других земель. Печатные издания на польском языке составляют вообще довольно значительную часть тогдашней издательской продукции и определенным образом обогащают письменность, сравнительно бедную литературно-художественными жанрами, рядом интересных текстов.

Кроме этих немногочисленных изданий, которые носят характер исключительно официальных выступлений, появилось в эти годы некоторое коли-

---

¹ В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, т. II—V. СПб., 1904—1906; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800, т. I—V. М., 1963—1969.

² Например, в 1724 г. в Петербурге вышел указ Петра I, охраняющий интересы шляхты и польских мящан в Риге, в 1707 г. в Варшаве и Жулкеве появились универсалы Петра I также на польском языке.

чество интересных публикаций на польском языке литературного характера в узком смысле этого слова. Рядом с оригинальным творчеством самого выдающегося писателя того времени Феофана Прокоповича, а также анонимными поэтическими и прозаическими произведениями, рядом с многочисленными изданиями переведенных с иностранных языков текстов,³ они составляют общее достижение литературы времени Петра I и вносят в нее своеобразный тон. Явление это стоит рассмотреть на несколько более характерных примерах.

Среди 58 изданий на иностранных языках, выпущенных в этот период, основные литературные библиографии времени Петра I⁴ называют 9 польских заглавий. Некоторые из них в действительности могут только условно быть причислены к этой литературе, так, например, обстоит дело с изданным в Вильно в 1695 г. панегирическим сочинением «Alcides Rossiyski triumfalnym laurem ukoronowany [...] Jan Mazaera, hetman Wojsk Zaporoskich, Który [...] lunatyczną hydrę skruszywszy [...] od Filipa Orlika, extra limices Rossiacis [...] zasłyszany i publicznie światu rudi calamo acclamowany [...]». Но есть и такие, которые и по месту издания, и тематически непосредственно связаны с русскими литературными начинаниями рассматриваемой эпохи. Это издания как южнорусские, а следовательно, принадлежащие также и украинской литературе, так и московские. Например, в Москве в 1706 г. выходит «Tryumf polskiej muzy po otrzymanym nad Szwedami pod Kaliszem zwycięstwie». Даниэль Гурчин сгруппировал в 2-х частях польские панегирические стихотворения в честь Петра I и Меншикова, сопровождая каждую из них двойным названием: написанным буквами латинского алфавита, а также новым, так называемым гражданским.

Киевские авторы обращаются к польскому языку несравненно более часто. Рядом с отмеченным в названных библиографиях панегириком Яна Орновского «Bogaty w parantele, sławy i honory Wirydarz herbownemi wielmożnych ichmościów panów Zacharzewskich poróżnie po swych Kwaterach zasadzony gózami» (издание Печерской лавры, 1705) можно привести названия, не учтенные в этих библиографических списках, неизвестные иногда даже наиболее подробным библиографиям, как русским и украинским, так и польским, не говоря уже об авторах детальных исследований, посвященных специально литературе этого периода. Среди них находится и работа того же самого Филиппа Орлика, в то время — как значится на титульном листе — «консистерского писаря киевской митрополии», выпущенная в 1698 г. типографией Печерской лавры и носящая характерное название в стиле барокко: «Hipponemes sarmacki [...] poruwczych cnót i wysokich praemienicy Rossyjskiemu światu antagonię zalecony [...] Jan z Obidowa Obidowski [...] po szczęśliwie odprawionych Marsowych Olympiach teraz z poszlubioną swą Atalantą [...] Anna Koczubejówną, wielkiej expectatiwy córą [...] Bazylego Koczubeja [...] wkraczający [...]».

Есть другие сочинения и Яна Орновского: «Niebieski Merkuriusz»⁵ (Czernihów, 1686); «(Bogata) Drogich Kamieni speza na wystawienie złotoswietnego pałacu [...] Jana z Obidowa Obidowskiego [...] stolnika, protunc w Collegium Kijowo-Mohileaneo A. A. L. L. et philosophiae auditora [...] przez Jana Ornowskiego opisana» (Czernihów, 1693); «Muza Roxolańska o trium-

³ См.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I—II. СПб., 1862; В. В. Сиповский. Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 1 (XVIII век). СПб., 1909, стр. 33, примеч. 149 на стр. 47.

⁴ См.: Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Ред. и вступ. статья проф. П. Н. Беркова. М.—Л., 1955; Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Ред. и вступ. статья проф. П. Н. Беркова. М.—Л., 1958.

⁵ K. E s t r e i c h e r. Bibliografia polska, t. XXIII, s. 439—440.

falnej sławie i fortunie z herbownych znaków [...] Jana Mazepy [...] szczęśliwy omen biorąca» (Czerńhów, 1688).

Работы обоих украинских авторов Ф. Орлика и Я. Орновского как с точки зрения типографической, издательской, так и содержания, а также стилистической, представляют собой типичные образцы литературы барокко. Их творцы, воспитанные в кругу Могилянской коллегии, широко используют правила школьной поэтики и риторики, привносимые в коллегии в течение ряда десятилетий преподавателями—теоретиками и практиками, вместе с запасом средств, типичных для польской и украинской поэзии XVII в. Находим здесь и характерные развернутые заглавия, и скудость проблематики и содержания, которую должна уравнивать претенциозно развиваемая панегирическая тема, пристрастие к странным образно-поэтическим средствам, находящее свое выражение в сильно макаронизованном, полном варваризмов и античной лексики языке. Здесь нет недостатка и в характерных для сочинений этого типа особенностях, как например «визуальность» стила: тесная связь текста, избыливающего образными, пластическими элементами, с графической стороной, со знаком или иллюстрацией,—это все указывает на близость этой поэзии к эмблематике барокко с ее влечением к описательному стихотворству, охотно оперирующему такими элементами, как символика небесных тел или знаков зодиака, описание герба и его переносная, обращающаяся к мифологии, истории или религии интерпретация. Наконец, здесь есть типичное сочетание прозаических и поэтических текстов, польского и латинского языков, христианства и мифологии, а также характерная склонность к формалистическим как стилистическим, так и стихотворным штучкам: метрическая дифференциация стихотворений, «журьеное» стихотворство (например, в сочинении «*Aldices Rossijski*»: «эхо», фигурное стихотворение, несколько типов акростиха), изысканная строфика (октава) и т. д.

Издания эти не имеют, конечно, художественной ценности. Запас мыслей и чувств в них совершенно ничтожен, тем не менее они представляют собой интересные документы литературы того времени, черты и особенности которой распространялись в свое время не только на польских и украинских землях, но и на территории московской Руси, а потом России в XVIII в.

С этой точки зрения еще большего внимания заслуживает несколько работ—также с территории украинских земель, которые опубликовал в 1685—1691 гг. Стефан Яворский. Их автор и издатель, известный в то время проповедник и преподаватель Киевской академии, теоретик и стихотворец, позднее же—рязанский митрополит и экзарх патриаршего престола, был типичным выразителем интеллектуального уровня, а также литературных представлений и эстетических вкусов людей своего круга, отсюда его литературные работы, предшествовавшие более позднему творчеству времени пребывания в Москве, это незаменимый источник, позволяющий воспринимать интеллектуальные особенности как самого поэта, так и его ближайшего и более отдаленного окружения. Между тем писательское наследие Яворского, малоизвестное сегодня, рассеялось и забылось, а предпринятые попытки изучить его или, по крайней мере, предварительную описательную натолкнулись на серьезные трудности.⁶ Работы же, о которых идет речь, сейчас принадлежат к настоящим библиографическим редкостям, их не найти даже в самых больших библиотеках как в СССР, так и в Польше, не отмечают их и самые серьезные и наиболее подробные библиографии. Так, например, «*Bibliografia polska*» Кароля Эстрейхера регистрирует только одно заглавие,⁷ цитируемые же здесь работы Быковой и Гуревича описывают только два его издания. П. Н. Берков, работая над своим трудом, посвященным литературным связям России и Польши в XVIII в., знал о двух публикациях Яворского, но в бога-

⁶ См.: П. Н. Берков. Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958, стр. 16—17.

⁷ K. E streich er. Bibliografia polska, t. XVIII, s. 517.

тых ленинградских собраниях нашел только одну из них.⁸ Единственный экземпляр сохранился также в киевской Публичной библиотеке АН (шифр Т 1614). Самой богатой с этой точки зрения оказалась Библиотека имени Ленина, которая в своем отделе редкой книги имеет (шифр D¹⁰₃₄) сборник

переплетенных вместе тринадцать самостоятельных изданий, польских и латинских, главным образом панегирического содержания, содержащий четыре, а следовательно, все из известных до сих пор изданий произведений Яворского, вышедших перед его выездом из Киева.

Следовательно, литературное наследие Стефана Яворского киевского периода состоит из следующих, составленных в хронологическом порядке названий:

- 1) *Hercules post Atlantem infracto virtutum robore honorarium pondus sustinens* [...]. Czerniów, [b. r.] [около 1685 г.];
- 2) *Echo głosu wołającego na puszczy od serdecznej refleksji pochodzące* [...]. Kiiów, 1689;
- 3) *Arctos coeli Rossiaci in gentilibus syderibus resplendens*. Kijów, 1690;
- 4) *Pełnia nieubuwającej chwały w herbowym księżycu* [...] reprezentowana [...]. Kijów, 1691.

Все вышеуказанные сочинения — это иногда довольно большие по объему собрания неоднородных по содержанию и стилю стихотворений, написанных «по случаю»; одно из них «*Echo głosu wołającego* [...]» посвящено гетману Ивану Мазепе, три остальных тематически связаны с личностью Варлаама Ясинского, добродетеля и мецената автора, сперва архимандрита Киево-Печерской лавры, затем ректора местной Академии и киевского епископа-митрополита. Похожие друг на друга с точки зрения функции (типичное панегирическое стихотворение), а также содержания (различные амплификации, полные так называемых *loci communes* барочной поэзии), собрания эти содержат довольно много материала, интересного для изучения тогдашних эстетических представлений и литературных вкусов, а кроме того, они свидетельствуют о постоянном высоком техническом уровне школьной поэзии, ее возможностях, и прежде всего — об особенностях тогдашней поэтики, стиля и стихосложения. Мы находим в них типичные черты польско-латино-украинской литературной традиции эпохи барокко, которые, впрочем, потом нашли свой отклик также и в русской литературе XVIII в.⁹

Эти публикации показывают нам Стефана Яворского как писателя, свободно пользующегося двумя языками, польским и латинским попеременно, как искусного стихотворца, а также всестороннего эрудита с особенно большой начитанностью в области классической литературы, мифологии, истории, в частности истории Польши.

Произведения, которые вышли из-под его пера, — это целые сложные композиции, как будто циклы отдельных стихотворений, связанных одним главным мотивом — объектом похвалы, каким является адресат панегирика. Они состоят из прозаических фрагментов и различных с точки зрения метрики, а также структуры строф, имеющих иногда собственные названия стихотворений. Так, например, в сборник «*Hercules post Atlantem* [...] *pondus sustinens*» входят идущие по очереди: а) латинское вступление в прозе; б) такое же обращенное к Ясинскому вступительное слово, напоминающее его «*singulum vitae*»; в) пространное, занимающее много страниц хвалебное

⁸ П. Н. Берков Русско-польские литературные связи в XVIII веке, стр. 16; ГПБ, отдел «Rossica», шифр 13.VIII.1.2871.

⁹ См работы А. А. Морозова, особенно его исследование «Ломоносов и барокко» (Русская литература. 1965, № 2, стр. 70—96), а также исследование: И. З. Серман, М. В. Ломоносов, Г. С. Скворода и борьба направлений в русской и украинской литературах XVIII в. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы. Исследования и материалы. М.—Л., 1963, стр. 40—78.

стихотворение; г) очередная часть биографии Ясинского, написанная в прозе по-латыни; д) новое стихотворение на польском языке, развивающее при помощи дальнейших амплификаций главную панегирическую тему; е) последняя часть обращения, написанная в прозе; ж) последнее польское стихотворение, которое для разнообразия, в противоположность выступавшему прежде тринадцатисложному, укладываемому в четкие, хотя еще парно рифмующиеся четверостишия, Яворский написал регулярным и ритмическим одиннадцатисложным размером.

Все три стихотворных произведения этого сборника, несмотря на то что по содержанию представляют собой как бы части одной распространенной похвалы объекту панегирика, отличаются, однако, друг от друга не только по метрической форме. Их автор неистощим в оригинальном развитии основной темы, в подборе образного материала, нагромождении сравнений, расположении сопоставлений и метафор и при этом в каждом из них пользуется другим источником поэтических замыслов. Наиболее характерным с этой точки зрения и наиболее интересным является, несомненно, первое из этих произведений. В нем Яворский исходит из банального, морализаторского утверждения, что «только тот на трон достойно вступает, кого Мудрость за заслуги награждает» (л. 17 (8)).

Но этой мысли предшествует переданное в форме обращения предание, популярное среди авторов старопольских хроник и историографов, повествующее о подвигах Лешка, названного Вторым:

Pocóż Leszku, w dalekie puszczasz się zawody?
Jakiej się po swych pracach spodziewasz nagrody?
Czem tak szybko koniowi słabe puszczasz wodzę?
Czem po gładkiej hartowne groty ścielesz drodze?
Czyli żebyś tym prędzej dobieżał korony? [...]
Lecz daremna fatyga, daremne twe poty [...]
Nikt jeszcze godnie w świecie nie siedział na tronie,
Jeśli mu laurem mądrość nie zdołała skronie.

л. 17 (8)

Это предание поэт мог знать как из «Польской хроники» М. Кромера, так и из Стрыйковского, который в своем сочинении «Goniec snoty» (1574) напоминает, что «коварный Лешко конем королевство выиграл», но всего вероятнее — из «Хроники» М. Бельского, которую имел среди книг собственной библиотеки.¹⁰

Интересно, что в этом произведении больше так называемых польских мотивов. Среди похвал, которыми осыпает поэт Ясинского как того, кого ум приводит к высокому духовному сану и научным знаниям, есть и такая:

I ty, archimandryto, godny infułacie,
Nie skąd inąd w pasterskiej zajaśniałeś szacie,
Nie kto inny powierzył tobie pastorały,
Tylko mądrość [...]

Biorę za świadka samą litewską Pogonie,
Jakoś niegdyś zostając w Palladijskim gronie,

W znacznym nauk progressie z nią biegł na wyścigi [...]
Świadkiem jest Orzeł polski, który w bystrym locie
Ustałby pragnąc zrównać twej w naukach cnoście [...]

л. 18 (8)

¹⁰ См.: R. Ł u ż n y. Jaworski — poeta nieznan. — Slavia Orientalis, XVI, (1967), № 4, s. 365.

Dają jeszcze świadectwo dowodowi memu
Krakowskiego przesławne rostra Akademu,
Kiedy twoja w naukach dzielność tak jaśniała,
Ze od wszystkiego aplauz Akademu miała.

Л. 19 (9) recto

Эти мотивы, следовательно, тут совершенно на месте, ибо в самом деле Варлаам Ясинский учился в Кракове и получил там степень доктора, а его панегирист черпал поэтический материал не только из книг, но имел за спиной годы обучения в иезуитских коллегиях и академиях Львова, Люблина, Познани, Вильно.

Так как два из названных тут сборников сравнительно недавно дождались по крайней мере предварительного описания,¹¹ обратим еще внимание на особенности последнего из четырех произведений, а именно на «Pełnia nieubuwającej chwały [...]».

Здесь, так же как раньше, имеем дело с обширной и сложной литературной композицией, отличающейся еще большей авторской расточительностью, гипертрофией формальных средств и их перевесом над содержанием. Семьдесят страниц текста заполняет цикл поэтических и прозаических панегириков, состоящий из целого ряда составных частей, добавлений, украшений и подробностей, словно перегруженная, шокирующая читателя своим изысканным внешним богатством композиция в стиле барокко. Стихотворения переплетаются с торжественными речами в прозе, латинский язык — с польским, эпические описания и лирические отступления — с цветистой речью, декламации — с молитвами.

Панегирик строится на замысле сопоставления личности адресата — Варлаама Ясинского с тремя «*primaе magnitudinis luminarum*», тремя святыми Варлаамами: отшельником, мучеником и святым из Печерской лавры. Это позволяет Яворскому провести множество сравнений и сопоставлений между этими лицами, которые поэт группирует в трех отдельных частях, демонстрируя при этом обширные литературные возможности, эрудицию и мастерство стихосложения.

Здесь особенно бросается в глаза великолепный польский язык как в прозе, так и в стихотворной речи, находящийся на уровне самых выдающихся достижений польской письменности XVII в. Вот наиболее характерный с точки зрения правильности, гладкости синтаксиса, макаронической лексики и образности стиля пример: «*Wprzód niżli na cerkiewnym niebie w słonecznym zajaśniała splendorze Ona, która jest wybrana jako słońce, przenajdostojniejsza Matka Boska, marszałkują onej w Jutrzenkowej jasności twoi trzej patronowie, święci Barlaamowie, jaśnie w Bogu przeoświecony pasterzu [...]. Tylko co ma wchodzić w Cerkiew świętą niby Sponsa ad Thalamum ona niebieska Ducha Świętego oblubienica, Przenajświętsza Panna, alic owe classicum wytrębuje hasło: Ecce sponsa, exite obviam illi. Cóż na to? Oto innym, jako niemądrym pannom serdeczne w oziębłym afekcie gasną kagańce, a twoi patronowie święci, patronie mój, patrz jaki na przywitanie tej niebieskiej oblubienicy przygotowali apartament: wychodzą in occursum onej z niegasnącymi i mroku żadnego nigdy nie znającymi luminarum [...]*» (Л. N recto).

Так же точно, притом с большим эпическим размахом, владеет Яворский стихотворной формой. В первой части, где припоминается история Варлаама-пустынника, содержащаяся в известной древнерусской «Повести о Варлааме и Иоасафе», наш автор прекрасным, регулярным тринадцатисложным размером, великолепно передающим при помощи смелых переносов ход плавного, с широким эпическим размахом повествования, рассказывает о рождении и дальнейшей судьбе сына короля Авенира:

¹¹ П. Н. Берков. Русско-польские литературные связи в XVIII веке, стр. 916; особенно стр. 369—373; R. Ł u ż n y. Jaworski — poeta nieznanu, s. 369—373.

Tam, skąd Phebus rumiany z Jutrzenką powstaje,
 Są, obszerne wszelakiej obfitości kraje
 O nazwisku swym India: temi niegdy strony
 Władnął tyran poganin Awenir rzeczony
 Prześladowca Chrystusów. A skoro Lucina
 W królewskich mu kolebkach przywitała syna,
 Nazwano go Josapfem, coź mądrzy wieszczkowie,
 Ze ma być Chrystusów sługa, każdy powie.
 Zasmuci się Krol wielce słysząc tę nowinę,
 Więc żeby mógł uchować swą miłą dziecinę
 Od wiary Chrystusowej, każe nowe mury
 Misternym wywieść gmachem, gdzie w piękne struktury
 Syna każe wprowadzić, i tam ku wygodzie
 Piastunów i pacholąt nadobnych w urodzie
 Gdzie się chował królewic, nikt a nikt na świecie
 Oprócz onych nie powstał, aby ni frasunku,
 Ni chorób, ni boleści, śmierci ni trefunku
 Jemu nie kłaść przed oczy, żeby każdej chwili
 Pomysłne przy rozkoszach miewał krotofili.

A. A verso

В этом сборнике Яворский демонстрирует все богатство своей школьной классической, античной эрудиции, запасы которой он способен правильным и удачным образом, свидетельствующим о неисчерпаемой изобретательности в отборе неожиданных замыслов, сочетаний и сопоставлений — этих типичных для барокко приемов, привлечь на службу панегирического описания. Нередко при этом он обращается к той истинной «библии» древней мифологии, какой являются «Метаморфозы» Овидия. Почерпнутыми оттуда мотивами, образами и фигурами он просто инкрустирует свои тексты.

Высшим достижением в этом смысле является, несомненно, в нашем сборнике стихотворение, начинающееся со слов «Где ты, громко звучащая слава, в какой стороне света [...]» (л. O recto — P₂), в котором почти в каждой строчке — новые мифологические или античные аксессуары. Выступают здесь, например: Лабиринт, Ганнибал, Атлас, Гидра, семь чудес света, Нерон, Александр, Сулла, Киприда, Ганимед, Троя, Улисс, Марс и т. п. Это стихотворение получило особую популярность в кругу читателей того времени: в 1719 г. его цитируют в одной из киевских поэтик как образцовое и достойное подражания произведение.¹² Именно в нем находим, пожалуй, наиболее классический пример типичного развернутого сравнения в стиле барокко, так сильно напоминающего известную образно-композиционную систему Яна Анджея Морштына:

I pędzej swoich Tytan jasnych glans promieni
 Niezwyčajną przemianą w smutną noc przemieni,
 Pędzej jasna z orszakiem świetnych gwiazd Latona
 Cymmeryjskimi będzie cieniami zaćmiona,
 Pędzej w dżdżystych obłokach mieszkając Pleady
 Kryształowe na ziemię łać przestaną grady,
 Pędzej rannej jutrzienki koralowe skronie
 W Hesperijskich swych nurtach Ocean pochłonie,
 I pędzej Pirithousz opuści Thezea,
 Pędzej mężny Alcides cnego Promethea
 Od twardego Kaukazu uwolni Kamienia,
 Niż ja z Dobroczynności wynidę więzienia.

A. P₂ recto

¹² См.: R. Ł u ż n y. Jaworski — poeta nieznaný, s. 373—374.

Так же точно, впрочем, как тринадцатисложным, поэт владеет другим стихотворным размером — одиннадцатисложным, складывая при этом стихи в ритмично звучащие, регулярные, классические строфы — октавы. Именно так ритмически построен очередной панегирик «Eadem gratitudo inv.tat Musas ad reddendum tributum», состоящий из двадцати таких, как та первая, строф:

Sam sam z strojnymi lutniami stawajcie
Dwojba:czystego Parnassu boginie.
Ojczyste na czas gory opuszczajcie,
Z których bogaty mądrych wód zdroj płynie.
Na głośnych cytrach wdzięczny odgłos dajcie,
Niechaj przestronne echo się rozwinie:
Brzmijcie koncenty, triumphalne pienia
Opite rhytmów z wieszczego strumienia.

л. Q—Q₂ verso

Следовательно, как видно из настоящего обозрения, польское творчество Стефана Яворского, богатое и разностороннее, представляющее высокий уровень литературного, писательского мастерства, может явиться благодарным объектом для исследователя литературной культуры переходного периода от письменности XVII в. к литературе новой эпохи, эпохи формирования предпосылок и характерных черт классицизма. Сегодня мы все чаще склонны замечать в русской литературе XVIII в. течение с ярко выраженными чертами стиля барокко. Можно считать, что творчество Яворского, а также писателей его круга, сыграло в процессе формирования этого течения не последнюю роль. Более же внимательное его исследование позволило бы, может быть, также выяснить особенности не только тогдашней, но и более поздней, с середины XVIII в., литературы, черты ее стиля и поэтики. Во всяком случае, даже независимо от исполнения этого исследовательского постулата следует помнить при общей характеристике литературной жизни времени Петра I, времени крупных преобразований в области культуры, что упоминаемые здесь польские издания, несмотря на незначительность своего содержания и исключительно случайный характер, перекликались с еще многочисленными, но характерными изданиями памятников, связанных с античностью, с классической традицией. Большая популярность в эти годы литературы этого типа является примечательной и одновременно свидетельствует о существовании определенной закономерности. Пять изданий «Басен» Эзопа, трижды возобновляемое издание историй о разрушении Трои и Иерусалима, четырехкратное обращение к сочинению об Александре Македонском, издание «Метаморфоз» Овидия, а также «Библиотеки» Аполлодора только в период 1712—1725 — все эти факты заслуживают внимания при новых попытках оценки достижений культуры этой эпохи, как и барокко-классическая струя в польских изданиях, которые рассматривались в данной статье.

Перевод с польского Н. Н. Мовзужиной

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

В научной литературе уже не раз указывалось на интерес к общественно-политическим вопросам, проявленный в первую четверть XVIII в. В настоящих заметках мы приводим материалы по истории трех слов (*общество, дружество, общенародие*), судьба которых отразила внимание современников Петра к вопросам теории государства.

1. Примеры употребления слова *общество* до XVIII в. крайне редки, и, основываясь на них, трудно прийти к какому-либо определенному выводу относительно значения слова в древнерусский период. Можно полагать, что вслед за своим греческим соответствием *κοινωνία* слово *общество* имело значение «общность, всеобщность». Употребление слова, семантически основанное на значении производящей основы, часто встречается в первой трети XVIII в.: «О них же (дервишах, — А. А.) не аки в предисловии, мало нечто в роде, или *обществе*, а по том и в виде, то есть о всяком особь да речем» (Дм. Кантемир, Книга систима, 1722, стр. 287—288). Совершенно очевидно, что Иван Ильинский, переводчик сочинения Дм. Кантемира, дал в этом месте вначале буквальный, а потом смысловой перевод латинского выражения *in genere* — «в роде, или *обществе*». Этим же выражением поясняет в своих примечаниях заимствованное слово А. Кантемир: «Генерально, то есть: во *обществе*, сплощь» (Сочинения, т. 2, 1868, стр. 421). Ср. у Феофана Прокоповича: «О грехах во *обществе* говорить, а не именовать кого, разве был бы опубликован от всея Церкви» (Духовный регламент, 1721, стр. 49). В этом месте «Духовного регламента» рекомендуется священникам на проповеди не указывать на лица, говоря о тех или иных пороках прихожан, но ограничиваться общими рассуждениями об этих пороках, т. е. «говорить вообще».

Значение «общность, всеобщность» обнаруживается у слова *общество* не только при его наречном употреблении. Вот пример из переведенного Гавриилом Бужинским и изданного в 1718 г. в Петербурге «Введения в историю европейскую» Самуила Пчфндорфа, где слово *общество* передает значение латинского *universitas*: «Правильно тое имеется за волю града, ча что большая часть человекков, из них же собор состоится, согласует: разве явственно определено, колкая часть собора потребна есть, ко изъявлению воли *общества*» (стр. 407—408). Как видно, в этом отрывке речь идет о так называемом квалифицированном большинстве, чье мнение на выборах должно признаваться за всеобщее. Подобное употребление находим мы и у Феофана Прокоповича: «Естьли бы вси тела человеческого уды не одною головою управлятися похотели, но общим всех советом своим, то надежало бы и устам, и языку, и очам, и ушам, еще же и уму и разуму быти, и в руках, и в прочих членах: тож разумети и о народе хотящем всем своим *обществом* управити себе, как же тому статься?» (Слова и речи, ч. 3, 1765, стр. 197).

На фоне такого и подобного употребления в первые десятилетия XVIII в. выступает новое, специфическое для этой эпохи значение слова и. может быть, с особой очевидностью в упомянутом переводе «Введения в историю европейскую». Здесь лат. *res publica* обозначающее понятие о государстве, последовательно передается словом *общество*: «Прежде даже о Граде Риме повествовати начнем малое нечто о *обществе* Карфагенском разсудихом изъявити» (стр. 12): «В *обществе* Аглинском сие иначе ведения достойно, яко власть королевская законами определена» (стр. 174); «Еже к виду правления *общества* (*forma reipublicae*) надлежит, известно есть яко великий Князь (Московский. — А. А.)... правительство владычественное имеет» (стр. 409). В предисловии к переводу, принадлежащем перу самого Гавриила Бужинского, слово *общество* употреблено с тем же значением: «Правление Государств,

или *обществ* есть троиственное: Монархия, Аристократия и Демократия... Аристократия, идеже избраннейшии или благороднии первейшии содержат правление *общества*» (стр. 10).

Возможность обозначения словом *общество* государства была заложена, по-видимому, еще в древнерусский период ученой литературой, стремившейся передавать понятия тогдашней европейской науки. Так, Федор Карпов, один из собеседников Максима Грека, рассуждая о том, что не терпение, но справедливые законы должны лежать в основании общежития, пишет: «Долготрпение в людех без правды и закона *общества* добро разрушает, и дело народное ни во что низводит, злыя нравы в царствех вводит, и творит людей государем не послушных за нищету».¹ Выражение *общества* добро, употребленное Федором Карповым, значит здесь то же, что и вошедшее позже в употребление выражение *общее благо*. И хотя слово *общество* здесь нельзя прямо понимать как обозначение государства, не следует пренебрегать и тем, что это слово выступает в очень специфическом контекстуальном окружении, связанном непосредственно с изложением теории государства.

Во всяком случае нужно предполагать, что уже в допетровскую эпоху слово *общество* все теснее соединялось с обозначением понятия о государстве, поскольку в 1703 г. в «Арифметике» Леонтия Магницкого встречается в готовом виде выражение *гражданское общество*: «... не удаляются мирного пребывания и *общества гражданского*» (л. 175 об.). Именно это выражение стало употребляться в русском языке как соответствие латинскому *societas civile*, вслед за которым оно приобрело характер термина для обозначения государства в русском изложении теории естественного права.

В «Арифметике» есть еще случай подобного употребления слова *общество*: «Зде последователно есть предложити о различных денгах ... наших и окрестных некоих ближних государств к ползе и употреблению *сущым в обществе и гражданствах*» (л. 23 об.). Характерно здесь параллельное употребление слов *государство, общество, гражданство*. Если первое было традиционным и устоявшимся обозначением известного понятия, то второе и третье, употребляясь как соответствие и под влиянием лат. *societas* и *civitas*, знаменовали обращение к европейской политической теории.

В декабре 1709 г. в Москве вышло сочинение под заглавием «Политико-лепная апофеосис», содержащее описание триумфальной арки, воздвигнутой к торжественному входу в столицу войск, возвращавшихся из-под Полтавы. Подбор и перевод латинских надписей был выполнен преподавателями Славяно-греко-латинской академии. Здесь мы впервые находим соответствие *res publica* — *общество*, встречающееся в тексте неоднократно: «Basis et fundamentum reipublicae religio» — «Дно и основание *общества* благочестие» (с. 109, см. также стр. 107, 121). Соответствие *общество* — *res publica* имело своим основанием другое соответствие: *общий* — *publicus* (ср.: Лексикон Федора Поликарпова, 1704, л. 203).

Таким образом, употребление Гавриила Бужинского явилось результатом уже сложившейся — и сложившейся именно в это время — традиции словоупотребления. Для обозначения государства употребляют слово *общество* и другие авторы эпохи. Так, в «Слове о власти и чести царской», произнесенном Феофаном Прокоповичем 6 апреля 1718 г., мы находим: «И якоже подрывающе основание, трудно удержати в целости храмину; тако и зде бывает: опровергаемым властям верховным, колеблетс к падению все *общество*» (Слова и речи, ч. 1, 1760, стр. 266). Ср. также в «Разговоре о пользе наук и училищ» В. Н. Татищева (М., 1887): «Закон церковный есть по разности церковей разный, токмо в народах согласных в вере приемлетс; а закон гражданской которой по состоянию или произволению каждого народа или *общества* учрѣден и ни до кого далее, как до оных токмо надежит» (стр. 128).

¹ Цит. по кн.: В. Г. Дружинин. Несколько неизвестных литературных памятников из сборников XVI века. СПб., 1909, стр. 109.

Нужно заметить, что это значение, сложившись в начале XVIII в., держалось у слова *общество* на протяжении всего столетия и перешло затем в XIX в., и только в середине этого последнего под влиянием учения социалистов словом *общество* стали обозначать наше современное экономическое понятие, противопоставляя его политическому понятию о государстве.

2. Перевод Гавриила Бужинского «Введения в историю европейскую» характеризуется одной последовательно проведенной особенностью: если латинское *res publica* постоянно передается словом *общество*, то *societas* — словом *дружество*. Возможность сопоставления *societas* и *дружество* основана, видимо, на сходстве внутренней формы слов, поскольку наблюдалось словарное соответствие *socius* — *друг*.² Ср. в «Лексиконе» Федора Поликарпова: «Дружество, *сочавастрофѣ*, *societas*, *familiaritas*» (л. 96).

Приведем примеры из перевода Гавриила Бужинского: «Егда бо в самом начале мира, в *дружества* народ человеческий начал собиратися, син тогда о почитании Бога власть имеяху узаконяти, которыи правление всего *дружества* и начальство имели» (стр. 465); «... избравши известных человек, которыи бы начальствовали, и установления на сохранение *дружества* потребныя узаконяли» (стр. 471); «... *дружества градския*, и оных установления с правом естественным согласующия» (стр. 461). Приведенные отрывки показывают, что славянским *дружество* вслед за латинским *societas* здесь обозначается государство. Особенно показателен последний пример с его выражением *дружество градское* (лат. *societas civile*).

Слово *дружество* возникло, видимо, в конце XVII в. (оно отсутствует в «Материалах» Срезневского) как синоним слова *дружба*. Ср.: «Бои красен *дружеством*, а приятел *дружеством*».³ Впервые как соответствие латинского *societas* с его широким социальным значением оно встречается в переводе сочинения Гуго Гроция «О законах брани и мира», выполненном в 1710-е годы в киевском кружке кн. Д. М. Голицына.⁴ Ср.: «*Дружество* бо неможе быти цело, токмо хранением и любовию частей» (л. 4); «Аще б сие было (несправедливость в качестве закона, — А. А.), *дружеству* (*societas*) и обществу (*communitas*) человек искоренно быти подавало б» (л. 4). Как видно, в этом киевском переводе слово *дружество* не обозначает государства с тою определенностью, с какой это выступает в переводе Гавриила Бужинского.

Но чаще всего в эпоху этих переводов, а в последующие времена — исключительно, слово *дружество* употребляется со значением «дружба».⁵ Следовательно, значение «государство» у слова *дружество* явилось в переводе «Введения в историю европейскую» под влиянием значения и употребления слова *societas* и может быть охарактеризовано как случай семантической индукции.⁶ Появление этого значения указывает на имевшие место понски адекватных средств для выражения понятий европейской теории государства.

² Ср. в одном из переводов В. Тредиаковского: «*Socii*, Таварищи. Син были Содруги (*associés*), вступающие в Содружество (*société*) с другими, и делили с ними вместе прибыль и убыль» (см.: Ш. Роллен. Римская история, т. 4. СПб., 1763, стр. 265).

³ П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст., вып. 1. СПб., 1899, стр. 83.

⁴ Рукопись ГПБ, Ф. II. 36. «Этот перевод был сделан, надо думать, с Амстердамского издания 1712 г. студентами Киевской академии — Орловским и др.» (А. С. Лаппо-Даннлевский. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени Смуты до эпохи преобразований. — Голос минувшего, 1914, № 12, стр. 32, примеч. 3). См. также: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 255, примеч.

⁵ Ср.: «Вернейшее с греческим народом *дружество* и сообщение стало» (Устав морской, 1720, предисловие, стр. 2).

⁶ Об этом термине см.: Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. М.—Л., 1965, стр. 164—167.

3. Слово *общенародие* впервые появляется в книге петровского времени, известной под названием «Апофегматы» (первое издание 1711 г., мы пользовались изданием 1716 г.): «В лакедемонском *общенародии* силу имеют законы, больше короля» (стр. 154); «*Общенародие* тем болши цветет, егда люди достойные суть в почитании, и доброе воздаяние приемлют, а безделники небрегоми бывають» (стр. 158). Во всем тексте слово *общенародие* встречается неоднократно. По своей морфологической структуре оно чрезвычайно похоже на кальку с греч. *κοινότητων* или *πανδημία*.⁷ Оба эти слова были известны в греческом, но распространены очень мало и, как кажется, отсутствовали в текстах, переводы которых были распространены на Русь.⁸

Не могло слово *общенародие* прийти и из оригинала книги, поскольку таковой был польским: об этом говорят и указание в заглавии, и само название, повторяющее название соответствующего польского текста Беняша Будного, и некоторые полонизмы текста: *дворный* — «учтивый, *urbanus*» (стр. 141), для того — «потому что» (стр. 25) и проч.

Вместе с тем поражает в тексте «Апофегматы» последовательно выдержанная грецизация собственных имен: *Ликурт*, *Платон*, *Сократ* и даже *Кикерон* (стр. 149) и *Ораций* (стр. 143). Совместное существование полонизмов и грецизмов в именах позволяет сделать вывод, что перевод, выполненный — судя по всем признакам языка — в Посольском приказе, выдержал «еллинофильскую» правку. Предполагаемому редактору могло принадлежать и слово *общенародие*.

Какое же слово или выражение перевода заменяется словом *общенародие*? На этот вопрос позволяет ответить сравнение печатного текста «Апофегматы» с одним из рукописных, хранящимся в БАН (Петровская галерея, № 13). Этот список дает текст, сильно отличающийся от печатного и только иногда совпадающий (по содержанию) с последним. Фразе печатного текста «Не тако *общенародия* долгие речи красят, яко честные дела» (стр. 147) в этом списке соответствует: «Нетолько *всенародную вещь* долгия глаголы украшают, яко честныя дела» (л. 145). *Всенародная вещь* — это очевидный буквальный перевод лат. *res publica* или польск. *rzecz pospolitna*. В других местах, которые оказывается возможным сопоставить, слову *общенародие* соответствует слово *народ* (стр. 113, 147, 148 и л. 106, 145, 146 соответственно).

Таким образом, слово *общенародие*, появившись на месте польского выражения *rzecz pospolitna* (лат. *res publica*), должно было передавать, подобно словам *общество* и *дружество*, понятие о государстве. Наше предположение подтверждается одним случаем отсутствия слова *общенародие* на том месте, где оно должно было бы находиться: «Сиде премудрыи государь, нужде речи *посполитой* угодил» (стр. 150). Этот очевидный полонизм проник в текст, видимо, по недосмотру предполагаемого редактора.

В дальнейшем слово *общенародие* со значением «государство» употребляет В. Н. Татищев: «Если я всякое *общенародие* уподоблю человеку, то, рассматривая его состояние, правительство душе, а подвластных телу уподоблю» (Разговор о пользе наук и училищ, стр. 136); «Всякаго *государства* или *общенародия* благополучие на согласии и любви зависит» (там же, стр. 71); «Для защищения своего от нападения сильного многие совокупаются, взаимным договором общего благополучия единомышленно искать и от насилия защищать обяжутся, как-то *общенародия* или *республики*» (там же, стр. 141). Для правильного понимания последней фразы необходимо учитывать, что латинское *res publica*, на семантику которого и ориентировался Татищев в своем употреблении слов *общенародие* и *республика*, обо-

⁷ Последнее соответствие вероятно, несмотря на то что оно должно бы дать *всенародие*. Ср. предлагаемое А. И. Малениным в качестве греческого соответствия для славянского *общенародный* им. мн. *πανδημιος* (Приложение к статье А. С. Орлова «Тилемахида». — Сб. XVIII век. Л., 1935, стр. 59).

⁸ Материалы по греческим словам см.: Thesaurus graecae linguae ab Henrico Stephano constructus. Paris, v. 4, v. 6, 1841, 1842—1847.

значает прежде всего государство и уж потом — определенную форму правления. При этом очень показательно, что в употреблении Татищева слово *общенародие* повторяет полисемно латинского образца и также в некоторых случаях обозначает форму правления: «Демократия, есть слово греческое, значит порядок правления, в государстве общенародного, и для того оные называются *общенародия*, или *республики*» (Лексикон, т. 2, 1793, стр. 127).

Наконец, слово *общенародие* употребляется Татищевым еще с одним значением — «всенародие, univcrsum»: «Нужно законы таким речением писать, которым большая часть *общенародия* говорит и суще самым просторечнем» (Разговор о пользе наук и училищ, стр. 147—148).⁹

Слово *общенародие* употреблялось в дальнейшем, особенно активно в 60—70-е годы XVIII в., для передачи франц. *le public*, но в последние десятилетия этого века уже не встречается, оказавшись вытесненным словом *общество*.

На примере трех рассмотренных слов видно, насколько оживленно проходили лексические процессы в первые десятилетия XVIII в. Для выражения понятий новой государственной теории не только привлекались старые славянские ресурсы (*общество*) или только что возникшие в славянском морфологическом оформлении слова (*дружество*), но и изобретались новые (*общенародие*), причем по тем же славянским моделям. Роль этих слов в дальнейшем была не одинакова и не равнозначна, но интерес к общественно-политическим вопросам, так очевидно пробудившийся в петровскую эпоху, давал порою немедленные результаты и смог поэтому придать характерную внешность всему XVIII столетию. Этот вывод получит еще большую вескость, если напомнить, что для обозначения государства в петровскую эпоху кроме трех рассмотренных слов, а также слов *государство* и *республика*, использовались еще следующие слова и выражения: *народ*, *град*, *гражданство*, *соединение гражданское*, *гражданское сожительство*, *сожитие гражданское*, *сообщество*, *содружество* и, надо думать, отыщутся со временем и другие.

Я. ДЕМЬСКИЙ

ИЗДАНИЯ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ В БИБЛИОТЕКАХ ПОЛЬШИ

Издательская деятельность, начатая в России в первые десятилетия XVIII в., имела большое значение для развития наук и литературы. Определенное количество изданных в петровское время книг было встречено с живым интересом и в России и в европейских государствах.

Целью этой статьи было рассмотрение сферы распространения литературы времени Петра I в Польше.

---

⁹ Г. Хюттль-Ворт указывает на появление этого значения со ссылкой на употребление Сумарокова (G. Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russische Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956, S. 136). Ср. также в «Наказе» Екатерины II (1767): «Когда зло единожды уврачевано, тогда мы не видим более ничего кроме суровости законодателя; но порок в общенародии остается от жестокости сего произрастший; умы народа испортились: они приобькли к насильству» (§ 91).

значает прежде всего государство и уж потом — определенную форму правления. При этом очень показательно, что в употреблении Татищева слово *общенародие* повторяет полнсемию латинского образца и также в некоторых случаях обозначает форму правления: «Демократия, есть слово греческое, значит порядок правления, в государстве общенароднаго, и для того оные называются *общенародия, или республики*» (Лексикон, т. 2, 1793, стр. 127).

Наконец, слово *общенародие* употребляется Татищевым еще с одним значением — «всенародие, *universum*»: «Нужно законы таким речением писать, которым большая часть *общенародия* говорит и суще самым просторечием» (Разговор о пользе наук и училищ, стр. 147—148).⁹

Слово *общенародие* употреблялось в дальнейшем, особенно активно в 60—70-е годы XVIII в., для передачи франц. *le public*, но в последние десятилетия этого века уже не встречается, оказавшись вытесненным словом *общество*.

На примере трех рассмотренных слов видно, насколько оживленно проходили лексические процессы в первые десятилетия XVIII в. Для выражения понятий новой государственной теории не только привлекались старые славянские ресурсы (*общество*) или только что возникшие в славянском морфологическом оформлении слова (*дружество*), но и изобретались новые (*общенародие*), причем по тем же славянским моделям. Роль этих слов в дальнейшем была не одинакова и не равнозначна, но интерес к общественно-политическим вопросам, так очевидно пробудившийся в петровскую эпоху, давал порою немедленные результаты и смог поэтому придать характерную внешность всему XVIII столетию. Этот вывод получит еще большую вескость, если напомнить, что для обозначения государства в петровскую эпоху кроме трех рассмотренных слов, а также слов *государство* и *республика*, использовались еще следующие слова и выражения: *народ, град, гражданство, соединение гражданское, гражданское сожительство, сожитие гражданское, сообщество, содружество* и, надо думать, отыщутся со временем и другие.

Я. ДЕМБСКИЙ

ИЗДАНИЯ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ В БИБЛИОТЕКАХ ПОЛЬШИ

Издательская деятельность, начатая в России в первые десятилетия XVIII в., имела большое значение для развития наук и литературы. Определенное количество изданных в петровское время книг было встречено с живым интересом и в России и в европейских государствах.

Целью этой статьи было рассмотрение сферы распространения литературы времени Петра I в Польше.

---

⁹ Г. Хюттль-Ворт указывает на появление этого значения со ссылкой на употребление Сумарокова (G. Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russische Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956, S. 136). Ср. также в «Наказе» Екатерины II (1767): «Когда зло единожды уврачевано, тогда мы не видим более ничего кроме суровости законодателя; но порок в общенародин остается от жестокости с'я произрастший; умы народа испортились: они приобькли к насильству» (§ 91).

В своих поисках произведений времени Петра I в Польше автор пользовался библиографией Т. А. Быковой и М. М. Гуревича.¹ Основываясь на этих изданиях, сделано обозрение самых значительных польских библиотек: библиотеки Ягеллонской и библиотеки Чарторыхжских в Кракове, отдела специальных изданий Национальной библиотеки в Варшаве, университетской библиотеки в Варшаве, библиотеки Польской Академии наук в Курнике около Познани, а также библиотеки имени Оссолинских во Вроцлаве.

В результате этих поисков выяснилось, что несмотря на уменьшающееся воздействие польско-латинской ориентации, на то, что большое значение приобрели немецкое, голландское, а потом французское влияние, русско-польские связи, однако, не прерываются. Многие из издаваемых в России книг попадают в Польшу. Это книги разнообразной тематики — как религиозной, так и светской. Процесс проникновения книг, напечатанных при Петре, в Польшу не был, однако, всеобщим явлением, так как это была по преимуществу литература, изданная прежде всего для русского читателя. Но вместе с тем она распространялась не только на территории России, о чем свидетельствует значительное количество книг того времени, находящееся до сегодняшнего дня в собраниях названных ранее польских библиотек.

Эта работа представляет дополнительный материал для дальнейших исследований сферы влияния литературы времени Петра I, а также может заинтересовать исследователей польско-русских связей.

Собранные материалы расположены в алфавитном порядке и разделены на четыре группы: 1) книги, напечатанные кириллицей, 2) издания гражданской печати, 3) издания на польском языке, 4) книги на других языках, изданные в России.

Тогда, когда данное издание отмечено в упомянутых выше библиографиях, представлена лишь сокращенная запись названия с отсылкой к соответствующей библиографии. В случае, когда издание в библиографии не отмечено, дано полное название, формат, а также, по мере возможности, дата и место печати. Если происхождение книги известно, оно отмечено рядом с названием библиотеки, имеющей данный экземпляр.

1. Работы, напечатанные кириллицей

1) Во славу святых единосущных...

Национальная библиотека. 2 экземпляра. У обоих нет титульного листа.
См.: Библиография II, 135.

Происхождение: 1-й экз. — из собрания Красинских, 2-й экз. — из библиотеки капитула города Пшемьсла.

2) Деяния церковная и гражданская...

Национальная библиотека.

См.: Библиография II, 122.

Происхождение: из собрания Красинских.

3) Духовный регламент

Библиотека Чарторыхжских.

См.: Библиография II, 141.

Происхождение: из собрания Чарторыхжских в Пулавах.

4) Лексикон сиреч словесник славенский...

Библиотеки: Ягеллонская, Национальная, Варшавского университета.

См.: Библиография II, Приложение I, 27.

Происхождение: библиотека Ягеллонская — куплено в 1888 г.; Национальная библиотека — из библиотеки в Вилиаове.

¹ Описание изданий гражданской печати. 1708—январь. 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955. Далее при ссылках сокращенно — Библиография I; Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь. 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1958. Далее при ссылках сокращенно — Библиография II.

5) Молитвослов.

Библиотека Ягеллонская. Нет титульного листа, 12° (Чернигов, 1692).

Библиография не отмечает.

Происхождение: из Коллегии иезуитов в Кракове.

6) Номенклатор на русском, латинском и немецком языке.

Библиотека Ягеллонская.

См.: Библиография II, Приложение I, 10.

Происхождение: куплено в 1844 г.

7) О браках правоверных лиц...

Библиотека Чарторыжских.

См.: Библиография II, 138.

Происхождение: из собрания Чарторыжских в Пулавах.

8) Патерик или отечник печерский...

Национальная библиотека. 2 экземпляра.

См.: Библиография II, 19, 22.

Происхождение: оба экземпляра из собрания Красиньских.

9) Рассуждение о образе божиих...

Национальная библиотека. Нет титульного листа и первой части.

См.: Библиография II, 96.

Происхождение: из собрания Красиньских.

10) Символы и эмблемата...

Библиотека Чарторыжских.

См.: Библиография II, Приложение I, 20.

Происхождение: из собрания Чарторыжских в Пулавах.

11) Собрание припадковъ краткое, и духовным особомъ потребное имущее в себе науку о сакраментяхъ, о делах божиихъ приказанияхъ... Типом же ... монастыря Супраскаго, чину святого Василя Великаго року 1722 месяца генваря дня 18 изданное

Библиотеки: Ягеллонская, Национальная, Варшавского университета, 4°.

Библиография не отмечает.

Происхождение: библиотека Ягеллонская — куплено в 1964 г.; Национальная библиотека — из собрания в Красном Дворе.

II. Издания гражданской печати

1) Книга историография початня имене...

Национальная библиотека.

См.: Библиография I, 699.

Происхождение: из собраний Красиньских.

2) Книга систима или состояние мухаммеданския религии...

Ягеллонская библиотека.

См.: Библиография I, 715.

Происхождение: из собраний Кшижановских в Черноводах.

3) Книга устав воинский...

Библиотека Варшавского университета.

См.: Библиография I, 207.

Происхождение: из библиотеки мужской гимназии в Варшаве.

4) Книга устав морской...

Библиотека в Курнике. Нет титульного листа. Национальная библиотека.

См.: Библиография I, 444.

Происхождение: библиотека в Курнике — дар воеводского архива в Познани (1965).

Национальная библиотека — из библиотеки в Вилянове.

5) Рассуждение какие законные причины...

Национальная библиотека.

См.: Библиография I, 719.

Происхождение: из собраний Красиньских.

1) *Expressyia Batalii Wygraney Najaśnieyszego Cara IM Nad Rzeką Pronią pod Lesznem Pana Serafinowicza mil dwie od Propoyska Roku Pańskiego 1708 Dnia 9 października*

Библиотека Оссолинских. 2°, нет места печати.

Происхождение: из собраний Браницких в Сухой.

2) *Jego Carskiego Przeswietleyszego WWA My Borys Szeremetow...*

Библиотека Оссолинских.

См.: Библиография II, Приложение III, 4.

3) *Kopia Responsu Carowi Ie Mci Moskiewskiemu od Iaśnie Wielmożnego y Nauprzewielebnieyszego w Bogu I. M. X Biskupa Kuiawskiego y Pomorskiego Biblioteki: Оссолинских, в Курнике, Варшавского университета. 2°, нет места печати. Изд. после 2 VII 1699.*

Происхождение: библиотека Оссолинских — из собрания Оссолинских.

4) *Kopia Hramoty do Xiążęcia I Mości Kardynała y Senatu, od Cara Iego Mości Moskiewskiego pisaney Dana w Moskwie 1697 rok 2 junij*

Библиотеки: Ягеллонская, Оссолинских, Варшавского университета, в Курнике. 2°, нет места печати.

Происхождение: Ягеллонская библиотека — куплено в 1887 г.; библиотека Оссолинских — из собраний Браницких в Сухой.

5) *Kontynuacya Dalszego procederu Woennego po szczęśliwie wygraney Battalieu Pułtawskiej, przez Najaśnieyszego Cara I. M. nad Krolem Szwedzkim Biblioteka Оссолинских. 2°, нет места и даты печати.*

6) *List Najaśniey: Cara IM Moskiewskiego Do Xiążęcia IM Kardynała Prumasa y Sałey Rzeczyrospolitej Polskiej*

Библиотеки: в Курнике, Чарторыжских, Варшавского университета, Национальная. 2°, 1704 г., нет места печати.

Происхождение: Библиотека Варшавского университета — из Главной библиотеки в Варшаве; Национальная библиотека — из собраний в Дзикове.

7) *Manifest o Wiarołomnym rozerwaniu pokoju od Achmeta Sołtana Turckiego przeciwko Iego Carskiemu Maiestatowi Ex mandato tegoż maiestatu wydany 1711 Anno 22 Februarij*

Библиотека Чарторыжских. 2°.

8) *My Piotr I z Bożej Łaski Car y Samodzierzec Wszystkiej Rusi etc. etc. Dan w Łucku 12 Aprilis S. V. 1711 roku*

Национальная библиотека. Формат — таблица.

9) *My, Piotr I z Bożej Łaski Car y wszystkiej Rusi...*

Библиотека Оссолинских.

См.: Библиография II, Приложение III, 6.

10) *My, Piotr I z Bożej Łaski Car y wszystkiej Rusi...*

Библиотека Оссолинских.

См.: Библиография II, Приложение III, 7.

11) *My, Piotr I z Bożej Łaski Car y Imperator wszystkiej Rusi etc. Dan w Sank Peterburku. Iannuarij 14, 1711*

Библиотека Ягеллонская. 2°, нет места печати.

Происхождение: из собраний Тарновских в Дзикове.

12) *Najaśnieyszego Iego Carskiego Wielicestwa Pana Mego Miłościwego Obstalowany Pierwszy Generał Feldmarszałek, Konsyliarz, Kawaler Maltański, Świętego Apostoła Andrzeja, Białego Orła, y Innych Ordinow Hrabia Boris Szeremetow. Dan w Kijowie 23 Julii SV Roku 1712*

Библиотека Оссолинских. 2°, нет места печати.

13) *Najaśnieyszego Iego Carskiego Wielicestwa Pana Mego Miłościwego Obstalowany Pierwszy Generał, Feldmarszałek Konsyliarz, Kawaler Maltański, Świętego Apostoła Andrzeja, Białego Orła y 9 Innych Ordynow Grabia Borys Szeremetow. Dan we Lwowie, Dnia 16 Novembris Anno Domini 1711*

Библиотека Оссолинских. Формат — таблица, нет места печати.

14) *Relacya Rzeczywista O Szczęśliwey Generalney Battalij, między Woyskami Iego Carskiego Wielicestwa, y Krola Iego Mości Szwedzkiego uczyniony,*

nie daleko od Pułtawy die 27 Iunii, Anno 1709 przysłana od Ich Mościów PP ministrów N. Cara Iego Mści, Iaśnie Wielmożnemu I. Mości P. Wojewodzie Bełzkiemu, Hetmanowi Wiel. Kor
Библиотека Оссолинских. 2°, нет места печати.

IV. Работы на других языках, изданные в России

1) Manifestum seu declaratio Foedifragae. . .

Библиотека Ягеллонская.

См.: Библиография II, Приложение II, 6.

Происхождение: получено в 1895 г.

2) Geistliches Reglement Auf hohen Befehl und Verordnung des von Gott gegebenen und mit Weisheit ausgezierten Hrn. Czaaren und Gross-Fuersten Peter des I sten . . . In der St. Peterburgischen Buchdr. im Jahr Christi 1721 d. 16 Sept.

Библиотеки: Ягеллонская, в Курнике, Национальная, Оссолинских. 4°, готический шрифт.

Происхождение: Библиотека Ягеллонская — дар Шиндлера.

Перевод с польского Н. Н. Можухиной

Л. А. ИТИГИНА

К ВОПРОСУ О РЕПЕРТУАРЕ ОППОЗИЦИОННОГО ТЕАТРА ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ В 1730-е ГОДЫ

По дошедшим до нас сведениям Елизавета Петровна еще до своего восшествия на престол уделяла довольно большое внимание театру. Известны опубликованные П. Бартеневым материалы допроса, который в 1735 г. Анна Иоанновна учинила регенту придворного хора цесаревны Елизаветы Петровны Ивану Петрову. При аресте у него были отобраны среди других бумаг листки с ролью из какой-то комедии о принцессе Лавре. На допросе Иван Петров показал, что «в той комедии написанные речи говорены были от персон около тридцати. . . А те-де комедии бывали в доме у государыни цесаревны в Москве, в Покровском и в Санктпитебурхе на Смольном дворе, а в других местах нигде не бывали».¹

По этим скудным сведениям, конечно, трудно представить себе, какой это был театр, какие драматические произведения составляли его репертуар. Ясно одно. Судя по тому, что отрывки одной из пьес этого театра были конфискованы, а их владелец подвергнут допросу, сам театр цесаревны возбуждал подозрения у Анны Иоанновны и был всячески преследуем. Вспомним, что в результате борьбы за престол Анна Иоанновна и Елизавета находились в состоянии постоянной вражды друг с другом. Елизавета считала себя незаслуженно обойденной. Ведь по завещанию Екатерины I «в случае бездетной смерти внука Петра Великого престол должен был перейти к старшей их дочери Анне Петровне с нисходящими потомками, а за их

---

¹ Черты из жизни императрицы Елизаветы Петровны. — Русский архив. Изд. 2-е. СПб., 1865, стр. 346.

nie daleko od Pułtawy die 27 Iunii, Anno 1709 przysłana od Ich Mościów PP ministrów N. Cara Iego Mści, Iaśnie Wielmożnemu I. Mości P. Wojewodzie Bełzkiemu, Hetmanowi Wiel. Kor
Библиотека Оссолинских. 2°, нет места печати.

IV. Работы на других языках, изданные в России

1) Manifestum seu declaratio Foedifragae. . .

Библиотека Ягеллонская.

См.: Библиография II, Приложение II, 6.

Происхождение: получено в 1895 г.

2) Geistliches Reglement Auf hohen Befehl und Verordnung des von Gott gegebenen und mit Weisheit ausgezierten Hrn. Czaaren und Gross-Fuersten Peter des I sten . . . In der St. Peterburgischen Buchdr. im Jahr Christi 1721 d. 16 Sept.

Библиотеки: Ягеллонская, в Курнике, Национальная, Оссолинских. 4°, готический шрифт.

Происхождение: Библиотека Ягеллонская — дар Шиндлера.

Перевод с польского Н. Н. Можухиной

Л. А. ИТИГИНА

К ВОПРОСУ О РЕПЕРТУАРЕ ОППОЗИЦИОННОГО ТЕАТРА ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ В 1730-е ГОДЫ

По дошедшим до нас сведениям Елизавета Петровна еще до своего восшествия на престол уделяла довольно большое внимание театру. Известны опубликованные П. Бартеневым материалы допроса, который в 1735 г. Анна Иоанновна учинила регенту придворного хора цесаревны Елизаветы Петровны Ивану Петрову. При аресте у него были отобраны среди других бумаг листки с ролью из какой-то комедии о принцессе Лавре. На допросе Иван Петров показал, что «в той комедии написанные речи говорены были от персон около тридцати. . . А те-де комедии бывали в доме у государыни цесаревны в Москве, в Покровском и в Санктпитебурхе на Смольном дворе, а в других местах нигде не бывали».¹

По этим скудным сведениям, конечно, трудно представить себе, какой это был театр, какие драматические произведения составляли его репертуар. Ясно одно. Судя по тому, что отрывки одной из пьес этого театра были конфискованы, а их владелец подвергнут допросу, сам театр цесаревны возбуждал подозрения у Анны Иоанновны и был всячески преследуем. Напомним, что в результате борьбы за престол Анна Иоанновна и Елизавета находились в состоянии постоянной вражды друг с другом. Елизавета считала себя незаслуженно обойденной. Ведь по завещанию Екатерины I «в случае бездетной смерти внука Петра Великого престол должен был перейти к старшей их дочери Анне Петровне с нисходящими потомками, а за их

---

¹ Черты из жизни императрицы Елизаветы Петровны. — Русский архив. Изд. 2-е. СПб., 1865, стр. 346.

отсутствием к Елизавете». ² Однако в 1730 г. после смерти Петра II верховный тайный совет при участии князей Долгоруких и Голицыных объявил это завещание недействительным на том основании, что Екатерина I сама не имела права занимать престол, как женщина низкого происхождения, «устранив таким образом дочерей Екатерины I, которых партия старины всегда считала рожденными до брака». ³

Учитывая эти сложные отношения, возникшие между Анной Иоанновной и Елизаветой, можно сделать предположение, что театр, созданный приближенными цесаревны, имел оппозиционный характер. Вероятно, его основной задачей было всячески подчеркивать ту мысль, что Елизавета незаконно лишена родительского престола и что именно в ней можно найти истинную продолжательницу петровских дел. В. Д. Кузьмина считает возможным отнести к репертуару этого театра «Акт о Петре Златых ключей». «В настоящее время наше предположение не может быть подтверждено документально, — пишет она, — но следует вспомнить мрачные времена „бириновщины“, чтобы понять, насколько уместна в репертуаре придворного театра молодой Елизаветы была бы тема о правах и обязанностях государя, о милости, о возвращении из ссылки, намеченная в „Акте“ в заключительном монологе Петра Златых ключей». ⁴

Сама мысль о существовании в то время оппозиционного театра очень интересна. Она затрагивает довольно широкий круг вопросов, причем не только литературных и театроведческих, но и исторических.

Какие же пьесы могли быть включены в репертуар такого театра? В его состав могла входить, по нашему мнению, драма «Акт о преславной палестинских стран царице». ⁵

Эта пьеса представляет собой инсценировку популярной повести XVII века. Повесть существует в двух редакциях: пространной, которая обычно носит название «История о римском кесаре Оттоне и о цесаревне Алунде и детех их Леоне и Флоренсе выписана из римских летописцев», ⁶ и краткой под названием «Повесть зело полезна, выписана от древних летописцев из римских хроников, коя царица моляся пресвятой богородице милость получи». ⁷ Обе редакции дошли до нас в большом количестве списков. В основу пьесы положена краткая редакция, причем та из двух ее разновидностей, где у персонажей не было имен. Об этом говорится в статье С. А. Щегловой «Неизвестная драма петровской эпохи о царице и львице». ⁸ Надо сказать, что это — единственная подробная работа, посвященная данной пьесе. Вообще же «Акт о преславной палестинских стран царице» изучен очень мало.

Как видно уже из самого названия статьи, С. А. Щеглова относит пьесу к эпохе Петра Великого. Однако это мнение представляется нам весьма спорным. Вопрос о времени создания драмы является для нас принципиальным, так как правильная датировка позволит нам с большим основанием отнести пьесу к репертуару того или иного театра. Рассмотрим подробнее те доказательства, которые приводит С. А. Щеглова в пользу своего утверждения.

Прежде всего это ссылка на текст, обращение к некоторым фрагментам содержания «Акта». Чтобы стало яснее, о чем идет речь, кратко напомним

² П. Миллюков. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902, стр. 1.

³ Там же, стр. 6.

⁴ И. М. Бадалич, В. Д. Кузьмина. Памятники русской школьной драмы XVIII века. М., 1968, стр. 105.

⁵ ГИМ, Собр. Барсова 2518.

⁶ См., например: ГПБ, собр. Погод. 1770, 1771.

⁷ См., например: ГПБ, собр. Погод. 1773.

⁸ С. А. Щеглова. Неизвестная драма петровской эпохи о царице и львице. — В кн.: Труды комиссии по древней русской литературе, т. I. М.—Л., 1932, стр. 153—229.

сюжет пьесы. Могущественный царь Географ и супруга его царица Диана жили в мире и добром согласии. Радость их омрачалась лишь тем, что не было у них «наследных ни дщери, ни сына». И вот наконец царица родила двух сыновей-близнецов. Счастливый царь не знал, как благодарить бога за то, что молитвы его услышаны. Но вдруг в разгар всеобщего ликования появляется мать царя, ненавидевшая свою невестку и хотевшая ее погубить. Она клеветает на Диану, обвиняя ее в измене мужу. Мать заставляет царя поверить в то, что новорожденные не его дети. «Не мни, что те младенцы родные суть чада», — говорит она. Разгневанный царь изгоняет Диану в дальние пустыни.

Значительное место в пьесе отведено описанию злоключений страстующей царицы. Одного младенца у нее похищает львица и воспитывает его в пещере. Однажды корабельники, проплывая мимо и заметив такое зрелище (львицу, играющую с отроком), забирают их на корабль. Затем, попав в страну Географа, они дарят ему юношу и львицу. Царица же, оставшись с одним сыном, находит приют у некоего князя. У пьесы счастливый конец. Справедливость все-таки побеждает. Братья встречаются. Географ узнает в них своих сыновей. В том, что они, «многие бедствия претерпев», остались живы, он видит перст божий и убеждается в невинности царицы. Диану встречают с почестями.

Напомним более подробно те эпизоды, которые, по мнению С. А. Щегловой, проливают свет на время написания драмы. Один из них — это сцена совета Географа с сенаторами по поводу того, брать или нет дань с приезжающих купцов. Сенаторы предлагают царю брать дань, но он возражает: «Что требовать с них дани, якобы мы скудны. Купцов бо есть прибыток несносны и трудны».⁹

Когда же один из сенаторов все-таки настаивает на своем:

«Обычай есть такой по всем государствам
Дань брати с приставших купцов к оным царствам»,¹⁰

царь отвечает ему на это:

«Что слова суетныя ныне простираешь
Как сребролюбого мене называешь»¹¹ —

и, обращаясь к купцам, объявляет им свою милость:

«... власть вам дам в царстве моем торговати
И дань в казну царскую не велю с вас брати».¹²

С. А. Щеглова видит в этом эпизоде прямое указание на петровскую эпоху, так как именно при Петре стали развиваться торговые отношения с заморскими странами.

С этим, конечно, нельзя не согласиться. Можно было бы привести еще один эпизод пьесы, напоминающий нам петровские реформы образования. Но нужно сказать, что идеи Петра о значении образования находили свое отражение во многих повествовательных произведениях и более позднего времени. Такова, например, «Гистория о некоем шляхецком сыне», датируемая Г. Н. Моисеевой 1730-ми годами.¹³ Она начинается рассказом о мудром государе, который построил «здания пречюдная и в них разных наук школы, в которых указал шляхетским, министерским и сенаторским детям быть в науке и по науке занять место». Поэтому эпизоды из пьесы, приведенные

⁹ ГИМ, Собр. Барсова, л. 23 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 25 об.

¹² Там же, л. 26.

¹³ Г. Н. Моисеева. Русские повести первой трети XVIII века. М.—Л., 1965, стр. 132—160.

С. А. Щегловой в качестве доказательства ее предположения, никак не могут служить веским доводом в его пользу.

Основной аргумент в защиту своей гипотезы, позволяющий датировать пьесу с точностью до года, Щеглова видит в том, что в пьесе царь повелевает своим сенаторам созвать совет для суда над царицей. Этот факт позволил исследователю сделать предположение, что это описание отражает конкретный исторический факт, а именно — учреждение Сената. Сенат был создан 22 февраля 1711 г. И пьеса, считает С. А. Щеглова, была создана где-то в 1711—1712 гг.: по ее убеждению, автор не стал бы писать о событии, после которого прошло уже много времени.

Но совещания царя с сенаторами встречаются довольно часто и в пьесах, относящихся к более позднему периоду. Так, например, в пьесе «Образ торжества российского», написанной в честь восшествия на престол Елизаветы, в первом явлении встречается: «Геркулес с сенаторами советуется, како бы свой народ прославить». Кстати, Геркулес в этой пьесе символизирует Петра.

Кроме того, петровская тема вообще вряд ли могла исчезнуть бесследно из литературы и после смерти Петра. Достаточно вспомнить Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова.

В связи со всем этим мнение С. А. Щегловой о том, что эпизоды, указанные выше, — существенные доказательства принадлежности пьесы именно к петровской эпохе, кажется совсем необидительным. Если предположить, что драма была написана позже, то вполне возможно, что эти эпизоды нужны были для напоминания о минувшей поре.

Кажется несколько странным, что С. А. Щеглова, датируя пьесу, обратила внимание не на весь сюжет в целом, а на его отдельные фрагменты. Главную тему драмы исследователь видит в традиционной борьбе добра и зла, в помощи обиженным, ни в чем не повинным, напрасно пострадавшим. «Если мы обратимся к драме о царице и львице, то увидим, что мысль о необходимости помогать обиженным, невинно страждущим является основной», — пишет она.¹⁴ Но об абстрактной ли борьбе добра и зла идет речь в нашей пьесе?

Попытаемся раскрыть содержание «Акта». В центре пьесы — женский образ. Царица становится жертвой клеветы. Ее обвиняют в измене мужу, в рождении «незаконных» детей и изгоняют в дальние пустыни. Вместо короны — терновый венец. В пустыне она претерпевает множество мучений, но терпеливо переносит все муки, уповая на всевышнего. В конце концов справедливость торжествует. Царницу с почестями встречают в родной державе.

Случайно ли автор драмы выбрал для инсценировки повесть именно с таким сюжетом? Обратим внимание на то, что основная мысль пьесы — мысль о клевете, о лишении престола законных наследников, о тяжелых испытаниях, которые приходится им преодолевать, чтобы занять по праву принадлежащее им положение. Могла ли возникнуть необходимость в пьесе такого содержания при Петре? В период его царствования не было для этого ни малейшего повода. Что касается конфликта между Петром и его сыном царевичем Алексеем, то представляется маловероятным, чтобы одно и то же произведение и выступало в защиту Алексея Петровича, и одновременно прославляло петровские деяния.

Зато эта драма очень напоминает тернистый путь к российскому престолу Елизаветы Петровны. Может быть, судьба цесаревны и составляет подтекст пьесы? Ведь недаром в прологе пьесы перед традиционным пересказом содержания находим мысль о том, что бедствия обрушиваются на человека независимо от того, к какому сословию он принадлежит. Даже подчеркивается: «И царие иногда печали претерпевают». Если предположить, что автор использовал подходящий к данным событиям сюжет популярной повести, то можно провести некоторые косвенные параллели между персона-

¹⁴ С. А. Щеглова. Разночинно-демократический театр начала XVIII века и его репертуар. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 246.

жами пьесы и конкретными историческими лицами. Так, в мудром, но вспыльчивом царе Географе можно увидеть черты Петра Великого, в судьбе оклеветанной царицы и ее сыновей угадывается аналогия с участью невинно пострадавшей Елизаветы. А образом матери царя, «злобствующей» на невестку свою, царицу Диану, автор, возможно, хотел указать на племянницу Петра — Анну Иоанновну. Как известно, между ней и Елизаветой шла упорная борьба за власть. И Анна Иоанновна, боясь лишиться царского венца, распускала о Елизавете разные слухи. Например, она пыталась уверить всех, что Елизавета побочная, незаконная дочь Петра. Не перекликается ли это с событиями нашей пьесы? Возможно, что эта инсценировка — удачная попытка автора передать иносказательным путем современные ему события. Нужно сказать, что передача актуальных проблем аллегорическими средствами была чрезвычайно популярна. Вероятно, в данном случае мы имеем дело именно с таким фактом.

Интересно отметить своеобразность этой аллегии. Автор не сделал главными действующими лицами своей пьесы символы, которые содержали бы уже довольно прозрачный намек (что было очень характерно для ранней школьной драмы). Нет в пьесе и аналогичного центральной теме повести сюжета из Библии, с которым можно было бы провести прямую параллель.

Перед нами новый для того времени тип аллегии. В переломке повести светского содержания ощущается ассоциативная связь с действительностью. Причем ассоциации у нас вызывает сам ход пьесы, ее логическое развитие, а не специально для этого введенные традиционные приемы.

Рассмотрим одно любопытное явление. Для этого сравним название драмы с названием краткой редакции повести и с одним из вариантов пространной редакции. Приводим полностью название драмы: «Акт о преславной палестинских стран царице, всюду славою прекрасно сияющей Диане, како от злобных ехидны свекрови своея за истинную правду во изгнании и разлучении, многая и ужасная восприя бедствия и како всещедрого всемогущего бога десницею, яко неповинно страждущая, паки от печалн свободися».

Название краткой редакции: «Повесть зело полезна, выписана от древних летописцев из римских хроников, коя царица моляся пресвятой богородице милость получи».

Название варианта пространной редакции: «Повесть изрядная, полезная же и утешная о Оттоне, цесаре римстем и о супруге его цесаревне Олунде, юже со двема чады своими в презустую и далечайшую пустыню изгна клеветы ради и наглоголения матери своея и како дивным промыслом и чудным строением божим по многих летах в познание и соединение придоша».

Сопоставляя название драмы с названиями краткой и пространной редакций повести, мы видим, что название «Акта» ближе к последнему. Если в заглавии краткой редакции говорится только о том, что «царица моляся пресвятой богородице милость получи», то в пьесе и в пространной редакции сообщается к тому же, что до этого царице пришлось тяжело пострадать и причиной бедствий была возведенная на нее клевета. Этим исчерпывается сходство пьесы с пространной редакцией повести.

С. А. Щеглова заметила это сходство названий, но не сделала отсюда никаких выводов. На наш взгляд, этот факт может навести на некоторые размышления. Прежде всего это указывает на то, что автор пьесы был хорошо знаком с обеими редакциями повести. И если бы он искал просто развлекательный сюжет, то, вероятно, обратился бы скорее к пространной редакции, изобилующей занимательными интригами. Кстати, попытка использовать эту редакцию для сцены уже предпринималась в самом начале века — в театре царевны Натальи Алексеевны. Значит, автора «Акта» интересовали не просто романтические повороты сюжета. Очевидно, ему нужна была фабула, в которую он мог бы вложить особый внутренний смысл.

Одним из аргументов, говорящим в пользу нашего предположения, является имя царицы — Диана. Ни в одной из редакций повести это имя не встречается. В пространной редакции царицу зовут Олунда, а в краткой

(т. е. той, по которой сделана инсценировка) у персонажей вообще нет имен. Следовательно, автор пьесы сам ввел это имя. Напомним, что Елизавету часто сравнивали с Дианой. Сошлемся на оды Ломоносова. Например, в «Оде на день рождения ее Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы Всероссийския»¹⁵ 1746 г. читаем:

... Елисавета	Свой светлый напрягает лук,
в России усугубит света,	Диана стрелы позлащенны
Державой и вендом своим.	С ним мечет из прекрасных рук
Ермий, наукам предводитель	.....
И Марс, на брани победитель,	От ней геройство с красотою
Блистают совокупно с ним.	Повсюду мирой и войной
Там муж, звездами испещренный,	Лучи пускают дней златых.

В другой «Оде, в которой ее Величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском селе...»: ¹⁶

... Диане я прекрасной
Уже последую в лесах,
От коей хитростью напрасной
Укрыться хочет зверь в кустах.

В подтверждение того, что с именем Дианы связывали Елизавету, можно привести еще один аргумент. Судя по «Хронике русского театра», составленной Носовым,¹⁷ в дни дворцовых праздников при Елизавете, например в честь ее дня рождения или дня коронации, шел спектакль, в названии которого упоминалось имя Дианы. Вот выписка из «Хроники» за декабрь 1751 г.: «Четверг 17 дня (это канун дня рождения императрицы, — Л. И.). На театре на площади Зимнего Дворца италианскими придворными актерами представлена: *Диана на охоте*. Аллегорическая опера въ трехъ действияхъ сочинения придворного ея императорского величества композитора Франчески Арайя съ балетами, сочинитель коихъ придворный балетмейстер Ринальд Фассано; декорации изобретения придворного живописца и машиниста Иеранимо Боно».

Этот же спектакль ставили, как указывает Носов, и 26 ноября — в день коронации Елизаветы. Причем, по дошедшим до нас сведениям, не только в столице, но и в Ярославле. Значит, предположение о том, что имя «Диана» не случайно появилось в пьесе, имеет основание. Правда, могут возразить: а не было ли оскорблением для Елизаветы, которая официально не была замужем, сравнение с замужней царицей, имевшей двух детей? Думается, что, по всей вероятности, это все-таки не могло задеть честь Елизаветы Петровны. Во-первых, образ царицы не отождествляется полностью с Елизаветой, а лишь содержит намек на нее. Во-вторых, пьеса ставила своей задачей как раз снискать расположение публики к цесаревне и укрепить ее шансы в борьбе за русский престол.

Что касается композиции и языка пьесы, то и здесь никак нельзя согласиться с утверждением С. А. Щегловой, что «Акт о преславной палестинских стран царице» является типичным образцом школьной драмы первых двух десятилетий XVIII в.

Мы уже говорили о предельной четкости композиционного построения пьесы. Во многом это построение соответствует теории драмы, изложенной в курсе поэтики Ф. Кветницкого. Курс этот был прочитан им в 1732 г.

¹⁵ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1959, стр. 147—156.

¹⁶ Там же, стр. 394—403.

¹⁷ Носов. Хроника русского театра. М., 1883.

в московской Славяно-греко-латинской академии. Подробный разбор учения Кветницкого сделал еще в 1891 г. профессор Г. Воскресенский.¹⁸

Согласно этому учению, текст «Акта» обрамлен аллегорическим антипрологом в стихах, прологом и эпилогом в прозе. Основная часть драмы написана довольно хорошо выдержанным тринадцатисложным силлабическим стихом с цезурой после седьмого слога. Везде соблюдается женская рифма, на которой особенно настаивал учитель Ломоносова. Таким образом, видно, что и в области стихосложения автор пьесы руководствовался правилами Кветницкого. Единственным существенным отступлением от этой теории является то, что создатель драмы не разделил ее на действия.

Говоря о композиционном решении нашей пьесы, необходимо упомянуть и о том, что в ней сведены до минимума аллегорические персонажи. Интересно, что в отличие от школьных пьес даже середины 40-х годов такие персонажи встречаются здесь только в антипрологе. И именно этот фактор как бы подчеркивает функциональную нагрузку антипролога — передачу философского смысла всей пьесы — и усугубляет его эмоциональное воздействие.

В языке драмы нет того изобилия варваризмов и церковнославянизмов, без которых не обходилась школьная драматургия начала века. Нет в пьесе и чересчур витиеватых словесных украшений, свойственных первым русским драматическим произведениям. Тем не менее язык драмы совсем не кажется обедненным. Изобразительные средства языка, к которым прибегает автор в своей пьесе, достаточно выразительны.

Нужно сказать, что и само название пьесы «Актом» отнюдь не указывает на ее бесспорную принадлежность к эпохе Петра I. Нельзя согласиться с мнением С. А. Щегловой, которая считает, что в то время все пьесы, как правило, назывались «актами». Гораздо чаще встречалось тогда название «комедия». «Пьесы школьного репертуара назывались чаще всего комедиями, — писал П. О. Морозов,¹⁹ — потому что первыми образцами для них служили произведения классической литературы, носившие это название, но значение термина понималось далеко не ясно. . . ввиду неустойчивости понятий комедиями называли и такие пьесы, которые больше напоминали трагедии». Именно под этим заглавием известны нам такие пьесы как «Комедия Сципион и Африкан, вождь римский. . .», «Комедия о Баязете и Тамерлае», «Триумфальная комедия по случаю взятия Шансельбурга» и т. д.

Исходя из всего сказанного выше, позволим себе сделать вывод, что по многим своим особенностям «Акт о преславной палестинских стран царице» не является типичной драмой, принадлежащей к эпохе Петра Великого.

Целый ряд факторов, упомянутых раньше, и прежде всего идейное содержание «Акта», дают нам возможность связать появление пьесы с именем Елизаветы Петровны.

Тема и основная идея нашей пьесы имеют много общего с другим произведением, посвященным Елизавете, — пьесой Одровоича-Мигалевича «Стефанотокос», поставленной в Новгородской семинарии в 1742 г. по случаю коронации дочери Петра. Содержание «Стефанотокоса» заключается в следующем. Юноша должен был унаследовать родительский престол. Но в результате гнусных интриг, он, как и царица Дяна, оказывается в пустыне, где претерпевает всяческие лишения. Стефанотокос тоже становится жертвой клеветы. О нем распускают слухи, что он незаконнорожденный. Власть стремится захватить чужеземные силы (намек на немецкое влияние при Аниие Иоаниовиче). Но в конце концов справедливость побеждает и Стефанотокос торжественно «венчают на царство». При этом звучат слова, выражающие радость по поводу конца мучений и воцарения долгожданного правителя:

¹⁸ Г. Воскресенский. Ломоносов и Московская славяно-греко-латинская академия. М., 1891, стр. 24—37.

¹⁹ П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, стр. 47—48.

Уз тела сего прежде легчае лишимся,
Нежели от твоея любви разрешимся.
Родители служихом твоим постоянно
Их же имя и славу доднес непрестанно
Поминая в болезни сердца въздыхали:
О, когда б оные дние возсияли,
В них же бы нам можно престол зрети
Тебе, — сего ожидали вси отцы и дети.
Но се оный приспел есть день радостоплодный
Гряди на родительский престол ты природный!

Необходимо отметить, что тема восстановления поправленных прав законного наследника престола, подсказанная судьбой Елизаветы, была очень популярна в посвященных ей произведениях. Мы говорили о том, как эта проблема нашла свое отражение в «Стефанотококе». Не обошел ее и В. К. Тредиаковский.²⁰ Так, в оде «Императрице Елизавете Петровне в день ее коронации», датированной весной 1742 г., он пишет:

Давно на престоле сидети
Элисавете подобало,
Давно в руках скипетр имети
Державу купно надлежало.

Далее следует риторический вопрос:

Почто не скоряя воцарилась?
Ни в венце скоряе явилась?

Затем поэт образно воссоздает ту сложную атмосферу, в которой находилась Елизавета накануне дворцового переворота 1741 г.:

Сети поставлены уж были,
Глубина же ям оказалась,
Беды и напасти губили,
Ненависть, как огонь, разгоралась.

Змеиным блевала злость ядом,
И всем уж подымалась адом;
Россия горестно стенала,
Нет защиты много навета,
Но ты зря, Элисавета,
Токмо в жалости въздыхала.

Нетрудно заметить, что и «Стефанотокок», и ода Тредиаковского, и «Акт о преславной палестинских стран царице» перекликаются между собой общностью темы и основной идеи.

Продолжая разговор об уточнении датировки рассматриваемой пьесы, прежде всего нужно решить, какой фактор может явиться в нашем случае важнейшим для определения времени ее создания. Обращение к стилю не дает здесь желаемого результата, так как если вспомнить историю развития школьной драмы в России, то можно легко убедиться в том, что целый ряд традиционных стилистических приемов, кочующих из пьесы в пьесу, делает их похожими друг на друга. В школьных драматических произведениях до

---

²⁰ В. К. Тредиаковский. Избранные произведения. М.—Л., 1963, стр. 135—140.

середины XVIII в. господствовал определенный литературный штамп. Особенности композиции и языка «Акта» дают, разумеется, возможность сравнивать его с другими пьесами. Мы уже говорили о том, что во многом он совершенней драм петровской эпохи. Но в то же время в драматургии елизаветинской поры есть пьесы, напоминающие по стилю произведения более раннего времени. Особенно это видно на панегирических действиях, таких, например, как «Образ торжества российского».

Аналогичное явление — сходство стилистических и художественных приемов, затрудняющих датировку произведений 30—50-х годов XVIII в., отмечает в работе «Русские повести первой трети восемнадцатого века» Г. Н. Моисеева.

На основании всего сказанного можно сделать следующий вывод: самым главным, определяющим фактором при отнесении нашей пьесы к той или иной эпохе должно стать ее идейное содержание.

В данной работе мы пытались доказать, что в «Акте о преславной палестинских стран царице» отразились события, связанные с Елизаветой Петровной, и создана эта драма была, вероятно, в самый канун дворцового переворота. Ориентировочно можно назвать период с 1739 по 1741 год. К этому же времени относится, как говорилось ранее, и «Акт о Петре Златых ключей». Если сравнить эту пьесу с «Актом о преславной палестинских стран царице», то обнаружится немало интересного. Начнем с того, что оба «Акта» представляют собой инсценировки хорошо известных повестей XVII в. «Повесть о Петре Златых ключей» тоже существовала в пространной и краткой редакциях. И «Акт о преславной палестинских стран царице», и «Акт о Петре Златых ключей» являются не единственными обращениями к названным повестям для сценической обработки. Первая попытка была сделана в начале первого десятилетия XVIII в. Причем внимание авторов (или автора) этих пьес привлекли в обоих случаях пространные редакции повестей.

Проф. И. А. Шляпкин нашел среди рукописей Успенского собора в Великом Устюге сборник,²¹ куда входили следующие пьесы: «Комедия Хрисанфа и Дарии», «Комедия Евдокин-мученицы», «Комедия Петра Златых ключей», «Комедия Олофернова», «Комедия пророка Даниила», «Комедия о италянском маркграфе и о безмерной склонности графини его», «Комедия Олуидина», «Комедия рождеству», «Комедия Андрея Первозванного», «Комедия о прекрасной Мелюзине», отрывок «Комедии о Богородице», «Комедия Варлаама и Иоасафа» и ноты к комедии «Юдифь». Этот сборник дает нам некоторое представление о театре царевны Натальи. Как видим, в его репертуар входили и «Комедия Олуидина» и «Комедия Петра Златых ключей».

Сравнивая «Комедию Олуидину» с пространной редакцией повести, И. А. Шляпкин находит, что автор пьесы допустил целый ряд сокращений и некоторую перестановку частей оригинала. Сокращению прежде всего подверглась история любовных отношений Флоренса (одного из сыновей царицы) с дочерью султана Маркебиллой. Лирика вообще отбрасывалась, зато эпический материал вошел в пьесу почти без изменений. Рядом с этой пьесой стоит и первая инсценировка «Повести о Петре Златых ключей». Эта драма дошла до нас тоже лишь в отрывках. Сохранились роли Посла турецкого султана и Советника. Обе пьесы написаны прозой. Кому принадлежит авторство — неизвестно. Правда, И. А. Шляпкин предполагает, что пьесы могли быть написаны самой Натальей Алексеевной. Но эта гипотеза не подкреплена какими-либо вескими аргументами.²²

Любопытно, что почти через три с половиной десятилетия обе повести вновь привлекли к себе внимание драматургов. На сей раз сценической обра-

²¹ Сейчас рукопись находится в БАН (Ленинград), собр. Устюжск.

²² И. А. Шляпкин. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898.

ботке подверглись краткие редакции. «Повесть о Петре Златых ключей» в своей второй редакции носит более сдержанный характер по сравнению с первой. Постепенно утрачиваются рыцарские элементы. Сокращается история приключений разлученных влюбленных. Уменьшается число турниров. Теперь Петр мотивирует свое желание ехать в чужие страны обычаем ездить за границу для завершения образования. Много внимания уделяется мудрому правлению Петра после смерти его отца Волхвана.

На наш взгляд, обращение к кратким редакциям повестей объясняется в обоих случаях тем, что они представляли собой материал, который можно было бы интерпретировать для выражения идей, актуальных в ту пору. В одной из инсценировок говорится о том, как из-за клеветы чуть не были лишены престола законные наследники. В другой — подчеркивается мысль о том, каким должен быть истинный монарх, радующий о своем государстве. Интересно, что в конце обеих пьес звучат слова о помиловании ранее осужденных. Так, в «Акте о Петре Златых ключей» Петр произносит:

Сосланных в ссылку везде оттоль возвращаю.

В «Акте о преславной палестинских стран царице» царь повелевает сенаторам:

Ныне скоро в приказах во всех возвестите,
Узников тамо сидящих, скоро распутите.

Мы уже приводили высказывание В. Д. Кузьминой (по поводу «Акта о Петре Златых ключей») о том, какой уместной была бы тема разумного управления страной в репертуаре театра Елизаветы Петровны.

Как видно, «Акт о преславной палестинских стран царице» и «Акт о Петре Златых ключей» находятся в тесной связи с личностью Елизаветы.

Когда же они были написаны? По нашему мнению, пьесы были созданы в период, непосредственно предшествующий перевороту, когда до предела были накалены дворцовые страсти, когда остро стал вопрос о новом монархе. Сторонники Елизаветы должны были окружить ее ореолом великомученицы, которой злые силы мешают занять по праву принадлежащий ей отцовский трон. Нужно было создать царевне репутацию достойной преемницы Петра I.

Наиболее благоприятные условия для создания этих пьес могли возникнуть, как нам кажется, во время правления Анны Леопольдовны (1740—1741). Во-первых, тогда был уже ослаблен террор, царивший в стране при Анне Иоанновне. И именно в то же самое время Елизавета начала укреплять свои позиции, сплотив вокруг себя гвардию. Разумеется, приверженцы цесаревны не могли говорить об этом открыто, поэтому они использовали для своих целей аллегории. Кстати, нужно сказать, что с внешней стороны «Акт о преславной палестинских стран царице» мог вполне соответствовать литературным вкусам правительницы. «Однажды она сказала, что внимание ее особенно привлекают те сочинения, в которых представляется несчастная государыня, с благородною гордостью и величием духа переносящая бедствия».²³ Так что приближенные Елизаветы, взявшись за пьесу, фабула которой могла даже понравиться Анне Леопольдовне, тем самым получали возможность отвести от себя подозрения.

Необходимо отметить еще один факт. При дворе цесаревны Елизаветы было много украинцев, например священники отец Констанций, Федор Дубянский, камер-лакей Котляревский. Учитывая, что в тексте «Акта о преславной палестинских стран царице» встречается довольно много украинизмов, можно попытаться предположить, что кто-то из этих людей и явился автором пьесы.

²³ Замечания графа Панина на записки генерала Манштейна о России. — В сб.: Русская старина, т. 20. СПб., 1879.

Из эпилога «Акта о преславной палестинских стран царице» видно, что пьеса обращена к «благородному собранию». Вполне естественно, что приближенным будущей императрицы нужно было вызвать симпатии к ней в различных слоях высшего общества, намекнуть на благодеяния, которые она смогла бы оказать (например, реабилитация заключенных). Кстати, вспомним, что почти сразу после восшествия Елизаветы на престол «Сенат получил указы о возвращении пострадавших в прежние царствования».²⁴ Так были освобождены князья Василий и Михаил Владимировичи Долгорукие, граф Мусин-Пушкин, Антон Дивьер, Алексей Шубин и др. Если бы пьеса создавалась уже во время царствования Елизаветы, то автор мог бы открыто в прологе, эпилоге или в кратком изъяснении (как сделано это в «Стефанотокосе») раскрыть содержание своей аллегории и прямо указать на императрицу. Однако, как мы видели, ничего подобного в пьесе нет. Правда, в «Акте о преславной палестинских стран царице» счастливый конец. А судьба Елизаветы была неизвестна до ноября 1741 г. Но ведь финал пьесы предreshен повестью. К тому же, несмотря на благополучный исход, «Акт» отнюдь не похож на панегирик. Между тем драмы, написанные после коронации Елизаветы (такие, как «Стефанотокос», «Образ торжества российского», «Опера об Александре Македонском», «Декламация»), носили ярко выраженный панегирический характер.

Все это позволяет предположить, что «Акт о преславной палестинских стран царице» и вместе с ним, возможно, «Акт о Петре Златых ключей» были созданы незадолго до того, как Елизавета Петровна воцарилась на престоле. Вероятно, эти пьесы были написаны приближенными царевны и поставлены в одном из ее придворных театров в Покровском или на Смольном дворе.

В. В. ПОЧЕТНАЯ

ПЕТРОВСКАЯ ТЕМА В ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА 1740-х ГОДОВ

Борьба «за» и «против» реформ Петра I продолжалась и после его смерти. Она становилась особенно обостренной в напряженной обстановке дворцовых переворотов, приведших к власти ближайших наследников великого преобразователя. Дворцовый переворот 25 ноября 1741 г. был продолжением борьбы двух противоположных тенденций развития России, одна из которых вела назад, к допетровской старине, другая — к дальнейшему развитию петровских реформ. Приход к власти Елизаветы Петровны воспринимался современниками как победа второй из названных тенденций, социально поддерживаемой служилым дворянством, знания которого так высоко ценились Петром I, а в последующие годы «не в авантаже обретались».

Вот как раскрывал «ухищренную политику» «губителей отечественного счастья» — ближайших наследников Петра I, предшественников Елизаветы на русском престоле — один из видных проповедников елизаветинской поры Амвросий Юшкевич в слове, произнесенном им 18 декабря 1741 г.: «Разговору большего у них не было, как токмо о людях ученых: о боже! как то нещастлива в том Россия, что людей ученых не имеет и учения завесть не может! Не знающий человек их хитрости и коварства думал, что они то говорят от любви и ревности к России; а они для того нарочно, чтоб, где нибудь сыскав человека ученаго, погубить его. Был ли кто из русских иску-

---

²⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. XI (тт. 21—22). М., 1963, стр. 129—199.

Из эпилога «Акта о преславной палестинских стран царице» видно, что пьеса обращена к «благородному собранию». Вполне естественно, что приближенным будущей императрицы нужно было вызвать симпатии к ней в различных слоях высшего общества, намекнуть на благодеяния, которые она смогла бы оказать (например, реабилитация заключенных). Кстати, вспомним, что почти сразу после восшествия Елизаветы на престол «Сенат получил указы о возвращении пострадавших в прежние царствования».²⁴ Так были освобождены князья Василий и Михаил Владимировичи Долгорукие, граф Мусин-Пушкин, Антон Дивьер, Алексей Шубин и др. Если бы пьеса создавалась уже во время царствования Елизаветы, то автор мог бы открыто в прологе, эпилоге или в кратком изъяснении (как сделано это в «Стефанотокосе») раскрыть содержание своей аллегории и прямо указать на императрицу. Однако, как мы видели, ничего подобного в пьесе нет. Правда, в «Акте о преславной палестинских стран царице» счастливый конец. А судьба Елизаветы была неизвестна до ноября 1741 г. Но ведь финал пьесы предreshен повестью. К тому же, несмотря на благополучный исход, «Акт» отнюдь не похож на панегирик. Между тем драмы, написанные после коронации Елизаветы (такие, как «Стефанотокос», «Образ торжества российского», «Опера об Александре Македонском», «Декламация»), носили ярко выраженный панегирический характер.

Все это позволяет предположить, что «Акт о преславной палестинских стран царице» и вместе с ним, возможно, «Акт о Петре Златых ключей» были созданы незадолго до того, как Елизавета Петровна воцарилась на престоле. Вероятно, эти пьесы были написаны приближенными царицы и поставлены в одном из ее придворных театров в Покровском или на Смольном дворе.

В. В. ПОЧЕТНАЯ

ПЕТРОВСКАЯ ТЕМА В ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА 1740-х ГОДОВ

Борьба «за» и «против» реформ Петра I продолжалась и после его смерти. Она становилась особенно обостренной в напряженной обстановке дворцовых переворотов, приведших к власти ближайших наследников великого преобразователя. Дворцовый переворот 25 ноября 1741 г. был продолжением борьбы двух противоположных тенденций развития России, одна из которых вела назад, к допетровской старине, другая — к дальнейшему развитию петровских реформ. Приход к власти Елизаветы Петровны воспринимался современниками как победа второй из названных тенденций, социально поддерживаемой служилым дворянством, знания которого так высоко ценились Петром I, а в последующие годы «не в авантаже обретались».

Вот как раскрывал «ухищенную политику» «губителей отечественного счастья» — ближайших наследников Петра I, предшественников Елизаветы на русском престоле — один из видных проповедников елизаветинской поры Амвросий Юшкевич в слове, произнесенном им 18 декабря 1741 г.: «Разговору большаго у них не было, как токмо о людях ученых: о боже! как то несчастлива в том Россия, что людей ученых не имеет и учения завести не может! Не знающий человек их хитрости и коварства думал, что они то говорят от любви и ревности к России; а они для того нарочно, чтоб, где нибудь сыскав человека ученаго, погубить его. Был ли кто из русских искус-

²⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. XI (тт. 21—22). М., 1963, стр. 129—199.

ный, например, художник, инженер, архитектор или солдат старый, а наипаче ежели он был ученик Петра Великого; тут они тысячу способов придумывали, как бы его уловить, к делу какомунибудь привязать под интерес подвести и таким образом, или голову ему отсечь, или послать в такое место, где надобно необходимо и самому умереть от глады, за то одно, что он инженер, что он архитектор, что он ученик Петра Великого. Под образом будто хранения чести, здравия и интереса государева, о! коль бесчисленное множество, коль многия тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных, невинных, бога и государство весьма любящих, в тайную похищали, в смрадных узилищах и темницах заключали, гладом морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали! Сей их обман народ незнающий помышлял, что они делают сие от крайняи верности; а они таким то безбожным образом и такую то завесою покровенные, людей верных истребляли. Кратко сказать: всех людей добрых, простосердечных, государству доброжелательных, и отечеству весьма нужных и потребных, под разными претекстами губили, разоряли и вовся искореняли, а равных себе безбожников, бессовестных грабителей, казны государственных похитителей весьма любили, ублажали, почитали, в ранги великие производили, отчинами, и денег многими тысячами жаловали, и награждали. Было то воистину, что и говорить стыдно; однак то сущая правда!.. И такой то совести были оные внутренние враги наши! Такой то сатанинской верности! Многим казалось, что они верно служат, воюют за церковь Христову, подвизаются за отчество; а они таким образом приводили Россию в бессилие, и в крайнее разорение».¹

После прихода Елизаветы к власти новое правительство спешило оправдать надежды своих сторонников, желавших видеть в политике дочери Петра I продолжение дел ее отца. Свою деятельность правительство демонстративно начало с восстановления указов Петра I. Уже 12 декабря 1741 г. от имени Елизаветы был издан указ о том, «чтобы правительствующий сенат имел прежнюю силу и власть в правлении внутренних всякого звания государственных дел», «как было при Петре Великом», а «правление внутренних всякого звания государственных дел иметь на основании, учиненном указами Петра Великого, кроме тех, которые с состоянием настоящего времени не сходны и польза государственной противны».²

И в дальнейшем, в течение 1742 г., окружавшие Елизавету люди стремились подчеркнуть, что они продолжают политику Петра. А выражение «как было при Петре Великом», пришедшее взамен прежнему, аннинскому «как прежде сего при их величестве деде и отце было» (т. е. при Алексее Михайловиче и Иоанне Алексеевиче), явилось своего рода формулой нового политического курса елизаветинского правительства. Как бы в память Петра I, путешествовавшего за границей под фамилией «Михайлов», Елизавета иногда подписывалась на бумагах «Михайлова».³

В ближайшие годы после вступления на престол Елизавета пыталась закрепить в подданных впечатление о своей духовной связи с великим отцом. Об этом говорит множество характерных фактов.

К моменту дворцового переворота 1741 г. Западная Европа насчитывала уже по крайней мере десяток исторических трудов, посвященных жизни и деятельности Петра I.⁴ Елизавета Петровна, вступив на престол, тотчас поспешила ликвидировать заметный пробел в отечественной историографии о Петре.

¹ Слово в высочайший день рождения благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея императрицы Елисаветы Петровны всея России декабря 18 дня, 1741 года, проповеданное Амвросием, архиепископом новгородским в санктпетербургской придворной церкви ея величества. СПб., 1741, стр. 13—15. (Далее при цитировании — Слово Амвросия).

² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, т. XI. СПб., 1830, № 8480.

³ А. А. Морозов, М. В. Ломоносов. 1711—1765. [М.], 1955, стр. 267.

⁴ См.: Е. Шмурало. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. I (XVIII век). СПб., 1912, стр. 51.

В 1742 г. вышло очередное распоряжение Сената разобрать документы петровской поры. Время от времени правительство как будто спохватывалось, отдавало распоряжение привести в порядок бесценные для истории материалы, но... все оставалось по-прежнему. Бумаги неразобранными горами гнили в сырых казематах Петропавловской крепости.

И Стефан Писарев, секретарь Коллегии иностранных дел, по заданию елизаветинского правительства переводивший на русский язык итальянское сочинение аббата Катифоро о жизни русского императора, и Петр Крекшин, которого Татишев иронически назвал «баснописцем», пытались создать жизнеописание Петра I. Но их работа явно носила компилятивный, беллетристический характер. И неудивительно, что ни один из авторов, трудившихся в начале 40-х годов XVIII в. над созданием истории жизни и деятельности Петра I, не увидел своего произведения опубликованным в эти годы. Как ни упорно было желание Елизаветы иметь отечественную историографию о своем отце, она не появилась. Не случайно, что через несколько лет русская императрица обратится за помощью к Вольтеру.

В первые же годы царствования Елизавета предприняла попытки зримо увековечить память своего отца: известный актер Федор Волков работает над бюстом Петра Великого; живописный мастер Иван Вишняков получает от Сената заказ обновить старый портрет императора.

Еще в год смерти Петра I императрица Екатерина отдала распоряжение Нартову «делать триумфальный столб, на котором будут изображены его вечно достойные блаженной памяти императорского величества баталии». Но возложенного на него поручения Нартов не выполнил. В 1742 г. Шумахер, отказавший Нартову в назначении ему академического жалования и вынужденный дать Сенату объяснение такого распоряжения, обвинил Нартова в том, что «сего великого и важного дела (т. е. сооружения триумфального столба, — В. П.) не только не окончил, но и через шесть лет оно не начинал».⁵ Из доношения канцелярии Академии наук в правительствующий Сенат видно, что «триумфальный столб всем баталиям и другим славным делам Петра Великого» сооружался в 1747 г., но не был готов и в 1750 г.⁶

В 1744 г. прославленными итальянцами Растрелли и Матрелли отлита из меди конная статуя Петра. История этого памятника известна: готовый в 1744 г., заброшенный, он был поставлен на площади перед Инженерным замком при Павле I со знаменитой надписью: «Прадеду правнук».

Правительство Елизаветы Петровны публично, громкогласно обращало внимание сограждан на свою связь с петровским временем: как обычно, реальное положение дел самодержавной России не совпадало с официальным курсом царской политики.

Общезвестна превосходная характеристика эпохи преемников Петра I, данная А. С. Пушкиным: «Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе. (Доказательства тому — царствование безграмотной Екатерины I, кровавое злодея Бирона и сладострастной Елизаветы)».⁷

Как ни мало было сходства между политикой царствовавшего отца и ныне царствующей дочери, основное направление государственной пропаганды было определено: Елизавета — достойная преемница своего отца.

Елизаветинское правительство не замедляло использовать уже испытанное Петром I средство общественного воздействия — публичные выступления

⁵ П. П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. VI—VII.

⁶ Там же, примечания, стр. 41.

⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VIII. М., 1958, стр. 126.

проповедников. А осуществить намерения правительства помогли сами представители православного духовенства, оказавшие, как известно, серьезную поддержку в возведении Елизаветы Петровны на российский престол.

Было бы крайне наивно искать объяснение симпатий православной церкви к дочери Петра I в набожности и религиозности новой императрицы. Между духовенством и правительством Елизаветы Петровны с самых первых дней сложились отношения обоюдной заинтересованности и взаимной поддержки. Духовенство поддерживало Елизавету Петровну, явно надеясь на то, что приход к власти православной монархини и замена иностранного окружения двора русским приведет к упрочению положения православной церкви в России. В то же самое время православное духовенство представляло серьезную опору нового правительства. Оно являлось одним из общественных слоев, на который опиралась Елизавета, не только стремясь к российскому престолу, но и завоевав его. Духовенство, обладавшее сильным идеологическим оружием — прежде всего публичной проповедью, с первых же дней существования нового правительства было поставлено на службу ему.

Взаимовыгодный союз православного духовенства и правительства и вследствие этого возросшая политическая роль православной церкви в жизни русского общества начала 40-х годов XVIII в. способствовали заметному оживлению деятельности духовенства, особенно литературной. Именно этими обстоятельствами и объясняется факт, на который давно обратили внимание историки литературы елизаветинского времени: увеличение числа проповедников и возрождение проповедей в царствовании Елизаветы. По данным, приводимым Н. Барсовым, «известно до 40 лиц, занимавшихся проповеданием слова божия в Петербурге и Москве в царствование Елизаветы Петровны»,⁸ а число проповедей, сообщенное Н. А. Поповым⁹ и повторенное в работах Г. В. Воскресенского¹⁰ и Н. Барсова,¹¹ с 1741 г. по 1754 г. доходит до 119. Однако эти данные оказались далеко не полными. По сведениям, которыми располагал П. Н. Берков, число проповедей (опубликованных и неопубликованных) лишь за период 1741—1744 годов достигает 122. А два года начала царствования Елизаветы (1742 и 1744) дали такое количество проповедей, какое не повторилось никогда в другие годы XVIII в.¹²

Из всех жанров духовной литературы XVIII в. именно публичная проповедь обладала особенной общественной силой воздействия и занимала, бесспорно, главное место в литературной деятельности духовенства. Публичная проповедь воспринималась не только Сумароковым и его современниками, но и много позже, вплоть до начала XIX в., как явление художественной литературы, словесности. Это был великолепно разработанный жанр, имевший к 40-м годам XVIII в. богатую историю, своих классиков в прошлом, своих замечательных мастеров поистине художественного слова в настоящем. Живое слово, эмоционально произнесенное, обращенное непосредственно к слушателям, высокое ораторское искусство проповедников, глубина мысли и

---

⁸ Н. Барсов. Малоизвестные русские проповедники XVIII столетия. Материалы для истории русского проповедничества, стр. 20. (Отдельный оттиск из журнала «Христианское чтение», 1874, февраль, стр. 247—256; апрель, стр. 575—623).

⁹ Н. А. Попов. Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны. — В кн.: Летописи русской литературы и древности, изд. Н. С. Тихомировым. М., 1859, т. II, отд. III, стр. 21.

¹⁰ Г. В. Воскресенский. Придворная проповедь в России полтора столетия назад. М., 1894, стр. 10.

¹¹ Н. Барсов. Малоизвестные русские проповедники XVIII столетия, стр. 20.

¹² В. И. Срезневский. Предисловие. — В кн.: В. И. Срезневский и А. Л. Бем. Издания церковной печати времени императрицы Елизаветы Петровны 1741—1761. Выставка «Ломоносов и елизаветинское время», т. IV. Пгр., 1914, стр. XXX.

чувства говоривших — словом, все те особенности, которые были свойственны публичным выступлениям проповедников, превращали церковную проповедь в подлинно литературное явление, в серьезное оружие духовенства и правительства.

Неудивительно, что правительство сразу же обнаружило заинтересованность в публичных выступлениях духовенства, законодательно поддержало усердие проповедников. Так, 10 ноября 1742 г. явился указ «Об ободрении ея императорским величеством к напечатанию и рассылке по церквам молебного пения на высокочтожественные дни».¹³ В первые же месяцы своего существования правительство Елизаветы издает указы о регулярности произнесения проповедей в придворной церкви¹⁴ и о напечатании их.¹⁵ И каждое воскресенье, каждый праздник в церкви императорского дворца слышится слово какого-нибудь придворного проповедника.

Явившись рупором официальной политики правительства, духовенство вводило в свои публичные выступления тему Петра I. Когда-то, при Петре I, реакционная часть духовенства была оппозиционно настроена по отношению к реформам правительства, затанла в себе явное недовольство тем, что православная церковь подчинена государственной власти. Но между эпохой Петра I и началом 40-х годов пролегла полоса событий, которые наложили отпечаток на теперешние выступления духовенства. Последние годы, столь тревожные и тяжкие для служителей православной церкви, как будто стерли из памяти прежние обиды. Да и сквозь призму времени и исторического опыта виднее стали заслуги Петра I перед Россией в общегосударственном масштабе. Как бы там ни было, голоса, прежде осуждавшие, теперь сливаются в единую похвалу Петру. Духовенство послушно выполняет то, чего от него ждет правительство: настойчиво сближает имена Елизаветы и ее отца.

Елизавета и Петр I, эта тема, сопутствуя другой — прославлению недавно коронованной императрицы, стала одной из ведущих в драме «Образ торжества российского доблественному подвигоположнику, начертан из трудов риторических во училищах славено-латинских»,¹⁶ которой московская Академия приветствовала в старой столице нововенчанную императрицу. Драматург дает теме решение, успевшее стать уже общепринятым со времени дворцового переворота 1741 г.: Елизавета — достойная преемница своего отца, названного в пьесе «всероссийским Геркулесом», который «не токмо себе, но и последующему равно же себе подвигоположнику в трудах Марсовых венец почести обрете».

Но при знакомстве с драмой нетрудно заметить, что «всероссийский Геркулес», обещанный в «Кратком изъявлении» произведения, как действующее лицо на сцене так и не появляется. Что помешало автору исполнить свои намерения? Располагая лишь одним загребским списком произведения и не имея никаких современных произведений сведений о нем, ответить на этот вопрос трудно. Во всяком случае, сам автор так пытается объяснить отсутствие в драме «всероссийского Геркулеса», скрытого к тому же в прологе и эпилоге за буквами NN: «... на сем зрелищи ... вечных славы достойный российский дел подвиги изобретаются NN, удивительных дел примирителя, мню яко не тебе есть изображати, ибо самую вещь удивления достойна российского Геркулеса паче солнца полуденнаго славою презиящійшая на весь мир видим дела, их же подробно изрещи или на твердом мраморе к безсмертной славе изобразити кто от человек может?». ¹⁷ Мотивировка, подсказанная самим автором драмы, похожа на истину: та ответствен-

¹³ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны, т. I. СПб., 1889, стр. 242—243, № 227.

¹⁴ Там же, стр. 120—121, № 93.

¹⁵ Там же, стр. 84, № 67.

¹⁶ И. М. Бадалич и В. Д. Кузьмина. Памятники русской школьной драмы XVIII века. По загребским спискам. М., 1968, стр. 179—202.

¹⁷ Там же, стр. 179.

ная задача, которую поставил перед собой драматург, — создание сценического образа Петра I — оказалась для него непосильной. И при всем видимом желании автора драмы связать «похвалу российския матери», прославление Елизаветы с темой Петра I не удалось.

Гораздо более разработанной эта тема оказалась в проповедях духовенства. «Петра Первого не умерла слава российская, — хором утверждали проповедники елизаветинской поры, — но аки финиис вся возродися во Елисавете Первой». Московский проповедник Кирилл Флоринский, выступления которого отличались обилием аллегорий, сравнений, притч, избирает темой своей проповеди в Успенском соборе Москвы 18 декабря 1741 г. слова 111 псалма, стих 2: «Сильно на земли будет семья его». И он представляет Петра сеятелем, а Россию почвою, на которой «возрасте семья Петрово, подобно зерну горюшну евангельскому».¹⁸

В тот же день Амвросий Юшкевич выступил с амвона петербургской церкви: «Что надлежит до славных заслуг их (т. е. Петра I и его жены Екатерины I, — В. П.), то я не знаю, есть ли в свете уголок такой, есть ли народ такой дикой и незнаемый, чтоб до него не дошел слух дел и славы Петра Великого, и чтоб не знал он, кто и что был в России Петр Первый, кто и что была Екатерина». «Когда он воевал, учил воевать воинство; когда учил воинство, устраивал благополучие внутренняго гражданства; когда устраивал благополучие гражданства, и о духовном своем чине помышлять не оставил. Видел он совершенно, ово из древних историй, ово же и сам своим уже искусством, как народ российский тогда был неславный и посмеятельный; видел, как был вовсе темный в науках и непросвещенный: и того ради великою суммою снискивал людей ученых, содержал их во всяком довольстве и почтении, посылал своих подданных для науки и всякой экспериментации в иностранныя государства, старался везде заводить училища духовныя и политическия, снабдевал их весьма мудрыми и славными учителями, и что всего удивительнее, сам своею императорскою персоною почти по всей Эвропе странствовать изволил, для единого того, чтоб, разсмотрев тамошнее состояние училищ, воинства, гражданства и мастерства корабельнаго, завести то таким же образом и в своем государстве... Но остановись еще мало и над сим царствующим градом Санктпетербургом, посмотри на его места положение, на его самое начало и предивное строение; кто начал, кто созидал и трудился здесь? Аще мы умолчим, камень возопиют, домик Петра Великого засвидетельствует, сколько он положила здесь трудов и потов на созидание сего града».¹⁹

Именно этой проповеди новгородский архиепископ, недавно вступивший на кафедру, ранее занимаемую Феофаном Прокоповичем, ввел в обычное начало прославление Елизаветы прославлением дел Петра, а «прославлять Петра, — подмечает историк, — можно было за то же, что и прославляли его прежде ораторы».²⁰

Пример, поданный Амвросием, не пропал втуне. Его ближайшие последователи воскрешали в памяти слушателей ставший уже канонизированным облик Петра I и напоминали дочери о лучших делах отца так, как будто речь шла об апостольских деяниях из святого писания: «А паче всех неусыпными трудами отец отечества великий монарх Петр Первый выше кедров ливанских славою Россию превознесл, кто сего не исповедует, не токмо верныя российския чада, но и окрестный народ: знатная дела его проповедуют. Петр, крепость наша, которым тако отечество утверждено, яко гора Сион не по-

¹⁸ Слово в высокаторжественный день рождения ея священнейшаго императорскаго величества благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея Елисаветы Первья, императрицы всея России, проповеданное архимандритом иконоспасским Кириллом Флоринским в Успенском соборе в Москве 1741 года декабря 18 дня. СПб., стр. 14.

¹⁹ Слово Амвросия, стр. 7—9.

²⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. XI (т. XXI и XXII). М., 1963, стр. 147.

движится во веки. Петр, слава наша, которая от конец до конец во всех ушесех слышится. О преславных дел преславнаго императора, многими сей мужественный герой благодеяниями Россию одолжил, за любовь ко благочестию, за любовь к отечеству самого себе не жалел, здравия своего не щадил, претяжкие походы понести не боялся, везде в приступах огненных громов острых мечей, и ядовитых стрел не усташался, всегда сам присутствовал, многия европейския государства проходил, от всех яки пчела с разных цветков к пользе России собирал, воинство российское исправлял, мужественно и искусно показал, изрядныя регулы ко правосудию положил, учениями и различными художествами Россию украсил».²¹

И все же не эти стороны деятельности Петра I вызывают особые симпатии духовенства. Отцы церкви как будто забыли об истинном отношении Петра I к церкви: русский царь, секуляризируя церковь, требовал от духовных пастырей прежде всего учености и образованности. Теперь же, нисколько не смущаясь, церковь возносит Петра I за его якобы ревностное отношение к православной вере. В этой связи представляет интерес уже цитировавшаяся проповедь Дмитрия Сеченова, в ней стремление показать в Петре I защитника православия обнажено до предела: «А паче неусыпное его (т. е. Петра I,— В. П.) тщание было о сохранении благочестивыя веры, не малое попечение имел, как бы в духовных сребролюбивый нрав искоренить, расколы упразднить, суеверия отогнать, волшебства вывесть; того ради сам духовное собрание посещати не ленился, ко исправлению благочестия духовных пастырей поощрял. Но сия паче удивительна о благочестии ревность, яко в самой уже тяжкой болезни, в самом последнем издыхании, не иное что приказывал, не о ином чем вселюбезную свою супругу просил, токмо да сохрани благочестие Екатерина, соблюди православную веру».²²

Так в узкосословных целях использовало духовенство авторитет Петра I. И совершенно очевидно, что апелляция духовенства к имени Петра I не имела ничего общего с отношением к деятельности этого великого преобразователя ранних просветителей, для которых он был живым воплощением монарха.

Своеобразие разработки темы Петра I в проповеднической литературе начала царствования Елизаветы, бесспорно, заслуживает внимания, так как дает нам представление об общественной позиции и литературной деятельности определенной части русского общества в 1741—1742 годы.

Бурные политические события жизни России начала 40-х годов XVIII в. нашли широкий литературный отклик. До нас дошло большое количество произведений не только духовных, но и светских, в стихах и в прозе, на русском и иностранных языках, посвященных событиям политической жизни России 1741—1742 годов. Среди них оды М. Ломоносова и В. Тредиаковского, произведения А. Кантемира и А. Сумарокова, Г.-Ф.-В. Юнкера и Я. Штелина, стихотворение М. Собокина и многие-многие другие. Эти произведения, безусловно, неодинаковы по своим идейным и художественным достоинствам, но все они представляют несомненный интерес для истории литературы. Посвященные одному и тому же событию, но написанные представителями различных общественных слоев и определенных поэтических группировок, эти произведения дают возможность воссоздать картину литературной жизни начала 40-х годов XVIII в., расстановку литературных сил.

Лишь на фоне литературной и общественной жизни того времени со всей очевидностью раскрывается превосходство поэзии Ломоносова над его современниками. Перефразируя мысль Радищева, можно сказать: сравни то, что сделано Ломоносовым, и то, что сделано рядом с ним, — величие его поэзии «будет всем внятно».

²¹ Слово в день благовещения пресвятыя богородицы в придворной церкви ея императорского величества благочестнейшия самодержавнейшия великия государыни нашея Елисаветы Первыя императрицы всея России, проповеданное архимандритом Свяжского богородицкого монастыря Дмитрием Сеченовым в Москве 1742 года марта 25 дня. СПб., 1742, стр. 12—13.

²² Там же, стр. 13.

СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ ПЕШТИЧ

(1914—1972)

24 ноября 1972 г. умер Сергей Леонидович Пештич, видный советский ученый, доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, автор замечательного исследования по русской историографии XVIII в.

Вся творческая жизнь С. Л. Пештича, развернувшаяся на историческом факультете Ленинградского университета начиная с 1936 г. после перехода его из московского Института истории, литературы, философии и лингвистики, была посвящена изучению русской исторической науки XVIII в., понимаемой им в самом широком плане. Еще будучи студентом, С. Л. Пештич приступил к исследованию «Истории российской» В. Н. Татищева, наметив уже тогда ряд смелых и перспективных проблем в изучении труда выдающегося русского историка. Профессор М. Д. Приселков, возглавлявший в те годы исторический факультет Ленинградского университета, увидел в ранних работах С. Л. Пештича зрелые труды подлинного ученого.

Во время Великой Отечественной войны С. Л. Пештич служил в рядах офицеров Военно-Морского флота, защищавших Ленинград. Являясь сотрудником Исторического отдела Главного штаба Военно-Морского флота, он много сил и знаний отдал собиранию и обработке материалов, которые послужили основой для создания «Истории Военно-Морского флота Великой Отечественной войны советского народа». В 1947 г. вышла из печати подготовленная им «Библиография военно-морской истории второй мировой войны».

В 1944 г. С. Л. Пештич, находясь еще на службе в Военно-Морском флоте, защитил кандидатскую диссертацию «„История российская“ В. Н. Татищева как исторический источник». Эта работа по существу положила начало грандиозному труду С. Л. Пештича по русской историографии XVIII в., защищенному им в 1964 г. в качестве докторской диссертации. Публикуя в конце 40—50-х годов отдельные статьи, посвященные конкретным вопросам исторической науки XVIII в. в Трудах Отдела древнерусской литературы и в периодических изданиях Ленинградского университета, С. Л. Пештич готовил к печати I часть задуманного им монографического исследования «Русская историография XVIII века», которая была опубликована в 1961 г.

На огромном фактическом материале, в значительной части архивном, С. Л. Пештич рассмотрел начальный период развития русской исторической науки. Основное внимание уделено в I части изучению трудов по составлению истории Северной войны в первой четверти XVIII в. Работа С. Л. Пештича по анализу редакций «Гистории Свейской войны», выявлению роли Петра I и его ближайших сотрудников, принимавших участие в написании раннего исторического труда, делает его книгу необходимым источником для историков, историков литературы и общественной мысли в России XVIII в.

В этой книге впервые исследованы исторические труды раскольников, изложенные в сочинениях конца XVII—половины XVIII в.

Но особенно значительным научным достижением С. Л. Пештича было исследование источниковедческого значения «Истории российской» В. Н. Татищева. Грандиозный труд по сопоставлению рукописных списков сочинения В. Н. Татищева, установление характера первоначальной редакции под названием «Собрание из древних российских летописцев» и анализ двух последующих редакций явился большим вкладом С. Л. Пештича в изучение творчества русского историка XVIII в., способствовавшим дальнейшей разработке этой проблематики советскими учеными и подготовке первого академического издания «Истории российской» Татищева по двум редакциям, вышедшего из печати в 1962—1968 гг. (тт. I—VII) под редакцией С. Н. Валка.

Продолжая дальнейшую разработку русской историографии XVIII в., С. Л. Пештич издал в 1965 г. II часть своей книги, в которой рассматривается развитие исторической науки во второй половине XVIII в. Естественно, что во II части «Русской историографии» особое внимание уделено изучению творчества М. В. Ломоносова и его современников — Г. Ф. Миллера, П. И. Рычкова, В. В. Крестинина и многих других. Важно отметить, что С. Л. Пештич значительное место отводит рассмотрению вопросов, связанных с распространением исторических знаний в России второй половины XVIII в. Он показывает роль исторических знаний в общественно-политической жизни и отражение исторических сюжетов в русской литературе XVIII в. и в искусстве того времени.

В 1971 г. вышла из печати III часть монографии С. Л. Пештича «Русская историография XVIII века», в которой так же, как и в предшествующих книгах, на основании тщательного исследования рукописных и печатных источников освещены общественно-политические взгляды и исторические труды М. М. Щербатова, И. Н. Болтина и других историков конца XVIII в. Следует отметить, что С. Л. Пештич впервые разработал в своей книге вопрос об изучении местной истории России и показал значительное влияние на эти труды работ В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова, заложивших основы исторической науки нового времени.

По замыслу С. Л. Пештича, высказанному им летом 1972 г., он полагал закончить IV часть «Русской историографии XVIII века», которая должна была содержать теоретические выводы трех предшествующих частей, а также указатели: именной, предметный и географический. Такая работа безусловно необходима многочисленным исследователям, для которых книга С. Л. Пештича является ценным сводом громадного фактического материала, всесторонне исследованного и включенного в общий процесс развития исторических знаний в России XVIII в.

Неожиданная смерть помешала исполнить этот замысел. Лучшей благодарностью памяти большого ученого, внесшего значительный вклад в советскую науку по изучению русской историографии XVIII в., будет издание этой IV части книги, материалы которой подготовлены С. Л. Пештичем.

ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА КУЛАКОВА

(1906—1972)

22 июля 1972 года скорострительно скончалась Любовь Ивановна Кулакова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. В ее лице советская наука о литературе понесла тяжелую и невозполнимую утрату.

Творческий путь Л. И. Кулаковой как ученого начался в конце 1930-х годов, когда она написала и успешно защитила высоко оцененную Г. А. Гу-

ковским кандидатскую диссертацию «Ранний русский сентиментализм». С тех пор вся научная деятельность Любови Ивановны была посвящена изучению русской литературы XVIII века.

В 1947 г. вышел IV том десятитомной академической истории русской литературы,¹ в котором Кулаковой были подготовлены главы о Княжнине, Хераскове, Богдановиче, Львове, Нелединском-Мелецком, Муравьеве. Основные черты творческого облика исследовательницы прекрасно проявились в этой работе: безукоризненное знание материала, четкость и строгость изложения, темперамент и живое, одухотворенное, человеческое отношение к писателям, которые становились для Любови Ивановны объектом исследования.

Монографические очерки в «Истории русской литературы», являясь, с одной стороны, итогом всей предшествующей деятельности Л. И. Кулаковой, намечали в то же время перспективы ее дальнейших научных занятий. Так, на протяжении всей своей жизни она очень много внимания уделяет научению творчества Я. Б. Княжнина. В 1951 г. она написала о Княжнине небольшую книгу,² а в 1959 — обширную статью.³ В этих работах было уточнено представление о классицизме Княжнина, об отношении его к идее просвещенного абсолютизма. Включаясь в многолетний спор о полнитическом содержании трагедии «Вадим», исследовательница аргументированно рассматривает эту пьесу как антидеспотическое произведение, поскольку Княжнин последовательно подчеркивает превосходство свободолюбца Вадима над идеальным монархом Руриком. Естественным итогом многолетнего изучения творчества знаменитого драматурга явилось издание его избранных произведений.⁴ Л. И. Кулакова подготовила и прокомментировала тексты и написала вступительную статью. Несомненной ее заслугой явился беспристрастный, объективный анализ одного из загадочнейших эпизодов литературного быта XVIII в.: ожесточенной ссоры и непримиримой вражды Я. Б. Княжнина и И. А. Крылова.⁵ Самое же главное заключалось в том, что после перерыва в 113 лет читатели и исследователи получили пускай избранное, но собрание сочинений Княжнина, впервые изданное на уровне современных научных требований.

Однако этой фундаментальной работе не суждено было оказаться последним обращением Л. И. Кулаковой к любимому автору. За год до смерти ею был опубликован текст доселе неизвестной сатирической поэмы Княжнина «Бой стихотворцев».⁶ Эта публикация далеко выходит за рамки простого сообщения о новом тексте известного писателя (что и само по себе было очень важно). Благодаря комментарию поэма Княжнина оказалась отлично вписанной в литературную обстановку середины 60-х годов XVIII в. Можно думать, что значение поэмы Княжнина не исчерпывается хронологическими рамками полемики 1760-х годов. Княжнин впервые в русской литературе изобразил определенный литературный кружок в виде скопища бездарных графоманов во главе с тупым и старым учителем (И. П. Елагиним). Спустя почти 50 лет В. Л. Пушкин (послание «К В. А. Жуковскому») и К. Н. Батюшков («Певец в Беседе любителей русского слова») в остроумных сатирах тоже показали руководителя литературного кружка — «славенофила» А. С. Шншкова. Вполне вероятно, что и Батюшков, и В. Пушкин знали

¹ История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947.

² Л. И. Кулакова, Я. Б. Княжнин. — В кн.: Русские драматурги. Научно-популярные очерки. М.—Л., 1951.

³ Л. И. Кулакова, Я. Б. Княжнин (1740—1791). — В кн.: Русские драматурги XVIII—XIX вв., т. 1. М.—Л., 1959.

⁴ Я. Б. Княжнин. Избранные произведения. Л., 1961. (Библиотека поэта. Большая серия).

⁵ Там же, стр. 13.

⁶ Л. И. Кулакова. Неизданная поэма Я. Б. Княжнина. — В кн.: Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 414, Л., 1971.

поэму Княжнина и сознательно использовали некоторые приемы его полемики. Не исключено также, что сатира Княжнина как-то повлияла на изображение членов «Беседы любителей русского слова» как учеников и последователей Тредиаковского в стихотворении молодого А. С. Пушкина «К Жуковскому».

В русле постоянных занятий русской драматургией находится устойчивый интерес Л. И. Кулаковой к творчеству Д. И. Фонвизина. В 1966 г. исследовательница предлагает новую датировку басни «Лисица-кознодей», чем вносит существенные изменения в представления о творческом пути писателя.⁷ В 1966 г. вышла написанная для школьников биография Фонвизина.⁸ При ясной и живой манере изложения, вообще свойственной Любови Ивановне и особенно необходимой в книге, предназначенной для юношеской аудитории, этот биографический очерк имеет и большое научное значение: уточняются отношения Фонвизина с елагинским кружком, убедительно доказываются принадлежность Фонвизину «Дружеского увещания Княжнину» и пр.

Любимым писателем Л. И. Кулаковой еще со времен ее кандидатской диссертации стал М. Н. Муравьев, которому она посвятила целый ряд статей. В 1967 г. вышла подготовленная ею к печати книга стихотворений Муравьева.⁹ Половину книги (100 стихотворений из 200) составляют впервые опубликованные произведения. Любовью Ивановной давно уже были подготовлены к печати — собраны и прокомментированы — письма М. Н. Муравьева. Однако осуществить свою давнюю мечту — издать эти письма — исследовательнице так и не пришлось. Нужно надеяться, что в очередном томе «Литературного наследия», посвященном XVIII в., будет наконец напечатано это бесценное для историков и историков литературы собрание.

Важнейшее место в творческом наследии Л. И. Кулаковой занимают работы, посвященные А. Н. Радищеву. Среди статей, уточняющих отдельные вопросы радищеведения (о датировке «Дневника одной недели»,¹⁰ о текстах оды «Вольность»,¹¹ о композиции «Путешествия из Петербурга в Москву»¹²), выделяется работа о списках «Путешествия».¹³ Она приобрела неожиданную актуальность в 1965 г. после появления рассчитанной на сенсацию книги Г. Шторма «Потаенный Радищев»¹⁴ о списках «Путешествия», якобы сделанных уже после возвращения Радищева из ссылки. Опубликованное в 1956 г. исследование сыграло большую роль во вновь начавшемся эр-

---

⁷ Л. И. Кулакова. Когда написана басня «Лисица-кознодей»? — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. (К 70-летию со дня рождения П. Н. Беркова). М.—Л., 1966, стр. 174—180. Предположения Кулаковой были позднее полностью подтверждены разысканиями Х. Грасхофа (см.: Поэты XVIII века. Л., 1972, т. 1 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 589—590).

⁸ Л. И. Кулакова. Денис Иванович Фонвизин. М.—Л., 1966.

⁹ М. Н. Муравьев. Стихотворения. Л., 1967. (Библиотека поэта. Большая серия).

¹⁰ Л. И. Кулакова. О датировке «Дневника одной недели». — В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950.

¹¹ Л. И. Кулакова. К вопросу о тексте оды А. Н. Радищева «Вольность». — Изв. АН СССР, отд. литературы и языка, 1956, т. XV, вып. 2.

¹² Л. И. Кулакова. Композиция «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (лекция). Л., 1972. Эта небольшая книга стала последней опубликованной при жизни работой Любови Ивановны.

¹³ Л. И. Кулакова. Из истории создания и судьбы великой книги. — Ученые записки ЛПИИ, т. XVIII, вып. V, 1956.

¹⁴ Г. Шторм. Потаенный Радищев. (Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву»). М., 1965.

гичном изучении рукописной традиции «Путешествия из Петербурга в Москву».¹⁵

В 1949 г. Кулаковой была написана книга о Радищеве,¹⁶ в 1951 г. переведенная на эстонский язык. Изучение Радищева легло в основу докторской диссертации Любови Ивановны «А. Н. Радищев и вопросы художественного творчества в русской литературе XVIII века. (Из истории русской эстетической мысли)», защищенной в 1954 г. Работу над Радищевым Любовь Ивановна не оставляла буквально до конца своих дней. За несколько дней до смерти она заканчивала книгу «Радищев в Петербурге», которая скоро должна появиться на прилавках книжных магазинов.

Наряду с конкретными историко-литературными исследованиями Л. И. Кулакова много внимания уделяла теоретическим проблемам истории литературы. Им в существенной степени была посвящена ее докторская диссертация и ряд статей: «Просветительство и литературные направления XVIII века»,¹⁷ «Проблема характера в русской комедии XVIII века»¹⁸ и др.

Наиболее значительным произведением Любови Ивановны, посвященным теоретическим проблемам, стала книга «Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века»,¹⁹ вошедшая в себя частью материалы ее докторской диссертации, частью замыслы и идеи, разработанные в статьях «Эстетические взгляды Карамзина»,²⁰ «Полемика по вопросу о сатире в русской литературе XVIII века»²¹ и др. Вместе с тем эта книга является целостным монографическим исследованием, рассматривающим развитие русской эстетической мысли. В центре внимания автора оказываются предпосылки и элементы реалистической эстетики в русской литературе XVIII в., прослеживаемые на богатом и многообразном материале. Работа эта стала серьезнейшим достижением советской науки и вызвала большое количество откликов как в нашей стране, так и за рубежом.²²

Любовь Ивановна Кулакова умерла в расцвете творческих сил. Многое она написала, многое могла бы еще написать, но и сделанного достаточно, чтобы навсегда сохранить ее имя в истории русской культуры.

---

¹⁵ См.: В. А. Западов. Работа А. Н. Радищева над «Путешествием» (еще раз о проблемах радищевской текстологии). — Русская литература, 1970, № 2 (здесь же основная литература вопроса за последние годы).

¹⁶ Л. И. Кулакова. А. Н. Радищев. (Очерк жизни и творчества). Л., 1949.

¹⁷ В кн.: Проблемы русского просвещения в литературе XVIII в. М.—Л., 1961.

¹⁸ В кн.: Проблемы жанра в истории русской литературы. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 320, 1969.

¹⁹ Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968. (Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 358).

²⁰ В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. (Сб. XVIII век, вып. 6). М.—Л., 1964.

²¹ В кн.: Очерки по истории русской литературы. Л., 1966. (Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 309).

²² Я. Гордин. Истоки русской эстетики. — Вопросы литературы, 1969, № 9; М. Г. Альтшуллер, В. Э. Вацуро. Русская эстетика XVIII века. — Русская литература, 1970, № 1; А. Д. Оришин. Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века [рецензия]. — Изв. АН СССР, отд. литературы и языка, 1970, т. 29, вып. 3; P. Hoffmann. Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. — Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1970, Bd. 15, H. 6.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Аввакум Петрович, протопоп** 37, 101, 112, 113, 115, 116
Август II Сильный, польск. король 30, 207
Аверьянова А. П. 294
Авессалом, библ. 95, 96
Авраам, библ. 143
Авраамий Палицын 86
Аврамов М. П. 287
Агамемнон, греч. миф. 199
Адам, иеродиакон при доме Феофана Прокоповича 126
Адриан, патриарх 118, 296, 297
Адрианова-Перетц В. П. 24, 27, 72, 101, 141, 274
Александр Македонский (Великий) 17, 82, 89, 90, 250, 273, 274, 312
Александр Ярославич Невский 59, 62, 124
Алексеев А. А. 313, 315, 344
Алексеев М. П., акад. 17, 18
Алексей Михайлович, царь 5, 21, 22, 112, 117, 126, 186, 201, 231, 247, 265, 290, 305, 331
Алексей Петрович, сын Петра I 7, 49, 88, 93—111, 123, 171, 172, 175, 181, 183, 222, 263, 324
Альбани Ф., живописец болонск. школы 224
Альтшуллер М. Г. 342
Альчиато А. 225
Амбодик Н. М. 221
Амвросий Юшкевич 331, 332, 336
Андреев А. И. 283, 289—291
Андрей, ап. 264
Андрей Белобоцкий, поэт 119, 121, 123, 194
Андромеда, греч. миф. 198, 201
Анджял А. 277
Анна, мать пророка Самуила 114
Анна Георгиевна, жена Максима Суворова 287
Анна Иоанновна, имп. 69—72, 77, 99, 147, 219, 230, 247, 321, 322, 325, 327, 330
Анна Леопольдовна, правительница 147, 330
Анна Петровна, дочь Петра I 321
Анохин Ф. 284, 285
Аполлодор 312
Апраксин Ф. М. 11, 171
Апраксина Марфа Матвеевна, жена царя Федора Алексеевича 119
Апраксины, братья царицы Марфы Матвеевны Апраксиной 119
Араяя Ф. 326
Аристотель 89, 115, 120
Арсений Мацеевич 147, 221
Артемидеда, греч. миф. 115
Архангельский А. С. 149
Архипов Н. И. 200
Арциховский А. В. 187
Аскоченский В. И. 149
Атласов В. В. 130
Афина Паллада, греч. миф. 190, 191, 206, 214, 251, 252, 254, 256, 257
Афросинья см. Ефросинья Федоровна
Ахмед III, султан турецкий 83, 320
Бадалич И. М. 189, 244, 322, 335
Бантыш-Каменский Н. Н. 298
Баракович Ю. 303
Баранкова Г. С. 270, 343
Баранович Лазарь 126
Баратта П. 198
Барсов 322, 323
Барсов Н. П. 334
Бартенев П. И. 321
Баснин П. П. 180
Бассевич Г.-Ф. 27
Батюшков К. Н. 340
Бахтиаров А. А. 292
Баязид I Молниеносный, (Баязет) султан турецкий 22

* Составлен Л. П. Архиповой.

- Беккер Б. Б. 299
 Белокуров С. А. 280, 297
 Бельский М. 309
 Бем А. Л. 334
 Берков П. Н. 3, 50, 51, 64, 69, 250, 306—308, 310, 334, 341
 Бернини Л. 198, 224
 Берула И. 18, 19
 Берхгольд Ф.-В. 23, 24, 26, 27, 250
 Бескровный Л. Г. 41, 45
 Бестужев, фельдмаршал 44
 Бидлоо Н. 232, 248, 250, 255
 Билецкий О. 186
 Бирон Э.-И. 333
 Благой Д. Д. 278
 Богданов А. И. 85, 91
 Богданович И. Ф. 340
 Богословский М. М. 10—12, 15—17, 28, 199, 298
 Богоявленский С. К. 21, 22
 Боднарский М. С. 289, 291
 Боккаччо Д. 114, 224
 Болтин И. Н. 339
 Бонацца Д. 198
 Боно И. 326
 Борисов Ф. 85
 Борня И. 207
 Бороздин А. К. 149
 Бош (Бошиус) Я. 204, 223
 Браге Т. 291
 Бранловский С. Н. 119, 200
 Брант К. 209
 Брикнер А. Г. 134, 298
 Брук Я. 205, 211
 Брюс Я. В. 85, 125, 226, 288, 290
 Буддей И. Ф. (Будей) 54, 282—284, 286, 287
 Будный Б. 316
 Бужинский Гавриил см. Гавриил Бужинский
 Буонарроти М. 132
 Бурге 13
 Бурдалу Л., франц. проповедник 65
 Буш В. В. 100
 Быкова Т. А. 40, 96, 194, 214, 288, 291, 306, 307, 318
 Бэкон Ф. 51
- Валериано П. 214
 Валак С. Н. 150, 160
 Вальтгаузер (Вальтгауз, Вальтгайз) Ф. 19
 Ван-Дейк А. 197
 Ванечек В. 284
 Варенич Б. 91, 203, 289—292, 295, 296
- Варлаам Ясинский 187, 188, 308—310
 Варнеке Б. В. 270
 Василий Великий, архиепископ Каппадокийский 116, 120, 319
 Василий II Васильевич Темный, сын Василия Дмитриевича 82
 Василий III Иванович, вел. кн. московский, отец Ивана Грозного 84
 Василий IV Иванович Шуйский, царь 86
 Васильев В. Н. 29, 30
 Вацуро В. Э. 342
 Вебер Х. Ф., ганноверский (брауншвейг-люнебургский), резидент в России в 1714—1719 гг. 36, 283
 Вейгель 226
 Вельфлин Г. 115
 Вениус О. 217, 226
 Вергилий М. П., рим. поэт 90, 127, 251
 Верховской П. В. 52, 75, 222, 224
 Верьер Н. 216, 217
 Веселовский А. П. 279—283
 Ветштейн Г. 215
 Вильгельм III, штатгальтер Нидерландов и король Англии 197, 298
 Вильде Я. де, голланд. археолог 298
 Виниус А. А. 12, 37, 38, 204, 224
 Виноградов В. В. 56, 61, 188, 295
 Винокур Г. О. 293
 Виппер Ю. Б. 6
 Витзен Н. фон, голланд. бургомистр 290, 298
 Вишняков И. Я. 333
 Владимир Всеволодович Мономах*, вел. кн. 151, 152, 154—157, 160—162, 164—167
 Владиславич-Рагузинский С. Л. 38
 Воейков И. 281—286
 Войнаровский А. 87
 Волков Ф. Г. 231, 234, 333
 Вольнский А. П. 297
 Вольдемар, королевич датский 119
 Вольтер М. Ф. 174, 230, 241, 245, 246, 333
 Вольфганг И.-Г. 223
 Вомперский В. П. 61, 63, 90
 Воскресенский Г. В. 327, 334
 Воскресенский Н. А. 98, 99, 107
- Гавриил Бужинский 53, 54, 56, 57, 144, 146, 147, 174, 175, 177, 225, 313—315
 Гаврилов А. В. 96

* Имена древнерусских князей, упомянутых в статье Е. М. Добрушкина, см: В. Н. Татищев. История российская, т. I—VII. М.—Л., 1962—1968.

- Галахов А. Д. 149
 Галилей Г. 293
 Галлей Э., англ. астроном 5
 Галятовский И. 126, 186
 Гаррис Д. 282
 Гверчино (Барбери, Д.-Ф.), итал. живописец 224
 Гевелий Ян, польск. астроном 194
 Гедеон Вишневецкий 140
 Гейн Я., де 193
 Гендель Г.-Ф. 137
 Гензнус Д. 217
 Георгий, св. 148
 Георгий Дашков 73
 Георгий Победоносец 202
 Герасим, домовый эконоом Феодана Прокоповича 126
 Геркулес, греч. миф. 89, 187, 199—202, 206, 213, 218, 264, 276
 Геродот, греч. историк 235
 Герцен А. И. 339—342
 Герье В. И. 14
 Гехтман Г. Н. 289
 Гзель (Ксель) Г. 195
 Гизель см. Иннокентий (Гизель), архимандрит Киевский
 Гильтберт К. 5, 6, 13
 Глебов С. Б. 98
 Гови И., лекарь 126
 Гоголев В. 200
 Гозвинский Ф. 37, 38
 Голиаф, библ. 146, 147, 176, 200, 262
 Голиков И. И. 40, 91, 280
 Голикова Н. Б. 179, 181
 Голицын В. В. 121
 Голицын Д. М. 264, 315
 Головин Ф. А. 21, 82, 182, 299
 Головкин Г. И. 125, 250
 Голубев И. Ф. 119
 Гольбейн 13
 Гольциус Г. 193
 Голяховский Я. 267
 Гомер 89, 90, 127
 Гонзага, кардинал 214
 Горацій (Квинт Горацій Флакк), рим. поэт 128
 Горбунов И. Ф. 133
 Гордин Я. 342
 Гордон П. 179
 Горн Г. Р., швед. генерал 21, 170
 Горфункель А. Х. 194
 Граснан-и-Моралес Б. 222
 Грегори И.-Г. 233
 Греч А. Н. 195
 Греч Н. И. 149
 Григорий, справщик Печатного двора 119
 Григорий Богослов см. Григорий Назианзин
 Григорий Назианзин 120
 Григорьев Я. 179
 Грот Я. К. 290
 Гроций (Гуго де Гроот) 8, 315
 Гуго Г. 225
 Гуковский Г. А. 228, 339, 340
 Гульст Э. фон дер, личный врач Петра I 298
 Гумбольдт А. 289, 290
 Гундулич И. 303
 Гурвич Т. 8
 Гуревич М. М. 40, 96, 194, 214, 288, 291, 306, 307, 318
 Гурчин Д. 306
 Гюбиева Г. Е. 135
 Гюбнер (Гибнер) И. 283, 284, 286, 288
 Гюйссен Г. фон 46, 125
 Давид, библ. 146, 147, 176, 200, 262, 273
 Давид, иудейский царь 117
 Давид И. 280
 Дамаскин, иеродиакон 117
 Даниил, игумен 130, 138
 Даниил, митрополит 101
 Данте А. 114, 203
 Декарт Р. 51
 Дембский Я. 317, 344
 Державин Г. Р. 73, 178
 Державина О. А. 343
 Джорджич Ст. 300
 Дивьер А. М. 331
 Димитрий Ростовский 118, 122, 126, 268, 304
 Димитрий Сеченов, архимандрит 337
 Диоген, греч. философ 115
 Добрушкин Е. М. 149, 150, 152—156, 165, 343
 Добрынин Н. К. («Пустосвят») 101
 Долгова С. Р. 296, 343
 Долгорукий В. В. 331
 Долгорукий М. В. 331
 Доманиевский И. 185
 Досифей, епископ ростовский 98
 Драйден Д., англ. писатель 5
 Дризен Н. В. 230, 247
 Дружинин В. Г. 314
 Дубянский Ф., священник 330
 Дюбуа, кардинал 40
 Дюжарден К. 192
 Дюрер А. 210
 Евгений, рим. папа 116
 Евреиннов А. 287
 Евфимий, инок 117, 119—123
 Евфросинья Федоровна, любовница царевича Алексея Петровича 93
 Езекия, библ. 261—264, 268

Екатерина, св. 76
Екатерина I, имп. 54, 68, 71, 72,
147, 251, 253, 254, 260, 261,
263, 267, 321, 322, 333, 336, 337
Екатерина II, имп. 5, 142, 317
Елагин И. П. 340
Елагин С. И. 197, 209, 212
Елеонская А. С. 101, 259, 261, 343
Елеонский С. Ф. 179
Елизавета Петровна, имп. 64, 68—
71, 99, 100, 147, 221, 232, 263,
297, 321, 322, 324—330, 331—
337, 344
Епифаний Славинецкий 117, 119—
121, 127
Еремин И. П. 53, 200, 256, 260
Еснпов Г. В. 94, 98, 111
Ефимова Е. М. 195
Жданов А. А. 338
Желябужский И. А. 27
Жуковский В. А. 257, 340, 341
Журовский Ф. 232, 255—258, 260,
266
Заборов П. Р. 245
Занден ван дер 298
Западов В. А. 342
Захария, священник, отец Иоанна
Крестителя (Предтечи) 114
Зевс, рим. миф. 115, 118, 192
Зеeman К. 130
Зизаний Лаврентий, протоиерей 37,
119
Зотов Н. М. 11, 23, 180
Зубов А. Ф. 202, 209
Иаков, ап. 113, 188
Иван Васильевич, сын вел. кн. Ва-
силья Дмитриевича 86
Иван IV Васильевич Грозный 82,
86, 101
Игнатий, св. католический 18
Игнатъев, полковник 169
Иероним Ларетус 225
Иисус Навин, библ. 177, 273
Иисус Христос 58, 60, 112, 114,
117, 120, 124, 126, 133, 140, 176,
192, 203
Илия, игумен 119
Илларнон, митрополит 176
Ильинский И. И. 313
Иннокентий (Гизель), архимандрит
Киевский 187
Иноходцев П. Б. 290
Иоаким, патриарх 11, 119—122
Иоанн Златоуст 117
Иоанн Предтеча (Креститель), библ.
114

Иоанн V Алексеевич, брат Петра I
181, 331
Иов, библ. 193
Иов, новгород. митрополит 123
Иосиф Туробойский 28, 262, 272
Ирина Михайловна, дочь царя Ми-
хаила Федоровича 119
Исаакий Хмариный, неромонах 259—
268
Исайя, пророк 114, 117, 262, 268
Иссерлин Е. М. 295
Иттигина Л. А. 247, 321, 326, 344
Иуда Искарот 87

Калачик А. Ф. 85
Калинин М. И. 141
Кальдерон де ла Барка 233
Камерарий И. 204, 206, 207, 209—
212, 214, 217, 223, 224
Кан А. С. 171
Кантемир А. Д. 36, 51, 78—80, 313,
324, 337
Кантемир Д. К. 313
Караджич Вук Ст. 300
Карамзин Н. М. 36, 342
Караулов Г. Э. 149
Карион Истомин 122, 200
Карл VI, имп. «Священной Римской
империи» 286
Карл XII, король шведский 42, 43,
53, 56, 87, 140, 143, 168, 170,
171, 173—177, 181, 201, 207,
262, 271, 273, 299
Карпов Ф. 314
Карраччи А. 224
Катиоро Антоний, аббат 100, 333
Катс Я. 217
Кафенгауз Б. Б. 34
Качич-Миошич А. 300
Кветицкий Ф. 326, 327
Квинт Курций Руф, рим. историк 89
Кеведо-и-Вильегас Ф. 222
Келлер Я. В. ван, голланд. резидент
в Москве 298
Кеттен И. М. 225
Кирилл Флоринский 336
Кист Геррит 299
Клавдиан К., рим. поэт 128
Климентов В. 221
Ключевский В. О. 8, 9, 134, 137,
138, 279, 281
Княжнин Я. П. 340, 341
Козловский В. 284, 285
Кологеров Ю. И. 198
Коменский Я. А. 282
Константин Великий, рим. имп. 143
Констанций, священник 330
Коперник Н. 291
Копиевич И. Ф. см. Копиевский И. Ф.

- Копиевский И. Ф. 37, 38, 125
 Корнелис Г. 197
 Корни И., де 198
 Корнилий 275
 Коробейников Т. 130
 Коровин Г. М. 92
 Корчмин В. Д. 29
 Котляревский, камер-лакей 330
 Кочеткова Н. Д. 50, 53, 57, 66, 67, 343
 Кочубей В. Л. 306
 Крекшин П. Н. 333
 Кременецкий И. 125
 Крестинин В. В. 339
 Кречатовский И. 285
 Крижанич Ю. 302
 Кристмас Д. 197
 Кролик Ф. 200, 222, 281—283, 285, 287
 Кромер М. 309
 Кронюрт, швед. генерал 28
 Ксаверий, св. католический 18
 Кузьмин А. Г. 150
 Кузьмин А. И. 38, 39, 168, 173, 174, 343
 Кузьмина В. Д. 189, 234, 244, 277, 322, 330, 335
 Кукулевич-Сакцинский И. 302, 303
 Кулакова Л. И. 61, 339—342
 Кун Г. 5, 6, 13
 Кунст И. см. Куншт И.-Х.
 Куншт И.-Х. 18, 21, 232, 233, 247
 Купецкий Я., чеш. живописец 280
 Куракин Б. И. 40, 130, 135—137
 Куракин Ф. А. 130
 Курбский Андрей Михайлович, кн. 86, 101
 Курций М. 226
 Кэгорн М., голланд. военный инженер 298
- Ла Кальпренед, Готье де Кост де, франц. писатель 17
 Ла Перьер 208
 Лавр, св. мученик 148
 Лаврентий Горка 304
 Лавровский А. Н. 141
 Лавровский П. А. 302, 303
 Лансере Н. Е. 198
 Лаппо-Данилевский А. С. 315
 Ларин Б. А. 292, 294
 Ларионов А. Л. 197
 Лебедев А. 148
 Лебрен Ш. 224
 Левенгаупт А.-Л., швед. генерал 45, 46, 83, 171, 172
 Левенгук А. 298
 Лейбниц В. 5, 13, 14
 Ленин В. И. 129, 130, 253, 289
- Леонид, архимаидрит 130
 Леопольд I, имп. «Священной Римской империи» 302
 Лермитаж, голланд. резидент в Англии 13
 Лермонтов М. Ю. 178
 Лессинг Г. Э. 31
 Лефорт Ф. Я. 18, 82, 180
 Лещинский С., воевода познанский, потом король польский 30
 Ли Н. 17
 Либертин Я. 281
 Липовский А. Л. 149
 Лихачев Д. С., акад. 10, 101, 130, 150, 166, 270, 272
 Лихачева О. П. 300
 Лихуды Иоаникий и Софроний 81, 119, 122
 Лок В. 5, 6
 Ломоносов М. В. 16, 22, 33, 52, 61, 63—76, 79, 80, 90, 92, 149, 178, 187, 201, 219, 221, 225, 232, 256—258, 264, 265, 308, 324, 326, 327, 332, 334, 337, 339
 Лопатинский Ф. 139—141, 143—145, 147, 174, 176, 225, 291
 Лопухина Евдокия Федоровна, первая жена Петра I 97, 98
 Лудольф Г. В. 292—294
 Лужный Р. В. 61, 304, 309—311, 344
 Лукичева Э. В. 289, 343
 Лукьянов П. М. 204
 Луппов С. П. 343
 Лурье Я. С. 150, 165
 Львов Н. А. 340
 Любимов С. И. 117
 Людовик XIV, франц. король 5, 137
 Ляскоронский С. 267
- Мавродин В. В. 290
 Магницкий Л. Ф. 183, 314
 Магр А. 282
 Мажуранич А. 302
 Мазепа И. С. 83, 87, 173, 177, 181, 266, 306—308
 Майков Л. Н. 115, 126, 198
 Макарий, антиохийский патриарх 125, 126
 Макаров А. В., кабинет-секретарь 29, 44, 88
 Маколей Т. В. 13
 Максенций, рим. имп. 143
 Максим Грек 314
 Максимилиан III, имп. «Священной Римской империи» 210
 Малейн А. И. 316
 Мальцева И. М. 294
 Мамышев В., драгун 281

- Мандер К., фан 193
 Манштейн, генерал 330
 Мария, богородица 114, 132, 133, 140, 188
 Мария Алексеевна, сестра Петра I 98
 Марк, евангелист 132, 133
 Маркварт, швед. подполковник 21
 Маркушевич А. И. 216
 Марло К. 22
 Марс, рим. миф. 189, 191, 200, 206, 223, 251, 252, 254, 256, 257, 264, 267, 274—276
 Мартынов И. Ф. 139, 146, 343
 Марциан Капелла 224
 Масен (Масениус) Я. 184, 185
 Маслов С. И. 225
 Матвеев А. А. 130, 137
 Матрелли 333
 Мацуевич Ж. А. 198
 Медведев Сильвестр 101, 117, 119, 121—123, 186
 Меммиус И. 207
 Менестрерий см. Menestrier С. F.
 Менчетич Вл. 300
 Меншиков А. Д. 86, 87, 213, 299, 306
 Меншикова М. А. 263
 Николаев Андрей, торговый иноземец 10
 Миллер Г. Ф. 339
 Милюков П. Н. 322
 Миркович Г. 121
 Михаил Федорович Романов, царь 85, 86, 119
 Михайлов П. 197
 Михайловский 259, 267
 Михайловский Н. К. 48, 49
 Младяновский Ф. 60, 61, 66, 126
 Мозжухина Н. Н. 312, 321
 Моисеева Г. Н. 81, 86, 87, 178, 323, 329, 343
 Моисей, пророк 56, 114, 133, 204, 273
 Мольер Ж. Б. 17, 230, 233
 Монс В.-И. 128
 Морери Л. 283
 Морозов А. А. 22, 56, 184, 185, 188, 195, 201, 219, 277, 308, 332, 343
 Морозов П. О. 32, 51, 54, 60, 62, 63, 233, 270, 327
 Морштын Э. 185
 Морштын Я. А. 311
 Мосгейм И.-Л. 65
 Мотольская Д. К. 73
 Мошин В. А. 303
 Мудлер И. 215
 Мулич М. И. 299, 303, 344
 Муравьев М. Н. 340, 341
 Мурзанова М. Н. 85
 Мусин-Пушкин И. А. 81, 82, 91, 119, 141, 281, 282, 290—293
 Мусин-Пушкин П. И. 297, 331
 Мыльников А. С. 279—281, 286, 343
 Мыльникова Т. А. 286
 Мюллер Я. 223
 Наликин И. 85
 Нартов А. К. 126, 197, 333
 Нарышкина Наталья Кирилловна, мать Петра I, 11, 248
 Наседка Иван 119
 Наталья Алексеевна, сестра Петра I 22, 27, 325, 329
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 340
 Нептун, рим. миф. 190, 205, 223, 251, 252, 254, 256, 257
 Нерон, рим. имп. 19, 274
 Неронов И. 101
 Никита «Пустосвят» см. Добрынин Н. К.
 Никифор, митрополит 156
 Никлас, корабельный плотник 11
 Николаева М. В. 93, 99, 104, 106, 107, 109, 343
 Николай-Чудотворец 148
 Николіни, певец 137
 Никон, патриарх 117, 125
 Нильсон Нильс Оке 186
 Новиков Н. И. 79, 182
 Норрис, англ. адмирал 40
 Носов 326
 Ньютон И. 6, 290
 Овидий 311, 312
 Одровонж-Мигалевич 327
 Оришин А. Д. 342
 Орлик Ф. 306, 307
 Орлов А. С. 316
 Орновский Я. 306, 307
 Орфелин Э. 203
 Оснер К. 201
 Остерман А. И. 297
 Оффелен Г. 205, 216
 Павел, ап. 11, 58, 113, 117, 148, 188
 Павел, александрийский архидиакон 125, 126
 Паисий 181
 Паисий Лигарид 119
 Палмотич Дж. 300
 Панин П. И. 330
 Панченко А. М. 112, 114, 115, 117, 187, 343
 Паррavicини 216

- Пекарский П. П. 28, 29, 34—41, 96, 98, 125, 130, 134, 141, 144—147, 183, 215, 217, 222, 266, 279—284, 289, 306, 315
- Первошиков В. М. 66
- Перетц В. Н., акад. 128, 186, 238, 248, 259, 274
- Персей, греч. миф. 198, 201
- Перцович Ю. С. 283
- Петр, ап. 19, 58, 143, 148, 200, 264, 273, 275
- Петр I (Великий) 5, 7—25, 27—29, 31—36, 38—49, 51—56, 62, 63, 66—72, 74, 79, 81—83, 85—111, 118, 123—128, 130, 134, 135, 137—142, 144—147, 149, 168, 170—177, 179—183, 189—192, 195—205, 207—209, 213, 219—224, 230—233, 238, 242, 248, 250—268, 271, 273, 276, 279—284, 287—293, 296—300, 302, 304—306, 312, 315, 317, 318, 320—325, 327, 330—338, 344
- Петр II, Алексеевич, имп. 68, 69, 97, 99, 259, 263—265, 267, 322
- Петр Петрович, сын Петра I 72, 111, 288
- Петрарка Ф. 114
- Петров И. П. 321
- Петров Л. А. 51
- Петров Н. И. 60, 61
- Пештич С. Л. 43, 44, 47, 84, 88, 150, 338, 339
- Пигарев К. В. 28, 29
- Пизано А., итальян. медальер 214
- Пикарт П., гравер 223
- Пино Н. 198, 218
- Писарев С. И., обер-секретарь Синода, 100, 333
- Питирим, патриарх 119
- Пифагор 115
- Пичинелли Ф. 225
- Платон 113, 115
- Платонова Н. Н. 115
- Планний Старший 203, 214
- Погодин М. П. 94, 102, 111
- Погорелов В. 169, 171
- Подъяпольская Е. П. 296, 343
- Позднеев А. В. 128, 200, 263, 276
- Покровский М. М. 46
- Полевой П. Н. 149
- Поликарп, игумен печерский 158
- Поликарпов-Орлов Ф. П. 37, 81—92, 125, 281, 289—296, 314, 315, 343
- Полоцкий С. Е. 112—117, 119—121, 123, 126, 127, 265, 269, 304
- Поль Г.-К. 14, 298
- Понтано Д. 185, 268
- Попов Н. А. 334
- Порфирьев И. Я. 149
- Посошков И. Т. 34, 181, 182
- Почетная В. В. 331—333, 336, 337, 344
- Предтеченский А. В. 170, 172
- Прислаков М. Д. 338
- Прокофьев Н. И. 129, 131, 343
- Пташницкий С. Л. 215
- Птоломей Клавдий 291
- Пумпянский Л. В. 78, 79
- Пуфендорф С. 8, 313
- Пушкин А. С. 90, 149, 177, 333, 341
- Пушкин В. Л. 340
- Пфафф Х. 224
- Пыпин А. Н. 134—136, 149, 166, 292
- Рагузинский С. Л. см. Владиславич-Рагузинский С. Л.
- Радзивил Н. 85
- Радищев А. Н. 337, 341, 342
- Расин Ж. 241, 248
- Раскин А. Г. 200
- Растрелли Б. К. (Старший) 200, 223, 333
- Ратценкramer 201
- Резанов В. И. 186, 268
- Рейсер С. А. 40
- Рейснер Н. 203
- Рейсс (Рюйш) Ф. 195, 196, 298, 299
- Рен, швед. полковник 21
- Реньяр Ж. Ф. 230
- Рибера Б. 50
- Рипа Ц. 223, 224, 226
- Риттер-Витезович П. 299, 302—304
- Ровинский Д. А. 179, 193, 200, 202, 209, 213
- Рогожин 181
- Родышевский М. 73
- Роен Тетье, клоун 17
- Розенколлер К. 286
- Роксана, первая жена Александра Македонского 17
- Роллен Ш. 315
- Ромодановский Ф. Ю. кн. 12, 171, 180, 181
- Россинский Н. 148
- Ростовцев А. 213
- Ротар И. 120
- Русский Н. В. 130
- Русанова О. К. 253
- Рыбенко, солдат 179
- Рысс Е. Б. 92
- Рычков П. И. 339
- Рюрик (Рурик) 86
- Сааведра Фахардо Д., де 207, 208, 211—213, 217, 221, 222, 224, 225

- Сазонова Л. И. 150, 153, 167
Салтанов Иван (точнее Салтанов Богдан, он же Иевлев Иван), живописец Оружейной палаты 10
Салтыков Ф. С. 174
Самарин Ю. Ф. 51, 52, 113, 116, 123, 176
Самбукус И. 225, 226
Самецкий М. 130
Самойлович И., украинский гетман 87
Самсон, библ. 176, 200, 273
Самуил, пророк 114
Сарбевский М. К. 127, 128
Сваненбург 196
Свионтковская-Воронова Л. И. 220
Себастьян а Матре Ден, кармелит 185, 225
Себастьян Коваррубнас Орозко 205, 206
Селяев Ф. 197
Сервантес Сааведра М. 214
Сериньи, франц. актер 230
Серман И. З. 5, 8, 19, 33, 35, 40, 41, 44, 47, 64, 68, 71, 72, 308, 343
Сидоров А. А. 199
Симон К. Р. 224
Симони П. И. 315
Симсон П. Ф. 186, 187, 199
Сиповский В. В. 306
Скалигер Ю. Ц. 61, 113, 185
Сковорода Г. С. 221, 308
Смирнов А. А. 61
Смирнов Н. А. 187
Собакин М. Г. 337
Соболевский А. И. 222, 289
Соболь С. Л. 298, 299
Соймонов Ф. И. 297
Соколов А. Н. 61
Соколов М. И. 251, 255
Соловьев С. М. 102, 103, 331, 336
Сопиков В. С. 305
Сорокин Ю. С. 35, 36, 315
Софья Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича 11, 112, 119, 179, 181, 305
Спафарий Н., переводчик Посольского приказа 119, 125
Сперандио, итальянский медальер 214
Сперанский М. Н. 131
Срезневский В. И. 334
Срезневский И. И. 294
Статира, вторая жена Александра Македонского 17
Стейльс А., англ. купец 39
Стеник Ю. В. 227, 343
Стефан Яворский 18, 19, 27, 32, 33, 51—57, 66, 75, 113, 116—118, 123, 124, 126, 174, 175, 177, 187, 188, 204, 225, 276, 304, 307—312
Столетов Е. 128
Страленберг Н. 283
Стрешнев Т. Н. 180
Струве О. В. 290
Стрыйковский М. О. 309
Субботин Н. С. 122
Суворов М. Т. 281—283, 285—287
Сумароков А. П. 65, 66, 76—80, 227—231, 235, 239—249, 256, 334, 337
Сумцов Н. Ф. 186
Сухомлинов М. И. 78
Схелттема И., голланд. историк конца XVIII—начала XIX в. 17, 217, 298
Сырку П. А. 299
Талицкий Г. 179
Тарковский Р. Б. 37
Татищев В. Н. 51, 85, 92, 149—157, 159—167, 283, 294, 314, 316, 317, 333, 338, 339
Теплов Г. Н. 195
Терновский В. И. 195
Тессинг Я. 14, 194, 298
Тетцнер Й. 51, 55, 56
Тихонравов Н. С. 20, 119, 164, 177, 189, 202, 270, 271, 273—277
Толстой А. Н. 170, 299
Толстой П. А. 97, 130, 132, 135—137
Торнеус М. И. 195
ТрEDIAKовский В. К. 128, 219, 240, 248, 256, 257, 266, 315, 324, 328, 337
Трескавиц Лука, иеромонах 299
Трофимович Ф. 267
Туманский Ф. В. 208
Тургенев И. С. 221
Турунтаевский 253
Тынянов Ю. Н. 73, 74, 76
Тюрени, Анри де ла Тур д'Овернь, маршал 64, 197, 198
Украинцев Е. И., думной дьяк Посольского приказа 82, 211
Урбанович В. 196
Успенский А. И. 12
Устрялов Н. Г. 14, 43, 94, 98, 100, 102, 104
Фассаио Р. 326
Фазтон, греч. миф. 173, 197, 201, 208
Федор, дьякон 121
Федор Алексеевич, царь 5, 81, 109, 112, 117, 119, 126, 305

- Фей Д., де ла 205, 207, 213, 215—217, 219, 225
- Фельгабер, пастор 119
- Фенелон Ф. 222
- Феофан Прокопович 7, 8, 32—34, 44, 50—80, 88, 116, 123, 124, 126—128, 174—178, 183, 187, 200, 201, 222—224, 256, 260, 261, 265, 304, 306, 313, 314, 336
- Феофилакт, иеромонах 255
- Финдейзен О. Н. 201
- Фисшер Р. 217
- Фишер К. 13
- Флешье Э., франц. проповедник 64
- Флор, св. мученик 148
- Флоровский А. В. 279—287
- Фонвизин Д. И. 341
- Фридрих II, король прусский 5
- Фриш И. 283
- Фюрст А. 21, 233, 247
- Хейбертс К. 195
- Хейден Я., фан дер 205
- Херасков М. М. 340
- Хеттон Р. М. 171
- Хогарт В. 15
- Хрущов А. Ф. 297
- Хюттль-Ворт Г. 317
- Цинкграф Ю. 207, 210, 217
- Цицерон М. Т. 65
- Чейхан В. 282
- Чижевский Д. 221
- Чиконьич Я. 233
- Чистович И. А. 56, 73, 124, 126
- Чичерин Б. Н. 8
- Шагиння М. С. 298
- Шарлотта Христина София, пр. Брауншвейг-Вольфенбюттельская, жена царевича Алексея Петровича 110
- Шафиров П. П. 44, 52, 53, 57, 84, 88, 127, 140, 174
- Шевелин (Шевель) И. В. см. Наседка Иван
- Шени А. С. 174
- Шекспир В. 249
- Шереметев Б. П. 45, 83, 84, 86, 87, 130, 137, 320, 321
- Шимонек А. 286, 287
- Ширяев М. И. 142
- Шишков А. С. 340
- Шлиппенбах, швед. генерал 20, 21
- Шлютер А. 198
- Шляпкин И. А. 22, 27, 122, 329
- Шмурло Е. Ф. 332
- Штейнбок, швед. фельдмаршал 84
- Штелли Я. 195, 337
- Шторм Г. П. 341
- Шубин А. Н. 331
- Шувалов И. И. 92
- Шумахер И.-Д., советник канцелярии Академии наук 127, 333
- Шхонебек (Схонебек) А. 29, 199, 205—207
- Щеглова С. А. 189, 247, 253—255, 258, 322—327
- Щербатов М. М. 339
- Щербачев Ю. Н. 204
- Щукин П. И. 220
- Эдинг Б., фон 221
- Эзоп 30, 36—38, 198
- Элиан Клавдий, греч. писатель и ритор 203
- Эмилиан Ф.-И. 18, 19
- Эпикур 118
- д'Эсте Л. 214
- Эстрейхер К. 306, 307
- Юлий Цезарь 45, 46
- Юль Юст, дат. посланник в России 204, 207, 208, 220
- Юнкер Г.-Ф.-В. 337
- Юпитер, рим. миф. 206, 213
- Ягужинский П. И. 280
- Янсен Ян (Яган), голланд. матрос и корабельный мастер 11
- Яцимирский А. И. 181
- Alciati A. см. Альциато А.
- Amort C. 280
- Anderson R. Ch. 196
- Bandmann G. 193
- Bergström I. 193
- Bialostocki J. 193
- Bol Laurens L. 193
- Boria J., de см. Бория И.
- Botsaccus J. 225
- Bruck J. см. Брук Я.
- Camerarius J. см. Камерарий И.
- Chastel A. 196
- Chojecka E. 225
- Curtius E. R. 113
- Domaniewski J. см. Доманиевский И.
- Ettlinger L. D. 224
- Frankenstein M. F. 284
- Grasshoff H. 55, 341

Günther S. 289

Heckscher W. S. 185

Henckel A. 185

Hill G. F. 214

Hofman G. 198

Hoffmann P. 342

Hüttl-Worth G. см. Хюттль-Ворт Г.

Isselburg P. 211

Janson Horst W. 192

Jirasek J. 282

Jongh E., de 193

Karpowicz M. 224

Ketten J. M., van der см. Кеттен И. М.

Knipping B. 192, 193

La Feuille D., de см. Фей Д., де ла

La Perriere G. см. Ла Перьер

Lachman Y. 219

Lausberg H. 114

Lejsková-Matujášova M. 222

Loon G., van 299

Lužny R. V. см. Лужный Р. В.

Mandovsky E. 224

Marcian Capella см. Марциан Капелла

Masenius J. см. Масен (Масениус) Я.

Menestrier C. F. 224

Möller L. 196

Morsztyn Z. см. Морштын Э.

Mrazek W. 210

Nilsson Nils Åke см. Нильсон Нильс
Оке

Nolte H.-H. 52

Offelen H. см. Оффелен Г.

Павић М. 203

Pelc J. 185

Picinelius P. см. Пичинелли Ф.

Pigler A. 193

Przyrkowski J. 195

Réau L. 203

Ripa C. см. Рипа Ц.

Romola A. 196

Ruysch F., van см. Рейсс (Рюйш) Ф.

Sambucus J. см. Самбукус И.

Scheltema J. см. Схельтема И.

Schöne A. 185.

Sebastian Covarrubias Orozco см. Се-
бастьян Коваррубиаз Орозко

Sebastian a Matre Dei см. Себастьян
а Матре Деи

Stechow W. 193

Szmydtowa Z. 113

Tapie V.-L. 28

Tetzner J. см. Тетцнер Й.

Tiemann H. 198

Timm W. 196

Travarent G., de 203, 210

Vávra I. 279

Verrien N. см. Верьен Н.

Volavková H. 224

Winter E. 51, 55

Wirth K. A. 185

Zincgref J. W. Цинкгреф Ю.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
<i>Статьи</i>	
И. Э. Серман. Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I	5
Н. Д. Кочеткова. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма	50
Г. Н. Моисеева. «История России» Федора Поликарпова как памятник литературы	81
М. В. Николаева. «Тестамент» Петра I царевичу Алексею	93
А. М. Панченко. О смене писательского типа в петровскую эпоху	112
Н. И. Прокофьев. О традициях и новаторстве путевых записок петровского времени	129
И. Ф. Мартынов. Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой»	139
Е. М. Добрушкин. К изучению творчества В. Н. Татищева как писателя русской истории (древнерусский «Обычай» в «Истории Российской»)	149
А. И. Кузьмин. Военная тема в литературе петровского времени	168
А. А. Морозов. Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени	184
Ю. В. Стенник. Драматургия петровской эпохи и первые трагедии Сумарокова (к постановке вопроса)	227
О. А. Державина. Пьеса 20-х годов XVIII в. «Слава печальная» и литература этого периода	250
А. С. Елеонская. Посмертный панегирик Петру I в стенах Славяно-греко-латинской академии	259
Г. С. Баранков. Пьесы Славяно-греко-латинской академии о Северной войне (о некоторых художественных особенностях)	270
<i>Материалы и сообщения</i>	
А. С. Мыльников. Русские переводчики в Праге. 1716—1721 гг.	279
Э. В. Лукичева. Федор Поликарпов — переводчик «Географии генеральной» Бернарда Варения	289
С. Р. Долгова и Е. П. Подъяпольская. Неизвестные стихи на смерть Петра I	296
	353

М. Мулич. Два рукописных стихотворных произведения южных славян, посвященных Петру I	299
Р. Лужный. Издания на польском языке в литературе эпохи Петра I	304
А. А. Алексеев. Из истории общественно-политической лексики петровской эпохи	313
Я. Дембский. Издания петровского времени в библиотеках Польши	317
Л. А. Итигина. К вопросу о репертуаре оппозиционного театра Елизаветы Петровны в 1730-е годы	321
В. В. Почетная. Петровская тема в ораторской прозе начала 1740-х годов	331
Некрологи	338
Указатель имен	343
